

Христиан Хабихт

АФИНЫ

История города
в эллинистическую эпоху

Научно-Издательский Центр «Ладомир» • Москва

Подготовка к изданию и перевод

Ю. Г. Виноградова

Послесловие

И. С. Свенцицкой

Оформление

А. Г. Серебрянникова

- © С. Н. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München, 1995.
- © Ю. Г. Виноградов. Перевод, 1999.
- © И. С. Свенцицкая. Послесловие, 1999.
- © А. Г. Серебрянников. Оформление, 1999.
- © Научно-издательский центр «Ладомир», 1999.

ISBN 5-86218-339-6

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

Книга видного историка и эпиграфиста, эмеритированного профессора Института развития исследований (Принстон, США), заслуженного мастера текстологического анализа источников Христиана Хабихта по праву может быть признана замечательным научным экспериментом. Выход такой книги вот уже более восьмидесяти лет ожидался не только мировой наукой, но и широкими кругами интеллектуалов. Перед нами итог тридцатилетней плодотворной научной деятельности крупного ученого, в котором он опирается на отточенно-исследованные и непременно цитируемые нарративные и эпиграфические документы. В поле зрения автора постоянно находятся нумизматические, археологические и другие художественные памятники. При этом Х. Хабихту удалось сделать свой труд доступным образованному читателю, ищущему знаний, ни разу не опускаясь до банальной популяризации.

Соответствующий этому широкому замыслу литературный стиль изложения разнообразных событий, проблем, концепций и персональных характеристик действующих лиц эллинистической истории уготовил известные трудности переводчику, стремившемуся по мере сил сохранить нарративный колорит книги средствами русского языка. Самобытность авторской стилистики была соблюдена и в системе ссылочного аппарата, рядом деталей отличающегося от принятой в нашей литературе.

Принадлежа к достойному цеху ярко заявивших о себе историков, профессор Хабихт не замыкается одними рамками событийно-политической истории Афин и того разномастного эллинистического мира, в центре коего город веками удерживал достойные его позиции. Напротив, избранные главы и разделы их посвящают он духовной жизни протагониста Эллады, критически оценивая творчество космополитичной плеяды неистоимых мыслью философов, новаторов-драматургов, обогативших классический греческий театр Новой комедией, дружной гильдии праздничных артистов Диониса, самобытных ваятелей и живописцев, наконец, прозаических бытописателей и пытливых историков, излагавших свое видение славного прошлого и сумеречного настоящего Афин, как и всей греческой ойкумены, задолго уловивших, среди прочего, наползающую грозную тень будущего владыки вселенной — Рима.

Один замечательный историк — вовсе «не бесстрастный регистратор или отрезанный от жизни антиквар» — однажды такими словами метко выразил свое отношение к античности: «В истории, как известно, многое повторяется. Но повторяется всегда по-разному. Потому история, к сожалению, далеко не всегда учит нас предотвращать нежелательные явления, жестокие и драматические со-

бытия, а тем более — ошибки, но зато она способна дать нам суровое удовлетворение: все такие события и все ошибки... уже не раз совершались и не раз искупались горьким опытом человечества» (*Утченко С. А. Древний Рим. События, люди, идеи. М., 1969, с. 6*). Оценивая в этом ключе достоинства книги Хр. Хабихта, нельзя не подчеркнуть ее гуманистическую актуальность. Буквально бросается это в глаза при ознакомлении с биографиями выдающихся политических деятелей древности: какими благими устремлениями начинали они свою карьеру, как трансформировалась она — часто не в лучшую сторону — с течением времени и как зачастую печально завершали они избранное ими поприще. В ярком контрасте с политиками и политиками находятся греческие философы — интеллектуальная элита эллинистических Афин, гордо отвергавшая заслуженные предложения принять афинское подданство, принципиально отстаивавшая свой академический суверенитет и духовную независимость от посягательств со стороны властей предрежащих, а потому постоянно излучавшая духовный магнетизм для жаждавшего образования юношества, даже державного победителя греческих городов — Рима. Наконец, нельзя не признать актуальными, особенно в наше непростое время, тонкие рассуждения автора о подлинной демократии — не по имени, но по сути своей. Все это дает право согласиться с заключительной фразой автора о том, что заветы Афин животворны в наши дни, и вселяет уверенность в то, что и в России его книга обретет своего истинно культурного читателя.

Ю. Г. Виноградов

Предисловие

Этой книгой я подвожу итог многолетним занятиям историей Афин в эллинистическую эпоху. Предварительная работа вылилась в издание двух книг: *Untersuchungen* (1979) и *Studien* (1982), а также в серию из 30 статей, которые теперь сведены в одном томе: *Athen in hellenistischer Zeit. Gesammelte Aufsätze*. München, 1994. Эти предварительные исследования, адресованные ученому миру, позволили избавить настоящее изложение от некоторых подробностей и сделать его — надеюсь — более читабельным.

Благодаря богатым находкам надписей и монет мы стали лучше осведомлены, по сравнению с предыдущим столетием, об отдельных сторонах общественной жизни города в эпоху эллинизма. С другой стороны, не везде можно дать связное повествование о происшедших событиях, поскольку состояние источников не равноценно, а для некоторых периодов их просто недостаточно.

Главы этой книги освещают на примере Афин стремление греческих городов эллинистической эпохи самоутвердиться в том мире, который претерпел разительные перемены в связи с выступлением на авансцену великих держав. При этом успехи и тяжелые поражения, периоды независимости и несвободы сменяли друг друга. Подобно другим городам, не подвергшимся, как Коринф, физическому уничтожению со стороны одной из этих сверхдержав, Афины сумели утвердить себя как жизнеспособный организм, как бы ни был велик ущерб собственной политической власти, который пришлось пережить городу. Что самого лучшего означал он для тех, кто одолел его политически, говорит Гораций в предпосланных этой книге словах.

Моя благодарность адресуется всем тем, кто оказал содействие моему начинанию присылкой своих работ либо устным обменом мнениями. Их число слишком значительно, чтобы можно было назвать здесь всех поименно. Рукопись, оформлением которой я обязан Юлии Бернхейм, завершена весной 1994 года, после чего были внесены лишь незначительные изменения и дополнения. Несовершенства, которые живо осознает и сам автор, должны быть отнесены лишь на его собственный счет.

Хр. Хабихт

Принстон, декабрь 1994

---

* Мне суждено было вырасти в Риме и там обучиться...

Дальше меня продвигали в искусствах блажие Афины.

Перев. Ю. Виноградова.

Введение

Более восьмидесяти лет прошло с момента выхода последнего изложения постклассической истории Афин в прекрасной книге Уильяма Скотта Фергюсона «Hellenistic Athens» (1911). С того времени стали известными многие новые источники, получены новые представления, так что новая разработка темы давно стала насущной потребностью. Между тем имеет свои причины и то, что она до сих пор не была представлена. Во-первых, преимущественное внимание исследователей было уделено V и IV вв., по сути, великой эпохе Афин: отражению персидского нашествия, созданию Афинской морской державы, культуре золотого века Перикла и зарождению демократии, а затем борьбе со Спартой за гегемонию в Греции. После катастрофы 404 г. внимание к себе приковывали новый подъем Афин, основание Второго Морского союза, дальнейшее развитие демократии и, наконец, конфликт с Филиппом Македонским. Поражения Афин в борьбе с македонянами в 338 и 322 гг. навсегда положили конец репутации Афин как великой державы. Для широких кругов как историков, так и любителей это означало одновременно и конец истории Афин — как будто бы достойная изучения история протекает только в кругу задающих тон политических сил, — почему тогда отвернулись от городов и обратились к монархиям.

Вторая причина меньшего внимания, уделяемого постклассическому периоду, заключается в том, что состояние источников не только гораздо хуже по сравнению с классической порой, но они практически необозримы. Тексты авторов почти полностью отсутствуют; имеющиеся источники — это чаще всего надписи лучшей или худшей сохранности. К счастью, их гораздо больше, чем для более ранних эпох, однако они рассеяны по бесчисленным публикациям и, поскольку не были рассчитаны на назидание потомкам, то и не могут быть прочтены и интерпретированы так, как полностью дошедшее и связанное нарративное повествование любого историка. Внесение поправок в источники по эллинистическому времени требует многих лет работы и уже потому не было завершено, что новые надписи по-

являются почти ежедневно и, таким образом, беспрерывно пополняют и подправляют полученную картину.

Лакуарность источников и зависимость их сохранности или утери от воли случая делают для протяженных отрезков времени невозможным познать даже в общих чертах ход истории Афин за три столетия от Александра Великого до Антония и Октавиана — всегда остаются значительные лакуны. К тому же как раз надписи часто позволяют, однако, более основательно углубиться в важные области государственного устройства. Многие сферы общественной жизни, в которой каждый взрослый гражданин мужского пола принимал активное участие, известны благодаря надписям лучше, чем для более ранних эпох, например, состав и деятельность Совета и его комиссий, организация больших празднеств с литературными и спортивными состязаниями, деятельность эфэбов или жизнь в гарнизонах Аттики. Самое неизгладимое впечатление, которое способно дать изучение надписей, остается от образцово самоуправляющейся общины. Даже если Аттика не всегда была суверенной, но во внешней политике часто следовала за Македонией, а позже за Римом, все же афиняне свои внутренние дела всегда решали сами, в образцовом порядке и при замечательной стабильности институтов власти. Так, например, очень подробный прескрипт постановления, фиксировавший наиболее важные даты каждого Народного собрания, в эпоху Августа выглядел точно так же, как и за три столетия до него, варьировались лишь имена и даты¹. Подобный континуитет в рамках одного хронологического периода, который для нашего времени восходит к Великому Курфюрсту, более чем простая формальность: он отражает волю граждан соблюсти сохранявшиеся процессуальные нормы — ежедневную смену председателя экклесии, ежемесячную смену рабочей комиссии Совета, ежегодную смену секретаря, ответственность вносившего предложение за свой проект, а президиума — за предложения, ставящиеся на голосование.

Разнообразные свидетельства об этом налаженном и последовательно соблюдавшемся государственном управлении сохранились, пройдя через более чем два тысячелетия, до наших дней. К ним относятся высеченные на камне списки всех пятисот членов Совета данного года² и другие, содержащие перечень всех пятидесяти булевтов от филы, ведавшей делами в течение около одного месяца в определенный год³. К этим свидетельствам относятся также сотни свинцовых табличек с

¹ Десяти строкам прескрипта декрета IG VII, 4253 от 331 г. точно соответствуют семь более длинных строк преамбулы псефизмы (SEG XXX, 930 от 19 г. до н. э.).

² В перечне 336/5 г. (Agora XV, 42) еще читаются почти все 250 имен пяти сохранившихся фил, в других списках — обширные части всех десяти (соответственно, начиная с 307 г. — двенадцати) фил (Agora XV, 43, 61, 62, 72).

³ Agora XV, 44, 85, 86, 89, 130, 137, 194, 206, 212, 214.

записями о ежегодно производимом Советом смотре кавалерийского корпуса и оценке каждой лошади¹. Для периода в 120 лет в нашем распоряжении имеются чеканившиеся плотными выпусками год за годом серебряные монеты «нового стиля» с ежегодно сменявшимися символами, именами обоих ответственных за эмиссию магистратов и указанием данного месяца чеканки². Следующие признаки этого континуитета состоят в том, что на протяжении более чем полутора столетий пост государственного глашатая был прерогативой членов одной-единственной фамилии³, а обе верховные жреческие должности гиерофанта и дадуха, обслуживавших элевсинский культ, столетиями замещались членами двух родов — Этеобутадов и, соответственно, Кериков⁴. В то время как афинские граждане часто приглашались для судебного разбирательства или улаживания споров иностранных государств, юстиция Афин никогда не получала предписаний пригласить к себе чужеземных арбитров, дабы обеспечить беспристрастность вердикта; в этом Афины, подобно другой крупной и образцово управлявшейся республике — Родосу, выгодно отличались от практически всех других греческих государств⁵. Оба этих полиса были настолько уверены в собственном политическом весе, что могли обойтись без прошений к великим деятелям Рима выступить в роли их патронов, то есть как представители их интересов в Сенате и в высшем римском обществе⁶.

Насколько благоупорядоченным было внутреннее государственное устройство, настолько бедственным было зачастую внешнеполитическое положение города. Властью царя Филиппа II большинство греческих государств попало в зависимость от превосходившей их военной мощью Македонской монархии. Возникновение новых монархий на землях империи Александра изменило тогда только то, что многим полисам в благоприятной, но нестабильной обстановке удавалось лавировать между соперничавшими друг с другом державами и таким образом на какое-то время возвращать себе свою независимость, как это посчастливилось сделать Афинам в 287 и 229 гг. Однако из числа греческих государств оставались независимыми на долгое время после смерти Александра только Родос и Этолийский союз. Афины находили постоянную опору вплоть до исхода III в. в лице Птолемеевской державы, однако ее поддержки не всегда было достаточно, чтобы обеспечить независимость города от Македонии.

¹ См. ниже, с. 160 сл.

² См. ниже, с. 240 сл.

³ *Meritt B. D., Traill J. S.* // *XV Agora*. — P. 14 — 15 (некоторые даты нуждаются в исправлении).

⁴ *Clinton, Officials*.

⁵ *Robert L., Xenion.* *Festschrift Pan. I* // *Zepos*. — 1973. — S. 765 — 782; особ. на с. 778 (=OMS 5, 137 — 154).

⁶ *Ferrary J.-L.*, *Rapports préliminaires du Xe Congrès Internationale d'épigraphie grecque et latine*. — Nîmes, 1992. — P. 80.

Крушение власти Птолемеев и новая угроза со стороны Македонии подвигли Афины в 200 г. обратиться за помощью к Риму. Это было роковым шагом, несмотря на тот факт, что Сенат уже до того, не думая при этом об Афинах, решился объявить войну македонскому царю. Ибо если римляне явились с войсками в Грецию даже не ради афинян, они могли все же потом сослаться на то, что пригласили их афиняне. Афины влед за тем так поспешно сделали ставку на политическую линию Рима, что уже скоро город стал на стороне римлян противостоять другим грекам¹⁰.

Отсюда нельзя не признать, что политика Афин начиная с конца III в. оппортунистически была нацелена на извлечение собственной выгоды. Еще в 60-е годы этого столетия город во главе коалиции в войне против македонского царя Антигона, отстаивая свои интересы, служил в то же время интересам и других греческих государств. Неудачный исход войны давал повод для размышления. Когда тридцать лет спустя освобождение 229 г. позволило снова проводить самостоятельную политику, ограниченность собственными интересами стала уже очевидной и вызвала порицание Полибия¹¹.

Проводя такой курс, афинское гражданство едва ли стяжало себе великую славу, но он был реалистичным и служил внешнему и внутреннему миру одновременно. С прекращением серьезных войн зарождалась надежда мужей-граждан на лучшую жизнь и повышался жизненный уровень всего населения Аттики.

Ничто не оправдывает встречающееся время от времени в литературе утверждение, что-де политическая активность граждан в эллинистическую эпоху снизилась. Это не что иное, как вывод из ложной посылки, будто бы с поражениями в войне против македонских армий истории Афин наступил конец. И после этих поражений попечение о правовой системе и общественных культах, снабжение города, финансовая система и все прочие отрасли управления оставались исключительно делом граждан, в периоды независимости добавим сюда и внешнюю политику; во всяком случае, этого достаточно, чтобы гарантировать регулярное участие граждан в решении тех задач, которые требовали выполнения. Каждый год проходило минимум 36 заседаний Народного собрания и ежедневные заседания Совета, за исключением более значительных праздничных дней. Пересматривавшийся ежегодно список присяжных содержал, как и прежде, имена шести тысяч граждан, из числа которых исключались подвизавшиеся в отдельных судах от случая к случаю лица, порой более полутора тысяч на один суд. Для принятия различных постановлений народа, среди них относительно частое дарование прав гражданства

---

¹⁰ Спартиату Набису, Этолийскому союзу, греческим союзникам царя Персея, Ахейской лиге.

¹¹ Polybios 5, 106, 6 – 8.

чужеземцам, требовалось присутствие шести тысяч лиц с правом голоса, и результаты исследования позволяют считать почти несомненным, что такой кворум набирался в большинстве заседаний безо всякого труда. Этот кворум символизирует единство граждан. Голосование по делам, коим это было предписано, происходило не обычным способом поднятия рук, но тайно, то есть опусканием в урну камешков¹².

На протяжении трех столетий эллинистической эпохи за городом продолжала сохраняться ведущая роль в области духовной и художественной культуры. Только на ниве вновь возникшей филологической науки, сделавшей предметом своих занятий труды классических авторов, критику и толкование текстов, его опередило сообщество ученых в Мусее, собранное вместе в Александрию птолемеевскими правителями, пока наконец в 145 г. правящий тогда царь не отправил в изгнание всех интеллектуалов оттуда и вообще из Египта. Однако попросту единственным в своем роде по уровню и разносторонности было в Афинах занятие философией с того момента, как в конце IV в. основанные Эпикуром и Зеноном школы стали состязаться за первенство с обеими старыми школами Платона и Аристотеля.

---

¹² *Gauthier Ph.*, *Quorum et participation civique dans les democraties grecques* // *Cahiers du Centre Glotz.* — 1990. — Vol. 1. — P. 73 — 99; об Афинах на p. 77 — 84.

И. С подветренной стороны македонской экспансии (338 – 323 гг.)

1. Ведущие политики

Поражение, которое потерпели афиняне и союзные с ними фиванцы летом 338 г. у Хероней в Беотии, уступив стратегическому таланту Филиппа II и боевой мощи его македонской фаланги, явилось для обоих государств болезненным кровопусканием и глубоким шоком. Однако дальнейшие судьбы тех и других совершенно разошлись. Фиванцы несколько лет спустя, поддавшись ложному известию о смерти юного македонского царя Александра, отважились поднять импровизированное восстание против водворенного у них чужеземного гарнизона и к осени 335 г. поплатились за это полным разрушением своего города. Ведущие политики Афин, напротив, вели себя гораздо осмотрительнее, невзирая на разногласия во мнениях. Они удержались, хотя и с большим трудом, от участия в фиванской авантюре, а спустя четыре года также и в восстании спартанского царя Агиса, подавленным наместником Александра в Европе Антипатром, разгромившим спартанцев при Мегалополе в Аркадии весной 330 г. Все эти пятнадцать лет Афинам сопутствовало и то, что еще при жизни Филиппа, начиная с 336 г., главный центр событий был удален с греческого материка и перенесен сначала в Малую Азию, а с 332 г. еще дальше на Восток. После фиванской катастрофы Греция как бы попала в своего рода полосу затишья, и лишь с возвращением Александра из Индии в 324 г. снова разразилась буря, которая после его внезапной смерти в июле 323 г. вовсе не поутихла, но продолжала свирепствовать и дальше.

А за те пятнадцать лет мира город, несмотря на возникавшие время от времени трения с Александром, Антипатром и матерью царя Олимпиадой, смог почти целиком и полностью отдать себя материальной реконструкции и моральной регенерации. Так удачно сошлось, что четыре выдающихся мужа — все в полном расцвете лет — взялись за выполнение именно этого задания с полной отдачей. Они были почти одного возраста: родились между 390 и 385 гг., достигнув к моменту битвы при Херонее пятидесяти. Это Ликург, Демосфен,

Демад и Гиперид — не только активные политики, но и все без исключения талантливые ораторы. Как бы ни различались они по характеру, темпераменту и политическим взглядам, все они были в первую очередь афинскими гражданами, патриотами, желавшими своему городу самого лучшего. Насколько часто держались они в политических вопросах различных мнений, сколь жестко могли иногда даже сражаться друг с другом в Народном собрании, дабы отстаивать свои позиции перед лицом множества граждан, настолько удалось им тем не менее в эти годы постоянно трудиться рука об руку, пока, наконец, угрожающие распоряжения, поступившие из военного лагеря Александра в 324 г., появление в июле того же года бежавшего от царя казначея Гарпала и смерть Ликурга примерно в то же время не положили одним ударом конец периоду спокойствия и единства четырех политиков. Из них только Ликург скончался естественной смертью, трое других стали жертвами политики: Демосфену и Гипериду был вынесен смертный приговор, который Демад по настоянию Антипатра провел в Народном собрании (322 г.), сам же Демад встретил смерть спустя три года при дворе того самого Антипатра, против которого, хоть он и был обязан ему своей властью над Афинами, составил заговор.)

Демосфен среди этих четырех мужей был самым известным: равным образом прославлен как непримиримый враг царя Филиппа и как наиболее выдающийся — по древним и современным оценкам — греческий оратор. Как политик, он многократно искал поддержки у далекого персидского царя против близкого македонского соседа, а персидское золото, предназначенное для греческого движения сопротивления Македонии, не раз проходило через его руки, и какая-то доля в них оседала. Личной заслугой Демосфена стало то, что в 338 г. он в последнюю минуту заполучил для союза в борьбе с Филиппом долгое время враждовавших с Афинами фиванцев, ради чего при Херонее он поставил на карту и свою жизнь. Но и после поражения сограждане держались его, судя по тому, что он, невзирая на заметное противодействие, был избран произнести надгробную речь в честь павших в этой войне¹. Критика в адрес его политики окончательно умолкла восемь лет спустя, когда Демосфен своей речью «О венке» защищался столь веско, что не только одолел перед судом своего многолетнего оппонента и тогдашнего обвинителя Эсхина, но унизил его настолько, что тот отправился в изгнание. Хотя и после Херонеи Демосфен по-прежнему был окружен большим уважением, не долго играл он ведущую роль, позволявшую ему ковать коалицию против царя Филиппа. Он должен был уступить эту роль

¹ Loraux N. L'invention d'Athènes. — 1981. — P. 125 — 127; автор подчеркивает пессимистический тон произнесенной речи, в которой нет и отзвука надежды на будущее. Ее принадлежность Демосфену спорна.

Демаду, которому сограждане стали обязаны миром с Филиппом, но прежде всего Ликургу, который тогда возвысился до господствующей в государстве фигуры и сохранял эту позицию вплоть до своей смерти, так что годы с 338-го по 324-й прямо так и называли Ликурговым веком.

Ликург был консервативным, глубоко религиозным человеком из знатной семьи, который через брак породнился с богатой фамилией Каллия из дема Баты². Вскоре после Херонеи ему был доверен пост верховного распорядителя финансами, и он занимал его в течение двенадцати лет, с 336-го по 324-й (скорее, чем с 338-го по 326-й). Четыре года подряд он исполнял эту должность непосредственно, затем — поскольку повторное занятие магистратуры не допускалось — в первый и два последующих должностных срока через подставных лиц. Ликург был административным и финансово-политическим гением. Он преумножил государственные доходы, используя одну их часть для укрепления обороноспособности города на суше и на море, другую — пустив на украшение городского облика солидными постройками, а третью — на увеличение запасов казны. Ему грезились государство, которое в экономическом, военном и моральном аспектах было бы достаточно крепким, чтобы снова стряхнуть с себя путы, сковывавшие его суверенитет. Без снисхождения он выступал перед судом против всех тех, кто не удовлетворял его жизненным меркам: против государственных должников, спекулянтов, пораженцев, конфисковывая их имущество, если им выносили приговор. Он заслужил репутацию настойчивого и жесткого, равно как и безупречного политика. В эти годы он создал предпосылки, которые позволили Афинам после смерти Александра противостоять македонской власти с расчетом на успех в войне.]

Демад являл собой, по существу, полную противоположность Ликургу. Происходя из обедневшей семьи, он как адвокат стал благодаря своему таланту оратора настолько зажиточным, что завоевал себе и политическое влияние. Из последнего он умел, как никто другой, даже лучше Демосфена, извлекать материальную выгоду, так что мог позволить себе содержать конюшню и привести одну упряжку к победе в Олимпиаде. Среди знаменитых ораторов он был, пожалуй, самым даровитым, во всяком случае, самым изворотливым, всегда выступал без подготовки и посему не оставил ни одной написанной речи. Его совесть открывала ему простор для действий более широкий, чем Ликургу или Гипериду позволяла их собственная, а потому Демад всегда был способен приноровиться к изменившемуся положению дел. Никто не умел, как он, изложить неожиданно воз-

² Надгробный холм этой семьи был недавно обнаружен в районе государственной усыпальницы (*Demosion Sema*) и подарил новые надписи по фамильной генеалогии (Horus. — 1987. — Vol. 5. — P. 31 — 44.)

никшую новую ситуацию самой лаконичной, самой подходящей и в то же время весьма красноречивой риторической формулой. Прежние исследователи высыпали на голову Демада столько упреков, что не оставили на ней ни одного живого волоска.

Но даже если он чаще других заслуживал нареканий, за ним остаются все же и великие заслуги. Он не был македонофилом, «бродягой без роду и племени», что ему часто ставят в упрек. Он был, разумеется, готов скорее других найти общий язык с враждебной сверхдержавой либо спеться с нею, однако при Херонее он сражался в одном строю и как политик постоянно отстаивал в первую очередь интересы Афин. Неоднократно он помогал своему отечеству добиться мира (в 338 г. как военнопленный у Филиппа и в 322 г.) или сохранить мир (335 и 331 гг.). Пятном на его имени остается решение внести предложение о (немедленном) объявлении вне закона Демосфена и Гиперида.

Гиперид происходил из зажиточной семьи, был до мозга костей светским человеком и как таковой вкусил всех прелестей жизни. Неслучайно, что он защищал в суде Фрину — наряду с Аспасией знаменитейшую гетеру древности, — когда она за якобы совершенное святотатство была приговорена к смерти (согласно традиции, он добился ее оправдания тем, что приоткрыл присяжным обычно скрытый покровами уголок ее сверхъестественной красоты, во все времена считавшейся греками признаком божественности). В отличие от трех вышеназванных деятелей, которым он не уступал как оратор, Гиперид почти никогда не занимал государственных постов; однако в 338 г. он входил в Совет и потому не мог сражаться при Херонее. Тем не менее сограждане все время поручали ему трудные дипломатические миссии, и он постоянно с успехом оправдывал оказанное ему доверие. С Ликургом он делил славу личной безупречности. Демада он однажды обвинил в том, что тот внес предложение об оказании почестей человеку, который предал Филиппу свой родной город Олинф. В политическом и личном плане он близко стоял к Демосфену, пока их дружба не рухнула из-за коррупционной аферы казначея Гарпала, предавшего Александра, и пока Гиперид не выступил как один из обвинителей Демосфена, поскольку тот якобы получил от Гарпала взятку в двадцать талантов. Демосфен был осужден и ушел в изгнание. Только национальный протест, всколыхнувший Афины после смерти Александра, вернул его назад и свел бывших друзей вместе. Как Демосфен в 338 г. держал речь в честь павших за свободу, так и Гиперид был выбран в 323 г. народом произнести надгробное слово в честь стратега Леосфена и воинов, павших в первые месяцы Ламийской войны. Эта речь — лебединая песнь афинского величия — сохранилась в значительной части.

На полпоколения опережал этих четырех по возрасту Фокион, муж консервативного склада, который учился у Платона в Академии.

и был — в отличие от всех вышеназванных — на протяжении своей долгой карьеры прежде всего полководцем. Он обучался военному ремеслу у одного из самых выдающихся стратегов — Хабрия и избирался афинянами на должность командующего не менее 45 раз. Характерным для него была осмотрительная, рассчитанная на избежание потерь тактика ведения войны. Славу он приобрел прежде всего в трех походах на Эвбею в 349, 348 и 341 гг. и при обороне в 340 г. города Византия от царя Филиппа. Его карьера обеспечила ему и политический вес, который он, в соответствии со складом характера, употребил на смягчение народных страданий, особенно в своих усилиях разрешить конфликты со сверхдержавой Македонией мирным путем. Так, в споре Демосфена с Эсхином по поводу так называемого ложного посольства в 343/2 г. он вступился за последнего. Александр Великий ценил его высоко, Плутарх удостоил его сочинением биографии. Фокион был неподкупен и никогда не боялся подавать согражданам нелицеприятные советы и говорить горькую правду. В возрасте восьмидесяти лет обстоятельства привели его на вершину государственной власти, но чуть позже, в лихолетье эпохи диадохов, его постигла роковая участь, когда он явно стал действовать вопреки воле народа.

2. Мир под угрозой

Когда летняя ночь опустилась на поле битвы при Херонее, она окутала вместе с другими павшими и тысячу афинян³. Еще две тысячи попали в руки Филиппа как военнопленные. Потери были велики для государства, которое максимально насчитывало тридцать тысяч взрослого мужского гражданского населения, включая стариков и недееспособных. Настолько велик был урон, настолько ошеломляющим был шок от поражения, что Афины стали немедленно вооружаться и энергично готовиться к защите города. В первую очередь бросились укреплять оборонительные сооружения, на которые пошли даже частные надгробные камни, снятые с кладбища в Керамике⁴. Для каждой из десяти фил был выделен свой строительный участок в оборонительной линии, и сумма в десять талантов; одним из десяти начальников оборонных работ стал Демосфен от своей филы Пандиониды. В последующие годы эти работы были продолжены в

³ На общественном кладбище им было воздвигнуто коллективное надгробие *Polyandreion* (Pausanias I, 29, 13). От сочиненной тогда же в их честь стихотворной эпитафии сохранился один эпиграфический фрагмент (GV I — P. 27), полный же текст дошел до нас в *Anthologia Palatina* (7, 245). Недавно стала известна особая эпитаграмма в честь одного павшего гражданина (Hors — 1985. — Vol. 3. — P. 132 — 133).

⁴ *Lykurg*, *Leokr.* 43. D. Ohly // AA. — 1965. — Vol. 80. — P. 341 — 343.

еще более широких масштабах⁵. Как член Совета, Гиперид выдвинул предложение даровать осевшим в городе чужеземцам право гражданства, а боеспособным и готовым участвовать в бою рабам свободу и вооружить все пятьсот членов Совета⁶. Эти проекты провалились, натолкнувшись на отвод, указывавший на их противозаконность. Верный своей традиции город предоставил убежище всем союзникам, бежавшим с родины, особенно гражданам из Фив, Аккарнании и острова Эвбея. Афинский флот был цел и невредим, оставаясь и впредь грозным оружием.

Перед лицом подобной решимости Филипп оказался достаточно умен, чтобы не развязывать дальнейших враждебных действий, но искать мира с Афинами путем компромиссов. При этом посредником стал Демад, который, как и Демосфен, принимал участие в сражении, но, в отличие от него, был захвачен в плен. Он обратил на себя внимание царя, упоенного победой и красовавшегося ею перед пленниками, своим прямодушным высказыванием, что, мол, тот, коему выпала на долю роль Агамемнона, выступает на сцене как Терсит. Филипп, почувствовавший себя задетым, повелел тут же освободить Демада и воспользовался его услугами посредника для достижения мира.

Царь оставил за Афинами полную автономию в решении внутренних вопросов, однако обязал город распустить Морской союз и стать членом планировавшейся Филиппом Эллинской лиги, лишив его тем самым политической свободы действий. Афиняне уступили царю свои владения в Северной Эгее, компенсируя, правда, эту потерю приобретением Оропа на аттическо-беотийской границе — Филипп отобрал этот город с его территорией и святилищем Амфиарая у Беотии и передал его Афинам⁷. В афинском владении оставались острова Саламин, Делос и Самос, с 365/4 г. заселенный аттическими гражданами, а также Лемнос⁸, Имброс и Скирос⁹. Все пленные были отпущены на свободу без выкупа и сопровождаемы Филипповым сыном Александром в Афины. Сам царь, его сын и некоторые выдающиеся их соратники были вслед за тем осыпаны почестями.

Следующей зимой 338/7 г. в Коринфе, куда Филипп созвал делегатов от всех греческих государств, при отсутствии игнорировавшей приглашение Спарты, был заключен всеобщий мир. За ним последо-

⁵ Maier, *Mauerbauinschriften*. — Vol. 1. — P. 36 — 48.

⁶ Lykurg, *Leokr*, P. 36 — 37.

⁷ [Demades] Ὑπερ τῆς δωδεκαετίας 9 (согласно этому пассажи — по распоряжению Филиппа). Д. Кнѣпфлер, напротив, выступает за то, что Ороп лишь после разгрома Фив в 335 г., т. е. уже Александром, был передан Афинам (Aristote et Athènes / Ed. M. Piérart. — Paris, 1993. — P. 295 — 296).

⁸ Hesperia. — 1940. — Vol. 9. — P. 325, № 35.

⁹ *Athpol*. 62, 2.

вало основание Эллинской лиги. Все ставшие ее членами государства направили своих представителей в законодательный орган — союзный Совет (Synhedrion). Филипп стал главнокомандующим союза (Hegemon) и в качестве такового имел право созывать заседания и вносить на них предложения. В Афинах были найдены фрагменты конституции этого союза¹⁰. Союзный Совет по предложению Филиппа постановил объявить всеобщую войну Персии, как будто это было стремлением всех членов союза, а не воплощением — как на самом деле — интересов одного Филиппа и идей Исократ. Многие греки предпочли бы заключить с персидским царем мир, направленный против Филиппа. Персидская империя давно уже не представляла собой угрозы для Греции и держалась больше не на своей мощи, а на силе большого числа греческих наемников, отработывавших как ландскнехты свой хлеб на службе у Великого царя, чего они не смогли найти у себя дома. Предстоящая война была преподнесена греческой общественности как отмщение за поход Ксеркса на Грецию в 480 г. Македонский авангард под началом стратегов Аттала и Пармениона вскорости высадился в Малой Азии и развернул боевые действия. Царь Филипп намечал взять ведение войны в свои собственные руки, но, прежде чем до этого дошло, он был убит в 336 г. в Эгах (Вергине), когда справлял свадьбу своей дочери Клеопатры с Александром, царем Эпира. Каковы бы ни были истинные причины покушения, их следует искать исключительно в македонских придворных кругах.

Война, начатая Филиппом и продолженная в 334 г. Александром, на двенадцать лет удалила Афины от горячей точки политических событий, но не в том смысле, что город стал совершенно безучастным к этой войне: он должен был поставить двадцать триер Александру флоту, возможно, и всадников в его войско, а в 333 г. при Иссе многие афинские граждане, служившие наемниками у Дария, попали в македонский плен. Оглядка на судьбу всех этих сограждан (заложниками тогда стали и экипажи судов) на многие годы определяла и ложилась тяжким бременем на отношения города с царем. С другой стороны, как Филипп в поздние годы царствования, так и Александр, за исключением последнего года жизни, воздерживались от вмешательства во внутренние дела Афин¹¹. Сведения о том, что Александр после взятия Суз якобы вернул афинянам уведенную у

¹⁰ StV. — P. 403, где сведены и комментируются все свидетельства литературных источников.

¹¹ Утверждение о том, что во времена Александра в Афинах был размещен македонский гарнизон для гарантии политического спокойствия, так же неверно, как и другое, что Антипатр якобы стал тогда «подлинным правителем Афин» и его дружба защитила жившего в городе Аристотеля (*During I. Aristoteles // RE-Suppl.* 11. — 1968. — Sp. 180).

них Ксерксом в 480 г. раннюю скульптурную группу тираноубийц, — вымышленная легенда¹².

Не все проявления политической деятельности афинских граждан в этот период поддаются однозначному объяснению. К самым загадочным относится закон, изданный по предложению Эвкрата весной 336 г. — спустя несколько месяцев после убийства Филиппа — и обнародованный в 1952 г. на Афинской агоре¹³. Призванный защищать демократию от поползновений тирании и олигархии низвергнуть ее, этот закон гарантировал безнаказанность любому, кто убьет попытавшегося совершить переворот или принявшего участие в подобной попытке. В таком приказном порядке формулировались прескрипты только более ранних времен. Далее следовали угрозы в адрес членов Совета старейшин (Ареопага) на случай, если они не воздержатся от какой-либо политической деятельности в момент свержения демократии. До сих пор не удалось удовлетворительно объяснить, почему гражданский коллектив приветствовал тогда возобновление старых защитных мер, то есть почему в тот момент возникли опасения относительно дальнейшего существования демократии и почему все-таки особое подозрение было направлено в сторону бывших архонтов, из которых и состоял Ареопаг — ведь этот орган не мог обладать репутацией ни промакедонского, ни антидемократического или просто непатриотического, а чуть позже, в 330 г., даже публично восхвалялся Ликургом¹⁴. Выдвинувший законодательный проект Эвкрат впоследствии (в 322 г.) распростился с жизнью вместе с Демосфеном и Гиперидом как враг македонян, и можно считать совершенно очевидным, что этот закон был элементом демократической идеологии, нашедшей именно тогда отчетливое официальное проявление в создании культа Демократии¹⁵.

Известие об убийстве царя Филиппа было встречено в Афинах с ликованием: по предложению Демосфена Совет постановил совершить благодарственное жертвоприношение, а народ — оказать посмертные почести лицу, совершившему покушение и казненному за свое преступление. Между тем в изъявлении своих чувств афиняне этим не довольствовались: они завязали контакты с другими греческими государствами, с представителями Персии и Атталом, одним из двух македонских полководцев в Малой Азии, который как будто

¹² Moggi M. // ASNP. — 1973. — P. 1 — 42; обстоятельный разбор этого деяния, которое разными древними авторами приписывалось различным царям.

¹³ Meritt B.D. // *Hesperia*. — 1952. — Vol. 21. — P. 355 — 359, №5; Ostwald M., *The Athenian Legislation against Tyranny and Subversion* // *TAPhA*. — 1955. — Vol. 86. — P. 103 — 128. См. теперь взвешенное толкование в кн. Wallace R.W. *The Areopagos Council to 307 B. C.* — Baltimore, 1989. — P. 179 — 184, и *Faraguna*, *Atene*. — P. 270 — 272.

¹⁴ *Lykurg*, *Leokr.* 12, 52.

¹⁵ *Raubitschek A.E.* *Demokratia* // *Hesperia*. — 1962. — Vol. 31. — P. 238 — 243.

бы питал надежды сам занять вакантный трон. Подобной деятельностью Афины нарушили союзный мир¹⁶. Царившие антимакедонские настроения выразил Гиперид в своем обвинении против Филиппида, которое разбиралось после убийства Филиппа¹⁷. Однако уже вскоре наступило отрезвление, а именно, когда стало ясно, что Александр не только бесконкурентно наследовал отцу, но и тут же принял нужные меры, дабы гарантировать и свое положение как гегемона греков. Афины могли радоваться, получив через возглавляемое Демадом посольство подтверждение мира.

Но не прошло и года, как город осмелился зайти гораздо дальше, чуть не переступив грань катастрофы, и это только на основании слуха, будто бы Александр погиб в сражении с иллирийцами. Тогда против македонского господства восстали фиванцы, и персидский царь послал в Грецию огромные денежные средства, дабы поддержать противников Македонии. Афинские власти отказались принять персидские деньги, но Демосфен как частное лицо принял большую сумму и вместе с другими отправил в Фивы оружие и снаряжение. Восстание Фив началось с фиванских беженцев, которые до того нашли приют в Афинах. Афинское Народное собрание выразило свою солидарность заключением двустороннего пакта с Фивами, который по тогдашним обстоятельствам мог быть направлен только против Македонии. Именно тогда афинянин Ификрат, сын знаменитого генерала, смог отбыть ко двору нового персидского царя Дария III¹⁸. Поскольку гегемона Эллинской лиги, коему принесли клятву верности, уже поспешили похоронить, Демосфен и Ликург решились пойти на все, лишь бы стряхнуть македонское владычество. Был мобилизован афинский корпус для поддержки фиванцев, но не успел он пересечь границу Аттики, как пришло первое донесение, что Александр жив и стоит со своей армией уже перед воротами Фив.

Не заставила себя ждать и весть о взятии и полном разрушении города — это случилось где-то в начале октября 335 г., во время празднования Великих мистерий. Ужасно себя скомпрометировавшим афинянам вскоре было доставлено ультимативное требование Александра выдать ему восьмерых уличенных в самых тяжких грехах граждан, среди них Демосфена и Ликурга, а также тех фиванцев, которым удалось бежать из захваченного города в Афины. Городу делает честь, что, несмотря на угрозы, прозвучавшие в конце речи Александровых послов, он не уступил этим требованиям, но пошел на переговоры; Александру же делает честь, что он уступил

¹⁶ *Basworth*, *Conquest*. — P. 188.

¹⁷ Слова Гиперида (4, 79) о том, что Филиппид якобы считал царя Филиппа бессмертным, показывают, что царя действительно уже не было в живых.

¹⁸ *Arrian*, *Anab.* 2, 15, P. 2 — 4; *Basworth A. B.* *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander I.* — 1980. — P. 233 — 234.

представлению посланников — ими были Демад и Фокион. На принятии такого решения могло сказаться и то, что царем тогда двигало желание придать новый импульс застопорившейся войне с Персией, лично возглавив командование войсками.

Так Афины избежали угрожавшей им тогда катастрофы, вися от нее на волоске. Демосфен и Ликург и их единомышленники стали с тех пор гораздо осмотрительнее, а Демада и Фокиона, коим афиняне были обязаны сохранением мира, непосредственно интересовало только их дальнейшее благополучие. Но все они поняли, что до поры до времени с македонской гегемонией следует мириться. Напротив, граждан, готовых на долгое время найти с ней общий язык, было, пожалуй, лишь меньшинство, но ежели бы захотелось в один прекрасный день вновь обрести свободу, то потребовалось бы прежде всего кардинальное обновление всех сфер — как материальной, так и моральной. Ликург был тем, кто имел для этого всеобъемлющий план, а на посту распорядителя государственными финансами располагал кроме того и возможностью осуществить задуманное.

Для духа этого обновления ничто иное так не показательно, как реформа образования молодых граждан (эфебов) по букве закона Эпикрата. Она весьма надежно датируется 336/5 г. — новый порядок явственно проступает прежде всего в четырех надписях 335/4 г., а затем удостоверен и другими многочисленными документами непосредственно следующих за ним годов. Реформа подробно изложена в гл. 42 трактата Аристотеля «Афинская полития», составленного, во всяком случае, между 335 и 324 гг. Новый закон превращал существовавший с давних пор, однако в деталях почти неизвестный, институт эфебии в двухлетнюю предвоенную службу для всех физически годных граждан, достигших 18-летнего возраста. В эти два первых года — из общего числа сорока двух лет воинской повинности — эфебы жили вместе. В течение первого — они были задействованы в Мунихии и Акте для охраны гаваней Пирея и подчинялись пока военным приказам обоих стратегов, которые там командовали. Однако собственным начальником корпуса эфебов был избранный народом космет, а ему ассистировало для каждой из десяти фил по одному софронисту. Эфебам каждой из фил устраивались совместные трапезы, на которые государство выделяло софронистам средства. Наставники ратного дела обучали молодых граждан обращению с оружием гоплитов, с луком и копьем и пользованию катапультой. В начале второго года эфебы демонстрировали собравшемуся в театре народу, как они выучились маневрам по подразделениям. Вслед за тем каждый получал щит и копье за государственный счет. Вооруженные таким образом эфебы занимали на втором году службы свои места постоянной дислокации в аттических укреплениях (Элевсине, Панактоне, Филе, Рамнунге, Сунione) и несли караульную службу на сельской территории Аттики. Клятва, которую они

приносили, вступая в корпус эфебов, долгое время была известна только от античных авторов, пока в 1938 г. не была открыта одна надпись из Ахарн с ее подлинным, разнящимся лишь в деталях текстом. Эфебы клялись оборонять отечество и его достоиние, не покидать ряды и стоявшего локоть к локтю соратника, повиноваться командирам и законам, равно как и охранять государственный строй¹⁹.

Цель реформы нетрудно выяснить из донесенных традицией деталей вкупе с текстом присяги эфебов. Она была призвана путем вовлечения бедных слоев расширить базис рекрутирования гоплитов и создать им лучшие условия для защиты аттической земли и демократической конституции. В то время как монархически устроенная гегемониальная держава ущемляла суверенитет демоса, воззвание к демократическим принципам содержало официальное провозглашение того, что афинский демос не был расположен мириться с таким ущемлением прав. Но реформа выдает также и то, что влиятельные круги города пришли к пониманию, что попытаться сбросить с себя эту опеку можно только в том случае, если призванные на военную службу граждане будут физически и психологически лучше подготовлены к неизбежному столкновению с противником. Важной целью афинской политики в последующее за реформой эфебов десятилетие стала подготовка к этому гражданского коллектива. Нет и намек на то, что по данному вопросу имелись серьезные несогласия во мнениях ведущих политиков, хотя разногласий по поводу конкретного пути осуществления реформы было хоть отбавляй. Невзирая на противоположные идеологические и политические позиции, Ликург и Демад, к примеру, трудились в сфере управления финансами и в комиссиях рука об руку²⁰ и многократно, в один и тот же

¹⁹ О реформе Эпикрата см.: *Rhodes, Commentary*. — P. 493 — 510, где резюмированы взгляды предшествующих исследователей. Надписи первого десятилетия сведены у: *Reinmuth, Inscriptions* № 1 (334/3) до 15. Ставшие известными после того тексты: AE. — 1988. — P. 19 — 30 (333/2 г. Кекропиды); ABSA. — 1989. — Vol. 84. — P. 333 — 344 (333/2 г. Эрехтеиды) и, вероятно, *Trail J. S. Demos and Tritus*. — 1986. — P. 3 — 5 (Кекропида, ок. 332/1 г.); ср., однако: *Clinton K.* // AE. — 1988. — P. 30. Не опубликованы еще два текста конца тридцатых годов из Панакта (Кавасала), из которых один указан в SEG 38, 67, а также найденное в 1993 г. в Рамнунте посвящение эфебов филой Ойнеиды 332/1 г. (*Petrakos // Ergon*. — 1997. — Vol. 7). Клятва эфебов, текст которой, во всяком случае, старше реформы 336/5 г., см.: *Tod. Greek Historical Inscriptions*, 204. Спорен вопрос о том, все ли молодые граждане были обязаны проходить службу в эфебии, как утверждают свидетельства Аристотеля и Ликурга (так, из последних: *Secunda N. V.* // ABSA. — 1992. — Vol. 87. — P. 329 и *Faraguna, Atene*. — P. 277), или только из трех высших классов, т. е. сыновья граждан гоплитского ценза за исключением фетов (так, из последних: *Rhodes, Commentary*. — P. 503).

²⁰ В 334 — 330 гг. Демад был казначеем военного ведомства, тогда как Ликург, т. е. исполнявшее тогда вместо него должность подставное лицо, занимал пост верховного распорядителя государственными финансами. Непосредствен-

день оба получали в Народном собрании большинство голосов в поддержку своих предложений²¹. Когда в 335 г. после разгрома Фив было предложено наградить почетной статуей Демада, спасшего город от тяжких последствий опрометчивости некоторых политиков, Ликург был одним из тех, кто, хотя и безуспешно, выступил против. Тогда и проявилась их личная неприязнь друг к другу. Публично они пикировались, однако не препятствовали тому, чтобы соперничавшие или враждовавшие между собой мужи все же объединились в своих усилиях извлечь Афины от роли вассального государства.

Заглядывая далеко вперед, они могли надеяться, что сопротивление Персии Александру поможет им приблизиться к достижению этой цели. Афинские наемники, попавшие в плен после первой победы Александра над персами у Граника весной 334 г., сражались на стороне персов только потому, что большинству из них было дозволено состоять на персидской службе уже давно, то есть еще до постановления греческих государств Коринфской лиги объявить войну Персии под верховным командованием Александра. Он же, в принципе, не мог поставить им в упрек то, что они (как и другие греки) сражались на персидской стороне, однако, несмотря на это, он отправил их в цепях на принудительные работы в Македонию. Найденные недавно в македонском Аканфе в одной могиле эллинистического времени восемь мужских скелетов в ножных кандалах могли быть останками этих пленников²². Афины многократно просили царя отпустить их на волю, но она была им в конце концов предоставлена лишь спустя годы, весной 331 г. Причиной жесткого обращения с ними могло быть то, что их выступление на персидской стороне противоречило провозглашенным Александром целям национальной войны отмщения Персии. Это противоречие было тем более вопиющим, что Афины первыми в 480 г. пали жертвой персидского нашествия и учиненного персами разгрома. Об этом Александр напомнил сам, отправив в Афины в качестве votivного дара богине Афине триста из добытых в битве персидских доспехов и сопроводив их посвяжительной надписью: «Александр, сын Филиппа, и греки, за исключением спартанцев, от живущих в Азии варваров». Но поскольку он в то же время отказал афинянам в возвращении их пленных со-

ное сотрудничество обоих засвидетельствовано в 334/3 г. (*Bosworth, Conquest*. – P. 206). О совместной деятельности Ликурга и Демада в комиссиях в качестве представителей своих фил говорят надписи: FD III, 1, 511 в 330 г. и IG VII, 4259 в 329/8 г.

²¹ Оба успешно выступили со своими предложениями на одном и том же заседании экклесии в 334/3 г. (*Schwenk // Athens*. – № 23 – 25), 332/1 г. (*Schwenk // Athens*. – № 36 – 37) и 328/7 г. (IG II² 399, *Schwenk // Athens*. – № 53; о датировке см.: *Habicht Ch. // Chiron*. – 1989. – Vol. 19. – P. 1 – 5). Это только документированные случаи, которых в действительности должно было быть гораздо больше.

²² AAA. – 1986 [1990]. – Vol. 19. – P. 178 – 184.

граждан, большинство афинян, несомненно, восприняли это посвящение как кощунственное²³.

Александр, со своей стороны, имел повод жаловаться на Афины, так как в первую военную зиму персидский флот пристал к острову Самос и пополнил там запасы провианта и воды. А ведь Самос уже тридцать лет был владением Афин и находился в руках афинских поселенцев. О безопасности острова пекся один из ежегодно выбираемых стратегов с титулом «стратег Самоса». Александр не мог закрыть глаза на то, что стратег — не переча или в бессилии тому помешать — допустил, чтобы персы получили там подкрепление. Этот инцидент — нарушение Афинами союзных обязательств — мог повлиять десятилетие спустя на решение царя отнять у афинян Самос²⁴.

После победы при Иссе осенью 333 г. вместе с лагерем Дария в руки Александра попали несколько афинских послов, которые задержались у персидского царя. Среди них был Ификрат, сын одноименного знаменитого полководца. Точно неизвестно, когда эти посланники покинули Афины, предположительно перед взятием Фив в 335 г. Из уважения к отцу царь отнесся к Ификрату с почтением и, когда тот скончался от какой-то болезни, позаботился, чтобы останки его были перевезены на родину²⁵.

Однако в те годы не один Александр занимал умы афинских граждан. Широко распространилась молва о случае с афинским атлетом Каллиппом летом 333 г. Он победил в Олимпии в пятиборье, но затем был обвинен в том, что купил победу у своих соперников; и на него, и на тех, кому он заплатил, судьи состязаний наложили штраф. Подобно тому как олимпийские победы становились листиками венка славы для родного города победителя, так и проступок Каллиппа лег позорным пятном на целый город. Тем самым дело обернулось национальным скандалом. Будучи убеждены, что Каллипп стал жертвою интриг, граждане выбрали Гиперида выступить защитником по его делу. Он должен был подвигнуть власти Элиды отменить приговор. Но когда те остались непреклонны, конфликт обострился; Афины медлили с выплатой штрафа, за что афинские граждане были отстранены от участия в будущих состязаниях. Лишь после того, как дельфийские власти заявили афинянам, что жрица-

²³ Об афинских пленниках Александра см.: *Arrian*, *Anab.* 1, 16, 6; 29, 5; 3, 6, 2. О посвящении Александра: *Arrian*, *Anab.* 1, 16, 7, с трактовкой: *Mitchels*, *Likougan Athens* 8. Вооружение посвящалось Афине издревле ионийскими колониями Афин (в V в. также членами Морского союза) каждые четыре года на Великие Панафинеи, примерно в начале августа. Александр мог иметь в виду эту традицию и повелел провозгласить о своем посвящении на Великих Панафинеях летом 334 г.

²⁴ *Arrian*, *Anab.* 1, 19, 8; об этом см.: *Basworth*, *Conquest*. — P. 1, 141. О дальнейшей судьбе острова см. ниже, с. 41 сл.

²⁵ *Arrian*, *Anab.* 2, 15, 3.

предсказательница Пифия не даст им отныне оракула, пока штраф не будет заплачен, афиняне отступились. На штрафные деньги виновных, как и после аналогичной жульнической аферы 388 г., в святилище Олимпии было воздвигнуто шесть бронзовых статуй Зевса, названных Занами и снабженных надписями с красноречивыми предостережениями²⁶.

С этим обстоятельством могло быть связано то, что Афины в 331 г. обратили свои взоры на другое оракулярное святилище – в эпирской Додоне. Отсюда случилась другая государственная афера, в которой опять же Гиперид выступал защитником города. Следуя предсказанию оракула, афиняне богато украсили культовую статую Дионы в Додоне, однако тем самым вызвали гнев матери Александра Олимпиады, принадлежавшей к эпирскому царскому дому и управлявшей тогда в Эпире вместо своего пребывавшего в Италии брата и зятя Александра. Она послала в Афины делегацию с нотой протеста, в котором заявляла, что область эпирских молоссов, где расположена Додона, подчиняется ей. Протест разбирался в Народном собрании, и там адвокатом города выступал Гиперид. Он ссылаясь среди прочего на то, что Олимпиада со своей стороны лишь совсем недавно, когда ее сын Александр излечился от смертельно опасной болезни, принесла жертвенный дар на акрополе Афин богине-целительнице Гигиее; он требовал равных прав и для Афин в Додоне. Когда немного спустя пришло известие о смерти в Италии эпирского царя, афиняне отправили к Олимпиаде и к ее дочери, царской вдове Клеопатре, посланников с выражением соболезнования²⁷.

Эти посольства опять же пришлось на момент серьезной напряженности, так как летом 331 г. спартанцы во главе с царем Агисом, поддерживаемые несколькими греческими государствами, начали войну с Македонией, и Афины были на грани того, чтобы ввязаться в нее как союзники Спарты. Приведение в исполнение уже составленного договора о поддержке Агиса флотилией не состоялось лишь благодаря умелому маневру Демада, который должен был позаботиться о финансировании операций²⁸. Тогда как сам Демосфен не советовал заключать подобную сделку, другие политики высказались за вступление в войну. С этим, по всей вероятности, связана дошедшая до нас в демосфеновском корпусе речь неизвестного оратора «О договорах с Александром». Этот ритор, обращаясь к Народному

²⁶ Pausanias 5, 21, 2 – 7; *Hypereides*, fr. 11 – 112 Jensen; [Plutarch], *mor.* 850 B. Н.-В. Herrmann // Zanes, RE. – 1974. – Suppl. 14. – P. 977 – 981. Дельфийский Аполлон через вмешательство своих служителей помог своему божественному отцу Зевсу Олимпийскому получить удовлетворение.

²⁷ *Hypereides* 3, 19 – 26. Engels J. Studien zur politischen Biographie des Hypereides. – München, 1989. – P. 189 – 191.

²⁸ [Plutarch], *mor.* 818 E.

собранию, призывал не соглашаться с требованием предыдущего оратора, заявлявшего, что афиняне должны самым строжайшим образом соблюдать договоренности с Александром и заботиться о всеобщем мире (1, 12, 21); при этом он клеймил позором противоречащие договору и нарушающие мир действия Александра и македонян — прежде всего водворение тиранов в пелопоннесских городах Мессене, Пеллене и Сиккионе, затем захват предназначенных для Афин транспортов с хлебом из Причерноморья и несанкционированный заход македонской триеры в Пирей. Теперь наступил подходящий момент свершить правосудие (9), и если большинство готово ему следовать, то он внесет предложение объявить войну нарушителю мирного договора (30)²⁹.

Подобные упреки содержит и произнесенная примерно в то же время или чуть позже одна речь Гиперида. Ее тон, однако, значительно мягче: Гиперид не называет конкретных деталей, но только в общем жалуется на то, что Александр и Олимпиада порой требовали противоправного и непосильного, и настаивает, чтобы от этих чрезмерно дерзких требований Афины добивались защиты в синедрионе Коринфской лиги, чего, однако, афинский уполномоченный в Лиге Полиевкт сделать так и не удосужился³⁰.

Между тем Антипатр, которого Александр оставил своим наместником в Европе, победил Агиса и его союзников в великой битве при Мегалополе в Аркадии (по всей вероятности, весной 330 г.). Эта битва, стоившая Агису жизни, привела к поражению еще одного восстания греческих государств. Великая победа Александра над царем Дарием при Гавгамелах 1 октября 331 г. заставила наконец испариться все надежды, которые Афины возлагали на персидское оружие³¹. Для освобождения от македонского владычества с того момента можно было полагаться лишь на свои собственные силы. Политики Афин состязались в том, чтобы подготовить город к возможности подобной пробы сил.

²⁹ [Demosth.] 17. Я следую устоявшейся датировке, тогда как В. Билль выступает за помещение речи на сентябрь/октябрь 333 г., незадолго до битвы при Иссе (RhM. — 1982. — Vol. 125. — P. 202 — 213). К нему присоединяется Фарагуна (Atene. — 254 — 232, not. 32).

³⁰ Hupereides 3, 20 и 24; речь относится самое раннее к 330 г. и потому очень надежно помещается во времени после окончания войны Агиса.

³¹ Время битвы при Мегалополе точно не установлено; датировки исследователей колеблются от осени 331 до весны 330 г. Напротив, дата битвы при Гавгамелах известна с точностью до дня благодаря астрономическим дневникам из Вавилона (Sachs A., Hunger H. Astronomic Diaries and Related Texts from Babylonia. — 1988. — Vol. I. — P. 179: 24 Ululu), что одновременно подтверждает и указание Плутарха (Camillus 19, 5; Alexander 31, 8). Ср.: Bernard P. // BCH. — 1990. — Vol. 114. — P. 515 — 517.

3. Эпоха Ликурга³²

Наиболее характерной, бросающейся в глаза чертой истории Афин в те четырнадцать лет — от битвы при Херонее до смерти Ликурга в 324 г. — была многогранность политической деятельности при многочисленности граждан, политическая активность которых зафиксирована в источниках. Правда, благодаря большому числу сохранившихся речей и растущему количеству находимых надписей традиция здесь гораздо более обширна, чем для многих других периодов аттической истории, так что нельзя безоговорочно утверждать, будто политическая инициативность была в эти годы богаче, чем в другие, для которых имеется гораздо меньше материала. Однако остается впечатляющим то, что для такого узкого отрезка времени, во все так же весьма обрывочной традиции оставили свой след имена более пятидесяти граждан, выступивших тогда инициаторами проектов постановлений Совета и Народного собрания и — соответственно — законов³³. Впечатляет и все то, что в эти недолгие годы известно о реформах, общественной строительной деятельности и мерах по укреплению экономики и финансовой мощи Афин. Поражение под Херонеей стимулировало силы Афин, вместо того чтобы их парализовать.

Во всех этих начинаниях сотрудничало значительное число представителей высших слоев³⁴, наряду с Ликургом, который чаще всего и, видимо, по праву считался лидером в этих прогрессивных мероприятиях, в них были задействованы в той же мере и профессиональные граждане. К ним относятся в любом случае Полиевкт и Ксенокла из Сфетта, Пифей из Алопеки, Эпикрат из Паллены (инициатор реформирования эфебии), Эвкрат, инициатор закона о защите демократии, и далее: Гегемон, Аристоники из Марафона и Кефисофонт из Афида³⁵.

³² В дальнейшем изложении наряду с монографиями: *Mitchel*, *Lykourgan Athens*; *Faraguna*, *Atene*; *Bosworth*, *Conquest*. — P. 204 — 215, использованы прежде всего работы: *Humphreys S.* *Lycourgos of Butadae: An Athenian Aristocrat* // *Essays in Honor of Ch. G. Stagg*. — 1985. — P. 199 — 252; *Schwenk* // *Athens*. Ср. также: *Burke E.* *Lycourgan Finances* // *GRBS*. — 1985. — Vol. 26. — P. 251 — 264.

³³ Их имена можно проследить по списку: *Hansen M. H.* // *GRBS*. — 1983. — Vol. 24. — P. 159 — 179.

³⁴ *Humphreys*. *Op. cit.* — P. 204.

³⁵ См. гл. «Просопография» в кн.: *Faraguna*, *Atene*. — P. 211 — 243, а также об Аристонике: *Hansen*, *op. cit.* P. 161; Эпикрате: *Davies* // *APF*. — 4904; Эвкрате: *Hansen* 167; Гегемоне: *Hansen* 168; Кефисофонте: *Davies* // *APF*. — 8410; Полиевкте: *Treves*, *RE* // *Polyeuktos*. — 1952. — № 4. — P. 1614 — 1616; Пифее: *Habicht Ch.* // *ZPE*. — 1989. — Vol. 77. — P. 83 — 87 и *Veligianni Ch.* // *Hellenica*. — 1989. — Vol. 40. — P. 245 — 247; Ксенокла: *Ampolo C.* // *PP*. — 1979. — Vol. 34. — P. 167 — 178 и *Habicht Ch.* // *Hesperia*. — 1968. — Vol. 57. — P. 323 — 327.

В финансовой сфере одним из самых значительных достижений Ликурга считается то, что он увеличил ежегодные доходы государства до внушительных размеров в 1200 талантов. Это чуть больше, чем помноженная на два с половиной сумма ежегодной подати, которую город взимал в V в. со стран-участниц Морского союза. Тогда как эта однозначно переданная цифра достоверна, нельзя определенно сказать, как Ликург сумел добиться такого подъема государственных доходов. В эти годы были введены в эксплуатацию новые горные копи, соответственно, вновь началась разработка заброшенных рудников, что привело к увеличению поступлений в государственный бюджет от сдачи их в аренду³⁶. Сюда же следует приплюсовать добавочные арендные доходы с новых полисных владений в Оропе³⁷, кроме того, конфискованные — порой очень крупные — состояния осужденных и доходы от торговли, к примеру, от ввозных и вывозных таможенных пошлин в размере 2% от стоимости товара³⁸. Афинские граждане не платили прямых налогов, в отличие от метеков, то есть осевших в городе чужеземцев, кому, кроме того, вменялось в обязанность уплачивать ежегодную подать в размере десяти талантов, из которой финансировалось строительство доков и арсенала. Сюда же следует занести и фонды состоятельных граждан, к учреждению которых Ликург призывал и побуждал зажиточных афинян. С увеличением доходов согласуется, наконец, и известное сокращение расходов, например зрелищных денег (*Theorika*), предназначенных для посещения бедными гражданами общественных праздников и представлений³⁹. Безусловным проявлением экономического подъема следует считать и начало регулярной чеканки медной монеты в эпоху Ликурга⁴⁰.

Увеличение доходов государственного бюджета создало в эти годы предпосылки для важной деятельности: для усиления обороноспособности Афин на суше и на море и для украшения города функциональными и парадными постройками. Уже вскоре после поражения при Херонее по инициативе Демосфена начали приводить в порядок Фемистоклово кольцо стен, отремонтированное Кононом в на-

³⁶ Hypereides 3, 36.

³⁷ Robert L. // *Hellenica* — 1960. — Vol. 11 — 12. — P. 194 — 202.; Langdon M. K. // *Hesperia*. — 1987. — Vol. 56. — P. 47 — 58; Walbank M.B. // *ZPE*. — 1990. — Vol. 84. — P. 95 — 99; Faraguna, Atene. — P. 218, not. 21, 343, not. 26. См. выше, ibid, p. 24. Ср.: Hansen O. // *Eranos*. — 1989. — Vol. 87. — P. 70 — 72.

³⁸ Конфискованное имущество владельца рудников Дифила составляло не менее 120 талантов: [Plutarch], *mor.* 843 D. Эпикрат должен был в течение всего лишь трех лет якобы получить от своих горных копей 300 талантов: Hypereides 3, 35.

³⁹ Buchanan J. // *Theorika*. — 1962. — P. 72 — 74. О бесплатной уступке земли как «подарке Ликургу» см.: [Plutarch], *mor.* 841 D. О частных пожертвованиях многих граждан в эти годы см. Faraguna, Atene. — P. 381 — 399.

⁴⁰ Kroll, Coins. — P. 27.

чале IV в. на персидские деньги, дополнительно к этому перед стеной соорудили ров, наполненный водой, а по предложению Кефисофонта взялись за укрепление Пирея⁴¹. Еще в архонство Фемистокла Младшего в 347/6 г. в Пирее началось строительство новых доков, завершленное по прошествии 24 лет, в 323/2 г. Численность военных кораблей – традиционных триер и все далее и далее внедрявшихся более крупных тетрер – росла год от года⁴². Афинское юношество более осознанно и интенсивнее, чем прежде, готовилось к военной службе, с тех пор как в силу вступил закон Эпикрата об эфебии⁴³. Расходы по содержанию корпуса примерно в тысячу человек (за год около 500 эфэбов) ежегодно оценивались минимум в 40 талантов, куда затем добавлялись еще траты на экипировку оружием, раздаваемым за счет полиса⁴⁴.

Никогда еще со времен Перикла, то есть за сто лет до этого, не переживали Афины такой многогранной и такой масштабной строительной деятельности, как в годы Ликургова правления. В то же время это была программа строительства высокого класса, оплачивавшаяся из собственных средств, так как все единственно сравнимые с ней более поздние периоды активного строительства финансировались чужеземными застройщиками: во II в. до н. э. эллинистическими царями из дома Атталидов и Селевкидов, а во II в. н. э. императором Адрианом. Это выглядело так, будто гражданский коллектив стремился – особенно после поражения от Филиппа Македонского – продемонстрировать свою несокрушимую жизнеспособность⁴⁵. Поэтому прежде всего, как уже упоминалось, были укреплены стены, расширены доки и построен арсенал⁴⁶. В ходе этих оборонительных мероприятий в 335/4 г., по совместному предложению Ликурга и Аристоники, была выслана эскадра быстроходных судов для борьбы с морскими пиратами; акция, судя по всему, завершилась успешно,

⁴¹ Aischines, 3, 27 – 31; Maier, Mauerbauinschriften. – 1959. – Vol. I. – P. 36 – 48.

⁴² Ashton N.G. // ABSA. – 1977. – Vol. 72. – P. 1 – 11; Treheux J. // RPh. – 1989. – Vol. 63. – P. 284.

⁴³ См. выше, с. 23 сл. и примеч. 19.

⁴⁴ Bosworth, Conquest. – P. 209 f.

⁴⁵ К дальнейшему изложению см. вообще «Биографию Ликурга», [Plutarch], *mor.* 841 D, а также декрет в его честь IG II² 457 b 5 – 9, и [Plutarch], *mor.* 852 C. Далее см.: Mitchell, Likourgan Athens. – P. 33 – 48; Wycherley R. E. The Stones of Athens. – 1978. – P. 19 – 20 (стены), P. 60 – 62 (Пникс), P. 66 – 67 (Аполлон Отчий), P. 181 – 183 (Асклепийейон), P. 207 – 211 (театр), P. 215 (стадион), P. 226 (Ликий). О строительстве стадиона см. также: IG II² 624 (Schwenk, Athens, № 48). Faraguna, Atene. – P. 257 – 269.

⁴⁶ Об арсенале: Linfert A., Mausbach J. Die Skeuotheke des Philon im Piräus. – 1981. Работы были начаты в 347/6 г.: IG II² 1668; Vitruv, *De architectura*, Praefatio 7, 12. Часть скевотеки была открыта в 1988 г., и тем самым было точно определено ее местоположение (BCH. – 1989. – Vol. 113. – P. 589.)

так как в следующем году Ликург внес предложение о почестях Диотиму⁴⁷.

Летом 330 г. во время празднования Великих Панафиней был освящен стадион, построенный Ликургом на земле, уступленной ему Дейниасом. С тех пор там достойно и предствительно проводились состязания атлетов, всадников, колесниц, а также артистов, которые прежде выступали на рыночной площади. От того же времени дошел фрагментарный закон Аристоники из Марафона по поводу Малых Панафиней⁴⁸. Почтенный театр Диониса у подножия Акрополя получает благодаря Ликургу новые, одетые в камень зрительные места и богато устроенную прозорию с почетными креслами для высокопоставленных лиц государства⁴⁹. Ликургом был воздвигнут также и гимнасий Ликей с его палестрой. Место заседаний еkkлeсии на Пниксе долгое время перестраивалось с целью его расширения; эти работы на так называемом Пниксе III, начавшиеся, видимо, в 40-е годы, подошли к завершению около 325 г.⁵⁰. На Агоре Аполлон Отчий получает храм, а святилище Асклепия украшается портиком 50-метровой длины⁵¹. К тому же времени относится также еще и поныне хорошо сохранившийся и указывавший новые пути в архитектуре монумент Лисикрата у подножия Акрополя. Он был сооружен Лисикратом в 335/4 г. по случаю победы, которую тот как хорег детского хора одержал на Великих Дионисиях над состязавшимися с ним хорами⁵².

Вне пределов города крупные строительные работы проводились в это время прежде всего в двух важных святилищах — Деметры и Коры в Элевсине и Амфиарая в Оропе. Подробности о работах в элевсинском святилище содержит прежде всего длинная строительная надпись 329/8 г.⁵³. В Элевсин процессии и паломники попадали из Афин по Священной дороге. Спустя немного лет после смерти Ликурга его коллега Ксенокл из Сфетта, замещавший его до этого четыре года на посту верховного распорядителя финансами, воздвиг каменный мост через Кефис для обеспечения безопасности паломни-

⁴⁷ IG II² 1623. — P. 276 — 308; [Plutarch], *mor.* 844 A; IG II² 414 (*Schwenk* // *Athen.* — № 25).

⁴⁸ IG II² 334 (*Schwenk* // *Athens.* — № 17); *Robert L.* // *Hellenica.* — 1960. — Vol. 11 — 12. — P. 189 — 203.

⁴⁹ *Maas M.* Die Prohedrie des Dionysostheater in Athen. — München, 1972.

⁵⁰ Из последних см.: *Thompson H. A.* The Pnyx in Models // *Hesperia.* — 1982. — Suppl. 19. — S. 133 — 147, где цитируется предшествующая литература. О времени строительства Пникса III см. P. 144 — 145.

⁵¹ *Thompson H. A.* // *Hesperia.* — 1937. — Vol. 6. — P. 77 — 115, с автором в какой-то мере не согласен: *Hedrick Ch. W.* // *AJA.* — 1988. — Vol 92. — P. 185 — 210.

⁵² Надпись на памятнике: IG II² 3042. Его подробный разбор см. *Riemann H.* Lysikratesmonument // *RE.* — 1956. — Suppl. 8. — Sp. 266 — 347; *Bauer H.* // *AM.* — 1977. — Vol. 92. — P. 197 — 227.

⁵³ IG II² 1672. Далее см. 1673 — 1675, 1933. *Mitchel.* Lykourgan Athens. — P. 45.

ков⁵⁴. С приобретением после Херонеи города Оропа на беотийско-аттической границе в Афины пришел и культ героя-целителя Амфиарая. Под руководством строителя водопроводных сооружений Пифея афиняне тотчас же улучшили там санитарные условия⁵⁵ и учредили в честь героя новый пентетерический праздник с гимническими и гиппическими агонами, впервые справленный в 329/8 г.⁵⁶

В первой половине 20-х годов и Афины чувствительно затронул длившийся уже годами хлебный голод, который доставил немало серьезных хлопот всей Греции и Эгеиде в период между 331 и 324 гг. Многие авторы и многочисленные надписи подтверждают всю серьезность ситуации для Афин⁵⁷. Речь Демосфена против Формиона 327/6 г. позволяет выяснить, что цена медимна пшеницы подскочила с пяти до шестнадцати драхм и что были предприняты чрезвычайные меры, чтобы гарантировать каждому жителю минимальную долю хлебного рациона⁵⁸. Многочисленные декреты в честь торговцев, которые помогли тогда смягчить бедственное положение. Уникальное в своем роде свидетельство нашлось в 1925 г. в Кирене⁵⁹. Это составленный в один из тех годов список, где после лаконичного заголовка: «Кому город дал зерно во время хлебного голода в Греции» названы пятьдесят⁶⁰ государств вместе с указанием поставленного каждому количества — причем в порядке величины поставок, снижающихся от 100 000 медимнов для Афин до 900 медимнов для Кносса на Крите (после прежней поставки в 10 000 медимнов). Македонии было поставлено 75 000, Эпиру 50 000 медимнов, однако именно Афины открывают список нуждавшихся государств. С длившимся долгие годы продовольственным кризисом связано также и постановление Народного собрания 325/4 г. ос-

⁵⁴ IG II² 1191. AP 9, 147, с литературой, цитированной выше в примеч. 35.

⁵⁵ IG II² 2338. Ср. работы Хабихта и Велиджьяни, цитированные в примеч. 35.

⁵⁶ *Deubner L. Feste* — P. 229; *Knoepflér D. Op. cit.* 279 — 302.

⁵⁷ IG II² 360, 8 — 9; [Plutarch], *mor.* 851 B; *Garnsey B. P. Famine and Food Supply in the Greek-Roman World.* — Cambridge, 1988. — P. 154 — 166; *Faraguna, Atene.* — P. 225 — 230, 330 — 331.

⁵⁸ *Demosthenes* 34, 37 ff.; ср. [42], 20, 31. Надпись IG II² 360. 30, 68 подтверждает также, что нормальная цена медимна равнялась пяти драхам.

⁵⁹ *Abh. Akad. Berlin.* — 1925. — Vol. 5. — S. 24 — 26, № 111. Текст был ревидирован и прокомментирован в кн.: *Laronde A. Cyrène et la Lybie hellénistique.* — Paris, 1987. — P. 30 — 34, с картой на с. 34, которая графически иллюстрирует импортировавшие зерно центры и соответствующие количества. *Brun P. // ZPE.* — 1993. — Vol. 99. — P. 185 — 196. В целом ср.: *Marasco G. Sui problemi dell'approvvigionamento di cereali in Atene nell'età dei Diadochi // Athenaeum.* — 1984. — Vol. 62. — P. 286 — 294.

⁶⁰ Для Македонии названа Олимпиада, для Эпира — ее дочь Клеопатра. Последняя еще незадолго до того, между 334 и 331 гг., экспортировала в Грецию хлеб (*Lukurg, Leokr.* 26). Также и в списке теородоков из Аргоса (ок. 330 г. до н. э.) Клеопатра представляет корону эфирских молоссов: (BCH. — 1966. — Vol. 90. — 156 ff., col. I, 11, с коммент.: *Charneux.* — P. 177 — 182).

новать в Адриатическом море опорный пункт. Заявленной целью было обеспечение безопасности хлебных транспортов и защита от этрусских пиратов. Для этой цели был снаряжен флот и отправлен под командой стратега Мильтиада из Лакнад, однако дальше о ходе этого предприятия ничего не сообщается⁶¹.

Все годы Восточного похода Александра афинские граждане были заняты постоянной и разнообразной деятельностью. Ораторы и надписи этого периода согласно внушают нам, что поражение под Херонеей привело не к безропотному смирению, но лишь к еще большей мобилизации сил. Уже упомянутыми признаками этого было приведение в порядок и укрепление оборонительных стен, строительство военного флота и реформа эфебии, поднимавшая боевой дух и укреплявшая обороноспособность. Разгром, учиненный царем Филиппом, глубоко задел национальные чувства, однако не сковал их, но, напротив, стимулировал. Патриотический дух подогревался антагонизмом к Македонии, хотя Афины с 336 г. были членом руководимого македонским царем Эллинского союза, острием своим направленного против Персии. Не прекращавшаяся враждебность проявлялась в ликовании при известии об убийстве Филиппа, далее в планировавшейся поддержке Фив, восставших против Александра, и в агитации за вступление в войну против Македонии спартанского царя Агиса в 331 г.

Но был и еще один аспект этой враждебности, состоявший в том, что афинские граждане, которые проявляли симптомы слабости или трусости, другими гражданами привлекались к наказанию. В этом лично преуспел Ликург. Вскоре после битвы 338 г. он предъявил обвинение Автолику, бывшему архонту, в том, что тот перевез свою жену и детей из находившегося под угрозой Филиппа города в безопасное место. Спустя еще восемь лет он привлек к суду другого афинского гражданина — Леократа за то, что тот после Хероней со всем добром и домочадцами перебрался на Родос, а оттуда в Мегары. За всякие попытки бегства народ угрожал нарушителем смертной казнью. Леократ оставался, по справедливой оценке господствовавшего в гражданском коллективе настроения, долгие годы вдали от Афин и вел свои дела через Мегары, лежавшие между Афинами и Коринфом. Наконец, в 330 г., он вернулся домой в надежде, что за это время его дело травой поросло. Однако Ликург хотел дать другим наглядный урок и обвинил Леократа в измене родине по букве закона, который, собственно, и был принят из-за его дезертирства. В сохранившейся обвинительной речи Ликург внес предложение объявить Леократа виновным в преступлении, которое в момент его совершения еще не было наказуемо, но теперь подлежало наказа-

⁶¹ IG II² 1629, 145 — 271 (GHI 200). Ср.: *Engels J. Studien zur politischen Biographie des Hypereides.* — München, 1989. — P. 247 — 251.

нию. Хотя тем самым у обвинения отсутствовала правовая основа, Ликург благодаря своему красноречию, апеллируя к патриотическим настроениям судей, был на волосок от достижения цели: равным числом голосов Леократ был судьями оправдан и тем самым избежал смерти⁶².

Еще более показательным для царивших среди большинства граждан настроений был состоявшийся чуть позже, в том же 330 г., знаменитый процесс о венке, на котором Демосфен как адвокат обвиняемого выступал не столько за него, сколько, по большому счету, за себя самого и сумел отвести обвинения за свой прежний политический курс, приведший к войне с Филиппом и поражению при Херонее. Он получил подавляющее большинство голосов присяжных, так что его противник Эсхин, возбудивший этот процесс, не собрал и пятой части голосов и навсегда покинул Афины как политический труп. Однако на этом суде в качестве обвиняемого оказался вовсе не Демосфен, а Ктесифонт из Анафлиста, который в 336 г. выдвинул предложение наградить Демосфена за его заслуги перед государством — и особо за восстановление стен — позолоченным венком на Великие Дионисии. Против этого предложения Эсхин выдвинул обвинение в противозаконности, потому что Демосфен в тот момент еще не представил полагавшийся отчет о своей деятельности на посту уполномоченного по стеностроительству. Выдвинутое против Ктесифонта обвинение на самом деле было нацелено на деморализацию Демосфена. Остается неизвестным, почему дело всплыло в суде лишь по прошествии шести лет. Возможно, поражение Агиса в борьбе с наместником Александра в Европе Антипатром соблазнило Эсхина извлечь на свет уже давно упокоившееся дело — по его расчетам, новый успех македонян должен был дискредитировать антимакедонскую политику Демосфена и в глазах судей. Исход дела стал воистину триумфом Демосфена и одновременно явным симптомом того, что соперничество с Македонией пользовалось широкой популярностью, а афинский национализм был направлен именно против Македонии⁶³. Однозначный вердикт судей кажется реакцией упрямства и тем более примечателен, что тогда в Афинах не могли и надеяться получить при благоприятном раскладе военную поддержку от персидской или спартанской стороны.

Этим ярко выраженным националистическим настроениям точно так же соответствовало явное подчеркивание демократических идей. Уже очень скоро после Хероней они были выражены в законе Эв-

⁶² *Lykurg, Leokr., passim*. Об Автолике см. PA 2746.

⁶³ Судебные речи как протагонисты держали: Эсхин, 3 (Против Ктесифонта); Демосфен, 18 (О венке). Исчерпывающий комментарий см.: *Wankel H. Demosthenes, Rede für Ktesiphon über den Kranz.* — Heidelberg, 1976. Вопреки господствующему мнению Э. Харрис выступает за то, что закон был на стороне Демосфена, а не Эсхина (*Harris Ed. Persuasion: Greek Rhetoric in Action / Ed. I. Worthington.* — London; New York, 1994. — P. 140 – 150).

крата о защите демократии от любых возможных попыток переворота (см. выше, с. 21) и проявились в июне 332 г. еще и в том, что члены Совета, перед тем как распуститься со своей годичной должностью, приняли постановление о воздвижении бронзовой статуи, персонифицирующей демократию⁶⁴.

Как раз во времена Ликурга, сразу же вслед за разрушением Фив Александром, в Афины после двенадцати с лишним лет отсутствия вернулся Аристотель. К его трудам последующих лет относится изложение афинского государственного устройства, которое почти полностью донес до нас один Лондонский папирус, ставший известным в 1891 г. Это единственный сохранившийся труд в серии из 158 аналогичных сочинений, вышедших тогда из кружка Аристотеля. Данный опус был создан, по всей видимости, самим Аристотелем между 335 и 330 гг.⁶⁵ Первая, более пространная часть описывает в главах 1 — 41 эволюцию конституции Афин до начала IV в.; вторая часть (главы 42 — 69) содержит систематическое описание государственных институтов и их деятельности ко времени составления этих глав⁶⁶. Была высказана догадка — не кажущаяся, правда, целиком достоверной, — что пригласил Аристотеля снова осесть в Афинах Ликург⁶⁷. Заказ Лисиппу на изготовление статуи Сократа⁶⁸ едва ли мог исходить от кого-либо другого, кроме как от Ликурга, а ее установка в Помпейоне была равнозначна официальной реабилитации. Еще одной инициативой Ликурга стало кодифицирование в официальной редакции текста драм трех великих трагиков (Эсхила, Софокла и Еврипида), дабы уберечь трагедии от неавторизованных интерполяций, сплошь и рядом предпринимавшихся актерами⁶⁹. Филологическая работа такого рода лежит в русле подобных начинаний

⁶⁴ *Raubitschek A. E. Demokratia // Hesperia. — 1962. — Vol. 31. — S. 238 — 243.* Автор интерпретирует другие многочисленные свидетельства о культе Демократии в Афинах в это время и указывает на то (S. 238), что рельеф, украшающий стелу Эвкрата, означает, «что чествуются Демос, олицетворяющий весь народ Афинский, и это особенно подходит к особой форме правления — Демократии».

⁶⁵ *Rhodes, Commentary. — P. 51 — 58; упоминание в гл. 54, § 7 архонта 329/8 г. считается сделанной позднее вставкой другой рукой.*

⁶⁶ Подробный комментарий дает: *Rhodes. Op. cit.*, и недавно изданный М. Пьераром сборник статей: *Aristote et Athènes*, 1993.

⁶⁷ Ср.: *Müchel. Lykourgan Athens. — P. 38.*

⁶⁸ *Diog. Laert. 2, 43.*

⁶⁹ *Galen. Corpus Medic. Graecor. V, 10, 2, 1, P. 79. Wenkebach R. Pfeiffer, History of Classical Scholarship from the Beginnings to the End of the Hellenistic Age. — Oxford, 1968. — P. 82, 192.* Ликург отдал распоряжение выставить в украшенном им театре Диониса статуи и этих трех драматургов. Позже им составили компанию статуи других поэтов: афинян Менандра и Филиппида, Фанеса с Хиоса, Диодора из Синопс (Habicht, Untersuchungen. S. 14 — 15; в целом см. *Pausanias 1, 21, 1*). Сохранился постамент статуи Менандра, сработанной Кефисодотом и Тимархом, сыновьями Проксителя (IG II² 3777).

Аристотеля и его учеников, хотя и вовсе не обязательно должна была по этой причине быть ими инспирирована.

Ликург принял также участие в дебатах по поводу оказания бо-жеских почестей Александру, проходивших в Афинах в течение 324 г.⁷⁰, однако, по-видимому, вскорости скончался: скандал с Гарпа-лом он явно не застал. Его деяния на благо Афин были в общем и целом оценены положительно, хотя недавно Салли Хамфрис выска-залась весьма критически. Ею был выдвинут прежде всего упрек в том, что Афины того времени отгородились ширмой от окружающе-го мира и отказались от конструктивной внешней политики. У Ли-курга, пишет она, отсутствовал перспективный взгляд и политиче-ское воображение⁷¹. В свете реальной политической ситуации, как она рисуется после поражения под Херонеей и разгрома Фив, эта критика выглядит неоправданной. Последовавшие за смертью Ли-курга события очень скоро показали, что Афины отнюдь не ушли надолго с политической сцены.

4. Кризис⁷²

Возвращение Александра Великого из Индии положило конец времени покоя, которым Афины наслаждались в годы его похода на Восток. Хотя деятельность возвратившегося в Персию и Месопота-мию царя более или менее затрагивала все греческие государства, однако, не считая Этолии, только между ним и Афинами дело до-шло до серьезного и стремительно обострившегося кризиса, вылив-шегося в войну. Из-за внезапной смерти царя в июне 323 г. ее начало не было предотвращено, но только ускорено. Двумя моментами, раз-вязавшими конфликт, стали бегство в Афины Александра казна-чая Гарпала⁷³ и провозглашение царского указа о том, что он желает

⁷⁰ [Plutarch], *mor.* 842 D.

⁷¹ *Humphreys S. Lycurgus of Butadae // Essays in Honor of C.G.Starr. — 1985. — P. 219: «...increasing tendency of the city to act out a representation of polis life for her contemporaries in the Hellenistic World rather than seek a role in the new configura-tion of power. And this, surely, is the most significant criticism to be made of his poli-tics...»; «absence of any constructive foreign policy... a lack of political insight and imagination».*

⁷² Наиболее значительны последние работы: *Jaschinski S. Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. — 1981; Will W. Athen und Alexander. Untersuchungen zur Geschichte der Stadt von 333 – 322 v. Chr. — München, 1983; Bosworth. Conquest. — P. 215 – 228, 278 – 290; Sealey R. Demosthe-ses and His Time. — 1993 (Chap. 8).*

⁷³ О Гарпале и вызывании Афин в его судьбу см.: *Berve H. Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. — Vol. 2. — S. 75 – 80; Badian E. Harpalus // JHS. — 1961. — Vol. 81. — P. 16–43; Jaschinski. Op. cit.; Worthington I. The Chronology of the Harpalus Affair // SO. — 1986. — Vol. 61. — P. 63 – 76; Lane Fox R. Chios // A Conference at the Homereion in Chios. — Chios, 1984 (1986). — P. 117 – 120.*

возвратить остров Самос — сорок лет тому назад захваченный афинскими поселенцами — раскиданным по всему свету самосцам⁷⁴. А желание царя быть отмеченным греческими государствами такими почестями, какие по обычаю оказывались лишь богам, только добавило напряженности.

Неизвестно, сердился ли Александр на афинян за то, что однажды во время войны с ним персидский флот запаса на Самосе провиантом (см. выше, с. 26). Примерно в марте 324 г. — или немного позже — в Сузах либо не там, а уже в своем военном лагере он публично провозгласил, что вернет Самос назад самосцам⁷⁵. Это должно было стать известным еще до начала лета в Афинах, где примерно в то же время начались дебаты по поводу желания Александра получить божеские почести⁷⁶. Однако толчком к прямому противостоянию послужило неожиданное прибытие в Афины Гарпала поздней весной 324 г. Подгоняемый, видимо, оправданным страхом быть привлеченным Александром к ответственности за свои махинации, Гарпал удрал из Вавилона с богатыми сокровищами и на пути через Тарс с известным числом военных судов и наемных солдат примерно в июне пристал к афинскому берегу, где ему, однако, было отказано в разрешении на въезд командовавшим в Пирее стратегом Филоклом. Тогда Гарпал поплыл дальше до предгорий Тенара в Лаконии, ставшего уже с давних пор местом сбора оказавшихся без дела наемников, избежал там от кораблей и экипажей и снова появился под Афинами, на сей раз всего с тремя кораблями и 700 талантами серебра, теперь уже как просящий убежища. Где-то в середине июля 324 г. ему было разрешено въехать. Несколько лет тому назад он получил афинское гражданство⁷⁷ в награду за поддержку города поставками

⁷⁴ О запутанности вопроса о Самосе см.: *Habicht Ch.* // *AM.* — 1957. — Vol. 72. — P. 156 — 169; *Chiron.* — 1975. — Vol. 5. — P. 45 — 50; *Errington R.M.* Ibid. — P. 51 — 57; *Badian E.* // *ZPE.* — 1976. — Vol. 23. — P. 289 — 294; *Rosen K.* // *Historia.* — 1978. — Vol. 27. — P. 20 — 39; *Transier W.* *Samiaka* // *Epigraphische Studien zur Geschichte von Samos in hellenistischer und römischer Zeit.* — 1985. — S. 19 — 26, 163 — 164; *Shipley G.* *A History of Samos 800 — 188 B. C.* — 1989. — P. 161 — 168.

⁷⁵ См. чуть более поздний самосский декрет *Syll.*³ 312 в честь Горга из Иасоса, состоявшего в войске Александра начальником оружейной службы и вступившего перед царем за самосцев; документ заново опубликован с подробным комментарием: *Heisserer A.* *J. Alexander the Great and the Greeks. The Epigraphic Evidence.* — 1980. — P. 169 — 203. В нем говорится также, что и другие греки поздравляли Александра с его решением, и, во всяком случае, еще один его офицер, подобно Горгу, выступил в интересах самосцев и чуть позже был ими награжден почестями (*AM.* — 1919. — Vol. 44. — P. 6, № 5G). Немного спустя, осенью 324 г., Горг подбивал Александра на войну с Афинами (*Ephippas*, *FGrHist.* 126, F 5).

⁷⁶ *Habicht*, *Gottmenschentum.* — P. 28 — 36, 246 — 250; *Bosworth*, *Conquest.* — P. 288 — 290.

⁷⁷ *Python*, *TGrF* 1, № 91, F 1, 16.

зерна и уже на этом основании мог претендовать на прием, каким бы щекотливым ни обернулось его дерзкое требование для Афинского государства.

Приблизительно в то же время в Грецию прибыл царский посланник Никанор, зять и приемный сын Аристотеля, чтобы на Олимпийских играх (конец июля – 1 августа 324 г.) провозгласить Александров указ о том, что все греческие государства обязаны принять назад своих живших в изгнании сограждан. Содержание этого так называемого «эдикта об изгнанниках» уже было известно: Александр еще весною зачитал его пред своим войском. Именно поэтому, ожидая вступления указа в силу, в Олимпию потянулись бесчисленные изгнанники и на играх аглодисментами с энтузиазмом приветствовали его оглашение. Там в качестве официального предводителя афинского священного посольства (архифеора) присутствовал и Демосфен, и он воспользовался ситуацией, чтобы в интересах своего города провести переговоры с Никанором, так как положение стало критическим. Александр потребовал очистить Самос⁷⁸ – чему Афины не желали подчиниться – и немедленно выдать Гарпала⁷⁹.

В самосском вопросе Демосфен, возможно, смог добиться отсрочки до тех пор, пока афинское посольство не побеседует с царем; во всяком случае, незамедлительного исполнения царевой воли не последовало. Выдачи Гарпала афиняне сумели избежать тем, что позволили казначею свободно удалиться; чуть позже он был убит на Крите одним из своих младших офицеров. В вопросе об обожествовании Александра Демосфен, до того противодействовавший каждому подобному постановлению, на сей раз уступил, видимо, с намерением этим компромиссом добиться благоволения Александра по самосскому вопросу. В итоге граждане Афин по предложению Деманда постановили почитать Александра как бога. Затем, однако, выяснилось, что из семисот талантов, которые привез с собой в Афины Гарпал и которые, согласно его решению, по совету Демосфена были депонированы на Акрополе, половина пропала. Скандал был чудовищный – афинские граждане, и без того возмущенные самосским вопросом, этим разоблачением были совсем выведены из себя. В городе роились подозрения в отношении многих политиков, в первую очередь против Демосфена. В сентябре расследование этого дела было передано Ареопагу, то есть Совету, сформированному из бывших архонтов. Оно длилось шесть месяцев, до марта 323 г. К то-

⁷⁸ Можно оставить в стороне вопрос о том, было ли это требование лишь следствием указа об изгнанниках либо, что кажется мне более вероятным, осознанием, что и проводящим ту же линию актом.

⁷⁹ Не менее трех инстанций почти одновременно выдвинули требование выдачи: уполномоченный Александра Филоксен, Антипатр и Олимпиада (Hypereides 1, 8, 10–24; Diodor 17, 108, 7; Pausanias 2, 33, 4).

му времени возвратилось отправленное к Александру посольство с вестью, что царь не дозволил говорить с ним по самосскому вопросу. Это, наверное, и подвигло Ареопаг в деле о Гарпаловых деньгах высказать свое мнение о виновных, среди которых на первом месте стоял Демосфен, якобы присвоивший себе 20 талантов из этих денег, а также Демад. Против объявленных виновников начались процессы по букве закона. Обвинителем Демосфена выступил Гиперид, столь долгое время бывший ему близок, а также Динарх; обвинительные речи обоих до нас дошли — одна полностью, другая почти целиком. Демад, не дожидаясь процесса, отправился в изгнание. Демосфен был приговорен к большому штрафу и, поскольку не мог его заплатить, был брошен в тюрьму, из которой он, правда, вскорости бежал. В изгнании, на Эгине или в Трезене, должна была настигнуть его весть о смерти Александра, скончавшегося 10 июня 323 г. в Вавилоне.

Между тем конфликт по поводу Самоса еще более обострился. Два постановления Народного собрания Самоса 321 и 319 гг. дали недавно по этому поводу неожиданные разъяснения. Первый декрет, изданный в честь Антилеонта из Халкиды, описывает следующую ситуацию:⁸⁰ группа самосцев возвратилась на остров из самосского владения на малоазийском материке — области Анайи (совр. Кушадаси). Вслед за тем афинская еkklesia переправляет с посольным на казенном курьерском судне «Паралия» свое решение, предписывающее афинскому стратегу на Самосе всех этих лиц, включая детей, арестовать и отправить в Афины. По прибытии туда самосцы были брошены в темницу и приговорены к смерти. Антилеонт, как только узнал об этом, вступился за них в силу давней дружбы между его городом и Самосом: он отправил из личных средств деньги в Афины Совету Пятисот и Комиссии Одиннадцати, ведавшей приведением приговоров в исполнение, и тем самым спас жизнь самосцам, после чего позаботился о переправке их в Халкиду. В знак благодарности самосцы, вслед за тем снова водворившиеся на Самосе, почтили его воздвижением бронзовой статуи в святилище Геры и награждением золотым венком на празднестве в честь царей.

Этот самосский декрет должен относиться к одному из годов от 321 до 319, поскольку лишь в те годы на Самосе справляли праздник в честь царей Филиппа Арридея и Александра IV. От имени этих царей имперский регент Пердикка во исполнение воли Александра вернул в 321 г. остров его исконным обитателям, что и должно было стать основанием для учреждения царского праздника. Однако от имени тех же царей новый регент Полиперхонт двумя годами позже отменил решение Пердикки и передал Самос афинянам. Даже если это и не обрело силу — афиняне не вернулись на остров, а самосцы,

⁸⁰ *Habicht Ch.* // *AM.* — 1957. — Vol. 72. — S. 156 — 164, № 1.

напротив, остались в своих владениях, — культ обоих царей не мог бы пережить отмену первого решения.

Однако описанные события разыгрались раньше, в то время, когда еще существовал афинский стратег над Самосом и афинские клерухи еще владели островом, то есть уже не в 321 г., но, во всяком случае, до неудачного для Афин исхода Ламийской войны в сентябре 322 г.⁸¹. Первые самосцы — то есть те, которых арестовал афинский стратег — по всей видимости, под свежим впечатлением ставшего известным с лета 324 г. намерения Александра отобрать остров у афинян, возвратились на свою родину, вероятно, еще при его жизни, до июня 323 г., — тогда и попали они в руки афинского стратега⁸².

Второй, приблизительно синхронный первому декрет определяет почести Навсинуку из Сеста на Геллеспонте, который поддержал самосцев двумя военными кораблями во время их возвращения на остров⁸³. Лакуны в тексте надписи делают спорным, помог ли он им только при переправе с материка на остров⁸⁴ или же сверх того и в войне против еще державшихся на Самосе афинских клерухов⁸⁵.

Врученный стратегу приказ афинского демоса схватить вернувшихся на остров самосцев и нависший над ними, пусть и не приведенный в исполнение, смертный приговор с предельной ясностью показывают, что Афины и не думали подчиняться распоряжению Александра, но решили бороться за Самос⁸⁶. Тем самым город, как только летом 324 г. стало известно о намерении царя, сделал ставку на возможную войну и скрыто стал готовиться на этот случай. Он искал союзников там, где их можно было найти скорее всего — среди особенно задетых действиями царя. Этолийский союз предложил себя сам, поскольку Александр угрожал этолийцам отомстить им лично за разрушение акарнанского города Ойниады⁸⁷.

С этолийцами афиняне поддерживали связь через Леосфена, некоего гражданина, который, судя по всему, прежде никаких должностей не исполнял⁸⁸, а в эти месяцы выступил как организатор и ди-

⁸¹ Это справедливо первым заметил Р.-М. Эррингтон (Chiron. — 1975. — Vol. 5. — P. 51 — 57), тогда как я в первой публикации декрета выступал за более позднюю дату.

⁸² Случилось ли это незадолго до или вскоре после смерти Александра, не слишком важно.

⁸³ Habicht Ch. // AM. — 1957. — Vol 72. — S. 164 — 169; № 2.

⁸⁴ Так считает: Habicht, idem. В строках 8 — 9 принятое мной во внимание слово $\pi[\alpha\rho\theta\iota\acute{o}\nu]$ вместе с Ж. и Л. Роберами (Bulletin épigraphique. — 1960. — P. 318) следует предпочесть восстановленному мною $\pi[\alpha\rho\alpha\pi\lambda\omicron\upsilon\nu]$.

⁸⁵ Badian E. // ZPE. — 1976. — Vol. 23. — P. 289 — 294; автор хочет восстановить здесь $\pi[\acute{o}\lambda\epsilon\mu\omicron\nu]$, против чего опять же выступает: Transier, Samiaka. — P. 163 — 164.

⁸⁶ Diodor 18, 8, 7: Ἀθηναῖοι τὴν Σάμον κατακλῆρουχῶτες οὐδαμῶς τὴν νῆσον ταύτην προέιντο.

⁸⁷ Diodor 17, 111, 3; 18, 8, 6; Plutarch, Alexander 49.

⁸⁸ Как весьма убедительно показали Яшински (op. cit. — P. 51 — 54) и Босворт

пломат, а затем и военачальник. Его возвышение тесно связано с проблемой наемников, возникшей вследствие распоряжения Александра от 324 г., которое гласило, что все сатрапы должны отпустить своих наемников. В Малой Азии Леосфен собрал великое множество этих оставшихся без дела и слонявшихся повсюду солдат и переправил их в Тенар, уже сделавшийся местом набора наемников. Избранный там ими полномочным стратегом Леосфен предложил свои услуги афинским властям. По его просьбе Совет тайно поддержал его деньгами в сумме 50 талантов и оружием. С одобрения Совета, но еще как частное лицо, Леосфен тайком завязал контакты с эллистами⁸⁹. Приблизительно в момент смерти Александра он располагал на Тенаре войском в восемь тысяч проверенных в боях наемников. Примерно тогда же его должны были избрать стратегом афинских гоплитов на 323/22 г. Денег в Афинах было вдоволь из оставленного Гарпалом сокровища. С разными греческими государствами были налажены тайные дипломатические связи. Афины располагали военным флотом в несколько сот кораблей. Когда пришло известие о смерти Александра в Вавилоне, город был готов к войне. Со смертью царя, во всяком случае, тут же расширилась цель войны: теперь следовало сражаться не только за обладание Самосом, но и за свободу государства от македонской опеки и свободу других принявших участие в войне греческих государств. Осенью 323 года началась Эллинская война, как окрестили ее греки-союзники, или Ламийская война, как ее стали называть позже.

(Conquest. — P. 293 — 294), он не идентичен Леосфену, стратегу над территорией Аттики из многократно обсуждавшейся надписи Оропа (AE. — 1918. — P. 73 — 100. № 95 — 97; *Reinmuth. Inscriptions*, №15). Мне кажется также доказанным, что эта надпись относится не к 324/3 г., а лежит между 329/8 и 326/5 гг.: *Gehrke, Phokion*. — 1976. — S. 78 — 79; *Basworth. Conquest*. — P. 294.

⁸⁹ Diodor 17, 111, 3; 18, 8, 7 — 9, 4.

II. Под чужеземным владычеством (323 — 307 гг.)¹

1. Эллинская война²

Как только подтвердилась весть о смерти Александра Великого, в большинстве греческих государств возобладало стремление освободиться от власти македонян, которая Александровым эдиктом об изгнанниках только добавила напряженности. Были и исключения, такие как Спарта, еще страдавшая от последствий войны Агиса, или Беотия, где отдельные города поделили между собой территорию разрушенных Фив, а потому были заинтересованы в сохранении установленного порядка. Однако в большинстве полисов начались брожения. На Родосе македонский гарнизон был выдворен, в Афинах Леосфен получил наконец возможность действовать открыто, обретя сочувствие Народного собрания. Демад и почти восьмидесятилетний стратег Фокион как представители интересов крупных землевладельцев тщетно предостерегали от объявления войны, к которой призывали Леосфен, Гиперид и другие. Афины заключили союз с этолийцами, фокейцами и локридянами в Средней Греции, с Сикионом в Ахайе и другими государствами Пелопоннеса. Этолийцы были особенно важны из-за их многочисленности и контроля над Фермопилами — горным проходом, ведущим из Македонии в Грецию. На Пелопоннесе Демосфен обретал сторонников присоединения к нацеленной против Македонии коалиции и как изгнанник преуспел там, где официальные посланники Афин ничего не сумели добиться. Тогда, по предложению его родственника

¹ Will. Histoire. — 2 ed. — Vol. I. — P. 27 — 74.; Williams J. M. Athens without democracy. — Yale, 1985; Gehrke H. J. Phokion. — Munchen, 1976; Trütle L. A. Phokion the Good. — London, 1988.

² Наиважнейшие источники по так наз. Ламийской войне суть: Diodor 18, 8—18; Plutarch, Phokion 23—29; Demosthenes 27—31, далее речь Гиперида о павших (ог. 6). К этому добавляются многочисленные отрывки различных авторов и некоторые аттические надписи 323/2 г., относящиеся к союзам с этолийцами, фокейцами, Сикионом, локридянами (StV. — № 413, где, однако, не упомянут союз с локридянами (Hesperia-2. — 1933. — P. 397, № 17). Все еще ценными остаются работы: Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. — 2 ed. — 1887. — Vol. 3. — S. 351—398; Stähelin F. // RE, La-mischer Krieg. — 1924. — S. 562—564; Lehmann G. A. // ZPE. — 1988. — Vol. 73. — P. 121—149.

Демона, он был реабилитирован, возвратился в Афины с триумфом, напоминавшим возвращение из изгнания Алкивиада в 408 г., и примирился с Гиперидом. Народное собрание постановило объявить войну за освобождение Греции и городов, занятых македонскими гарнизонами, мобилизацию флота и приведение в боевую готовность войска, при том что рекрутировались мужчины в возрасте до 40 лет, то есть половина всего боеспособного призывного возраста до 42 лет. Члены трех фил должны были взять на себя оборону Аттики, приписанные к семи остальным филам — быть готовыми к наступлению³.

Настрой в Афинах по отношению к тем, кто наладил хорошие связи с македонской знатью, был неблагоприятным. Демад из-за того, что внес предложение признать обожествление Александра, был приговорен к штрафу в десять талантов за «введение культа нового бога» и, поскольку он не был в состоянии его уплатить, поплатился лишением почетных гражданских прав. Другие политики, такие как Пифей и Каллимедонт по прозвищу Краб, покинули город и направились в лагерь македонян к Антипатру. И Аристотель, чья дружба с Антипатром была хорошо известна, оставил в конце 323 г. Афины и переселился в дом своей матери в Халкиде на острове Эвбея, которая, за исключением города Кариста, соблюдала договор с Македонией. Против Аристотеля, как и против Демада, было выставлено обвинение в асебии, так как он около двадцати лет тому назад посвятил своему тестю Гермею, тирану Атарнея, стихи, которые из-за нескольких славословящих оборотов были истолкованы как гимн, дозволенный к сочинению лишь в честь богов. Аристотель скончался в Халкиде в октябре 322 года, после того как ему пришлось пережить лишение еще и дельфийских почестей, в свое время назначенных Амфикистией, по поводу чего он писал Антипатру, что сие не слишком огорчило его, хотя и не было вовсе уж безразличным⁴.

Союзные греки учредили совместный Совет (*Synhedrion*), который собирался на штаб-квартире вооруженных сил и в который каждый город делегировал по одному представителю⁵. Главнокомандующим

³ Diodor 18, 10, 2. О мощности афинского флота см.: Ashton N. G. // ABSA. — 1977. — Vol. 72. — P. 1–11; Morrison J. S. // JHS. — 1987. — Vol. 107. — P. 88–97; Sekunda N. V. // ABSA. — 1992. — Vol. 87. — P. 348–354. Из зарегистрированных на 323 г. 417 военных судов в дальнейшем не все были введены в действие.

⁴ Aelian, var. hist. 14, 1. Об этом см.: Düring I. Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. — 1957. — P. 401; T. 67 с, также P. 339 – 340. Дюринг замечает, что это высказывание удачно подходит к одному месту в «Никомаховой этике» Аристотеля, а потому письмо скорее всего подлинно. Аристотель сделал своим душеприказчиком не кого иного, как Антипатра (Diog. Laert. 5, II). О дельфийских почестях см.: Spoerri W. Épigraphie et littérature: à propos de la liste des Pythioniques à Delphes // Comptes et Inventaires dans la Cité Grecque / Ed. D. Knoepfler. — 1968. — P. 111–140, особенно P. 129–130.

⁵ IG II² 467. 8 – 10.

был избран Леосфен. Он тут же перешел к наступлению, победил ставших у него на пути беотян, занял Фермопилы и соединился с отрядом Этолийского союза. Из Македонии появился Антипатр, дабы предотвратить присоединение к грекам приготовившейся к тому Фессалии, однако силы его по численности далеко уступали греческим. Он потерпел поражение от Леосфена и отступил в город Ламию, где оказался в затяжной осаде, по которой и получила впоследствии свое имя сама война. Антипатр надеялся на подкрепление, ведь он уже до выступления из Македонии отправил послов к двум верховным военачальникам Александра с просьбой о вооруженной помощи. Это были Кратер, которого Александр назначил перед смертью сменить Антипатра на посту стратега в Европе, а также находившийся с одиннадцатью тысячами ветеранов на марше в Малой Азии сатрап Геллеспонта Леоннат – муж, породнившийся с царской семьей, один из семи так называемых телохранителей (*somatophylakes*) Александра, о претензиях которого на македонский трон ходили упорные слухи.

Но до поры до времени Антипатр был предоставлен самому себе. Ему удавалось отражать штурмовые приступы греков на город Ламию, однако осажденным грозила опасность погибнуть от голода. Положение было настолько плачевным, что Антипатр приступил к переговорам. Леосфен потребовал ни много ни мало как безоговорочной капитуляции – Антипатр это требование отклонил. В то время, когда в Афинах и других греческих городах в буйной экзальтации праздновали первые крупные успехи, локальная война у Ламии получила свое продолжение. В одной из стычек Леосфен был смертельно ранен. Его смерть стала для союзников тяжелым ударом, ибо никто из полководцев не мог сравниться с ним в энергии и авторитете. Его место занял афинянин Антифил.

Зимой Леосфен и другие афиняне, павшие в первые месяцы войны, были торжественно погребены на афинском кладбище в Керамике. Надгробную речь в их честь – эпитафий держал Гиперид, как в свое время Перикл в честь павших в первый год Пелопоннесской войны и Демосфен в честь погибших при Херонее. Пространные отрывки из этой ставшей уже в античности знаменитой речи сохранились на листах папируса. Оратор прославлял Леосфена как начинателя и полководца этой войны, а город Афины – как протагониста Греции. Леосфен и другие граждане положили свой живот за свободу Эллады. В случае поражения вместо владычества закона повсюду восторжествовала бы надменность македонян⁶. Остро отточенной ос-

⁶ Hypereides 6, 3; 5; 16; 20. В начале войны он встретился на Родосе с посланцами Антипатра, которые хвалили того как порядочного. Он отвечал им: «Нам известно, что он таков, но мы не желаем даже порядочного деспота». [Plutarch], *mor.* 805 A.

новой мыслью стала антиномия монархии и республики, которой соответствовало противопоставление деспотического произвола господству права и закона. Этот эпитафий — последняя в Афинах выдающаяся речь, лебединая песнь о свободе Греции.

На театре же войны наметились перемены. Союзники не смогли удерживать свои вооруженные силы в единении столь долгое время: ушли восвояси этоляне, так как им казалось, что оставшихся сил достаточно, чтобы одолеть Антипатра. Но тогда весной 322-го вдруг появился Леоннат. Не успел он еще воссоединиться с Антипатром, как на него напали греки: фессалийская конница под началом Мемнона из Фарсала одержала блистательную победу, Леоннат был отеснен на один из холмов и мужественно пал там в сражении. Однако его вообще не введенной в бой пехоте все же удалось на следующий день соединиться с Антипатром. Тем самым тот был спасен: хотя греки и остались хозяевами на поле боя, но они не могли уже помешать ему отступить на север.

Между тем война разгорелась и на море. Имея под началом 170 кораблей, афинский адмирал Эветион пытался одолеть в Геллеспонте флот Антипатра. В ответ на это имперский регент Пердикка выслал из Финикии Александров флот под командованием опытного македонского адмирала Клита, который сумел воссоединиться с эскадрой Антипатра. В двух морских сражениях — сначала при Абидосе в Геллеспонте, а затем у кикладского острова Аморгоса — превосходящий числом кораблей флот Клита разгромил около 1 июля 322 г. афинскую армаду⁷. Чуть позже наступил решительный перелом и на суше: Кратер со своей армией объединился с силами Антипатра и отдался под его верховное командование. В битве при Краноне в Фессалии сорок тысяч македонских гоплитов противостояли всего лишь двадцати пяти тысячам греков. В кавалерийской баталии победа досталась опять же фессалийской коннице, но македонская фаланга одолела греческое войско, которому все же удалось отступить в боевом порядке. Война была проиграна, верховное командование союзников попросило о переговорах. Антипатр настоял на сепаратных переговорах с каждым городом в отдельности. Это привело к развалу военного союза: каждый город поспешил теперь заключить мир на возможно выгодных для себя условиях. Этолийцы и афиняне очень скоро оказались в изоляции.

Отозванные с войны Демад и Фокион сейчас же были отправлены из Афин послами к Антипатру и Кратеру, а вместе с ними и философ Ксенократ из Халкедона, второй преемник Платона в руковод-

⁷ Морские сражения, прежде всего в Геллеспонте, упомянуты многими афинскими декретами последующих годов: IG II² 398, 492 (?), 493, 505, 506; *Hesperia*, 8.—1939.— Vol. 30, № 8, 18—21 (?); Vol. 40, 1971, 174, № 25. Ср.: *Wilhelm Ad. Attische Urkunden*.—Wien, 1942.— Vol. 5.— S. 175—181 (=Akademieschriften I, 791—797).

стве Академией⁸. Теперь уже Антипатр настаивал на безоговорочной капитуляции. Когда она была обещана, он выставил следующие условия мира: принятие македонского гарнизона в укрепленной гавани Мунихии, выдача ответственных за развязывание войны политиков, а также изменение конституции, номинально сохранявшей демократию, но ограничивавшей круг граждан с политическими правами теми, кто располагал состоянием не менее 2000 драхм. Этот ценз, побудительные мотивы к введению которого могли подать сами уполномоченные Афин⁹, сокращал число полноправных граждан с 21 000 до 9000. Афиняне вновь потеряли город Ороп со святилищем Амфиарая. А вот решение о Самосе Антипатр передал на усмотрение царей, то есть практически регенту державы Пердикке, поскольку оба царя были недееспособны. Поэтому он не стал решать судьбу Самоса самолично – ведь остров был приписан к Азии, а не к европейской стратегии, – избежав тем самым очернения за совершение этого действия.

Во главе государства встали теперь Фокион и Демад. Последний пошел на то, чего невозможно было избежать: по его предложению Народное собрание приговорило к смерти политических противников Антипатра во главе с Демосфеном, Гиперидом и Эвкратом, инициатором закона 336 г. (с. 21). На Пелопоннесе сыщики Антипатра устроили на них охоту; Гиперид и Демосфен погибли (последний от своей руки) в октябре с разницей в одну неделю: 9 и соответственно 16 пнанепсиона по афинскому календарю. Ту же судьбу разделили ответственные политики и в других греческих государствах, если только они, подобно Эвфрону из Сикиона, не пали в боях¹⁰. От эксцессов, однако, Антипатр, кажется, устранился. И в остальной Греции он установил порядок в своем духе; одни этолийцы еще не стали ему подвластными. Он и Кратер, с которым он обручил свою дочь Филу, начали против них войну, но вскоре прервали ее, чтобы успеть отреагировать на развитие событий в Азии, где в 321 г. после безуспешного нападения на Египет был убит наместник державы Пердикка.

В Афинах в середине сентября 322 г., в укреплении Пирея был водворен македонский гарнизон¹¹. Он моментально сделался ненавистным символом не только обновленного, но отныне уже более пря-

⁸ Со всей поспешностью Демаду были возвращены права почетного гражданина, которые у него были отобраны в связи с его предложением обожестьвить Александра после смерти. Фокион, несмотря на его упорную антивоенную позицию, выполнил свой патриотический долг в качестве афинского стратега, разгромив македонский корпус, высадившийся у Рамнунта в Аттике.

⁹ Gehrke H.-J. Phokion. – München, 1976. – S. 91; с ним согласен: Wallace R.W. The Areopagos Council to 307 B. C. – Baltimore, 1988. – P. 201.

¹⁰ IG II² 448, – P. 52 – 56.

¹¹ 20 боеэдриомона, именно в тот день, когда тринадцать лет тому назад Афин достигло известие о разрушении Фив.

молинейного чужеземного надзора, однако одновременно стал залогом прочности нового афинского режима. Более поздний (времени Цезаря) историк Диодор с морализирующих позиций рассматривал закабаление Афин как запоздалое возмездие за вину в святотатстве, совершенном за поколение до того фokeйцами в Дельфах¹². Философу Ксенократу в знак признательности его заслуг как члена миротворческого посольства к Антипатру было предложено афинское гражданство, однако философ отклонил предложение на том основании, что он не желал бы стать гражданином города, где действует такая конституция, принятие которой он старался предотвратить¹³.

Спустя недолгое время, примерно в конце 322 г., из царской ставки пришел вердикт о Самосе: возглавляемой Демадом афинской делегации на ее петицию ответили отказом¹⁴. Среди тех, кто теперь вынужден был возвратиться в Афины, оказалась семья родившегося на Самосе философа Эпикура, которому тогда исполнилось аккурат двадцать лет¹⁵.

Поражение 322 г. Афины восприняли гораздо болезненнее, чем в 338 г. Флот был уничтожен, и с афинским престижем морской державы было покончено навсегда¹⁶. К этому присовокупились потеря Оропа и Самоса¹⁷, а также большее всего врезавшееся в сердца присутствие чуждого гарнизона в Пирее. И все же афиняне сумели пройти с высоко поднятой головой: они мужественно поднялись на

¹² *Diodor* 16, 64, 1.

¹³ *Plutarch*, *Phokion* 29, 6.; *Whitehead D.* Xenocrates the Metic // *RhM.* — 1981. — Vol. 124. — P. 238 — 241.

¹⁴ *Diodor* 18, 18, 9. *Diog. Laert.* 10, 1 и «Демадов папирус» (*Berliner Klassiker-texte.* — 1923. — Vol 7; строки 188 сл., 213 сл.) с замечаниями: v. *Arnim H.* // *WS.* — Vol. 43. — 1922–1923. — S. 87–88. От последующих двух десятилетий дошло около 35 постановлений самосского Народного собрания, которые благодарят граждан различных государств греческого мира за заботу, оказанную ими рассеянными в диаспоре самосцам во время их изгнания. Самосцы обращались ко всему греческому миру с просьбами о покрытии расходов, связанных с их возвращением на родину и реставрацией их государственности; среди тех, кто сделал взносы на это, находим Спартанское государство (*[Aristoteles]*, *Oekonomik* II 2, 9) и знатного милетского гражданина Сосистрата (*AM.* — 1972. — 87. — S. 199, № 4). *Habicht Ch.* // *Chiron.* — 1975. — Vol 5. — S. 45 — 50.

¹⁵ *Diog. Laert.* 10, 1. В 325/4 г. он был зачислен в городе вместе со своим сверстником Менадром в корпус эфетов.

¹⁶ *Beloch, GG IV* I², 73. Книга М. Амйтса «*Athens and the Sea: A Study in Athenian Sea-Power.* — 1965» заканчивается 322 годом. В одном заклятии на свинцовой табличке Ад. Вильхельм распознал имена десяти триерархов, или занятых в управлении флотом граждан, а в качестве повода для заклятия — один касавшийся флота судебный процесс 323/2 г. (*JÖAI.* — 1904. — Vol. 7. — S. 122–126). Проклятие, посланное неизвестным лицом своим противникам по суду, возымело чересчур решительное действие.

¹⁷ Потому имело свой резон, когда Демад заявил тогда, что он-де, стоя у руля, привел Афины к кораблекрушению.

защиту своего отечества, в войне стали в первых рядах пред остальными греками и сражались отважно. Их заслуга никогда не была оценена ниже, чем это сделал молодой Ульрих Виламовиц-Мёллендорф, который в 32-летнем возрасте рассуждал так: «когда афиняне после смерти Александра совсем потеряли голову и вообразили себе, коль скоро царь смог умереть, то и умершая свобода может заголосить как живая...»¹⁸. Противоположную и, как мне кажется, удачную оценку недавно сформулировал А. Б. Босворт: «Как только стало известно о смерти Александра, народ поднялся по призыву к свободе и... пошел на жертвы, которые требовала от него война, с пылом, достойным его величайших дней»¹⁹.

2. Беспокойные послевоенные годы

Во время войны произошли в Азии значительные политические перемены, оказавшие сильное обратное влияние на Грецию и Афины²⁰. Маршалы Александра пришли в Вавилоне к соглашению о наследнике царя и дележе важнейших имперских должностей. С царским титулом должны были править совместно сводный брат Александра Филипп Арридей и соименный ему сын, которого спустя несколько месяцев после кончины царя родила согдийка Роксана. Поскольку Филипп был слабоумен, а Александр еще не вышел из пеленок, все дела в качестве управителя державы вел македонянин Пер-

¹⁸ Antigonos von Karystos. — 1881. — S. 182.

¹⁹ Bosworth A.B. Conquest. — P. 211: «Once Alexander's death was known, the demos rose to the call of liberty and... the Athenians rose to the sacrifices war demanded of them in an effort not unworthy of their greatest days».

²⁰ Для нижеследующего изложения см.: Beloch. GG. — Vol. 1. — S. 61 — 133; Will W. Histoire. — Vol. 1. — P. 19 — 65.; Hammond. Macedonia. — P. 95 — 150. О двойном царствовании см.: Habicht Ch. // Vestigia. — 1973. — Vol. 17. — S. 367 — 377. Хронология событий от 321 до 312 г. запутана и крайне противоречива. Основы ее заложил Белох; новые важнейшие труды: Errington R.M. From Babylon to Triparaderos // JHS. — Vol. 90. — P. 49 — 78; idem // Hermes. — 1977. — Vol. 105. — P. 478 — 504; Gullath B., Schober L. Zur Chronologic der frühen Diadochenzeit // Festschrift S. Lauffer. — 1986. — S. 329 — 378; Bosworth A. B. // Chiron. — 1992. — Vol. 22. — P. 55 — 81. Против Белоха выступили Эррингтон и Гуллат-Шобер с той поправкой, что конференция в Трипарадесе состоялась летом не 318, но только 317 г. Напротив, Босворт поддерживает даты Белоха. Все согласны в том, что царь Филипп Арридей и Эвридика скончались в 317 г. Для событий в Афинах «низкая хронология» Эррингтона была исправлена: демократический переворот и казнь Фокиона последовали весной 318 г. (Williams J. M. // Hermes. — 1984. — Vol. 112. — P. 300 — 305; Gullath B., Schober L. — P. 338 — 349; Bosworth. — P. 68 — 69); повторное основание Фив Кассандром падает, согласно Белоху и Босворту, на лето 316 г., по Эррингтону и Гуллат-Шоберу, напротив, на лето 315 г. Поход Кассандра против Лемноса, в котором участвовало и афинское войско, датирован Эррингтоном (Hermes. P. 398) осенью 313 г.

дикка. Рядом с ним самые влиятельные позиции заняли Кратер, который отправился в путь, дабы сместить Антипатра с его поста в Македонии и Европе (с. 45), Птолемей с его Египетской сатрапией, Лисимах с Фракией, Леоннат с Геллеспонтской и Антигон с Центральной Фригией: Антигон был первым, кто поднялся против самовластия Пердикки. Но поскольку это оказалось ему не по силам, он стал искать помощи в Европе у Антипатра и Кратера, которые после победы при Кранноне как раз находились в состоянии войны с этолийцами. Они тут же отговорили его от этого намерения и для обуздания Пердикки объединились сами, а кроме того с Антигоном и затем с Птолемеем и Лисимахом. Здесь впервые обозначилась та схема, которая вскоре сделалась типичной для борьбы диадохов последующих лет: великие мира сего объединялись против сильнейшего на тот момент — сначала против Пердикки, потом против Антигона. При этом одни, как, видимо, Кратер и уж наверняка Антигон, были помешаны на идее завоевать доминирующее положение, тогда как другие, подобно Птолемею и Лисимаху, направляли свои усилия на то, чтобы никто не смог чрезмерно возвыситься единолично.

Едва прибыла армия из Европы, Пердикка напал на Птолемея в Египте. Он потерпел поражение с такими большими потерями, что был убит двумя своими офицерами, из которых один — Селевк стал основателем крупнейшего из царств диадохов. Войско предложило Птолемею регентство, однако тот его отклонил. Одновременно с кастрофой Пердикки его союзник, грек Эвмен, некогда секретарь Александра, одержал в Малой Азии крупную победу над Кратером — третьим после Леонната и Пердикки по значимости маршалом, — который сам пал в сражении. Антипатр в Малой Азии отделился от Кратера, пошел еще дальше в Сирию и встретился там с возвращавшейся из Египта армией Пердикки: к моменту встречи армия уже избрала Антипатра заочно новым регентом. На конференции предводителей в Трипарадисе в Средней Сирии летом 320 г. это решение было утверждено, и Антипатру, которому тогда исполнилось 78 лет, был передан архив Пердикки с направленной тому корреспонденцией, среди которой находились и письма Демада из Афин. Войсковое собрание приговорило руководителей партии Пердикки во главе с Эвменом к смерти и препоручило ведение войны с ними Антигону. Антипатр приставил к нему своего сына Кассандра не только в помощники, но и как контролера. Вслед за тем он с обоими царями возвратился назад в Македонию.

Между тем в Афинах в результате Ламийской войны был установлен новый порядок. Именовался он «отеческим строем» (*patrios politeia*), однако его противниками — демократами уже несколько лет спустя характеризовался просто как олигархия²¹. Краеугольным

²¹ Так стоит в IG II² 448, 60 — 68 (318 г.). «Преображенная олигархия» по де-

принципом нового порядка было то, что путем введения ценза граждан поделили на два класса — один с полными, а другой с урезанными правами, ограниченными лишь частной сферой. Последние не обладали ни правом голоса, ни правом избираться на какие-либо должности. Тем самым их приравнивали к гражданам, объявленным бесправными — *atimoi*, которым за различные правонарушения было отказано в политических правах. Лишенным прав лицам, собиравшимся выселиться, Антипатр предложил землю во Фракии, и многие намеревались извлечь из этого предложения выгоду. Но следует, кажется, исключить возможность того, что Афины могли тогда лишиться трети своего населения²². Неизвестно, выплачивалось ли и дальше жалование присяжным судьям и заседавшим в Народном собрании. Эфебия, если она вообще продолжила свое существование, должна была потерять эфэбов в той же пропорции, что и гражданский коллектив полноправных граждан, то есть примерно четыре седьмых. Существенным изменением в должностных институтах стало то, что секретаря Совета (*grammateus*) теперь сменил так называемый «записывающий» (*anagrapheus*), который заступил на его место с началом следующего за переворотом года, то есть примерно спустя одиннадцать месяцев, в июле 321 г. В документах обоих годов — 321/20 и 320/19 — он чаще всего упомянут перед архонтом-эпонимом, что точно так же, как и известная деятельность *anagrapheis*, говорит за то, что они были очень влиятельными людьми нового режима, к тому же назначенными, а не избранными по жребию магистратами. Точно так же и новая должность «блюстителей законов» (*nomophylakes*) появилась либо именно тогда, либо немного позже, при Деметрии Фалерском. Прерогативы ответственных за транспортные магистрали десяти «блюстителей города» — астиномов были переложены на коллегия из десяти надзирателей за рынком — агораномов²³.

Лидерами нового режима стали Демад, форумом коего было Народное собрание, на котором он в последующие годы проявлял себя как инициатор декретов, и старец Фокион, переступивший в 371/70 г. узаконенный порог тридцатилетнего возраста совершеннолетия. Он избирался стратегом в общей сложности 45 раз, то есть за редкими исключениями год за годом. Активные враги Македонии по предложению Демада были объявлены вне закона; их останки запретили хоронить в аттической земле (прах Гиперида родственники погребли

финиции Герке (Phokion. — München, 1976. — S. 95). О подробностях этого строя см.: Ferguson H. A. — P. 22 — 27; Mitchel // Hesperia. — 1964. — Vol. 33. — P. 346 — 347; Gehrke. Phokion. — S. 90 — 97; Williams. Athens. — P. 113 — 129; Wallace. The Areopagos Council to 307 B. C. — Baltimore, 1988. — P. 201 — 204.

²² Williams. Athens. — P. 112.

²³ IG II² 380.

в Аттике тайком). Также и почести Эвфрону из Сикиона, который в 323 г. первым на Пелопоннесе привел свой город к союзу с греками — за что народ афинский еще до конца года наградил его гражданскими правами, — были отменены, а стелы, на которых они были высечены, разрушены (см. выше, примеч. 10). Однако афиняне отвернулись тогда не от всех сражавшихся на их стороне. Верные доброй афинской традиции, они предоставили в 321/20 г. убежище примерно пятидесяти фессалийцам, изгнанным Антипатром после окончания войны со своей родины, и, видимо, в том же году — долопам, разделившим их судьбу²⁴. Беженцы получили привилегию приобретать в Афинах недвижимость, а потому их имена как свидетельство об уравнивании в правах были добавлены к тексту декрета и вместе с ним выставлены для публичного обозрения. Как установил Стефен Треси, от списка принятых в Афинах фессалийцев сохранился еще один фрагмент IG II² 2406 с именами других девяти лиц — об одном из них можно определенно сказать, что он происходил из города Феры²⁵. Обломок еще одного постановления Народного собрания, изданного в начале лета 321 г., примечателен тем, что он найден в Оропе, который уже за год до того был для Афин потерян. Возможно, мы имеем дело с предназначенной для Оропа копией декрета, каким-то образом трактовавшего условия переселения²⁶. Внесший предложение Гегемон принадлежал к кругу Фокиона и стал уже с 338 г. одним из политиков, относившихся к македонянам без предубеждения²⁷.

За немногие годы своего существования эта умеренная олигархия оказалась довольно щедрой на раздачу гражданских прав чужеземцам, так как мы располагаем не менее шести целиком или частично сохранившихся декретов о предоставлении гражданства, что, судя по всем аналогиям, может составлять лишь частицу реальных дарований²⁸. Почестями были отмечены в это время также некоторые иноземцы, которые после той или иной морской баталии приняли к себе потерпевших кораблекрушение либо попавших в плен афинян, позаботившись о них, соответственно выкупили и на собственные средства перевезли в Афины²⁹. Все более остро широкие круги общественности ощущали присутствие македонского гарнизона в Пирее как обременительное и постыдное, и в соответствии с этим усилился нажим

²⁴ IG II² 545 в восстановлении: *Wilhelm Ad.* // *Abh. Akad.* — Berlin, 1939. — S. 20 — 21. О датировке см.: *Pečírka J.* The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. — Prag, 1966. — P. 83 — 84. Долопы: IG II² 546.

²⁵ *Tracy*, ADT. — P. 84, 87 — 90.

²⁶ IG II² 375.

²⁷ *Gehrke*. Phokion. — S. 100 — 101. Позже он был казнен вместе с Фокионом.

²⁸ *Osborne*. Naturalization. — Vol. 1. — 88 ff, D 29 — 34, возможно, также: *Hesperia*. — 1993. — Vol. 62. — P. 249.

²⁹ *Hesperia*. — 1971. — Vol. 40. — P. 174, № 25 около июня 319 г., и примерно того же времени: IG II² 398.

на правителей с требованием добиться у Антипатра его депортации. Фокион определенно уклонялся от каждой подобной инициативы, а вот Демад, вероятно уповая на однажды данное Антипатром согласие, пошел навстречу воле народа и позволил избрать себя, вместе со своим сыном Демеем, послом к Антипатру, который весной 319 г. возвратился из Азии. Между тем, когда летом 319 г. отец с сыном прибыли в македонскую резиденцию в Пелле, они не только не получили возможности изложить свои намерения Антипатру, но и оказались в заключении по обвинению в государственной измене, которое представил в трибунал коринфянин Динарх. Поскольку Антипатр лежал на одре смерти, председательствовал на суде его вернувшийся из Малой Азии сын Кассандр. Обвинение было обоснованным, так как среди бумаг Пердикки нашлись отправленные ему Демадом письма, подстрекавшие того идти на Грецию и освободить страну от старого деспота (Антипатра). Обоим афинянам не помогло звание к их статусу послов, и Кассандр приказал их казнить.

Немного спустя Антипатр скончался, и его смерть вновь весьма решительно изменила политическую ситуацию. В обход своего сына Кассандра он назначил преемником на регентство одного престарелого македонского генерала по имени Полиперхонт. Кассандр же вовсе не собирался мириться с уготованной ему ролью второго человека в царстве. Он тайком удалился от двора и отправил ко всем начальникам внедренных Антипатром в Греции гарнизонов требование перейти под его начало. В Афины он послал Никанора, который, вероятно, был его племянником, и коммендант гавани Менилл действительно уступил тому свое место³⁰. С просьбой о поддержке Кассандр обратился также к Птолемию и другим владыкам.

Дабы предотвратить обвальный переход на сторону Кассандра, Полиперхонт осенью 319 г. издал от имени царей прокламацию, которая могла вызвать далеко идущие последствия и с помощью которой он надеялся заполучить себе греков³¹. В ней на Антипатра взваливалась вина за беды, постигшие Грецию в 322 г. Он призывал греков к свободе и предоставлял всем тем, кто начиная с 334 г. был отправлен македонскими полководцами в изгнание, право вернуться на родину и вернуть свои состояния. Для принятия изгнанников полисам был установлен срок до середины апреля (до 30 ксандика македонского календаря). Городу Афинам возвращалось владение Самосом, поскольку им, мол, «отдал» (т. е. оставил за ними) остров царь Фи-

³⁰ Согласно единодушному до недавнего времени мнению, Никанор был не кем иным, как зятем Аристотеля, который огласил в Олимпии Александров эдикт об изгнанниках (с. 39). Теперь А.-Б. Босворт высказал привлекательное предложение видеть в нем скорее сына македонянина Балакроса и Филы, и тем самым племянника Кассандра (CQ. — 1994. — Vol. 44. — P. 57 — 65).

³¹ *Diodor* 18, 56, 1 — 8, где в гл. 56, 3 вместо τριώντες вслед за Robert L. // RPh. — 1926. — Vol. 50. — P. 66 скорее следует читать τριούτες.

липп. Все греки должны были поддерживать мир друг с другом. Выполнение предписаний эдикта возлагалось на регента Полиперхонта.

В Афинах эта прокламация произвела эффект разорвавшейся бомбы, ведь она посулила при поддержке царского правительства обретение свободы и возвращение Самоса³². Фокион тотчас потерял большую часть своей опоры среди гражданства; минуя его, народ отправил послов в Пеллу с требованием помочь Афинам в духе эдикта. Совещались и о том, как бы собственными силами избавиться от Никанора и гарнизона в Мунихии. Никанор под охраной предоставленного ему Фокионом конвоя из граждан появился на одном состоявшемся в Пирее заседании Совета. Стратег по хоре Деркил советовал взять его под стражу, однако Фокион отклонил это предложение — при сложившихся обстоятельствах Никанор был его самой главной опорой. Тогда Народное собрание постановило, чтобы стратег Фокион дал команду выбить Никанора из укрепления, но Фокион опять же вел себя пассивно, чем воспользовался Никанор и одной ошеломляющей акцией, силами срочно на вербованного подкрепления поставил под свой контроль весь Пирей. Фокион и другие были уполномочены вести с ним переговоры и принудить к исполнению царского распоряжения. Никанор, однако, сослался на внедрившего его Кассандра: дескать, без его инструкций он ничего не может предпринимать (Кассандр между тем находился в Малой Азии). Но когда и послание Олимпиады потребовало от него оставить Пирей, он колебался, пообещал очистить укрепление, хотя и затягивал с выполнением обещания.

И вот появилась с войском сын Полиперхонта Александр. Его прибытие прибавило афинянам уверенности в том, что благодаря ему удастся получить назад Мунихию и Пирей. Но тогда Фокион стал склонять Александра найти договоренность с Никанором. Не допуская к делу афинян, Александр начал переговоры с Никанором. И тут стало ясно, что Фокион действует наперекор твердой воле народа. В марте или апреле 318 г. он и люди его правительства были смещены с должностей и предстали перед судом. У него был выбор: искать убежища у Никанора либо у Александра, и он предпочел последнего. Александр дал ему в дорогу рекомендательное письмо к своему отцу Полиперхонту, но тут же и тем же путем отправилось и возглавляемое Гагнонидом посольство от кругов, задававших в то время тон в Афинах. В Фокиде обе стороны встретились с Полиперхонтом, который проявил тогда всю свою некомпетентность и ни-

---

³² О дальнейшем см.: *Gehrke, Phokion*. — S. 108 — 120. Основные источники: *Diodor, Plutarch, Phokion* 30 — 38; *Nepos, Phocion*. О хронологии событий в Афинах см. выше, примеч. 20. Элевсинский декрет в честь Деркила (IG II² 1287) на убедительных основаниях был отнесен Ф.-У. Митчелом (*Hesperia*. — 1964. — Vol. 33. — P. 337 — 351) к 319/8 г.

зость. Он согласился со смещением Фокиона, но вместо того, чтобы обеспечить ему личную безопасность, распорядился доставить его вместе с единомышленниками в Афины.

Афинянам он отписал, что в его глазах Фокион предатель, однако они свободны и независимы и им самим предстоит вынести решение. «Пленник собственной политики, он допустил падение Фокиона, дабы не потерять в глазах греков свое лицо»⁴³. Ход событий направляли теперь в городе только что вернувшиеся из изгнания радикальные демократы из окружения Гagnонида. На суматошном и грубо попиравшем правовые нормы Народном собрании Фокион и его сторонники были осуждены и тут же препровождены в темницу для экзекуции. В начале мая 318 г. (10 мунихиона аттического календаря) Фокион в возрасте 83 лет принял чашу с ядом⁴⁴.

При описанных обстоятельствах весной 318 г. в Афинах состоялась реставрация демократии. Новые олигархические должности хотя и были сохранены до конца года – примерно до 1 июля (*anagrapheus* упомянут еще в последний день 319/8 года⁴⁵) – однако с урезанными полномочиями, а после этого были заменены на традиционные. Отмененные при олигархии почести Эвфрону из Сикиона (с. 47) осенью были торжественно восстановлены по внесенному Гagnонидом декрету; поставленный тогда памятник содержит и более ранний декрет 323 г., который после разрушения стелы был скопирован с оригинала в архиве⁴⁶. Незадолго до того – на Великие Панафины около начала августа – сын Полиперхонта Александр посвятил богине гоплитское оружие, как это в более широких масштабах в 334 г. сделал Александр Великий (с. 25). Во время того же праздника был уверенчaн народом стратег Конон, потомок более знаменитого на рубеже столетий одноименного адмирала. Это примечательно еще и потому, что он в предыдущем году, как и Фокион, также играл определенную политическую роль⁴⁷.

В остальном Полиперхонт и Александр не сдержали тех обещаний, что ожидали от них афиняне. Впрочем, они были хозяевами в городе и на хоре, и под их прикрытием там господствовала демократия⁴⁸. Одна-

⁴³ Gehrke. Phokion. – S. 118.

⁴⁴ Показательно, что один из обвинителей – Демофил уже выступал с обвинением в 323 г. против Аристотеля (Athen. 15, 696 В. Diog. Laert. 5, 5) и что Гagnонид в 318/7 г. выдвинул обвинение против Феофраста (Diog. Laert. 5, 37). После Ламийской войны Гagnонид был обязан Фокиону тем, что он мог находиться в изгнании в Пелопоннесе (Plutarch, Phokion 29, 4; АМ 67, 1942, 41, № 49).

⁴⁵ Hesperia 1941, 10, P. 268, № 69.

⁴⁶ IG II² 448, 1 – 34 – более ранний, 35 – 87 – более поздний декрет.

⁴⁷ IG II² 1437, col. I 6 – 8 (Александр); 1479, A 18 – 21 (Конон). О роли Конона перед крушением демократии см.: Diodor 18, 64, 5.

⁴⁸ В мае – июне 318 г. Полиперхонт письменно обратился к афинским властям с требованием, чтобы двое его помощников были отмечены гражданскими

ко Никанор, как и прежде, контролировал гавань (осада ее Полиперхонтом ни к чему не привела) и припасал ее для передачи в распоряжение Кассандра, который в ближайшее время, придя из Азии с вооруженными силами Антигона, должен был направиться в Афины. Но и в Малой Азии дело дошло до угрожающих конфликтов между властями предержажными, и, как всегда в эти годы, события на Востоке и на Западе, быстро сменяясь, оказывали влияние друг на друга. Антигон, на которого в Трипарадесе как на нового стратега Азии была возложена миссия начать войну против сторонников Пердикки, в этом деле весьма преуспел, однако стал также расширять свою власть за счет других сатрапов. Весной 318 г. он почти полностью выгнал Арридея из его сатрапии в Геллеспонте и вынудил сатрапа Лидии Клит, победителя в морских сражениях Ламийской войны, бежать в Македонию, где тот заключил союз с Полиперхонтом; Клит находился в Афинах, когда Фокиону был вынесен приговор. С другого боку перед Антигоном появился Кассандр с просьбой о поддержке, которая была охотно предоставлена, так как Антигон прежде всего делал ставку на то, чтобы возможно больше ослабить центральную власть — теперь в лице Полиперхонта. Он дал Кассандру — помощь которому пообещал также Птолемей из Египта — войско и корабли.

И вот, как ответный ход, Полиперхонт приглашает мать Александра Олимпиаду, оставив Эпир, переехать в Македонию и заняться воспитанием ее царственного внука. Огромный пиетет к ней среди македонян должен был сыграть на руку Полиперхонту, а она так же горячо ненавидела Кассандра, как до того его отца Антипатра. Чтобы пустить в ход ее авторитет и в Азии против все нараставшей самостоятельности Антигона, Полиперхонт и Олимпиада назначили Эвмена представителем царских интересов в Азии, уполномочив его начать войну против Антигона, поскольку тот якобы уже в открытую отложился от царей. Это обвинение было подкреплено тем фактом, что Антигон конфисковал в Эфесе предназначавшийся для царей крупный транспорт с деньгами, пустив их на содержание своих наемников. Сам же Эвмен как раз снова набрал силу, после того как совсем недавно потерпел поражение от Антигона и долгое время выдерживал осаду в одной киликийской крепости в горах. Но хитрость, смелость, да и просто удача помогли ему выкарабкаться из, казалось бы, безнадежной ситуации, и этот враг царей (согласно принятому в Трипарадесе решению) неожиданно был назначен стражем их интересов. Тогда он совершил самое крупное свое преступление: с помощью облеченных властью Полиперхонта и Олимпиады ему удалось заполучить в Киликии трехтысячный корпус «серебряных щитов» (*Argyraspides*) вместе с богатой серебром казной, которую те стерегли

для царей. Располагая этими средствами, он сумел наберечь многочисленное войско и мог снова выступить против Антигона.

Итак, в начале 317 г. друг другу противостояли два больших лагеря: по одну сторону регент Полиперхонт с обоими царями и Олимпиадой в союзе с Клитом и Эвменом, по другую — Антигон, Кассандр и Лисимах, сатрап Фракии. Афины были в руках Полиперхонта, Пирей в руках Кассандра. В феврале начались бои, в которых участвовали отборные афинские солдаты (*epilektoi*)³⁹. В то время как Полиперхонт пытался склонить греческие государства Пелопоннеса поврать с Кассандром и перейти на его сторону, Антигон вознамерился переправиться через Проливы и вторгнуться в Македонию. Дабы поддержать его в этом, находившийся в тот момент в Пирее Кассандр отправил Никанора с полученными от Антигона кораблями на Боспор. Навстречу Никанору Полиперхонт высылает Клита. Тому удалось соединиться на Боспоре с Арридеем, который еще держался в одном из городов своей Геллеспонтской сатрапии. В июле или августе 317 г. на Боспоре произошли два морских сражения: Клит победил Никанора, но вслед за этим на место прибыл Антигон и с помощью Византия ночью переправил свою армию на европейскую сторону. Он атаковал войско Клита, буквально почившее на лаврах, а Никанор тем временем с остатками своего флота потопил его стоявшие на якоре корабли. Все Клитово войско было поголовно уничтожено, а сам он, спасаясь бегством, был убит солдатами Лисимаха.

Этот разгром явился тяжелым ударом для регента. Его престиж в Греции сильно пострадал, повсюду стали поднимать голову сторонники Кассандра. Теперь Антигон предоставил ему одному вести войну в Греции. Кассандр тотчас же отправился в Афины. Поначау его двукратная попытка захватить остров Саламин провалилась, однако он завладел Эгиной, а некоторое время спустя и Саламином⁴⁰, а также крепостью Панактом на границе Аттики с Беотией. Когда же Полиперхонт потерпел сокрушительное поражение и под Мегалополем, начался обвальный переход на сторону Кассандра. В Афинах демократический режим утратил под ногами почву; в Народном собрании открыто выдвигались требования начать переговоры с Кассандром⁴¹.

³⁹ Hesperia 4, 1935. — Vol. 4. — P. 35, № 5: коммент. *Русселя П.* // RA. — 1941. — Vol. II. — P. 220 — 222; ср.: IG II² 1209.

⁴⁰ Pausanias 1, 35, 2. Polyaeus 4, II, 13.

⁴¹ Diodor 18, 74. Два фрагментированных постановления Самоса от первого десятилетия после возвращения самосцев на свой остров (321 г.) позволяют, кроме того, прямо выяснить, что афиняне совершили тогда налет на остров, закончившийся провалом благодаря сопротивлению самосцев, которых в этом, вероятно, поддержал какой-то стратег одного из правителей (AM. — 1957. — Vol. 72. — S. 182 — 186, № 18 — 19). Это, по всей вероятности, стало возможным после издания эдикта Полиперхонта, снова передавшего остров афинянам, и после крушения Фокиона, но до падения демократического режима, т. е. между

Завязались переговоры с гражданами в Пирее, в первую очередь со сторонниками Фокиона, которые бежали к Никанору и тем самым спаслись, а также с находившимися там же офицерами Кассандра. Видную роль в этом играл Деметрий Фалерский, заочно приговоренный к смерти в момент свержения Фокиона. Это был образованный светский человек из школы Аристотеля и Феофраста. Летом 317 г. была наконец достигнута договоренность с Кассандром⁴². Афины в качестве союзника перешли на его сторону. Город и гавань тем самым вновь объединились, однако Кассандру позволялось на время ведения войны держать в Пирее гарнизон. Во всем остальном Афинам гарантировалась самостоятельность во внутренних делах. Лишь небольшое число более всего провинившихся политиков во главе с Гагнонидам, обвинителем Фокиона, было казнено. Останки Фокиона перевезли в Аттику и предали торжественному погребению за государственный счет. Номинально демократия продолжила существование, хотя неимущие были выключены на основании ценза, который, впрочем, оказался не столь уж ригористичным, как в 322 г.: он учитывал только половину тогдашней имущественной ставки, а именно тысячу драхм, и тем самым лишал политических прав лишь небольшое число граждан. Как доверенное лицо Кассандра, назначенное им самим, во главе государства стал Деметрий Фалерский, которому было суждено в течение последующих десяти лет управлять полисом⁴³. Немного позже между Кассандром и преисполненным победной гордостью Никанором дело дошло до конфликта, закончившегося осуждением Никанора Кассандровым войском и его казнью. Кассандр вернул городу его гавань, однако сохранил за собой контроль над крепостью в Мунихии и возвратился в Македонию, где новый разворот событий потребовал его внимания.

3. Деметрий Фалерский

Деметрий, сын Фанострата из дема Фалер, который как доверенное лицо Кассандра в 317 году заступил место главы Афинского государства, родился около 360 г. или чуть позже⁴⁴. Знаменитой семье Конона

февралем 318 и летом 317 г., разве только еще в 315 — 311 гг. (см. ниже, с. 67 — 69).

⁴² IG II² 1201; Diodor 18, 74.

⁴³ Текст Диодора (18, 74, 3), говорящий, видимо, о выборах, был понят неправильно: *Heuß A. Stadt und Herrscher des Hellenismus.* — 1937. — S. 53; автор полагает, что в нем можно распознать содействие народа при назначении правителя. В действительности же имеется лишь в виду, что Кассандр его избрал.

⁴⁴ Свидетельства о жизни Деметрия Фалерского и фрагменты его произведений собраны: *Wehrli F. Die Schule des Aristoteles.* — 2 Aufl. — 1968. — Vol. 4 *Demetrios von Phaleron*; они цитируются здесь как «фр.» с соответствующим но-

и Тимофея он приходился, вероятно, свойственником (фр. 1 – 2). В школе перипатетиков у Аристотеля и особенно у его преемника Феофраста, учеником которого он и считается, Деметрий получил основательное и разностороннее образование, которое подготовило его сверхактивную литературную деятельность в различных областях, не замيراющую, видимо, вовсе даже в годы его владычества над Афинами. Список его трудов (фр. 74 – 76 и все следующие фрагменты) содержит работы по философии, филологии, риторике, истории, теории государства и политике, но наряду с этим и список афинских архонтов, сочинение о толковании снов и многочисленные речи.

В оценке его политической роли мнения расходятся, но как писателем им столетиями зачитывались и восхищались. Цицерон, разделявший его консервативный настрой, а также духовные и литературные интересы, видел в нем единственного грека, который сумел высветиться и как государственный деятель, и как ученый⁴⁵. Аристотелевой школе и своему учителю Феофрасту Деметрий оставался верен всю свою жизнь. Феофрасту, который как чужеземец (он происходил из г. Эресоса на о. Лесбос) не имел права приобретать в Аттике земельную собственность, он помог во время своего правления приобрести участок, что хоть как-то облегчило тому занятия преподаванием (фр. 5). С того момента, как Аристотель стал воспитателем принца и оказался при македонском дворе, он и его ученики стали считаться друзьями македонского царского дома, равно как Антипатра и Кассандра. Поэтому националистически настроенные афиняне постоянно смотрели на них с подозрением. В дни национальных волнений, как, например, после смерти Александра в 323 г., когда Аристотель предпочел удалиться в Халкиду, или после крушения Деметрия в 307/6 г., они неоднократно оказывались в опасности, но каждый раз находились все же другие афиняне – такие же ярые патриоты, как и те националисты, – которые вставали на их защиту.

По этой же причине не следует удивляться тому, что выбор Кассандра пал на одного из этих кругов. Деметрий сам был членом посольства, которое в 322 г. вело переговоры с Антипатром о мире, куда входили такие видные люди, как Фокион, Демад и философ Ксе-

---

мером. Исторические фрагменты включены также в FGrHist 228, F 1 – 52, с коммент. Якоби. О vita Деметрия см.: *Davies // APF.* – P. 107 – 110. Ср. далее особ.: *Gehrke H. J. Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von, Phaleron // Chiron.* – 1978. – Vol. 8. – S. 149 – 193 (с литературой на S. 192 – 193); ср. примеч. 61. Новые аспекты ожидаются от двух еще не опубликованных монографий, с которыми я смог ознакомиться благодаря любезности автора: *Bernhardt R. Luxuskrick und Aufwandsbeschränkungen in der griechischen Welt*, и в посвященной Деметрию главе из книги Дж. Микалсона о народной религии эллинистических Афин.

⁴⁵ *Cicero. De legibus* 3, 14. О дальнейшей позитивной оценке Цицерона см. фр. 16, 62, 73 и 135. Прославляет его и Страбон (9, 398).

нократ. Однако брат Деметрия Гимерей принадлежал к националистическим политикам, и их выдачи потребовал тогда Антипатр, а как только заключенные были доставлены к нему, приказал их казнить. Когда угроза свержения нависла над Фокионом, коему он был близок, Деметрий спасся бегством к военачальнику Кассандра Никанору. Подчинение города власти Кассандра означало отказ от какой бы то ни было самостоятельной внешней политики, курс которой в большей степени теперь диктовался Кассандром. Этот отказ бичевали те, кто, подобно племяннику Демосфена Демохару, еще грезил об империалистическом прошлом Афин, однако это подарило городу десять лет покоя и редко когда потревоженного мира⁴⁶.

Неизвестно, какой титул носил Деметрий: авторы называют его то «комиссар» (*epimeletes*), то «начальник» (*epistates* или *prostates*), тогда как в ученых трудах предложен термин «законодатель» (*nomothetes*)⁴⁷. В 309/8 г. он был вдобавок к своим прочим должностям еще и архонтом Афин. Однако неясно, занимал ли он хоть раз должность стратега, ибо постоянно связываемая с ним почетная надпись IG II² 2971 на самом деле относится к его одноименному внуку, которому македонский царь Антигон Гонат после Хремонидовой войны вручил управление городом⁴⁸.

Поскольку поприще внешней политики было для него закрыто, он отдал себя внутренним делам, с которыми и связана деятельность Деметрия. Он создал себе имя как законодатель, реформатор и распорядитель. Само собой очевидно и доказано⁴⁹, что законотворчество приходится на начало его деятельности, тем более что оно в какой-то мере служило укреплению его позиций. Так как он сам был архонтом, архонтат, по крайней мере эпонимный, мог быть получен путем выборов, а не жеребьевки. Коллегия семи номофилаков («хранителей закона») была либо создана им, либо в своих полномочиях получила при нем более значительный вес. В ее компетенцию входило требование от должностных лиц соблюдать законы (при демократии это было делом Совета 500), а также своим вмешательством препят-

⁴⁶ Недавно стали известны два обширных постановления сельской общины Ахарны от 315/4 г.: в них нет и намек на беспокойные времена (AE. — 1992 [1993]. — Vol. 131. — P. 179 — 193).

⁴⁷ Указания у: Marasco, Democare. — P. 184, 185.

⁴⁸ Tracy St. Boiotia antiqua. — Montréal, 1994. — Vol. 4. — P. 151 — 161. Под вопросом стоит, сколько доверия заслуживает сообщение Полиэна (4, 7, 6) о том, что Деметрий Старший в 308/7 г. был стратегом. Но в декрете в честь Деметрия дема Аксионы (IG II² 1201) в строках 11, вероятно, следует (вслед за Де Санктисом, Фергюсоном, Хойсом и Герке) дополнять *στρατηγός*. Остается открытым также вопрос, воздвигнул ли дем Сфетта базу статуи старшему или младшему Деметрию Фалерскому (BSH. — 1969. — Vol. 93. — P. 56 — 71). Изготовивший ее скульптор Антигнот более не известен.

⁴⁹ В Паросской хронике под 317/6 годом, FGrHist 239, B 13.

ствовать в Совете и Народном собрании тому, что ей казалось противозаконным или ущербным для города. Прежде этого можно было добиться только вчинением иска, что до вынесения приговора имело, однако, лишь отсроченное действие⁵⁰. Номофилаки также были выборной годичной должностью.

Особое уважение снискали себе Деметриевы законы об ограничении роскоши, однако они, похоже, объединяли в себе две противоположные тенденции: демократическую идею равноправия, чужающуюся выставления напоказ богатого состояния, и целиком антидемократическую регламентацию частной жизни граждан. В действительности же, однако, как собирается показать Бернхардт (примеч. 44), даже критика кичливости своим богатством и роскошью вовсе не проистекает, как часто думают исследователи, из демократической идеологии, а скорее из аристократических воззрений, согласно которым ни один индивид не имел права превзойти своих сотоварищей по сословию. Регламентация допускалась вообще лишь в области религии и заупокойного культа. За этим наблюдало государство, благодаря чему вторжение в приватную сферу должно было ограничиваться лишь относящимися сюда погребальными обрядами и отправлением домашних культов, такими как свадьбы и пиры. Запрещены были любые чрезмерные траты на свадьбы, погребения и угощения. Число гостей на одном пиру не могло превышать тридцати, а надзор за соблюдением этого установления, как и других аналогичных предписаний, препоручался новой коллегии известных и за пределами Аттики «женоблагодетелей» (гинайкономов), чьи полномочия распространялись, впрочем, и на мужское сообщество⁵¹. Погребения должны были впредь совершаться до утренней зари; количество и стоимость погребальных пелен были ограничены. Особенно радикальным было то, что впредь дозволялось ставить на могилах лишь скромные, непритязательные памятники, а более крупные монументы — статуи и рельефы — в одночасье исчезли⁵². Навсегда исчезли и большие, роскошно увенчанные пальметтами мраморные вазы, ве-

⁵⁰ Gehrke. Op. cit. — S. 151 — 162. С восстановлением в 307 г. демократии была возрождена практика обвинений в противозаконности и вредоносном характере постановлений, самое же раннее из них было выставлено в 306 г. против закона Софокла (с. 77 сл.). Тем самым номофилаки должны были быть упразднены в 307 г.

⁵¹ Philochoros // FGrHist 328, F 65; Wehrli C. // MH. — 1962. — Vol. 19. — P. 33 — 38; Garland B. J. Gynaikonomoi; An investigation of Greek censors of women: Diss./ John Hopkins Univ. — Baltimore, 1981.

⁵² Cicero, De legibus 2, 64 — 66; Brueckner A. Der Friedhof am Eridanos. — 1909. — S. 25 — 26; Kirchner J. // Die Antike. — 1939. — Vol. 15. — S. 93 — 97; Möbius H. Die Ornamente der griechischen Grabstelen klassischer und nachhellenistischer Zeit. — 2 Aus. — 1968. — S. 44 — 45; Tiele J. // AJA. — 1970. — Vol. 74. — P. 204; Stichel R. Columela-mensa-labellum // AA. — 1992. — Vol. 107. — S. 433 — 440, и лит., указанная на с. 433, примеч. 1.

ликопелльные рельефы со сценами прощания, а с ними и впечатляющие надгробные стелы. От III в. дошел лишь один-единственный надгробный рельеф и небольшое число надгробных стел, но все они без исключения принадлежат иноземцам, изобличая тем самым тот факт, что ограничения закона затронули только граждан⁵³. С богатыми традициями аттического погребального искусства было раз и навсегда покончено, ибо с данного момента исчез и частный спрос на скульптуры. Многие художники, зарабатывавшие себе на хлеб ритуально-погребальными заказами, теперь вынуждены были эмигрировать; и вправду, одно выдающееся произведение аттического надгробного искусства чуть более позднего времени обнаружено в Деметриаде в Фессалии⁵⁴. Закон столетиями оставался в силе, что служит приметой его безоговорочного одобрения обществом, которое больше не желало позволять небольшой горстке особо крупных богачей проводящим образцом выставлять напоказ свое богатство.

Если у них тем самым была отобрана одна из форм самовыражения, которая долго была для них так дорога, то, с другой стороны, следующий закон Деметрия снял с их плеч обузу, от которой они долгое время страдали и на которую часто сетовали, — бремя хорегии, то есть обязанность на собственные средства обучать хоры для устраивавшихся несколько раз в год драматических представлений и на этот период содержать участников хора⁵⁵. Критика в адрес литургий, особенно хорегии, многократно раздавалась, начиная с середины IV в., например, со стороны Исократ, Ликурга, Аристотеля и Теофраста. Сам Деметрий говорил, что иногда очень дорогой тренажник свидетельствует лишь о разорении семей, которые звали на себя расходы по его изготовлению⁵⁶. Эта миссия поручалась на будущее одному избираемому ежегодно агонифету (руководителю состязаний), коему расходы возмещались из городской казны, хотя ему и не возбранялось — и, возможно, даже часто от него ожидалось — на собственные средства выполнять более того, что требовалось, то есть заботиться об особом лоске или о добавочном конкурсе.

Можно предположить, что была отменена еще одна из обременявших богачей литургий — триерархия, то есть обязанность в одиночку или совместно с немногими другими оснащать триеру и поддерживать ее постоянно на плаву готовой к походу. Роль афинского флота после 322 г. стала крайне скромной, и если даже само понятие триерархии продолжало существовать либо было введено повторно⁵⁷,

⁵³ Kirchner J. // AE. — 1937. — P. 338 — 340.

⁵⁴ Conze A. Die attischen Grabreliefs. — 1906. — Vol. 3. — № 1563; Möbius. Op. cit. S. 60; Wollers Ch. La Thessalie / Ed. by B. Helly. — 1979. — P. 86 — 87.

⁵⁵ Koehler U. // AM. — 1878. — Vol. 3. — S. 229 — 241.

⁵⁶ Wehrli. fr. 136 // FGGrHist 228, F 25. Ежегодно 28 граждан должны были снарядить хорегию.

⁵⁷ IG II² 1491, 26 и 30 от 305/4 г.; ISE 29 от 225/4 г.

этой литургии в прежней, весьма обременительной для богатых форме определенно уже не существовало. В такой вот степени конституция эллинистической эпохи, как и уклад позже обновленной демократии, была модифицирована в интересах зажиточных слоев.

Многочисленные известия ⁵⁸ деятельности Ареопага, то есть состоявшего из экс-архонтов древнего «Совета знати», который радикальная демократия в значительной степени лишила власти, делают вероятным, что он благодаря Деметрию достиг нового уважения и авторитета. Перед ним тогда должны были держать ответ за святотатство философы Теодор, по прозвищу «Безбожник», за которого пришлось вступить лично регенту, и Стильпон из Мегар. Распространялись ли полномочия Ареопага и на уголовное право, неизвестно. Но он вместе с гинайкономами осуществлял контроль за исполнением закона об ограничении роскоши⁵⁸. Исходя из того наблюдения, что с 315/4 г. датировка по архонтам часто появляется на закладных камнях (*horoi*), был сделан вывод об издании в 316/5 г. закона, по которому договоры об ипотеке и других юридических сделках впредь должны быть датированы и депонироваться у третьего лица⁵⁹. Критика опровергла, однако, это предположение указанием на то, что и в более позднее время имеется много недатированных межвых камней⁶⁰. Хотя новые находки лишний раз подкрепили наблюдение Фергюсона о появлении подобного рода датировок только с 315/4 г., объяснение этому до сих пор не найдено.

Долгое время среди исследователей сохранялось всеобщее убеждение, что философские школы Платона, Аристотеля и Теофраста непосредственно инспирировали законотворчество Деметрия, хотя мнения далеко разошлись по вопросу о том, к кому из них конкретно следует возводить отдельные законы. Однако вопреки общему убеждению Герке показал, что между теми философами и законами Деметрия имеется существенная разница, которая мешает, идя дальше общей тенденции, думать о прямом влиянии. Он указал также на то, что в законах Деметрия имеется много общего с законами других греческих государств и что некоторые его законы можно напрямую выводить из той ситуации, в которой находился он и его город. Позже Уильямс, Бернхардт и Микалсон в споре с Герке заняли позицию посредников между ним и более ранними исследователями⁶¹. Они подчеркивают, что хотя о специфических заимствованиях

⁵⁸ Wallace R.W. The Areopagos Council to 307 B. C. — Baltimore, 1989. — P. 204 — 205; Said S. // *Aristote et Athènes* / Ed. M. Pierart. — 1993. — P. 179 — 181.

⁵⁹ Ferguson // *Klio*. — 1911. — Vol. 11. — P. 265 — 276; Dow St., Travis A.H. // *Hesperia*. — 1943. — Vol. 12. — P. 159 — 165.

⁶⁰ Finley M.I. *Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500 — 200 B. C.* — 1952. — P. 177 — 181; Gehrke. Op. cit. — S. 176 — 177.

⁶¹ Герке, Бернхардт и Микалсон в работах, цитированных в примеч. 44. Williams // *AncW*. — 1987. — Vol. 44. — P. 87 — 98.

у Аристотеля, Теофраста или других речь идти не может, однако реформы по своей общей тенденции совпадают с учением разных философов и греческих реформаторов IV в.

В сфере управления к важнейшим мероприятиям Деметрия относятся проведенная им перепись населения. Ее результаты дали для Аттики 21 000 граждан, 10 000 осевших здесь чужеземцев и 400 000 рабов (эти цифры несомненно искажены)⁶². Приведенная для граждан цифра включает, по единодушному мнению, мужское гражданское население в возрасте свыше восемнадцати лет. Она с давних пор играет ключевую роль в исследованиях о численности аттического населения в конце IV в. Доверяющие ей исследователи определяют совокупное население Аттики, включая граждан, иноземцев и рабов обоих полов, примерно в 150 000 душ⁶³. Другие же высчитывают значительно большее число граждан — 31 000 — и приходят к совокупному числу населения в 250 000 душ⁶⁴.

Деметрий, критиковавший Перикла за огромные расходы, понесенные при сооружении Пропилей (фр. 137), продолжил строительную деятельность Ликурга, по крайней мере, в том, что во время его правления в Элевсине был завершён портик перед храмом богинь Деметры и Коры, а потрудился над этим архитектор Филон из Элевсина, который прежде построил арсенал (скевотеку) в Пирее (с. 31)⁶⁵.

Особенно удачлив был Деметрий в финансовой политике, с чем опять же неохотно соглашались его противники. Суточные деньги за посещение народного собрания и заседания присяжных более не выплачивали, точно так же как и зрелищные деньги (*theorika*), которые давали всем гражданам возможность посещать театральные представления. Государственные доходы должны были составлять в его время ежегодно около 1200 талантов (фр. 34), что точно соответствует той же сумме, которая приводится и для Ликурга (с. 30). Тот же информатор — однокашник и противник Деметрия Дурис с Самоса — говорит также, что он мало средств выделял на оборону и управление городом, ущемил образ жизни законами о роскоши, однако сам

⁶² *Ktesikles* // FGrHist 245, F 1.

⁶³ В крайне оживленной дискуссии последних лет это прежде всего Э. Руншенбуш, придерживающийся этого числа (ZPE. — 1984. — Vol. 54. — P. 253 — 269; 1988. — Vol. 72. — P. 139 — 140; 1988. — Vol. 75. — P. 194 — 196), далее: *Williams*. Athens. — P. 226 — 240 и *Sekunda N.V.* Athenian Demography // ABSA. — 1992. — Vol. 87. — P. 311 — 355.

⁶⁴ Самый ярый защитник более высоких показателей М.-Г. Хансен, особенно в: *Demography and Democracy. The number of the Athenian citizens in the fourth century B. C.*, 1986 // *Historisk-filosofske Meddelelser*. — 1988. — Vol. 56. — P. 7 — 13; наконец: ZPE. — 1988. — Vol. 75. — P. 189 — 193. Предшествующую литературу (Белох, Джоунс, Роудс и др.) нетрудно найти в названных работах.

⁶⁵ *Vitruv.* De architectura 7, praef. 17. *Clinton K.*, Φιλία ἐπη. // *Festschrift G. Mylonas*. — Athen 1987. — Vol 2. — P. 260.

купался в роскоши. Как говорит другой его политический противник Демохар, он хвастался тем, что огромное количество товаров было выброшено на рынок по умеренным ценам. Поэтому Демохар ставит в упрек Деметрию склад ума крохобора или мытаря, который, презрев все греческие идеалы, подчинился чуждому хозяину, ничуть этого не стыдясь⁶⁶. Эта критика написана вскоре после низвержения Деметрия, так как она содержит ссылки уже на его политическую апологию «О десяти годах», в которой Деметрий отвечал своим оппонентам.

Действительно, он мог с удовлетворением оглянуться на достигнутое, ибо, если сам даже и не завоевал популярности, то все же дальнейшее существование его самых важных реформ при совершенно изменившейся политической конъюнктуре говорит за то, что он содействовал ими переменам ко благу и в интересах общества. После его смещения Кассандр опекал его целых десять лет вплоть до своей собственной смерти, вслед за которой Деметрий отправился ко двору Птолемея I в Египет. И здесь он как влиятельный советник царя еще раз занялся продуктивной деятельностью. Его инициативе приписывали основание Александрийской библиотеки и учреждение тамошнего «Мусея» — академии ученых и поэтов на царском содержании⁶⁷. Престарелому царю он советовал сделать наследником своего сына Птолемея (прозванного Керавном — «Молнией»), чьей матерью была Эвридика, дочь Антипатра, однако царь решил в пользу младшего Птолемея, сына Береники. Когда тот в 283 г. стал единоличным правителем, он сослал Деметрия Фалерского в сельскую местность, где тот погиб от укуса змеи.

Есть и еще указания на то, что Деметрий мог участвовать в разработке городского права Александрии, которое должно было соответствовать афинскому, особенно если упомянутые в одном папирусном документе раннего III в. гинайконы действительно относятся к Александрии⁶⁸. Но и это недостоверно.

Деметрий посвятил одно свое сочинение влиянию Тихи — той богини судьбы и случая, одновременно удачи и неудачи, которая в своих действиях абсолютно непредсказуема, однако настойчиво вторгается в жизнь как отдельных личностей, так и народов. Отрывок из этого труда сохранил Полибий, который передает удивление автора

⁶⁶ Fr. 132 (Demochares, FGrHist. 75, F 4) с комментарием: Marasco, Democare. P. 181 — 190.

⁶⁷ Свидетельства и позднего времени об этом скудны, но не безусловно недостоверны; см.: Pfeiffer R. History of Classical Scholarship from the beginnings to the end of the Hellenistic Age. — Oxford, 1968. — P. 96 — 104.

⁶⁸ P. Hibeh, № 196 с комментарием: Turner E. G., а также: Bingen J. // CE. — 1957. — Vol. 32. — P. 337 — 339, и Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria: In 2 Vol. — 1972. — Vol. 2. — P. 179, not. 27. Сходство законов Афин и Александрии: P. Oxy 2177; Деметрий как законодатель у Птолемея: Aelian, var. hist. 8. 17.

тем, за сколь короткое время на смену всемогущей прежде державе персов во всех ее пределах пришла ранее малозначительная Македония. С этим он связывает пророчество, что наступит день, и Тиха положит конец владычеству и македонян⁶⁹. Хотелось бы знать, когда Деметрий записал это свое соображение, откуда доносится отзыв его собственных переживаний.

В годы его правления Афины долгое время оставались незатронутыми постоянными войнами, которые многие диადохи тех лет вели друг против друга в Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Иране, а именно до тех пор, пока владычество Кассандра на Балканском полуострове не испытало серьезных потрясений. Кассандр вскоре одержал верх над Полиперхонтом и его сыном Александром, однако при этом не обошлось без суровых коллизий в царском доме⁷⁰. После поражения Клита в Боспоре и примерно в то время, когда Кассандр заполучил Афины, Эвридика, супруга царя Арридея, предприняла чреватый последствиями поворотный шаг. Она склонила супруга назначить на место Полиперхонта регентом Кассандра. Первый реагировал на свое смещение тем, что в отсутствие Кассандра вторгся с войском эпиротов и в сопровождении Олимпиады в Македонию. Осенью 317 г. царь и царица встретились с ним в открытом поле, где им пришлось пережить катастрофу: их македонское войско из-за приверженности к Олимпиаде перешло на сторону противника, а они попали в плен. Олимпиада приказала убить их самым зверским способом, а затем продолжала свирепствовать против их и Кассандра сторонников. Она убила Никанора, брата Кассандра, и осквернила могилу его брата Иолла, о котором ходили слухи, что он по заданию своего отца Антипатра доставил из Македонии в Вавилон яд, которым якобы и был отравлен Александр Великий. Своим неистовством она бездумно растеряла симпатии к себе многих, что проявилось тотчас же, как только Кассандр весной следующего, 316 г. появился из Пелопоннеса, выключил из игры войско Полиперхонта и запер Олимпиаду в Пидне. После весьма продолжительной осады голод вынудил царицу весной 315 г. сдаться. Вопреки данному ей поначалу обещанию Кассандр распорядился, чтобы она была осуждена его войском и приговорена к смерти. Молодой царь Александр и его мать Роксана оказались теперь в его руках. В древней царской столице Эгах (Вергина) он устроил Филиппу Арридею и Эвридике торжественные похороны⁷¹. Затем он взял в жены Фессалонику, дочь

⁶⁹ Wehrli, fr. 81 из Polybios 29, 11, 1 – 6. Вывод напоминает предсказание Сципиона Эмилиана, взиравшего на дымящиеся руины Карфагена: так когда-нибудь погибнет и Рим.

⁷⁰ О сложной хронологии последующих событий см.: Gullath-Schober. Op. cit. – S. 363 – 377.

⁷¹ Вероятно, они погребены в открытом в 1977 г. большом склепе, хотя эта версия противоречива: Errington R.M. Geschichte Makedoniens. – 1986. – S. 246,

Филиппа II и сводную сестру Александра Великого, и начал восстановление Фив, разрушенных за двадцать лет до того Александром.

Афиняне приняли в том самое живое участие, и не только потому, что входили отныне в свиту Кассандра. Будучи союзниками фиванцев, они сражались в 338 г. против царя Филиппа и македонцев при Херонее, а в 335 г. намеревались прийти на помощь Фивам, когда получили известие о разрушении города. Теперь же, когда Кассандр призвал рассеянных по всему свету фиванцев к возвращению и восстановлению города, афиняне украсили себя венками, как это было принято обычаем по получении радостной вести. В последующие годы они деятельно помогали Фивам: это значит, что они отстроили большую часть городских стен, тогда как другие государства, среди них и далеко лежащие в Италии и Сицилии, помогли деньгами⁷². Лишенные своей родины фиванцы завоевали в греческом мире столь же большие симпатии, что и некогда изгнанные афинянами самосцы, едва они смогли воротиться домой.

Между тем, пока Кассандр осаждал Олимпиаду в Пидне, Антигон в итоге долгих и тяжелых сражений одолел в Иране Эвмена и вслед за тем сделал зависимыми от себя всех сатрапов Востока или, как в случае с Селевком в Вавилонии, изгнал из страны (Селевк нашел пристанище у Птолемея в Египте). Следствием этой эскалации власти стало то, что теперь уже Птолемей, Лисимах, Кассандр и Асандр, сатрап Кари, объединились против Антигона (315 г.), и тот сделал ответный ход, заключив союз с Полиперхонтом и Александром, который и дальше продолжал распоряжаться частью Пелопоннеса. Дабы подорвать позиции своих противников в греческом мире, Антигон издал в Тире знаменитую прокламацию о том, что все греки должны быть свободны, автономны и освобождены от гарнизонов, — этой прокламации он тотчас же придал широкую огласку⁷³. В операциях развязанной теперь коалиционной войны в последующие годы приняла участие небольшая афинская флотилия. В 315/4 г. афинская эскадра вела операции в акватории Киклад; под началом Тимохара из Сфетта, отца знаменитых впоследствии братьев Каллия и Федра, ей удалось захватить остров Китнос и взять в плен пирата Главкета⁷⁴. Год спустя в посланиях Деметрию Фалерскому и своему

Ann. 5 (с лит.); *Borza E.* In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. — Princeton, 1990. — P. 260 — 266.

⁷² *Diodor* 19, 53 — 54; 63, 4. *Plutarch, mor.* 814 В. О списке донаторов, внесших деньги на восстановление города см.: *Holleux M.* // *REG.* — 1895. — Vol. 8. — P. 7 — 48 (*Études* I. P. 1 — 40).

⁷³ *Diodor* 19, 61, P. 3 — 4; *Heuss A.* // *Hermes.* — 1938. — Vol. 73. — S. 133 — 194.

⁷⁴ *IG II²* 682, P. 9 — 13; *Hauben H.* // *ZPE.* — 1974. — Vol. 13. — P. 62; *Robert L.* // *RN.* — 1977. — P. 23 — 24 (*OMS* 6. P. 185 — 186). Если упомянутое выше (примеч. 41) нападение Афин на Самос относится к этой войне, то можно думать об эскадре Тимохара, но оно тогда осталось безуспешным.

собственному командиру гарнизона в Мунихии Дионисию Кассандр потребовал выслать двадцать военных кораблей для ведения операций против острова Лемнос. Это давнее афинское владение, видимо, в 318 г. перешло к Антигону. Лемнос был важной стоянкой на пути из Боспора в Эгеиду. Операции Кассандра поддержали птолемеевский флот под командованием изгнанного из Вавилона Селевка и афинские корабли во главе с адмиралом Аристотелем. Гарнизон острова отклонил требование отложиться от Антигона, вслед за чем земля Лемноса была опустошена и один из двух городов на острове осажден. Селевк тотчас отплыл к Косу, после чего один из флотоводцев Антигона Диоскурид играючи изгнал афинян во главе с Аристотелем с острова и захватил большое число их кораблей вместе с экипажами⁷⁵. Тот же Диоскурид положил тогда, видимо в сентябре 314 г., конец афинскому господству на Делосе и объявил от имени Антигона остров свободным; свою свободу Делос сумел отстаивать почти полтора века⁷⁶.

Январем или февралем 313 г. датируется одно из очень немногих сохранившихся от времени Деметрия Фалерского постановлений афинского народа — декрет в честь сатрапа Карии Асандра, изданный, по всей видимости, в благодарность за его поддержку афинских военных операций. Как член коалиции в Малой Азии, Асандр испытывал сильный нажим со стороны Антигона, коему уступал. Он был вынужден заключить с ним договор, согласно которому должен был передать ему свое войско, объявить греческие города своей сатрапии свободными и впредь управлять сатрапией как своего рода леном Антигона. В качестве гарантии за соблюдение договора он отдал в заложники своего брата Агафона, но через несколько дней переменил свое решение, вызволил брата назад и призвал Селевка и Птолемея срочно прийти ему на помощь. Антигон тотчас же выслал против него двух своих полководцев — Медея из Ларисы и Докима, которые тут же завоевали Милет и в духе Антигоновой политики объявили его свободным⁷⁷.

⁷⁵ Diodor 19, 68, 3 — 4. Хронология периода 315 — 312 гг. выяснена во многом еще не однозначно. В противовес приведенным в тексте датам Р.-М. Эррингтон (Hermes. — 1977. — Vol. 105. — P. 496 — 500), к примеру, передвигает некоторые события на год позже: декрет об объявлении свободы Антигоном — на 314 г., борьбу за Лемнос — примерно на октябрь 313 г., осаду Ореоса на 312 г. Во многих отношениях это привлекательно, но проблемы остаются, например, освобождение Милета в 313/2 г. Ср.: Will. Histoire. — P. 12, 40. Также и Tréheux // RA 31 — 32, 1948. — Vol. 31 — 32, II. — P. 1031, помещает прибытие на остров Диоскурида (Diodor 19, 62, 9), которое у Эррингтона должно стоять под 313 г., на сентябрь 314 г.

⁷⁶ Tréheux J. // RA. — 1948. — Vol. 31 — 32. — P. 1008 — 1032, особенно 1031.

⁷⁷ Декрет в честь Асандра IG II² 450 внесен анаграфевсом 321/20 г.; дарованные почести превосходят всякие нормы: конная статуя на агоре и право угощения в пританее. О дальнейших событиях см.: Diodor 19, 68, 2; 68, 5 — 7; 75, 1 — 6.

Переговоры между Антигоном и Кассандром на Геллеспонте по вопросу о заключении мира ни к чему не привели. Война продолжалась — афиняне приняли участие в попытке Кассандра завоевать город Ореос на Эвбее, которая в конце концов провалилась. Но такой же провал потерпела и попытка Антигона пересечь Пропонты и напасть на Кассандра в Македонии, так как город Византий, на чью помощь в переправе он рассчитывал, уклонился от нее под нажимом Лисимаха. Несмотря на это Антигон усилил свой натиск на Кассандра, отправив против него своего племянника Полемея с сильным флотом в 150 кораблей. Тот завоевал или заполучил на Эвбее Халкиду, Эретрию и Карист, а также Ороп вблизи аттической границы, откуда он вторгся в саму Аттику⁷⁸. Афиняне, как сообщает в этом месте Диодор, уже до того тайком отправили Антигону требование освободить город, при этом речь могла идти лишь о частной инициативе афинских граждан, а не о посольстве, санкционированном экклесией, и теперь, когда Полемей стоял на границе их страны, они принуждали правителя Деметрия к заключению перемирия и отправке послов, которые должны были бы вести переговоры с Антигоном о союзе. Таким образом, город собирался поменять партнера, что, без сомнения, означало бы и крушение Деметрия Фалерского⁷⁹.

Его спасло сначала перемирие, а затем великая битва в далекой Сирии, где в 312 г. Птолемей Египетский одержал убедительную победу у Газы над Деметрием, тогда еще неопытным сыном Антигона. Это поражение явилось тяжелым ударом для Антигона, который после затяжных переговоров в 311 г. должен был соблаговолить заключить мир с коалицией. Было условлено, что Кассандр станет стратегом Европы, то есть займет бывшее место своего отца до той поры, пока царь Александр не станет совершеннолетним. Лисимах был утвержден во владении Фракией, Птолемей — Египта и Киренаики. Антигон должен был стать хозяином всей Азии, а Селевк был обойден⁸⁰.

С заключением мира правление Деметрия Фалерского в первый раз избавилось от давления со стороны Кассандра и Афин. Уже в следующем, 310 г. Кассандр освободил себя и остальных владык от

Для Милета освобождение стало целой эпохой: в его списке эпонимных магистратов к имени стефанефора 313/2 г. добавлено: «При нем город стал свободным и автономным благодаря Антигону и ему была возвращена демократия» (Milet I 3, 123, Z. 2 — 4).

⁷⁸ Diodor 19, 75, 6 — 8; 77, 2 — 7; 78, 2 — 3. Об афинской военной помощи под Оропом см.: IG II² 682, 13 — 18.

⁷⁹ Diodor 19, 78, 4.

⁸⁰ Diodor 19, 69, 1; 80, 1 — 86, 5 (Газа); 105, 1 — 4. Welles, RC 1 (мир). StV. — № 428. Итогом битвы у Газы явилось то, что Селевк с помощью Птолемея отвоевал в сражениях с полководцами Антигона свою исконную сатрапию и тем самым заложил первый камень в создание крупнейшей державы, которая в течение последующих тридцати лет должна была вырасти из монархии Александра Великого.

другой обузы, устранив молодого царя Александра и его мать Роксану. Когда вслед за этим Полиперхонт приказал доставить из Пергама семнадцатилетнего Геракла, внебрачного сына Александра Великого от персиянки Барсины, с тем чтобы в противовес Кассандру выставить его претендентом на македонский трон, последний сумел его переубедить, так что Полиперхонт повелел умертвить Геракла и Барсину (309 г.).

В 310/9 г. Афины несколько своеобразно затронул еще один далекий конфликт — война между сиракузским тираном Агафоклом и Карфагеном. Агафокл заполучил в качестве союзника для совместного похода в Африку македонянина Офелла, принимавшего участие еще в походе Александра, а в то время бывшего наместником Птолемея в Киренаике. Офелл, женатый на афинянке Эвтидике из рода победителя при Марафоне Мильтиада, в ходе подготовки к экспедиции отправился в Афины, где смог на вербовать в свое войско многих граждан, но главным образом тех, кто в 317 г. лишился политических прав. Осенью 309 г., вскоре после соединения с Агафоклом, он был им убит, а его солдаты перешли в войско последнего⁸¹.

В то время (309/8 г.) Деметрий Фалерский занимал должность архонта-эпонима. Весной 308 г. он устроил празднование Дионисий с особым шиком и распорядился, чтобы люди, шествующие в великой процессии, величали его стихами и воспевали как *Helimorphos*, то есть «солнцеподобного» мужа⁸². Во время его архонтата Афины очутились перед лицом новой опасности. Возможно, это было реакцией на соглашение Кассандра с Полиперхонтом, но Птолемей, в свою очередь, договорился с Антигоном и сам вторгся в Грецию. Весной 308 г. он захватил остров Андрос и вслед за тем заполучил на Истме и Пелопоннесе города Коринф и Сикион, которые были ему переданы Кратесиполис, невесткой Полиперхонта и вдовой Александра. Совсем рядом с Афинами он вырвал из рук Кассандра город Мегары. Обладая Андросом и Мегарами, Птолемей стал опасен для афинян. Однако еще летом 308 г. он заключил с Кассандром очередной мир⁸³.

⁸¹ Diodor 20, 40, 1 — 42, 5. Plutarch, Demetrios 14. StV, № 432. То, что Офелл послал в Афины «союза ради» (περί συμμαχίας, Diodor 20, 40, 5), можно, видимо, понять в том смысле, какой стоит в тексте. Присутствие посольства из Карфагена в Афинах (IG II² 418) можно было бы связать с деятельностью там Офелла, так как сообщающая об этом надпись, датированная Кёлером 330 — 300 гг., была высечена резчиком, трудившимся между 320 и 298 годами (Tracy, ADT. — P. 138). Феофраст мог узнать от наемников Офелла, что его войско на марше в Африке многие дни подряд должно было питаться плодами лотосного дерева (в действительности, деревом каркас) (*Historia plantarum* 4, 3,2). О походе Офелла см.: Will Ed. // REA. — 1964. — Vol. 66. — P. 320 — 333; Laronde A. Cyrène et la Libye hellénistique. — 1987. — P. 203, 206 — 207, 357 — 358.

⁸² Duris // FGrHist 76, F 10.

⁸³ Diodor 20, 37, 1 — 2.

Но не прошло и года, как Кассандр лишился и города и гавани, а его наместник — данной ему власти. В июне 307 г. уполномоченный своим отцом Антигоном освободить в духе прокламации 315 г. Грецию, и прежде всего Афины, принц Деметрий во главе сильного флота ворвался в гавань, которую не заперли из-за того, что его корабли приняли за флот Птолемея. Пирей был взят штурмом, власть Деметрия Фалерского в одночасье рухнула: правителя со всеми почестями отправили в ссылку в Фивы, гарнизон Кассандра оказался запертым в форте Мунихии. Только после того как Деметрий, которого вскоре прозвали Полиоркет — «Осаждаватель», захватил город Мегары, он приступил к штурму Мунихии. Форт пал в августе 307 г., когда уже на должность заступил новый архонт Анаксикрат, и был немедленно срыт⁸⁴.

Так закончилась, продержавшись десять лет, власть Деметрия из Фалера над его родным городом. Он вел миролюбивое и мягкое правление и взял себе за принцип не только сохранять демократию, но и «подправлять» ее⁸⁵. Однако это была все же власть одного-единственного человека, которого выбрал чужой вождь и поддерживал чужой гарнизон. Тогда не так уж было и важно, что многие граждане из-за ценза лишились политических прав, ведь и другие не могли свободно распоряжаться своими правами. «По имени они имели олигархический, по сути же монархический строй»⁸⁶. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тут же провозглашенные завоевателем свобода и возврат к демократии были встречены огромным ликованием и что ему и отцу его Антигону были возданы такие почести, какие Афины не оказывали еще ни одному смертному. Новая эпоха началась через пятнадцать лет после того, как город попал в кабалу.

⁸⁴ Diodor 20, 35, 1 — 46, 3; Plutarch, Demetrios 8 — 10; FGGrHist 239, B. 20 — 21.

⁸⁵ Diodor 18, 74, 3: ἤρχεν εἰρηνικῶς καὶ πρὸς τοὺς πολίτας φιλανθρώπως. Strabo 9, P. 398: οὐ μόνον οὐ κατέλυσεν τὴν δημοκρατίαν ἀλλὰ καὶ ἐπὶνῶρθευσε.

⁸⁶ Plutarch, Demetrios 10, 2. Павсаний (1, 25, 6) характеризует власть Деметрия без обиняков как «тиранию».

III. Между свободой и несвободой (307 — 287 гг.)

1. Полусвободная демократия

На собрании афинских граждан, созванном в начале афинского года — в июле 307 г., царевич Деметрий провозгласил город свободным. Гарнизон не должен был стоять ни в городе, ни в Пирее. Одновременно он пообещал гражданам от имени своего отца Антигона большой хлебный дар и поставку корабельного леса. Упраздненная весной 317 г. демократическая конституция восстанавливалась, не совместимые с ней нововведения Деметрия Фалерского, такие как гражданский ценз и коллегия номофилаков, упразднялись, в то время как другие его реформы, такие как отмена хорегии и ограничивающие роскошь законы, оставались в силе. Сам бывший правитель становился *persona non grata*, его статуи разрушались, его сторонники привлекались к ответу. Они обвинялись как соучастники в устранении народовластия (дословно: «ропуске народа», *κατάλυσις τοῦ δήμου*). Расправа с ними происходила, однако, бескровно, поскольку более всего виновные еще до заседания имели шанс — и воспользовались им — уйти в изгнание, а кто предстал перед судом, был оправдан. Смертные приговоры отсутствовавшим, среди коих числился и свергнутый правитель, были вынесены, но конечно же не приведены в исполнение. К лицам, избежавшим суда, принадлежал и знаменитый в Афинах адвокат и богач Динарх из Коринфа, у которого еще хватило времени продекларировать свое состояние; среди тех, над кем нависла угроза из-за дружбы с Деметрием, но кого благодаря влиятельному заступничеству пощадили, был поэт Менандр¹.

По предложению Стратокла из Диомеи посмертными почестями отметили скончавшегося в 324 г. Ликурга: донесенный до нас традицией почетный декрет восхваляет его как символическую фигуру демократических и националистических Афин². Его апогей передан

¹ Деметрий Фалерский, фр. 52 — 57. О личности защитника Менандра см. Potter D. // *Historia*. — 1987. — Vol. 36. — P. 491 — 495.

² IG II² 457 — эпиграфическая, фрагментарная версия; [Plut.], *mor.* 852 A-E — литературная, более подробная, но опять же слегка отклоняющаяся от оригинала версия. На стеле высечено двенадцать венков с надписями, которые отобра-

фразой: «Он часто давал отчет о своем ведении дел в свободном и демократическом государстве, постоянно проявлял себя как справившийся с контролем и неподкупный». В то время, когда таким вот образом чествовали задним числом заслуженного согражданина, обоим властелинам, коим были обязаны возвращением свободы и демократии, афиняне воздали такие почести, какими город по собственному почину не награждал еще ни одного смертного³. Как «спасителям», соответственно «богам-спасителям», им были принесены жертвы, устроены состязания и назначен жрец для отправления их культа. К десяти существовавшим подразделениям гражданства добавились две новые филы — Антигониды и Деметриады, получившие в списке оба первых места. Одновременно число членов Совета, в который каждая фила делегировала ежегодно пятьдесят членов, было повышено с пятисот до шестисот. Как эпонимам новых фил обоим правителям были воздвигнуты на Агоре статуи на подиуме героев фил, который ради этого был расширен⁴, а также другие статуи рядом с тираноубийцами Гармодием и Аристогитоном, не просто считавшимися освободителями от тирании Писистратидов, но и слышавшими одновременно в народной традиции протагонистами демократии. Наконец, не говоря уже о более скромных, предложенных, но не ратифицированных почестях, к обоим «священным триерам», вестовым кораблям «Паралу» и «Аммонии», были добавлены два новых, названных по Антигону и Деметрию⁵.

Подобные почести получил спартанский адмирал Лисандр в 404 г. на Самосе, после того как он вернул туда изгнанных афинянами олигархов, возвратив им власть и состояния, потом Александр Великий в некоторых малоазиатских городах, прославлявших его как освободителя от персидского господства. В материковой же Греции ничего похожего до сих пор еще не было. Потому там стала образцом для подражания реакция Афин на освобождение в 307 г.: за такие чрезвычайные заслуги, как освобождение от чужого господства и избавление от крайней опасности, с этого момента тому, кто это осуществ-

---

жают увенчания Ликурга на протяжении его карьеры (Wilhelm Ad. // SAWW. — 1925. — Vol. 202, № 5. — S. 1 — 4). От декретированной Ликургу статуи дошла часть базы: IG II² 3776. Ликургов сын Габрон, идя по стопам отца, занимал в 307/6 г. пост распорядителя финансов, а в 306/5 г. — казначея военных сумм (IG II² 1492, B 123), тем самым он был в первые годы после освобождения видным членом правительства.

³ Существенный для дальнейшего изложения подробный разбор см.: *Habicht Ch. Gottmenschentum.* — S. 44 — 55. По желанию Александра в 324 г. для него был учрежден государственный культ, однако решение об этом было вынесено под нажимом. Афиняне тут же отменили его после смерти царя и наказали его инициатора Демада.

⁴ *Shear T. L. // Hesperia.* — 1970. — Vol. 39. — P. 171 — 176, 196 — 198.

⁵ *Philochoros // FGrHist* 328, F 48.

вил, могли быть оказаны почести, какие до того предназначались только богам. Кого подобным образом чествовали, тот в глазах честующего города сотворил именно то, что прежде ожидали от одних только богов. Всего три года после афинян родосцы декретировали подобные же почести царю Птолемею, когда тот решительно выступил, дабы защитить их от покорения Деметрием — «богом-спасителем» Афин⁶.

Исключение Афин из греко-македонского ареала господства Кассандра и вступление в сиро-малоазийско-эгейский круг власти Антигона снова наладило связи города с ионийскими общинами, уже давно привыкшими видеть в Афинах свою метрополию. Поэтому тамошняя реакция на события 307 г. была быстрой и позитивной: многие ионийские города через посольства, доставившие венки и почетные постановления, выразили свою радость по поводу наступивших в Афинах перемен. В эти годы вплоть до 301 г. надписи свидетельствуют о подобном резонансе в Милете, Эфесе, Приене, Колофоне, а также в ионийских островных государствах Халкиде и Теносе⁷. Ареал господства Антигона раскрылся одновременно и для афинской торговли: так, в 305/4 г. засвидетельствован ввоз зерна в Афины «из Азии»⁸.

Чтобы еще прочнее привязать к себе Афины, Антигон вернул им острова Лемнос и Имброс, которые сам у них отнял, когда город находился под властью Кассандра⁹. От имени отца Деметрий посулил афинянам 150 000 медимнов пшеницы и корабельного леса для 100 военных судов, и эти дары в обещанном размере были вручены Антигоном афинским послам, и в придачу значительная сумма денег¹⁰. Новое афинское правительство, которое должно было считаться с попыткой Кассандра снова подчинить себе город и гавань, видело одну из первоочередных задач в том, чтобы укрепить и, где это было необходимо, привести в порядок городские стены, стены Пирея и так

⁶ См. ниже, с. 80.

⁷ Милет: IG II² 1129, 1485, A 24. Эфес: IG II² 1485, A 9. Колофон: многочисленные надписи разобраны в: *Wilhelm Ad.* // *Anatolian Studies* W. H. Buckler. — 1939. — S. 345 — 352. Приена: тексты разобраны в: *Wilhelm Ad.* *Attische Urkunden* 5, 1942. S. 166 — 175. Халкида: IG II² 563; *Hesperia*. — 1937. — Vol. 6. — P. 323, № 4. Тенос: IG II² 466, интерпретация которой Г. Петером (*CQ.* — 1992. — Vol. 42. — P. 366 — 368) заходит слишком далеко — об активном участии теносцев в освобождении Афин не может быть и речи.

⁸ *Hesperia*. — 1936. — Vol. 5. — P. 201. Сицилия, где правил Агафокл, также была среди тех областей, в которых афиняне закупали зерно: IG II² 499 от 302/1 г.

⁹ Лемнос: IG II² 1492, B 133 (305/4), 550; ISE 8, 8 — 9 (303/2). Имброс: IG II² 1492, B 133 (305/4); *Diodor* 20, 46, 4.

¹⁰ IG II² 1492, B 97 — 99, 119 — 121, с замечаниями: *Meiggs R.* *Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World.* — Oxford, 1982. — P. 494, not. 87. *Diodor* 20, 46, 4; *Plutarch*, *Demetrios* 10, 1.

называемые «Длинные стены», связывавшие город и порт. Предложенный еще в 307/6 г. Демохаром, племянником Демосфена, декрет содержал необходимые для этого распоряжения и устанавливал детально, какие работы должны были быть произведены хлопотавшими о контрактах предпринимателями. Вся программа, как и в 339 г., подразделялась на десять частей, что, вероятно, как и тогда, зависело от прежнего числа фил – может, еще не было проведено административного перераспределения демов, связанного с созданием обеих новых фил Антигониды и Деметриады, а может быть, числа «десять» придерживались и по другим соображениям.

Срок выполнения требуемых работ был установлен в пять лет, график их был представлен также подрядчикам¹¹.

Для духа нового времени показателен тот факт, что в этом декрете имена предпринимателей и размер оплаты, за которую они взялись произвести отданные в подряд работы, должны были быть начертаны публично, «дабы каждый афинский гражданин по желанию мог видеть и надзирать за тем, что происходит со стенами»¹². Здесь столь очевидно проступает свойственная демократии тяга к гласности: работе над административными актами, как и уважительное отношение к контрольным функциям граждан. Подобное же проявилось несколькими годами позже – в 304/3 г., когда была завершена публичная запись законов¹³.

Но самой, видимо, заметной переменной, которая при сравнении этих шести лет с предыдущим десятилетием буквально бросается в глаза, была почти безудержная манья издавать документы, связанные с деятельностью Народного собрания. От десяти лет правления Деметрия Фалерского дошел только один существенный декрет в честь сатрапа Асандра (с. 68), от шести же годов конца столетия перед нами гораздо больше сотни более или менее полно сохранившихся постановлений экклесии. Но и они лишь малая толика тех актов, что были приняты народом в эти годы, и лишь небольшая часть тех из них, которые не только были записаны на деревянных табличках в архиве, но и на века высечены на мраморных стелах и выставлены на обозрение публики. Такое несоответствие нельзя списать просто за счет случайности традиции, это – результат различных условий. С 317 по 307 г. активность экклесии явно была скромной, а сдержанность в намерениях публично выставить принятые постановления – весьма велика. С 307 по 301 г., напротив, отмечается какая-то лихорадочно ки-

¹¹ IG II² 463, переиздано с подробным коммент.: *Maier*, *Mauerbauinschriften*. – Vol. I. – S. 48 – 67. Об установленном сроке см. стк. 106 – 107. См. также IG II² 550 (от 306/5 г.) и 505, 554, 14 – 16. Совет 500 упомянут также в IG II² 466, 45 (вероятно, 307/6 г.).

¹² IG II² 463, 29 – 31.

¹³ IG II² 487, 6 – 10.

пучая деятельность демократического Народного собрания и постоянная готовность выставить декреты напоказ любому желающему. Одной, но именно лишь одной из причин такого заметно изменившегося поведения явилось то, что при большом количестве изданных после 307 г. декретов речь в них идет о чествовании отдельных личностей или иностранных государств, которые проявили заслуги по отношению к Афинам. Часто это были люди на службе у принца (вскоре царя) Деметрия, и все награжденные были заинтересованы в том, чтобы оказанные им почести стали достоянием общности.

В эти годы жил один особенный человек, преуспевший в том, чтобы вносить почетные декреты, прежде всего в честь функционеров Деметрия Полиоркета. Это тот самый Стратокл из Диомеи, который предложил посмертно почтить Ликурга (с. 72). Не менее 26 дошедших до нас декретов были внесены именно Стратоклом, общее же число их во много раз больше — из них только два изданы после 301 г.¹⁴. Подобной насыщенности свидетельств об активности экклесии не было ни до, ни после. Характерно также, что от каждого из годов 307/6, 306/5, 304/3 и 303/2 мы располагаем от двух до четырех постановлений, принятых в один и тот же день, то есть на одном и том же заседании экклесии¹⁵.

Некоторые из этих декретов составлялись потому, что Деметрий письменно извещал афинян о заслугах перед Афинами того или иного лица из своего окружения¹⁶. Такой услужливой готовностью отзываться на подобные желания путем внесения псефизм в Народное собрание, равно как и самопроизвольно предложенными им почестями Антигону, Деметрию и их пособникам Стратоклу моментально заслужил себе репутацию лакейской креатуры новых повелителей. Именно на его примере с особой очевидностью проявилось то, что Афины стали собственно не свободными, не независимыми, но лишь свободнее в тех вещах, которые были безразличны владыкам, что город снова там, где на карту были поставлены желания и интересы хозяев, должен был подлаживаться к ним точно так же, как утешал при Деметрии Фалерском интересам Кассандра. Как тогда афиняне постоянно предоставляли, когда это от них требовали, вооруженную подмогу в его военных кампаниях, точно так же и теперь они оказывали те же услуги Деметрию, как только он того требовал.

¹⁴ Список их у: *Dinsmoor W.B. Archons.* — P. 13 — 14, дополнено: *Habicht Ch. // AJAH — 1977. Vol. 2 — P. 39, note 15; с тех пор новый декрет в: Horos. — 1986. — Vol. 4. — P. 11 ff.*

¹⁵ IG II² 460, 461 от 307/6, 471, 472 от 306/5, 486, 597; *Hesperia.* — 1938. — Vol. 7. P. 297, № 22 и *Horos.* — 1986. — Vol. 4, — 11 ff. 304/3; IG II² 493, 494 от 303/2, и от другого дня того же года IG II² 495, 496 (+503), 497.

¹⁶ Это прежде всего три, а возможно, и все четыре из указанных в примеч. 15 декретов конца 304/3 г. Уже Полиперхонт в 319/8 г. добился чествования в Афинах двух людей из своего окружения: IG II² 387.

В таких условиях афинские политики располагали лишь ограниченной свободой действий, однако готовность, с какой Стратокл утождал желаниям новых господ, возбудила все же недовольство, повредила репутации города и спровоцировала серьезный конфликт с тем политиком-демократом, который первые три года явно расходился со Стратоклом в вопросах политического руководства, — с Демохаром из Левконой, человеком, занимавшимся в 307/6 г. усилением фортификации. Когда зимой 304/3 г. Демохар с язвительной иронией бичевал особенно подхалимский акт Стратокла, он заплакал за свое гражданское мужество изгнанием, из которого воротился лишь в 286/5 г. после повторного освобождения города царем Деметрием¹⁷. К моменту этой стычки политический климат в Афинах, где в 307 г. Деметрия с огромным ликованием приветствовали как освободителя и восстановителя демократии, из-за своевольных выходов пребывавшего в городе царя уже существенно изменился.

Но сначала была достигнута договоренность между двумя политиками-демократами. Демохар, много и заслуженно потрудившийся в то время над обороноспособностью Афин, добился, однако, печальной известности тем, что вступился за закон Софокла от 307 или 306 г. По этому закону философские школы попадали под контроль со стороны государства, так как согласие на их деятельность должно было выдаваться Советом и Народным собранием. Народ принял это предложение, звучавшее безобиднее, чем оно было на самом деле; к тому же встречались и граждане, враждебно настроенные к философам, поскольку думали, что эти проклятые интеллектуалы могут вскружить голову молодым людям, иными словами, развратить юношество, как это инкриминировалось Сократу. В защиту философов выступил в одной из поставленных тогда комедий поэт Алексис: он «хвалил» царевича Деметрия и законодателя за то, что закон изгнал из Аттики философов и отправил их в пустыню («к воронам», к чертям)¹⁸. И действительно, философы во главе с Феофрастом тотчас покинули Афины, ибо подчинять контролю граждан то, чему они учили, было просто несовместимо с их профессиональной этикой.

Однако с их уходом дело дошло до неприятного скандала, грозившего навредить репутации города точно так же, как в свое время

¹⁷ *Plutarch*, *Demetrios* 24; [*Plutarch*], *mor.* 851 E; цитируется предложение Демохарова сына Лахеса от 270 г. о посмертных почестях своему отцу. В нем Стратокл, инициатор изгнания, назван одним из «нарушителей демократии» (*καταλύσαντες τὸν δῆμον*), т. е. ему представлено то же обвинение, на основании которого в 307/6 г. были привлечены к суду сторонники Деметрия Фалерского.

¹⁸ *PCG.* — Vol. 2. — P. 73, fr. 99. У Алексиса выводится, однако, не школа Аристотеля, но Академия Платона с ее главой Ксенократом. А. Майнеке так характеризовал эти стихи: «Слова старика, озлобленного на философов за то, что они-де совратили его сына» (*Fragmenta Comicorum Graecorum.* — 1840. — Vol. 3. — P. 421).

осуждение и казнь Сократа. Бывший ученик Аристотеля Филон выдвинул против Софокла обвинение в противозаконности его законопроекта. На состоявшемся вслед за тем заседании суда Демохар, который мог быть движущей силой за спиной Софокла, выступил с речью в защиту обвиняемого, не скупясь на резкие выпады против Аристотеля и других философов¹⁹. Тем не менее иск был поддержан большинством голосов, закон отменен, а на Софокла наложен штраф. Философы возвратились в Афины и с тех пор никогда больше не испытывали посягательств на свою свободу со стороны государства²⁰.

Если даже законопроект Софокла и касался всех существовавших и готовящихся к открытию школ, ни у кого не возникало сомнений в том, что нацелен он был прежде всего против школы Аристотеля и Теофраста, которую уже давно, и не без основания, уличали в отходе от принципов радикальной демократии и обвиняли в дружбе с македонским царским домом: с Антипатром, Кассандром и Деметрием Фалерским. Поэтому выступление радикальных демократов и националистически настроенных политиков было оправданным в момент, последовавший сразу за крахом независимого от Кассандра режима. Однако имело значение и то, что Алексис наряду с Софоклом и даже прежде него упоминает царевича Деметрия, намекая тем самым, что тот если и не принимал участия в разработке этого закона, то, по крайней мере, был к нему расположен. Исход дела вписал славную страницу в историю тогдашних Афин, ибо именно граждане, контролю которых хотел подчинить философов Софокл, отказались от этой роли и как присяжные отменили его закон. Несколько месяцев спустя афинский гражданин Эпикур из Колофона вернулся на родину и основал там свою школу — третью после Академии и перипатетиков²¹.

Как и ожидалось, Кассандр не примирился с потерей Афин. Не раз пытался он отвоевать себе город в так называемой «четырёхлетней войне» (307 — 303 гг.). Нападение на Аттику засвидетельствовано в 306 г. Афиняне отразили его отчасти своими собственными силами, но прежде всего благодаря военной помощи, оказанной этолийцами²². Крайнюю угрозу представляли осада и штурм города вой-

¹⁹ Marasco, *Democare*. — P. 140, fr. 2.

²⁰ Diog. Laert. 5, 38; 79; Pollux, *Onomasticon* 9, 42; Athen. 13, 610; Lynch F.J.P. *Aristotle's School*. — 1972. — P. 103 — 104, 117 — 118; *Habicht Ch. Hellenistic Athens and Her Philosophers*. — 1988. — P. 7 — 10.

²¹ Diog. Laert. 10, 2; 15 (Apollodor, FGrHist 244, F 42).

²² О боевых действиях этого года свидетельствуют следующие аттические надписи 306/5 г.: IG II² 467, 22; 470, 11 — 14; 469, 8 — 10. Вооруженная помощь была оказана этолийцами благодаря афинскому генералу и общественному деятелю Олимпиодору и относится к этому, а не к 304 г. (Pausanias 1, 26, 3); Павсаний называет ее основной причиной спасения города. IG II² 503, 11 — 13 может

сками Кассандра в 304 г. Они опустошили Аттику и захватили аттические укрепления Филу и Панакт, а также остров Саламин. Город был блокирован, и Афины тогда пали бы, не подоспей с помощью летом или осенью возвращавшийся с Родоса царь Деметрий. Своей высадкой в Авлиде он вынудил Кассандра отойти за Фермопилы²³. Вероятно, именно тогда вблизи Дипилонских ворот афинская конница опрокинула врагов под началом Плейстарха, брата Кассандра, уже вторгшихся в пределы городских стен, после чего на этом месте был воздвигнут монумент победы (*tropaion*)²⁴. Прибытие Деметрия вынудило Кассандра сдать свои завоевания в Аттике. Вместе с афинскими частями, среди которых следует особо назвать элитарный корпус «отборных» добровольцев (*Epilektoi*), Деметрий в следующем, 303 г. успешно вел войну на Пелопоннесе против Кассандра и находившегося тогда у него на службе Полиперхонта²⁵. Более точно в пределах этих годов не датируется упомянутое лишь Павсанием отражение штурма Пирея и крепости Мунихии под руководством афинянина Олимпиодора, который отбил атаки вторгшихся по суше через Элевсин македонян — если вообще такая интерпретация данного, много дискутировавшегося пассажа верна²⁶.

Не так важен неизвестный в подробностях ход боевых действий, как то значение, которое придавалось ему во влиятельных кругах Афин. Кассандр, по выражениям афинских документов тех лет, — это символ зла, ибо он стремится к тому, чтобы «закабалить» Грецию²⁷. Напротив, афиняне под руководством царя Деметрия и его помощников сражаются за спасение, свободу и демократию города и

относиться к военным действиям 306 или 304 г. От 306/5 г. дошло также посвящение афинских ополченцев (IG II² 1954).

²³ *Plutarch*, *Demetrios* 23; *Diodor* 20, 105 – 6; IG II² 492, 8 – 9; *Horos*. — 1986. — Vol. 4. — 19 ff.; *ibid.* 11 ff., Z. 13 – 15; *Hesperia*. — 1937. — Vol. 6, P. 323, № 4; *Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson*. — 1981, — P. 359 – 360 и связанная с этим дискуссия: (*Hesperia*. — 1989. — Vol. 58. — P. 297 – 301) и (*Hesperia*. — 1990. — Vol. 59. — P. 463 – 466); далее: ISE 7, декрет афинских добровольцев в честь Деметрия Полиоркета. IG II² 499, 20. Ср.: *Hauben H.* // ZPE 4. — 1974. — Vol. 14. — P. 10.

²⁴ *Pausanias* 1, 15, 1 и найденное в непосредственной близости заклание на свинце с именами Плейстарха, Эвполема, Кассандра и Деметрия Фалерского. В 1982 г. были обнаружены фундаменты ворот, на которых был воздвигнут трофей (*Shear T. L. Jr.* // *Hesperia*. — 1984. — Vol. 53. — P. 19 – 24). Ср.: *Habicht Ch.* *Pausanias und seine Beschreibung Griechenlands*. — 1985. — S. 78 – 80.

²⁵ Указанные в примеч. 23 надписи, прежде всего ISE 7, также относятся к сражениям этого года. Павшие в борьбе с Кассандром афиняне удостоились погребения на государственный счет в Керамике: *Pausanias* 1, 29, 7.

²⁶ *Pausanias* 1, 26, 3, в интерпретации: *Habicht Ch.* *Untersuchungen*. — S. 95 – 112, которая, однако, была оспорена: *Bultrighini U.* // *RFIC*. — 1984. — Vol. 112. — P. 54 – 62. В духе Хабихта: *Lanciers E.* // *RBPh*. — 1987. — Vol. 65. — P. 63.

²⁷ Так стоит в декрете: *Ancient Macedonian Studies* (примеч. 23), строки 7 – 8: [ἐ]πὶ δουλείαι; IG II² 469, 9 – 10: [ἐ]πὶ δουλείαι τῆς πόλεως.

остальных эллинов²⁸, в таких выражениях афиняне и усвоили ту прокламацию, которую Деметрий велел провозгласить через герольда при первом своем прибытии в 307 г.: он явился по поручению своего отца, чтобы изгнать чужой гарнизон, освободить афинян и возратить им законы и исконный государственный строй²⁹.

Так звучали официальные декларации. В период, последовавший за освобождением 307 г., они могли отвечать настроению большинства афинян. Однако у значительной части граждан с годами должен был наступить поворот во взглядах, сделавший их отношение к царям более дифференцированным, проблематичным и более свободным от иллюзий. Свою лепту вложили сюда как разыгравшиеся за пределами Аттики события, так и в той же мере, но на иной лад, пребывание Деметрия в городе в течение зимы 304/3 и 303/2 гг., ну и, конечно, подхалимаж его афинских сторонников. Крупные события этих лет — сильнее или слабее затронувшие город — все происходили из неутолимого стремления Антигона к власти. Такими событиями после освобождения города были: прежде всего крупная победа Деметрия над Птолемеем у Саламина на Кипре в 306 г.³⁰, в результате которой Антигон сам принял царский титул и даровал его также своему сыну;³¹ затем отраженное Птолемеем нападение обоих царей на Египет в конце 306 г.;³² затем спровоцированная отказом родосцев участвовать в этом походе осада Деметрием Родоса (длившаяся год с весны 305 по весну 304 г.); во время осады помощь осажденному острову оказали уже успевшие заключить союз правители — Птолемей, Лисимах и Кассандр³³. И все трое, как и Селевк, приняли тогда за короткое время царский титул. Последним крупным событием тех лет стало повторное основание Деметрием в Коринфе весной 302 г. Коринфского союза, который связал его с Эллинской лигой 338/7 г. под руководством царя Филиппа и объединил под гегемонией Анти-

²⁸ За спасение (σωτηρία): *Hesperia*. — 1941. — Vol. 10, 55, № 19, 7; *Horos* 4, 1986 — Vol. 4. — 11 ff., Z. 17 (дополнено). За свободу (ἐλευθερία): IG II² 558, 14 (эллинов); 559, 9 (так же); *Horos*. — 1986. — Vol. 4. — 11 ff., Z. 14 (афинян). За демократию (δημοκρατία): IG II² 559, 10. RFIC 70, 1942, 12; *Horos*. — 1986. — Vol. 4. — 11 ff., Z. 15.

²⁹ *Plutarch*, *Demetrios* 8, 7.

³⁰ *Diodor* 20, 47 — 52; *Plutarch*, *Demetrios* 15 — 17.

³¹ Точная дата сражения неизвестна, равно как и дата чуть более позднего принятия царского титула Антигоном. Он назван в одном афинском документе 22 числа десятой притании 306/5 г., т. е. примерно в апреле 305 г., еще без титула (IG II² 1492, В 97 — 99), а в последний день этой же притании, т. е. максимум восемь дней спустя с титулом царя (IG II² 471). В стихах Алексиса, который воспевает эту победу, Антигон уже носит царский титул: PCG. — Vol. 2. — P. 85, fr. 116.

³² *Diodor* 20, 73 — 76; *Plutarch*, *Demetrios* 19.

³³ *Diodor* 20, 81 — 88, 91 — 100; *Plutarch*, *Demetrios* 21 — 22; *Marmor Parium* // *FGrHist* 239, B. 23; *Pap. Berol.* 1163 / Ed. F. Hiller von Gaertringen, *SBBerlin* 1918, — S. 752 — 762.

гона — и своей собственной — освобожденные от власти Кассандра области Греции³⁴.

Афиняне выставили тогда на битву тридцать триер, которые под командованием знатного Алевада Медея из Ларисы сражались на левом фланге победоносного флота. За двадцать лет до того Медей уже служил одним из флотоводцев Александра Великого в Индии и был устроителем последнего пира, на котором царь пировал со своими спутниками. В 307 г. Медей сопровождал Деметрия в Афины и в 302 г. получил почести от афинян³⁵. После победы Деметрий выразил свою признательность городу тем, что послал в Афины из огромной добычи 1200 комплектов гоплитского вооружения, чем превзошел самого Александра — тот после своей победы при Гранике посвятил Афине триста паноплий³⁶. В числе многих посольств из Греции, которые в течение зимы 305/4 г. усердствовали в том, чтобы примирить враждующие стороны на Родосе, находилась и афинская делегация³⁷. Если всем им даже и не сопутствовал успех, то противники все же примирились весной 304 г. — к счастью для Афин, так как город находился в крайне бедственном положении и призвал царя Деметрия на помощь. Его прибытие избавило Афины от натиска Кассандра, а военные успехи царя привели тогда не только к возврату городу занятых Кассандром укреплений Панакта и Филы, но и к тому, что Деметрий снова передал им во владение Ороп и святилище Амфиарая³⁸.

Пока у афинян были все основания быть довольными Деметрием. Однако более длительное пребывание царя в городе обнаружило и теневые стороны зависимости от него. Плутарх тонко подметил, что принятие царского титула меняет правителя. Происходит — как го-

³⁴ Пространные части документа об основании сохранились и вместе с прочей традицией изданы и прокомментированы: *Schmitt H.H.* // StV. — S. 63 — 80, № 446. 6. Задание основать этот союз Антигон дал уже в 307 г. (Diodor 20, 46, 5).

³⁵ О карьере Медея на службе Александра см.: *Berve. Alexanderteich.* — Vol. 2. — S. 265 — 269; № 521; о его последующей судьбе: *Habicht. Ancient Macedonia.* — 1970, — Vol. 1, — P. 265 — 269. Афинские почести: IG II² 498. Его племянник Оксигемид также состоял на службе царей и был почтен в Афинах декретом IG II² 558 и другими актами, приводимыми в примеч. 45.

³⁶ *Plutarch, Demetrios* 17, 1. О посвящении Александра см. выше, с. 25.

³⁷ *Diodor* 20, 98, 2 — 3; *Plutarch, Demetrios* 22, 8.

³⁸ ISE 8, 14. Заступничество философа Менедема за Ороп перед Деметрием, напротив, приходится на более позднее время, см.: *Knoepfler D. La Vie de Ménédème d'Erétie de Diogène Laërce.* — Basel, 1991. — P. 197, note 74. Одна еще не изданная надпись из Рамнунта сообщает, что царь Деметрий самолично назначил тогда одного афинянина на два года стратегом по охране Аттики (Ergon. — 1993. — Vol. 7). Этот человек, по имени Адеймант, одно из самых близких доверенных лиц царя, хотя и выполнял уже такую должность прежде, однако был назначен на этот пост, несомненно, согражданами. Между тем на сей раз Деметрий занял их место.

ворит он — не просто прибавление в имени и титуле — нет, людям это кружит голову, повышает чувство собственной значимости и придает их образу жизни и ведению речи нечто помпезное и надменное³⁹. Что бросалось в глаза афинянам в Деметрии, так это его необузданные связи с женщинами, прежде всего с гетерами. Среди них была урожденная афинянка Ламия, попавшая когда-то в плен при Саламине, долгое время его явная фаворитка. Она, как и большинство этих женщин, была изысканно образована и остроумна; от нее у Деметрия была дочь. Но и других не обходил он своей милостью во время пребывания в городе. Называют Леайну, Манию и Миррину. На них швырял он большие суммы, ради них — по крайней мере по случаю — навещал город. Он заставил сделать так, чтобы Ламию и Леайну афиняне прославляли как воплощение Афродиты, оказывая им почести как богам. Влияние Ламии на царя стало для его самых близких доверенных лиц сучком в глазу⁴⁰. Несмотря на то, что его обхождение с гетерами было известно всему городу, да он и не давал себе труда что-либо скрывать, все же в это время он — хотя и был уже довольно давно женат на дочери Антипатра Филе — взял себе в жены знатную афинянку Эвтидику, вдову Офелла, которая, судя по всему, сопровождала мужа в Африку (с. 70), так как, по слухам, она вернулась в Афины только после его смерти⁴¹.

Среди современников лишь один был враждебно настроен против царя — поэт Филиппид, который поставил ему в упрек, что тот превратил Акрополь и Парфенон в бордель. При этом, однако, следует знать, что Филиппид жил тогда при дворе Лисимаха, которого Плутарх характеризует как правителя, ненавидевшего Деметрия самой лютой ненавистью. Именно Лисимах с намеком на Ламию изрек, что впервые встречает потаскуху на трагической сцене, на что Деметрий отвечал: у его шлюхи больше разума, чем у Лисимаховой Пенелопы⁴². Поэтому обвинение Филиппида, по всей видимости, утрировано, хотя перемена в царе должна была все же шокировать. Рассказывают также, что один особенно красивый мальчик, застигнутый царем врасплох при купании, смог избежать его домогательств, лишь покончив с собой. Другой знатный юноша, к которому Деметрий был неравнодушен, упорствовал до того, что царь отписал городским

³⁹ *Plutarch*, *Demetrios* 18, 5.

⁴⁰ Сообщающие об афинских гетерах царя современники — это Демохар (FGrHist 75, F 1), Филиппид (PCG. — Vol. VII. — P. 347, fr. 25) и Линкей с Самоса (Athen. — Vol. 3, 101 E; Vol. 4, 128 A), чуть более поздние авторы Махон (ed. Gow, fr. 12, 13, 15) и Филарх (FGrHist 81, F 12). Самое основное находим у Афиней в книгах 3, 4, 6, 13 и 14, конкретные места нетрудно отыскать по кайбелевскому указателю под именами отдельных гетер.

⁴¹ *Plutarch*, *Demetrios* 14, 1.

⁴² *Philippides* // PCG. — Vol. VII. — P. 347, fr. 25. Высказывание Лисимаха и ответ Деметрия находим у Плутарха (*Demetrios* 25, 9).

властям, и в итоге на отца юноши был наложен большой денежный штраф⁴³.

Ничто яснее этой истории не показывает, как в действительности обстояло дело с так называемой свободой города там, где только заходила речь об интересах Деметрия. Но и это был еще не конец данного эпизода. Пристыженное за вынужденную створчивость Народное собрание вынесло наконец решение, что никто из граждан не смеет более появляться на его заседания с письмом от царя. Того это настолько вывело из себя, что постановление было отозвано, а его инициатор наказан. В этой связи показательно, что Демохар позволил себе откровенное высказывание против Стратокла, которое стоило ему изгнания (с. 77). Но Стратокл был неутомим в своем рвении утешать царю. После того как Деметрий вслед за учреждением Эллинской лиги в Коринфе весной 302 г. вернулся в Афины, он возжелал безотлагательно быть посвященным в Элевсинские мистерии. Для этого надо было пройти три ступени: в восьмом месяце (антестерионе) происходило посвящение в малые таинства, в третьем месяце (боэдромионе) — в великие, после чего следовало ждать еще целый год, чтобы стать полноправным мистом. Ведавший обрядами жрец Пифодор противился тому, чтобы совместить все три ступени в одном акте, но Стратокл нашел лазейку для удовлетворения нетерпеливости царя. По его предложениям, мунихион (десятый месяц) 302 г. (апрель) был объявлен антестерионом, так что Деметрий смог пройти первый обряд посвящений, вслед за чем тот же месяц был поспешно переименован в боэдромион, а потом царь был сразу допущен к великому посвящению⁴⁴. Этот фарс с религиозными церемониями должен был до глубины души оскорбить многих афинян, чье негодование Филиппид передал язвительной репликой (примеч. 42). Так же резко высказался и Демохар по поводу необычайно высоких почестей, которые были оказаны не только гетерам Ламии и Леайне, но и влиятельным пособникам царя, таким как Адеймант из Лампсака, Окситемид из Ларисы и Бурих, поскольку оказанный почет далеко превзошел обычные нормы⁴⁵. Внушаемое авторами по-

⁴³ *Plutarch*, *Demetrios* 24, 6 – 12: Речь идет о Клеайнете, сыне Клеомедонта из Кидадинея, потомке знаменитого демагога Клеона.

⁴⁴ *Philochoros* // *FGrHist* 328, F 69 – 70; *Plutarch*, *Demetrios* 26, 1 – 5; *Diodor* 20, 110, 1; *Clinton*, *Officials*. — P. 50.

⁴⁵ *FGrHist*. 75, F 1. Подробнее об этом см.: *Habicht*, *Gottmenschentum*. — P. 55 – 58. Характеристика их как лакеев (κόλακες, подлиз) несправедлива, как особенно веско показал Л. Робер (*Hellenica*. — 1946. — Vol. 2. — P. 15 – 33) по отношению к личности Адейманта, который был знаменитостью своего родного города Лампсака, доверенным лицом Феофраста, представителем царя в союзном Совете в Коринфе, во всяком случае, получившим почести и в Эретрии и в Афинах. Окситемид и Бурих также принадлежали к кругу самых видных помощников Деметрия.

дозрение, что составителем большинства этих постановлений был Стратокл, подтверждается результатами эпиграфического анализа (примеч. 14).

Вскоре после своего возвращения с учредительного собрания нового Эллинского союза в Коринфе Деметрий возобновил в начале лета 302 г. военные действия против Кассандра, которые он весьма успешно проводил в предыдущем году на Пелопоннесе. Отплыв из Халкиды, он обогнул запертые Кассандром Фермопилы и высадился в Фессалии, где сначала взял приступом Ларису Кремасту, а затем очень важные Феры. Там и настигла его весть о том, что в Малой Азии его отец Антигон подвергся нападению Лисимаха, Селевка и Птолемея: отец просил его прийти со своей армией на помощь. Деметрий повиновался: заключив перемирие с Кассандром, он переехал в Малую Азию и сражался в битве при Ипсе во Фригии на стороне своего отца против коалиции других царей, среди которых, однако, не было уже Птолемея — поверив слухам о великой победе Антигона, он повернул вспять, но место его армии заняли войска Кассандра. Рассказывают, что из-за стремительного преследования Деметрием кавалерии противника фаланга Антигона лишилась прикрытия с фланга, и сражение было проиграно. Антигон, до последнего момента ожидавший возвращения сына, лежал среди убитых⁴⁶.

В итоге этой победы Северная Сирия отошла к Селевку, получившему выход к Средиземному морю, а Лисимах стал владыкой Малой Азии. В его руки попало много афинян, сражавшихся в войске Деметрия. Некоторые подробности содержит декрет 283 г. в честь поэта Филиппида. Находясь у царя Лисимаха в большом фаворе, поэт вступился перед ним за своих земляков, позаботился о погребении павших и добился от царя освобождения военнопленных. Для тех из них, кто этого хотел, он устроил прием в армию Лисимаха, тогда как остальных снабдил одеждой и деньгами на дорогу, чтобы они смогли отправиться домой. Поскольку только число последних составляло три сотни, то в войске Деметрия могла служить как минимум одна тысяча афинян. Наконец, он добился у Лисимаха также освобождения тех своих земляков, которые Антигоном и Деметрием по самым разным причинам содержались в Малой Азии под стражей⁴⁷. В свое время Антигон основал в Северной Сирии город Антигонию, где поселил большое количество афинян. В 300 г. Селевк разрушил город и построил вблизи него свою новую резиденцию Антиохию на Оронте, куда переселил и этих афинян⁴⁸.

⁴⁶ О событиях этой новой коалиционной войны см. прежде всего у Диодора (20, 106 — 113) и Плутарха (Demetrios 28 — 29).

⁴⁷ IG II² 657, 16 — 29.

⁴⁸ Pausanias Damaskenos // FGrHist 854, F 10, 6. Ср.: *Habicht Ch.* // Chiron. — 1989 — Vol. 19. — S. 9 mit Anm. 8.

С поражением при Ипсе закончилась первая фаза господства Деметрия над Афинами.

2. Тирания

Весть о битве при Ипсе не могла достичь Афин ранее сентября 301 г., так как еще 23 метагейттиона, второго месяца, начинавшегося в июле афинского года, засвидетельствовано доминирующее влияние Стратокла на Народное собрание⁴⁹. Поскольку анналистический раздел труда Диодора, излагавший события после зимы 301/300 г., утрачен, всеобщая история следующих десятилетий известна крайне скудно, в том числе и история Афин, для которой еще какую-то достойную упоминания информацию сообщает почти одна только биография Деметрия у Плутарха. Между тем ясно, что влиянию Стратокла в одночасье пришел конец, как только в Афинах было получено достоверное известие о ходе войны в Малой Азии. Созвали Народное собрание и постановили не впускать впредь ни одного царя внутрь стен города⁵⁰. Это был неприкрытый отказ Деметрию. Он оставил в Афинах одну из своих жен, эпирскую царевну Деидамию, сестру Пирра, а кроме того военные корабли и множество денег. Отсюда нетрудно было догадаться, что он сразу же поспешит в Афины. Поэтому навстречу ему были отправлены послы, дабы сообщить решение народа.

Действительно, царь, собрав в Эфесе несколько тысяч своих воинов, — да и флот его был невредим — находился на пути в Афины, когда его на одном из Кикладских островов встретили и обо всем известили послы города. Их сообщение явилось для него ударом и горьким разочарованием. Несмотря на это, он высказал послам лишь сдержанные упреки, но потребовал, впрочем, возврата своих кораблей (афиняне уже переправили Деидамию в Мегары) и получил их⁵¹. В то время как большинство прежде контролируемых им государств прогнало его гарнизоны и перешло на сторону противников, Афины, хотя и отложились от него, но все же изданием упомянутого декрета выразили свою волю оставаться нейтральными. Контакты с другими царями тем самым, естественно, не исключались и были даже необходимы, хотя бы только ради гарантированного снабжения города⁵². В течение двух лет после битвы при Ипсе такие контакты засвиде-

⁴⁹ IG II² 640.

⁵⁰ *Plutarch*, *Demetrios* 30, 4.

⁵¹ *Plutarch*, *Demetrios* 30, 1 – 31, 2.

⁵² *Marasco G.* // *Athenaeum*. — 1984. — Vol. 62. — P. 288 – 289. Подробнее о политической ориентации Афин в эти годы см.: *Meyer Ed.* // *Klio*. — 1905. — Vol. 5. — S. 180 – 183.

тельствуются, и что характерно — с Кассандром и Лисимахом, то есть противниками Деметрия. 21 метагейттиона (около 4 сентября 299 г.), спустя ровно два года после самого последнего из известных выступлений Стратокла (примеч. 49), послы к «царю Кассандру» от его двора вернулись в Афины и представили народу отчет⁵³. В том же году прибыл щедрый хлебный дар, полученный от царя поэтом Филиппидом⁵⁴ для своего родного города и предназначенный для раздачи всем гражданам. Архонтат Эвктемона (299/8 г.) благодаря этому дарению стал годом обильного снабжения — свидетельство тому посвящения богине благоденствия Эвтерии, а также декрет в честь «хлебных стражей»⁵⁵.

Это имело большое значение еще и потому, что в то время — чуть раньше или позже — Афины пережили острый хлебный голод, в условиях которого популярный демагог, тогда начальник корпуса наемников, по имени Лахар объявил себя тираном города⁵⁶. Его подтолкнул на это Кассандр, вероятно, и поддерживавший его в этой акции. Но коль скоро Кассандр умер весной 297 г., правление Лахара могло начаться самое позднее в 298/7 г., хотя, возможно, еще весной 300 г., во время справлявшегося в элафеболоне (март/апрель) праздника Дионисий. Ведь традиция сообщает, что Менандр свою комедию «Люди с Имбросса» написал при архонте Никокле в 302/1 г. и выставил для представления на Дионисиях и что оно не состоялось из-за «тирана Лахара»⁵⁷. Речь должна, видимо, идти о Дионисиях 300 г., так как на празднествах предыдущего года и еще шесть месяцев после того Стратокл был еще доминирующей фигурой в политике. Эти слова можно понять проще всего в том смысле, что как раз неурядицы, связанные с возвышением Лахара, помешали этому представлению, а может быть, даже вообще празднованию Дионисий⁵⁸.

⁵³ IG II² 641. Примечательно, что афинские документы 307 — 301 гг. упорно отказывали в царском титуле Кассандру, который в то время был врагом города.

⁵⁴ Тот же самый, который после битвы при Ипсе позаботился о павших и пленных афинянах и который резко нападал на Стратокла.

⁵⁵ Свидетельства приведены в кн.: *Habicht Ch. Untersuchungen.* — S. 19.

⁵⁶ Для имени «Лахар» до 1959 г. в Аттике имелось лишь немного свидетельств императорского времени (*Dow S. // CPh.* — 1957. — Vol. 5. — P. 106 — 107). С тех пор стал известен один афинский скульптор Аттал, сын Лахара, предположительно тот же, что и упомянутый Павсанием (2, 19, 3) афинский ваятель Аттал (*AJA.* — 1959. — Vol. 63. — P. 280). Во всяком случае, он работал в Финее в Аркадии и в Агросе.

⁵⁷ О тексте этого свидетельства из последних см.: *Gronewald M. // ZPE.* — 1992. — Vol. 93. — P. 20 — 21; *Luppe W. // ZPE.* — 1993. — Vol. 96. — S. 9 — 10.

⁵⁸ Хронология спорна, поскольку различные из и так немногочисленных свидетельств допускают различное толкование. Представленное в тексте мнение в значительной мере обосновано У.-С. Фергюсоном (*CPh.* — 1929. — Vol. 24. — P. 1 — 31). Раньше я выступал против него (*Untersuchungen.* — S. 1 — 21), однако под впечатлением критики Осборна (*Naturalization.* — Vol. 2. — P. 144 — 153) и

Некоторые подробности об этих смутах содержит фрагментарная хроника на листе папируса, найденного в Оксирихе⁵⁹. После одного военного похода среди афинской коллегии стратегов дело дошло до резкой ссоры между стратегом гоплитов Харием и начальником корпуса наемников Лахаром. Против Хария, кажется, было выставлено обвинение в том, что он не сумел снабдить продовольствием голодающий люд. Харий удалился на Акрополь, очевидно ища себе защиты, но был сломлен. В то время как его соратники были по договоренности отпущены, сам он вместе с тремя другими, видимо, тоже стратегами, укрылся в Парфеноне. Все четверо предстали перед Народным собранием и по предложению Аполлодора противозаконно — то есть голосованием одним списком по всем четырем вместе — были приговорены и казнены: тем же самым способом в 406 г. провели процесс над полководцами, участвовавшими в битве при Аргинусах⁶⁰.

Важно то, что экклесия, даже если она в юридической процедуре не сочла нужным считаться с законоположением, все-таки вынесла приговор, ведь сообщение об этом показывает, что тиран не тронул этот важнейший конституционный орган демократии. Остался в силе и цикл, согласно которому двенадцать фил в их официальной последовательности поставляли в течение года, по мере надобности, в Совет по одному секретарю. Точно так же и стратеги во время правления Лахара избирались народом⁶¹, а это достаточно определенно говорит о том, что он правил, не изменив внешних форм демократической системы. Если он действительно, как это предполагается, пришел к власти весной 300 г., то отправленные им в 299 г. к Кассандру

Хайнена (GGA. — 1981. — Vol. 233. — S. 177 — 184) пришел к убеждению, что оно точнее всего соответствует высказываниям традиции. В соответствии с этим и свержение Лахара могло произойти уже весной 295 г. (а не весной 294 г.), даже если совпадение между событиями, связанными с его крушением (Plutarch, *Demetrios* 34) и афинским декретом в честь Геродора от весны 294 г. (IG II² 646), и дальше остается настолько поразительным, что предпочтительнее было бы думать об их синхронности, а не о разрыве в один год. Отдельные свидетельства источников нетрудно найти в названных работах.

⁵⁹ Pap. Oxy. 2082 = FGrHist 257a.

⁶⁰ FGrHist 257 a, F 2: [μῖσι] ψῆφαι, так явно верно (по сравнению с ничего не говорящим [τῇ] ψῆφαι) дополнил Г. Де Санктис (RFIC. — 1936. — Vol. 64. — P. 140). Ср. в сообщении Ксенофонта об Аргинусском процессе (*Hellenika* 1, 7, 34; *Lipsius J. H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. — 1905. — Vol. 1. — S. 185 — 186). По мнению Осборна (Naturalization. — Vol. 2. — P. 148), этот конфликт относится к 298/7 г. Названный среди обвиняемых Аминий — это Аминий из Ксипеты, который вместе с двумя другими получил почетные награды после похода, самое раннее в 301/300 г., и именно в этом году, коль скоро в 300 г. его казнили. Он мог быть другим членом коллегии стратегов (*Meritt B. D.* // *Hesperia*. — 1942. — Vol. 11. — P. 279).

⁶¹ IG II² 682, 21 — 24. О цикле секретарей Совета см.: *Habicht Ch.* Untersuchungen. — S. 11, Anm. 43.

послы — они вернулись летом того же года из Пеллы — были отряжены им еще к своему «ментору». На время правления Лахара приходится и хлебный дар Лисимаха 299 г. — который опять же мог быть продиктован голодом предыдущего года, — и посланные в Афины в первом полугодии 298 г. царем Лисимахом дары для празднования Панафиней⁶². Это не удивительно, если учесть постоянное доброе согласие между Кассандром и Лисимахом⁶³.

Декрет кавалерии в честь казначея Афины, изданный в год архонства Гегемаха (300/299 г.), также приходится на время Лахара, если отсчитываемая здесь хронология верна⁶⁴. Имеется еще одно указание на сохранение традиционных конституционных органов. В том же году был сооружен дорийский портик в святилище Асклепия у подножия Акрополя⁶⁵. От одного из годов около 300 г. до н. э. дошел также длинный список — примерно в 150 имен, — носители которых происходили из 15 различных государств, особенно много их из Фракии⁶⁶. Речь идет, несомненно, о списке наемников. Он моложе 315 года, так как в стк. 111 упомянут основанный тогда город Кассандрия, а потому период от 307 по 301 г. не может приниматься во внимание, поскольку в стк. 91 Лемнос, бывший между 307 и 301 гг. афинским, выступает как самостоятельное государство. Таким образом, речь может идти исключительно о наемниках Лахара, который к моменту совершенного им государственного переворота как раз был командиром наемнического корпуса⁶⁷. Дата надписи должна лежать тогда между 301 и 295 гг.

Во время господства Лахара в Афинах у него из рук ускользнул Пирей, так как враждебные ему силы, среди которых следует назвать солдат и граждан из города, прочно закрепились там и объявили ему войну. Сецессия последовала, во всяком случае, до смерти Кассандра весной 297 г.⁶⁸ Когда появился царь Деметрий, чтобы возобновить борьбу за Афины, что могло случиться не позже лета 296 г., Пирей находился в руках противников тирана⁶⁹. Но дни его были сочтены, хотя он и смог еще продержаться до следующей весны. Намек на то, что в городе дело дошло до провалившегося в итоге восстания против него или до покушения на его жизнь, дает Павсаний, описывая на общественном кладбище могилы «храбрых мужей», «от которых отвернулось счастье, когда они накинудись на тирана Лахара»⁷⁰.

⁶² IG II² 657, 14 — 16.

⁶³ Diodor 20, 106, 3.

⁶⁴ IG II² 1264.

⁶⁵ IG II² 1685, переиздан и прокомментирован: Aleshire S. B. Asklepios at Athens. — 1991. — P. 13 — 32; об имени архонта на с. 29.

⁶⁶ IG II² 1956, фракийцы в строках 1 — 46.

⁶⁷ FGrHist 257 a, F 1.

⁶⁸ FGrHist 257a, F 2 — 3.

⁶⁹ Polyaeu 4, 7, 5.

⁷⁰ Pausanias 1, 29, 10.

Его свержение произошло весной 295 г. извне, силами царя Деметрия, у которого после поражения при Ипсе кроме флота остался еще ряд крупных прибрежных городов: в Греции Коринф, в Малой Азии Милет и Эфес, в Финикии Тир и Сидон, а сверх того Кипр и полисы основанного Антигоном в 314 г. островного союза Киклад. Деметрию сыграло на руку то, что между Селевком и Птолемеем разразился конфликт из-за Южной Сирии и Палестины, который дал повод Селевку искать его поддержки. Во время встречи в Рососе в Сирии Деметрий и его супруга Фила принимали Селевка на огромном корабле, который афиняне вернули по требованию после битвы при Ипсе, где и обручили его со своей дочерью Стратоникой⁷¹. Чуть позже Деметрий заключил мир с Птолемеем. Тогда он смог действовать свободнее, а смерть Кассандра, за которой всего четыре месяца спустя (297 г.) последовала смерть его сына и наследника Филиппа, породила у Деметрия надежды на лучшее будущее, хотя в Македонии и спорили за трон два других еще несовершеннолетних сына Кассандра.

Первой целью Деметрия были Афины, где он мог рассчитывать на помощь засевших в Пирее сепаратистов. Однако у побережья Атики сильный шторм разметал большую часть его флота. Он тотчас отправил в Финикию распоряжение о строительстве новых кораблей, а сам после безрезультатных стычек под Афинами отправился в Пелопоннес. Пред стенами осажденной им Мессены он был тяжело ранен из катапульты⁷². Весной 295 г. Деметрий, однако, снова направился в Аттику, захватил укрепления Элевсина и Рамнунта, острова Саламин и Эгину и опустошил страну. Блокадой со стороны моря он отрезал пути подвоза продовольствия и вызвал в городе такой сильный голод, какой Афины, кажется, еще никогда не переживали. Рассказывают, что Эпикур ежедневно отмерял себе и своим близким по фасолинке, что горсть каперсов считалась великим благом и что между каким-то отцом и сыном дело дошло до драки из-за дохлой мыши.

Лахар защищался долго и храбро. Чтобы уплатить жалованье солдатам, он приказал переплавить в драгоценный металл votивные дары из святилищ и лишил статую Афины в Парфеноне ее золотого одеяния, изготовленного для нее Фидием, так что потом поговаривали, что Лахар-де раздел Афины. Отлитая во времена Перикла бронзовая голова Афины Ники, найденная лишенной позолоты, также выступает свидетелем Лахарова святотатства. Народное собрание, у которого после отложения 301 г. были все основания бояться воз-

⁷¹ *Plutarch*, *Demetrios* 31, 5 – 32; OGIS 10. Корабль имел 13 скамей для гребцов: *Plutarch*. Op. cit., 31,1 и 32, 2.

⁷² В этой связи может находиться найденный в 1990 г. союзный договор этого города с Лисимахом (*Themelis P.* // *Praktika*. – 1990 [1994]. – P. 83 – 84).

вращения Деметрия, издало постановление о наказании смертной казнью каждого, кто отважится завести речь о примирении с царем⁷³.

Надежды на прорыв блокады затеплились в городе, когда у побережья Аттики появился флот в 150 кораблей Птолемея, между тем успевшего снова замирииться с Селевком и Лисимахом. Но он тут же обратился вспять, лишь только подошел флот Деметрия в 300 кораблей. Теперь Лахар окончательно проиграл партию; переодетым он бежал в Фивы. Афиняне, дабы не умереть с голоду, были вынуждены открыть ворота Деметрию (ок. апреля 295 г.).

3. Царь Деметрий

Как только были распахнуты ворота, афиняне отправили делегацию к царю Деметрию. Тот повелел, чтобы народ собрался в театре, и приказал окружить здание вооруженными людьми. Это была патетическая сцена, когда он, храня молчание, спускался от верхних рядов через амфитеатр на сцену. Появление царя еще более нагнетало тяжкие опасения у каждого присутствующего. Но, против всякого ожидания, Деметрий показал себя снисходительным и укорял афинян за их поведение довольно мягко, почти в дружеских тонах. Одновременно он распорядился раздать голодающему населению 100 000 медимнов зерна, а затем санкционировал введение тех должностей, «которые были особенно желанны народу». Почувствовавшие огромное облегчение ораторы из числа граждан благодарили его и предложили для него новые почести; даже демагог Дромоклid дошел до того, что внес предложение о передаче ему Пирея и Мунихии, чему никто не перечил. Пользуясь полнотой собственной власти, Деметрий разместил на холме Муз, на южной окраине города, гарнизон, с тем чтобы предотвратить возможность повторного отпадения Афин⁷⁴.

Это сообщение Плутарха дополняют разные другие свидетельства. Почти ровно год спустя после падения города афиняне декретировали высокие почести Геродору из Лампсака (или Кизика), прежде служившему Антигону, а ныне входившему в число поверенных Деметрия. Отправленные к царю просить мира посланники сообщали, что он помог в их стараниях и содействовал заключению пакта о

⁷³ Главный источник Плутарх (*Demetrios* 33 – 34). Далее о завоеваниях царя: *Polyaen* 4, 7, 5; о хлебном голоде: *Demetrios*, PCG. – Vol. 5. – P. 11; о краже золота: *Pausanias* 1, 25, 7; 29, 16; *Plutarch*, *mor.* 379 C; о голове Ники: *Thompson H. A.* // *HSPH.* – 1940. – Suppl. 1. – P. 207 – 208. Лахар чеканил из золота и монеты (*Svoronos J. N.* // *Journal international d'archéologie numismatique.* – 1927. – Vol. 21. – P. 159 – 168). Ср.: *Philipp G.* // *Gymnasium.* – 1973. – Vol. 80. – P. 501 – 502. О берстве Лахара: *Polyaen* 3, 7, 1.

⁷⁴ *Plutarch*, *Demetrios* 34, 1 – 7.

дружбе с царем и о неизбежности демократии. Геродор получил крайне редкостные награды, среди них право общественного угощения пожизненно в здании пританов, бронзовую статую на Агоре рядом с изваяниями тираноубийц и «Спасителей» (Антигона и Деметрия), а также право афинского гражданства. Таковой представлялась гражданам благодарность, подобающая его высокому положению и его явно более чем ординарным заслугам⁷⁵.

Еще более выдающимися были почести, назначенные декретом самому царю. Сообщение о них, вкученное с более ранними почестями 307 г., Плутарх передает вне хронологической связи, то есть в фактическом контексте перечисления всех почетных наград, предоставленных царям в Афинах⁷⁶. Один день года и один месяц – мунихион, был назван, соответственно переименован в честь царя, а к празднеству Дионисий добавлен праздник Деметрии, который в 292 г. засвидетельствован эпиграфически⁷⁷. Ни одна из этих почестей, кажется, не оставалась в силе после повторного опадения города в 287 г. до н. э., тогда как учрежденный в 307 г. культ «Спасителей» Антигона и Деметрия уцелел точно так же, как и названные по ним филы.

Возможно, выдвинутый Дромоклидом декрет лишь санкционировал уже установленные отношения, ведь к моменту сдачи города царь, кажется, уже контролировал Пирей (чего нельзя сказать о крепости Мунихии)⁷⁸. С тех пор в Пирее базировалась большая часть царского флота⁷⁹. Отношения царя с Афинами в последующие годы показывают также, что Деметрий захватил и укрепления Аттики, хотя обрывочная традиция на этот счет молчит. Нельзя также сказать конкретно, что означает фраза: он «ввел должности, любезные народу». В связи с упоминанием демократии в постановлении о Геродоре нельзя, во всяком случае, сомневаться в том, что государственный строй Афин того времени представлял собой конституционную демократию, на смену которой, впрочем, месяцев пятнадцать спустя пришла олигархия (см. ниже). Твердо установлено, что Совет Шестисот был распущен и заменен на Совет, укомплектованный из вновь избранных членов, так как декрет от 10 мунихиона 296/5 г., то есть десятого месяца года, совпадает с первым днем четвертой притании. Поэтому начало первой притании должно приходиться примерно на 11 элафеболиона, то есть на момент сдачи города, и каждая из оставшихся девяти пританий должна насчитывать около девяти дней⁸⁰. Не менее надежно и то, что были проведены новые выборы страте-

⁷⁵ IG II² 646 (Osborne, Naturalization, D 68).

⁷⁶ *Plutarch*, *Demetrios* 12, 1 – 2, разобрано в кн. Habicht, *Gottmenschentum*. – S. 50 – 55.

⁷⁷ IG II² 649 с новым фрагментом переиздан: Dinsmoor, *Archons* 7 – 8, Z. 42.

⁷⁸ Ср.: *Pausanias* 1, 25, 7.

⁷⁹ *Plutarch*, *Demetrios* 43, 4.

⁸⁰ IG II² 644; Beloch GG. – Vol. 2. – S. 247.

гов, так как Федр при архонте Никии в 296/5 г. дважды избирался стратегом по военной подготовке. Таким образом, он получил эту должность при Лахаре, потерял ее при перевороте, снова выставил свою кандидатуру и был избран во второй раз на остаток года⁸¹.

Примерно в одно время с Геродором был награжден гражданством и бронзовой статуей еще один неизвестный. Правда, ее следовало установить не как обычно, на Агоре или на Акрополе, а в театре. Это достаточно надежный показатель того, что речь в декрете шла о некоем творившем в Афинах поэте, драматурге, предположительно, о Диодоре из Синопы, почитаемом комедиографе того времени, о котором известно, что он стал афинским гражданином. И в данном случае могли сыграть свою роль политические заслуги, связанные скорее всего с событиями 295 г.⁸²

Вслед за повторным замирением Аттики Деметрий двинулся на Пелопоннес, дабы укрепить свою власть и там. Выступивший ему навстречу спартанский царь Архидам потерпел поражение под Мантиней, и казалось, никогда еще не покоренная Спарта вот-вот падет под натиском Деметрия, когда вдруг царь повернул от города, ибо другой театр военных действий открыл для него более обещающие перспективы.

Это была Македония, где распря между двумя юными сыновьями Кассандра предоставила царю повод для вмешательства. Старший сын Антипатр убил свою мать Фессалонику из-за подозрения в посябничестве младшему сыну, а тот призвал на помощь эпирота Пира и договорился с ним о разделе страны. Однако еще до того младший сын Александр обратился за поддержкой к Деметрию — для ее оказания тот теперь и прибыл. Когда ему заявили, что в его услугах более не нуждаются, Деметрий сделал вид, что собирается уйти. Но на прощальном пиру, который был дан в Ларисе в честь Александра, он приказал убить его вместе со всей свитой. Александрово войско поступило к нему на службу, и тогда Деметрий, изгнав из Македонии старшего брата Антипатра, сам сделался царем этой страны. Антипатр нашел убежище у Лисимаха, однако вскоре был тем устранен. С его кончиной прервался род Антипатра и Кассандра. С Лисимахом Деметрий заключил договор, в котором в обмен на признание его царем Македонии отказывался от своих владений в Малой Азии, отторгнутых у него Лисимахом (294 г.)⁸³. Сразу вслед за Македонией он установил господство и над Фессалией, где в заливе Волоса Деметрий основал в 293 г. свою новую, моментально расцветшую резиденцию Деметриаду, которая с того момента и вплоть до падения династии

⁸¹ IG II² 682, 21 — 23.

⁸² IG II² 648 (*Osborne. Naturalization.* — D 69); об идентификации см.: *Ha-bicht Ch. Untersuchungen.* — S. 13–15; ср. *Osborne. Naturalization.* — Vol. 2. — P. 153.

⁸³ *Walbank. Macedonia.* — P. 210 — 218.

Антигонидов в 168 г. после битвы при Пелле стала второй, греческой столицей македонских царей⁸⁴.

Достижение Деметрием царской власти в Македонии имело для Афин значительные последствия. Одним из них было то, что город перестал быть, как в 304/3 и 303/2 гг., царской резиденцией. Если это и принесло облегчение гражданам, не желавшим повторения эксцессов тех лет, то обратной стороной медали стало то, что Деметрий оказывал теперь свое влияние на город теми средствами, которые были несовместимы с незадолго до того вновь провозглашенными демократическими свободами. Афинянин Олимпиодор был эпонимным архонтом города в 294/3 и 293/2 гг. вопреки демократическому принципу, запрещавшему итерацию этой должности. И он мог получить этот пост либо путем назначения, либо в итоге диктуемых выборов, поскольку едва ли просто жребий мог выпасть такой видной фигуре, и уж никак не два раза подряд. Олимпиодор был в «Четырехлетней войне» удачливым соратником царя в борьбе с Кассандром и стяжал себе в те годы великую славу. Отсюда абсолютно очевидно, что в 294 г. он был посажен в это кресло как ставленник или комиссар царя и обладал компетенциями, превосходившими обычные полномочия архонта-эпонима. С его вступлением в должность летом 294 г. место секретарей Совета (*Grammateis*) снова заняли на три последующих года так называемые «записывающие» (*Anagrapheis*), успевшие стать с 321 по 318 г. своего рода ярлыком олигархии (с. 51). Потому эти годы позднее, когда город в 287 г. снова обрел свободу, и назывались прямо годами олигархии⁸⁵. С этим не идет вразрез и то, что в 292 г. царь Деметрий, побуждаемый к тому Феофрастом, распорядился о возвращении сосланных в 307 г. политиков-олигархов и их сторонников, в числе которых вернулся домой и коринфянин Динарх (с. 53)⁸⁶. Номинально афинское государственное устройство и тогда могло называться «демократией» (точно так же, как коммунистические государства Европы именовали себя «демократиями» и даже — с противоречащим смыслу удвоением главного элемента — «народными демократиями»). Однако выявленные олигархические моменты перевешивают настолько, что радикальные демократы имели право прямо говорить об олигархии.

⁸⁴ Strabo 9, 436; Stählin F., Meyer E., Heidner A. Pagasai und Demetrias. — 1934. — 178 ff.; Habicht, Gottmenschentum. — S. 75 — 76. См. теперь главным образом тома серии «Demetrias» о немецких исследованиях в Фессалии, изданные В. Милойичем и др.: 1 (1976), 2 (1978), 3 (1980), 5 (1987).

⁸⁵ В псефизме Лахеса в честь его скончавшегося отца Демохара: [Plutarch], *mor.* 851 F, и в декрете в честь Каллия: *Hesperia* 1978. — Suppl. 17. — P. 4. LL. 79 — 83. Ср.: Habicht. Untersuchungen. — S. 22 — 33: «Die Oligarchie im frühen 3. Jahrhundert».

⁸⁶ Philochoros // FGrHist 328, F 167; Dionys. Halic., *De Dinarcho* 2 — 3; [Plutarch], *mor.* 850 D.

Наблюдаемый в 294 г. отход от демократии, провозглашенной всего пятнадцать месяцев тому назад, мог опять же быть следствием получения Деметрием македонской короны. Подобную политику царь проводил тогда и в Беотии. Эта союзная с Этолией страна располагалась между его царством на севере и материковыми владениями Деметрия в Аттике и на Пелопоннесе. Поэтому уже в 294 г. она стала целью его агрессии: нападением врасплох он принудил Беотийский союз к повиновению и за два последующих года подавил там восстания. В 291 г. после длительной осады он покорил Фивы. В качестве своего губернатора с титулом «комиссар» (*Epimeletes*) Деметрий посадил в этой стране историка Гиеронима из Кардии, до того служившего Эвмену, затем победителю последнего Антигону, теперь же находившегося на службе у него самого, а позже у его сына Антигона Гоната⁸⁷. И если не титул, то функции Гиеронима в Беотии могли соответствовать таковым же у Олимпиодора в Афинах⁸⁸.

Летом 292 г. завершился второй архонтат Олимпиодора. Затем мы снова слышим о нем лишь весной 287 г., когда он возглавил восстание против Деметрия. Между ним и царем могла произойти размолвка; во всяком случае, начиная с 292 г. на авансцену выдвигаются такие услужливые политики, представлявшие интересы царя, как Дромоклид и во второй раз — после годов своих великих успехов от 307 по 301 г. — Стратокл. Он появляется около 1 мая 292 г. еще раз как инициатор одного почетного декрета⁸⁹, который касается Филиппида из Пайании (не путать с комедиографом Филиппидом, происходившим из дема Кефала), который за свою долгую блестящую карьеру на протяжении более пятидесяти лет получил высокие почести, коих на склоне лет удостаивались в Афинах заслуженные политики⁹⁰.

Когда бы ни появлялся Деметрий в эти годы в Афины, он всякий раз снова становился объектом преклонения. Далее всего афиняне пошли в сакральном песнопении, распевавшемся в его честь, когда он в 291 или 290 г. воротился с острова Корфу, доставшегося ему через Ланассу, дочь Агафокла, считавшую себя обойденной своим супругом Пирром. Этот гимн был сочинен по случаю Великих Элевсинских мистерий, и его якобы не только исполняли на публичных представле-

⁸⁷ Walbank. Macedonia. — Vol. 3. — P. 219 — 221; Hornblower J. Hieronymus of Cardia. — Oxford, 1981. — P. 5 — 17.

⁸⁸ Сопоставимо с ними и положение Деметрия Фалерского Младшего, которого Антигон Гонат после Хремонидовой войны посадил фесмофетом Афин (с. 151 сл.).

⁸⁹ Dinsmoor. Archons 7 — 9 (IG II² 649, дополнено правой стороной стелы). Тем же днем датированы два весьма фрагментарных декрета: IG II² 389 и Hesperia. 1938. — Vol. 7. — P. 97, № 17, которые мог предложить тот же Стратокл.

⁹⁰ О карьере Филиппида см.: Davies // APF. — P. 549 — 550; о типе этого вида почетных декретов, касающихся всей карьеры заслуженных граждан, см.: Habicht Ch. Studien. — S. 124 — 127; Gauthier. Cités. — P. 77 — 92.

ниях, но и распевали в частных домах. Парафразу этого так называемого итифаллика приводит в своем историческом сочинении Демохар; полный текст включил в свою историю Дурис Самосский – такой же, как и Демохар, враг Деметрия, – от него он и дошел до нас через Афинея⁹¹. Содержание стихов таково: величайшие и любезнейшие города боги рядом с нами – Деметрия и Деметру свел воедино случай. Деметрий светел и радостен, как подобает богу, прекрасен здесь и смеется; друзья окружают его подобно звездам вокруг солнца. Его называют (с намеком на победу при Саламине) сыном Посейдона и Афродиты (аллюзия на аттический культ его супруги Филы как Афродиты). Другие боги либо далеко удалились, либо не имеют ушей; быть может, их вовсе уж нет или они нисколько не тшятся о людях. «Но тебя зрим мы здесь во плоти – не из дерева и не из камня. Тебе мы молимся. Прежде всего – любимейший – мир сотвори, ибо сие во власти твоей. Речь я веду о Сфинксе, кто не одни лишь Фивы, но всю Элладу схватил за горло, именно об Этолийце, который – древнему Сфинксу под стать, – на скале восседая, крадет у нас людей, уводя в полон, а я не в силах бороться. Ведь то этолийский обычай красть своих соседей, теперь же и более дальних. Прежде всего накажи его, а коли нет, Эдипа найди, который Сфинкса со скалы свергнет иль обратит в пепел».

Для Дуриса эти стихи явились доказательством того, как низко могли опуститься афиняне, когда-то победители при Марафоне. Они, которые в свое время предали казни своего согражданина за то, что тот в ранге посла города совершил перед Великим царем церемониальное коленопреклонение – проскинезу⁹², сами проявляли теперь перед Деметрием гораздо большее низкопоклонство. Аналогична и критика Демохара. Самое существенное показание гимна между тем состоит в том, что царя призывают на помощь против господствующих на Дельфийских скалах этолийцев, которые в то же время связаны союзными узами с Фивами (этот город представлен в образе Сфинкса). Схожая ситуация предполагается и во внесенном Дромоклидом афинском декрете, дословно передаваемом Плутархом:⁹³ народ должен избрать одного гражданина, и он по совершении жертвоприношений при благоприятных предзнаменованиях должен испросить у «Спасителя» оракул о том, как лучше всего осуществить повторное посвящение щи-

⁹¹ Деметрий и Ланакса: *Plutarch*, Pyrrhos 10, 6 – 7. Итифаллик: Demochares // FGGrHist 75, F 2; *ibid.* 76, F 13; Athen. 6, 253 B-F; *Habicht*. *Gottmenschentum*. – S. 232 – 233, с предшествующей лит.; *Marasco*. *Democare*. – P. 199 – 203; *Marcovich M.* *Studies in Graeco-Roman Religions and Gnosticism*. – 1988. – P. 8 – 19.

⁹² Имеется в виду Тимагор и посольство 367 г. Мотивировка его осуждения была, однако, иной, чем та, которую приводит Дурис: *Reincke G.* *Timagoras R.E.* – Sp. 1073.

⁹³ *Plutarch*, Demetrios 13, 1 – 3. Далее см.: *Habicht Ch.* *Untersuchungen*. – S. 43 – 44: «Ein Epiphisma des Dromokleides von Sphettos».

тов. При этом речь шла о щитах из персидской добычи 480/79 г., которые афиняне вывесили в храме Аполлона в Дельфах. Храм был разрушен в 373 г., вероятно, в результате пожара и вслед за тем снова отстроен содружеством греческих государств. Незадолго до освящения нового храма в 340 г. афиняне снова разместили там щиты, то ли уцелевшие после пожара, то ли заменив их на другие из персидской добычи. Надпись на них: «Афиняне от персов и фиванцев, когда те сражались против эллинов» напоминала о некогда имевшем место военном соглашении между фиванцами и варварами и в ситуации 340 года была для Фив оскорбительной. Это тотчас же дало тогда повод для серьезных осложнений, и все повторилось, когда с начала III в. этолийцы установили свой протекторат над Дельфами и заключили союз с фиванцами. По их претенциозным настояниям щиты были удалены из храма. Теперь декрет Дромоклида требовал их водворения на прежнем месте. И как раз царь Деметрий был тем, кому следовало об этом позаботиться, преодолев сопротивление этолийцев и фиванцев. Если здесь декретом его побуждают к созданию предпосылок для повторного посвящения щитов — что могло произойти только путем насильственного столкновения, — то призыв к нему в священном гимне — да свергнет он этолийского Сфинкса со скалы Дельфийской и тем самым позаботится о мире — говорит об этом напрямую. Предложение Дромоклида должно довольно точно приходиться на то же время, что и создание гимна: ведь Дромоклид уже приобрел в те годы известность как влиятельный и действовавший в духе царя политик (с. 90 сл.). Этот гимн и этот декрет зывали к Деметрию как к богу-спасителю и призывали его выступить походом против врага на Севере. Значение имеет и то, что предложение Дромоклида ясно просит царя дать предсказание. Ведь коль скоро традиционное оракулярное святилище — Дельфы — находится в руках врага и тем самым бог-прорицатель Аполлон для афинян недостижим, на его место вступает новый, сущий во плоти бог Деметрий.

Именно эта ситуация, возникшая в Дельфах летом 290 г., и привела к тому, что царь Деметрий устроил в Афинах празднество, назвав его «Пифии», поскольку традиционный Пифийский праздник теперь организовывали и контролировали в Дельфах этолийцы⁹⁴. Ежели когда-нибудь отыщутся списки победителей на этих афинских Пифиях, то мы получим ясную картину (или, по крайней мере, представление) того, какое влияние оказало на греческий мир приглашение к этим состязаниям.

В следующем, 289 г. Деметрий начал столь долгожданный для Афин поход против этолийцев. После вторжения в их страну он продвинулся дальше до Эпира, чтобы помериться силами с Пирром. Тот, в свою очередь, выступил ему навстречу, однако их войска раз-

⁹⁴ *Plutarch, Demetrios 40, 7 – 8; Walbank, Macedonia. — Vol. 3. — P. 224.*

минулись, так что Пирр наткнулся в Этолии на оставленный Деметрием корпус македонян под командованием Пантавха. Дело дошло до сражения, в котором Пирр и Пантавх на поединке ранили друг друга, и в конце концов Пирр одержал победу, захватив в плен пять тысяч воинов. Этим он добился внушительного престижа, который сумел в глазах общественного мнения обратить в звонкую монету⁹⁵. Восхищались им прежде всего в Македонии, где многие стали видеть в нем единственно достойное олицетворение Александра Великого⁹⁶. Деметрий получил ощутимый удар, тем более болезненный, что его самого на долгое время свалил тяжкий недуг. Источники свидетельствуют о том, что и характер у него изменился. Осуждали помпезность и напыщенность его выступлений, его восточные наряды, роскошный образ жизни, но прежде всего то, что он — некогда столь открытый и обходительный — сделался неприступным, замкнулся в себе, на приемах часто становился заносчивым и вызывающим. Одно афинское посольство он протомил в ожидании, не допуская к себе, два года, хотя вроде бы уделял афинянам особое внимание. Неприязнь к нему македонян возросла, когда его застали за тем, как он, не читая, выбрасывал с моста в реку целую кипу только что врученных ему челобитных⁹⁷. В Македонии и подчиненных ему областях Греции его власть все более и более стала восприниматься как угнетающая и своевольная. Ну а раз она была серьезно поколеблена в Македонии, то волна протеста должна была всколыхнуть и Грецию.

Справившись с недугом, Деметрий почти без труда сумел снова прогнать Пирра, продвинувшегося до Эдессы, но звезда его все же начала клониться к закату. Он носился с грандиозным планом завоевать обратно азиатскую державу своего отца и с большим размахом готовился к походу на Лисимаха. В Афинах, Халкиде и Коринфе для него строили военные суда. Встревоженные этими приготовлениями, другие правители снова заключили против него союз: Лисимах, Птолемей, Селевк и Пирр создали фронт обороны и даже сами перешли к наступлению. Птолемей послал флот в Эгейду и, кажется, отобрал в 287 г. у Деметрия контроль над Союзом Несиотов, основанным его отцом в 314 г.⁹⁸ Лисимах и Пирр вторглись в Македонию с двух сторон — с востока и запада. При попытке выступить им на встречу Деметрию пришлось пережить то, как крупные части его войска перешли на сторону врага. Он бежал в Кассандрию, где его жена Фила от отчаяния лишила себя жизни. Лисимах и Пирр поделили между собой Македонию.

⁹⁵ *Plutarch*, *Demetrios* 41, 1 – 5; *Pyrrhos* 7, 4 – 8. D. Kienast, RE // *Pyrrhos*. — 1963. — Sp. 123.

⁹⁶ *Plutarch*, *Demetrios* 41, 5; *Pyrrhos* 8, 2.

⁹⁷ *Plutarch*, *Demetrios* 41, 5 – 42, 7.

⁹⁸ *Walbank*. *Macedonia*. — Vol. 3. — P. 228.

Деметрию остались его греческие владения, и оттуда он набирал своих воинов и помощников. Впервые, как рассказывают, надел он тогда простое гражданское платье. Его мужество не было сломлено и от очередного удара: против него восстали Афины и одолели его гарнизон в городе (весна 287 г.). Неудачи, которые он потерпел в Македонии, стали сигналом для всех свободолюбивых афинян стряхнуть с себя иноземное бремя и взять курс на политику 301 г.⁹⁹ Под предводительством стратега Олимпиодора, бывшего прежде соратником Деметрия и в качестве архонта 294 — 292 годов даже его ставленником, они с весьма незначительными потерями взяли приступом Мусейон. Первым на стену поднялся Леокрит, павший как герой: афиняне посвятили его щит Зевсу Освободителю (Zeus Eleutherios). На нем было вырезано его имя и описан его подвиг. Он, как и другие павшие, удостоился почетного погребения на общественном кладбище¹⁰⁰. Граждан поддержала какая-то часть гарнизона, состоявшего, видимо, из наемников, один из коих, некто Стромбих, двадцать лет спустя снискал похвалу за оказанную при этом помощь¹⁰¹. Пирей же оставался в руках царского гарнизона, и сам царь со своей армией двигался маршем из Пелопоннеса, чтобы вернуть себе город¹⁰². Подошло время сбора урожая зерновых (с середины мая), и первоочередной заботой властей было доставить хлеб в город, прежде чем он попадет в руки неприятеля. Помог в этом Каллий из Сфетта, афинский гражданин из состоятельной и знатной семьи, чей отец Тимохар занимал высокие военные и политические посты (с. 67). Сам Каллий, однако, в годы правления олигархии из политического протеста удалился в изгнание и потерял тогда свое имя: оно было конфисковано. В 287 г. Каллий состоял на службе у царя Птолемея I и, следуя

⁹⁹ Важнейшими источниками по этим событиям выступают декреты в честь братьев Каллия (от 270/69 г.) и Федра из Сфетта (ок. 255 г. до н. э.); первый, содержащий новые важные факты, опубликован: *T. L. Shear, Jr. // Hesperia*. — 1978. — Suppl. 17; второй IG II² 682. Все остальные источники — надписи, а также сообщения античных авторов (Плутарх, Павсаний и др.), в обзорном виде сведения Широм (op. cit. P. 87 — 97). Важнейшая литература с момента выхода его публикации: *Habicht Ch. Untersuchungen*. — S. 45 — 67; *Osborne M. J. // ZPE* 5. — 1979. — Vol. 35. — P. 181 — 194; *Heinen H. // GGA*. — 1981. — Vol. 233. — S. 189 — 194; *Lancier E. // RBPh*. — 1987. — Vol. 65. — P. 52 — 86; *Walbank. Macedonia*. — P. 228 — 233. По сравнению с датировкой восстания весной 286 г. Шира, в настоящее время общепризнана точка зрения, по которой оно приходится на весну 287 г.

¹⁰⁰ *Pausanias* 1, 26, 2; 29, 13.

¹⁰¹ IG II² 666, 667. От одной из статуй Олимпиодора дошла римская копия головы, оригинал которой мог возникнуть во времена портретов Демосфена (*Richter G. M. A. The Portraits of the Greeks / Abr. and rev. by R. R. R. Smith*. — Ithaca; N. Y., 1984. — P. 169 — 170, Fig. 131).

¹⁰² Вопреки мнению Фергюсона (HA 149), считавшего, что Деметрий подошел с севера через Панакцион и Филу, декрет в честь Каллия сообщает, что он скорее всего приближался из Коринфа.

его инструкциям, высадился с тысящей отборных солдат в Афинах. Он прибыл туда с острова Андрос, который Птолемей в числе других Кикладских островов аннексировал, видимо, в первую очередь. С его помощью и при содействии другого стратега над гопплитами города — это был Федр, родной брат Каллия — удалось вовремя свезти с полей урожай. Оба брата, по свидетельству изданных позже в их честь декретов, тем самым значительно содействовали спасению города.

Вскоре произошли бои с вооруженными частями Деметрия в Пирее, и в одном из них Каллий был легко ранен. В этот момент туда прибыл сам Деметрий со своей армией и окружил город. Но вскоре был заключен мир, по которому Афины вновь отстояли завоеванную свободу. За ратификацию мирного договора агитировал в еkkлeсии Федр, и понадобилось, очевидно, изрядное красноречие, чтобы выставить его перед Народным собранием в приемлемом виде, ибо, согласно договору, хоть Афины и признавались свободными, однако македонские гарнизоны оставались в Пирее и крепостях Аттики. И то, что Деметрий уступил городу свободу (или, во всяком случае, снял осаду), случилось благодаря двум особым обстоятельствам: во-первых, его нетерпению поскорее начать давно готовившуюся акцию против Лисимаха в Малой Азии, а во-вторых, вмешательству Птолемея на стороне города. Тот направил к Деметрию своим посредником высокопоставленного функционера Сострата из Книды (знаменитого прежде всего как основателя или зодчего Александрийского маяка — Фароса). В Пирее были проведены мирные переговоры, в ходе которых афиняне хотя и были выслушаны Состратом, однако сами не имели права голоса. Совет и стратеги — среди них Каллиев брат Федр — уполномочили на эту миссию Каллия, хоть и офицера Птолемея, но все-таки афинского гражданина. Мир между Деметрием и Птолемеем был заключен, и египетский царь (в лице Сострата) представлял при этом, после слушания доклада афинского делегата, интересы города. Ему, однако, не удалось добиться вывода гарнизона из Пирея и аттических укреплений. Мирный договор предоставлял городу свободу, однако не оправдал всех ожиданий: особенно остро, как засевшая заноза, постоянно воспринимался чужеземный контроль над гаванью, который продлился еще полных 58 лет¹⁰³. Враждебные действия были прекращены в год архонта Кимона, то есть не позже июля 287 г. Деметрий незамедлительно отплыл в Малую Азию и оставил местоблюстителем в Греции своего сына Антигона. Это был тот, с которым Афинам предстояло столкнуться в будущем; (второе) владычество Деметрия над городом осталось в прошлом.

¹⁰³ Так, Фока, сына Фокиона, особенно ненавидели за его подхалимство перед македонским комендантом Мунихии (Athen. — Vol. 3, 168 E).

IV. Культура в общественной жизни города

В общем очерке истории города Афин в эллинистическую эпоху едва ли уместно давать критический разбор литературных достижений их поэтов и писателей или же со знанием дела оценивать сохранившиеся произведения их художников, хотя автор и здесь достаточно компетентен. Поэтому в дальнейшем изложении мы избегаем любой попытки подобного рода и вместо того стремимся дать представление о том, какую роль играла культура в общественной жизни города. В дальнейшем будут поставлены вопросы: в какой мере афиняне и в какой чужеземцы определяли культурную жизнь и влияли на нее; творили ли занимавшиеся интеллектуальным трудом афиняне лишь в пределах своего родного города или и за его границами; жили ли они только своим искусством и наукой или принимали деятельное участие и в политической жизни. Кроме того, должен быть, насколько это возможно, поставлен вопрос об отклике, который получало их творчество в Аттике и, соответственно, за ее пределами; и наконец, пользовались ли эти люди поощрением, и если да, то какого рода и кто были их патроны.

Ответы на эти вопросы, так же как и разработка политической истории, страдают от скудости материала, поскольку почти вся эллинистическая литература афинских и других писавших об Афинах авторов пропала. Погибли и все произведения афинских живописцев, а также огромное количество скульптуры, изготовленной афинскими ваятелями. Рассеянные по всей греческой ойкумене образцы должны быть с максимальной полнотой собраны и исследованы, причем общие выводы, которые именно и важны здесь, могут извлекаться лишь с очень большой осторожностью. Но и тогда они не перестают быть проблематичными, так как новые свидетельства археологического, эпиграфического или нумизматического характера могут выявлять их недостаточность или ошибочность.

Хотя не сохранилось ни одной эллинистической трагедии, которая позволила бы сравнить ее с классической, ни одного философского

диалога, сопоставимого с платоновскими, все же с самого начала можно со всей уверенностью утверждать, что культурная деятельность в Афинах этого времени была не менее, но даже, видимо, более оживленной, чем когда-либо прежде. Занимавшихся творчеством афинян можно было встретить повсюду, в любом уголке греческого мира, чьи границы Александр Великий раздвинул далеко на восток.

1. Драма

Трагедии и комедии, потому сохраненные рукописной традицией, что античные филологи сочли их шедеврами, были созданы в классическую эпоху — в V в. до н. э. Лишь Аристофан своими последними творениями еще захватывает начало следующего столетия. До нас дошли семь трагедий Эсхила, семь Софокла, восемнадцать Еврипида и девять комедий Аристофана. Единственный из поздних драматургов, кто в силах состязаться с ними в мировой славе, — это Менандр, родившийся в 342 г., в один год с философом Эпикуром. Кроме того, он единственный из поздних классиков, от которого целиком сохранилась — впрочем, не в рукописях (как драмы классиков), а на папирусе — одна пьеса под названием «Дисколос» («Брюзга»), ставшая известной после второй мировой войны. До того мы имели от Менандра, если судить по сохранившимся латинским переработкам его пьес Плавтом и Теренцием, внушительные части других комедий и собрание однострочных сентенций, ставших уже в античности крылатыми выражениями, — именно потому их и собрали вместе. Одно из них — «Коли человека не выпороть, его не воспитаешь» — Гёте предпослал в оригинальной греческой версии в качестве эпиграфа к своему труду «Поэзия и истина».

Если от обширного творческого наследия Менандра сохранилось так мало, а от остальных эллинистических драматургов только более или менее пространственные выдержки и ни одной пьесы целиком, то прежде всего следует заметить, что и от произведений четырех названных классиков уцелела всего лишь скромная частица. Несмотря на это, диспропорция между тем, что сохранилось от «старшей» и от «младшей» драматургии, достаточно очевидна. Можно считать надежно установленным, что повинно в этом не столько (возможно) более низкое качество позднечлассических пьес, сколько скорее вкусы публики, которой больше угодили произведения старых мастеров. Так, например, ни в коем случае нельзя считать бесспорным, что комедии Менандра и его современников уступали по литературным достоинствам Аристофановым. Может быть, Менандр был менее оригинален, чем Аристофан, а известные почти только по именам поэты-трагики его времени не могли тягаться с их классическими предшественниками — может быть, но ведь проверить это как раз-то

и нельзя. Но мы, безусловно, ошиблись бы, предположив, что позднеклассическая публика интересовалась театром меньше, чем старшее поколение. Скорее напротив, в III и II вв. в Афинах и дальше продолжали ежегодно сочинять много трагедий и комедий — причем не только афинские драматурги, но и эаежские, осевшие в Афинах, потому что условия для успешного продвижения там были лучше, чем где бы то ни было. Год за годом ставились многочисленные драмы на Дионисии (весной) и на Ленеи (зимой). Новые пьесы тех или иных живших тогда драматургов переполняли программы празднеств, однако с начала IV в. ежегодно игралась и одна старая трагедия, а с конца того столетия и одна старая комедия¹.

Лапидарные документы, фиксация которых началась в 279/8 г. и затем не прерывалась полтора столетия, сохранились во внушительном количестве. Они дают нам год за годом сведения о драматических агонах — сообщают, какие в то или иное время ставились пьесы (название и сочинитель), кто вышел победителем, кто занял следующие места и какой актер удостоился награды. Упоминание — если оно сохранилось — эпонимного архонта дает год постановки. Часто случалось, что данный праздник не состоялся вообще или прошел без представлений; тогда следующая за именем архонта запись состоит только из этого сообщения. Ежели, напротив, все было устроено по полной программе, то одно лишь перечисление комедий занимает 15 строк текста. Можно видеть, к примеру, что в такой-то год была снова поставлена «старшая» комедия и впервые инсценированы шесть новых. Драматургами повторно игравшихся пьес были во II в. прежде всего Менандр, Филемон, Посейдипп и Филиппид, то есть самые популярные авторы эпохи раннего эллинизма. Все это мастера так называемой Новой комедии, уже безраздельно ставшие классиками, а не творцы «Древней комедии» V века, такие как Аристофан или Эвполид, и уж никак не создатели «Средней комедии», которую и без того можно с трудом отделить от «Новой», — старшие современники Менандра, например Алексис, продолжали творить и в его

¹ Образцовым собранием греческой комической поэзии служат тома: Poetae Comici Graeci, с 1983 г. издаваемые Р. Касселем и К. Остином. К настоящему времени вышли (за исключением Менандра) авторы от Агатенора до Ксенофонта. За фрагментами еще не включенных сюда поэтов следует обращаться к: *Kock Th. Comicorum Atticorum Fragmenta*: In 3 Bd. — Leipzig, 1880 — 1888 (CAF). Для Менандра: *Koerte A., Thierfelder A. Menandri quae supersunt*: In 2 Bd. — 1955 — 59; *Handley E.W. The Dyscolos of Menander*. — London, 1965; *Gomme A.W., Sandbach F.H. Menander: A Commentary*. — Oxford, 1973; *Jäkel S. Menandri Sententiae*. — Leipzig, 1964. О месте женщины в Новой комедии см.: *Fantham E. // Phoenix*. — 1975. — Vol. 29. — P. 44 — 74; о социальном уровне Менандровых Характеров см.: *Casson L. The Athenian Upper Class and New Comedy // TAPhA*. — 1976. — Vol. 106. — P. 29 — 59. Подробный разбор театральной практики: *Pickard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens / Rev. by J. Gould. D. M. Lewis*. — 2 ed. — 1968.

время. Шесть новых комедий, представленных в такой-то год, перечисляются в том же порядке, в каком они были оценены жюри².

Эллинистическая комедия отличается по содержанию от классической. Реплики о политических событиях на злобу дня, буквально наводняющие многие комедии Аристофана, крайне редки и даже там, где они встречаются, могли быть лишь попутными пометками. Искключение составляют издевки Филиппида над Стратоклом (с. 83) или поношение политика-демократа Демохара (с. 77) комедиографом Архедиком, который в годы олигархии (322 — 319), находясь в окружении потворствовавшего ему македонского правителя Антипатра, сам играл политическую роль. Архедиковы нападки вскоре были бы забыты, не включи их в свою всеобщую историю живший в Афинах историк Тимей из Тавромениона (Таормины), — он тем самым спровоцировал едкую критику пришедшего ему на смену Полибия³. И у других драматургов этого времени выступают на сцену известные в тот момент личности — не только политики, но и, к примеру, философы или прославленные по всему городу кулины — однако собственно политические стихи либо даже попытка повлиять на политику напрочь отсутствуют. В творчестве Менандра политика не играет никакой роли; тем не менее после свержения Деметрия Фалерского ему грозила опасность предстать перед судом лишь из-за того, что он был его другом⁴.

Новая комедия отличается от произведений Аристофана еще и тем, что она свободна от частых у него непристойностей. Вполне очевидно, вкусы публики поменялись, возможно также, до известной степени, изменился и ее состав, так как в конце IV в. была прекращена выплата пособий (*theorika*, или зрелищные деньги), которые давали беднякам и далеко живущим гражданам возможность посещать театр. Следствием этого могло быть то, что именно они держались теперь в стороне от зрелищ, и драматургам не нужно было больше идти на поводу у их вкусов, если они хотели добиться успеха своими пьесами⁵. Однако отстранение себя от политики и скабрзностей

² IG II² 2319 — 2325; Wilhelm Ad. Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen. — Wien, 1906; Shell B. Zu den Urkunden dramatischer Aufführungen // Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. — 1966. — № 2; Ruck C. IG II² 2323. The List of Victors in Comedies at the Dionysia. — Leiden, 1967; Mette H.-J. Urkunden dramatischer Aufführungen in Griechenland. — Berlin, 1977; Nesselrath H.-G. Die attische Mittlere Komödie. — Berlin, 1990.

³ Об Архедике см.: Habicht Chr. Der Komödiendichter Archedikos // Hesperia. — 1993. — Vol. 62. — S. 253 — 256; в общем: Philipp G. Philippides, ein politischer Komiker der hellenistischen Zeit // Gymnasium. — 1973. — Vol. 80. — S. 493 — 503.

⁴ Diog. Laert. 5, 79. Potter D. // Historia. — 1987. — Vol. 36. — P. 491 — 495.

⁵ Buchanan J. Theorika, Locust Valley. — N. Y., 1962. — P. 82. Вопрос о том, имели ли в Афинах право и женщины посещать театральные представления, спорен (Pickard-Cambridge. Op. cit., Chap. 4); утвердительно на него отвечает: Henderson J. // TAPhA. — 1991. — Vol. 121. — P. 133 — 147.

имело еще одну подоплеку: эллинистические комедии ставились во всем греческом мире — об этом можно судить по многочисленным спискам авторов-победителей, происходивших из разных греческих городов и с таких островов, как Делос или Самос. А неаттическая публика, безусловно, не интересовалась афинской политикой и могла в любом случае, здесь или там, быть сдержаннее афинской по отношению к грубым откровениям в области сексуальной. Причину единственной в своем роде популярности Менандра на протяжении веков и видят как раз в том, что его вещи морально приемлемы⁶. В них нет специфически афинских кулис, они выводят на сцену рядовых людей с их переживаниями и причудами, их силой и слабостями. Они заговаривают с каждым в любое время и позволяют зрителям отождествлять себя с этими героями. Менандр судит о людях не по преимуществам или недостаткам их происхождения (знатность, богатство, сословие и т. п.), но по тому, что они есть на самом деле, по их характеру. О нем говорили, что он создал новый образ человека тем, что постоянно делал ставку на общечеловеческое (*τὸ ἀνθρώπινον*), и что потому-то он по праву и был назван отцом гуманности⁷. В 322/1 г. он впервые выступил, тогда еще как эфеб, в состязании поэтов и одержал на Ленеях свою первую победу; в 316/5 г., во времена Деметрия Фалерского, он добился успеха комедией «Дисколос». Умер он в возрасте всего лишь пятидесяти (или пятидесяти двух) лет. При жизни он был не так популярен, как тот или иной из его конкурентов; пришедшая к нему сразу же посмертная слава далеко отодвинула всех их в тень. Анонимная эпиграмма в его честь заканчивается словами:

«Вечно живешь ты, и слава, какую стяжали Афины,
Через тебя, к небесам, до облаков вознеслась»⁸.

Из эллинистической эпохи на сегодняшний день известно немногим более пятидесяти комедийных поэтов, бывших афинянами или творивших в Афинах⁹. Ежели они были гражданами города, то в сохранившихся надписях предстают перед нами и как исполнители гражданских обязанностей — как члены коллегии архонтов, жрецы какого-нибудь бога, монетарии такого-то года или облеченные особой миссией, например, делегатов на международный Совет Дельфийской амфикионии, который попечительствовал над святилищем

⁶ Gomme A.W., Sandbach F.H. Menander: A Commentary. — 1973. — P. 26.

⁷ Schädewaldt W. Der Gott von Delphi und die Humanitätsidee, Rede zur Verleihung des Reuchlinpreises. — 1963. — P. 12, перепечатано в: Schädewaldt W. Hellas und Hesperien. — 2 Aus. — Zürich, 1970. — Vol. 1. — S. 673 — 674.

⁸ AP 9, 187, перевод В. Чемберджи.

⁹ Их нетрудно найти по списку: Austin C. // ZPE — 1974. — Vol. 2 — P. 201 — 225.

Аполлона и справлявшимися в его честь Пифийскими празднествами. Кроме того, они вносили деньги, когда город призывал к добровольной подписке на особые нужды (*epidosis*)¹⁰. Как и в других искусствах, одной и той же профессией часто занимались отец и сын, а у одной семьи из Фалера можно проследить целых четыре поколения комических поэтов, преуспевших в Афинах и за их пределами¹¹.

С начала III в. комедийные поэты и другие лица, подвизавшиеся в литературе, музыке, танцах и актерском ремесле, стали объединяться в гильдии, именуя себя «мастерами круга Диониса» как посвятившие себя богу мусических представлений. Перевод «праздничные артисты» ближе всего соответствует тому, чем они занимались. Подобные корпорации возникли в разных местах, однако афинская была самой древней и самой выдающейся, с коей, впрочем, долгое время соперничала гильдия технитов с Истма. Праздники божеские предоставляли технитам удобный случай посостязаться друг с другом, равно как и поэтам, актерам и музыкантам всех жанров. Поэтому исполнение профессиональных обязанностей было для них богослужением, их выступление было желанным повсюду, где устраивались пышные праздники. Оттого техниты почти непрестанно находились в пути, от одного города к другому, от одного святилища и театра к другому. По этой причине они нуждались в особой защите и специальных льготах. От Дельфийской амфиктионии, царей, городов и союзов городов получали они особые привилегии, такие как неприкосновенность личности и имущества (*asylia, asphaleia*), освобождение от налогов и повинностей¹². В священном праздничном шествии из Афин в Дельфы — Пифаиде 98/7 г. от города приняли участие 23 священных посла, определенное число всадников и 66 эфэбов, а кроме того, союз дионисийских технитов в составе более сотни праздничных артистов¹³.

Комедийным драматургам уступают числом создатели трагедий и сатировых драм; для эллинистического времени последних известно более шестидесяти, добрая половина из них афиняне¹⁴. Их творчест-

¹⁰ IG II² 1714, 10 (фесмофет), 2336, 123 (жрец Аполлона); Chiron // 21, 1991. — Vol. 21. — S. 10 (монетарий); I Délos 1928 (гимнасиарх); FD III 2, 69, 3 и 277, 2 (Амфиктиония, на которую, впрочем, делегирован трагик из Афин); IG II² 2332, 206 (*epidosis*).

¹¹ Preuner E. // RhM. — 1984. — S. 362 — 369. Тимострат победил в Афинах, его сын Аристон на Самосе, его внук Посес в Танагре, его правнук Аристон в Оропе (PCG VII 560 T 1 и T 5; 783, T 1 — 3 и 7).

¹² Poland F. Technitai // RE. — 2. Reihe, Band 5 B. — Sp. 2473 — 2558). Полный список всех известных технитов дает: Stefanis I.E. Dionysiakoi Technitai. — Heraklion, 1988.

¹³ См. список технитов: FD III 2, 48, дополненный: BCH. — 1938. — Vol. 62. — P. 362 — 368, теперь: Hesperia — 1975. — Suppl. 15. — P. 60 — 63. — Z. 14 — 52. Ср.: Ghiron-Bistagne P. Recherches sur les acteurs dans la Grèce antique. — Paris, 1976.

¹⁴ Далее см.: Ziegler K. // RE Tragoedia. — 1937. — Sp. 1899 — 2075, где эллинистическая трагедия обсуждается в стб. 1967 — 1981. Циглер (стб. 1967 — 1970)

во пропало в еще большем объеме, чем произведения комедиографов: сохранилось лишь девять фрагментов в общей сложности с 22 стихами, по большей части однострочных, ходивших по рукам как сентенции. И это все, что сохранилось от нескольких тысяч вещей, канувших в лету лишь потому, что их слог претил публике младших поколений, одержимой модой на аттицизмы, а вовсе не из-за того, что они были низкого качества. Судя по заглавиям почти пятидесяти известных пьес, эллинистическая трагедия многократно расширила круг обсуждаемых тем, и произведения драматургов в эту эпоху оказывали столь же сильное воздействие, как в свое время трагедии классические. А посему тут же нашлись подражатели в других очагах культуры: так, после окончания в 240 г. Первой пунической войны за Сицилию было положено начало римской трагедии, ставшей ответвлением современной ей греческой драмы. Так, во II в. до н. э. еврей Езекиил обыграл историю Моисея и исхода из Египта в трагедии на греческом языке под названием «Echagoge» («Вывод»); благодаря отцу церкви Евсевию из Цезареи от нее еще сохранилось 269 триметров¹⁵.

Как и комедиографы, сочинители трагедий тоже ставили свои вещи по всему греческому миру и не раз награждались и за пределами Афин почетными декретами, дарованием права гражданства, статуями и т. п. Свидетельства подобных наградений аттических трагиков этого времени дошли, например, с Делоса, из Оропа, Фив, Феспиев, Танагры, из Орхомена в Беотии и Дельф. Трагические актеры также разъезжали из города в город, обычно со своим союзом техников. Один преуспевавший актер из аркадской Тегеи за свою игру в разных драмах Еврипида получил призы в Афинах, Аргосе, Дельфах и Додоне¹⁶. Как некогда Софокл, исполнявший во времена Перикла должность члена коллегии стратегов, так и поздние поэты отнюдь не были ушедшими от мирских забот литераторами, но служили своему городу наравне с прочими гражданами в самых разных должностях, будь то пост монетного магистрата или какой иной. Особенно высоко, до самых высших постов, какие только были в его время, добрался Дионисий из Анафлиста, ставший в 111/10 г. афин-

---

выступает против «расхожей, но на деле ничем не оправданной приниженной оценки позднеклассической и особенно эллинистической трагедии». Он цитирует особенно суровый вердикт Й. Гефкена: «быстро зачахшие тепличные растения, которые довольно дурно отдавали гнилью». *Lesky A. Die tragische Dichtung der Hellenen.* — 2 Aus. — Göttingen, 1964. — S. 222 — 224; *Sifakis G.M. Studies in the History of the Hellenistic Drama.* — London, 1967.

¹⁵ Текст приведен у: *Snell B. // TGF.* — 1971. — Vol. 1. — P. 288 — 301; немецкий перевод с введением, списком литературы и примечаниями: *Vogl E. 1983 (Jüdische Studien aus Hellenistisch-Römischer Zeit IV).* Езекиил сочинил и другие трагедии на ветхозаветные темы.

¹⁶ Syll. ³ 1080.

ским губернатором острова Делос, а пять лет спустя — стратегом го-плитов и в этом качестве возглавил торжественную государственную процессию в Дельфы — Пифаиду 106/5 г.¹⁷

Как уже говорилось, с IV в. стало правилом в ходе крупных празднеств вне рамок и до начала конкурса новых драм повторно ставить по одной старой комедии и по одной трагедии. В исполнении этих вещей за обладание призом состязались друг с другом не их создатели, давно уже скончавшиеся, а артисты. Но случалось и так, что больше славы выпадало на долю великих творцов прошлого. Случайно сохранившаяся надпись середины III в., датированная архонтом Алкивиадом, сообщает, что в том году были повторно инсценированы не менее девяти старых пьес, а именно три «старых» комедии (Дифила, Менандра и Филемона), три сатировых драмы и три трагедии. Из вещей Менандра была выбрана «Фасма» («Фантом»), постановка которой засвидетельствована и для 167 г. до н. э. Исполнение старых трагедий принесло победу одному артисту, выступавшему в пьесе Софокла — уже тогда Софокл и прежде всего Еврипид были гораздо популярнее Эсхила¹⁸.

2. Философские школы

Роскошные праздники международного уровня, как, например, справлявшиеся раз в четыре года Великие Панафиинеи, с определенными временными интервалами делали Афины местом притяжения для греков, стекавшихся сюда со всех концов¹⁹. Но этот эллинистический город был и во все времена притягательным магнитом для интеллектуалов, пожелавших получить или продолжить здесь свое об-

¹⁷ *Habicht Ch.* // *Hermes*. — 1991. — Vol. 119. — S. 198, 204, 212, 216.

¹⁸ *Hesperia* // 1938. — Vol. 7, P. 116, № 2; *Körte A.* // *Hermes*. — 1938. — Vol. 73. — S. 123 — 127; *IG* P² 2323, 206.

¹⁹ По дальнейшей теме см.: *Habicht Ch.* *Hellenistic Athens and Her Philosophers*. — 1988 и *Athen in hellenistischer Zeit. Gesammelte Aufsätze*. — München, 1994. — S. 231 — 247. Сжатое, построенное на источниках изложение основных учений крупнейших философов этого времени дает: *Kristeller P. O.* *Greek Philosophers of the Hellenistic Age*. — N.Y., 1993. Важнейший источник по истории эллинистической философии *Index Academicorum* теперь выпущен в kommentированном издании: *Dorandi T.* *Filodemo. Storia dei filosofi. Platone e l'academia*. — Napoli, 1991; *Index stoicorum* теперь в издании: *Dorandi, Filodemo. Storia dei filosofi. La stoa da Zenone a Panezio*. — Leiden, 1994; *Die Schule des Aristoteles: In 10 Bd., 2 Suppl.* / Hg. v. F. Wehrli. — Basel, 1944 — 1978; *Stoicorum Veterum Fragmenta*; In 3 Bd / Hg. v. H. v. Arnim. — Leipzig, 1923 — 1938; *Epicuro. Opere*: In 2 Bd. / Hg. v. G. Arrighetti. — 2 ed. — Torino, 1973; *Diogenes Laertius*; In 2 Bd. / Hg. v. H. Long. — 1964; *Long A.A., Sedley D. N.* *The Hellenistic Philosophers*: In 2 Vol. — Cambridge, 1987; *Dorandi T.* *Ricerche sulla cronologia dei filosofi ellenistici*. — Stuttgart, 1991.

разование. Такой славой он был обязан четырем процветавшим в нем и конкурировавшим друг с другом философским школам: это *Академия* Платона, выплывший из нее *Перипатос* («Обводная галерея») Аристотеля²⁰, *Стол* («Портик») Зенона²¹ и *Кенос* («Сад») Эпикура²². Все они возникли в течение IV в., а именно в 387, 335, 306 и 301 гг., и процветали на протяжении всей эллинистической эпохи, хотя школа Аристотеля с конца III в. по сравнению с тремя остальными заирела.

Как и в других греческих государствах, в Афинах духовное воспитание юношества также было уделом частной инициативы. На этом поприще не было никаких правил и никаких предписаний. Государство школ не содержало, но лишь защищало право индивидуумов давать и получать образование, а также основывать с этой целью объединения, доколе их деятельность не выходила за рамки установленных законом положений. Высшее образование включало риторику и философию. Поскольку в ораторских способностях усматривали предпосылки профессиональной деятельности, школы риторики процветали. Философия, напротив, расценивалась не как обучающая профессия дисциплина, но скорее как хобби состоятельных людей, не думающих о заработке или карьере. Кто желал учиться или учить философии, тот рано или поздно приходил в Афины как в центр, стоявший вне конкуренции. Там подвизались не только лучшие учителя той или иной школы, но и всех философских течений. Еще Августин в сочинении «О граде Божьем» назвал Афины «матерью или кормилицей всех свободных искусств и столь многих и столь выдающихся философов»²³.

В настоящий момент, вопреки господствовавшему прежде мнению, повсеместно принято считать, что разные школы были светскими учреждениями, а не религиозными общинами и что они видели свою задачу в передаче знаний и высшего образования, а не в определенного рода богослужении. Они были не зависимыми от государства объединениями, и над их свободой лишь однажды, в 306 г., нависла серьезная угроза в связи с законом Софокла (с. 77), а после его немедленной отмены никогда более. Они, по сути дела, были космополитичны — ведь значительное число глав этих школ и подавляющее большинство учеников составляли осевшие в Афинах иноземцы, преимущественно греки из всех уголков заселенного эллинами мира, но и в немалом числе представители других наций (финикийцев, карфагенян, позднее римлян), которые могли срав-

²⁰ Lynch P. *Aristoteles' School*. — Berkeley, 1972.

²¹ Erskine A. *The Hellenistic Stoa. Political Thought and Action*. — London, 1990.

²² Прекрасную оценку Эпикура и эпикурейцев дает: von Wilamowitz-Moellendorf U. *Der Glaube der Hellenen*. — Berlin, 1932. — Vol. 2. — S. 286 — 290.

²³ De civ. dei 18, 9.

ниться с урожденными греками разве что своим греческим образованием. Во главе Стои почти два столетия подряд стояли иноземцы, пока наконец один афинский гражданин не был выбран ее руководителем; школой же Аристотеля вообще никогда не заведовал ни один афинянин.

В целом преподавание велось, судя по всему, бесплатно, за исключением ранних стоиков, взимавших плату за обучение. Кто принадлежал к одной из этих школ, имел, несмотря на это, полное право посещать лекции учителей из других школ, и случалось так, что кто-нибудь переходил из одной школы в другую. Только у эпикурейцев это считалось предосудительным. Сам Эпикур славился тем, что был самоучкой, и, кажется, требовал от своих учеников безусловной лояльности. Лишь некий Метродор (не знаменитый друг Эпикура из Лампсака) однажды покинул эту школу и, как рассказывают, присоединился к Академии. Напротив, многие, начав обучение в других школах, затем примкнули к эпикурейцам. У них учили среди прочего тому, что мудрец должен сторониться политики и вообще жить, насколько это возможно, незаметно. На вопрос, почему же так много учеников перебежали в «Сад» Эпикура, но ни один эпикуреец — в другие школы, ответил академик Аркесилай: «...так как можно кого угодно лишить мужского достоинства, но сам процесс нельзя обратить вспять».

То, что школы и индивидуальности между собой конкурировали, было в порядке вещей. В личном общении они тем не менее держались дружелюбно и коллегиально²⁴. Конечно, не каждому гражданину города было понятно, какая польза есть или может быть от занятий философией, и не всякий понимал тонкости разных учений или имевшиеся между ними различия. Поэтому было, разумеется, естественным, что философы и их деятельность стали излюбленной темой комедии, и дошедшие до нас фрагменты эллинистических комедий полны остроумных, по большей части добродушных издевок над их занятием²⁵. Здесь отчетливо проступают признаки того, что в них видели нечто особенное — ведь и сегодня карикатуристы берут на прищел прежде всего сильных мира сего, сиюминутных знаменитостей и суперзвезд. Однако несмотря на это, общественность воспринимала философов серьезно²⁶. Ясное доказательство тому — закон

²⁴ Ferguson, HA. — P. 233: «Все эти философы были джентльменами и потому способными существовать всерьез безо всякой вражды».

²⁵ Некоторые примеры: Эпикрат (PCG. — Vol. 5, F 10); Филемон (OCG. — Vol. 7, F 74 и 88); Дамоксен // PCG. — Vol. 5, F 2; Анаксипп // PCG. — Vol. 2, F 4. Ср.: Weiher A. Philosophen und Philosophenspott in der attischen Komödie: Diss. — München, 1913.

²⁶ Сугубо личной данью уважения основателю Академии и его племяннику и преемнику было то, что один афинский гражданин около 200 г. до н. э. назвал своих сыновей Платоном и Спевсиппом (*Habicht Ch. Studien.* — S. 187 — 188).

Софокла, подчинявший их государственному контролю, как и совравшее этот закон конституционное обжалование, вернувшее им свободу преподавания и исследований, но прежде всего то обстоятельство, что афиняне часто избирали философов членами важных посольств, даже тех, кто не были афинскими гражданами — прямо-таки сенсационное отклонение от всех принципов демократической государственной жизни. К философам, представлявшим Афины в составе дипломатических миссий, принадлежат академики Ксенократ, Кратес, Аркесилай и Карнеад, перипатетики Аристотель, Притан и Критолай и стоик Диоген. Из этих восьмерых мужей урожденным афинянином был один лишь Кратес, а Карнеад единственным, получившим гражданство. Из трех глав школ, защищавших в 155 г. город в римском Сенате, чтобы добиться отмены или уменьшения уже наложенного высокого денежного штрафа, не было ни одного афинянина²⁷.

Право афинского гражданства часто даровалось ведущим философам из других полисов. Стоик Хрисипп, академик Карнеад и эпикуреец Филонид принадлежали к числу тех, кто его принял. Отклонили его: Ксенократ (с. 46 сл.), а также стоики Зенон, Клеанф и Панайтий; последний заметил, что разумному человеку достаточно быть гражданином одного полиса²⁸. Эллинистические цари и власти соревновались друг с другом в том, чтобы подарками выказать свое почтение трудившимся в Афинах философам или окончательно привлечь их к своему двору. Аристотель принял на многие годы приглашение царя Филиппа II и стал воспитателем царевича Александра. Он и его преемник Феофраст, как и ученик последнего Деметрий Фалерский, находились в добрых отношениях с правителем Антипатром и его сыном Кассандром, и Феофраст был тем, кто в конце своей жизни, в 292 г., добился от царя Деметрия, чтобы сосланные за дружбу с Кассандром и вражду с Деметрием граждане смогли возвратиться в Афины²⁹. Деметрий Фалерский спустя много лет после своего свержения с поста правителя завоевал большое влияние у Птолемея I (с. 65). Из царей династии Антигонидов — принявших в Македонии власть дома Антипатра — Антигон Гонат старался заполучить к своему двору Зенона, однако вынужден был удовольствоваться его учеником Персеем, а Антигон Досон вверил перипатетику Притану миссию составить законы для города Мегалополя в Аркадии³⁰. Атталиды Пергама домогались подарками академиков Арке-

²⁷ Все свидетельства об этом знаменитом посольстве философов приведены у: *Mette H. J. Philosophengesandtschaft // Lustrum*. — 1985. — Vol. 27. — S. 66 — 70.

²⁸ *Plutarch*, fr. 86, hg. v. Sandbach.

²⁹ *Plutarch*, *mor.* 850 CD.

³⁰ FGrHist 584, F 4; *Diog. Laert.* 7, 6; *Timon // Supplementum Hellenisticum // Hrsrg: V. H. Lloyd-Jones and P. Parsons*. — Berlin, 1983. — Nr. 780; *Polyb.* 5, 93, 8.

силая и Лакида, но последний отклонил приглашение навсегда переселиться ко двору Аттала I, заметив: «Статуи лучше всего созерцать с известного расстояния». Точно так же поступил Хрисипп с предложением одного из Птолемеев переехать в Александрию³¹. Подобные отказы помянуть Афины на атмосферу царской резиденции позволяло убедиться в том, как высоко ценили эти философы предоставленные им Афинами свободы (у них уже был, видимо, известный опыт, который Платон должен был получить при дворе Дионисия II в Сиракузах), и проливают свет на те условия, в каких развивалась там духовная жизнь. Вследствие этого город не только долгое время процветал как центр просвещения, но и на протяжении многих веков продолжал притягивать к себе как «интеллектуальная Мекка»³².

У предметов преподавания в школах был гораздо больший охват, чем это сейчас принято понимать под термином «философия». Наряду с теорией познания, этикой, логикой и другими областями знаний, безоговорочно причисляемыми к философии людьми нового времени, эллинистическая философия посвящала себя также физике, математике, ботанике, зоологии, метеорологии, как и религии, музыке, поэтике и риторике, политике, экономике и психологии. Отдельные школы и отдельные личности, по большей части многосторонне развитые, могли делать упор и на чем-то особенном. Так, в Платоновой Академии теория познания занимала видное место и вылилась во II в. вместе с Карнеадом в радикальный скепсис, готовый за всяким познанием признать в лучшем случае вероятность. В школе Эпикура, напротив, упор лежал не столько на возраставшей сублимации теории познания, сколько на практической перепроверке чего-то, однажды правильно распознанного в совместном творчестве единомышленников, то есть членов школы, и это придавало обществу эпикурейцев в чем-то характер секты³³. Как и у Эпикура, в Стое центр философских усилий составляла этика. Школа Аристотеля, усиленно посвящавшая себя при ее основателе и его преемниках Феофрасте и Стратоне естественным наукам, затем от них почти целиком отрекалась. То, что на это, как и вообще на тотальный упадок Перипатоса, повлияла, как полагали, гибель библиотеки Аристотеля и Феофраста, спорно точно так же, как и предположение, будто поздним перипатетикам были уже недоступны труды двух первых глав школы³⁴.

Нет сомнения, что школы были частными объединениями. Менее надежно установлено, кому они принадлежали: занимавшему ли в данное время свой пост схоластику либо были собственностью отдель-

³¹ Аркесилай: *Diog. Laert.* 4, 48; Лакид: *ibid.* 4, 60; Хрисипп: *ibid.* 7, 185.

³² Long A. A. // *Elenchos.* — 1986. — Vol. 7. — P. 439.

³³ Dörrie H. H. *Epikur // Der Kleine Pauly.* — 1967. — S. 315.

³⁴ Gottschalk H. B. // *Hermes.* — 1972. — Vol. 100. — S. 335 — 342.

ных ее членов. Не всегда также ясно, что же все-таки, кроме участия и зданий вместе со всем их оснащением, относилось к имуществу школы, особенно что касалось права собственности на книги. Отношения могли разниться от школы к школе и от случая к случаю. Некоторые ответы на эти вопросы можно почерпнуть из сохранившихся шести завещаний философов. Их оставили Платон, Эпикур, Аристотель и его преемники Теофраст, Стратон и Ликон; все они дошли через Диогена Лаэртия. Они дают сведения и о том, что выборы главы школы были правилом, а назначение его предшественником — исключением³⁵.

Хотя школы и были частными учреждениями, Афинское государство в конце концов согласилось, что их деятельность проводилась в общественных интересах, при этом оно конкретно предписало, чтобы эфебы каждого года обучения регулярно посещали занятия у философов, кроме, разумеется, школы отстранившихся от общественной жизни эпикурейцев. Декреты в честь окончивших курс эфебов свидетельствуют об этом регулярно, начиная со 123/2 г., но, если не в 128/7 г., а несколькими годами позже, каждый выпуск обязан был пожертвовать общественной библиотеке сотню книг³⁶. Но эфебия того времени давно уже перестала быть учебным заведением по доверенной подготовке всех сыновей граждан, как это было согласно реформе 335 г. (с. 23). Сокращенное на год обучение добровольных слушателей — куда записывалось все еще лишь меньшинство, то есть дети состоятельных и знатных фамилий, «золотая молодежь» Афин, — и военная подготовка все больше и больше уступала место спортивному и интеллектуальному развитию.

При жизни уже следующего за этими нововведениями поколения роль философских школ в Афинах была, по существу, сыграна. Когда город в 88 г. выступил на стороне понтийского царя Митридата в войне с Римом (см. ниже с. 296 сл.), убежища в Риме в числе других граждан искали и такие видные философы, как Филон из Ларисы, руководитель Академии. Двумя годами позже римский полководец Сулла захватил город, переживший тяжелые разрушения. Молодой Цицерон, всего несколько лет спустя посетивший его со своими спутниками, нашел место Академии заброшенным³⁷. Перипатос давно погрузился в «летаргический сон»³⁸. Лишь Стоя и Эпикурова школа продолжали действовать и обретали учеников в эпоху поздней Республики и в императорское время. Стоя сильно повлияла на мир по-

³⁵ *Gottschalk H. B. Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs // Hermes. — 1972. — Vol. 100. — P. 314 — 342; Glucker H. The School Property. Chapter 5: Antiochus and the Late Academy. — Göttingen, 1978. — P. 226 — 255.*

³⁶ IG II² 1006, 19 — 20; 62 — 65; после этого чаще, но еще отсутствует в: *Hesperia* 24, 1955, 220 ff. О пожертвовании книг см. IG II² 1009, 7 — 8 от 117/6 г. и более поздние декреты.

³⁷ *Cicero, De finibus* 5, 1 — 4.

³⁸ *Wilamowitz-Moellendorf U. v. Antigonus von Karystos. — Berlin, 1881 — S. 83.*

литики тем, что дозволила мудрецам участвовать в политической жизни³⁹. Напротив, эпикурейский мудрец жил в тиши, не совсем нелюдимо, а просто вдали от общественной деятельности. Но и этот, совершенно иной образ жизни привлекал многих.

3. Изобразительные искусства

Судьба обошлась с произведениями античных скульпторов чуть более снисходительно, чем с творениями античных художников. Тогда как эти творения, достигшие вершин искусства в гораздо более древние времена — если судить по вазовой живописи, — были почти без исключения разрушены и погибли навсегда, то небольшая, а в совокупности все же достаточно внушительная часть сохранившейся более или менее полно античной скульптуры, перешагнув столетия, была спасена. Новые находки продолжают появляться. Многие из сохранившихся скульптур относят к эллинистическому времени: от Гермеса Праксителя, стоящего на рубеже между классикой и эллинизмом, через так называемого «хозяина терм» II в. до н. э. и до позднеэллинистической группы Лаокоона. Наряду с монументальной пластикой в мраморе и бронзе значительную роль играла и мелкая пластика — терракоты. Многие произведения в камне, меди и глине вышли из рук афинских мастеров, многие были изготовлены в Афинах гражданами и иностранцами.

Однако среди дошедших до нас вещей этой эпохи не хватает одной категории тех творений классического искусства, что производят впечатление на современного человека напрямую, — это надгробное искусство. И прежде всего прекрасные рельефы V и IV вв., воспроизводящие умерших и оплакивающих их, среди которых иногда можно встретить крошечного раба-негра или собаку. Это также объемные пластические фигуры, как, например, великолепный бык с надгробия Дионисия из Коллита в Керамике⁴⁰ или мраморные вазы с богато украшенными завершениями. Неуклонный подъем надгробного искусства резко оборвался в 317 г., когда Деметрий Фалерский разрешил ставить на могилах исключительно скромные по облику, невзрачные памятники (с. 61 сл.), что нанесло тяжелый удар аттическому искусству, ибо данный запрет положил конец почти всем частным заказам на скульптуру. Когда десятью годами позже была восстановлена демократия, закон Деметрия все же остался в силе — явный признак того, что общественное мнение было против выстав-

³⁹ Kristeller (примеч. 19), Р. 83.

⁴⁰ Погребенный под этим особенно внушительным надгробием недавно был идентифицирован с двоюродным братом оратора Гиперида (*Habicht Chr. // AM.* — 1991. — Vol. 106. S. 239 — 242).

ления напоказ личных богатств. В итоге среди надгробных памятников эллинистических Афин нет ни одного шедевра.

Афинские скульпторы, которым тем самым было запрещено работать на покойников, продолжали дальше творить для живых и богов. В большом количестве стали возникать изображения современников — будь то выдающиеся личности политической и культурной жизни или знаменитые атлеты, — далее статуи богов и богинь, а также разного рода фитуры. Афины на долгое время удержали лидерство в области скульптуры.

От эллинистической эпохи известно немногим более сотни афинян, подвизавшихся в искусстве ваяния, в мраморе или бронзе⁴¹. Насколько позволяют судить результаты исследования, многие работали исключительно в Афинах, но еще большее число исключительно за границей (часто в этих случаях, вероятно, отсутствуют свидетельства о творчестве одновременно и в Афинах). Около пятнадцати творили как в Аттике, так и вне ее. Среди таких известны прежде всего члены двух знаменитых фамилий ваятелей — одна из Кропид (Эвхейр, Эвбул и Эвбулид), другая из Торика (Поликлет, Тимархид, Тимокл и Дионисий). Особенно многочисленны внеафинские свидетельства об аттических скульпторах при выдающихся панэллинских святилищах в Дельфах и на Делосе (остров стал с 167 г. афинским владением), далее на Родосе, в Беотии и, примерно с 180 г., в Риме⁴², однако по найденным там базам статуй афинских мастеров нельзя безоговорочно сказать, были ли произведения созданы именно там, где найдены постаменты, так как во многих случаях речь идет о вещах импортированных или утащенных из Греции в качестве военной добычи. При царском дворе Атталидов в Пергаме также работали афинские скульпторы.

Известные имена художников отчасти взяты у античных писателей, прежде всего из «Естественной истории» Плиния Старшего, который 34-ю и 36-ю книги своего труда посвятил в значительной части искусству ваяния и бронзолитейному, и из «Описания Эллады» Павсания — он в одной только Олимпии описывает около двухсот статуй победителей и для большинства из них сообщает имена создавших их художников⁴³. Между тем наибольшее число имен афинских

⁴¹ Для периода от 320 г. до Августа имена и свидетельства сведены воедино: *Stewart A. Attika. Studies in Athenian Sculpture of the Hellenistic Age.* — London, 1979. — P. 157 — 174. Этот список следует дополнить несколькими более ранними мастерами, творчество которых заходит в период от 338 до 320 г., и некоторыми пропущенными Стюартом случаями. Далее имеются новые свидетельства об уже известных скульпторах. См. теперь: *Sismondo Ridgway B. Hellenistic Sculpture I (The Styles of 331 — 200 B. C.)* — Madison, 1990.

⁴² *Stewart. Op. cit.* 41 — 47.

⁴³ *Herrmann H.-V. Die Siegerstatuen in Olympia // Nikephoros.* — 1988. — Vol. 1. — S. 119 — 183.

скульпторов эпохи эллинизма дают нам надписи типа: «Тимархид, сын Поликлета, афинянин, сделал», то есть сигнатуры художников на постаментах высеченных ими статуй; чаще всего это единственное, что от них осталось. На Делосе до и после 167 г. своими подписями засвидетельствованы 16 афинских скульпторов эллинистического времени круглым счетом с пятьюдесятью работами⁴⁴. Из Дельф дошло минимум 15, с Родоса по меньшей мере 13 подобных свидетельств. Афинские мастера фиксируются в десяти различных городах Пелопоннеса, но также и в Ольвии на Буге⁴⁵, и в Аполлонии в Киренаике⁴⁶.

И у художников было в цене то, что оказалось значимым для поэтов и философов: деятельное участие в политической жизни. Они служили городу как советники, надзиратели над гаванью Пирея, монетные магистраты, жрецы и служители культа (*hieropoioi*) или как представители в Совете Дельфийской амфикистии. Довольно часто они получали почести от других государств в виде декретов, статуй и т. п., как это известно, например, для Эвбулида, Эвбула, Поликлета, Праксителя из Сибрид и Телесина⁴⁷. Создается определенное впечатление, будто они, по крайней мере в своем большинстве, принадлежали к семьям гражданской верхушки, а не к неимущим слоям.

К знаменитым эллинистическим портретам работы афинских мастеров принадлежат среди прочих портрет Демосфена, созданный Полиевктом в 280 г. в связи с посмертными почестями оратору⁴⁸, посмертный портрет Гиперида работы Зевксиада⁴⁹, изображение Менандра руки Кефисодота, сына великого Праксителя⁵⁰, а также портрет стоического философа Хрисиппа работы Эвбулида⁵¹, далее, найденная на Афинской агоре голова академика Карнеада⁵² и еще одна, сохранившаяся в копии из Остии, киника Антисфена работы Фиромаха⁵³. Другой аттический художник с тем же именем прославился,

⁴⁴ Marcadé J. Au Musée de Délos. — Paris, 1969. — P. 56 — 61.

⁴⁵ Inscriptiones Ponti Euxini I² 271; Inscriptiones Olbiae (1917 — 1965) / Hrsg. v. E. I. Levi. — 1968. — № 65.

⁴⁶ SEG XX 708.

⁴⁷ Stewart. Op. cit. — P. 106 — 109. Новое свидетельство для Тимархида в ранге гieroпоея в Афинах около 150 г. до н. э. см. AM. — 1982. — Vol. 97. — S. 178 — 180, где X. Хабихт в противовес другим реконструкциям снова восстанавливает родословное древо этой семьи так, как уже давно сделано Й. Кирхнером. Ср. примеч. 58.

⁴⁸ Richter G.M.A. The Portraits of the Greeks / Abr. and rev. by R. R. R. Smith. — Ithaca; N. Y., 1985. — P. 108 — 113.

⁴⁹ Ibid. P. 150 — 151.

⁵⁰ Ibid. P. 159 — 164.

⁵¹ Ibid. P. 101 — 108.

⁵² Ibid. P. 152 — 155.

⁵³ Ibid. P. 87 — 89. О скульпторах по имени Фиромах, которые все могут считаться афинянами, см. теперь изданный Б. Андрее сборник: Phylomachos-

однако, статуей Асклепия, которую он создал для святилища этого бога в Пергаме. Вифинский царь Прусий II, опустошивший храм в 155 г., украл эту статую, но год спустя после вмешательства Рима, принудившего его к заключению мира с царем Атталом II и репарационным выплатам, наверняка должен был возвратить тогда и культовое изображение бога⁵⁴. Для Пергамского двора трудился в III в. до н. э. и афинский скульптор-бронзолитейщик Никерат, чей сын Микион находился, по крайней мере короткое время, на содержании сиракузского царя Гиерона II и создал для него портрет и votivные дары, которые Гиерон посвятил в Олимпию⁵⁵.

Первый афинский мастер, о котором известно, что он работал в Риме на одного вельможу, был Тимархид из Торики. По заказу Марка Эмилия Лепида (цензора 179 г. до н. э.) он изготовил культовую статую для воздвигнутого Лепидом храма Юноны Регины⁵⁶. Его сыновья Поликлет и Дионисий были создателями изображения Юпитера для храма этого божества, который Метелл Македонский, победив в 148 г. претендента на македонский престол Андриска, распорядился воздвигнуть чуть позже в связи со своим триумфом⁵⁷. Два других члена этой семьи, двоюродные братья Дионисий и Тимархид, немного спустя, между 130 и 120 гг., изготовили на Делосе хорошо сохранившуюся (за исключением головы) статую римлянина Офелия Фера⁵⁸. Греческое искусство готовилось завоевать римский мир.

Как у драматических поэтов сыновья нередко наследовали профессию отца, так и среди афинских скульпторов очень часто сын был учеником и подмастерьем своего отца, затем его партнером и, наконец, его преемником в искусстве. Об обеих семьях из Кропид и Торики речь уже шла; можно назвать и других: так, члены семьи Праксителя через промежуток времени в четыре столетия снова засвидетельствованы как скульпторы⁵⁹.

Историки искусства различают два периода эллинистического ваяния: сначала своего рода барокко, потом, начиная примерно со 160 г. до н. э., — новый классицизм с нарастающим выхолащиванием.

Probleme, 1990, и в нем особенно статьи издателя (S. 7 — 11, 45 — 100) и Н. Химельмана (S. 13 — 23). Далее см.: Müller H. *Phryomachos im pergamenischen Nikerphorion* // Chiron. — 1992. — Vol. 22. — S. 195 — 226; Queyrel F. *Phryomachos: Problèmes de style et de datation* // RA. — 1992. — P. 367 — 380.

⁵⁴ Habicht // Hermes. — 1956. — Vol. 84. — S. 101 — 110; idem, САН III². — P. 373 — 375.

⁵⁵ О Никерате см.: Stewart. Op. cit. P. 7 — 8, о Микионе там же, P. 8.

⁵⁶ Plinius, nat. hist. 36, 35.

⁵⁷ Plinius, ibid.

⁵⁸ I Délos 1688. См. теперь подробный разбор: Queyrel F. // BCH. — 1991. — Vol. 115. — P. 389 — 464, который присоединяется к реконструкции родословного древа этой фамилии Кирхнером и Хаби́том (примеч. 47).

⁵⁹ Stewart. Op. cit. 102.

Затем наступил практически тотальный коллапс для Афин после завоевания города Суллой и устроенного римлянами разгрома в 86 г. до н. э. Портретное искусство многократно поворачивается от воспроизведения современников назад, к личностям позднеклассического и раннеэллинистического времени, которые начинают воспроизводиться все чаще и чаще. В большой пластике, как и в терракотах, констатируется постоянно нарастающий качественный упадок в выборе тем, вкусе и манере исполнения произведений, короче — «внезапный декаданс»⁶⁰.

Гражданский коллектив принимал решение как об изготовлении и установке статуй заслуженным согражданами, так и, временами, о посвящении рисованных портретов в одно из святилищ или какое-либо иное общественное сооружение. Этой почести удостоились, например, Леосфен, полководец в Ламийской войне, и Каллипп из Элевсина, который командовал афинским контингентом, участвовавшим в 279 г. в защите Дельф от нашествия кельтов. Оба портрета спустя столетия видел еще Павсаний: изображение Леосфена и его сыновей руки Аркесилая в святилище Зевса в Пирее и портрет Каллиппа из Ольбиадов в булеветрии на Афинской агоре⁶¹. В обоих случаях речь должна идти об общественных заказах художникам.

4. Проза: историография, «Характеры» Феофраста

Аналогичным образом и историческая литература эллинистического времени, за исключением многих книг Полибия, почти полностью утрачена и доступна лишь во фрагментах. Здесь следует представить трех некогда репрезентативных в афинской историографии авторов, насколько сведения о них и остатки произведений позволяют набросать их портрет. За обоими старшими — Филохором и Тимеем следует живший столетием позже Аполлодор. Филохор и Аполлодор были афинскими гражданами, Тимей — сицилийским греком, который, однако, полвека жил в Афинах и состоялся там как историк. Филохор и Тимей были компетентными авторами по истории своей родной Аттики, Тимей — по греческому Западу. Аполлодор поставил перед собой более широкие рамки: в его многогранном ученом труде центральное место занимает хроника мировых событий.

Филохор, родившийся в Афинах вскоре после 350 г. и в преклонном возрасте казненный царем Антигоном Гонатом как сторонник египетского царя Птолемея, был последним и, видимо, наиболее выдающимся среди афинских локальных историков, которых принято

⁶⁰ Thompson D.B. // *Hesperia*. — 1965. — Vol. 34. — P. 34 — 71, особ. 47, 68 — 69; Stewart, op. cit. P. 34 — 64.

⁶¹ Pausanias 1, 1, 3; 1, 3, 5.

называть аттидографами⁶². О его жизни практически ничего не известно, кроме того что он в 306/5 г., когда в Афинах Деметрием Полиоркетом только что была восстановлена демократия, как прорицатель (*mantis*) истолковывал властям предзнаменования. В древности был известен его труд об искусстве предсказаний и многие другие относившиеся почти без исключения к Аттике сочинения о сакральных делах — жертвоприношениях, празднествах, состязаниях и т. д. Но главным трудом Филохора были семнадцать книг его «Аттиды», охватывавшие период от мифических истоков до времени его жизни, вероятно, до 261 г. Современная история излагалась в них с широким охватом, так что сорокалетие после битвы при Ипсе в 301 г. (с. 84) занимало почти половину труда, а именно восемь книг.

Однако именно эти современные части, в отличие от более ранних, от которых дошли многочисленные, порой весьма исчерпывающие фрагменты, почти целиком утеряны. Эти книги «для нас практически полностью пропали, поскольку они освещали то время, которое не представляло интереса для александрийских ученых, эффективно использовавших его (Филохора) для толкования великих аттических ораторов»⁶³. То, что сохранилось, позволяет признать, что Филохор в гораздо большей степени, чем его предшественники, может считаться настоящим ученым или же попросту был первым ученым и исследователем. В его фрагментах ярко сквозит антикварная черта, вообще свойственная локальным историям. С полным основанием можно признать в нем человека религиозно-консервативных установок, который тем не менее по всем признакам не был активным политиком, что тем более загадочными делает обстоятельства его гибели после окончания Хремонидовой войны.

К тем современным моментам, каковые еще позволяют распознать фрагменты, относится упоминание о гинайкономах (с. 61) в открывающейся, видимо, 321/20 годом седьмой книге⁶⁴, а также рассказ о событиях первого периода власти Деметрия Полиоркета над Афинами в 307 — 301 гг.⁶⁵ — главным образом хотя и сдержанная, но явная критика процедурных манипуляций, позволивших услужливым политикам повзятить царя в Элевсинские мистерии⁶⁶ — и, наконец, упоминание о возвращении в 292/1 г. изгнанников, которого Феофраст сумел добиться во второй период господства Деметрия Полиоркета⁶⁷.

⁶² Основополагающий труд: *Jacoby F.* // FGtHist 328, с коммент. на семьсот страниц; ср. его же: *Athis. Oxford*, 1949. Отдельные фрагменты далее обозначены как *F.* Краткую оценку автора дает: *Rhodes P. J.* // *Studia Hellenistica.* — 1970. — Vol. 30. — P. 79 — 81.

⁶³ *Laqueur R.* RE *Philochoros* (1938) Sp. 2436.

⁶⁴ F 65.

⁶⁵ F 66, 67, 70, 165 — 166.

⁶⁶ F 70, см. выше, с. 83.

⁶⁷ F 167, cf. F 67; см. выше, с. 83.

Тимей (ок. 350 — 254) почти год в год был ровесником и современником Филохора⁶⁸. Оба жили пятьдесят лет в одном городе и должны были знать друг друга. Сын богатого и в своем сицилийском родном городе уважаемого и влиятельного мужа по имени Андроммах рано, в 316 г., навсегда покинул свою родину, незадолго до или вскоре после того, как ее завоевал сиракузский тиран Агафокла, лишив тем самым Тимея надежд унаследовать политическое положение своего отца. Он нашел прием в Афинах, и там он до конца своих дней посвятил себя цели написать историю Сицилии и Великой Греции. Ее крупными темами были борьба греков с карфагенянами за обладание островом и его частями, а также роль греческих тиранов, которые зачастую именно в борьбе против Карфагена достигали своего господствующего положения. 38 книг Тимеевой истории Запада навсегда стали образцовым произведением по этому предмету, и лишь приговор строитивых аттицистов, коим претил стиль автора, был виною их утраты. Последние пять книг посвящались владычеству умершего в 289 г. и до глубины души ненавистного автору Агафокла.

Повествованию, завершающемуся смертью этого тирана, позднее царя, Тимей в преклонном возрасте составил продолжение о столкновении Рима с Пирром, царем Эпира. Он продлил это изложение еще на десятилетие до начала Первой Пунической войны в 264 г. Именно Тимей в роли стороннего наблюдателя из далеких Афин первым распознал значение Рима и первым предугадал будущее мировое влияние римлян. В нем сами римляне с полным основанием видели первого историка их народа. «Карфагеняне и позже римляне... для него важнее, чем Александр, мир Востока, войны диадохов и судьба материковой Греции»⁶⁹. Тимей знал о римлянах больше, чем его предшественники, и познакомил с ними греков ближе, чем все авторы до него. Его миром был мир города, а не эллинистической монархии⁷⁰.

В анналистической историографии Тимею принадлежит заслуга в том, что он сделал общепринятым счет времени по олимпиадам. Это позволяло датировать каждое событие указанием на год соответст-

⁶⁸ Также и для Тимея основополагающим служит: *Jacoby* // FGriHist 566, с коммент. на с. 526 — 594 и примеч. на с. 311 — 347. Ценна также статья: *Momigliano A. Atene nel III secolo a.C. e la scoperta di Roma nella storia di Timeo di Tauromenio, Terzo Contributo alla Storia degli Studi Classici e del Mondo Antico.* — 1966. — P. 23 — 53 (первоначально в: *Rivista storica italiana.* — 1959. — Vol. 71), где, однако, предположение о господстве Антигона Гоната над Афинами уже с 277 г. (с. 31) выглядит утопично, и тем самым определение начала Хремонидовой войны как «восстания Афин» совершенно противоестественно (*Habicht, Untersuchungen.* — S. 68 — 75). Дальнейшее изложение во многом обязано двум названным авторам.

⁶⁹ *Jacoby* im Kommentar S. 535. «Отцом римской историографии» назвал его К. Ханель: *Histoire et historiens dans l'antiquité // Entretiens sur l'antiquité classique* 4. — Genève, 1956 — P. 152.

⁷⁰ *Momigliano. Op. cit.* P. 36.

вующей олимпиады (считая от первого из четырех лет первой олимпиады, т. е. от 776/5 г.), не прибегая к помощи других систем отсчета, как, например, списков архонтов или консулов⁷¹. Тимей — педант, каким он был, часто беспощадно критикует своих предшественников, что создало ему прозвище «Эпитимей» (Хулитель).

Со своей стороны, он подвергался невероятной дотошной критике Полибия, очень острой, язвительной и часто не по делу. Но и Полибий такого рода полемикой показывает, что скребется о широко признанный авторитет; да и сам он осознавал репутацию Тимея, ибо именно с ним связано то, что Полибий своей истории предпосылает предысторию, установив ей точкой отсчета 264 год — начало Первой Пунической войны.

Одним из самых отрадных явлений духовной жизни Афин стала деятельность многосторонне образованного ученого («грамматика» на языке его времени, II в. до н. э.) Аполлодора⁷². Он был афинским гражданином, сыном Асклепиада и в своем родном городе стал учеником философа Диогена из Вавилона, тогдашнего главы Стои. По всей вероятности, в момент отъезда Диогена в составе «посольства философов» в Рим Аполлодор надолго отбыл в Египет, где продолжил образование у Аристарха, выдающегося знатока Гомера. В 145 г. он, как и все интеллектуалы, был отправлен в изгнание царем Птолемеем VIII Эвергетом. Убежище он нашел при дворе Аттала II в Пергаме и посвятил ему свою завершенную в 144/3 г. хронику. После смерти Аттала в 138 г., а возможно, лишь после смерти последнего пергамского правителя (133 г.), он снова и, кажется, без долгих перерывов жил в родном городе Афинах, где среди прочего завязал дружбу со стойким примерно своих лет Панайтием с Родоса. По всей вероятности, в последний период своей жизни он, став уже тогда знаменитым и многочитаемым автором, удостоился почестей от Дельфийской амфикистии⁷³.

Аполлодор был разносторонним писателем, создавшим среди прочего крупные трактаты: «О богах», об аттической комедии и,

⁷¹ Тимей сочинил также трактат об олимпийских победителях.

⁷² Основополагающей является работа: *Jacoby F. Apollodors Chronik.* — Berlin, 1902. Комментированное собрание отрывков его считающегося историческим труда: FGrHist 244. В год архонта Лисиада (ок. 150 г.) в одном списке служителей культа названы непосредственно один за другим Аполлодор и Асклепиад из дема Пирей, вероятно, родственник Аполлодора (сам он мог быть тогда в Египте), что, однако, при широкой распространенности в Афинах обоих имен весьма сомнительно (IG II² 1938, 63 — 64).

⁷³ *Plinius*, nat. hist. 7, 123. К другим светочам духовной жизни, награжденным Амфикистией несколькими столетиями раньше, принадлежал Аристотель и его племянник Каллисфен, историк Александра Великого и его жертва: FD III 1, 400; ср.: *Sperri W.* // *Comptes et inventaires dans la cité grecque* / Ed. D. Knoepfler. — Neuchâtel, 1988. — P. 111 — 140.

возможно, в связи с этими трудами сочинение об афинских гетерах. Ему принадлежит также продуктивно использованный Страбоном комментарий к гомеровскому Каталогу кораблей во второй песне Илиады. Но самым значительным и самым авторитетным трудом Аполлодора была Хроника, охватывавшая 1040 лет от разрушения Трои, которое он, как и до него Эратосфен, помещает на 1184 г. и до 145/4 г. К первым трем книгам он позднее добавил четвертую, особенно подробно разбирающую новейшие события и доходящую, во всяком случае, до 120/19 г. (архонт Эвмах в Афинах). Это добавление вскоре — едва ли позже 110 г. до н. э. — стало известно так называемому «Псевдо-Скимну», в действительности же Павсанию из Дамаска⁷¹, который в 21-й строфе своего труда цитирует одно место из 4-й книги Аполлодора. Сочинена была Хроника ямбическими триметрами — размером греческой драмы, поскольку такой размер легко запечатлевался в памяти и потому особенно годился при заучивании наизусть. Несмотря на это, Хроника из-за ее содержания была отнесена к разряду прозаической историографии.

Образцом для Хроники Аполлодора послужило такое же сочинение Эратосфена из Кирены, который жил на сто лет раньше и был ученым, по своей универсальности сопоставимым с Аристотелем и Теофрастом, но, несмотря на то, что в юношеские годы присутствовал в Афинах на лекциях философов и позже сам писал философские трактаты, не был собственно философом и не может быть причислен ни к одной философской школе. Он сам осознавал свое отличие от философов и называл себя, вообще впервые, «филологом» (*philólogos*), то есть «другом слова», «другом науки»⁷². Закончив учебу в Афинах, он получил приглашение царя Птолемея III Эвергета (после 246 г.) приехать в Александрию и был назначен там как преемник Аполлония Родосского заведующим царской библиотекой. Эратосфен стал плодовитым и ведущим ученым во многих отраслях науки: в математике, астрономии, географии и грамматике, его также ценили как утонченного и изысканного поэта⁷³. Но он был, кроме того, основателем хронографии, сделав ее научной дисциплиной и тем самым повлияв на формирование Аполлодора, который начал свою Хронику, как и Эратосфен, разрушением Трои, но продлил ее на два столетия — его же предшественник заканчивал смертью Александра Великого (323 г.). В итоге он вытеснил труд Эратосфена своим собственным.

⁷¹ Diller A. // TAPhA. — 1955. — Vol. 86. — P. 276 — 279. О времени завершения труда: Gisinger F. // RE Skymnos. — 1927. — Sp. 674 — 675.

⁷² Sueton. De grammatica 10.

⁷³ Knaack G. // RE Eratosthenes. — 1907. — Sp. 358 — 388; Mau J. Eratosthenes // Der Kleine Pauly. — 1979. — Sp. 344 — 346; FGtHist 241. О его измерениях Земли см.: Strabo 2, 5, 7 (P. 113 C); Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. — Berlin; New York, 1975. — Vol. 1. — P. 305, note 27; Vol. 2. — P. 734 — 735.

В Аполлодоровой Хронике, действительно, нашел должное отражение политический момент, однако преобладали в нем известия о писателях, философах и ученых, что непропорционально разительно выступает на первый план в сохранившихся отрывках, так как особенно большое число выдержек было оттуда заимствовано в Филодемовой истории Академии. Аполлодор избегал введенной Тимеем в историографию хронологии по олимпиадам (с. 120 сл.) и возвратился к датировке по афинским архонтам. Хотя это и вынуждало читателя пользоваться погодным списком архонтов, но зато экономило ему время на хлопотном расчете отдельных дат.

Для широкого распространения, который этот труд повсеместно обрел вплоть до христианского времени, ничто так не показательно, как письмо Цицерона Аттику от марта 45 г.⁷⁷. Занятый завершением *Academici libri*, он просит друга о подробной справке, какие же, собственно, события привели в 155 г. к «посольству философов». Он, кажется, напоминает, что это был спор за Ороп на афинобеотийской границе (что верно), но хотел бы также знать, кто тогда в Афинах принадлежал к эпикурейцам (они не принимали участия в посольстве), кто возглавлял их школу и кто тогда относился к выдающимся политикам города, — при случае же Аттик мог бы спроситься у Аполлодора.

Ясное представление об объективности и информативной полноте этого труда дают относящиеся к философам III — II вв. фрагменты, которые дошли через Филодема⁷⁸. Это произведение — от которого хотелось бы иметь гораздо больше, чем одни лишь фрагменты и довольно краткие выдержки, — дает существенное понимание качественного уровня научного исследования, каким оно некогда вышло из Перипатоса в Афинах и вместе с перипатетиком Деметрием Фалерским — после снятия его с поста правителя Афин — попало в Александрию, откуда через таких ученых, как Аполлодор, снова вернулось в Афины.

К очень немногим дошедшим в оригинале творениям эллинистической литературы, возникшим в Афинах, относится труд Феофраста «Характеры»⁷⁹. Их автор, рожденный в городе Эресос на острове Лесбос, ученик Аристотеля, который в 322 г. в пятидесятилетнем возрасте наследовал своему мэтру на посту руководителя школы, не сильно уступая тому в разносторонности, размахе и уровне своего творчества, достиг этим небольшим сочинением самого широкого и неослабного влияния как в античности, так и — после его повторного

⁷⁷ Cicero. Att. 12, 23, 2.

⁷⁸ FGrHist 244, F 47, 53 — 60.

⁷⁹ О Феофрасте хорошо ориентирует посвященная ему статья: *Regenbogen O.* // RE. — 1940. — Suppl. 7. — Sp. 1354 — 1562; о «Характерах»: Sp. 1500 — 1511.

открытия — в Новое время, хотя научная слава автора и зиждилась прежде всего на естествоиспытательских и философских трудах. Как знаток ботаники, получивший именно тогда новые познания и стимулы благодаря сообщениям участников похода Александра⁸⁰, Феофраст был в античное время недосыгаем. От его работ по ботанике сохранилось два крупных сочинения: *Historia plantarum* в девяти и немного позднее *Causae plantarum* в шести книгах⁸¹.

В «Характерах» Феофраста дан типовой ряд тридцати человеческих физиогномий. Описываются, как было принято в то время, исключительно мужские типажи по особенно проступающим в них качествам. Шаржи, каждый из которых занимает примерно одну печатную страницу, именуются, например, как «Суеверный», «Скупой», «Лстец», «Старый дурень» и т. д. Все характеры выделены по человеческим слабостям, ни один — по положительным, добродетельным качествам. Никто, впрочем, не помечен как совершенно отвратительный, совсем плохой человек; описания — это карикатуры, написанные словом вместо красок. Филологический анализ выявил многократные соприкосновения с «Никомаховой этикой» Аристотеля и с типажами, выводимыми Новой комедией.

Эта книжица в Новое время становилась доступной публике лишь постепенно. Пятнадцать первых портретов были изданы в XV в., номера 16 — 28 — в XVI в., два последних — лишь в 1786 г. Дух Афин сквозит повсюду: в упоминании афинских должностных лиц или полномочных представителей в шествиях на Дионисии (26), в аллюзиях на сакральную деятельность эфеев (27) или смотр всадников (21). Литургии, особенно хорегия и триерархия, многократно упомянуты (22, 23) как еще бытующие в момент завершения труда или, по крайней мере, незадолго до того. Намек на великий и всеобщий год-лод двадцатых годов (23), напротив, выводит за рамки Афин.

Вопрос о времени завершения книги много раз дискутировался с тех пор, как Конрад Кихориус высказал мнение, что им скорее всего был 319 г.⁸² Новейшие работы считаются с большим диапазоном и прежде всего с тем, что запись отдельных кусков могла быть растянутой на многие годы. Ведь наряду с пассажами, позволяющими предполагать демократическое правление и функционирование народных судов (например, 12, 16), имеются и другие, которые показывают город в руках Кассандра. Это прежде всего «Сплетник» (8), уверяющий, что знает все: от победы Полиперхонта и царя, в итоге

⁸⁰ Bretzl H. Die botanischen Forschungen des Alexanderzuges. — Leipzig, 1903.

⁸¹ Издания: *Historia*: In 2 Vol. / von A. Hort — 1916; von S. Amigues, пока кн. 1 — 4, 2 тома, 1988 — 1989; *Causae* von B. Einarson und G. Link, в трех томах, 1976 — 1990.

⁸² *Cichorius C.* // Philologische Gesellschaft. — Leipzig, 1907. — P. LVII—LXII; *Rühl F.* // *RhM.* — 1898. — Vol. 53. — P. 324 — 327. Из последних: *Boegehold A.E.* // *TAPhA.* — 1959. — Vol. 90. — P. 15 — 19.

которой Кассандр якобы попал в темницу, до свержения правителей в Афинах. Это могло быть написано не ранее 317 г. и едва ли значительно позже. С другой стороны, если «Хвастун» (23) уверяет, что правитель Антипатр якобы уже три раза письменно приглашал его посетить Македонию, то это не обязательно должно было быть написано до смерти Антипатра осенью 319 г. Упомянутый в «Болтуне» (7) процесс 330 г. о венке Демосфена и возникшая при этом перепалка ораторов, напротив, характеризуется как уже давно случившееся знаменитое событие. Возможно, что части работы были написаны до 322 г., другие же, напротив, возникли самое раннее в 317 г. За общие рамки можно принять период от 324 до 315 г.

Особая прелесть этого сочинения состоит в том, что оно дает наглядную картинку повседневной жизни афинского бюргера в том виде, как он подавал себя в Народном собрании, на рынке, в суде или на пиру. В то же время Феофраст показывает условные нормы поведения именно тем, что его характеры тут или там, совсем чуточку или заметно отклоняются от них и тем самым выставляют себя как представители конкретного типа.

Феофраст скончался между 288 и 286 гг., незадолго до или вскоре после освобождения города от царского господства весной 287 г. Его, иностранца, провожали до могилы все до единого граждане⁸³.

---

⁸³ Diog. Laert. 6, 41.

V. Независимый город (287 — 262 гг.)

1. В кольце держав

Свобода, которую Афины отвоевали весной 287 г. своими силами и благодаря чужой помощи со стороны царя Птолемея, продержалась в городе двадцать пять лет, хотя последние годы из них ушли на борьбу за сохранение свободы в войне против македонского царя Антигона Гоната. Вопреки прежнему и до недавнего времени господствующему мнению теперь можно считать надежно установленным, что на протяжении этих лет свобода не была повторно утрачена. Атика не сделалась снова областью македонского господства, и Афины не стали второй, греческой столицей царя Антигона. С другой стороны, опять же вопреки прежним и недавно еще господствующим взглядам, вполне надежно доказано, что афиняне в течение этой четверти века ни разу не сумели вернуть себе право распоряжаться Пиреем, что он скорее всего до 229 г. до н. э. непрерывно оставался в руках македонян¹.

В момент своего поспешного вторжения в Малую Азию царь Деметрий оставил наместником еще принадлежавших ему владений в Греции своего сына Антигона. Среди них важнейшими были наряду с Пиреем Деметриада в заливе Волос и Коринф с его крепостью Акрокоринф. Деметрий достаточно скоро, после ведшихся с переменным успехом боев против царя Лисимаха, кои носили его по всей Малой Азии с запада на восток и в итоге изрядно потрепали его части, очутился в Сирии в плену у царя Селевка, где и скончался в темнице в 283 г. Когда он еще находился в Малой Азии, афиняне попытались снова

---

¹ Обо всех подробностях см.: *Habicht Ch. Untersuchungen.* — S. 68 — 112. Там на с. 72 следует исправить, что встреча царя Антигона с философом Аркесилаем относится к годам не до 287-го, но после 262-го (*Knoepfler D.* // МН. — 1987. — Vol. 44. — P. 241, note 36), встреча же Гиерокла и Менедема (с. 99) состоялась не в 273-м или 272-м, но только после 268 г. (*Reger G.* // CQ. — 1992. — Vol. 42. — P. 373 — 377). Так же и некоторые аттические укрепления оставались в руках македонян (IG II² 657, 34 — 36), среди них прежде всего важный и близлежащий Элевсин.

овладеть крепостью Мунихии и Пиреем. Они подкупили коменданта гарнизона наемников, обещавшего их пропустить, однако выдавшего этот план своему командующему Гераклиду, так что когда ночью 420 афинян проникли через открытые по договоренности ворота, они попали в засаду превосходящей их вооруженной силы и все до единого погибли — среди них два стратега и семь известных поименно офицеров. Их похоронили на общественном кладбище². В одном чуть позже изданном декрете воссоединение города и гавани определено как самая главная задача и первоочередное чаяние граждан³. Около 280 г. в руки македонского коменданта в Пирее попал Митрес, казначей незадолго до того погибшего царя Лисимаха, приверженец и покровитель философа Эпикура и его учения. Чтобы выкупить Митреса, в дело вмешался сам Эпикур и послал для переговоров о его освобождении своего ближайшего доверенного Метродора, который ради этого пешком прошел от города до Пирея⁴.

Продолжительная чужеземная оккупация Пирея породила упорный антагонизм по отношению к Македонии и ее царям — Деметрию, затем его сыну Антигону Гонату. Напротив, от врагов Антигонидов город мог ожидать поддержки. Пирр Эпирский, совместно с Лисимахом изгнавший Деметрия из Македонии, тотчас после освобождения города появился в Афинах, принес на Акрополе жертвы Афине и посоветовал афинянам впредь не пускать в город никакого царя⁵. Лисимах был еще одним и более непримиримым врагом Деметрия, и с ним афиняне моментально нашли общий язык. В конце зимы 286/5 г. его поверенный Артемидор из Перинфа был награжден афинянами почестями, граждане воздвигли статую и царю, которую много веков спустя еще видал Павсаний⁶. Другой высокопоставленный

² *Polyaen* 5, 17, 1; *Pausanias* 1, 29, 10. *Beloch* GG. — Vol. 1. — S. 238 — 239. Ср. также: ISE 13. Македонские военачальники этих лет и «друзья» царя в окрестностях Афин и Коринфа: *Plutarch*, *Demetrios* 51, 1.

³ *Hesperia*. — 1938. — Vol. 7. — P. 102, № 18, 30 — 31. Слишком рискованно из этих, выражающих простую надежду слов вычитывать определенное ожидание на вот-вот собравшееся произойти воссоединение и делать вывод о соответствующем соглашении с оккупационными властями, как это пытался сделать: *Gauthier Ph.* // REG. — 1979. — Vol. 9. — P. 356 — 365; и аналогично теперь: *Reger G.* // CQ. — 1992. — Vol. 42. — P. 372. Оба автора предполагают мирное, но лишь временное воссоединение гавани с городом в 281 г. Надежды на повторный анализ гавани к городу эклесия выражала еще летом 283 г. (IG II² 657, 34) и, без сомнения, еще чаще.

⁴ *Herc P.* 1418, col. 32 a; обширная литература указана в: *Catalogo dei papiri Ercolani* / Ed. M. Gigante. — Napoli, 1979. — P. 312 — 314; дословный текст см. из последних: *Militello C.* // *CronErc.* — 1990. — Vol. 20. — P. 75, 82. См. также: *Streckel H.* *Epikuros* // RE. — 1968. — Suppl. 11. — S. 591 — 592.

⁵ *Plutarch*, *Pyrrhos* 12, 6 — 7.

⁶ Декрет в честь Артемидора сохранился в двух версиях: IG II² 662 (с новым фрагментом: *Hesperia* 26, 1957, 29, № 2) и 663. Эпикон Артемидора сопоставле-

царедворец Битис как раз в те же годы, что и Артемидор, был пожалован афинским гражданством⁷. Многократно отправлялись посольства к царю Лисимаху, который уже раньше, в начале 90-х годов, перед началом второго правления Деметрия стал благодетелем города (с. 88). Два раза ездил послом к нему племянник Демосфена Демохар, как только вернулся в 286 г. из изгнания, к коему был приговорен в 303 г.⁸ Афинский поэт Филиппид из Кефалы, уже ставший как друг царя посредником между ним и городом, подвизался тогда на том же поприще и добился от царя денег и хлеба для своего родного города. В 283 г., незадолго до Лисимаховой смерти, по предложению своего земляка по дему Никерата Филиппид получил почести от граждан за то, что годом раньше, будучи устроителем торжественных игр (агонофетом), придал празднеству особый блеск⁹.

Переход Афин из круга сателлитов в лагерь врагов Антигонидов после освобождения города моментально привел и к нормализации отношений с набравшим рост Этолийским союзом на северо-западе Греции. Последний в самом начале III в. узурпировал контроль над святилищем в Дельфах и Дельфийской амфикиктией, вызвав тем самым неприязнь афинян (с. 95 сл.). Определенную роль в восстановлении дружеских отношений мог сыграть политический деятель Олимпиодор, давнишний друг этолийцев. Для семи лет между 287 и 280 гг. известно пять чествований афинских граждан в Дельфах¹⁰. Чуть позже афинский представитель снова занял кресло в составе Совета Амфикиктии, что издавна было прерогативой Афин. Повидимому, уже с момента смерти Александра Великого, и уж точно со времени занятия этолийцами Дельф, афинянам ни разу не пришлось воспользоваться своим правом голоса и своим влиянием. И в Пифийских играх 286 г. афиняне снова принимали участие¹¹, и ничто не напоминало уже о том, как несколько лет назад царь Деметрий устроил в Афинах свои «Пифии».

нием с эфесским декретом в его честь (I Ephesos 1464) выяснил Хабиخت: Chiron. — 1972. — Vol. 2. — S. 107 — 109. О статве Лисимаха: Pausanias 1, 9, 4. Об истории этого царя см. теперь: Lund S.H. Lysimachos. — New York, 1992; Franco C. Il regno di Lisimaco. Strutture amministrative e rapporti con le città. — Pisa, 1993.

⁷ IG II² 808. Датировка и идентификация чествуемого теперь, после долгой дискуссии, решены в пользу придворного Лисимаха, благодаря называющей его же новонайденной жалованной грамоте царя тех же лет: Hatzopoulos M. Une donation du roi Lysimaque. — 1988.

⁸ [Plutarch], *mor.* 851 E.

⁹ IG II² 657, 33 — 36, 43 — 45.

¹⁰ Flacelière R. // HSCP. — 1940. — Suppl. I. — P. 473 (Olympiodor); FD III 2, 71 — 72, 198 — 200.

¹¹ Habicht Ch. Untersuchungen. — S. 73–75. Об участии Афин на Пифиях 286 г. см.: Wilhelm Ad. Pragm. Akad. Athen. — Vol. 4. — 1936. — P. 13 (Akademieschriften 2, 527). Найденный в Дельфах фрагмент афинско-этолийского договора (StV 470) относится, скорее всего, к этому времени обновленной дружбы.

Но самым близким и щедрым на помощь союзником города остался и дальше царский двор в Александрии¹². Там царствовал Птолемей I Сотер — до 285 г. правил один, затем два года подряд вместе со своим сыном от Береники Птолемеем II Филадельфом, который после смерти отца в 283 г. стал единовластным правителем. В честь отца и основателя династии он учредил праздник Птолемеи, который поначалу был замыслен как однократное поминальное празднество и как таковое было справлено в 282 г., пока оно не было преобразовано в периодическое, отмечавшееся раз в четыре года торжество, на которое приглашался весь греческий мир.

Оба царя оказывали щедрую помощь Афинам и прежде всего содействовали снабжению города хлебом, который, пока Афины подчинялись царю Деметрию, скорее всего привозился из Македонии, однако после отложения города доставлять хлеб оттуда стало весьма затруднительным¹³. В июле 286 г. птолемеевский офицер Зенон чувствуетя народом Афин за то, что он обеспечил действительную защиту для хлебного транспорта, посланного царем в Афины¹⁴. Отправленное по предложению Демохара в Александрию посольство вернулось с 50 талантами серебра от царя¹⁵. Главнокомандующий царским флотом, царь Сидона Филокл в какой-то из этих годов сделал в Афинах посвящение и был награжден городом как благодетель предоставлением гражданства и другими почестями¹⁶.

Ставший известным в 1978 г. декрет 270/69 г. в честь афинянина Каллия (с. 98 сл.) прояснил много новых деталей в афинско-птолемеевских отношениях. После своего участия в боях за освобождение города Каллий отправился вместе с афинскими послами в Александрию и активно участвовал в переговорах с царем о помощи Афинам. Затем после смены трона он вернулся на родину, но очень скоро по настоятельному ходатайству стратегов, которые обрисовали ему плачевное состояние снабжения Афин хлебом, на собственные средства поехал к Птолемею с прошением как можно скорее помочь городу деньгами и зерном. Он встретился с ним на Кипре и добился согласия еще на 50 талантов серебром и 20 000 медимнов пшеницы, которые царские эмиссары отмерили посланникам города на Делосе¹⁷.

¹² О дальнейшем см.: *Habicht Ch. Athens and Ptolemies // Classical Antiquity*. — 1992. — Vol. 11. — P. 68 — 90.

¹³ *Marasco G. // Athenaeum*. — 1984. — Vol. 64. — P. 286 — 294.

¹⁴ IG II² 650, с замечаниями: *Habicht. Untersuchungen*. — P. 48 — 52; *Osborne // ZPE*. — Vol. 35, n. 197. — P. 189 — 190.

¹⁵ [Plutarch], *mor.* 851 E.

¹⁶ ISE 17; *Hesperia*. — 1940. — Vol. 9. — P. 48; *Merker I. // Historia*. — 1970. — Vol. 19. — P. 141 — 150. Ср.: *Hauben H. Philocles, King of the Sidonians // Orientalia Louvaniensia Analecta*. — 1987. — Vol. 22. — P. 413 — 427.

¹⁷ Строки 40 — 55 Каллиева декрета // *Hesperia*. — 1978. — Suppl. 17. — P. 2 — 4. Вскоре вслед за освобождением в 287 г. после примерно десятилетнего перерыва

Когда царь готовился впервые отпраздновать Птолемию, Народное собрание в Афинах вынесло решение принять в них участие отправкой торжественного посольства (*theoria*) и выбрало Каллия его руководителем. Он принял предложение, однако сверх того избавил город от утвержденных на эти цели дорожных и суточных расходов в размере 50 мин (почти один талант), профинансировав эту миссию из своих средств. Затем приближалось, видимо, летом 282 г. первое после освобождения города празднование Великих Панафиней, и снова Каллий сумел подвигнуть царя оказать помощь, а конкретно — пожертвовать на необходимую культовую утварь¹⁸. Одним из двух агонифетов этого года — вероятно, как раз агонифет на Панафиней — был, между прочим, Каллиев брат Федр¹⁹.

Вслед за тем Каллий должен был возвратиться на царскую службу, так как во время его чествования экклесией в 270/69 г. он был откомандирован царем в ранге полководца армейского корпуса в Галикарнасс на западное побережье Малой Азии, но все-таки смог оказать содействие афинским послам, направлявшимся мимо Галикарнасса к царю²⁰.

Указанные свидетельства освещают не только интенсивность, но и — не прерывавшуюся на протяжении семнадцати лет — длительность дружеских отношений между Афинами и царями Египта. В 270/69 г., к которому относится декрет в честь Каллия, обе державы стояли уже почти что на пороге Хремонидовой войны и признавали себя даже братьями по оружию, объединившимися для борьбы с Македонией. В свое время Фергюсон, которому тогда еще не были доступны важные источники, сильно заблуждался, предположив, что в 287 г. птолемеевский флот якобы сознательно устранился от участия в тех событиях, и особенно большой ошибкой было его утверждение, что с момента освобождения города афиняне по причине проявленной к ним Лисимахом дружбы якобы могли ожидать от Птолемея одно лишь зло²¹. Гораздо более правильным будет считать, что ни один другой правитель не приходил афинянам на помощь в любую минуту, как это делали оба первых царя из династии Птолемея.

Трудно сказать, как сложились после 287 г. отношения Афин с Беотией, их ближайшим соседом на севере. В середине 90-х годов бе-

афинская серебряная чеканка снова возобновляется, однако употреблявшееся для этого серебро было ниже качеством, чем из аттических рудников Лавриона. Отсюда было сделано привлекательное предположение, что монеты этих лет чеканились, видимо, из серебра, пожертвованного царями Лисимахом и Птолемеем I и II (Kroll, Coins 10).

¹⁸ Строки 55 — 70 Каллиева декрета.

¹⁹ IG II² 682, 63 — 64, о Федре; IG II² 3079, о Главконе, брате Хремониды.

²⁰ Строки 70 — 78 Каллиева декрета.

²¹ Ferguson // НА. — Р. 149, note 2; 153.

отяне состояли в союзе с этолийцами и во вражде с находившимися под властью Деметрия Афинами (с. 95 сл.). Их страна, однако, была окончательно покорена в 291 г. Деметрием, поставившим над ней своим полномочным правителем историка Гиеронима из Кардии²². Когда в 287 г. Афины отпали от Деметрия, они снова утратили г. Ороп, отошедший к Беотийскому союзу²³, которому этот город принадлежал все следующие 115 лет. После своего поражения на море против Птолемея Керавна в 280 г. Антигон Гонат отступил в Беотию²⁴. Если это и дает право говорить о том, что ему удалось утвердить свой контроль над Беотией, то, с другой стороны, вполне очевидно, что летом 281 г. между Афинами и Беотийским союзом уже установились добрые отношения, так как тогда в беотийском союзном празднестве Басилеи в Лебадии приняла участие афинская делегация, состоявшая из шести пехотных офицеров (таксиархов)²⁵. Абсолютно неизвестно также, перешли ли — и если да, то когда — северные приграничные укрепления Аттики Панакт и Фила, по крайней мере в 287 г. еще занятые македонскими гарнизонами, снова под верховную власть Афинского государства.

Напротив, надежно установлено, что Элевсин, самая мощная крепость на севере Аттики, спустя некоторое время вслед за освобождением города снова стал афинским. Заслугу в этом приписывали возвратившемуся лишь в 286/5 г. из изгнания Демохару, «который (снова) возвратил Элевсин народу, убедив Народное собрание забрать его и осуществив это»²⁶. Прежнее, основывавшееся на одном датированном годом архонства Диотима декрете предположение о том, что это случилось до апреля 284 г.²⁷, во всяком случае, утратило силу, поскольку это был архонт не 285-го, а гораздо скорее 354/3 г.²⁸. Крайне мало мы знаем для этого времени также и об укреплениях прибрежной стратегии — Рамнунте и Суниионе. Благодаря опубликованному в 1967 г. декрету демоса Рамнунта в честь стратега Эпихара в настоящее время известно, что Рамнунт — по крайней мере до начала Хремонидовой войны — снова оказался под афинским контро-

²² *Plutarch*, *Demetrios* 39, 3 — 7. *Hornblower J.* *Hieronimos of Cardia*. — Oxford; New York, 1981 — P. 13 — 14.

²³ *Étienne R., Roesch P.* // *BCH.* — 1978. — Vol. 102. — P. 374; *Gullath B.* *Untersuchungen zur Geschichte Boiotiens in der Zeit Alexanders und der Diadochen*. — Frankfurt, 1982. — S. 199.

²⁴ *Memnon* // *FGrHist* 434, F 8, 6.

²⁵ ISE 15. О празднике Басилеи см.: *Moretti L.* *Iscrizioni agonistiche greche*. — 1953. — P. 105 — 107. Ср.: *Gullath*, *Op. cit.* — P. 199 — 207.

²⁶ *Plutarch*, *mor.* 851 F: Ἐλευσίνα κομισαμένῳ τῷ δήμῳ καὶ ταῦτα πείσονται ἐλέσθαι τὸν δῆμον καὶ πράξαντι.

²⁷ *Habicht*. *Untersuchungen*. S. 25, Anm. 25; 78, Anm. 15.

²⁸ В ближайшее время это будет доказано К. Клинтоном. Я весьма благодарен ему за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью его работы.

лем, хотя и остается открытым вопрос, с какого момента²⁹. Сунион, напротив, был к началу войны в руках македонян, почему птолемеевский стратег Патрокла не смог там высадиться, но был вынужден довольствоваться лежащим напротив Суниона островом Гаидаронхсия³⁰. Остров Саламин, захваченный царем Деметрием в 295 г., по всей видимости, до 229 г. был занят македонским гарнизоном³¹. Афинские острова во Фракийском море — Лемнос и Имброс, возвращенные афинянам Антигоном в 307 г.³², после битвы при Ипсе снова были для города потеряны и, вероятнее всего, в ходе завоевания Македонии Лисимахом в 288 г. отошли к последнему. В итоге победы над ним в 281 г. Селевк стал, во всяком случае, хозяином Лемноса и в немногие месяцы еще отпущенного ему срока жизни успел возвратить остров афинянам³³.

Хотя после того как афиняне скинули с себя владычество Деметрия отношения Афин с Этолийским союзом явно нормализовались, город, согласно почти единодушному мнению исследователей, в 280 г. принял участие в войне против этолийцев и царя Антигона, которую вела коалиция греческих государств под предводительством спартанского царя Аррея и о которой сообщает один только историк императорского времени Юстин. Как участник войны Афины не упомянуты: их участие было вычислено только Белохом, за которым последовали практически все позднейшие специалисты. Белох относил к этому времени упоминание о некоей войне в одном афинском документе, изданном в год архонта Менеклея, и видел в нем доказательство участия Афин в этой войне. В действительности же Менеклей был архонтом 267/6 г. и речь там идет о Хремонидовой войне³⁴.

²⁹ AD. — 1967. — Vol. 22.A. — P. 38 — 52 (SEG XXIV, 154), с новым фрагментом: PAA. — 1985. — P. 9 — 10, 13 — 14.

³⁰ *Lauter H. Marburger Winckelmannsprogramm.* — 1988. — S. 32 — 33. Архонтом надписи IG II² 1270 из Суниона был [Мнеси]дем 298/7 г., а не [Пейти]дем 268/7 г., так как одна надпись отсюда (AA 1995, 810) содержит его имя неповрежденным. IG II² 1281 (ISE 19) относится к годам только после 229-го (*Tracy, ALC* 52).

³¹ ISE 14, p. 30.

³² *Diodor* 20, 46, 4 — 5; IG II² 1492, 133. Beloch, GG. — Vol. 1. — S. 152 mit Anm. 1.

³³ *Phylarch*, FGrHist 81, F 29; IG II² 672 (+ *Hesperia*. — 10. — 1941. P. 338). *Habicht. Gottmenschen.* — S. 89 — 90; *Orth W. Königlicher Machtanspruch und städtische Freiheit.* — München, 1977. — S. 36 — 38.

³⁴ Подробное опровержение у: *Habicht. Untersuchungen.* — S. 83 — 85. Сомнение в участии Афин в этой — впрочем неудавшейся — кампании из старых историков высказал один Niese // *Geschichte.* — 1899. — Vol. 2. — S. 11, из новых: *Marasco G. Sparta agli inizi dell'età ellenistica: Il regno di Areo I.* — Firenze, 1980. — P. 66. К моей прежней мотивировке могу добавить, что решение Спарты вступить в войну могло быть продиктовано тем, что этолийцы именно в том же 280 г. принудили вступить в их союз Гераклею Трахинию (*Pausanias* 10, 20, 9), спартанскую колонию у Фермопил, выведенную в 426 г. (*Thukydides* 3, 92 — 93).

Поэтому гипотеза Белоха должна быть отклонена; абстрагируясь от провалившегося нападения на Пирей (с. 126), Афины начиная с 287 г. жили в мире.

Но и афиняне взялись, однако, за оружие вместе с другими греками в 279 г., когда речь шла о том, чтобы поставить заслон на пути нашествия чужеземцев на Грецию³⁵. Казалось, нависшая за два столетия до этого персидская угроза готова снова воротиться, когда в Грецию вторгся другой воинственный народ. Огромное полчище кельтов отдельными толпами докатилось до Балканского полуострова. Один из этих отрядов под началом Болгия в 280 г. разгромил, сразив насмерть, Птолемея Керавна, всего лишь за год до того заполучившего македонский трон ценою убийства Селевка I. Другой отряд под началом Бренна в то же самое время вторгся в соседнюю область Эпонию, оставляя за собой выжженную землю; снова он появился с еще большими силами в 279 г., продвинувшись в южном направлении. Пока кельты опустошали Фессалию, а Македония оставалась без царя, стало ясно, что Бренн, преодолев Фермопильский проход, собирается посягнуть на священный город Дельфы с их богатыми, веками скопленными сокровищами, которые, правда, за два поколения до того были изрядно урезаны фокейцами.

Для отражения угрозы было собрано греческое войско, главным образом из тех, кому в первую очередь грозила опасность: этолийцев, беотийцев и фокейцев — в области последних и лежали Дельфы. К ним присоединились локридяне, город Мегары на Истме и единственный из пелопоннесских полисов — Патрас. Афиняне также приняли участие со своим контингентом, а цари Антигон Гонат и Антиох I, сын Селевка, послали каждый по отряду в пятьсот наемников. В ожесточенных сражениях, сперва у Фермопил, а потом — после того как кельты совершили обходный маневр — в схватках у стен города и в самих Дельфах союзным грекам удалось наконец — согласно тут же сложенной легенде, благодаря прежде всего деятельной помощи богов и местных героев — отразить врага. Видимо, кельты на какое-то время все же сумели проникнуть в святилище, но их выбили оттуда, и они с огромными потерями вынуждены были отступить. Раненый в начале отступления и потерпевший провал у самой цели, Бренн наложил на себя руки. В память об избавлении священного места от разорения был учрежден «праздник спасения» (*Soteria*), ежегодно устраивавшийся международным Советом амфикитионов, пока Сотерии в 246 г. не попали под контроль этолийцев и не были

³⁵ Для дальнейших событий важна работа: *Nachtergael G. Les Galates en Grèce et les Sôteria de Delphes.* — 1977. В первой части книги автор рассматривает проникновение кельтов в Подунавье (с. 3 — 14), относящиеся к вторжению в Грецию источники (15 — 125) и вторжение галатов в Македонию и Грецию (126 — 205).

преобразованы в празднество, справлявшееся лишь раз в четыре года, но с особым блеском. К участию в нем приглашались ближние и дальние эллинские государства; многие постановления о принятии их в число участников от 278-го и, соответственно, от 246 г. сохранились на камнях³⁶.

Афиняне играли в спасении Дельф роль, достойную уважения, однако не первостепенную, которую им приписывает самый подробный и самый важный источник — Павсаний. В своем «Описании Эллады» он посвятил пять глав десятой, отведенной Фокиде книги описанию нашествия кельтов 279/8 г. и дополнил эти главы в двух других местах своего труда³⁷. Его сообщение часто было предметом анализа, равно как и роль, которая отведена там Афинам и афинянам³⁸. В нем сильно проступает подражание Геродоту, так как Павсаний сопоставляет вторжение кельтов в известной мере с персидским нашествием, особенно когда он имитирует Геродотово описание морского сражения у мыса Артемисион и битвы при Фермопилах 480 г. За этим подражательством Геродоту скрывается сильное пристрастие к Афинам. Так, Павсаний приписывает командиру скромного афинского отряда, Каллиппу из Элевсина, роль главнокомандующего соединенными вооруженными силами греков, далее он заставляет все боеспособные корабли Афин принимать участие в морских операциях и делает этот афинский флот — коль скоро Фермопилы кельты миновали обходным маневром — спасителем греческих сухопутных сил, точно так же, как, согласно Геродоту, афиняне в войне с персами стали первыми после богов спасителями Греции.

Все это — преувеличение роли афинян и подражание Геродоту — было вставлено в первоначальный рассказ позже и, как уже давно было замечено, легко из него вычленивается. Если абстрагироваться от этой тенденциозной напыщенности, то остается точный, конкретный рассказ, насыщенный разнообразными и перепроверяемыми деталями, и он должен восходить к великолепно информированному современнику, скорее всего к Гиерониму из Кардии (с. 130), крупному историку диадохов, который довел свой труд до момента смерти Пирра в 272 г.

В этом изначальном сообщении была, например, точно указана численность войск, раздельно для гоплитов, легковооруженных и всадников, ото всех принявших участие в войне греческих государств и названы имена тех или иных полководцев, не менее четырнадцати.

³⁶ Все эти свидетельства собраны и обстоятельно прокомментированы в работе: *Nachtergaeel*. Op. cit. — P. 391 — 495.

³⁷ *Pausanias* 10, 19, 4 — 23, 14, далее 1, 3, 5 — 4 и 7, 15, 3.

³⁸ См. анализ в: *Habicht Ch. Untersuchungen*. — S. 87 — 94, в котором можно найти все подробности. Автор и Нахтергель в существенных пунктах пришли независимо друг от друга к одинаковым выводам.

Все эти данные надежны; из дальнейших сообщений, имеющих отношение к афинянам, прежде всего надо отметить следующие: Каллип, сын Мойрокла, был их командующим; его портрет работы Ольбиада был вывешен в Афинах в зале заседания Совета. Афинский отряд состоял из 1000 пехотинцев и 500 всадников. Афинскими архонтами в год нашествия кельтов и в следующем были Анаксикрат и Демокл. Щит одного афинянина по имени Кидий, отличившегося особенной храбростью и павшего в бою, родственники украсили вырезанной на нем эпиграммой, славящей героя, — текст ее дословно передает Павсаний — и посвятили Зевсу Освободителю (Zeus Eleutherios), выставив его в стое этого бога. Все эти сведения подтвердились: Каллип действительно был сыном Мойрокла и принадлежал к одной из ведущих афинских фамилий из Элевсина; один афинский декрет от 246/5 г., который отвечает на приглашение этолийцев принять участие в преобразованном празднике Сотерий, был предложен не кем иным, как сыном Кидия Кибернием³⁹, и вот этот сын героя 279 г. именно тогда получил почести в Дельфах⁴⁰. Декрет подтверждает в то же время участие афинского войска в сражениях с кельтами, ибо гласит, что афиняне выслали конницу и корпус отборных воинов (*epilektoi*), который мог насчитывать тысячу человек (названное Павсанием число афинских пеших солдат). Из другого декрета, изданного в 282/1 г., всего лишь за три года до этих событий, известно, что численный состав афинской конницы был увеличен тогда с двухсот до трехсот человек⁴¹, поэтому численность этого подразделения в момент кельтской угрозы вполне могла достигать указанной Павсанием цифры 500. Напротив, декрет Киберния молчит о флоте, хотя и без того ясно, что его участие в войне — это выдумка более позднего автора, намеревавшегося приписать ему ту же роль, которую он играл в 480 г.

Тем самым, не менее 1500 афинян сражались против кельтов в составе мобилизованного греками войска общей численностью не менее 25 000 человек. Но никто из афинян не вошел в верховное командование — его приняли на себя этолийские стратеги. Целиком достоверно, что афиняне дрались храбро и Кидий выделялся среди них особенно. Но главную тяжесть в этом сражении безусловно вынесли прежде всего подвергшиеся нападению этолийцы и фокейцы. И хотя спасение Дельфиды не стало великим деянием всей аттической истории, но как славный подвиг греческой истории оно навеки запечатлелось в памяти поколений, а также среди эллинизма Малой Азии, где уже год спустя началось знакомство с дикостью кельтов,

³⁹ IG II² 680. Семья Кидиаса и Киберния из дема Галимунт также хорошо известна.

⁴⁰ FD III 2, 159.

⁴¹ ISE 16. Bugh. Horsemen. — P. 186 — 188.

которых там стали называть галатами. В отличие от Афин Спарта не приняла никакого участия в отражении врага — спартанский царь Арей всего лишь за год до этого собирался изгнать этолийцев из Дельф (с. 131).

Возникшая совместная опасность еще более сблизила Афины и Этолийский союз. Афинский представитель в Совете Амфиктионии самое позднее тогда, если не несколькими годами ранее (с. 127), после долгого отсутствия снова занял свое место. Именно гильдия афинских праздничных актеров (с. 105) внесла ощутимый вклад в оформление Сотерий, и не случайно, что именно тогда, в 277 г., они были пожалованы амфиктионным Советом ценными привилегиями, среди которых была свобода от обложения и неприкосновенность личности каждого артиста на земле всей Греции⁴².

Важные последствия имело для Афин и то, что спустя менее двух лет после битвы за Фермопилы и Дельфы Македония тоже сумела преодолеть ужасное время, вызванное гальским нашествием. После того как на нее напал царь Птолемей, его брат Мелеагр смог удержаться на троне этой страны лишь два месяца, а племянник Кассандра Антипатр в 279 г. вообще только 45 дней, за что и получил прозвище «царь летней жары» (Etesias). Один македонский аристократ по имени Сосфен организовал после этого довольно успешное сопротивление; он отклонил предложенную ему царскую диадему и сам вскоре скончался. С весны 278 г. в Македонии царила анархия, и вряд ли галлы покинули к тому времени страну, в которую они вторглись в 280 г. Однако в 277 г., при малоизвестных обстоятельствах, но с помощью хитрой уловки, Антигон Гонат одержал у Лисимахии над ними великую, достопамятную и широко отпразднованную победу. Этот триумф освободил страну от гальского ужаса и принес наконец Антигону давно вожаденное господство над Македонией; до этого он долго оставался царем с единичными опорными пунктами, но без собственной страны. В Афинах могли смотреть лишь с озабоченностью на то, что сын царя Деметрия, вот уже десять лет державший гарнизон в Пирее, теперь прочно утвердил свое царствование в стране, из которой его отца одиннадцать лет тому назад прогнали⁴³.

Между тем право на владение Македонией у Антигона очень скоро и решительно стало оспариваться. Осенью 275 г. из Италии в Эпир возвратился Пирр, который сам уже раз восседал на македонском троне. В следующем году он вторгся в Македонию, одержал блестящую победу над армией Антигона и его кельтскими наемниками⁴⁴ и овладел большей частью страны. Было ясно, что целью его

⁴² IG II² 1132, 1 – 39. Дельфийский экземпляр: FD III 2, 68, 61 – 94.

⁴³ Walbank, Macedonia 254 – 258.

⁴⁴ Pausanias I, 13, 2 – 3; Plutarch, Pyrrhos 26, 10; AP 6, 130; Histor. griech. Epigr. 94.

был македонский трон. Однако в стране вспыхнуло сильное возмущение тем, что кельтские наемники разграбили несколько македонских царских гробниц в Эгах (Вергине), а Пирр спустил им это с рук⁴⁵. Подстрекаемый одним из членов спартанской царской семьи, Пирр пошел в 272 г. против Спарты. В затяжных и тяжелых боях город едва-едва сумел устоять, не в последнюю очередь благодаря вспомогательному корпусу, высланному Антигоном из Коринфа. Поздней осенью 272 г. Пирр, уже покинув Лаконию, погиб в уличном бою в городе Аргосе, вблизи которого разбил лагерь Антигон со своим войском. Царская власть Антигона в Македонии, находившаяся в катастрофическом положении, была спасена.

В разгар этих событий, весной 272 г., к Пирру отправилось вместе с другими греками и афинское посольство, встретившее его на пути в Лаконию в аркадском Мегалополе⁴⁶. Традиция не передает, о чем велись переговоры, однако можно все же считать вполне достоверным, что афиняне хотели заручиться неизменной благосклонностью царя (с. 126) и, не исключено, его поддержкой для устранения Антигонова гарнизона. Смерть Пирра разрушила подобные надежды, и, поскольку жизненно важной целью афинской политики было возвращение контроля над Пиреем, дело шло к войне против Антигона, каковая и разразилась несколькими годами спустя.

2. Из жизни города

После того как Афины весной 287 г. избавились от царской власти, на многие годы самой животрепещущей проблемой стало, кажется, обеспечение населения достаточным количеством хлеба. Не только деятельность иноземных хлеботорговцев была тогда, как это случилось и ранее, отмечена почетными декретами⁴⁷, а граждане получали похвалу за заслуги на этом поприще⁴⁸, но теперь город вынужден был обратиться за помощью к иностранным державам. Резко бросается в глаза, скольких чужеземных владык объездили тогда афинские послы с просьбой о пожертвовании зерна, сколько из них были названы инициаторами хлебных поставок и получили за это награды⁴⁹.

⁴⁵ Walbank. Macedonia. — P. 259 — 267: Hammond N. // ABSA. — 1991. — Vol. 86. — P. 79.

⁴⁶ Justin 25, 4, 4.

⁴⁷ IG II² 651, 670. Об этом и нижеследующем см. указанное в примеч. 13 исследование Мараско.

⁴⁸ IG II² 698, 792.

⁴⁹ Этот список включает царей: Птолемея I (IG II² 682, 28 — 30), Птолемея II (Hesperia-Suppl. 17, 3, Z. 47 — 55), Лисимаха (IG II² 657, 33 — 36), Спартока с Боспора (IG II² 653), Авдолеонта из Паннии (IG II² 654), а также уполномоченных Птолемея I (IG II² 650) и Авдолеонта (IG II² 655).

По всей видимости, энергичные усилия и денежные средства граждан на долгие годы вперед были поглощены решением таких жизненно важных вопросов, как только что названный, и, кроме того, таких, как возобновление дипломатических контактов с разными державами, а также реорганизация обороны страны, которая снова стала заботой самих афинян. Есть даже основания считать, что прошлые годы, пока снова не стали справлять Великие Панафиинеи; одно празднование должно было приходиться на 286 г., однако оно не состоялось и было устроено лишь в следующий срок в 282 г. (с. 129). В подобной же связи находится, очевидно, и то, что специально в память об обретении независимости был учрежден в 284/3 г. дополнительный праздник, конкретно поэтом Филиппидом. Он был избран на тот год устроителем общественных празднеств (*agonothetes*), но не стал, как обычно, ассигновать на это деньги из государственной казны и, соответственно, возмещать необходимые расходы, но оплатил все из собственных средств и сверх того учредил в память о возвращении свободы еще одно состязание в честь Деметры и Коры⁵⁰. И уж во всяком случае, ненамного позже, между 283 и 270 гг., состязания трагиков на Великие Дионисии были дополнены новым агонем, который, однако, в отличие от агона Филиппида был задуман как постоянное нововведение⁵¹. Граждане уделили особое внимание вопросам религии и культа, как только под контролем оказались все жизненно важные проблемы. С особым, видимо, блеском отпраздновали тогда крупные праздники 282/1 г., так как в этот год был избран не один, как прежде (или как чаще всего прежде), а два агонифета, оба мужа из ведущих семейств: Федр из Сфетта, брат Каллия, многократно бывший стратегом, послом и магистратом на других высоких должностях, и Главкон, брат Хремонида. Исполнение Федром должности устроителя состязаний и жертвоприношений было отмечено декретом в его честь с восхвалениями в самых сочных выражениях⁵². В честь Главкона подобного декрета не дошло, во всяком случае, ни одного на его родине, однако он был известен далеко за пределами Аттики: как победитель на колеснице в Олимпии, как проксен Дельф, Родоса и Орхомена в Аркадии, а позже был почтен собравшимися в Платеях эллинами и царем Птолемеем III установкой его статуи в Олимпии⁵³.

⁵⁰ IG II² 657, 38 – 45. То же самое совершил двумя поколениями спустя, также в должности агонифета, Эвриклид из Кефисии по случаю повторного освобождения от македонского владычества (IG II² 834, 23 – 24).

⁵¹ В декрете в честь Филиппида (примеч. 50) он еще не упомянут, но впервые засвидетельствован в декрете в честь Каллия (Hesperia-Suppl. 17. – P. 4. LL. 92 – 94). Peppas-Delmousou D. // Akten (Praktika) des 8. Internationalen Kongresses für griechische und Lateinische Epigraphik. – 1984. – P. 65 – 67.

⁵² IG II² 682, 53 – 56.

⁵³ Свидетельства у: Habicht. Gottmenschentum. – S. 32, Anm. 20. Сюда добавился декрет эллинов в его честь: BCH. – 1975. – Vol. 99. – P. 51 – 75.

В постановлениях народа раннего III в. относительно часто речь идет о вооруженных силах. В военной подготовке эфебов сразу же вслед за обновлением демократии в 307 г. была проведена коренная реформа, состоявшая в том, что впредь освобождали от воинской повинности сыновей всех граждан, благодаря чему эфебия обрела характер корпуса добровольцев. Кроме того, с той поры эфебы больше не обязаны были служить два года подряд, но всего лишь год. Вполне возможно, что реформу породило основополагающее решение, согласно которому впредь не государство отвечало за содержание и экипировку эфебов, но они сами, по крайней мере частично. Можно, кажется, констатировать, что уже эфебы, призванные в 306 г., служили по новому распорядку: отчетливо понижающиеся цифры численности набора эфебов в последующие годы показывают, что реформу осуществляли еще до конца столетия, то есть в период демократии под патронажем царя Деметрия. В начале III в., и во всяком уж случае до начала Хремонидовой войны, исчезает и должность двенадцати софронистов, ответственных за эфебов от каждой филы⁵⁴.

В раннем III в. была продолжена не знакомая классической эпохе специализация внутри коллегии стратегов. Сферу командования, отвечавшую за оборону Аттики, поделили на территориальную стратегию — с центром в Элевсине, крепостях Панакте и Филе — и на прибрежную стратегию с опорными пунктами в Сунione и Рамнунте. Надпись в честь Эпихара недавно показала, что это деление проведено еще до начала Хремонидовой войны, поскольку прибрежная стратегия с ее начальником, то есть Эпихаром, засвидетельствована уже для первого года войны. Возможно, толчок этому нововведению дало отвоевание Элевсина Демохаром между 287 и 270 гг.⁵⁵

Рангом ниже стратегов стояло двенадцать таксиархов, каждый из которых командовал пехотинцами одной филы. В командовании конницей им соответствовали филархи, над которыми были поставлены два гиппарха, точно так же как стратеги над филархами. Военный контингент граждан, включая эфебов, подразделялся на 42 возрастных класса от 18 до 59 лет, из которых по мере надобности могло призываться под знамена большее или меньшее число. Как правило, тогда для охраны крепостей командировались отдельные *taxeis*, то есть полки фил, а другие отряжались в войско, готовое выступить в поход. От раннего III в. для короткого промежутка времени в де-

⁵⁴ *Reinmuth. Inscriptions.* — P. 101 — 102, 115, 121; *Gauthier Ph.* // *Chiron.* — 1985. — Vol. 15. — P. 151 — 161; *Habicht* // *ZPE.* — 1992. — Vol. 93. — S. 47 — 49. Софронисты зарегистрированы еще для 303/2 г., в 297/6 г. они уже исчезли.

⁵⁵ Об Эпихаре см. выше, с. 130. О разделении стратегий см.: *Habicht. Studien.* — S. 43 — 44, а также выше, с. 130. К прибрежной стратегии относился также и Афидион (*Praktika* 1990 [1994] 21 — 24, № 1).

сять лет сохранилось не менее пяти декретов в честь всех таксиархов определенного года, а именно от 281/80, 276/5 (два декрета), 275/4 и 272/1 гг. Два из них были внесены одним и тем же лицом: Леонтом, сыном Кихесия, из Айксоны, членом лидировавшей в эллинистическое время фамилии — семьи, особенно активной в вопросах, связанных с военным делом⁵⁶.

Численность конницы именно тогда, в 282/1 г., была увеличена с двухсот до трехсот человек, а избрание филархов регламентировано законом. Именно этот корпус — по особому случаю пополненный до пятисот всадников — совместно с отборными пехотинцами (*epilektoi*) в 279 г. принял участие в отражении кельтов⁵⁷. Кавалеристы несли службу на своих собственных лошадях, для приобретения которых государство выделяло им ссуду. На содержание лошади выдавались фуражные деньги, доколе она на ежегодном смотре признавалась строевой. Несмотря на эти дотации, само собой разумеется, лишь состоятельные люди могли служить в коннице, то есть примерно тот же круг лиц, которые после реформы еще могли себе позволить поступить в эфебы. От случая к случаю всадники чествовали своих офицеров — гиппархов и филархов — почетными декретами, например, в 281/80, 187/6 (по предложению Кихесия из только что названной семьи в Айксione) и около 160 г.⁵⁸. После того как милостью царя Селевка был возвращен остров Лемнос, туда направили гиппарха; одним из прежних был там Комей, кого все граждане единодушно наградили в 279/8 г. в знак признания его заслуг при исполнении должности⁵⁹.

Представленные здесь свидетельства позволяют признать, что в годы вслед за 287-м город решительно занялся укреплением собственной оборонной мощи. С этим хорошо согласуется тот факт, что постановления народа этого времени, вплоть до декрета Хремониды, носят сильный националистический оттенок. После провалившегося со столь крупными потерями нападения на македонский гарнизон в крепости Мунихии (с. 126) отвоевание Пирея и укреплений⁶⁰, то есть воссоединение города с гаванью⁶¹, сделалось главной целью полити-

⁵⁶ ISE 15; IG II² 685; Agora I 7485, 20; Hesperia 2, 1933, 156, № 5; ISE 18. О семье Леонта и Кихесия см.: Habicht Ch. Studien. — S. 194 — 197; новые свидетельства еще не опубликованы.

⁵⁷ См. выше, с. 134. О пополнении конницы: ISE 16. Об *epilektoi*: P. Roussel, RA 1941, II 220 — 222; Tritle L. // Ancient History Bulletin. — 1989. — Vol. 3. — P. 54 — 49. Об афинской коннице этого времени см. прежде всего: Kroll J. // Hesperia. — 1977. — Vol. 46. — P. 83 — 144; Bugh. Horsemen. — P. 184 — 206.

⁵⁸ Декрет 281/80 г.: ISE 16; 187/6 г.: AM 76, 1961, 127, № 1; ок. 160 г.: AD 18, 1963, 107.

⁵⁹ IG II² 672, и во втором исполнении: Hesperia. — 1941. — Vol. 10. — P. 338.

⁶⁰ IG II² 657, 35 — 36, конец лета 283 г.

⁶¹ ISE 14, 28 — 30, зима 282/1 г.

ки. В эти годы по меньшей мере четыре энергичных политика приобрели те высшие почести, какие вообще раздавали граждане — установку статуи и право пожизненного ующения на общественный счет, которое переходило к старшему отпрыску в мужском колене. После своей смерти эти почести получили: Демосфен в 280/79 г. по предложению своего племянника Демохара, сам Демохар в 271/70 г. по предложению своего сына Лахеса, еще при жизни поэт Филиппид осенью 283 г. и Каллий из Сфетта зимой 270/69 г.⁶² Коль скоро Демосфен в свое время был отправлен согражданами в изгнание и, убегая от сыщиков Антипатра, лишил себя жизни, его реабилитация и чествование совпали с объявлением войны Македонии.

Для всех четырех постановлений общим является высказывание, что чествуемые прославляются как передовые борцы за демократию и как жертвы олигархии. После устранения демократии они должны были уйти в изгнание, а их имущество было конфисковано. Адресованное Совету (и затем возведенное в ранг декрета) предложение о Демохаре заявляет даже, что он единственный политик его возраста, который не приложил руки ни к одному делу, направленному против демократии! По оценкам этого времени, демократия не только с 322 по 318 г., но и при Деметрии Фалерском в 317 — 307 гг., и во время второго правления царя Деметрия в 295 — 287 гг. была приостановлена. Более того, Филиппид обвинял в крушении демократии и Стратокла, чья политика отправила его в 304 или 303 г. в ссылку⁶³. Конечно, всегда было вопросом толкования, что, по мнению такого-то, можно считать демократией и что нельзя, но тем не менее стало обычным делом, что даже в то время, когда гражданские права были скованы цензом, и потому число граждан уменьшилось, правящие круги выдавали себя за представителей демократии. Отсюда их противники — «подлинные», или радикальные, демократы — порой вставляя одно лишь слово, давали понять, что единственно было в их глазах демократией — «демократия из всех афинян»⁶⁴.

Часто высказывалось предположение, что даже философ Эпикур дал себя увлечь господствовавшим тогда националистическим и враждебным Македонии настроением, хотя он и учил, что мудрец должен воздерживаться от политики и государственных дел. Поэтому считали возможным признать, что в одном письме 283/2 г. он, мол, желал гибели «проклятым македонцам». Кто-то был шокирован

⁶² [Plutarch], *mor.* 850 F — 851 C (Демосфен; ср.: POxy 1800, fr. 3, col. 2, 29 — 39); 851 D — F (Демохар); IG II² 657 (Филиппид); *Hesperia-Suppl.* 17, 1 ff. (Каллий). Ср. об этом: *Habicht. Studien* 124 — 127; *Gauthier, Cités* 79 — 89.

⁶³ Филиппид: PCG VIII 347, F 25: ταῦτα καταλύει δῆμον, οὐ κομῶδία.

⁶⁴ В декрете в честь Каллия (примеч. 62) в строках 81 — 83 читаем: «Никогда не совершал он ничего супротив законов или состоящей из всех граждан демократии». О других соответствующих свидетельствах см.: *Habicht. Untersuchungen.* — S. 28, Anm. 48.

этим невероятно притворным политическим демаршем, а кто-то пояснял, что принципиальный отказ от политической деятельности не означал «самоустранения», «бегства» от реальностей повседневной жизни⁶⁵. Однако при ревизии этого фрагментарно сохранившегося и с трудом разбираемого папирусного текста выяснилось, что ни Эпикур не может твердо считаться автором письма, ни его текст не содержит подобного высказывания⁶⁶.

Скудость материала не позволяет нарисовать ясную картину того времени — кто вообще принадлежал тогда к ведущим политикам Афин, — не говоря уже о том, чтобы создать себе хоть примерное представление об этих личностях. Вплоть до своей смерти к ним в любом случае относились Олимпиодор, борец за свободу 287 г., и Демохар, как только он вернулся из изгнания. Ведущие роли играли, кроме того, братья Федр и Каллий из Сфетта — в то время, когда последний не состоял на птолемеевской службе, — а также братья Хремонид и Главкон из Эталид⁶⁷. Далее следует назвать Каллиппа из Элевсина, командира афинского отряда при обороне Дельфиды и, накануне Хремонидовой войны, посланника в аркадский Орхомен, в конце концов делегированного в Совет союзных сил в этой войне, равно как и его коллегу по посольству Аристиды из Ламптр⁶⁸. Те лица, кроме уже названных, которые внесли важные предложения в Народное собрание⁶⁹, направлялись послами ко двору царей либо в иностранные государства⁷⁰ или же исполняли в Афинах такую столь же дорогостоящую, сколь и престижную должность, как агонифесия⁷¹, могут, без сомнения, быть причислены к кругу ведущих личностей этого времени.

⁶⁵ Из последних: *Steckel H.* // *Epikuros*, RE. — Suppl. 11. — Sp. 196 с прочей литературой.

⁶⁶ *Dorandi T.* // *CronEg.* — 1982. — Vol. 12. — P. 99 (Text), 112, not. 94 (Kommentar).

⁶⁷ См. выше, с. 137 о Главконе и ниже, с. 143 о Хремониде. Уже отец обоих, Этеокл, был награжден общественной статуей (IG II² 3845).

⁶⁸ *Habicht Ch.* // *Chiron.* — 1976. — Vol. 6. — S. 7 — 10.

⁶⁹ Эвхар из Контилы, которому в конце IV в. было поручено записать пересмотренный кодекс законов (IG II² 487), внес в 270/69 г. предложение по декрету в честь Каллия, Эпихарм из Колон — по двум декретам 286/5 и 276/5 гг., Эвбул из Мелиты — по двум другим от 271/70 г.; Леонт из Айксоны уже был назван выше, на с. 139. Другие инициаторы декретов благодаря своей принадлежности к фамилиям триерархов позднего IV в. также оказываются входящими в круг элиты, например, Никерат из Кефалы (*Davies*, APF 14239), Фитий из Торика (*Davies*, APF 9667, P. 367) и Агиррий из Коллита (*Davies*, APF 8157, P. 279).

⁷⁰ Кроме Демохара, Федра, Каллия, Каллиппа, Главкона, Аристиды, к примеру, гипсарх Комей из Ламптр, посол к Селевку I в 281/80 г. (примеч. 59).

⁷¹ Кроме Филиппида, Главкона, Федра и его сына Тимохара, к примеру, Фрасикл из Декелеи (*Davies*, APF 7341), Дейний из Эрхия (*Davies*, APF 3163, где пропущено свидетельство об агонифесии 266/5 г., *Hesperia* 37, 1968, 284, № 21) и Феофан из Эвонима в 270/69 г. (IG II² 3081 — 3082, 3851).

Более, чем политики, известны некоторые выдающиеся представители духовной и литературной жизни — как афинские граждане, так и жившие в Афинах иноземцы, — которые скончались в это время. Еще при правлении царя Деметрия в 292/1 г. погиб Менандр, утонувший якобы купаясь в море. Незадолго до или вскоре после освобождения города в 288/7 или 287/6 г. умер Феофраст, преемник Аристотеля на посту главы основанной тем школы, десятилетием позже ближайший соратник Эпикура Метродор, затем в 276/5 г. академик Крантор, в 271/70 г. Эпикур и, вероятно, также Стратон, руководитель Перипатоса, наконец, в 270/69 г. глава Академии Полемон. Во время Хремонидовой войны скончался академик Кратес, год спустя Зенон, основатель Стои⁷².

В течение этого времени и отчасти за десятилетие с 270 по 260 г., которое почти целиком падает на Хремонидову войну, наука претерпела поворот в направлении философствования, прошедший по разным школам⁷³. Констатировалось, что занятия естественными науками отошли далеко на задний план, а диалектике едва ли еще учили; теория познания, крайне скептически его оценивающая, напротив, стала одной из основных проблем философствования. Утверждалось, что наряду с этим главным образом развивалась этика: ею занимались как помощницей в практической жизни. Далее все чаще стали обращаться к авторитету основоположников, особенно в «Саду» Эпикура и в Стое Зенона. Отказ от умозрительного и эмпирического метода привел тогда философию в состояние кризиса, поскольку философами была утрачена наивная вера в прогресс, какую, примерно, имел Аристотель в свои юношеские годы.

В годы войны в числе других литераторов скончался комедиограф Филемон⁷⁴, после ее окончания — Филохор, выдающийся локальный историк Афин, приговоренный царем Антигоном к смерти. Неизвестно, насколько пережил конечный пункт своего труда — 265/4 г. Тимей из Тавромения, творивший в Афинах историк западного эллинизма⁷⁵. Но, во всяком случае, это время проделало столь огромную брешь в рядах ведущих афинских интеллектуалов, что, видимо, следует признать справедливым утверждение о том, что поражение Афин в войне совпадает с концом культурной эпохи⁷⁶. С Филохором заканчивается локальная историография, да и политическая историография Афин вообще⁷⁷.

⁷² Для дат смерти Крантора и Полемона, единственно проблематичных, см.: Dorandi, *Academia* 56 — 58; для всех остальных см.: idem, *Ricerche*.

⁷³ Нижеследующее излагается по: *Steinmetz P. Die Krise der Philosophie in der Zeit des Hochhellenismus // Antike und Abendland. — 1969. — Vol. 15. — S. 122 — 134.*

⁷⁴ PCG VII 222, T 6.

⁷⁵ О Филохоре и Тимее см. выше, с. 117 сл.

⁷⁶ *Walbank. Macedonia. — P. 287: «Военное поражение Афин совпадает, таким образом, с концом культурной эры».*

⁷⁷ *Jacoby F. // Athis. — 1949. — P. 108 — 111. Автор, между прочим, говорит там: «как ученый Филохор нашел последователей, но как историк нет».*

3. Хремонидова война⁷⁸

Спустя четыре года, после того как афиняне попытались наладить связь с Пирром, противником македонского царя (с. 136), они выступили на стороне мощных союзников в войне против царя Антигона, которая уже в древности была названа Хремонидовой войной, из-за того что афинянин Хремонид из дема Эталиды внес предложение по дошедшему до нас декрету о союзе со Спартой, который непосредственно привел к развязыванию враждебных действий. Если однозначно, что нападению подвергся Антигон, то не так ясно, кто среди союзников был главным подстрекателем к войне. В расчет могут приниматься лишь три самые могучие державы: Египет под властью царя Птолемея II Филадельфа, Спарта со своим царем Ареем I, который еще в 272 г. в союзе с Антигоном боролся против Пирра, и Афины. Из декрета Хремониды ясно, что как Спарта так и Афины, прежде чем заключить союз друг с другом, уже состояли в союзе с Птолемеем, что могло бы выставить последнего как истинного начинщика. Но вместе с тем поразительным образом подчеркивается, что царь в своем стремлении освободить греческие государства (от власти Македонии) действовал якобы в соответствии с желанием своей сестры и супруги Арсинои II. Тональность текста явно выходит за рамки просто посмертного выказывания уважения, и само это высказывание недавно приобрело гораздо больше веса, когда было выяснено, что Арсиноя скончалась не в 270, но 1 или 2 июля 268 г., то есть менее чем за два месяца до этого декрета⁷⁹. Поэтому она, вероятнее всего, могла еще до объявления войны оказывать влияние на царя.

Что касается мотивов царской четы, то можно предположить, что в Египте с опаской взирали на усиление Македонии после гибели Пирра и не в последнюю очередь — на интенсивное строительство флота. В Деметриаде, Пирее и Коринфе Антигон контролировал

⁷⁸ Весьма представительно теперь исследование: *Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jh. v. Chr.* — Wiesbaden, 1972. — S. 95 — 213. Далее см.: *Will. Histoire.* — Vol. 1. — P. 219 — 233; *Walbank. Macedonia.* — P. 276 — 289. Вместе с этими учеными я предполагаю, что афинский архонт Пейтидем, годом которого датирован декрет Хремониды, приходится на 268/7 г. (для хронологии ничего не решает IG II² 1534, 145, поскольку там, как показала: *Aleshire. Asklepieion.* — P. 293 — 298, речь идет не об архонте), и что царь Арей пал в течение 265/4 г. Напротив, как мне кажется, Т. Доранди доказал, что архонт Антипатр, в год которого Афины капитулировали, исполнял должность в 263/2, а не в 262/1 г., как я предполагал вместе с Хайненом и др. (*Dorandi. Ricerche.* — P. 23 — 28).

⁷⁹ *Grzybek E. Du calendrier macédonien au calendrier ptolémaïque.* — Basel, 1990. — P. 103 — 112. О роли Арсинои в предыстории войны см.: *Hauben H. // Studia Hellenistica.* — 1983. — Vol. 27. — P. 114 — 119.

сильные опорные пункты и прекрасные гавани, а также гарнизон в Акрокоринфе и к тому же сухопутный маршрут через Истм. В многочисленных городах Пелопоннеса правили поддерживаемые Антигоном тираны, которые не только стояли на пути экспансионистского натиска спартанского царя Арея, но и продлевали жизнь давно ставшей анахронизмом и ненавидимой греческим обществом формы правления. Наконец, Афины вот уже двадцать лет стремились обрести полный суверенитет своей территории, в первую очередь Пирея, но и некоторых укреплений страны тоже. При вооруженной поддержке обоих царей надеялись они наконец достичь этой цели. Моя прежняя гипотеза о том, что Афины были толкавшей к войне силой, а потому война в первую очередь стала «войной Афин», слишком рискованна. Однако опровергается она вовсе не тем, что Спарта уже до заключения соглашения с Афинами пошла на союз с царем Птолемеем, ибо то же самое сделали и Афины.

Отсюда представляется, что цели союзников в существенных пунктах различались, но достичь их всех можно было лишь ценой заметного ослабления Македонии, и антимакедонский альянс был тем общим знаменателем, который сводил и сплачивал партнеров. Осада Эретрии на Эвбее Антигоном могла послужить, как предполагалось⁸⁰, решающим моментом для заключения союза Афин со Спартой. Следующими выступили на стороне обоих как союзники одни только пелопоннесские государства: Элида, далее полдьюжины городов, входивших в основанный заново в 280 г. Ахейский союз, а также аркадские полисы Мантиней, Орхомен, Фигалия и Кафии и, наконец, некоторые союзные со Спартой общины. Само по себе вероятно, что афинские дипломаты приняли участие в том, чтобы получить некоторые города для коалиции (подобно Демосфену и другим в 323 г.), и это делает почти непреложным фактом приходящееся на эти годы чествование трех влиятельных афинских политиков аркадским Орхоменом⁸¹. Ими были Главкон, брат Хремонида, Аристид из Ламптр, бывший в 290/89 г. стратегом города и известный не только в этом качестве, а также Каллипп из Элевсина, тот самый, кто в 279 г. командовал афинским контингентом в борьбе с кельтами. Каллипп и, вероятно, Главкон к началу войны оба были избраны афинскими представителями в общий военный Совет союзников.

Предложение Хремонида⁸², чтобы за уже заключенным с Птолемеем соглашением последовал союз со Спартой, было принято народом летом 268 г., на 41-й день начавшегося в начале июля аттического года. В конце декрета был дословно воспроизведен текст союзного

⁸⁰ Knoepfeler D. // BCH. — 1993. — Vol. 117. — P. 339 — 341.

⁸¹ ISE 53. Habicht Ch. // Chiron. — 1976. — Vol. 6. — S. 7 — 10.

⁸² IG II² 686 — 687, теперь: StV 476; Heinen. Op. cit. — S. 117 — 142.

договора. Как цель этого альянса приводится намерение совместно с царем Птолемеем добиться всеобщей свободы греков. Стоящий у нее на пути противник по имени не назван. Напоминается о сораотничестве афинян и пелопоннесцев во время Греко-Персидских войн, которое также было подчинено идее свободной Греции. Македонский царь был «титолован», таким образом, новым Ксерксом.

Военные действия начались еще в год Пейтидема, как сообщает опубликованный в 1967 г. декрет аттического дема Рамнунт в честь стратега Эпихара⁸³. В то же время он дополняет крайне скудные заметки поздних авторов о ходе войны важной и синхронной информацией. Так, отсюда мы узнаем, что македонского царя поддерживали пираты (как это было известно и для прежних войн), но прежде всего то, что в Аттике с войском высадился птолемеевский стратег Патрокл и попытался оказать афинянам помощь, очевидно, более существенную, чем это предполагалось на основании литературных известий. Однако то же самое практически одновременно выяснилось и в ходе археологических изысканий на полуострове Корони на востоке Аттики (между Рамнунтом на севере и Сунионом на юге).

В Корони американские археологи натолкнулись на остатки сильно укрепленного лагеря, который был наспех сооружен прибывшей из-за моря армией, ожидавшей нападения с напольной стороны, однако, по показанию находок, его удерживали недолго. Из многих десятков найденных там монет три четверти, а именно 24 штуки, были отчеканены Птолемеем II, из них самый поздний экземпляр был выпущен либо в 267/6, либо в 265/4 г. Все признаки указывают на то, что этот лагерь был построен во время Хремонидовой войны вооруженными силами Патрокла. Лишь керамические находки известного времени доставляли трудности, так как их даты опережали эту войну примерно на двадцать лет. Но именно это обстоятельство дало повод для пересмотра традиционной хронологической шкалы и привело к тому, что археологам пришлось модифицировать абсолютную хронологию эллинистической керамики Афин и понизить даты найденных в Корони типов⁸⁴. Присутствие птолемеевских

⁸³ *Petrakos B.C.* // AD. — 1967. — Vol. 22. — P. 38 — 52; улучшенное издание: *Heinen.* Op. cit. — S. 152 — 154. Новый фрагмент: *Praktika.* — 1985 (1990). — Vol. 9. — P. 13 — 14. Об этом см.: *Knoepfler D.* // BCH. — 1991. — Vol. 117. — P. 327 — 341. Эпихар был в год Пейтидема стратегом прибрежной области и в ходе войны оборонял ее и крепость Рамнунт (строки 5 — 7). Недавно найденные в Рамнунте каменные ядра свидетельствуют о штурме или осаде укрепления македонской армией (*Petrakos* // *Ergon.* — 1992. — Vol. 39. — P. 5). О состоянии войны для следующего, 267/6 г. (архонт Менека) свидетельствует: IG II² 665, 8; ср. также декрет: *Hesperia.* — 1990. — Vol. 59. — P. 545. Рамнунт оставался в руках афинян еще в последний год войны, 263/2 г. (IG II² 1217).

⁸⁴ *Vanderpool E., McCredie J.M., Steinberg A.* // *Hesperia.* — 1962. — Vol. 31. — P. 26 — 61; 1964. — Vol. 33. — P. 69 — 75; *McCredie* // *Hesperia.* — 1966. — Suppl. 11.

отрядов в Корони в ходе войны может считаться надежно установленным. Но и в других местах Аттики обнаружили от тех же лет следы птолемеевских солдат, например, в Вулиагмени на западном побережье Аттики на полпути из Пирея в Сунии, в Рамнунте, а также в поразительной близости от города — в Гелиополе. Военное соработничество Афин и царских войск проявилось и в одной серии афинских монет достоинством в 5 оболов, чеканившихся во время войны как минимум на протяжении трех лет, поскольку они были подогнаны под птолемеевскую стопу и заимствовали птолемеевские типы⁸⁵.

Если птолемеевская армия и стала действовать активнее, а Патрокл подошел к городу, который намеревался защищать, ближе, чем считалось ранее, он все равно не смог его спасти. Он был окружен вооруженными силами царя Антигона, по всей видимости, тотчас после начала войны. Патрокл сознавал, что выбраться из котла было ему не по силам; его стратегический план предусматривал нападение спартанцев на неприятеля с фронта, вероятно, при том условии, что они подойдут со стороны суши через Элевсин, тогда как сам он собирался тогда ударить по македонцам с тыла. Судьба Афин была предreshена, когда подобная комбинированная операция не смогла осуществиться, так как спартанский царь Арей, многократно выступавший против Аттики, предположительно, вообще не достиг ее, поскольку ему был прегражден путь либо уже перед Истмом, либо перед входом в Триасийскую долину. После его последнего выступления в 265/4 г. состоялось сражение при Коринфе, в котором он был разбит Антигоном и сам остался лежать убитым на поле боя⁸⁶.

После этого Афины, при дальнейшей поддержке со стороны Птолемея и без оной, продержались еще долгое время, чему, возможно, способствовало нападение Пиррова сына Александра на Ма-

---

Их результаты были в некоторых пунктах модифицированы: *Lauter-Bufe. H. Marburger Winckelmannsprogramm. — 1988. — S. 67 — 102.* О работах, приведших к пересмотренной хронологии аттической керамики этого времени, сообщают: *S. Rotroff // Thompson H. A., Thompson D. B. Hellenistic Pottery and Terracottas / Ed. by S. Rotroff. — Princeton, 1987. — P. 4 — 6., 183 — 184.*

⁸⁵ *McCredie // Hesperia. — 1966. — Suppl. 11. — P. 30 — 32 (Vuliagmeni); Varoucha E. // AE. — 1953 — 1954, III. — 1961. — P. 321 — 349.* Все важные места отмечены на карте у: *Walbank. Macedonia. — P. 281.* Монеты Птолемея II обнаружены и в Рамнунте (*Ergon. — 1992. — Vol. 39. — P. 5*). О пятиоболовой чеканке Афин см.: *Kroll, Coins. P. 11.*

⁸⁶ *Heinen. Op. cit. — S. 197 — 202.* Гипотезу Ч.Б. Уэллса (*Klio 52, 1970, 477 — 490*) о том, что селевкидский царь Антиох I выслал в поддержку Антигону галльских наемников, выведенную на основании одной эпитафмы из Мароней (*ISE 115*), не должны были повторять Виль (*Histoire 227*) и Уолбенк (*Macedonia 280, 282, not. 1*), так как в эпитафме, как давно установлено (*ISE, ibid.*), речь идет не о спартанском царе Арее, а о боге войны Аресе, а сам ее текст значительно позже Хремонидовой войны.

кедонию, которое отозвало царя Антигона для ее обороны и, кажется, даже привело к перемирию. Когда Антигон с победой возвратился назад, положение Афин стало критическим. Царь разрушил святилище Посейдона Гишпия, располагавшееся за пределами стен, близ Академии. Это был культовый центр афинских всадников, и, наверное, можно не сомневаться, что их отряд, как бы ни был малочислен, нанес осаждавшим ощутимый урон⁸⁷. В конце концов город был вынужден капитулировать в год архонта Антипатра (263/2), видимо, ближе к его концу. Освободить Пирей и попавшие в начале войны в руки македонян крепости не удалось; один царский гарнизон, как и в 295 г., снова вошел в город, другие — в прочие укрепления, такие как Рамнунт. Бразды правления Антигон вложил в руки одного-единственного афинского гражданина, как 25 лет назад Кассандр поступил с Деметрием Фалерским. Им был не кто иной, как одноименный племянник правителя 317 — 307 гг.⁸⁸

Абсолютно неясно, оказали ли операции на море — о которых почти ничего не известно, кроме обильных свидетельств деятельности Патрокла в районе островов⁸⁹, — какое-нибудь заметное влияние на ход и исход войны, особенно, приходится ли победа Антигонова флота над Птолемеем при Косе на конец Хремонидовой войны или уже на 255 г.⁹⁰

Пока в науке господствовало предположение, что Афины в начале войны находились под властью царя Антигона, в присоединении города к нацеленной против него коалиции было оправдано видеть мятежный акт⁹¹. Но ведь уже с давних пор стало ясно, что Афинское государство, даже если и не обладало контролем над всеми частями Аттики, было с 287 г. свободным и хозяином своих решений, поэтому

⁸⁷ Pausanias 1, 30, 4. Siewert P. Poseidon Hippios am Kolonos und die athenischen Hippeis // Hellenic Studies presented to B. M. W. Knox. — Berlin, 1979. — S. 280 — 289.

⁸⁸ Источники сведены и разобраны в StV 477. Далее см.: Habicht, Studien. — S. 13 — 20.

⁸⁹ Launey M. // REA. — 1945. — Vol. 47. — P. 33 — 45. К названным им источникам добавились надпись Эпихара из Рамнунта (примеч. 83), итоги раскопок в Корони, Вулиагмени и Гелиополе, а также посвящение Патрокла на Самосе (Chiron. — 1990. — Vol. 20. — P. 67 — 68, № 2). В честь Патрокла островок Гаидарониси напротив Суниона был назван «островом Патрокла» (Pausanias 1, 1, 1). Он, без сомнения, был одним из его опорных пунктов. Аналогичным образом группа небольших островов в Сароническом заливе была названа «островками Пелопса», по Пелопсу, который в те же годы, что и Патрокла, был птолемеевским офицером в высоком звании, по национальности македонянин (Pausanias 2, 34, 9).

⁹⁰ См.: Buraselis K. Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. — 1982. — S. 146 — 151, где приведена обширная литература, а также: Reger G. // AJAH 10, 1985 (1993). — Vol. 10. — P. 155 — 171.

⁹¹ Ferguson // HA. P. 137, 187.

несколько необдуманно называть Хремонидову войну «греческим восстанием под руководством Афин и Спарты»⁹². Все участвовавшие в ней греческие государства при вступлении в войну были независимы от Македонии. Они боролись не за собственную свободу, а за свободу всех греков, находившихся под македонским владычеством. То, что они этой войной одновременно преследовали и свои собственные цели, не вступает с этим в противоречие. Но о каком-то мятеже или восстании не может быть и речи.

Не особенно велико число афинских документов, сохранившихся от военных лет. До начала войны или в один из военных годов должна была быть воздвигнута на Акрополе статуя Хремонида, которая могла быть посвящена там только по соответствующему распоряжению экклесии⁹³. Кроме декрета дема Рамнунт в честь Эпихара войну упоминают еще два постановления Народного собрания. Первое, от осени 266 г., это декрет в честь эфеев выпуска предыдущего года и их воспитателей. В нем говорится, что молодые люди, «когда война охватила город», дисциплинированно исполнили все свои обязанности, среди них караульную службу и все, что приказывал им стратег для защиты Мусейона⁹⁴. Второй декрет от зимы 266/5 г. награждает метека Стромбиха, находившегося одно время на службе у царя Деметрия и прикомандированного им к царскому гарнизону в городе. Однако весной 287 г., в момент возмущения города, вняв призыву перейти на сторону афинян, он принял участие в штурме Мусейона под началом Олимпиодора. Теперь в Хремонидовой войне он снова активно сражался на стороне граждан, за что на сей раз награждается гражданскими правами⁹⁵.

Расквартированное в Элевсине гражданское ополчение, а не Народное собрание Афин, издает другой почетный декрет, позволяющий заключить, что это укрепление в 267/6 г. еще удерживал афинский гарнизон⁹⁶. Нельзя сказать, была ли тогда возможность напрямую связаться из Элевсина с Афинами или же окружавшая Элевсин государственная территория давно уже контролировалась македонцами. Два постановления экклесии, изданные в первый период войны, указывают лишь на их появление в необычной ситуации. Первый декрет, от 266/5 г., содержит упоминание о дежурных жертвоприношениях, совершенных эпонимным архонтом во здравие Совета и на-

⁹² Walbank. Macedonia. — P. 280. О «*ribellione*» говорит и Momigliano A. Terzo Contributo alla Storia degli Studi Classici e del Mondo Antico. — Roma, 1966. — P. 31.

⁹³ ISE 21.

⁹⁴ IG II² 665, 8 — 13. Тому же корпусу эфеев и его космету Амейнию принадлежат почести со стороны Совета, IG II² 3210, если Алешир (Asklepion, 79) правильно идентифицировала архонта Никия с архонтом этого года.

⁹⁵ IG II² 666, 667.

⁹⁶ IG II² 1272.

рода, вслед за чем сделана необычная приписка о том, что жертвы принесены и за безопасность урожая на хоре, которому угрожало топявшее землю Аттики вражеское войско⁹⁷. Несколько раньше, в марте — апреле 266 г., был издан другой декрет в честь двух служителей культа (внесен в Совет братом одного из них, который в один из годов исполнял должность булевта); в нем к совершенно адекватной формуле о жертвоприношениях за спасение Совета и народа добавлены слова: «и всех прочих, кто благорасположен и дружелюбен народу», под которыми следует понимать прежде всего союзников⁹⁸. Не содержит какого-либо намека на военное время список магистратов — правда, фрагментарно сохранившийся — 266/5 г., который все же позволяет заключить, что летом 266 г. праздник Великих Панафиней состоялся⁹⁹. И даже изданный в первый месяц последнего года войны декрет частной ассоциации почитателей бога Аммона читается так, будто он был составлен во времена тишайшего мира¹⁰⁰. Страна была объята войной, но — как обычно в античности — еще далеко было от тотального характера современной войны.

⁹⁷ IG II² 668, 8 — 10. В соответствии с этим одной из основных задач Эпихара в 268/7 г. стало обеспечение безопасности крестьян подчиненной ему области в ходе сбора урожая (надпись в примеч. 83, стк. 10 — 12). В аналогичной ситуации и Каллий в 287 г. обдумывал, как прежде всего спасти урожай от набега врагов (с. 98). Две еще не изданные надписи из Рамнунта также говорят об усилиях назначенных туда стратегов позаботиться о доставке в условиях войны продуктов сельского хозяйства; они относятся ко времени «четырёхлетней войны» 307 — 303 гг. до н. э., соответственно, к годам войны Антигона Гоната с его племянником Александром Коринфским (см. ниже, с. 161, примеч. 44).

⁹⁸ IG II² 661, 17 — 19. Та же формула и в IG II² 690, 1 — 3, датированной Кирхнером примерно тем же временем («са. 262/1»).

⁹⁹ *Hesperia* 37, 1968, 284, № 21.

¹⁰⁰ IG II² 1282.

VI. Повторная утрата независимости (262 — 229 гг.)

1. Под властью царского эмиссара

Вследствие поражения в войне против Македонии Афины повторно утратили свою свободу и город снова подпал под владычество македонского царя. Им был Антигон, сын царя Деметрия, свергнувшего в 307 г. правителя Деметрия Фалерского. После его поражения при Ипсе в 301 г. Афины вновь от него отложились, пока Деметрий в 295 г. опять не подчинил город, а в 287 г. в итоге восстания снова не утратил над ним власть. Естественно, Антигон, зная всю эту предысторию, задумался над тем, как утвердить свою власть в Аттике надолго и стабильно. Гарнизон, поставленный в свое время его отцом в Пирее, сохранил верность его сыну и тогда, когда отец попал в плен. Таким образом, гавань с 285 г. превратилась в один из постоянных опорных пунктов Антигона. Напротив, укрепления страны, по крайней мере Элевсин и Рамнунт, возможно и другие — поскольку они снова перешли в руки афинян и оставались у них до конца войны, — в 262 г. опять получили от царя гарнизоны и военачальников. Царский гарнизон снова вступил в город, как и прежде разместившись на господствующем холме Мусейона. Обеспечить военный контроль над Аттикой после победы удалось относительно легко¹.

Тем не менее царь должен был добиться и политического контроля над городом и страной. Этого он в любом случае достиг — ведь на протяжении жизни более чем поколения, до 229 г., акты афинской еkkлeсии и Совета, а также документы внегосударственных корпораций полны заверений в преданности царю и его дому. Перед каждым заседанием Народного собрания пританы, то есть дежурная коллегия Совета, приносили жертвы богам за здоровье Совета, народа, царя, царицы и чад оных². Декреты в честь назначенных царем

---

¹ В дальнейшем см.: *Habicht Ch. Studien.* — S. 13 — 20: Die Stadt unter dem Siegetrecht, где подробнее освещены многие моменты и разобрана научная литература.

² Многочисленные свидетельства собраны у: *Dow S. // Hesperia.* — 1937. — Suppl. 1. — P. 48 — 50; дополнения к этому даны в кн. *Habicht Ch. Studien.* —

или поставленных под его надзор стратегов прославляют их верность правящему дому³. Из этих и других признаков с очевидностью вытекает, что царю удалось добиться решающего влияния на афинскую политику.

Однако имеется лишь одно краткое и не во всем однозначное сведение о том, как он это осуществил на деле. Оно содержится в составленной более века спустя Хронике Аполлодора (с. 120 – 122), которую к тому же цитирует Филодем, творивший во времена Цезаря и Цицерона. При этом однозначно показание, что при Антипатре, исполнявшем должность непосредственно перед архонтом Арренией-дом, город утратил свободу и в Мусейоне был размещен гарнизон. Затем говорится, что должности были [упразднены] и «все было подчинено воле одного мужа»⁴. Однако вопреки этому из документов последующих лет однозначно выясняется, что все наиболее значительные магистратуры оставались в действии: их функционирование засвидетельствовано в середине следующего за капитуляцией года декретом Народного собрания в честь незадолго до того скончавшегося философа Зенона⁵. Отсюда кажется, что правильное дополнение решающего места еще не найдено; возможно, речь там шла не об упразднении должностей, но лишь о том, что их прерогативы были ограничены каким-то способом, который все отдавал на усмотрение одного человека. Это понимали в том смысле, что он мог давать подлежащие к исполнению указания и своим вето отменять административные решения должностных лиц.

Но это и означало не что иное, как то, что царь наделил единственным лицом полномочиями верховного надзора за политикой Афин, точно так же как и Кассандр в свое время уполномочил Деметрия Фалерского управлять городом и как царь Деметрий вручил историку Гиерониму бразды правления Беотией. Тем самым у Аполлодора речь идет о царском эмиссаре, однако в сокращенной выдержке Филодема не указано ни его имени, ни титула. Он исполнял свою миссию, по всей вероятности, лишь до середины 50-х годов, так как в 255 г., по свидетельству Хроники Евсевия, царь «даровал афинянам

S. 148, Anm. 137. Большинство этих упоминаний было выскоблено на стелах в 200 г. (с. 196), но очень большое число камней, оставшихся незамеченными, сохранилось. К ним относится и недавно опубликованный декрет 246/5 г.: Hesperiā. – 1983. – Vol. 52. – P. 52, LL 19 – 25.

³ IG II² 677, 1225, 1299; ISE 25.

⁴ Текст: *Apollodor* // FGrHist. – P. 244, F 44. Цитировано и прокомментировано: *Habicht Ch. Studien* 15 – 20. Тот же текст со слегка модифицированными дополнениями Чирилло и М. Джиганте см. теперь: *Dorandi T. // ZPE.* – 1990. – Vol. 84. – P. 130. Важно предложение Джиганте читать в конце не *πάν ἐν[ί] βουλεύειν? ἐφείσθαι*, а скорее *πάν ἐν[ί] βουλεύ[ματι] τελέεισθαι*.

⁵ *Diog. Laert.* 7, 10 – 12; об этом см.: *Habicht Chr. Bathron // Festschrift H. Dreyer*, Saarbrücken, 1988. S. 173 – 175.

свободу»⁶. С этим, несомненно, связано и то, что он спустя какое-то время после окончания войны вывел гарнизон из города⁷. Возврат «свободы» и вывод из города гарнизона не означали, однако, что афиняне снова стали такими же свободными, какими они были до поражения, — попросту владычество царя более не проявлялось в городе открыто. В Пирее и в крепостях страны продолжали стоять военачальники и войска царя, и один лишь этот факт скрывал за собой то, что город не мог проводить политику, идущую вразрез с царскими интересами. Он мог, конечно, обрести тогда известную свободу в сношениях с иностранными державами, однако за все семь лет правления в Афинах царского эмиссара не улавливается ни малейшего намека на такие контакты.

В науке господствует мнение, что царем в эти годы назначались и архонты⁸. На это не имеется никаких указаний, и, кроме того, едва ли был резон заниматься ему таким делом, если в любом случае компетенция архонтов, как и любых иных магистратов, наткнулась на барьер полномочий царского эмиссара. Далее, распространено мнение, что с 255 г. и до той поры, пока город вообще оставался в зависимости от Македонии, то есть до 229 г., царь якобы влиял на назначение городских стратегов каким-то особым способом, который значительно ущемлял избирательное право народа⁹. Это мнение основано на одном — признанном теперь ошибочным — дополнении Ад. Вильгельма в позднем декрете элевсинского гарнизона в честь стратега Деметрия — почему в новейших работах от этого мнения отказались¹⁰. Скорее уж следует предположить, что царь оказывал влияние на выбор стратегов лишь в те годы, когда город сохранял статус оккупированного и Афинами правил эмиссар. Один подобный случай зарегистрирован¹¹.

С заметкой Аполлодора о внедрении царского эмиссара можно связать историю, поведанную Гегесандром, писавшим спустя добрых сто лет после описываемых здесь событий¹². Он сообщает, что Деметрий Фалерский, внук одноименного правителя, из-за своего расточительного и считавшегося вызывающим образа жизни был вызван в Ареопаг — коллегия экс-архонтов, действовавшую как полиция нравов. Ему вменялось, к примеру, в вину, что он как начальник конницы (гипарх) на Панафинейском празднике рядом с гермами, где проходил смотр всадников, велел соорудить своей метрессе Аристархоре из Коринфа подиум, выдававшийся над гермами, а на Элев-

⁶ Eusebios, Chronik II, P. 120, hg. v. A. Schöne.

⁷ Pausanias 3, 6, 6.

⁸ Отдельные исследователи названы в кн.: Habicht, Studien — S. 17, Anm. 19.

⁹ Habicht Ch. Studien. — S. 47 — 55.

¹⁰ Ibid. 49 — 55; Walbank. Macedonia. — P. 286 — 287. Речь идет о надписи IG II² 1285 с дополнениями: Wilhelm. SAWW 1925, 36 (Akademieschriften 1, 496).

¹¹ ISE 22.

¹² Athenaios 4, 167 E-F.

синии воздвигнуть трон рядом с Анактороном. При этом он грозил побоями тем, кто пытался было ему помешать. Перед Ареопагом он защищался столь решительно и агрессивно, что глас многих членов этой коллегии был не в его пользу, сам же он остался безнаказанным. Под впечатлением столь завидной независимости и упорства Антигон именно его поставил фесмофетом.

Фесмофетами назывались в Афинах шесть архонтов без постоянного круга полномочий, каковой имели эпоним, басилевс и полемарх. Как и все архонты, они избирались жребием на предварительных выборах по одному от каждой филы; в их руках не находилось практически никакой власти. Здесь же, напротив, речь идет о царском назначении, то есть о вмешательстве в афинскую конституцию, и вполне понятно, что царь выбрал Деметрия именно за определенные, одному ему известные качества и что этим назначением он осознанно и весьма чувствительно желал затронуть за живое афинское государственное устройство. Термин «фесмофет» не может здесь иметь своего обычного значения, и сам инцидент должен относиться к тому времени, когда царь позволял себе играть с конституцией Афин по своей прихоти — вслед за капитуляцией города и перед возвратом ему «свободы», то есть, несомненно, тотчас же после победы. Отсюда я предложил видеть в Деметрии царского эмиссара, правившего с 262 по 255 г. Вместо ярко окрашенного в верно-подданныческие тона титула *Epistates* (надзиратель) он носил более безобидный — *Thesmothetes*, тем самым в этом титуле возродилось его исконное, давно поблекшее значение: фесмофет — это человек, «который наводит порядок»¹³.

Такое предположение получило недавно подкрепление с неожиданной стороны. Найденный в Элевсине и известный с XVIII в. солидный постамент, на котором сохранились надписи, нес на себе некогда статую стратега Деметрия, сына Фанострата, из Фалера¹⁴. Она была воздвигнута наемными солдатами из Элевсина, Панакта и Филы и постоянно приписывалась Кассандрову наместнику, хотя могло бы озадачить уже то, что посвятителю явно выступают как представители одной из созданных только в 287 г. стратегий Аттики (без приморских земель). Восемь венков с вырезанными в них надписями свидетельствуют о следующих одновременных почестях этому Деметрию: от Совета, народа, демоса Элевсина и всадничества. Они сообщают, что Деметрий был гиппархом (как Деметрий Младший у Гегесандра) и по меньшей мере три раза стратегом, что он одержал ряд побед в беге колесниц на Великих Панафинейях (на которых Деметрий Младший появляется и у Гегесандра), а также на праздниках Гермеи и Делии. Стефен Треси выяснил, что эти надписи вырезаны

¹³ *Habicht Ch. Studien.* — S. 17 — 20.

¹⁴ IG II² 2971.

резчиком, деятельность которого приходится на время от 270 до 235 г., что памятник поэтому принадлежит Деметрию Фалерскому Младшему, отца которого, как и отца прежнего правителя, звали Фанострат, то есть не кому-нибудь, а внуку наместника, охарактеризованному Гегесандром и утвержденному в звании фесмофета царем Антигоном¹⁵. Он же, видимо, чуть позже засвидетельствован, кроме того, как член Совета и казначей пританов¹⁶.

Таким образом получается, что два царя Македонии, каждый со своей стороны, назначили на пост правителя города двух членов одной и той же афинской фамилии: первым Антипатрид Кассандр деда, а за ним Антигонид Антигон внука одного, то есть потомка того самого мужа, которого отец его сам свергнул в 307 г. и который затем нашел убежище у Птолемея, ярого врага его отца.

Некоторые исследователи предполагали существование в годы после Хремонидовой войны и других правовых ограничений, якобы наложенных победителем на побежденных. Теза Фергюсона, по которой тогда была на некоторое время отменена эфебия, безусловно ошибочна¹⁷. Точно так же ошибочным было и мое, основанное на абсолютном отсутствии каких-либо источников предположение о том, что тогда был ликвидирован пост стратега гоппитов, восстановленный лишь после освобождения города в 229 г. Датировка списка магистратов IG II² 1705, где Эвриклид из Кефисии указан как стратег гоппитов, периодом от 40-х гг. III в. до времени вскоре после 229 г. оспаривалась; в действительности же надпись может относиться к концу 40-х годов¹⁸. Гораздо сложнее обстоит дело с решением вопроса, отобрал ли царь-победитель у города, как это часто предполагалось, право чеканки собственной монеты, и как долго держался подобный запрет — до 255 г. или же дольше. Похоже, что Афины после 262 г. вроде бы на какое-то время перестали чеканить серебро, однако причины такого перерыва, отнюдь не беспрецедентного в истории монетного дела, совершенно не ясны. Во всяком случае, не имеет доказательной силы довод, что царь Антигон как бы навязал городу на более или менее короткое время свою собственную чеканку¹⁹. Большая часть денежного спроса покрывалась теперь, однако, царской серебряной и медной монетой, обращавшейся в больших количествах; только на Агоре найдено 160 бронзовых монет царя²⁰.

¹⁵ *Tracy. Boiotia antiqua* 4. — Montréal, 1994. — P. 151 — 161.

¹⁶ *Traill J.S. // Hesperia*. — 1978. — Vol. 47. — P. 280 — 282.

¹⁷ См. ниже, с. 157.

¹⁸ *Habicht Ch. Studien*. — S. 44 — 47, опровергнуто: *Tracy // Hesperia*. — 1988. — Vol. 57. — P. 314 — 315.

¹⁹ Объяснения см.: *Habicht Ch. Studien*. — S. 34 — 42; с тех пор прежде всего см.: *Nicolet-Pierre H., Kroll J.H. // American Journal of Numismatics*. — 1990. — Vol. 2. — P. 1 — 35; *Kroll. Coins*. — P. 12 — 13, 16, 35 — 36, 51 — 52.

²⁰ *Kroll. Ibid.*

Из политиков, игравших в Афинах определенную роль перед началом и в ходе Хремонидовой войны, упомянут в городе после своей кончины лишь один Сфедр из Сфетта – пожилой муж, который еще в 296/5 г. при тиране Лахаре был стратегом. Он был отмечен народом почестями в 50-е годы – незадолго до или вскоре после установления оккупационного статуса – за свою сорокалетнюю политическую деятельность. Его сын Тимохар также занимал среди граждан уважаемое положение и примерно в то же время, в 256/5 г. при архонте Эвбуле, стал агонифетом²¹. А Федр наверняка был не «другом македонян», как думали некоторые исследователи, но афинским патриотом, который при любом правительстве лучше всех умел найти свое место и поладить с ним, будучи к тому же отпрыском одного из тех семейств, без чьих услуг город обойтись не мог, если только они – как это делал долгое время брат Федра Каллий – не поступали в услужение к какому-нибудь царю. Вспоминали и после их смерти еще двух братьев, весьма активных до конца войны – Хремонида и Главкона, впрочем, обоих уже только на чужбине. Перед сдачей города им удалось скрыться, и затем вскоре они появляются снова как советники и «рядом сидящие» (*paredroi*) с Птолемеем II. Его преемник Птолемей III распорядился воздвигнуть Главкону за его заслуги статую в Олимпии²². Вскоре после окончания войны «эллины», собравшиеся по призыву Птолемея II в Платеях – месте великой победы греков над персами в 479 г., чествовали Главкона как передового борца за свободу и единство греков и в вынесенном почетном декрете принесли клятву в память о Греко-Персидских войнах – как это было совершено и в декрете Хремонида, – одновременно поставив этим македонян на одну доску с восточными варварами²³. Хремонид в ранге командующего флотом Птолемея II вступил, скорее всего в 50-е годы, в морское сражение с родосцами у Эфеса, где он потерпел поражение от родосского адмирала Агатострата²⁴.

Македонский царь-победитель поистине жестко повел себя, по крайней мере в первые послевоенные годы, в отношении покоренного города. Но вряд ли для того, чтобы заставить умолкнуть пушки, он оказал последние почести одному чужестранцу, пришедшему полвека назад в Афины и обретшему там свою вторую родину. Зенон, основа-

²¹ IG II² 682; *Gauthier*. Cités 77ff. Скорее он, чем его одноименный двоюродный брат, сын Каллия, был также эпонимным архонтом одного из послевоенных годов (IG II² 700).

²² Teles / Ed. O. Hense² – P. 23; I Olympia 296.

²³ BCH. – 1975. – Vol. 99. – P. 51 – 75. Из богатой литературы по этому документу см.: *Etienne R.* La Beotie antique. – Paris, 1985. – P. 259 – 263; *Walbank*. Macedonia. – P. 277; *Erskine A.* The Hellenistic Stoa: Political Thought and Action. – London. 1990. – P. 89 – 90.

²⁴ Polyaeon 5, 18. Этот родосский адмирал засвидетельствован эпиграфически в I Lindos 88, 1 – 2 и IG XI 1128.

тель Стои, которого Антигон от случая к случаю слушал еще юношей и которого он с охотой привлёк бы к своему двору, скончался спустя несколько месяцев после окончания войны, весной 262 г. На известие об этом царь отреагировал предложением находившемуся у него как раз афинскому послу Трасону устроить чествование умершего. Принятое вслед за тем по предложению Трасона постановление народа сохранилось, и начинается оно следующими словами: «Поскольку Зенон, сын Мнасея из Китиона, уже с давних лет занимаясь философией в нашем городе, не только во всем остальном постоянно проявлял себя подобающим мужем, но и обращавшихся к нему с просьбой об обучении юношей побуждал к добродетели и благоразумию и воспитал к высшему их благу, тем что представил им как образец собственный образ жизни, во всем следовавший его учениям, народ постановил восхвалять Зенона...» Он был посмертно почтен золотым венком и погребением на общественном кладбище²⁵.

2. Сателлит Македонии

Четыре десятилетия от начала Хремонидовой войны до повторного освобождения Афин от иноземного господства в 229 г. относятся к хуже всего известным временам в истории города. Тому существует несколько причин: прежде всего утрата собственной историографии, затем, конечно, утрата самих политических свобод, что подорвало дипломатические связи, которые в иные времена находили хотя бы частичное отражение в дошедших до нас постановлениях Народного собрания. Утрачен авторитетный труд по истории этой эпохи — «Истории» Филарха. Автор их либо сам был уроженцем Афин, либо — как Тимей из Тавромения — жил в Афинах и написал в 28 книгах историю греческого мира, непосредственно продолжающую труд Гиеронима из Кардии, которая начинается с последнего похода Пира в 272 г. и заканчивается поражением в борьбе против Антигона Досона (222 г.) обожаемого им спартанского царя Клеомена и скорой его смертью в Александрии. Филархова история была впоследствии продолжена Полибием, однако от нее, в отличие от сочинения Полибия, сохранились лишь достаточно произвольно надерганные цитаты. В них история Афин, которая в оригинале должна была быть рассмотрена подробно, не играет никакой роли²⁶.

²⁵ *Diog. Laert.* 7, 10 — 12; о Трасоне и царе: *ibid.* 7, 15.

²⁶ Комментированное издание фрагментов: Jacoby F. // *FGHrHist.* 81. Далее см.: *Kroymann J.* // *Phylarchos.* — 1956. — *RE-Suppl.* 8. — Sp. 471 — 489; *Pédéch P.* *Trois historiens méconnus.* — Paris, 1989. — P. 391 — 493. Об упомянутых ниже и не документированных источниками событиях всеобщей истории см.: *Will. Histoire.* Vol. 1. — P. 315 — 354.

Вторая причина скудости нарративной традиции для данного периода заложена в самом факте повторного чужеземного господства над городом. Поражение в войне должно было, после всколыхнувшегося в 287 г. вслед за свержением македонского ига и державшегося до Хремонидовой войны великого патриотического подъема, парализующе повлиять на дух и мораль коллектива граждан. Не случайно, что тогда и наступает конец местной историографии, так называемых аттидографов (с. 142). На зачисление в эфебию, ставшую уже с некоторых пор институтом добровольцев, подают заявки в течение трех десятилетий после окончания Хремонидовой войны ежегодно лишь от двадцати до сорока юношей, то есть в среднем по два-три от каждой филы, как показывают многочисленные списки эфэбов разных лет. В таком разительном падении цифр по праву усматривали итог упадка политического энтузиазма и следствие македонской политики в отношении города²⁷. Предположительно, в эфебы поступали еще только те юноши, у которых хватало честолюбия — и хороших перспектив — в один прекрасный день стать стратегами. Но прежде всего оказалась парализованной политическая активность, и не только в первые послевоенные годы, когда всякая инициатива была поставлена под контроль посаженного царем эмиссара — отнюдь не популярного среди своих афинских сограждан Деметрия, — но и после 255 г., когда город, оставаясь номинально свободным, в своих внешнеполитических сношениях был зависим от воли царя. Народное собрание собиралось так же регулярно, как и прежде, однако простор его политической деятельности был сильно ограничен. Оно занималось почти исключительно внутренними делами города, такими формальными вещами, как награждение должностных лиц, членов Совета, эфэбов и их воспитателей, жриц, жрецов и культового персонала²⁸. Декретов в честь политических личностей практически не стало, разве что в честь одного уже завершавшего свою карьеру гражданина, такого как Федр из Сфетта, в 50-е годы²⁹. Случались чествования иноземцев, если их санкционировал или даже — как в случае с Зеноном — инициировал сам царь. Сюда относятся почести офицерам и прочим сановникам на службе царя³⁰ или стратегу Этолийского союза Хариксену в связи с реорганизацией праздника Сотерии в Дельфах, который был учрежден в 278 г. амфикионами в

²⁷ *Pélékidis*. *Ephébie*. — P. 165 — 169; после сопоставления с числом эфэбов этого времени из Беотии автор замечает: «Нет никакого сомнения в том, что политические условия Афин стояли значительно ниже беотийских». О численности эфэбов IV в. (ок. 460 — 500 ежегодно) см. также: *Gallo L.* // *ASNP*. — 1980. — P. 403 — 412.

²⁸ Подробнее об этом см.: *Habicht Ch.* *Studien*. — S. 20 — 26.

²⁹ IG II². 682. Заслуживает внимания, что инициатива исходила от самого Федра (стк. 94). *Gauthier*. *Cités*. — P. 83 — 89.

³⁰ IG II² 477, 677, 777.

память об отражении кельтов, но в 246 г. преобразован Этолийским союзом в панэллинское, раз в четыре года с особой пышностью справлявшееся празднество³¹.

Со своей стороны, многие афиняне в это время удостаивались почестей от Этолийского союза в Терме, во всяком случае, до начала «Деметриевой войны» между Македонией и Этолией 329 г. Почести были оказаны двум братьям из Баты, затем, вероятно, в следующем году еще пяти гражданам. Поскольку и эти группы состоят из двух, соответственно трех награждаемых, то кажется, что речь здесь идет во всех случаях о членах политических или праздничных посольств. Издатель датирует эти документы 239/8, соотв. 238/7 гг., хотя не исключены и несколько более ранние даты после 245 г.³² Таким образом, в это время прослеживаются разнообразные контакты с другими государствами, однако о внешней политике Афинского государства говорить нельзя. Немногие остатки связей с другими странами держались все на том условии, что они служили интересам царя или, по крайней мере, не шли с ними вразрез³³. Если в это время вообще случались еще дарования гражданских прав, то они в любом случае были крайне редки³⁴.

Что касается государственного устройства, то хотя традиционные институты демократии, такие как Народное собрание, Совет, магистратуры и суды, были сохранены, однако оставались, даже и после отъезда царского эмиссара, ограничения, не совместимые с идеологией демократии. Теперь кажется установленным, что архонтов того времени более не избирали по жребию, но либо назначали, либо (скорее) выбирали поднятием рук, ибо среди них заметны многие, носящие имена общественных лидеров именно этого времени, — то есть скорее всего это те же самые лица, чего нельзя ожидать при жеребьевке, даже если ей предшествовали предварительные выбо-

³¹ BCH 51, 1927, 349, № 2, 246/5 г., в объединении с IG II² 680. Предпосылкой этих контактов Афин с Этолийским союзом стало то, что тогда установилось доброе согласие между Македонией и Этолией. Ср.: *Nachtergaeel*. Les Galates en Grèce et les Sotéria de Delphes. — Brüssel, 1975. — P. 330, note 131; 333.

³² *Klaffenbach* G. IG IX 1², 25, Z. 37 — 42, 69 — 72, 72 — 75.

³³ *Hesperia* 13, 1944, 246, № 9, по поводу культа Афродиты Стратоникиды в Смирне. Предпосылкой издания этого декрета было то, что тогда установилось доброе согласие между Македонией и царем Селевком II (246 — 226). Далее: IG II² 769 и 441, один декрет относительно родосцев, а также IG II² 778 — 779 по поводу контактов с городом Ламией в Малиде и Беотийским союзом (*Gauthier* Ph. *Symbola*. — 1972. P. 172, 337 — 338).

³⁴ *Osborne*. *Naturalization* 1. — P. 185 — 189; автор относит к этому времени три декрета: D 87 — 89. Первый из них относится, как это теперь твердо установлено, к старшему Битису 80-х годов, и тем самым должен быть здесь элиминирован (с. 127). Два других (IG II² 707 и 570), видимо, тоже старше 262 года (*Henry* A. *Owls to Athens // Studies in Honor of K. Dover*. — Oxford, 1990. — P. 182 — 183).

ры³⁵; в последнее время становится все более вероятным, что в тот период была отменена демократическая практика, по нормам которой при ежегодном назначении секретарей Совета были охвачены двенадцать фил гражданства по соответствующей их официальной очередности ротации: так называемый «секретарский цикл» в то время, по-видимому, в значительной мере, если не целиком, утратил силу³⁶. Проблематичнее вопрос о том, наступили или нет в 262 г. значительные перемены и в управлении финансами. По расхожему мнению, в III в. при демократическом правлении имелась финансовая служба из двух или более лиц, напротив, в периоды недемократических форм правления или чужеземного господства (обе формы чаще всего совпадали) остался якобы один-единственный распорядитель финансами³⁷. Дюжины свидетельств о той или иной должности совпадали с этим предположением, пока в 1983 г. не был опубликован декрет епископии, изданный в год архонта Полиевкта, то есть в период чужеземного господства (246/5 г.), в котором названы коллегияльные финансовые власти³⁸. Нет недостатка и в попытках придерживаться тем не менее традиционной точки зрения и на тот или иной манер объяснять отдельные отклонения, к примеру, делать (невероятное) предположение о том, что в тот момент на короткий срок произошло изменение политического курса³⁹. Другие же ученые доказывают, что с 287 г. существовало финансовое управление из многих лиц, причем в декретах упоминается то вся эта коллегия (во множественном числе), то один из ее членов (в единственном)⁴⁰. Это не исключено, однако — кроме одного-единственного случая — с трудом согласуется с однозначными показаниями источников. Вопрос этот лучше пока оставить открытым.

Как и эфебия, после войны продолжала существовать и афинская конница, но, подобно эфебии, также урезанная в численности⁴¹. Ее корпус, увеличенный в 282/1 г. до трехсот всадников, имел, кажется, после войны штатный состав всего в двести человек. Одна недавняя уникальная находка доказала вероятность этого и принесла много

³⁵ Это Тимохар, Каллимед, Диомедон, Теофем, Эвриклид, Мнесид и Ликей.

³⁶ Osborne M. J. // ZPE. — 1989. — Vol. 78. — P. 209 — 242.

³⁷ Так думал уже Белох (GG IV 2, 57 — 58), с того времени число источников уменьшилось (*Habicht Ch. Untersuchungen.* — S. 70 — 71).

³⁸ Hesperia. — 1983. — Vol. 52. — P. 48 — 63.

³⁹ Henry A. S. // Chiron. — 1984. — Vol. 14. — P. 74 — 77; ZPE. — 1988. — Vol. 72. — P. 129 — 136; Osborne M. J. // ZPE. — 1989. — Vol. 78. — P. 212, note 9; 239.

⁴⁰ Robert J. et L. Bull. épigr. — 1983, P. 96 — 97; Rhodes P. J. *Tria Lustra* // Studies in Honor of J. Pinsent. — 1993. — P. 1 — 3; Triheux J. Bull. épigr. — 1991, P. 236.

⁴¹ О нижеследующем см.: Braun K. // AM. — 1970 [1972]. — Vol. 85. — P. 129 — 269; Kroll J. // Hesperia. — 1977. — Vol. 46. — P. 83 — 140; Bugh, Horsemen. — P. 184 — 191.

дополнительных сведений о кавалерийском корпусе тех лет. На общественном кладбище и рыночной площади — в Керамике и на Агоре в колодцах были обнаружены сотни свинцовых табличек — свидетельство об устраивавшемся Советом ежегодном смотре лошадей. Государство выдавало служившему в кавалерии гражданину ссуду на покупку лошади и на срок службы с данной лошастью ежегодно фуражные деньги. В ходе смотра стоимость лошади год за годом подлежала переоценке — за год ее стоимость падала в среднем на сто драхм, — и владельцу возмещалась сумма по последней оценке (не покупная цена) в случае, если лошадь пала. На табличках приведены: имя владельца, иногда с припиской, дабы отличить его от тезки, краткое описание лошади и оценочная стоимость в сотнях драхм. Минимум (редкий) составлял 100, максимум (установленный произвольно) — 1200 драхм, средняя стоимость лошади лежит немногим ниже 700 драхм и тем самым значительно превышает показатели IV в., именно потому что этот всаднический корпус уменьшился и стал элитарней. Многие кавалеристы владели лошастью, стоившей гораздо выше 1200 драхм, — коль они ее теряли, то одновременно теряли и свои большие деньги.

Археологические и просопографические наблюдения показывают, что поименованные лица служили в период между 260 и 240 гг. и что эти таблички где-то между 240 и 220 гг. были разом и скопом сброшены в колодцы Керамика и Агоры, когда к ним уже утратили интерес. Отдельные всадники довольно часто приобретали новую лошадь. Многие имена снова всплывают в списке донаторов 244/3 г. и обозначают, вне всякого сомнения, те же личности⁴².

Царь Антигон в послевоенные годы стал чаще приезжать в Афины и останавливался тогда у Гиерокла, своего наместника, пребывавшего в Пирее. В отличие от других афинян, спешивших его поприветствовать, Аркесилай, глава Академии, избегал засвидетельствовать ему свое почтение, как ни побуждал его к этому друживший с ним Гиерокл. Аркесилай отказался и после победы царя над Птолемеевым флотом в морском сражении при Косе или Андросе послать ему свои поздравления, однако дал однажды согласие отправиться к нему в качестве посланника Афин в его греческую резиденцию Деметриаду (в заливе Волос), в чем успех ему, правда, не сопутствовал⁴³.

Зависимость города от македонского царя принесла с собой и то, что афиняне теперь должны были сражаться на его стороне, ежели он начинал войну. В начале 40-х годов ею стала война, которую Антигон Гонат был вынужден вести против своего собственного, отправшего от него наместника Александра, сына его сводного брата Кра-

⁴² См. ниже, с. 161; ср.: *Habicht Ch. Studien.* — S. 33.

⁴³ *Diog. Laert.* 4, 39.

тера. Александр командовал в Коринфе и на Эвбее (с ее важной крепостью в Халкиде) и объявил себя независимым. Его отложение воодушевило разные города Пелопоннеса подняться против поставленных, соответственно поддерживаемых царем Антигоном тиранов. Мотором этого движения стал Арат из Сикиона, свергнувший в 251 г. в своем родном городе тирана Никокла и приведший Сикион в Ахейский союз. Этот союз извлекал существенную пользу из направленного против Македонии демократического движения, и было вполне естественным, что он вступил в союз с Александром. На стороне царя, напротив, продолжали стоять Афины и те города Пелопоннеса, в которых смогли удержаться союзные с Антигоном тираны, как, например, Аргос под властью Аристомаха. Произошли сражения, как о том свидетельствуют два афинских декрета — один IG II² 1225 декрет обитавших на Саламине афинян в честь царского стратега Гераклита (который сам был афинским гражданином)⁴⁴, другой IG II² 774 в честь Аристомаха из Аргоса. Из последнего мы узнаем, что Александр предложил Аристомаху за известную мзду заключить с ним перемирие, однако Аристомах настоял на том, чтобы в этот мир были включены и Афины, и положил поэтому из собственных средств 50 талантов сверх назначенной суммы, что привело Аргос и Афины к общему миру⁴⁵. В этом документе бросается в глаза, что царь, без санкции которого этого не могло произойти, не упомянут ни единым словом. В боях за Саламин пал в то время молодой афинянин по имени Леонт. Он восхваляется в еще одной сохранившейся эпитафией, где его сверстников призывают проявить себя так же, как и он — оказавшимся достойным сражавшихся некогда у Саламина «персоубийственных предков»⁴⁶.

Неизвестно, когда был заключен мир: самое раннее в 249-м, самое позднее в 245 г. Один афинский почетный декрет военного времени обещает чувствуемому более высокие и более подобающие его заслугам почести, «как только наступит мир», что относится именно к этому миру начала 40-х годов⁴⁷. Вскоре Александр умер, из-за чего

⁴⁴ К нему относится также постановление народа IG II² 677, содержащее изъяснения в своей преданности царю. Улучшения текста: *Ferguson W.S.* // CP 24, 1929. — Vol. 24. — P. 13, note 1; *Kontoleon A.N.* // Akte des 4. Internationalen Kongresses für Griechische und Lateinische Epigraphik. — Wien, 1964. — P. 196 — 197. В строке 1, согласно надписи *Hesperia-Suppl.* 17, 1978, 3, L. 65, следует читать [μελλοντος λοιου]. Новые сведения об этой войне следует ожидать от одного не изданного декрета из Рамнунга в честь стратега прибрежной зоны Архандро. Ему удалось в борьбе с угрожавшими прилегающей хоре пиратами отстоять свободу Рамнуоциа (Ergon 1993, 7 — 8).

⁴⁵ *Wilhelm Ad.* Akademieschriften. — Vol. 1. — S. 475 — 494.

⁴⁶ ISE 24: μηδὲ φόνων πατὸς ἑσών.

⁴⁷ IG II² 845, в интерпретации и восстановлении Ад. Вильгельма (Akademieschriften 2, 531 — 542) и Притчетом-Мериттом (Chronology 104 — 108). С. Тресн идентификацией резчика доказал, что надпись относится к периоду от около 270

Коринф опять попал в руки Антигона, который, однако, уже в 243 г. снова потерял крепость и город после дерзкого нападения ахейцев во главе с Аратом. Ахейцы продолжили войну и вторглись под началом Арата в 242 г. в Аттику и на Саламин с надеждой вынудить Афины вступить в их Союз⁴⁸. О предпринятых афинянами мерах предосторожности свидетельствует документ от весны 243 г., в котором граждане Афин призываются к денежным пожертвованиям «для спасения города и для защиты сельской территории»⁴⁹. Конкретная цель этой акции состояла в том, чтобы обеспечить безопасность работ страдной поры в предстоящие месяцы. Интересно предписание о размерах пожертвования — они должны быть не ниже пятидесяти и не выше двухсот драхм. Кроме граждан, как это было обычно, и осевшие в Афинах чужеземцы призывались подписаться на заем, и среди тех, кто внял этому призыву, находился тогдашний глава школы Аристотеля Ликон из Александрии в Троаде, названный здесь «Ликон философ»⁵⁰.

Зимой 241/40 г. Антигон заключил мир с ахейцами. А уже весной 240 г. те же ахейцы, которые после нападения в 242 г. вернули афинянам пленных без выкупа, теперь — дабы заполучить себе Афины — напали после заключения мира на Пирей, а он, как и прежде, был занят македонским гарнизоном. Это было явным нарушением мирного договора и принесло дурную славу ахейцам и Арату, напрасно пытавшемуся перевалить ответственность на своих подчиненных⁵¹.

Антигон Гонат умер в 239 г. Его сын и наследник Деметрий II⁵², состоявший через брак с царевной Фтией в союзе с соседней монархией Эпиром, оказался вскоре после вступления на трон втянутым в так называемую «Деметриеву войну» против заключивших друг с другом союз этолийцев и ахейцев. Она разразилась в 239 или 238 г., в год афинского архонта Лисия⁵³, и длилась вплоть до смерти царя десять лет спустя. Поскольку Афины были прочно повязаны на стороне царя,

---

до 234 г. до н. э., а ожидавшийся мир был миром с Александром (Hesperia 57, 1988, 320).

⁴⁸ *Plutarch*, Arat 24, 3. *Urban R. Wachstum und Krise des Achäischen Bundes*. — 1979. — S. 51 — 54.

⁴⁹ Об этом афинском декрете см.: *Habicht Ch. Studien*. — S. 26 — 33; *Migeotte L. Les souscriptions publiques dans les cités grecques*. — Québec, 1992. — P. 28 — 34. Казначеем военной кассы был тогда Эвриклд из Кефисии, ставший позже, в 229 г., освободителем, который в 40-е годы был стратегом гоппитов, а в 30-е эпонимным архонтом.

⁵⁰ Он подписался на двести драхм. В то же самое время, в 40-е годы, Ликон был награжден Дельфийской амфиктионией: FD III 3, 167. О Ликоне сообщалось, впрочем, что он служил афинянам как советник и оказался им весьма полезен (Diog. Laert. 5, 66).

⁵¹ *Plutarch*, Arat 33, 2 — 4.

⁵² *Walbank*, Macedonia. — P. 317 — 336.

⁵³ IG II² 1299, 56 — 67.

то и Аттика вновь была затронута военными действиями, вероятно, сильнее, чем прежде, в войне против Александра Коринфского. Правда, поначалу на северном участке фронта почувствовалось ощутимое облегчение благодаря тому, что царю удалось перетянуть на свою сторону Беотию, с 245 г. целиком и полностью зависимую от Этолийского союза, а также город Опунт в Локриде. Это случилось около 236 г. и означало для Аттики, что ее сосед на севере стал теперь не вражеской, а союзной силой. Именно поэтому царь Деметрий вложил тогда контроль над элевсинским военным округом (с укреплениями Элевсин, Панакт и Фила) снова полностью в афинские руки⁵⁴.

Напротив, на юге успех поджидал ахейцев в их борьбе с городами, которые чурались их Союза и потому склонялись на сторону Македонии. Мегары, Трезен и Эпидавр не выдержали теперь натиска ахейцев и вступили в Союз. Правда, нападение Арата на Аргос провалилось, но вступление в Союз аркадского Мегалополя в 235 г. искупило это поражение. Арат, каждый второй год избиравшийся союзным стратегом, не уставая боролся за Афины. Снова и снова вторгался он в Аттику, в надежде побудить город к переходу на свою сторону и захватить Пирей. Но именно из-за присутствия на их земле царских войск афиняне никоим образом не были свободны в своих решениях. Одновременно и побережье подверглось нападению этолийцев⁵⁵. В Рамнунте, укреплении на восточном побережье, перипетии войны привели к нехватке жертвенных животных, так что жертвоприношения «на Немесии и царю» на некоторое время были приостановлены⁵⁶. Тем самым там, как распознал Людвиг Дойбнер, «почитание царя было связано с почитанием Немесиды»⁵⁷. Теперь это для более раннего времени подтверждено новым декретом дема Рамнунта, в котором предписывается «приносить жертвы царю (Антигону Гонату) 19 гекатомбеона во время гимнического агона на Великие Немесии»⁵⁸. Тем самым не только выяснилась дата этого праздника в ходе года, но и одновременно стал известен тот важный факт, что царь Антигон получил еще при жизни божественное почитание в этой аттической общине и со стороны Афинского государства⁵⁹.

⁵⁴ IG II² 1299. *Habicht Ch. Studien.* — P. 57 — 59; к нему присоединяется: Walbank, *Macedonia.* — P. 326 — 327.

⁵⁵ Состояние войны продолжалось, во всяком случае, в год архонта Аристиина, 238/7 г. (SEG 24, 156, 3). Об этой войне говорит далее декрет афинской общины Рамнунта в честь царского офицера (и афинского гражданина) Дикеарха в 236/5 г. ISE 25. Разорение берегов Аттики этолийцем Букрисом упомянуто в первом афинском декрете 229/8 г. в честь Эвмариды из Кидонии на Крите IG II² 844, 4 — 10.

⁵⁶ ISE 25, 27 — 30.

⁵⁷ *Deubner, Feste.* — S. 219, Anm. 3.

⁵⁸ *Ergon* 1989, 7 — 8 (*Praktika.* — 1989 [1992] 31, № 15).

⁵⁹ Ср.: *Habicht Ch. Gottmenschentum.* — S. 79 — 81, 256 — 257. Широко распро-

Два весьма фрагментарных документа этого времени также говорят о втягивании Афин в перипетии войны. Первый упоминает царя Антигона, какую-то войну и «свободу эллинов»⁶⁰, второй — это постановление народа в честь чужих солдат, по всей видимости, афинских наемников, сражавшихся на стороне афинян и принявших участие в обороне города и его крепостей⁶¹.

Во время правления царя Деметрия в обоих сохранившихся декретах в честь пританов наряду с традиционными жертвоприношениями Аполлону Простатерию, Артемиде Булае и другим богам упоминаются и жертвы «спасителям», никогда не встречавшиеся в таких документах. Речь должна идти о почитавшихся в свое время как «спасители» предках царя — Антигоне и Деметрии Полиоркете, культ которых тогда был либо снова оживлен либо особо приподнят⁶².

В течение всех этих лет царь Деметрий сам был полностью занят делами в Северной Греции, так что в Пелопоннесе операции велись лишь относительно слабыми царскими отрядами. Оттого-то Арат и был чрезмерно самоуверен и потерпел, видимо, из-за своей неосторожности чувствительное поражение от царского полководца Битиса у Филакии (в Аркадии?), где-то между 235 и 232 гг. Распространялись разные слухи, по одним из которых он якобы был захвачен в плен, по другим — погиб. По ложному известию о его гибели Диоген, царский военачальник в Пирее, якобы потребовал от ахейцев сдать ему Коринф. По прибытии послов от него Арат, однако, вроде бы оказался в городе, что выставило их на смех. Аналогичный слух дал повод афинянам от радости нацепить на себя венки; это опять же настолько вывело Арата из себя, что он снова вторгся в Аттику. Он продвинулся вплоть до Академии, непосредственно за городскими стенами, но тогда, правда, позволил себя уговорить ненасильственно удалиться⁶³. После одного из таких налетов «во время бегства» по Триасийской равнине на северо-западе Аттики он поранил себе ногу

страненное мнение о том, что Антигон якобы запретил культы своей персоны, считается там сомнительным, однако оно теперь снова возродилось: *Green P. Alexander to Actium*. — Berkeley, 1990. — P. 835, note 87. Новое свидетельство из Рампунта однозначно и является более чем жертвой «в честь... суверена» (*Roussel P. // BCH*. — 1930. — Vol. 54. — P. 275, о декрете в честь Дикеарха), именно жертвой бору Антигону.

⁶⁰ *Hesperia* 30, 1961, 214, № 9.

⁶¹ IG II² 732, времени до 229 г.: *Tracy, ALC*. — P. 259.

⁶² *Agora* XV 111, 4 — 5; 115, 12; *Rasbach V.J. // PP* 42, 1987. — Vol. 42. — P. 270 — 274.

⁶³ *Plutarch*, *Arat* 34, 1 — 4. Уолбенк замечает, что «уговоры» заключались, видимо, в подкупе. Он сомневается также в историчности требования Диогена и проявления радости афинянами (*Macedonia*. — P. 332). Проаратовская тенденция этого рассказа (восходящая к мемуарам Арата) очевидна, однако она оправдывает, вероятно, лишь сомнения в интерпретации, но не в фактической достоверности сообщенного.

и долго вынужден был передвигаться на носилках⁶⁴. Трудно себе представить, чтобы афиняне могли воспринимать эти набеги – остававшиеся, конечно, весьма ощутимые следы – как попытки их освобождения. Это были все-таки враждебные акты, и показательно, что Арат однажды вернул афинянам пленных без выкупа, чтобы смягчить их раздражительность и заполучить их для себя⁶⁵. Но решительные перемены принесла только смерть царя Деметрия весной 229 г.

3. Государственная религия и правящий дом

Джон Микалсон в первой главе своего труда об афинской народной религии IV в., озаглавленной «Приоритет божественного», метко установил: «Боги приходят первыми». Все политические группировки открывали свои сборища сакральными церемониями. Каждое народное собрание начиналось с очистительного принесения в жертву свиньи, воскурений и молений глашатая⁶⁶. Лишь после этого переходили к повестке дня, но и тогда культовые дела (*ta hiera*) стояли впереди мирских (*ta hosia*), то есть, перед тем как заняться делами политическими и административными, собрание рассматривало сакральные вопросы – отчеты жрецов о совершенных ими от имени народа жертвоприношениях и исходе их и т. д. В эллинистическую эпоху в этом отношении ничего существенного не изменилось, приоритет религиозных дел оставался неоспоримым. Нет также никаких свидетельств тому, чтобы чужеземное господство побуждало афинских граждан в отпирании своих религиозных обрядов поступать иначе, чем прежде, если не считать того, что во всех публичных молениях, которые среди прочего совершались в начале заседания каждой экклесии, должны были быть упомянуты царь и его семейство. Не то чтобы глашатай обращал к ним молитву как к богам, но мольба о благословении богов, ниспосылаемом общине, во все эти годы возносилась и за правящий дом. Новым было и то, что сам царь как высшее существо мог получить божеские почести и на более низком уровне аттических деревень (демов), о чем засвидетельствовано в Рамнунте для Антигона Гоната и Деметрия II (с. 163). Правда, решающим здесь могло стать особое положение Рамнунта – как ни один из демов Аттики, он в первую очередь был укреплением, занятым тогда смешанным гарнизоном из македонских и афинских солдат. Официальный культ Антигона Гоната в том виде, в котором

⁶⁴ Plutarch, Arat 33, 6.

⁶⁵ Plutarch, Arat 24, 4.

⁶⁶ Mikalson J. Athenian Popular Religion (405 – 323 B. C.). – 1983. – P. 13 – 17; цитата на с. 15.

укоренился начиная с 307 г. для его предков Антигона и Деметрия, засвидетельствован теперь той же новой надписью, ошеломившей всех, считавших царя убежденным противником подобных почестей.

Во всем остальном религию и культы афиняне могли отправлять на традиционный манер. Складывается даже твердое убеждение, что декреты этих десятилетий, связанные с вопросами культа, становятся особенно многочисленными, как будто культивирование официальной набожности после проигранной войны набирало силу. Возможно, так оно и было, однако видимость может быть обманчивой, ибо политически важных постановлений экклесии этого времени в отличие от предшествующих годов как раз-то и нет. В данном разделе едва ли уместно давать очерк традиционной государственной религии, что является предметом истории религии⁶⁷, но необходимо представить некоторые достойные внимания документы того времени, ближе освещающие отдельные аспекты государственных культов. Однако нельзя упускать из виду, что они были лишь формальными действиями, выполнения которых требовалось в этой сфере от отдельных граждан. «Государственные культы принадлежат государству и не касаются личных верований»⁶⁸.

Минуло как раз десятилетие с того момента, как прекрасная находка на восточном склоне Акрополя поведала о местоположении святилища Аглавры. Она была легендарной дочерью Кекропа — первого царя Аттики — и супругой бога войны Ареса⁶⁹. Это полностью сохранившийся и найденный *in situ* (т. е. там, где его поставили в древности), а именно в святилище Аглавры, декрет Народного собрания 246/5 г. в честь одной жрицы, которая добросовестно исполняла все свои культовые обязанности. И в их число входило принесение жертв за здоровье и благо Совета и народа, жен и детей, царя Антигона, царицы Филы и их потомков. Жрица Тимокрита не была прежде известна, хотя, несомненно, происходила из знатного семейства, как и ее недавняя предшественница Фидострата, сестра знаменитых братьев Хремонида и Главкона⁷⁰. И все же самым большим сюрпризом, преподнесенным этой эпиграфической находкой, было то, что святилище Аглавры, через которое некогда прошагали персы⁷¹ при штурме Акрополя в 480 г., располагалось не с северной стороны его, как предполагалось ранее, а на его еще более отвесном восточном склоне. С этим святилищем одновременно было связано то место, в

⁶⁷ Wilamowitz-Moellendorf U. von. Der Glaube der Hellenen: In 2 Vol. — Berlin, 1932. — S. 261 — 427; Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. — 3 ed. — Vol. 2. — S. 1 — 309; Deubner, Feste. Новую книгу о религии эллинистических Афин мы ожидаем от Джона Микалсона.

⁶⁸ Wilamowitz. Op. cit. S. 271.

⁶⁹ Dontas G.S. The true Aglaurion // *Hesperia*. — 1983. — Vol. 52. — P. 48 — 63.

⁷⁰ IG II² 3458 — 3459.

⁷¹ Herodot 8, 53.

котором эфебы ежегодно несли караул, где они приносили жертвы по случаю поступления на службу и произносили клятву защищать отечество (с. 23 сл.). Среди богов, призываемых в свидетели клятвы, первое из общего числа одиннадцати мест занимает именно Аглавра – перед Гестией, Аресом, Афиной, Зевсом и другими божествами. В присутствии жрицы Тимокрита должно было состояться приведение в тот год к присяге – известных в большинстве своем поименно – эфебов, среди которых назван Теотим из Рамнунта, который добрых тридцать лет спустя уже зрелым мужем неоднократно служил стратегом приморской области Аттики и был известен и по другим надписям⁷².

Из той же среды, что и жрицы Аглавры Фидострата и Тимокрита, происходила тогда и Лисистрата, жрица Афины Полиады. Она была дочерью Полиевкта из Баты, замужем за Архестратом из Амфитропы – то бишь дочерью и супругой граждан из лучших семейств. Еще сестра ее деда, коего звали Лисистрат, была жрицей этой богини. И Лисистрата одержала почести от Совета и народа за добросовестное исполнение своих обязанностей, и в ее случае за ними кроются жертвоприношения, которыми должно было быть ниспослано благо государству и царской фамилии⁷³.

В том же году, когда Тимокрита несла службу в святилище Аглавры, два гражданина, имена которых утрачены, были избраны на должность распорядителей на Элевсинских мистериях. Они отвечали за организацию проведения праздника и процессии в Элевсин, однако были непричастны к собственно богослужению в Телестерионе. Декрет в их честь гласит, что и они принесли жертвы за здоровье Совета и народа, жен и детей, а также царского дома⁷⁴. Эти примеры показывают, что во всех государственных культах и во время всех сакральных церемоний следовало почитать царское семейство, что не выдворяло, однако, с первого места Совет и народ.

Два других документа этого времени относятся к малоизвестным богиням – Басиле и Каллисте. Басила как богиня засвидетельствована лишь в Афинах, а именно как владычица подземного царства наряду с Гадесом, то есть хтоническая богиня, вариант Персефоны. Ее жрица упомянута в одном декрете 239/8 г., в центре внимания которого стоит ее отчет⁷⁵. А вот Каллиста («Прекраснейшая») – обычно одна из форм эманаций Артемиды, располагавшая тем не менее как

⁷² IG II² 681 (надпись эфебов); ISE 32 и Praktika 1979, 24, № 2 (Теотим как стратег). Pouilloux J. La forteresse de Rhamnonte. – 1954, 145, № 34 (Теотим как внесший предложение)

⁷³ IG II² 776. О старшей жрице см.: IG II² 3455.

⁷⁴ IG II² 683. Об этой должности см.: Clinton K. // Hesperia. – 1980. – Vol. 49. – P. 280 – 282; Rhodes P. J. Commentary. – P. 636 – 637; Garland R. // ABSA. – 1984. – Vol. 79. – P. 116 – 117.

⁷⁵ Hesperia 7, 1938, 132, № 25.

богиня собственным культом в Афинах, — имела у себя на службе не жрицу, но жреца мужского пола, который награждается в одном декрете 235/4 г. За пределами городских стен в святилище Артемиды вблизи Академии ей, как и всегда упоминаемой с нею вместе Аристе («Лучшей»), было воздвигнуто культовое изваяние⁷⁶.

Для устройства состязаний на крупных общественных празднествах ежегодно избирался так называемый «устроитель соревнований» (агонофет), иногда один на Дионисии, где за приз состязались драматистики и актеры, и другой — на Панафиней. Агонофеты всегда происходили из состоятельных домов, ведь — хотя начиная с конца IV в. самые значительные расходы на эти праздники погашались из государственной казны — граждане ожидали от этих должностных лиц вместе с тем и их собственных вкладов, к примеру, на устройство дополнительного, одноразового состязания по особому поводу, и эти взносы зачастую набегали до суммы в несколько талантов⁷⁷. В 40-х годах Агатай из Проспальты чествует как агонофет тут же после весеннего праздника Дионисии, поскольку он ко всеобщему удовольствию выполнил все свои обязанности — включая не преминувшее состояться и здесь принесение жертв за благо государства и монархии. Ровно год спустя, после того как он летом сдал отчет и расстался с должностью, его награждают повторно — что ему раньше было уже обещано, — на сей раз за выполнение всей службы⁷⁸. Тот же самый Агатай за несколько лет до того как частное лицо оказал финансовую помощь атлофетам, которым поручалось раз в четыре года на Великие Панафиней руководить гимническими, мусическими и конными состязаниями⁷⁹. Можно предположить, что эта щедрость стала для граждан поводом рекомендовать его на должность агонофета, и он чуть позже был избран.

В том же 244/3 году, когда раздался клич к пожертвованию денег на обеспечение безопасности сбора урожая (с. 162), был составлен самый пространный из дошедших документов, касающихся одного общественного культа того времени. Это инвентарный список в двести (часто неполных) строк, найденный у подножия Акрополя в святилище бога-врачевателя Асклепия⁸⁰. Он предварен декретом Народного соб-

⁷⁶ IG II² 788 (ср. 789); *Pausanias* I, 29, 2.

⁷⁷ IG II² 798, 18 — 19: несколько талантов; 834, 4 — 5: 7 талантов. Учреждение добавочного состязания (*epithetos agon*): IG II² 657, 43 — 45 по поводу освобождения 287 г.; 834, 23 — 24 по поводу освобождения 229 г.

⁷⁸ IG II² 780; оба декрета стоят на одном и том же камне. Ср.: *Osborne M. J.* ZPE 78, 1989, 238. IG II² 798 в честь агонофета одного из предыдущих годов.

⁷⁹ IG II² 784. *Habicht Ch.* Untersuchungen. — S. 137 — 141; *Osborne.* Op. cit. — P. 212 — 213.

⁸⁰ IG II² 1534B, 1535. Новое критическое издание с англ. переводом и основным комментарием: *Aleshire.* Asklepieion. — P. 249 — 336; там же на с. 372 перечень жрецов этого времени. Новый фрагмент IG II² 1534 публикуют Алешир и

рания, предписывающим составить инвентарь votивных даров по особому случаю и избрать десятиерых мужей, которые должны выполнить эту задачу совместно с жрецом бога и некоторыми другими. По видимому, жрец этого года обнаружил, что святилище нуждается в основательной ревизии, и по его инициативе удалось побудить Совет и народ к действию⁸¹. Вслед за декретом следует перечень всех даров, попавших в святилище за последние 15 – 20 лет, начиная с года службы одного прежнего жреца. Против имени каждого жреца указаны предметы, посвященные в святилище в его год, преимущественно изображения частей тела и монеты. Для каждого священнослужителя указан его демотикон, помогающий распознать, к какой из двенадцати фил гражданства он приписан. Непрерывный ряд ежегодно сменяемых жрецов уже давно заставил обратить внимание на то, что при назначении служителя Асклепия филы были учтены равномерно и в порядке их очередности, а это означает, что наряду с циклом секретарей Совета такой же цикл имелся и для жрецов Асклепия. Нигде, как в этом перечне, не проявляется столь же отчетливо, что культ Асклепия был подлинно народным культом, обращенным в равной степени непосредственно к мужчинам и женщинам⁸².

4. Эллинистические Афины глазами современника

По счастливой случайности от III в. до н. э. сохранилось описание эллинистического города Афины объемом около двух печатных страниц. Оно помещено в начало сочинения под названием «Виды городов» некоего Гераклида по прозвищу «Критянин» или «Критик»⁸³ и написано, во всяком случае, после основания города Деметриады в 294 г., так как он упомянут как уже существующий. Несмотря на усилия многих ученых, сочинение не поддается более точной датировке в пределах столетия⁸⁴. Нельзя точно решить, были ли Афины

A. P. Matthey: *Aleshire S. B. Asclepios at Athens.* — Amsterdam, 1991. — P. 5 – 11; *Horos* 8 – 9, 1990 – 91, 45 – 51.

⁸¹ *Aleshire.* Op. cit. — P. 301.

⁸² *Aleshire.* Op. cit. — P. 56.

⁸³ Предшествующая литература резюмирована в кн. *Pfister F. Die Reisebilder des Herakleides. Einleitung, Text, Übersetzung (использован здесь) und Kommentar* // *SB.* — Vol. 227. — Wien, 1951. О прозвище сочинителя там же, с. 18 – 19. Интересную характеристику дают: *Pasquali G.* // *Hermes.* — 1913. — Vol. 48. — P. 198 – 219; *Perrin E. Héracleïdès le Crétois: Les plaisirs du tourisme culturel* // *REG.* 1994. — Vol. 107. — P. 192 – 202.

⁸⁴ Вслед за большинством исследователей дата около или вслед за серединой столетия кажется мне наиболее вероятной. Ни один из аргументов в пользу более точной датировки не является решающим.

к моменту написания опуса свободны или стояли под македонским контролем: автора не интересуют политические отношения в описываемых им местах⁸⁵. Для него важно другое: место расположения города, качество его жилых домов, общественные постройки, продукты, производимые в стране, жители с их физическим обликом и характерными свойствами. Сочинение полно очень личностных суждений, часто афористичных или пародийно заостренных высказываний, придающих ему необычайную живость, однако именно потому не раз вызывающих сомнение во взвешенности оценок⁸⁶.

Вначале Гераклид славит красоту пути, которым попадают в город с юга, ибо он все время ведет по ухоженной, радующей глаз земле. Вступив в город, он находит его, напротив, отвратительным, с хаотичной сетью улиц и бедным водою. Да и большинство домов вроде бы жалкие. Чужеземцы поэтому, взглянув впервые, не поверят, что это и есть многославный «город афинян», до тех пор, пока их не убедят в этом общественные здания, относящиеся к самому прекрасному на земле: «один только театр заслуживает внимания, большой и достойный восхищения; великолепное святилище Афины, вдали от мирской суеты, достопримечательное, Парфенон, лежащий над театром; сильное впечатление производит он на зрителя. Олимпейон, хоть и закончен наполовину, но поражает уже замыслом строителя; великолепно было бы, если он будет завершен. Три гимназия: Академия, Ликей и Киносарг; все засажены деревьями и снабжены ристалищами».

Эта первая глава того, что сохранилось, заканчивается фразой о предложении, на выбор, культурных мероприятий: «Разнообразные праздники, от различных философов также соблазны и отдохновения души; культурного досуга в изобилии и то и дело представления». В крайне сжатой форме, вообще повсеместно характерной для его стиля, перечисляется, что автору казалось достойным упоминания. Это единственное место его сочинения, где он говорит о культурных зрелищах, и именно это, а не краткость высказываний, то особенное, чем ярко подчеркнута неповторимость Афин на этом поприще.

Далее Гераклид замечает, что качество сельскохозяйственных продуктов Аттики великолепно, но их количество недостаточно. Всякому известно, что Аттика вынуждена была ввозить зерно, и жители города знали, что такое голод, однако, по словам Гераклида, представления и занятия (или свободное времяпрепровождение, *scholai*) заставляют простой люд забыть о голоде. Искусства и артисты у афинян в большом почете, но и городские жители — это образованные и критичные зрители и слушатели. От деревенских жите-

⁸⁵ «Он выхватывает то, что ему нравится» (Pasquali 200).

⁸⁶ «Гераклид — ритор до мозга костей» (Pasquali 213).

лей горожане завидно отличаются. Те прилежные и болтливые, не доверчивые и склонные к доносительству на чужаков смотрители. Обитатели города, напротив, – великодушные, открытые и внушающие доверие, за исключением некоторых продажных адвокатов, выкачивающих деньги из приезжающих на время чужеземцев, но их ожидает суровая кара, если народ их изобличит. Насколько вообще городá по сравнению с равнинной страной предлагают лучшие и более приятные жизненные условия, настолько Афины во всем этом далеко превосходят другие города – следует только беречься от соблазнов гетер. Афины – так кончается описание – это город Греции, который следует посмотреть, от которого приходишь в восторг и с которым расстаешься только себе не на пользу.

Гераклид описывает Афины как город в состоянии глубокого покоя, в котором можно хорошо пожить. Он не дает и намека на то, были ли они свободны или находились под властью македонского царя, о политических занятиях граждан не идет и речи. Его Афины – город вне времени, идиллия, – вредный элемент там составляют лишь паразитирующие на чужеземцах стряпчие, упомянув которых автор, однако, моментально возвращается к описанию достоинств Афин.

VII. Свобода и нейтралитет (229 — 200 гг.)

1. Ненадежная свобода

В начале 229 г. умер царь Деметрий II, оставив после себя девятилетнего сына по имени Филипп. Шаткое положение Македонии послужило в Афинах сигналом к попытке вновь обрести свободу. Эта цель и была достигнута — на сей раз, в отличие от 287 г., без применения силы. Командовавшего в Аттике царского наместника Диогена, который, по всей вероятности, сам был афинским гражданином, удалось склонить к тому, чтобы вернуть афинянам Пирей, остров Саламин, а также крепости Мунихию и Рамнунт и распустить стоявшие под его началом части. Дабы рассчитаться с ними, он потребовал 150 талантов, которые, видимо, тут же были найдены¹. Афинские декреты приписывают инициативу этих действий и раздобывание востребованных денег братьям Эвриклиду и Миксиону из Кефисии, из которых, по крайней мере, Эвриклид уже занимал до того высокие посты. Оба стали в последующие десятилетия непосредственными проводниками афинской политики. Наряду с ними виновником возвращения свободы назван «народ»². По Плутарху с Павсанием выходит, что инициативу проявили сами афиняне, однако решающая заслуга принадлежит ахейскому государственному деятелю Арату. Его, кто столь часто вторгался в Аттику, граждане будто бы призвали тогда сами, после того как наконец-то признали его добропорядочность (а именно, когда он после прорыва к Академии согласился повернуть назад). Несмотря на то, что из-за болезни его таскали на носилках, Арат прибыл в Афины лично и не только подвиг Диогена сдать опорные пункты, но и к запрошенной сумме отступного дополнительно внес 20 или даже 25 талантов. Оба автора следовали при этом собственному жизнеописанию Арата из его мемуаров, и вполне очевидно, что там его роль преувеличивается чрезмерно³.

¹ О нижеследующем см. входящее во все детали изложение: *Habicht Ch. Studien.* — S. 79 — 93.

² IG II² 834, 10 — 14; BCH 80, 1956, 57, № 1; 102, 1978, 103 — 108.

³ *Plutarch, Arat* 34, 5 — 6; *Pausanias* 2, 18, 6.

До наступления июля месяца 229 г., в котором берет начало новый аттический год, город, гавань и сельская область Аттики впервые с конца Хремонидовой войны снова стали свободными, а гавань даже в первый раз за последние 66 лет. Именем архонта, заступившего на должность в июле 230 г., афиняне открыли новую таблицу списка архонтов, дабы сделать очевидным, что в год его архонтата последовало освобождение, воспринимавшееся как новая эпоха⁴. Исходя из фрагментарных надписей беотийских городов Фивы и Феспии, уже давно приходили к заключению, что предоставлением ссуд общины эти облегчили тогда афинянам сбор суммы отступного, однако недавнее исследование показало, что этот тезис покоится на шаткой основе⁵. Часто предполагалось также, что царь Птолемей III (246 – 221 гг.), который, по мнению некоторых исследователей, уже подстрекал Арата к набегам на Аттику и, уж во всяком случае, поддерживал его субсидиями, оказал финансовую помощь, хотя это нигде не засвидетельствовано⁶. Напротив, надежно установлено, что граждан и осевших в Аттике иноземцев призывали к тому, чтобы подписаться на заем «на свободу», упомянутый в нескольких надписях. Собранные суммы могли быть использованы как взнос на роспуск царского гарнизона. Далее, с помощью денежных пожертвований тогда были заново укреплены стены города и Пирея, а также портовые сооружения⁷. Очевидно – и это в порядке вещей, – власти и граждане предприняли все усилия, дабы оградить себя от риска повторно потерять свободу. Нельзя было не считаться с тем, что македонская монархия едва ли примирится с утратой своих позиций в Аттике, а потому рано или поздно следовало ожидать нападения отсюда.

Именно потому Арат надеялся и рассчитывал теперь на вступление Афин в Ахейский союз, чего он так долго хотел добиться силой. Теперь уже афиняне стали свободны в своих решениях; кроме того, финансовая помощь Арата могла сделать их уступчивее, и они могли принять его предложение. Тем не менее афинское правительство воспротивилось этому нажиму и избрало, к горькому разочарованию Арата, твердую политику нейтралитета, связанную с именами брать-

⁴ IG II² 1706 с коммент.: *Dow S.* // *Hesperia* 2. – 1933. – P. 430 – 434. Подобные манифестации в списках городских эпонимов довольно часты в греческом мире, см.: *Habicht Ch. Studien.* – S. 80, с литературой, указанной в примеч. 3.

⁵ Прежние исследования (среди прочих, Диттенбергер, Фергюсон, Фейель, Хабиخت) опровергнуты: *Migeotte L.* // *Boiotika* / Hrsg. v. H. Beister u. J. Buckler. – München, 1988. – P. 193 – 201. Далее, Д. Кнѣпфлер склонен отнести привлекаемую здесь надпись IG VII 2405 – 6 вместо 229 к 285 г. до н. э. (*Chiron.* – 1992. – Vol. 22. – P. 475).

⁶ *Urban.* Wachstum und Krise des Achaischen Bundes. – Wiesbaden, 1979. – S. 52 – 54.

⁷ *Habicht Ch. Studien.* – S. 81 – 82.

ев Эвриклида и Микиона. Это нашло отражение в мемуарах Арата и сохранилось, кроме того, в основанной на них главе в книге ахейского историка Полибия. Он формулирует это так⁸: «Избавившись от страха перед Македонией и полагая, что уже прочно овладели свободой, афиняне при своих вожаках Эвриклиде и Микионе не принимали участия ни в каких начинаниях прочих греков. Следуя намерениям и воле своих лидеров, они стлались пред всеми царями, но более всего пред Птолемеем. Они попустительствовали постановлениям и провозглашениям любого рода и, по недомыслию своих вожakov, мало значения придавали приличию».

Этими суровыми словами Полибий осуждает политику афинян как непротивленческую, оппортунистическую и лишенную достоинства. Упрек в изоляционизме, бездеятельности среди греческого мира может в его устах означать лишь то, что он скорее ожидал от афинян участия в *ахейских* делах, то есть присоединение к их Союзу. Горечь его слов трогает потому, что Ахейский союз как раз в 20-е годы, то есть сразу вслед за освобождением Афин, очутился в тяжелейшем кризисе и был доведен спартанским царем Клеоменом до грани гибели и роспуска⁹. До такой опасной грани он ни за что бы не дошел, присоединись к нему Афины, как того желал Арат. И того хуже: когда ахейцы в их бедственном положении обратились осенью 225 г. к Афинам за помощью, им дали от ворот поворот. Согласно Плутарху, братья Эвриклид и Микион настояли на своем, вопреки преобладающим якобы настроениям граждан, готовых прийти на помощь¹⁰. Худо ли, хорошо ли, но пришлось ахейцам идти на поклон к той державе, в борьбе с которой Союз вот уже добрых полвека как раз и видел свою основную задачу, — к Македонии. Дабы спасти свое политическое бытие, Арат вынужден был тогда смириться и откреститься от всей своей прежней политики. Царь Антигон Досон предоставил помощь и спас Союз, победив Клеомена и Спарту в битве при Селласии в 222 г., однако ахейцы заплатили за это дорогой ценой: они должны были вернуть царю Коринф и укрепленный Акрокоринф, завоевание которых было некогда великим подвигом Арата. И это было еще не все. На четверть столетия вперед ахейцы оставались номинально союзниками, на деле же сателлитами македонской монархии, до тех пор пока в 198 г. своим переходом на сторону римлян они не променяли одну зависимость на другую.

Разочарование Арата и Полибия по поводу позиции Афин после 229 г. с точки зрения ахейских интересов, конечно, вполне понятно, а гнев на домогательства Афинами расположения царя Птолемея был обоснован кроме того еще и тем, что последний во время великого

⁸ *Polybios* 5, 106, 6 — 8.

⁹ *Urban. Op. cit.* 117 — 214.

¹⁰ *Plutarch, Arat* 41, 3.

кризиса Ахейского союза не только приостановил выплату ему своих субсидий, но и вдобавок распорядился передать эти деньги его гонителю Клеомену. При таких обстоятельствах сердечность в отношениях между Афинами и Птолемеем в эти годы должна была разозлить ахейцев. Упрек в заискивании перед Птолемеем имел сверх того в виду и нечто конкретное – культ царя, декретированный афинянами в 224/3 г. (см. ниже, с. 180).

Сколь правомерна оценка ахейцами афинской политики, конечно под углом зрения ахейских интересов, столь же несправедлива она в отношении собственно Афин. Для них речь шла в первую очередь об удержании только что обретенной вновь свободы, то есть защите ее от посягательств Македонии, а затем уже и о сохранении своего суверенитета, который при вступлении в Ахейский союз подвергся бы ощутимому ущемлению. Это был трудный курс, который прокладывали тогда Эвриклид и Микион, и они нуждались, естественно, в опоре на более сильную державу при условии, если та сама не станет угрожать свободе города. По расстановке сил, ею мог стать, как и прежде, только птолемеевский Египет.

Благодаря событиям весны 229 г. Афины снова вошли в круг самостоятельных держав и вновь обрели способность проводить свою собственную внешнюю политику. Тотчас же после долгого перерыва были восстановлены дипломатические контакты, незначительные следы которых сохранились в лакунарной традиции. Первоочередная задача Афин состояла в том, чтобы установить добрые отношения с как можно большим числом держав, не позволяя втянуть себя при этом во всякие дразги, а также избегая всего того, что могло бы спровоцировать Македонию на дальнейшие шаги. «Деметриева война» продолжилась вслед за смертью царя Деметрия как македонно-этолийская война. Поначалу из-за нестабильности ситуации в Македонии в наступление перешли этолийцы. Уже в 229 г. они урвали у македонян значительную часть контролируемой ими до той поры территории Фессалии. В то же самое время и Беотийский союз, северный сосед Аттики, становится свободным. Но Антигон Досон, племянник Антигона Гоната, назначенный опекуном молодого наследника трона Филиппа и через брак со вдовой Деметрия Фгией ставший его приемным отцом, быстро справился с ситуацией. Он моментально завоевал себе в стране авторитет, среди прочего победой над дарданами на севере страны. Вслед за тем он изгнал этолийцев из Фессалии и решительно вторгся в 228 г. в Дориду – область в Средней Греции, принадлежавшую к их Союзу¹¹. В это время он,

¹¹ Из солидных работ см.: *Fine J.* // TAPhA. – 1932. – Vol. 63. – P. 126 – 155; *Walbank, Macedonia.* – P. 337 – 342. О вторжении в Дориду см. недавно опубликованное досье из Ксанфа в Ликии: *Bousquet J.* // REG. – 1988. – Vol. 101. – 12 – 53, с исправленной датировкой: *Walbank F.W.* // ZPE. – 1989. – Vol. 76. – P. 184 –

возможно, уже был провозглашен царем Македонии. В союзе с этолийцами состоял, как то и подобало традиционному соперничеству его царского дома с Антигонидами, царь Птолемей III¹². Вероятно, именно в это время этолийцы ставят статуи многочисленным членам египетского царского дома в своем союзном святилище в Терме и воздвигают для этой группы монументов отдельную экседру¹³. Несмотря на эти союзные узы, этолийцы были вынуждены тогда заключить мир с царем Антигоном. А он уже в 227 г., перемахнув через всю Эгеиду, вторгся в Малую Азию, завоевав в Кариин целый ряд городов по соседству с Миласой¹⁴. Очень скоро выяснилось, что Афины по отношению к нему должны держать ухо востро, а потому благоразумие подсказывало подальше держаться от этолийско-египетского альянса. Кроме того, афинские власти, кажется, уже упустили время для нормализации отношений с этолийцами, с которыми они до 229 г. находились в состоянии войны, ибо в течение целого ряда лет они уклонялись от того, чтобы снова направить своего представителя в Совет Дельфийской амфикистии, контролируемый тогда этолийцами, в котором Афины с давних пор располагали одним из двух мест, резервированных для ионян¹⁵. Эта сдержанность позиций могла быть продиктована лишь намерением избежать любой бесцеремонности со стороны Македонии и ее царя.

Однако с этим царем город вошел в прямой контакт, что стало известно лишь недавно из одного декрета от сентября 226 г., который был обнаружен на Афинской агоре в 1935 г. Это постановление в честь Притана из Кариста, философа школы Аристотеля, снискавшего доверие македонского царя и избранного им для разработки новых законов аркадского города Мегалополя. Притан откликнулся на призыв Афин вести от их имени переговоры с Антигоном¹⁶. Можно предположить, что афинские власти стремились во что бы то ни стало добиться признания *status quo*. Текст ясно показывает, что в Афинах миссию Притана рассматривали как весьма деликатную. Особенно его превозносят за то, что он без всяких экивоков выказал свою готовность вести переговоры, не взирая на связанные с этим труды и опасности. Далее, его восхваляют за «откровенность», с ка-

196. См. теперь также: *Bohec S. le. Antigon Dôsôn roi de Macédoine.* — Nancy, 1993. — P. 154 — 162.

¹² PaP. Haun. I 6, Z. 18; *Habicht Ch. // ZPE.* — 1980. — Vol. 39. — S. 1 — 2.

¹³ IG IX 2, 56 (ISE 86). Cp.: FD III 4, 233.

¹⁴ Новые сведения об этом принесли надписи из Лабраунды: *Labraunda. Swedish Excavations and Research, III. 1, part 1: Crampton J. The Greek Inscriptions, Lund 1969; cp.: Walbank. Macedonia.* — P. 343 — 345.

¹⁵ *Fiaccière R. Les Aitolien à Delphes.* — Paris, 1937. — P. 256, note 1.

¹⁶ ISE 28 с коммент. Моретти. Гипотезу о том, что в отправке Притана выражается озабоченность Афин в отношении Антигона, Бозк считает необоснованной (Op. cit. — P. 184 — 189).

кой он держал речь перед царем. Напротив, ни разу нет и намека на то, что он добился от него чего-то достойного упоминания. Можно быть совершенно уверенным, что Антигон Досон не был склонен давать афинянам гарантии в том, что станет постоянно уважать их суверенитет.

Вряд ли можно считать простой случайностью, что от того же месяца сентября 226 г. мы имеем также декрет в честь высокопоставленного функционера царя Птолема III по имени Кастор из Александрии¹⁷. Оба документа относятся к тому времени, когда ахейцы после их поражения летом при Гекатомбеоне впервые стали прощупывать у македонского царя почву насчет возможности альянса¹⁸. Эти контакты должны были тревожно отозваться в Афинах, но в них наметилась не только перспектива единения обеих традиционно враждовавших между собою держав, но и сверх того возможность македонской экспансии на Истм и в Пелопоннес. Опасения политических кругов Афин должно было усилить и то, что именно тогда в Беотии внутри Союза начала получать перевес фракция, сплотившаяся вокруг фиванской фамилии Асконда и Неона, которая подумывала о компромиссе с Македонией, а также то, что Беотийский союз в 228 или 227 г. снова заключил унию с ахейцами. Опасность изоляции Афин была налицо. Действительно, по инициативе македонского царя и под его политическим лидерством в 224 г. возник новый, выросший из объединений 337 и 302 гг. союз «эллинов», куда вошли кроме Македонии и ее сателлитов — Фессалии, Эпира, Аккарнании, Фокиды, Локриды и Эвбеи — Беотийский и Ахейский союзы¹⁹. Союз был направлен против Клеомена и Спарты, однако трудно было избавиться от впечатления, что его члены (или некоторые из них) в один прекрасный день не обратятся против Афин. Немного погодя, в том же 224/3 г., Афины приняли постановление об учреждении культа Птолема III Эвергета. Из вышесказанного ясно (даже если это не столь хорошо известно для всех прежде основанных культов эллинистических владык), что в данном случае в основе введения культа лежали политические мотивы.

2. Двадцатые годы

В том же году, когда наступил конец македонскому владычеству над Афинами, в городе скончался в преклонном возрасте Клеанф из Ассоса. Как преемник Зенона, он с честью руководил философской

¹⁷ IG II² 838. Сын Кастора Филон был награжден в 188/7 г. в Дельфах и около 175/4 г. Этолийским союзом дарованием проксении (Syll.³ 585, 146; IG IX I², 31, 141).

¹⁸ Fine J. // *AjPh.* — 1940. — Vol. 61. — P. 144.

¹⁹ StV 507. — S. 212 — 217.

школой Стои на протяжении 32 лет, то есть ровно столько, сколько держалось чужеземное господство — на следующий год после капитуляции Афин он сменил на посту скончавшегося тогда основателя школы. Царь Антигон почитал Зенона и побудил город оказать ему посмертные почести. Теперь в один и тот же год скончались и наследник царя, и преемник Зенона — оборвались связывавшие Афины и царский дом узы, которые среди прочего привели Зенонова ученика Персея ко двору и на службу царя.

Граждане Афин, что было вполне естественно, сразу стали чуждаться тех, перед кем они до сих пор преклонялись. Из общественных молений, из государственных декретов и из ритуала публичных жертвоприношений тут же исчезли, как показывают надписи, упоминания македонского царя и его присных. Царская медь, служившая в Аттике на протяжении тридцати истекших лет расхожим платежным средством, была теперь надчеканена афинскими символами и с того момента поступала в обращение как деньги свободной республики²⁰. Засвидетельствовано и то, что в общине Рамнунта более не приносились жертвы царю вкупе с богиней Немесидой (с. 163)²¹. Но, как это было уже в 301 и 287 гг., названные по Антигону I и Деметрию Полиоркету филы сохранили свои названия, а с ними и культ умерших царей как эпонимов этих подразделений гражданства.

Новый политический порядок положительно проявил себя в изданных в год освобождения чрезвычайных постановлениях в честь бывшего царского начальника Диогена и в учреждении нового общественного культа. Диоген, действия которого способствовали освобождению города, был официально титулован «благодетелем» (Euergetes) и в таковом звании получил место в почетном ряду театра: дорогостоящее мраморное кресло, на котором появилась надпись с его именем, после его смерти переходило к старшему из его потомков. Далее, можно уверенно предположить, что за ним было признано переходившее к старшему наследнику почетное право угощения на общественный счет — привилегия, предоставлявшаяся только тем гражданам, которые совершенно исключительным образом проявили свои заслуги. В честь Диогена был построен еще один гимнасий — Диогенион, служивший на благо оздоровления афинского юношества. Еще спустя более ста лет после его избавительного подвига эфебы приносили ему в жертву быка на ежегодном, названном в честь

²⁰ Вопреки мнению о том, что это случилось в 239 г. после смерти Антигона Гоната, я высказался за 200 г. как дату надчеканки (Studien 42). Теперь Кролл (Coins 51 — 52) сделал вероятными годы вскоре после 229. Весной 228 г. жертвоприношение пританов за благополучие государства, как оно обычно устраивалось в начале народного собрания, не упомянуло царскую фамилию (Agoga XV 120, 16), равно как это стало нормой и для всех последующих документов.

²¹ Декрет ISE 29, 16 — 18 из Рамнунта от 225/4 г. показывает, что царь снова был исключен из культа Немесиды.

Диогена празднестве. Долго после его смерти город хранил о нем благодарную память²².

Как Филиппид учредил некогда в память об освобождении 287 г. дополнительное состязание в честь Деметры и Коры²³, так же и Эвриклид устроил опять же дополнительный агон в память об освобождении 229 г.²⁴. По предложению Эвриклида граждане, вероятно, вскоре после событий 229 г. издали постановление о сооружении нового святилища, в котором почитался персонифицированный Демос вместе с Харитами, дочерьми Зевса²⁵. Это святилище на северо-западе Агоры примыкало к северному склону Колонос Агораиос; по всей видимости, в нем никогда не было храма. Жречество нового культа было в семье Эвриклида и Микиона, видимо, наследственным. Ровно столетие спустя один представитель этого дома, монетарий Эвриклид, напомнил об учреждении культа и его связи со своей фамилией тем, что на монетах года своей службы (122/1) поместил изображение трех граций (Харит)²⁶. Этот жрец обладал таким же правом прозрений в театре, что и освободитель Диоген; и его кресло с соответствующей надписью было обнаружено в театре Диониса²⁷. Очень скоро, и на долгие годы вперед, в это святилище стали посвящать статуи отличившихся перед городом мужей, и никогда не подвергалось сомнению, что данный культ сделался религиозно-идеологическим символом обновленного, независимого и демократического государства.

Персонификация Демоса, то есть народа в государстве, была не нова. Аристофан в поставленных в 422 г. «Всадниках» вывел на сцену Демос как образ, он изображался и на многих рельефах актовых стел IV в.²⁸. Однако культ и культовое изображение были созданы только в связи с событиями 229 г. Уже долгое время вызывает противоречивые суждения вопрос о том, кто такие были Хариты в Афинах и было ли их две (Авксо и Гегемона), три или даже четыре (вдобавок к ним Талло и Карпо). Заслуживает внимания, что жрец нового культа наряду с косметом, предводителем эфебского корпуса, год за годом присутствовал при жертвоприношениях по случаю по-

²² Подробнее см.: *Habicht Ch. Studien.* — S. 83 — 84; *Gauthier. Cités.* — P. 64—65.

²³ IG II² 657, 43 — 45.

²⁴ IG II² 23 — 24, почти дословно повторяет текст декрета в честь Филиппида.

²⁵ Подробное изучение этого культа и его значения в жизни города, с разбором предшествующих работ см.: *Habicht, Studien.* — S. 84 — 96; X.-A. Томпсон присовокупил к этому важное свидетельство Аристотеля (см. примеч. 29).

²⁶ *Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens.* — New York, 1961. — P. 604 (где следует только исправить датировку).

²⁷ IG II² 5029 а, 5047. *Maass M. Die Prohedrie des Dionysostheaters in Athen.* — München, 1972. — S. 109, 121.

²⁸ Ср.: *Habicht Ch. // AM.* — 1990. — Vol. 105. — S. 259 — 263. О рельефах см.: *Meyer M. Die griechischen Urkundenreliefs.* — Berlin, 1969.

ступления на службу эфегов нового призыва и что в присяге эфегов среди призываемых в свидетели клятвы богов фигурируют Талло, Авксо и Гегемона. Хотелось бы поэтому видеть в этих трех — почтившихся тогда в Афинах Харит. Твердо установлено, что Хариты некогда располагали более ранним скромным святилищем при входе на Акрополь, которым, однако, во времена Перикла пришлось пожертвовать при строительстве Пропилей. В связи этих богинь с эфебским корпусом видна действенная забота о благе юношества, а в их связи с персонификацией гражданской общины проглядывает идея о том, что благополучие молодежи обеспечит благоденствие и государству. Наряду с этим, как подсказывает семантика имени Харит (выражение благодарности), свою роль могло сыграть и намерение поведать всему миру, что новый культ является выражением признательности за освобождение от чужеземного владычества и за оказанную в этом помощь²⁹. Позже, видимо около середины II в. до н. э., с этим культом оказалось связанным и почитание богини Ромы, благодаря чему жрец Демоса и Харит стал вдобавок и жрецом Ромы³⁰. Такая связь лишняя раз подчеркивает, что с самого начала в этом культе доминировала политическая идеология. Расширенный культ должен был во всеуслышание заявить, что афинская гражданская община и Римская республика связаны друг с другом неразрывными узами.

Лишь спустя несколько лет вслед за этим новым государственным культом возник и следующий: в 224/3 г. царь Птолемей III Эвергет был введен в афинский пантеон³¹. Было устроено новое подразделение афинского гражданства, и эта новая, тринадцатая фила получила в его честь название Птолемаиды. Поскольку каждая фила была представлена в Совете 50 членами, число булевтов выросло тогда с 600 до 650. Каждая из двенадцати имевшихся фил отдала по одному своему дему для создания Птолемаиды, равным образом к ней был приписан новый дем Береникиды, названный в честь царицы Береники³². Как эпоним Птолемаиды царь получил свое место на по-

²⁹ Aristoteles, *Ethica Nicomachea* 5, 1132 b — 1133 a. М.-П. Нильсон объясняет этот культ потребностью «наряду с культом правителя, выразившего государственную идею монархии, создать столь же ярко выраженную параллель и для свободных государств» (*Geschichte der griechischen Religion* II³. — München, 1974. — S. 144 — 145).

³⁰ Самое раннее из засвидетельствованных жертвоприношений Роме в Афинах нельзя, как прежде, относить к 184 г. до н. э. (так еще у: Habicht, Studien. — S. 91, Anm. 67), так как архонт Плейстен в надписи Agora XV 180, 1 замещал должность около середины этого столетия (*Tracy. ALC.* — P. 141 — 142, иначе: *Trail J. S.* // ZPE. — 1994. — Vol. 103. — P. 109 — 114).

³¹ Обо всех подробностях свидетельствах и о датировке этого культа, ставшего уже бесспорным, см.: Habicht Ch. Studien. — S. 105 — 112; idem, Athens and Ptolemies // *Classical Antiquity*. — 1992. — Vol. 11. — P. 68 — 90.

³² *Trail J. S.* // *Hesperia*. — 1975. — Suppl. — P. 14. — 33; P. 61, Tab. on p. 62 — 63.

стаменте героев фил на Агоре, принявшем теперь и его статуя. В честь царя был учрежден праздник Птолемеи, а для отправления его культа назначен жрец, исполнявший одновременно и должность жреца Береники.

Эти различные культовые почести до мельчайших нюансов совпадают с теми, которые в 307 г. были декретированы Антигону I и Деметрию Полиоркету. Чуть позже они найдут точную параллель в учрежденном в 200 г. культе пергамского царя Аттала I (с. 197). Нетрудно заметить, что самый значительный мотив введения всех трех культов был почти один и тот же: выразить свою благодарность за возвращение, соответственно обретение свободы (и демократии) перед лицом исходившего от одного из владык Македонии нажима или угрозы. В 307 г. это был Кассандр, в 224/3 г. опасность исходила от Антигона Досона, в 200 г. от его преемника Филиппа V. В первом разделе этой главы описано, как Афины из-за своей собственной политики нейтралитета — равно как и благодаря успехам союзной политики поразительно быстро вновь окрепшей македонской монархии — оказались в 20-е годы в изоляции и по милости основанного в 224 г. Антигоном Досоном эллинского союза — под угрозой окружения. Не могло и быть иначе, чтобы город тогда, как и неоднократно прежде, не стал искать поддержки и защиты у египетского царя. Введенный в тот момент культ этого царя — не что иное, как благодарность города на его отклик. Совершенно верный вывод был сделан уже давно У. С. Фергюсоном, когда он назвал Птолемея «едва ли не покровителем нейтралитета Афин»³³.

Именно тогда афиняне наградили высокопоставленного функционера царя по имени Трасей предоставлением прав гражданства, а тот в качестве комплимента своему монарху выбрал только что созданную филу Птолемаиду³⁴. Один совсем недавно (в 1989 г.) изданный документ из Арсиной в Киликии подарил новые важные сведения о личности и семье этого Трасея³⁵. Семейство происходило из Аспендоса в Памфилии, немного южнее Антали на южном побережье Турции. Трасеев отец Аэт был в 253/2 г. в Птолемеевом царстве эпонимным жрецом Александра Великого и обожествленной царской четы Theoi Adelphoi, что без всяких сомнений относит его к высшим слоям монархии. В ранге наместника Птолемея II он управ-

³³ *Ferguson W.S. Athenial Tribal Cycles in the Hellenistic Age. — 1932. — P. 143.* Александрийское влияние на гончарное ремесло Афин этого времени констатирует: *S. Rotroff, Agora XXII 1982, 11 — 13.*

³⁴ *IG II² 836 с коммент.: Wilhelm Ad. Akademieschriften. — Vol. 2. — S. 546 — 550. Ср.: Habicht Ch. Studien. — S. 115 — 116.*

³⁵ Первая публикация: *Kirsten E., Opelt I. // ZPE. — 1989. — Vol. 77. — S. 55 — 66; исправленный текст и подробный коммент.: Jones C.P., Habicht Ch. // Phoenix. — 1989. — Vol. 43. — P. 317 — 346. О семье Трасея см. особенно на с. 335 — 346. Дальнейшие улучшения текста: Gauthier Ph. Bull. épigr. — 1990, 304.*

лял провинцией Киликией на юго-востоке Малой Азии и основал там новый, названный в честь царицы город Арсиною. Вслед за тем Киликия отошла к Селевкидам, однако в 246/5 г. была вновь отвоевана Птолемеем III.

Как преемник отца, Трасей стал там также царским наместником, о его деятельности и поведала новая надпись. Он добился компромисса между новым городом Арсиной и ее соседом Нагидосом, основанным самосцами за столетия до того городом, который должен был уступить новооснованному часть своей территории. Сын Трасея был тем самым — известным из Полибия, других авторов и по надписям — Птолемеем, который после блистательной карьеры в армии Птолемея IV стал его наместником в Келесирии и Финикии, но после смерти царя поступил на службу к Селевкиду Антиоху III и привел к нему с собой управлявшуюся им провинцию. И прочие члены этой фамилии, среди которых два других сына Трасея, засвидетельствованы на высоких постах службы у Птолемеев и Селевкидов.

Поэтому ясно, что царь Птолемей III в 224/3 г. в лице Трасея послал в Афины мужа, облеченного его особыми полномочиями. Немного позже Трасей снова прибыл туда с дарами своего царя³⁶. Последний должен был придавать большое значение восстановлению разорванных в 262 г. уз. Укреплению их послужило основание в Афинах еще одного гимнасия — Птолемейона, построенного на царские деньги. Его эпонимным патроном скорее являлся именно этот царь, чем его третий преемник Птолемей VI Филометор (181 — 145)³⁷. Афиняне, со своей стороны, постарались придать этим отношениям дальнейшую огласку и большую прочность тем, что пригласили для участия в новом празднике Птолемеи иностранные государства. Случайно сохранился один афинский декрет в честь Эфеса и отправленных им в Афины послов, выразивших готовность своего города принять участие в этих Птолемеях отправкой посольства³⁸. Эфес в то время был одним из заморских владений Птолемеев. Новый праздник продержался более ста лет, возможно, до конца Птолемеевой монархии в 30 г. до н. э.³⁹

Сразу вслед за освобождением 229 г., а именно следующей весной, Афины, не предпринимая со своей стороны никаких усилий, впервые вошли в контакт с другой великой державой — Римской республикой. Рим в это время, после приобретения первых двух провинций — Сицилии и Сардинии, не только переживал подъем своей

³⁶ IG II² 836, ср. примеч. 34.

³⁷ *Pausanias* 1, 17, 2. В пользу исконного «авторства» Птолемея VI высказалась: *Thompson M.* // *ANS MusN.* — 1964. — Vol. 11. — P. 119 — 129, в пользу Птолемея III — спорящий с ней: *Habicht Ch. Studien.* — S. 112 — 117.

³⁸ ISE 30, датируется периодом между 224 и 222 гг.

³⁹ *Habicht Ch. Athens and Ptolemies.* — P. 83 — 85.

морской торговли, но и чувствительные помехи ей со стороны иллирийских пиратов. Дипломатические внушения иллирийской царице Тевте оказались безрезультатными, так что в 229 г. под командованием обоих консулов против нее был предпринят поход, так называемая Первая Иллирийская война, с тем успехом, что Тевта весной 228 г. была вынуждена заключить мирный договор. Он запрещал ей, между прочим, вести операции военными кораблями южнее Лисса (совр. Леск в Албании). Это была первая вылазка Рима на Балканы. Оставшийся в 228 г. в Иллирии еще один консул предыдущего года Л. Постумий Альбин дал через своих легатов разъяснения по поводу римского вмешательства на заседаниях Этолийского и Ахейского союзов, которые оба со своей стороны боролись против иллирийцев. Вскоре после этого Сенат отправил с той же миссией послов в Коринф как члену Ахейского союза и в Афины⁴⁰. В науке вызвал разногласия вопрос, были ли эти посольства более чем актами вежливости, придавалось ли им тем самым сверх этой цели большее политическое значение или нет⁴¹. Между тем не следует забывать, что Этолия и Ахайя тогда находились в состоянии войны с Македонией и что Афины только что вышли из-под македонской власти. При таких обстоятельствах не могло быть случайностью, что ни легаты Постумия, ни послы Сената не посетили тогда царский двор в Пелле. Может быть, покажется слишком рискованным предположение о том, что Рим уже тогда хотел изолировать Македонию, однако кажется достоверным, что Сенат пытался тогда как раз у противников Македонии снискать симпатии установленному в Иллирии новому порядку, который, во всяком случае, не мог оставить Македонию равнодушной.

Афины, однако, оказались связаны тогда с событиями в Иллирии и с другой стороны. После похода Сенат заключил союз с некоторыми полисами иллирийского региона, среди них с островным городом Фаросом. Отложение сидевшего в Фаросе князька Деметрия от Рима явилось причиной того, что этот город в 219 г. в ходе Второй Иллирийской войны подвергся сильному опустошению римской армией. Римский Сенат, однако, после этого снова заключил с ним союзный договор. Тогда Фарос, отправив посольства к своему материнскому городу Паросу и к Афинам, метрополии Пароса, просил через послов об «обновлении» существующего родства и о материальной по-

⁴⁰ Polybios 2, 12, 4 – 8.

⁴¹ Аполитичную точку зрения разделяют: Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J. C. – 1921. – P. 113 – 119; Walbank. Commentary 1. – P. 165 – 167; политическую – особенно: Harris W. War and Imperialism in Republican Rome 327 – 70 B. C. – Oxford, 1979. – P. 137 – 138: «миссией этой политики, и это должно быть ясно, была Македония». По словам одного позднего источника (Zonaras 8, 19, 7), римские послы в Афинах получили право гражданства и доступ к Элевсинским мистериям.

мощи для возрождения города⁴². Эпиграфический текст сохранился не полностью, а посему неизвестно, как реагировали афинские власти на это прошение, с которым к ним обратились именно на основании этого родства и потому рассчитывали на успех. Однако упоминание Афин в тексте, который в конце концов был ведь увековечен на камне и выставлен на всеобщее обозрение, говорит за то, что они откликнулись на просьбу Фароса.

3. Афины как нейтральная держава

Отказ афинских властей осенью 225 г. в просьбе о помощи тесным спартанским царем Клеоменом ахейцам, что Полибий еще несколько поколений спустя с большой горечью ставил в упрек афинянам, привел ахейцев в объятия македонского царя, с кем они до тех пор упорно боролись. Перед обозначившейся вскоре угрозой политической изоляции Афины искали и нашли защиту у царя Египта. Полагаясь на это, город продолжал следовать курсом нейтралитета, проложенным еще в 229 г.

Подобная политика могла увенчаться успехом, только если город был в силах в случае необходимости защитить себя сам — прежде его защита препоручалась царскому войску. Исходя из этого, в 229 г. афиняне тут же начали еще надежнее укреплять стены города и Пирея, а также сами гавани. Следующим мероприятием явилось укрепление и содержание в порядке крепостей на хоре. Кипучая деятельность продолжалась как минимум лет тридцать в крепости Рамнунт на востоке Аттики, откуда с недавнего времени ежегодно поступают новые документы в честь занимавших тогда пост стратегов прибрежной зоны и их подчиненных⁴³. Но Рамнунт в этом отношении не обязательно следует считать исключением: повышенная частотность тамошних находок, в сравнении с таковыми же в Элевсине, Суниионе или других крепостях, может иметь и случайные причины. Однако возникает впечатление, будто специально избегали поправлять связывавшие город с гаванью Длинные стены там, где была нужда в их ремонте, — в конце столетия они, по свидетельству Полибия, уже наполовину развалились. Компетентные круги пришли, очевидно, к убеждению, что и город, и Пирей в случае угрозы были в состоянии оборониться своими силами, а вот сохранять далее коммуникации

⁴² Основательную интерпретацию найденной в Фаросе надписи см.: *Robert L. // Hellenica*. — 1960. — Vol. 11 — 12. — P. 505 — 541; о роли Афин на с. 515 и 524 — 525. Предложенное Л. Робером приурочение к событиям 219 г. теперь доказал: *Derow P. // ZPE*. — 1991. — Vol. 88. — P. 261 — 270. Касающийся Афин пассаж декрета из Фароса см. *ibid.* 262, L. 10 — 16 (с критическим аппаратом на с. 263).

⁴³ См. ежегодные отчеты Б.-Х. Петракоса в *Ergon* и *Praktika*, из последних: *Praktika*. — 1990 (1994). — P. 21 — 24, № 1 — 2; *Ergon* 1993, 8.

между ними ненарушенными невозможно или нецелесообразно. По всей видимости, оценка финансовых ресурсов и привела к такому стратегическому плану, ради которого, в известном смысле, была принесена в жертву идея единства города и гавани. Поэтому показательно, что начиная с конца столетия в декретах стало говориться о столице и Пирее как о двух разных городах афинян. Та же трезвая оценка реальностей и финансовых возможностей могла в то время привести и к тому, что вопрос о каком-либо серьезном строительстве военного флота даже не поднимался⁴⁴.

Отсюда напрашивается вывод: в отличие от политиков-демократов, пришедших к власти после освобождения 287 г. и питавших надежды на то, что при помощи искусной политики альянсов Афины способны еще сыграть самостоятельную роль в крупной политической игре, Эвриклид и Микион были скорее убеждены в том, что город может надежнее всего утвердиться, если будет подальше держаться ото всех международных перипетий. Алкивиад, Леосфен или Хремонид рисковали больше, заламывали цену выше и ставили по крупному, но все они в конечном итоге, на погибель городу, терпели крах. Нет твердых оснований для того, чтобы осуждать политику братьев из Кефисии, избегавших большого риска, как не героическую или объявлять ее неправильной.

За последнее тридцатилетие III в. на греческой земле произошли три крупные, многолетние войны. Это были Клеоменова война 228 – 222 гг., в которой Клеомен вел Спарту против Ахейского союза и, с 224 г., против его союзников (Македонии и Эллинской лиги), затем Союзническая война 220 – 217 гг., в которой победившая Клеомена коалиция теперь под командованием царя Филиппа Македонского сражалась против Ахейского союза, и, наконец, Первая Македонская война 212 – 205 гг. между той же коалицией, с одной стороны, и Римом вместе с Этолийским союзом – с другой. Афины остались единственной крупной державой материковой Греции, которая сумела выпутаться из всех трех войн. Ее ведущим мужам удалось «обеспечить городу мир на время жизни целого поколения, тогда как остальную Грецию терзали опустошительные войны»⁴⁵. Завершивший Союзническую войну мир, заключенный в 217 г. в Навпакте, был, собственно, последним мирным договором на греческой земле, состоявшимся без участия Рима.

⁴⁴ Подробнее см.: *Habicht Ch. Studien.* – S. 128; «полуразвалившиеся» стены в 200 г.: Polybios apud Livius 31, 26, 8. С другой стороны, чтение Ливия (45, 27, 11) создает впечатление, что связывавшие город и гавань стены (*muros Piraeum urbi iungentis*) в 168 г. при посещении их Эмилием Павлом стояли (еще или снова) невредимыми или, по меньшей мере, достойными обозрения. Оба города (πόλεις) афинян впервые засвидетельствованы для 204/3 г. (*Hesperia* 45, 1976, 298, Z. 16 – 17), затем чаще, см.: *Gauthier Ph. // REG.* – 1982. – Vol. 95. – P. 275 – 290.

⁴⁵ Beloch, *GG IV* 1, 641.

Клеоменова война⁴⁶ разворачивалась целиком на земле Пелопоннеса. Дабы получить вооруженную поддержку от царя Антигона, Ахейский союз вынужден был уступить ему крепость Акрокоринф. В ходе боев Антигон отторг у врага аркадский город Орхомен, однако не вернул его назад ахейцам, но оставил в своих руках. Война закончилась в 222 г. победой царя и его союзников над Клеоменом и спартанцами при Селласии. Тогда как Клеомен нашел убежище при дворе египетского царя, Спарта вступила в Эллинскую лигу. Позиция македонской монархии в Греции стала после этих событий вновь доминирующей. Неожиданная смерть находившегося в расцвете лет царя Македонии через короткое время после его победы над Клеоменом была встречена в Афинах с облегчением. От его наследника Филиппа V, которому едва минуло семнадцать лет, уж точно нельзя было ждать какой-либо непосредственной угрозы.

Но не прошло и года, как разразилась новая война, порожденная неприязнью Этолийского союза к Ахейскому⁴⁷. После одного переворота в Спарте она перешла на сторону этолийцев, тогда как царь Филипп и Эллинская лига продолжали оставаться союзниками ахейцев. Война, затеянная Филиппом с неожиданной энергией, разыгрывалась на весьма удаленных друг от друга театрах военных действий, давая перевес то одной, то другой стороне. На северо-западе и севере ею были охвачены Эпир, Акарнания, Этолия, Фессалия и македонская Пиерия, где этолийцы во время одного налета в 219 г. разграбили незащищенное македонское святилище Дион у подножия Олимпа, за что Филипп на следующий год отплатил им подобными же бесчинствами в этолийском союзном святилище в Терме. На Пелопоннесе сражения проходили прежде всего в Элиде, Лаконии и Аркадии.

Афины не были прямо затронуты войной, однако, по крайней мере однажды, в 218 г., очутились перед крайней опасностью быть вовлеченными в серьезные перипетии, но не в связи с военными событиями, а вследствие кризиса, разразившегося в лагере царских войск⁴⁸. Возле молодого царя его предшественник незадолго до смерти поставил тронный совет из доверенных лиц. Во время войны между царем и некоторыми из этих влиятельных советников, среди которых ведущую роль играл македонянин Апеллес, произошел серьезный конфликт, в котором Арат, кажется, принял сторону царя. Инцидент закончился казнью Апеллеса и других перечивших царю или просто неутодных ему людей. Одному из них, начальнику царской канцелярии Мегалею, удалось поначалу скрыться и просить убежища в Афинах, однако

⁴⁶ О Клеоменовой войне см.: *Walbank. Macedonia*. — P. 337 — 364.

⁴⁷ Об этой так наз. «Союзнической войне» см.: *Walbank. Philipp V.* — Cambridge, 1940. — P. 24 — 67.

⁴⁸ Об этих событиях см.: *Errington R.M. // Historia*. — 1967. — Vol. 16. — P. 19 — 36.

«стратеги» города его выдворили. Он пустился в Фивы, где покончил с собой, дабы избежать своей выдачи⁴⁹.

Согласно освященной почтенным возрастом традиции Афин, ищущему защиты беглецу предоставлялось убежище, о котором он просил. Отказ в нем должен был быть мотивирован распоряжением, выданным ответственному за это стратегу Народным собранием или Советом. Так как Мегалей прибыл в Аттику из Коринфа, речь должна идти о стратеге Элевсинского военного округа, которым в 218/7 г. командовал Феофраст⁵⁰. Депортацией Мегалея афиняне нарушили принципы, которыми немало гордились. Ими двигал при этом скорее рассудок, чем честь. Просьба Мегалея поставила их в такое же затруднительное положение, как сто лет до того просьба Александрова казначея Гарпала о приюте и защите⁵¹. Предоставление убежища означало бы открытый конфликт с царем Филиппом, возможно, даже войну. Упрекая тогдашних афинских политиков в том, что они пресмыкались перед всеми царями, Полибий, по всей видимости, имел в виду не только царей из дома Птолемеев, но также Филиппа V и этот инцидент⁵².

В годы войны Афины вступили и в прямой контакт с воюющими державами. Афинянин Деменет из Атмона в первый военный год – 220/19 г., – а затем, после того как он в 219/8 г. стал стратегом Элевсинского военного округа, еще неоднократно, то есть, видимо, в 218/7 г., совершил посольство к царю Филиппу и в Этолийский союз, «чтобы оба соблюдали дружбу и мир к нашему народу и город никем не был перетянут на свою сторону»⁵³. В соответствии с этим основная цель его миссии состояла в том, чтобы разъяснить главным участникам, что Афины желают оставаться нейтральными и почему. Возможно, Деменет сверх того пытался действовать и как посредник, поскольку окончание военных действий было, конечно, в интересах всех не принимавших участия в войне государств.

В сентябре 217 г. в этолийском Навпакте был заключен мир. Все участники устали от войны, а Филипп благодаря известиям о событиях в Италии получил как будто дополнительный мотив положить конец вражде в Греции: пришла весть о победе Ганнибала над римлянами при Тразименском озере. Серьезные опасения вызывало у царя римское присутствие в Иллирии: ведь поход 229 г. был всего лишь временным его эпизодом, но уже начиная со Второй Иллирий-

⁴⁹ Polybios 5, 27, 1 – 2.

⁵⁰ О стратеге Феофрасте см. изданный в его честь декрет ISE 31. Его непосредственным предшественником в предыдущем году был Деменет из Атмона (IG II² 1304, 13).

⁵¹ См. выше, с. 37 сл.

⁵² Polybios 5, 106, 7; см. выше, с. 174.

⁵³ IG II² 1304 с замечаниями: Habicht Ch. Studien. – S. 132 – 135.

ской войны оно стало перманентным⁵⁴. Хотя римляне не сами утвердились в Иллирии, они все же заключали со многими городами и народностями союзные договоры, которые таили в себе возможность дальнейшего военного вмешательства. Этот так называемый «римский протекторат» в Иллирии был своего рода перекидным мостиком римлян на Балканский полуостров, в тылу у Македонии, подобно той роли, которую играл Сагунт в отношении зоны карфагенского господства в Испании, пока Ганнибал в 219 г. не завоевал этот город. Устранить римское влияние в Иллирии и стало основной и законной целью македонской политики.

Удобный повод для этого предлагала, казалось, Ганнибалова война. Филипп захватил инициативу и вошел в контакт с Ганнибалом через одного состоявшего у него на службе афинянина по имени Ксенофан. В 215 г., спустя несколько месяцев вслед за разгромом римлян при Каннах, был заключен союзный договор, текст которого донес до нас Полибий⁵⁵. Из его установлений нас интересуют здесь только те, которые предоставляли Филиппу право распоряжаться в зоне римского влияния в Иллирии⁵⁶. Однако до совместных военных действий союзников дело не дошло тогда ни там, ни в Италии. Скорее Филипп рассчитывал завоевать эти иллирийские области сам. Своей попыткой осуществить этот план он положил начало вражде с Римом, который в ответ на это заключил союз с этолийцами (212 г. до н. э.)⁵⁷. При проведении операций в Иллирии Филипп добился заметных успехов: он завоевал Лиссу и подчинил племена атинтанов, ардизев и партинов⁵⁸.

Масштабы войны расширились, когда в 211/10 г. к коалиции против Филиппа примкнули Аттал I Пергамский, Элида, Мессена и Спарта. Почти повсюду на Балканах развернулись сражения. Афины не могли уже дольше оставаться пассивным наблюдателем, после того как римский проконсул Сульпиций Гальба захватил лежащий перед городом в Сароническом заливе остров Эгину, разграбил его, а потом, в соответствии с римско-этолийским договором, передал этолийцам, которые в свою очередь продали остров царю Атталу. Совместно с другими нейтральными государствами Афины немного спустя, в июне 209 г., предприняли усилия, чтобы ликвидировать конфликт. Послы от царя Птолемея IV Филопатора (221 – 204), с

⁵⁴ Badian E. // PBSR. — 1952. — Vol. 20. — P. 72 — 93; Gruen. Hellenistic World. — P. 359 — 368; Errington R.M. // CAH VIII² 1989. — P. 85 — 106.

⁵⁵ Polybios 7, 9, 1 — 17; StV 528.

⁵⁶ Polybios 7, 9, 13: «чтобы римляне не властвовали над Керкирой, Аполлонией, Эпидамном, ни над Фаросом, Дималой, партинами и атинтанами». Тем самым Филиппу предоставлялась свобода действий в этой области.

⁵⁷ Все свидетельства, включая опубликованный в 1954 г. фрагмент договора, приведены Х.-Х. Шмидтом в: StV 536.

⁵⁸ Walbank. Philipp V. — P. 80; Hammond. Macedonia. — P. 391 — 399.

Родоса, из Афин и Хиоса появились в Малийском заливе в штаб-квартире царя Филиппа и этолийцев, дабы способствовать миру. Это была сосредоточенная и координировавшаяся главным образом в Египте акция, преследовавшая политическую цель — посредничеством в заключении мира заставить как римлян, так и пергамского царя покинуть территорию Греции. Следующей целью явилось, конечно, желание снова обеспечить нормальные условия для развития торговых отношений, страдавших от военных действий. Действительно, стороны заключили перемирие на тридцать дней и продолжили переговоры на союзном собрании ахейцев в Эгионе, однако там они потерпели неудачу⁵⁹.

В два последующих года прежде всего Птолемей и Родос продолжили свои усилия добиться мира. Наряду с ними в 207 г. называют еще Византий, Хиос и Митилену. Об афинянах в эти годы более не слышно, а посему они, видимо, остались безучастными, хотя ряд исследователей полагает, что упомянуть о них просто не представилось случая. Тем не менее ясно, что египетское правительство было крайне заинтересовано в прекращении войны. Политика его в последней трети этого столетия (до 204 г.) направлялась александрийцем Сосибием, который как эпонимный жрец Александра и обоженных Птолемеев с 235/4 г. был наделен функцией, предоставлявшей только самым важным помощникам царя. Сосибий имел право решающего голоса, чтобы обеспечить участие Афин в миротворческой акции 209 г. Есть и другие признаки его заботы об Афинах: с большой долей вероятности он и есть тот самый воспетый в оде Каллимаха Сосибий, который оказался победителем на панэллинских играх — Истмийских и Немейских, а также на Великие Панафини и на Птолемей в Александрии, — без сомнения, благодаря тому, что выставил на них лошадей и колесницы из своих конюшен⁶⁰. Немного позже на Панафинейх одержал победу и принятый на службу около 220 г. Поликрат из Аргоса, дослужившийся даже до поста канцлера Птолемеевской державы; там же стяжали себе победные венки и другие члены царского дома⁶¹.

Доколе Эвриклид и Микион вершили судьбами Афин, они стремились поддержать или установить добрые отношения с другими государствами. Уже в 229 г., по-видимому, нормализовались отношения

⁵⁹ Livius 27, 30, 3 – 6; 10 – 15. Habicht Ch. Studien. — S. 136 – 137.

⁶⁰ О Сосибии см.: Olshausen E. Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten I. — Löwen, 1974. — S. 43 – 45; Hub W. Untersuchungen zur Außenpolitik Ptolemaios' II. — München, 1976. — S. 242 – 251. Стих Каллимаха: fr. 384 Pfeiffer. В идентичности адресата оды и царского министра иногда сомневаются, напр.: Pfeiffer, Callimachus II, 1953, XL – XLI. Однако начиная с Белоха она общепринята. Воспетый Каллимахом муж должен был быть высокопоставленной и очень богатой личностью, на роль которой более всего подходит знаменитый царедворец.

⁶¹ IG II² 2313, 62 et passim. Ср.: Hesperia 60, 1991, 230.

с Этолийским союзом, против которого афиняне до этого сражались на стороне Македонии. Признаком тому служат многочисленные декреты в честь афинских граждан, изданные в 20-е годы союзным с этолийцами городом Дельфы⁶². Разумеется, те же почести от Этолийского союза в Терме засвидетельствованы снова только после заключения мира в 217 г. Отношения явно были корректными, но не близкими или сердечными. При этом весьма показательно, что Афины не тотчас в 229 г. заняли снова свое место в Совете Дельфийской амфикистии, ибо это невозможно было сделать в годы македонского господства. Этолийцы, которые благодаря своей территориальной экспансии III в. довели число голосов в Совете до 24-х, то есть получили там большинство, а значит, и контроль над ним, именно из-за этого и подвергались нападкам. Так, например, провозглашенной в 220 г. целью войны Эллинской лиги было стремление покончить с засильем этолийцев и восстановить традиционные отношения в Совете⁶³. Это стало бы возможным, если бы удалось отторгнуть у них аннексированные ими земли тех, кто издавна обладал в Амфикистии голосами, но потерял их в пользу этолийцев. Цель не была достигнута, и состав Амфикистии при подписании мира 217 г. не играл никакой роли. Непосредственно вслед за тем Афины снова стали посылать на съезд ежегодно избираемого гиеромнемона. Пока преобладание этолийцев столь ярко оспаривалось, афиняне не хотели предпринимать решительных действий, компрометируя себя в глазах македонского царя, который, стоя во главе Эллинского союза, стремился положить конец этому засилью.

В Беотии в 20-е годы многие афиняне были награждены проксениями Беотийского союза⁶⁴, другие же — после мира 217 г.⁶⁵. Афинская гильдия дионисийских технитов (праздничных актеров) издает тогда, около 215 г., декрет об участии в празднике Муз в Феспиях — этот праздник был реанимирован городом и Беотийским союзом⁶⁶. Навпактский мир привел к тому, что сакральные празднества, приостановленные во время войны, стали снова справляться в разных местах и даже в чем-то по-новому. Акарнанский союз принял тогда от города Анакторион заботу об устройстве праздника Аполлона в Актии, так как город после войны не был в состоянии дальше его финансировать⁶⁷. Об ахейцах Полибий говорит: «Они возобновили отчие жертво-

⁶² FD III 2, 78, 79, 158 (229 – 227 В. С.), 74, 76, 82, 166.

⁶³ Polybios 4, 25. Giovannini A. Ancient Macedonia 1. — 1970. — P. 148.

⁶⁴ IG VII 246, 302, 308.

⁶⁵ Многочисленные свидетельства приведены у: Habicht Ch. Studien. — S. 132, Anm. 64.

⁶⁶ IG VII 1735, восстановление: Feyel M. Contribution à l'épigraphie béotienne. — Le Puy, 1942. — P. 88 – 117, особенно 94 – 96.; Robert J. et L. Bull. épigr. — 1942, 69.

⁶⁷ IG IX² 583, с коммент.: Habicht Ch. // Hermes. — 1957. — Vol. 85. — S. 86 – 122.

приношения и праздники и другие богослужебные обряды в отдельных греческих городах. Ибо все это из-за непрекращавшейся череды войн у большинства почти что кануло в Лету»⁶⁸. В федеративном городе Мегалополе был возрожден тогда праздник Ликей; один фрагментарный декрет Афин содержит положительный ответ города на приглашение принять участие в этом празднестве⁶⁹.

В последней декаде этого столетия скончался Эвриклид. В 211 г. он еще был жив, но в 201 г. определенно уже умер⁷⁰. Нельзя сказать, принял он участие в мирной инициативе 209 г. или нет. В конце своей карьеры он был почтен Народным собранием в одном частично сохранившемся декрете, подводящем итог всей его общественной деятельности за время целой человеческой жизни. Очень ярко проступает из него ведущая роль Эвриклида среди сограждан: превозносятся его политические заслуги на различных постах, крупные личные пожертвования на благо государства, его решающая роль в освобождении города, забота о безопасности путем расстраивания укреплений и гаваней, его инициативы по обработке земель, оставшихся на время военных действий невозделанными, предпринятое им сакральное и гражданское строительство и, наконец, то, как он на посту общественного деятеля завоевал для своего полиса симпатии греческих городов и царей⁷¹.

Начиная с 229 г. Афины должны были поддерживать регулярные отношения со многими иностранными государствами. Свидетельств этого сохранилось совсем мало. Однако они, по крайней мере, показывают, что эти связи простираются далеко за пределы материковой Греции и включают в себя как острова (например, Крит)⁷², так и Малую Азию, где имеются свидетельства для Эфеса и Милета в Ионии⁷³, а также Антиохии и Магнезии на Меандре в Карию⁷⁴. До конца III в. можно проследить, после долгого перерыва, возобновленные контакты Афин с царским двором Селевкидов в Антиохии на севере Сирии⁷⁵.

⁶⁸ Polybios 6, 106, 2 – 3 (перев. Ю. Виноградова).

⁶⁹ IG II² 993. St. Dow, HSCP 48, 1937, 120 – 126.

⁷⁰ *Habicht Ch. Studien.* – S. 121.

⁷¹ Подробный анализ документа у: *Habicht Ch. Studien.* – S. 118 – 127, с дополнением «цари» вместо «союзники». О датировке гоппитской стратегии Эвриклида см. выше, с. 154). О его семействе см.: *Habicht, Studien.* – S. 179 – 182, где ряд деталей нуждается в дополнениях и исправлениях.

⁷² IG II² 844. *Brulé P. La Piraterie Crétoise hellénistique.* – Paris, 1978. – P. 17 – 24.

⁷³ ISE 30 (Эфес); Milet I 2, 12, афинские почести милетскому общественному деятелю Лихасу около 200 г. Он был, как особенно показывает добавленная на памятник эпиграмма, ведущим политиком и полководцем своего родного города.

⁷⁴ *Hesperia* 47, 1978, 49 – 57; cf. *Osborne M. J. // ZPE.* – 1980. – Vol. 38. – P. 99 – 101 (Антиохия); *I Magnesia* 37, афинский декрет в честь Магнезии.

⁷⁵ *Habicht Ch. // Chiron.* – 1968. – Vol. 19. – S. 9 – 14.

В сфере внутригородской жизни для тридцати последних лет того столетия в свое время (1937 г.) был известен всего лишь один-единственный декрет эфебов. Этот факт и то обстоятельство, что число эфебов данного года должно было быть крайне незначительным, поставили во взаимосвязь с общим обнищанием Афин того времени⁷⁶. Однако, теперь в нашем распоряжении имеется не менее десятка эфебских декретов этого периода, не считая тех, которые датированы «ок. 200 г.»; цифры от 20 до 55 эфебов одного набора остаются, конечно, очень низкими⁷⁷. Действительно, кажется, что экономический подъем дал себя почувствовать лишь во II в., в котором снова подросла и численность эфебов.

---

⁷⁶ *Dow St. HSCP* 48, 1937, 109.

⁷⁷ Список см.: *St. Tracy* // *Hesperia*. — 1982. — Suppl. 19. — P. 158 — 159; к этому также см.: *Hesperia* 30, 1961, 218, № 14.

VIII. На стороне Рима (200 — 167 гг.)¹

1. Против Филиппа

Политика нейтралитета, на протяжении целой человеческой жизни связанная с именами Эвриклада и Микиона — недаром Полибий называет обоих ее провозвестниками, — проводилась при том непременном условии, чтобы складывавшаяся вовне ситуация не принуждала Афины к более активному участию в событиях, разыгрывавшихся за пределами Аттики. Проводить эту политику можно было до тех пор, пока балканские державы в значительной степени были заняты сами собой, но продолжать ее дальше стало невозможно при изменившихся в конце III в. отношениях, когда Римская республика, подстегиваемая заключенным в год ее поражения при Каннах союзным договором Филиппа V с Ганнибалом, начала вмешиваться в дела Греции и пергамский царь Аттал I примкнул к заключенному вскоре, в 212 г., союзу римлян с этолийцами и к войне их против Филиппа, то есть Первой Македонской войне. Его инициатива уже чуть позже принесла ему обладание островом Эгиной, лежащим на подступах к Афинам.

Это были годы, заложившие основу римского владычества в Греции, — только что названные державы исполняли при этом главные роли. Как бы ни оценивать значение отдельных событий, нельзя пройти мимо того, что в 229 г. проявленная Римом решимость военной силой покончить с расцветшим при попустительстве царицы Тевты иллирийским пиратством, была первым шагом в длинной цепи событий, всего за два поколения сделавших Рим хозяином на Балканском полуострове. Среди современников правильно распознал и выразил это уже Полибий². Правда, представляется спорным, вы-

¹ О всеобщей истории этого времени см.: *Will. Histoire* 2. — P. 101 — 301; *Gruen. Hellenistic World*. — P. 359 ff.; *Hammond. Macedonia*. — P. 441 — 557; *Ferrary J.-L. Philhellenisme et Imperialisme*. — Rome, 1988. — P. 45 — 218; *Errington R. M., Derow P. S.* // *CAH*. — 1989. — Vol. 82. — P. 244 — 289, 290 — 319.

² *Polybios* 2, 12, 7.

звали ли события этого года в Греции или Македонии озабоченность, да и вообще какие-нибудь эмоции (с. 183). Но если не первое появление, то, уж во всяком случае, возвращение римских армий в Иллирию в 219 г. вызвало серьезное раздражение Македонии и ее молодого царя Филиппа. Вполне понятно, как Деметрий Фаросский, который в 229 г. заключил с римлянами альянс, затем от них отпал, а в 219 г. был ими изгнан и нашел убежище при царском дворе в Пелле, мог приобрести на царя влияние и утвердить его в решимости искать союза с Ганнибалом. Согласно союзному договору 215 г., контролируемые тогда Римом области Иллирии должны были стать победной наградой Македонии³.

От назревшей отсюда Первой Македонской войны Афинам еще удалось уклониться, хотя город вместе с другими державами усердствовал в разрешении конфликта (с. 188). После того как этолийцы заключили с Филиппом сепаратный мир, в 206 г. в эпирском городе Фёнике был подписан мирный договор между римлянами и македонским царем⁴. К нему были «приписаны» союзники с той и другой стороны: шесть государств со стороны Филиппа, а именно вифинский царь Прусий I и члены Эллинской лиги 224 г., семь других — со стороны Рима. За двумя исключениями, все они были соратниками по борьбе, и потому-то их внесение в миротворческий документ было особенно необходимо. Исключениями, оба с римской стороны, являлись Илион в начале и Афины в конце перечня. Уже давно стало ясно (хотя некоторые ученые придерживаются иного мнения), что оба они суть более поздние, то есть римские, интерполяции в сообщение, восходящее к Полибию. Упоминание Илиона интерполировано явно с целью выставить легендарную прародину римлян (Трою-Илион) как давнюю подопечную Республики, упоминание Афин — дабы постфактум оправдать римскую интервенцию 200 г. против Македонии, представив ее как оказание помощи союзной державе, охраняемой мирным договором 206 г. Автором этой фальсификации мог быть анналист I в. до н. э. Валерий Антий, так как бесспорно он вставил в Полибиеву традицию однозначно фальшивую купюру о том, что в 196 г. после победы римлян над царем Филиппом Афины якобы получили от них в виде компенсации острова Лемнос, Имброс, Делос и Скирос. Этими добавками он явно хотел изобразить дело так, будто Рим, объявляя войну Филиппу, когда тот напал на Афины, всего лишь выполнял свой союзнический долг согласно договору 206 г. и будто Рим после победы хотел возместить убытки жертве этой агрессии⁵. На самом же деле у Рима в 206 и 200 гг. не

³ Polybios 7, 9, 13; комментированный текст договора: StV 528.

⁴ Livius 29, 12, 11 — 16.

⁵ Подробное изложение с оценкой предшествующей литературы см.: Habicht Ch. Studien. — S. 138 — 142. Далее см.: Rich J. W. Proceedings of the Cam-

было никаких, как обычно, обязательств ни перед Илионом, ни по отношению к Афинам.

Между тем не только появление на греческой сцене новых держав — Рима и Пергама — не дозволило Афинам и дальше сохранять свою политику нейтралитета; к этому добавился и острый кризис, вспыхнувший в лагере их покровителя — Птолемеевской монархии. Царь Птолемей IV Филопатор умер в 204 г., оставив после себя шестилетнего сына Птолемея V Эпифана. Вместо него дела управления государством вели сменявшие быстрой чередой один другого регенты: самосец Агафокл, ликиец Тлеполеи и акарнанец Аристомен. Пока державы сражались друг против друга, в Александрии вдруг сложилась ситуация, чреватая чуть ли не гражданской войной. Бессилие династии как бы само пригласило соперников воспользоваться этим к своей выгоде. Царю Антиоху III удалось наконец, после провалившейся в 217 г. из-за поражения при Рафии попытки, отхватить у Египетского царства Южную Сирию и Палестину (202 — 200 гг.), а царь Филипп V завоевал в 201 г. птолемеевский остров Самос.

Именно в тот момент и Афины после долгих лет мира были подведены македонским царем к чрезвычайно опасной черте. Хотя город и взывал к дружественной власти в Египте, указанные обстоятельства не позволили ей оказать действенную помощь. Тогда Афины обратились к тем державам, которые еще недавно воевали против Филиппа: к царю Атталу и Риму, а затем и к Родосу, где вражду к себе только что пробудил сам Филипп. В 200 г. граждане Афин объявили Филиппу войну⁶. К этому моменту она уже всецело охватила Родос и Атталу по одну линию фронта, и царя Филиппа — по другую, да и находившиеся в Афинах с визитом римские послы намекали, что и Республика не прочь в кратчайшее время выступить на стороне союзников.

Полибий, так остро критиковавший Афины за политику нейтралитета в минувшем десятилетии, не менее остро осуждает и те обстоятельства, под давлением которых Афины от нее отказались. Хотя он и осуждает довольно резко в тот момент агрессивность Филип-

bridge Philological Society. — 1984. — P. 150 and Notes 209 — 210; Ferrary. Op. cit. — P. 25, note 81. Э. Грюэн с большим остроумием пытался объявить упоминание Илиона (об Афинах он молчит) все же аутентичным (Studies in Greek Culture and Roman Policy. — 1990. — P. 27 — 33, 150). Но его уравнивание Илиона с Пергамом неубедительно и, буде оно удачно, скорее говорило бы против того, что царь Аттал мог допустить особое упоминание принадлежащего к его державе города, что несовместимо с характером монархического правления. То, что Грюэн называет (P. 32, note 135) «целиком культурным измерением этой аферы», на мой взгляд, мимо. О мире 196 г. у Валерия Антия см.: Livius 33, 30, 11 и прежде всего: Holleaux. Études 5. — P. 104 — 120.

⁶ Habicht Ch. Studien. — S. 142 — 158: Athen und der Ausbruch des 2. Macedonischen Krieges.

па, однако говорит, что Афины вязались в войну с ним из-за недостойного повода⁷. Ход событий был таков: при праздновании Элевсинских мистерий в сентябре 201 г. двое молодых людей из Акарнании в Северо-Западной Греции по оплошности приняли участие в церемониях, куда допускались только посвященные. Из-за этого — пусть даже совершенного по незнанию святотатства — они были афинянами казнены. Такая реакция была не только слишком суровой, но и политически непродуманной, ибо акарнаны вот уже двадцать лет были верными союзниками македонского царя. К нему и обратились они в своем озлоблении и от него и получили согласие на репрессалии. Усиленное македонцами акарнанское войско опустошило аттическую страну и после того с богатой добычей возвратилось восвояси. Царский флот приблизительно в то же время захватил четыре афинских боевых корабля⁸. Было ясно, что Филипп ищет с Афинами открытой конфронтации.

Весной 200 г. Народное собрание Афин отреагировало на это объявлением войны. Одновременно были упразднены просуществовавшие более столетия «македонские» филы Антигониды и Деметриады. Далее, было решено разрушить все воздвигнутые в Афинах почетные монументы Филиппа и его предков, выскоблить в государственных актах все упоминания членов царских фамилий и предать всех македонян проклятию и ссылке — ни один македонянин не должен был впредь ступать на аттическую землю⁹. Многочисленные надписи, в которых были вытерты имена македонских царей, их родственников или фил Антигониды и Деметриады, и по сей день выступают свидетелями того, что этот указ был приведен в исполнение. Позолоченная конная статуя Деметрия Полиоркета также была тогда преднамеренно разрушена и удалена со своего места¹⁰.

В момент объявления войны царь Аттал и послы родосцев и римлян находились в городе. Аттал и родосцы, собственно, и прибыли для того, чтобы склонить Афины к вступлению в войну, которую они вели против Филиппа, тогда как римские послы имели еще и поручения к Атталу. Пергамский царь отказался лично выступить перед гражданами, однако распорядился зачитать послание, побуждавшее афинян к вступлению в войну и предупреждавшее их, что в противном случае они ничеготешеньки не пожнут из плодов победы. Аналогичным было и воззвание родосцев, особенно расположивших к себе

⁷ Livius 31, 14, 6.

⁸ Polybios 26, 16, 9; Livius 31, 15, 5.

⁹ Livius 31, 44, 2 — 9; 41, 23, 1. Вместе с обеими филлами исчезли и жрецы героев фил Антигона и Деметрия, *sacerdotes* у Ливия (31, 44, 4).

¹⁰ Свидетельства собраны у: Dow St. Prytaneis (Hesperia-Suppl. 1, 1937), 48 — 50, дополнены многочисленными новыми находками у: Habicht Ch. Studien. — S. 148, Anm. 137. Конная статуя Деметрия: Hesperia. — 1973. — Vol. 42. — P. 165 — 168, Tabl. 36; cp. SEG XXXII, 151.

толпу, поскольку они отбили у Филиппа четыре захваченных им афинских корабля и возвратили их афинянам¹¹. В честь пергамского царя Народное собрание постановило создать новую филу Атталиду, которой каждая из старых отдала по одному дему. Тем самым число фил, только что снизившееся с тринадцати до одиннадцати, вновь выросло до двенадцати. Култ героя филы Аттала занял место култа македонских героев фил, став рядом с Птолемеем III. Он совпадает с последним и в частности: как в 224/3 г. наряду с филлой Птолемаидой был создан в честь египетской царицы новый, включенный в новообразованную филу дем Береникиды, так и в 200 г. в одно время с Атталидой был образован новый дем Аполлонии, названный именем пергамской царицы Аполлониды и инкорпорированный в Атталиду¹².

Сразу после объявления войны граждане отправили в Рим послов под предводительством Кефисодора из Ксипеты. Это посольство дало римской анналистике повод выдвинуть прослеживаемую у Ливия версию, согласно которой просьба Афин о помощи (*precēs Atheniensium*) подвигла де Рим выступить в войне против Филиппа¹³. В действительности же у Рима были совсем другие побудительные мотивы, и Сенат принял решение начать войну еще до прибытия этих послов, в чем римский посланник заверил царя Аттала еще в Афинах¹⁴. Окончание Ганнибаловой войны позволило Риму возобновить военное противостояние, которое было лишь приостановлено Фёникским миром. Брошенный тогда своим этолийским союзником Рим пошел при заключении мира на серьезные уступки, к примеру, должен был примириться с потерей иллирийской области Атинтании в пользу Филиппа, что в глазах римлян означало не компромисс, но унижительный акт¹⁵. Побудил Рим к войне оставшийся неоплаченным счет к Филиппу, а вовсе не просьба о помощи города Афин, которому Рим никоим образом не был обязан. Правда, Рим, как только решился начать войну, поставил в укор македонскому царю его набег на

¹¹ *Polybios* 16, 26; *Livius* 31, 15.

¹² *Polybios* 16, 25, 8 – 9; *Livius* 31, 15, 6. *Traill J. S.* // *Hesperia*. — 1975. — Suppl. 14. — P. 30 – 31. К надписи IG II² 2362 см. теперь: *Traill. Demos und Trittyis*. — Toronto, 1986. — P. 52 – 76, а также замечания: *Stroud R.S.* // *JHS*. — 1989. — Vol. 109. — P. 253. Жречество Аттала впервые засвидетельствовано во II в. (*Agora XV* 259, 86), а не создано лишь тогда, как ошибочно думает: *Mattingly H.* // *Historia*. — 1971. — Vol. 20. — P. 28.

¹³ *Livius* 31, 1, 9; 45, 22, 6. Историчность посольства вопреки давнему сомнению по поводу сообщения Павсания (1, 36, 5 – 6) оправдал опубликованный в 1936 г. афинский декрет в честь Кефисодора ISE 33.

¹⁴ *Polybios* 16, 25, 4; 26, 6; *Livius* 31, 15, 4. Подробное обсуждение у: *Habicht, Studien* 150 – 158; *Rich. Op. cit.* 150 – 151.

¹⁵ Об Атинтании см.: *Livius* 29, 12, 13. Об этом мире как «унижительном поражении» для Рима см.: *Rich. Op. cit.* 151.

Афины¹⁶, и именно римские войска тогда были теми, кто, тотчас после высадки поздним летом 200 г. в Эпире, вызволил Афины из крайне затруднительного положения.

Афины же, объявив войну Филиппу, оказались неспособны ее вести. Город был не в состоянии действительно защитить даже свою сельскую территорию. При этом на Аттику наступал вовсе не сам царь — он осаждал в то время Абидос в Геллеспонте, — но его генералы: Никанор, пробившийся до Академии перед городскими воротами и натолкнувшийся у Афин на римских послов, и Филокл со скромным отрядом в 2000 пехотинцев и 200 всадников¹⁷.

Совершенно очевидно, что не эти, а другие македонские войска, выступив из крепости Коринфа, вторглись через Мегары в Аттику. Кроме того, стоявшие в Халкиде на Эвбее подразделения флота тревожили своими нападениями воды и берега Аттики¹⁸. Подобные сведения создают впечатление, что как на суше, так и на море афинские вооруженные силы в данной фазе войны почти совсем не участвовали, а ограничили свои действия обороной города, гавани и отдельных пунктов¹⁹. Согласно некоторым источникам, от Аттала и родосцев толку тогда было мало, и нет никаких свидетельств того, что Афины получали в тот момент вооруженную поддержку²⁰. В Элевсине на долгие годы были приостановлены «из-за обстоятельств» всякие культовые действия — так гласит более поздний декрет в честь гиерофанга Аристокла, видимо, намекающий тем самым на годы этой войны²¹.

Ощутимая помощь пришла наконец от римлян. При высадке своих войск в Аполлонии консул Сульпиций Гальба встретил афинских послов, которые описали ему угрожающее положение их города. Он сразу отправил 20 военных кораблей и 1000 солдат, разместившихся в Пирее и тут же стабилизировавших ситуацию: нападения из Коринфа прекратились так же, как и набеги из Халкиды. К соединениям римского флота добавились три родосских и три афинских корабля²². Римский полководец отважился даже, опираясь на эти силы

¹⁶ *Polybios* 16, 34, 5.

¹⁷ *Polybios* 16, 27, 1 — 3; *Livius* 31, 16, 2.

¹⁸ *Livius* 31, 22, 6.

¹⁹ Об Элевсине: *Livius* 31, 25, 2; о Пирее: 31, 26, 7. О городе, гавани и укреплениях вообще: IG II² 886, 10 — 12, декрет в честь пергамца, прервавшего свое обучение философии, чтобы помочь при обороне.

²⁰ *Polybios* 16, 28, 1 sq.; *Livius* 31, 15, 8 sq.; IG II² 894, 3 — 4: этот документ, кажется, не в состоянии подтвердить, что Аттал поддержал тогда Афины деньгами и хлебом.

²¹ *Clinton*, *Officials* 24, № 11, 17 — 18.

²² *Livius* 31, 14, 3; 22, 5 — 8. В той же связи, видимо, следует рассматривать и присутствие нескольких военных судов из Византии, командующий которых был награжден афинянами примерно в это время: IG II² 884 (Syll.³ 580). Корабли из Византии за год до этого участвовали в морском сражении против Филиппа при Хиосе: *Polybios* 16, 2, 10.

и основываясь на поступивших от перебежчиков сведениях, нанести ночью внезапный удар по мощной македонской крепости в Халкиде. Союзникам удалось сжечь царские склады и оружейные арсеналы, а также выпустить заключенных из тюрьмы и разрушить статуи царя. Но с ограниченными силами нечего было и думать удержать Халкиду, а потому нападающие отошли назад в Пирей²³.

Эта отчаянная акция подвергла Афины новой опасности. Царь Филипп двинулся вперед для ответного удара. Из Деметриады в заливе Волос он поспешил в Халкиду и оттуда напал на Афины. Хорошо еще, что вовремя извещенные защитники – среди них корпус наемников и одно подразделение Атгала – оказались начеку и сумели отразить внезапную атаку Филиппа на Дипилонские ворота. На следующий день подошли с Эгины пергамские и из Пирея римские подкрепления. Македонский царь должен был оставить надежду напасть на Афины врасплох, а затем потерпел неудачу и в попытке взять с налета афинское укрепление Элевсин, столкнувшись с бдительностью гарнизона; после этого он отошел в Пелопоннес²⁴.

Во время отсутствия царя его стратег Филокл предпринял с Эвбеи новое нападение на Аттику силами войска в 2000 человек. Он тоже потерпел провал в попытке взять Элевсин штурмом и соединился тогда со своим царем, возвращавшимся из Ахайи. Филипп попытался захватить Элевсин еще раз, но подоспевшие из Пирея римские суда доставили подкрепление гарнизону, и Филипп вынужден был снова отступить несолоно хлебавши. И он посылает Филокла напасть на Афины, а сам в это время пытается захватить врасплох Пирей. Но и здесь удача отвернулась от него, и он на пару с Филоклом принял, как и прежде, разорять незащищенную страну, ее поля и особенно – как свидетельствуют источники – сельские святилища и храмы²⁵.

Так завершился первый год войны, и для афинян окончилась пора страданий; дальнейшие военные действия коснулись Афин лишь боком. Какое-то время город еще окружали враги: Эвбея и Коринф были сильными базами македонского войска, беотийцы состояли в союзе с царем Филиппом. Ясно, что в таких условиях вся энергия должна была быть направлена на оборону города и гавани, и лишь после этого на защиту сельской территории. Этим, наверное, и можно объяснить, почему нет никаких упоминаний о сколь-нибудь заметных акциях афинских вооруженных сил на суше или на море, об их активном участии в военных событиях за пределами Аттики. Кроме как защитой собственной территории, Афины не могли служить вооруженными силами общему делу союзников, разве что диплома-

²³ *Livius* 31, 23.

²⁴ *Livius* 31, 24, 1 – 25, 2.

²⁵ *Livius* 31, 26, 1 – 13. *Thompson H. A.* // *Hesperia*. – 1981. – Vol. 50. – P. 352 – 354.

тической деятельностью. Афинские политики по мере сил старались на благо союзников там, где можно было уговорить нейтральные государства вступить в войну или склонить союзников Филиппа отложиться от царя. В марте 199 г. на союзном собрании этолийцев в Навпакте были сначала выслушаны послы македонского царя, затем по требованию римлян афиняне, и только после них выступил римский представитель. Римляне пропустили афинян вперед, потому что тем только что особенно сильно досталось от действий Филиппа, и они могли как следует описать его бесчинства в местах почитания богов²⁶. В тот момент этолийцы, правда, еще не давали втянуть себя в войну, но готовились вступить в нее в любое время, ежели положение на фронте окажется для этого благоприятным.

К сожалению, неизвестно, кто возглавлял афинскую делегацию на этой встрече. Если Полибием имена названы, то Ливий их не повторяет, но говорит просто *Atheniensium legati*, соответственно *Athenienses*. То же самое относится и к следующей крупной атаке дипломатов — их выступлению на федеральном собрании союзных с Филиппом ахейцев в сентябре 198 г. в Сикионе. От царя Филиппа явился Клеомедон, чтобы удержать ахейцев в союзе с царем или, по крайней мере, не допустить их перехода на сторону его врагов; союзники были представлены римлянином Л. Кальпурнием, послами Аттала, родосцев и афинян. Первый день трехдневного заседания был посвящен целиком докладам этих иностранных послов. Друг за другом выступали Кальпурний, представители Аттала, родосцы, затем Клеомедон за царя Филиппа и, наконец, афиняне — их задачей было нейтрализовать любое воздействие, которое могла бы оказать речь Клеомедона²⁷. И вправду, они говорили резче всего, так как из всех участников именно они сильнее всего и не раз пострадали. Опять же неизвестно, кто был докладчиком от Афин. Бурно обсуждавшимся итогом заседания стало то, что ахейцы, среди которых произошел глубокий раскол, приняли решение перейти на сторону римлян²⁸.

Со вступлением ахейцев в коалицию против Филиппа авторитет, который Афины приобрели среди союзников, должен был заметно упасть. С одной стороны, картины опустошений, произведенных Филиппом в Аттике, по прошествии времени отходили все дальше в прошлое, тускнели и тем самым уже не способны были так будоражить эмоции. С другой стороны, Ахейский союз в военном аспекте был фактором более мощным, чем Афины, чьи вооруженные силы после крушения македонского господства в 229 г. ни разу не совершили ничего выдающегося. Вступление Ахейского союза в войну целиком оттеснило афинян на задний план в коалиции.

²⁶ *Livius* 31, 29, 1 — 32, 5; речь афинян в гл. 30.

²⁷ *Livius* 32, 19, 12: *ut refellerunt Macedonum dicta*.

²⁸ *Livius* 32, 19 — 23. Ср.: *Pausanias* 7, 8, 1 — 2; *Appian, Maked.* 7.

В этом, быть может, и заложена причина того, что афиняне в последующих дипломатических акциях военного времени не упоминаются вовсе: ни в проводившихся в ноябре 198 г. в Никее в Малийском заливе переговорах о возможном заключении мира²⁹, ни в переговорах в Фивах на союзном съезде беотийцев в начале 197 г.³⁰ В обоих случаях вместо афинян в источниках чаще появляются теперь ахейцы — явный признак того, что они прогнали афинян со сцены. В высшей степени вероятно, что последние были представлены как в Никее, так и в Фивах посланниками, но слово их уже не имело веса, так как вклад Афин в войну был не настолько велик, чтобы быть отмеченным историками.

Между тем даже если вследствие разрастания коалиции за счет приема в нее ахейцев, а затем беотийцев (те и другие были прежде союзниками Филиппа) вес в ней афинян упал, то все-таки уже одно имя и авторитет города продолжали и дальше быть привлекательными для дела союзников. По сравнению с этим вклад афинских вооруженных сил в совместное ведение войны оставался скромным, несмотря на то, что афиняне своим Пиреем предоставляли в распоряжение союзных флотов крепкий и главный опорный пункт. Стекавшиеся туда военно-морские силы как римлян, так и других, к которым в ходе войны добавились и многочисленные боевые корабли илирийцев (*lembi*)³¹, так или иначе сковывали силы противника в Коринфе и городах Эвбеи, которые тем самым не могли служить царю Филиппу в военных операциях за пределами района их базирования.

Война, которую оба первых римских полководца вели крайне не решительно, с прибытием в мае 198 г. молодого консула Тита Фламиния вступила в новую фазу. Упорство и везение помогли Фламинину выманить царя Филиппа с его крепких позиций на Аоосе в Эпире. Годом позже он одержал решающую победу при Киноскефалах в Фессалии, недалеко от Фер, что привело к миру. Коринф, Фокида, Локрида, остров Эвбея и Фессалия с соседними странами Ахайей Фтиотидской, Магнезией и Перребией были избавлены от македонской зависимости и объявлены свободными. Возник новый

²⁹ *Polybios* 18, 1 – 12; *Livius* 32, 32, 9 – 37, 5. *Holleaux*, *Études* 5. — P. 29 – 79. Станет общепринятым, что афиняне были представлены на этих переговорах, если будет твердо установлено, что афинянин Кефисодор вместе с уполномоченными других союзников по завершении встречи отбыл в Рим, где переговоры были продолжены в Сенате (*Polybios* 18, 10, 11; *Pausanias* 1, 36, 6; *ISE* 33, 22 – 23). Так считает среди прочих: *Walbank*, *Philipp V*, P. 159, Note 6. Лишь А. Эмар склоняется к предположению, что афиняне там не присутствовали (*Aymard A. Les premiers rapports de Rome et de la confédération achaienne* (198 – 189 av. J. C.). — *Bordeaux*, 1938. — P. 115, note 5).

³⁰ *Livius* 33, 1 – 2.

³¹ *Livius* 31, 45, 10; 32, 21, 27.

Фессалийский союз, для которого Фламиний самолично разработал конституцию с опорой на зажиточные слои³².

Во время войны Афины по очереди посетили все четыре сменявших друг друга главнокомандующих римским флотом³³ и по меньшей мере три раза там побывал царь Аттал: весной 199 г., в сентябре того же года, когда он, кроме всего прочего, был посвящен в Элевсине в мистерии, и поздней осенью 198 г.³⁴ За год до этого он предупреждал граждан, что они останутся ни с чем, если устроятся от войны. Афиняне вступили в нее, но с приходом мира они тем не менее остались ни с чем. Во время перемирия зимой 198/7 г. их государственный муж Кефисодор вместе с другими делегациями союзников снова побывал в Риме, на сей раз чтобы представить Сенату претензии Афин. Возможно, Афины в тот момент или после окончания войны требовали возвращения островов Лемноса, Имброса и Скироса, которые с давних пор были афинскими, пока не отошли к Македонии. Некоторые исследователи поняли рассказ Полибия о том, как афиняне в 167/6 г. просили в Сенате вернуть им Делос и Лемнос, следующим образом: «Что касается Делоса и Лемноса, то против их желания нечего возразить, так как они и раньше уже заявляли на них претензии»³⁵. Но возможно также (и это лучше соответствует контексту), Полибий хотел лишь сказать, что афиняне заявили о своих старых правах владения этими островами³⁶.

Выставляли ли Афины тогда территориальные претензии по миру 196 г. или нет, город в любом случае ничего не приобрел. Царь Аттал, который мог представлять их интересы, незадолго до или вскоре после битвы при Киноскефалах умер. Таким образом, Афины вышли из войны, по существу, без потерь, но и без выигрыша. Город, разумеется, стал теперь тесно привязан к Риму, не заключив, правда, с Республикой договора о союзе.

2. Против Антиоха

К решимости римского Сената после окончания Ганнибаловой войны расплатиться с царем Филиппом по еще не закрытому счету афиняне не имели никакого отношения. Однако Афины поначалу извлекали из этого выгоду, поскольку находились в состоянии войны с

³² *Livius* 34, 51, 4 – 6; *Syll.*³ 674 b, 50 – 53, 63 – 64. *Kramolisch H.* Die Strategen des Thessalischen Bundes vom Jahr 196 v. Chr. bis zum Ausgang der römischen Republik. – Bonn, 1978. – S. 22 – 23.

³³ *Livius* 31, 14, 3; 21, 5; 45, 1; 32, 16, 5 et passim.

³⁴ *Livius* 31, 45, 1; 47, 1 – 2; 32, 23, 13.

³⁵ *Polybios* 30, 20, 3. В указанном смысле понимали это место *Holleaux, Études*. – Vol. 5. – P. 108, note 1, и другие.

³⁶ Видимо, так понял этот текст *Walbank. Commentary*. – Vol. 3. – P. 443.

Филиппом, а римские солдаты встали на защиту города, для обеспечения которой собственных военных сил было недостаточно. И если после победы рассчитывали на быстрый и окончательный отвод римских войск из Греции, то ни первого, ни второго не последовало. В первых, римские части в течение ряда лет оставались в стране, так как переустройство отношений в вызволенных из-под македонской гегемонии областях, предпринятое Фламинием совместно с приданной ему для этого комиссией из десяти членов Сената, потребовало нескольких лет. Далее, тотчас же после победы между Фламинием и этолийцами разразился серьезный и быстро разгоравшийся конфликт — несколько лет спустя, когда этолийцы призвали селевкидского царя Антиоха III (Великого) освободить Грецию от тирании римлян, пришедшей на смену македонской, между прежде союзными державами возникла опасность войны. В итоге римские армии, возвратившиеся наконец в 194 г. в Италию, уже в 192 г. снова появились в Греции, чтобы помешать этому.

К конфликту с этолийцами³⁷ — наряду с личной взаимной неприязнью самовлюбленного римского полководца к высокомерным этолийцам — привели политические разногласия. Ими были слишком далеко идущие требования этолийцев и то сопротивление, которое противопоставил им Фламиний с одобрения прочих греческих союзников. Этолийцы хотели уничтожить царя Филиппа и отхватить у него обширное наследство. Они ссылались при этом на римско-этолийский договор 212 г., по которому к ним отходили совместно завоеванные земли, добычей же римлян становилась движимость. Однако Фламиний категорически отказался признать тот договор действительным, поскольку этолийцы нарушили его заключением в 206 г. сепаратного мира с Филиппом. Произошел открытый разрыв. С этого момента этолийцы без устали поносили римлян как новых господ Греции.

В таком, чреватом новой войной развитии событий Афины играли всего лишь роль статиста. Показательно, что победители не сочли даже нужным в какой-либо форме позаботиться о городе в мирное время. Напротив, Сенат объявил захваченный Филиппом остров Лемнос свободным, хотя на него на веских основаниях претендовали Афины³⁸. Аттика понесла в начале войны значительный урон, и афиняне даже просто предоставлением союзникам необходимой для проведения операций гавани оказали им в войне существенные услуги. Однако державы-победительницы считали, как видно, что все это было с лихвой возмещено обеспечением защиты городу. Мир, не принесший им никакого выигрыша, разочаровал афинян. Но что ха-

³⁷ Musti D. // ANRW. — 1972. — Vol. I, 2. — P. 1146 — 1149; Ferrary J.-L. *Philhellénisme et Impérialisme*. — Roma, 1988. — P. 69 — 72.

³⁸ Polybios 18, 44, 4 (*Livius* 33, 30, 3); 18, 48, 2 (*Livius* 33, 35, 3).

рактерно — в то время, как источники переполнены обвинительными жалобами этолян, о какой-либо негативной реакции афинян нет и речи. Афины удостаивались еще внимания лишь от случая к случаю, то есть тогда, когда в уже изменившихся условиях они принимали участие в политических акциях крупных держав — особенно в роли посредника, которая выпадала на долю афинян раза два-три, главным образом в переговорах между римлянами и побежденными ими греческими противниками. После войны с Филиппом Афины выступали посредниками совместно с ахейцами между Римом и Беотией; после войны с этолийцами — совместно с Родосом между Римом и Этолийским союзом; после войны с Антиохом — совместно с родосцами и другими государствами между Милетом и Магнезией на Меландре.

С поражением Филиппа взрывная ситуация сложилась в Беотии. Беотийцы под водительством знатного фиванца Брахила сражались на стороне македонского царя, однако Фламинин позволил им беспрепятственно вернуться на родину. Несмотря на это, беотийцы не скрывали своих давних симпатий к македонскому царю. Осенью 197 г. они избрали беотархом Брахила, чье семейство вот уже более тридцати лет находилось в близких отношениях с македонским царским домом³⁹, и других македонян они избрали на разные должности. В ответ на это главари соперничающей проримской партии составили план убийства Брахила. Они обратились к Фламинину, который хотя и не пожелал иметь к этому делу никакого отношения, но и не воспрепятствовал им, указав тем не менее на этолийского стратега Алексамена как на того, кто мог бы организовать покушение, и тот оправдал их доверие: нанятые им люди убили Брахила в начале 196 г. Ливий в своей передаче слов Полибия умолчал о роли Фламинина, однако выставляет в весьма неблагоприятном свете этого человека, который за год до того при переговорах с царем Филиппом стоял лицом к лицу с Брахиллом, одним из двух сопровождающих царя.

Возмущенные этим убийством беотийцы отомстили тем, что переребили на дорогах страны римских солдат и сбросили их трупы в Копайдское озеро, по слухам, не менее пятисот. Когда беотийские власти отклонили требование о выдаче виновных и об уплате искупительного штрафа в 500 талантов, Фламинин отдал армии приказ войти в Беотию и одновременно через послов в Афинах и Ахайе объявить, что он ведет справедливую войну. Опустошение их страны заставило беотийцев искать примирения, однако Фламинин даже не

³⁹ См. статьи о Брахилле, Неоне и Асконде в: RE, Supplement 1, со свидетельствами авторов. Сюда же добавляются эпиграфические свидетельства о Брахилле (ZPE 17, 1975, 1 ff.) и его отце Неоне (SEG XI 414, 30; IG VII 3091). И Брахиллов сын Неон остался верен традиционной политике их дома.

допустил к себе их послов. Тогда-то именно представители ахейцев и афинян склонили его поменять решение и своим посредничеством способствовали разрешению конфликта. Ливий, излагающий здесь Полибия, четко говорит, что в этом деле ахейцы имели в глазах римлян больше веса, чем афиняне, и именно они обеспечили в итоге доступ беотийских парламентариев к Фламинину⁴⁰. Подчеркивание роли ахейцев их же земляком может считаться преувеличенным, но не невероятным, ибо оно как будто соответствует указанным обстоятельствам. Достоинно внимания, однако, то, что оба государства побудило к посредничеству само послание Фламинина — возможно, он сам искал его в этом конфликте.

В конфликте между Фламининим и этолийцами Афины решительно приняли сторону римлян. Особенно четко проявилось это в 195 г., когда на съезде, созванном Фламининим в Коринфе, афинский делегат в присутствии ахейцев, фессалийцев, македонян, пергамцев и родосцев, а также самого Фламинина, восхвалял римское участие в делах Греции и спровоцировал этим язвительную реплику знатного этолийца Александра: захватив Деметриаду, Халкиду и Акрокоринф, римляне держат именно те крепости, обладая которыми Македония поработила Элладу («трое пут Греции», как называл их сам царь Филипп), и потому их не оставляют, чтобы, оперевшись на них, суметь завладеть Грецией. По словам Александра, афиняне признались в том, что они, сражавшиеся некогда в передних рядах за свободу Греции, скатились до приспешников чужой державы-завоевателя⁴¹. Это опять же вызвало протест прочих греков⁴².

С царем Антиохом, который должен был в ближайшие годы все больше и больше считаться потенциальным союзником этолийцев в войне против Рима, Афины поддерживали дружественные, хотя и менее тесные отношения, чем с царями Египта и Пергама⁴³. Следуя своей официальной политике, Афины в эти годы старались по возможности предотвратить новую войну в Греции, однако нет никаких сомнений в том, что город в случае вооруженного конфликта стал бы на сторону римлян. Когда в 192 г. Сенат направил в Грецию четырех своих высокопоставленных членов (трое из них уже побывали консулами), чтобы воспрепятствовать агитации этолян и домогательствам Антиоха, Афины — что показательно — стали первым государством, которое римские сенаторы — среди них и Фламинин — посетили лично, тогда как государствам Ахейского союза, в чей лояльности они не сомневались, пришлось довольствоваться письменными

⁴⁰ Livius 33, 29, 11 – 12. Из последних см. об этом: Knoepfler D. // Festschrift S. Lauffer. — 1986. — P. 599 – 600.

⁴¹ Livius 34, 22, 7 – 23, 11.

⁴² Livius 34, 24, 1 – 5.

⁴³ Habicht Ch. // Chiron. — 1989. — Vol. 19. — S. 10 – 14.

посланиями. В этом можно усматривать признак того, что посланникам было известно: официальная линия афинской политики ни в каком случае не разделяется абсолютно всеми гражданами, что и подтвердили вскоре последующие события. У афинян Фламинин добился поддержки в особо щекотливом деле, выступая перед Этолийским федеральным собранием, где он сказал: «Наиболее подходящими для этого сочли афинян вследствие значимости этого города и его давней дружбы с этолийцами»⁴⁴. Афинские посланники выступали там вслед за представителем царя Антиоха и взывали к благоразумию, но и то с трудом, при поддержке этолийских государственных мужей преклонного возраста сумели добиться того, чтобы Фламинин вообще был допущен к трибуне и заслушан. Наперекор его предостережениям собрание постановило пригласить Антиоха в качестве освободителя Греции и предоставить ему решить спор с Римом⁴⁵.

Большого успеха римская миссия добилась в Фессалии, Магнезии и Халкиде. В этом городе Эвбеи проэтолийский политик Эвтимид был изгнан и отправлен в ссылку в Афины. Предпринятая им совместно с этолийцами попытка свергнуть правительство сторонников Рима и самому вернуться на родину едва-едва не удалась, так что Фламинин и царь Эвмен сочли разумным послать Халкиде для укрепления 500 пергамских солдат, а сам Эвмен появился в Афинах, чтобы следить за порядком⁴⁶.

Между тем, как только Антиох высадился весной 192 г. в Греции — с чего и началась война, — его сторонники в Афинах так сильно зашевелились, что Ливий в восходящем к Полибию сообщении говорит, что город был почти близок к восстанию (*seditio*). Исход дела решился в пользу официальных кругов только тогда, когда они призвали из Ахайи Фламинина, а тот привел с собой 500 ахейцев «для защиты Пирея». Леон из Аксионы, один из самых видных политиков города, провел через суд приговор своему выступавшему на стороне царя сопернику Аполлодору, и тот отправился в изгнание (частая встречаемость этого имени, к сожалению, не позволяет идентифицировать его с одним из известных тогда его носителей)⁴⁷.

⁴⁴ *Livius* 35, 23, 5; 31, 3; цитата из: 32, 7 (перев. С. А. Иванова).

⁴⁵ *Livius* 35, 32, 8 — 33, 11.

⁴⁶ *Livius* 35, 37, 4 — 39, 2. Надпись IG IX I², 31, 67 из этолийского союзного святилища в Терме показывает, что Эвтимид уже в 208/7 г. стал прокшеном (гостеприимцем) этолийцев. Ошибочно мнение о том, что Эвмен получил тогда в Афинах те же почести, что и его отец в 200 г. (*Virgilio B // Studi Ellenistici*. — 1993. — Vol. 5. — P. 52), так как якобы сохранились свидетельства о том, что в его честь была образована еще одна, названная его именем фила. Как раз напротив, установлено, что тринадцатая фила была учреждена только в честь императора Адриана.

⁴⁷ *Livius* 35, 50, 4. О Леоне и его семействе см.: *Habicht Ch. Studien*. — S. 194 — 197, и далее ниже в тексте; новые сведения о членах этой влиятельной семьи можно ожидать от публикации ряда новых надписей.

При консуле 191 г. Ацилии Глабрионе, которому выпало вести войну в Греции, служил как народный избранник военный трибун Марк Порций Катон, который уже сам был консулом в 195 г. Его и отправил главнокомандующий сразу же вслед за высадкой римской армии в Эпире с политической миссией к греческим союзникам. После визита в некоторые города Ахайи его основной целью были Афины. В начале 191 г. Катон обратился там с воззванием на латинском языке к Народному собранию, которое переводил один человек из толпы⁴⁸. Его выступление могло быть продиктовано озабоченностью римлян благонадежностью Афин, однако после лишения власти Аполлодора и его сторонников город действительно твердо стоял на стороне Рима.

Решительный перелом в Греции наступил уже весной 191 г., когда консул, при котором снова появился Катон, одержал при Фермопилах победу над соединенными силами Антиоха и этолийцев. Он вынудил тогда Антиоха покинуть Грецию, а предоставленных теперь самим себе этолийцев — перейти к обороне на собственной территории. Война против них продлилась еще долгое время; войну с Антиохом закончили братья Сципионы в Малой Азии победой у Магнезии на Сипиле в начале 189 г.

Как и в войне против Филиппа, собственное военное участие афинян в войне против Антиоха и этолийцев также было весьма скромным. Самым значительным их вкладом опять же стало предоставление гавани в распоряжение флота союзников. С опорой на эту базу начиная с 191 и до 188 г. операции проводили четыре сменявших друг друга римских командующих флотом, поддерживаемые контингентами с Родоса и Пергама. Афинские военные суда участвовали, по крайней мере, в операциях 190 г. под началом Эмиллия Регилла⁴⁹. Между тем ничто не говорит за то, что во время войны какой-либо заметный урон был нанесен царю афинянами или наоборот. Нет также никаких указаний на то, что римляне ожидали от Афин большего.

Напротив, Афины сыграли значительную роль в затянувшейся Этолийской войне, так как именно афинские политики, невзирая ни на что, снова и снова старались добиться мира упорно теснимым этолийцам, и им удалось это на одном заседании все еще враждебно настроенного Сената в Риме. Об этих растянувшихся на полтора года усилиях сообщают Полибий и точь-в-точь следующий ему Ливий, оба достаточно подробно⁵⁰. Весной 190 г. — в то время как Глабрион оса-

⁴⁸ *Plutarch*, *Cato maior* 12, 4 – 5. *Astin A.E.* *Cato the Censor*. — Oxford, 1978. — P. 56 – 57.

⁴⁹ *Livius* 27, 14, 1 – 2. Эти афинские корабли названы участниками войны на море также в делосском декрете IG XI 751, прокомментированном: *Durrbach F.* *Choix d'inscriptions de Délos* 67.

⁵⁰ *Polybios* 21, 4 – 5; 25, 29 – 31; этому соответствует: *Livius* 37, 6 – 7, 38, 3, 9 – 10. О хронологии см.: *Holleaux*, *Études*. — Vol. 5. — P. 249 – 294.

ждал этолийский город Амфиссу, а братья Сципионы (Луций Сципион как консул 190 г., Публий Сципион Африканский как его легат) только что появились там, чтобы сменить его в командовании военными действиями — из Афин прибыло посольство под предводительством Эхедема из Кидатен — тогда самого значительного наряду с Леонтом государственного деятеля города⁵¹. Этолийцы желали мира, Сципионы тоже, поскольку хотели развязать себе руки для борьбы с Антиохом. Однако они были поставлены в рамки, заранее очерченные Сенатом. Эхедем ездил тогда три раза в Амфиссу и трижды к этолийским властям в Гипату, так и не добившись согласия. Но затем он посоветовал этолийцам предложить шестимесячное перемирие, которое и было заключено.

Когда же на следующий год после победы римлян над Антиохом все надежды этолийцев еще раз получить помощь от союзников рухнули, они попросили Родос и Афины сослужить им как посредники добрую службу в заключении мира с Римом. Оба полиса откликнулись на их просьбу, однако перед поездкой в Италию отправили послов в лагерь нового римского консула Фульвия Нобилиора, который, продолжая Этолийскую войну, как раз был занят осадой эпирского города Амбракии, бывшей резиденции царя Пирра. Летом 189 г. им удалось договориться о предварительном мире, который вскоре после того был ратифицирован этолийским союзным Советом, однако требовал еще и ратификации в Риме. Поэтому афиняне и родосцы сопровождали этолийских парламентариев и туда. Сенат на основе полученной от македонского царя Филиппа информации был снова сильно раздражен в отношении этолийцев, и ратификация мирного договора находилась под серьезной угрозой. Тогда афинянин Леонт (тот самый, благодаря которому Афины осенью 192 г. сохранили верность Риму) своей памятной, переданной Полибием речью произвел на сенаторов такое впечатление, что они ратифицировали мирный договор на согласованных с консулом условиях⁵². Награждение в 189/8 г. этолийской проксенией афинянина Лисикла могло находиться в связи с усилиями Афин помочь этолийцам добиться мира⁵³.

Заключение Римом мира с этолийцами и Антиохом в 189 и 188 гг. также не принесло Афинам никаких территориальных приобретений. Город преуспел, однако, в пределах Греции на совершенно иной стезе, приобретая влияние и авторитет в Дельфах. С приходом мира

⁵¹ Об Эхедеме см.: *Habicht Ch. Studien.* — S. 189 — 193, а также с новым свидетельством о его роли в реорганизации Дельфийской амфикинии (см. ниже с. 213): *Hesperia.* — 1987. — Vol. 56. — P. 65; *Pantos P. Echedemos. The Second Attic Phoibos // Hesperia.* — 1989. — Vol. 58. — P. 277 — 288.

⁵² *Polybios* 21, 31, 5 — 16; *Livius* 38, 10, 4 — 6.

⁵³ *IG IX² I² 1, 4 b.*

пришел конец длившемуся столетие преобладанию этолийцев над этим святилищем и равным образом их доминирующему положению в Совете амфикионов, в котором они одно время контролировали 15 из 24 голосов. Для Амфикионии римляне добились того, что Эллинской лигой в 220 г. было провозглашено целью войны против этолийцев, но чего в Союзнической войне добиться так и не удалось (с. 190). Для этого потребовались реорганизация Совета и перераспределение голосов. От созванного в 193/2 г. съезда представители Афин, Беотии и Кефаллени устроились, возможно, потому, что они не хотели из-за римско-этолийского конфликта компрометировать себя в глазах римлян⁵⁴. Отсутствовали и фессалийцы, но не ясно, по той же причине или потому, что их опять не пустили этолийцы⁵⁵. Мы снова располагаем списком присутствовавших в Совете делегатов только от 178 г.⁵⁶ Некоторые документы, однако, достаточно ясно показывают, какие события разыгрывались в промежутке⁵⁷. Город Дельфы, вероятно, надеялся установить единоличный контроль над святилищем, Пифийскими играми и празднованием Сотерий и помешать восстановлению международного контрольного органа. Ведь тотчас за выводом этолийцев консул Глабрион писал Дельфам, что он употребит все свое влияние на то, чтобы возвратить городу и храму их древние права. При этом он назвал в качестве возможных соперников фессалийцев «и других»⁵⁸. Именно это указание на иностранные государства показывает, что он имел в виду наднациональную организацию, то есть Амфикионию, где фессалийцы с давних пор играли определяющую роль.

Высказанные здесь опасения были небезосновательны. Благодаря одной надписи 184/3 г. из Дельф уже давно стало известно, что при реорганизации Совета амфикионов после Этолийской войны фессалийцы действительно играли ведущую роль. Новый, лишь недавно опубликованный документ из Афин 185/4 г. поведал сверх того, что Афины в сотрудничестве с Фессалийским союзом равным образом принимали в этом участие как лидер. Отсюда выходит, что оба государства, будучи представлены Никостратом из Ларисы, известным как член фессалийской аристократии, и тремя ведущими афинскими политиками: Эхедемом (посредником между Сципионами и этолийцами), Менедемом и Алексиемом, осуществили свои намерения на последней инстанции — в римском Сенате. Новая Амфикиония и ее состав были дети-

⁵⁴ *Flacelière R.* // HSCP. — 1940. — Suppl.1. — P. 479.

⁵⁵ *Daux.* Delphes. — P. 261, note 1. Фессалийцы были обязаны Фламинину освобождением от македонского засилья и своей новой союзной конституцией. Их приверженность к нему не была способна рекомендовать такую же этолийцам.

⁵⁶ *Syll.*³ 636, где отсутствует только представитель дорян Пелопоннеса.

⁵⁷ *Habicht Ch.* // *Hesperia*. — 1987. — Vol. 56. — P. 59 — 71.

⁵⁸ *Sherk R.K.* *Roman Documents from the Greek East* — Baltimore, 1969. — P. 224.

шем обеих держав и означали отказ от желания Дельф. Горькую пилюлю Дельфам подсластили лишь тем, что оба их представителя в списке делегированных в Совет (гигеромнемонов) впредь стали фигурировать на первом месте⁵⁹. Это было началом становившихся все более тесными отношений Афин с Дельфийским святилищем и отсюда — всевозраставшего международного престижа.

Насколько очевидно, что Афины и Рим благодаря совместному противоборству Филиппу, а затем Антиоху были с 200 г. повязаны друг с другом, настолько и по сей день не ясно, привела ли общность их интересов и вытекавшее отсюда соработничество по оружию к форменному союзному договору (*foedus*). Единственный свидетель того, что такой союз имелся, это живший на добрых триста лет позже Тацит. Рассказывая о посещении наследником Германиком Афин в 18 г. н. э. — то есть за сто лет до времени самого Тацита, — он говорит, что с оглядкой на имевшийся с Афинами союзный договор Германик вступил в город в сопровождении всего одного ликтора⁶⁰. Отдельные исследователи как раз оспаривают то, что такой договор имелся. Но и те, кто принимает его в расчет, не едины во мнении, когда он был заключен. Некоторые предполагают, что это состоялось во время Второй Македонской войны в 200 — 196 гг. или вскоре после⁶¹. Другие оспаривают это со ссылкой на то, что Афины, дескать, были тогда настолько слабы, что для Рима не имело никакого смысла заключать с городом *foedus*⁶². Третьи принимают в расчет заключение договора до 167⁶³ или после 146 г.⁶⁴

Никаких союзных обязательств определенно не существовало, когда Кефисодор в 200 г. попросил Рим выступить против Филиппа V. В связи с оппозиционным движением в пользу царя Антиоха в 192 г. Ливий также не проронил ни слова о том, что вступившиеся за царя афиняне нарушили тем самым долг союзника⁶⁵. И характеристика Афин как «дружественного и союзного государства» в постановлении

⁵⁹ Syll.³ 613 A: декрет Амфикифии в честь Никострата из Ларисы; база присужденной ему тогда статуи издана: BCH 73, 1949, 274, §25. О Никострате как одним из самых могущественных мужей в Фессалии см.: ISE 102, col. 2, 15, с замечаниями: *Habicht Ch.* // *Chiron* 13, 1983, 24, № 6. Декрет из Афин см. в примеч. 57 с идущими дальше замечаниями: *Bousquet J.* *Etudes sur les comptes de Delphes.* — Paris, 1988. — P. 79. О Менедеме, представлявшем в Сенате афинскую точку зрения, см.: *Habicht Ch.* // *Hesperia* 1987. — Vol. 56. — P. 63; об Алексиионе см.: *idem*, *Studien* — S. 185 — 188.

⁶⁰ *Tacitus*, *Ann.* 2, 53, 3.

⁶¹ *Horn H.* *Foederati: Diss...* — Frankfurt, 1930. — P. 65 — 67; *Accame*. *Dominio.* — P. 101; *de Sanctis G.* *Storia dei Romani* IV 3. — Firenze, 1964. — P. 80, nota 6a.

⁶² *Heuss A.* *Die völkerrechtlichen Grundlagen der römischen Außenpolitik in republikanischer Zeit.* — 1933. — S. 32 — 34; *Gruen.* *Hellenistic World.* — P. 24.

⁶³ *Bernhardt R.* *Imperium und Eleutheria: Diss.* — Hamburg, 1971. — S. 86.

⁶⁴ *Taubler E.* *Imperium Romanum.* — Leipzig, 1913. — S. 228.

⁶⁵ *Gruen.* *Op. cit.*

Сената позднего II в. точно так же не служит веским доводом в пользу версии, что помимо союзничества *de facto* имелся и формально заключенный союзный договор⁶⁶. Однако Стерлинг Доу уже давно обратил внимание на существенный показатель: с раннего II века в упоминаниях об официальных жертвоприношениях за благосостояние государства выступает вдобавок приписка: «и за наших союзников». Доу отнес ее появление ко времени вскоре после 200 г.⁶⁷. При значительно возросшем и надежнее датированном материале теперь это можно поместить между летом 191 и концом 188 г., то есть на годы Антиоховой войны⁶⁸. Для следующих двадцати лет, насколько позволяют судить результаты анализа, упоминание союзников никогда не опускается. Справедливым можно считать и такое заключение Доу: «Веские основания говорят в пользу предположения о том, что Афины были союзником Рима и по букве договора»⁶⁹. Тем самым в годы войны против Антиоха и этолийцев Афины под тогдашним определяющим влиянием таких людей, как Леонт, Эхедем, Алексиион и Менедем, заключили с Римом форменный союзный договор.

Начавшееся в 200 г. и вслед за тем резко усилившееся приращение Афин к Риму нашло свое выражение, кажется, и на медных монетах города. Кролл, во всяком случае, считает возможным узнавать в типе шлема Афины, изображенной на этих монетах, заимствование с римских денариев, которые начали чеканиться в 212 или в 211 г. и с 200 г. могли попадать в Аттику вместе с римскими войсками. Кролл видит в этом заимствовании комплимент в адрес Рима как нового борца за афинскую независимость и потому датирует соответствующую серию 196 – 190 гг. до н. э.⁷⁰

3. Против Персея

В итоге мирных урегулирований 196 г., последовавших за поражением царя Филиппа при Киноскефалах, Македония перестала представлять собой постоянную скрытую угрозу политической независимости Афин. Хотя монархия и продолжила свое существование, однако после потери крепостей в Деметриаде, Халкиде и Коринфе и после утраты влияния на различные греческие племена, такие как

⁶⁶ *Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East.* — Baltimore, 1969. — № 15, 8 — 9, 55 — 56 (112 В.С.). Это язык дипломатов в сношениях с дружественными государствами и с такими, с какими не был заключен союзный договор.

⁶⁷ *Dow S. // Hesperia.* — 1937. — Suppl. I. — P. 9.

⁶⁸ Последнее свидетельство без приписки датируется летом 191 г. (Агора XV 187, 43), первое сохранившееся свидетельство с нею — концом 188 г. (Агора XV 174, 11).

⁶⁹ *Dow. Op. cit.*

⁷⁰ *Kroll. Coins.* — P. 51, монеты иллюстрированы на с. 63, № 78 — 80.

фессалийцы, она перестала быть опасной для государств Греции. В течение почти двух еще отпущенных ему десятилетий царь Филипп энергично прилагал усилия по внутреннему укреплению еще оставшегося у него царства. Историк этого времени Полибий видел, однако, во всем, что тот предпринимал ради этой цели, лишь указание на его решимость в один прекрасный день возобновить военное противостояние Риму. После своей смерти в 179 г. эту решимость продолжить войну он передал по наследству своему сыну и преемнику Персею, при котором в 171 г. действительно начался новый конфликт с Римом — Третья Македонская война. Она завершилась в 168 г. победой римлян при Пидне, интернированием Персея в Италии и свержением монархии. Империи Филиппа II и Александра Великого пришел тогда конец.

То, что Филипп и Персей, как говорит Полибий, жаждали войны и стремились к ней, — абсолютно бесосновательное, не подкрепляемое никакими указаниями утверждение. Филипп соблюдал условия мирного договора безукоризненно и выполнял даже некоторые свои вольные, задевающие его требования Сената. Персей, со своей стороны, делал все, что было в его власти, дабы предотвратить новую войну с Римом. В этом своем старании он доходил до крайней черты мыслимого и немислимого, возможно, даже переступал ее. Война была ему навязана, и не подлежит сомнению, что его спровоцировали именно римские круги, позволив себе при этом нарушить заповедь верности и чести, что даже кое-кто из сенаторов счел бесчестным⁷¹.

У Афин, всего за поколение до того искавших у Рима спасения от Македонии и с тех пор твердо стоявших на стороне римлян, не было иного выхода, как объявить себя сторонниками римских интересов. Город, с некоторых пор повязанный с Римом форменным союзным договором, сделал это безоговорочно и без промедления, в первый же год войны предложил в распоряжение римских военачальников все свои суда и солдат. Это предложение не было принято, но была, видимо, затребована огромная масса хлеба для снабжения римской армии. Хотя афиняне — как спустя год излагали в Риме их послы перед Сенатом — из-за скудости аттической земли должны были постоянно импортировать зерно для обеспечения граждан и даже своих крестьян, сумели все-таки поставить требуемое количество хлеба и выразили затем свою готовность на соответствующий запрос отклик-

⁷¹ Основные новейшие изложения: Will, *Histoire*. — Vol. 2. — P. 255 — 285; *Hammond*. Macedonia. — P. 488 — 569; Derow P. // *CAH*. — 1989. — Vol. 8². — P. 290 — 323. Ср. *Giovannini A.* Roman Eastern Policy in the Late Republic // *AJAH*. — 1984 [1988]. — Vol. 9. — P. 33 — 42. Критику коварных методов римских парламентариев см.: *Lintus* 42, 47, 1 — 9; *Briscoe J.* // *JRS*. — 1964. — Vol. 54. — P. 66 — 77. О так наз. «римском манифесте», резюмирующем упреки римлян в адрес Персея (*Syll.*³ 643), см.: *Bousquet J.* // *BCH*. — 1981. — Vol. 105. — P. 407 — 416.

наться поставкой и других продуктов⁷². Они проявили при этом заведное чутье, так как все греческие государства, кто в те годы исполнял римские желания лишь с проволочками или скрепя сердце, по окончании войны были за это больно наказаны. Готовность Афин пойти навстречу, напротив, оставила Сенат довольным, и это уже во время войны проявилось в том, что послы города, прибывшие в Рим вместе со 170 посланниками из других государств, были допущены и выслушаны Сенатом раньше всех прочих, что всегда считалось признаком особой благосклонности. То же самое сказалось и на наградах, которые Сенат назначил афинянам.

Война затянулась на несколько лет, не принося заметного успеха ни той, ни другой стороне. Римские командующие армией и флотом, то есть по одному консулу и одному претору в год, своим разбоем, вымогательствами и налетами причиняли союзным и дружественным грекам ровно столько ущерба, сколько враги в поле, так что Сенат, ввиду участвовавшихся и обоснованных жалоб, вынужден был позаботиться о подняттии дисциплины, дабы унять возмущение, грозящее перерасти во всеобщее. Всех греков проинструктировали впредь выполнять только те требования, которые были категорически утверждены Сенатом. О каком-либо участии афинских войск в боевых действиях ничего не сообщается. Решающий момент наступил 22 июня 168 г., когда консул Луций Эмилий Павел полностью окружил царя Персея у Пидны, недалеко от Олимпа. Чуть позже Персей попал к римлянам в плен на острове Самофракия. Лишь найденная при американских раскопках на Афинской агоре надпись поведала впервые, что, по крайней мере, один афинский гражданин – Каллифан из Филы принял участие в этом сражении на стороне победителей, то есть римлян и пергамских царевичей Атталы и Афинея. Он прибыл в город, неся с собой весть о победе, незадолго до окончания афинского года, и стратеги тотчас же отдали распоряжение Совету созвать экстренное заседание Народного собрания. Оно состоялось в последний день года и принесло доставившему эту весть почести⁷³.

Спустя всего несколько месяцев, в начале осени 168 г., в Афины прибыл сам Эмилий Павел. В сопровождении своего сына (Сципиона Младшего) и одного из царевичей Пергама он совершал путешествие по Греции с целью ознакомления с достопримечательностями страны. Маршрут пролегал из Македонии через Фессалию в Дельфы, Лебадию в Беотии, затем через Халкиду, Авлиду и Ороп в Афины. Консул принес жертву Афине на Акрополе и посетил, видимо, то, что Ливий в своем повествовании называет достойным обозрения:

⁷² Livius 43, 6, 2 – 3. Это требование достигало 100 000 римских модиев, что равняется почти 90 000 литрам; ср.: Duncan-Jones R.P. // ZPE. – 1976. – Vol. 21. – P. 51 – 52.

⁷³ ISE 35.

помимо Акрополя «тавани, стены, связующие Пирей и город, верфи, памятники великих полководцев, изваянья богов и людей, разнообразные как материалом, так и исполнением»⁷⁴. Он высказал также гражданам свое желание захватить от них с собой самого уважаемого философа для воспитания его детей и художника для прославления его триумфа, в ответ на что афиняне дали ему с собой Метродора, мастера в том и другом — в науке и искусстве, в чем Павлу и предстояло самому убедиться. Кроме Метродора консул увез тогда в Рим и статую Афины, посвятив ее затем в храм Фортуны⁷⁵. Путешествие продолжилось дальше через Коринф, Сикион и Аргос в Эпидавр и Олимпию.

После окончания войны тут же стало ясно, что Сенат и дальше благоволит афинянам. Проявленная по отношению к городу благосклонность ярко контрастирует с грубым обхождением, которое пришлось на долю трех старейших и важнейших римских союзников: царя Пергама, республики Родос и Ахейского союза⁷⁶. Все они были обвинены или, по крайней мере, заподозрены в том, что во время войны стали колебаться в своем усердии или своей верности Риму и, соответственно (как в случае с пергамским царем Эвменом II), завязали тайные контакты с Персеем. От царя, который пожелал оправдаться перед Сенатом лично, после его вступления на берег Италии беспочвенно потребовали покинуть страну, а до того зависимые от него галаты были объявлены Сенатом свободными. Родосцам было отказано в дружбе на том основании, что они, побуждаемые к тому консулом 169 г. Марцием Филиппом, осмелились завести речь о посредничестве в деле достижения мира и как посредников предложили самих себя. Определенные круги Сената подстрекали объявить им войну. Хотя в итоге до этого и не дошло, они потеряли все же отошедшие к ним после Антиоховой войны земли в Карии и Ликии, которые теперь были объявлены свободными. Далее, они лишились высоких доходов от пошлин в связи с изменением статуса острова Делос, о чем речь впереди. Из числа ахейцев — кому не нашлось большего упрека, нежели в том, что среди них, как и среди большинства греков, имелись люди, симпатизировавшие Персею или, по меньшей мере, желавшие сохранения Македонии как самостоятельного государства — 15 000 мужчин, именно указанных в доносе проримского политика Каликрата, без дальнейшей процедуры были утнаны в Италию и там пятнадцать лет содержались под стражей, причем Сенат не иначе как отказом реагировал на неоднократно повторявшиеся запросы ахейцев установить

⁷⁴ *Livius* 45, 27, 11 — 28, 1 (перев. О. Л. Левинской); *Polybios* 30, 10, 3 — 6; *Plutarch*, *Aemilius* 28, 1 — 2. О Длинные стены см. выше, с. 184.

⁷⁵ *Plinius*, *nat. hist.* 35, 135; 34, 54.

⁷⁶ О нижеследующем см. указанные в примеч. 71 очерки всеобщей истории этого периода.

вину или невиновность каждого в отдельности или же передать дело на следствие федеральным властям. Среди интернированных тогда находился и Полибий, который как муж лет тридцати был в 170 г. начальником (гиппархом) над союзной конницей и как сын политика Ликорта, добивавшегося сохранения независимости Союза, был противником Калликрата. На протяжении пятнадцати лет он имел возможность изучить Рим и римлян вблизи, находясь в доверительном общении со Сципионом Эмилианом, единокровным сыном победителя при Пидне.

Когда после окончания войны посольства от всех государств греческого мира, больших и малых, стеклись в Рим, чтобы поздравить римлян с победой, напомнить о своих заслугах в ее достижении или отмазаться от подозрений либо упреков, перед Сенатом появились и афинские послы. Их первым, если не самым главным намерением было вступить за несчастных граждан беотийского города Галиарта, который после сурового боя в 171 г. взял штурмом претор Гай Лукреций. При этом всех жителей города уничтожили, а почти две с половиной тысячи боеспособных мужчин, искавших спасения в крепости, но сдавшихся на следующий день, продали в рабство⁷⁷. Афиняне просили Сенат об их «спасении», то есть, как видно из дальнейшего, хлопотали, чтобы тем, которые будут выкуплены на волю, было дозволено повторно основать их полис. Позиция Сената — решительно настроенного на отказ — заставила послов, следуя полученным на этот случай инструкциям, изменить тактику. Тогда они попросили для себя самих острова Делос и Лемнос, а также территорию до основания разрушенного города Галиарта. Сенат удовлетворил их просьбы.

К сообщению об этом Полибий присовокупил свой комментарий: в отношении Делоса и Лемноса афиняне осуждать нельзя, так как оба острова и прежде были афинскими (или они претендовали на них, см. выше, с. 202), однако укора они заслуживают за то, что лишили граждан Галиарта всякой надежды на будущее, вместо того чтобы со всей решимостью вступить за возрождение одного из древнейших беотийских городов. Тем самым афиняне повели себя не достойно своего собственного прошлого. Владение Галиартом принесет им больше ненависти, чем пользы, а получение обратно обоих названных островов доставит целую кучу сложностей. Нет абсолютно никакой уверенности в том, что эта критика справедлива⁷⁸. Галиарт

⁷⁷ Livius 42, 63, 11.

⁷⁸ Polybios 30, 20, 1 – 8; Walbank. Commentary Vol. 3. — P. 443 – 444; Strabo 10, 5, 4, P. 486. Roussel. Délos. — P. 2, note 2, автор сомневается в справедливости критики Полибия. Афинское господство над территорией Галиарта подтверждают три межевых камня и один декрет в честь афинского комиссара в этом городе (ABSA. — 1926 – 1927. — Vol. 28. — P. 137 – 138, № 10 – 11; Chiron. — 1992. — Vol. 22. — P. 481; IG VII 2850 [лучше: Roesch P. Etudes Béotiennes. — 1982. —

стал тогда одним из афинских энклавов на беотийской территории⁷⁹.

Лемнос был возвращен афинянам царем Селевком I после его победы над Лисимахом в 281 г. Затем этот остров в точно не установленный момент был ими утрачен в пользу Македонии. От второй половины III в. имеется несколько декретов и одно посвящение афинской общины в Гефестии⁸⁰, однако из этих надписей не явствует, кто тогда был хозяином острова, равно как и из указания Ливия о том, что в 208 г. во время Первой Македонской войны римский полководец Публий Сульпиций и царь Аттал I пристали к Лемносу⁸¹. Точно так же и послание царя Филиппа V афинянам в Гефестии, в котором он говорит о своем намерении быть посвященным на острове в мистерии Кабиров, не решает вопроса, кто тогда владел Лемносом⁸².

Вместе с Лемносом афиняне могли тогда получить обратно и Имброс со Скиросом в 'Северной Эгеиде'⁸³. Нелегко понять, почему Делос потерял независимость, с которой не расставался на протяжении почти полутора веков; возможно, потому, что один македонский адмирал во время войны превратил остров в базу для своих операций. Его передачу Афинам Сенат связал с условием, что Делос должен оставаться свободным портом, то есть там не должны взиматься ввозные и вывозные пошлины, которые, как правило, составляли 2% от стоимости товара. Возможно, этого добился не кто-нибудь, а италийские купцы. В результате большая часть средиземноморской транзитной торговли, прежде всего между Италией и сиропалестинским регионом, сконцентрировалась на Делосе в ущерб Родосу, доходы которого, извлекаемые из таможенных сборов, тотчас же упали с 1 миллиона до 150 000 драхм в год, то есть на 85%⁸⁴.

На протяжении 32 лет, следовавших за острой угрозой Афинам со стороны царя Филиппа в 200 г., город принял участие в трех крупных войнах, постоянно на стороне римлян. Из них он вышел не увечанный славой, но, по существу, без потерь, а из последней войны даже с солидным выигрышем.

P. 168 – 171], 122/1 г.). Эта область была афинской еще в эпоху Августа. Лемнос афиняне просили себе (безуспешно), вероятно, уже в 196 г. (с. 206).

⁷⁹ *Bertrand J.-M.* // *Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie mineure et la Syrie hellénistiques et romaines* / Ed. E. Frézouls. – Strasbourg, 1987. – P. 100.

⁸⁰ *ASAA.* – 1941 – 43. – NS. 3 – 4. – P. 79 sq, № 3, 4, 5, 9.

⁸¹ *Livius* 28, 5, 1.

⁸² *Accame S., RFIC.* – 1941. – Vol. 69. – P. 179 – 193; *Fraser P. M., McDonald A. H.* // *JHS.* – 1952. – Vol. 42. – P. 81 – 83; *Walbank, Commentary.* Vol. 2. – P. 611; *Sherk R. K.* // *ZPE.* – 1990. – Vol. 84. – P. 270 – 272.

⁸³ *Niese B.* *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia*, 3. – Gotha, 1903. – S. 189, Anm. 6; *Holleaux, Etudes* Vol. 5. – P. 107 – 108.

⁸⁴ *Polybios* 30, 31, 12; *Walbank, Commentary* Vol. 3. – P. 459 – 460; *van Berchem D.* // *MH.* – 1991. – Vol. 48. – P. 129 – 145; *Will, Histoire.* Vol. 2. – P. 300 – 301.

Более серьезной военной напряженности после нападений 200 г. вроде бы не предвиделось. Афиняне с небольшими соединениями флота время от времени участвовали в морских операциях, возможно также, с небольшим отрядом солдат в битве при Пидне, если только Каллифан не был борцом-одиночкой. Заметные разрушения были нанесены земле Аттики лишь в 200 г., значительных потерь в живой силе граждане, судя по всему, не понесли ни в одной из тех войн.

К концу этого периода Афинское государство оказалось в гораздо более надежном положении, чем в его начале. Исходившая от Македонии на протяжении почти двухсот лет угроза была раз и навсегда ликвидирована, ибо царя Персея с членами его семьи и 250 знатными македонянами увезли в Италию и там интернировали, монархия была устранена и заменена четырьмя независимыми друг от друга республиками. Насколько сильно в рамках Греции Афины уступали по влиянию и военной мощи в первой четверти II в. Ахейскому союзу и Родосу (о пергамском царе здесь нет и речи), настолько с окончанием Третьей Македонской войны город резко вырвался вперед – не собственной новообретенной силой, но вследствие наложения римским Сенатом кары на другие государства (включая царя Пергама). В отличие от них Афины по-прежнему – даже по нарастающей – оставались в фаворе у римлян. Их милости город был обязан крупными приобретениями 167 г.: островами Делосом, Лемносом, Имбросом и Скиросом – они уже бывали и ранее долгое время государственными землями Афин, – а также территорией Галиарта.

Все до того сказанное в этом разделе об исходе Третьей Македонской войны делает очевидным, что с 168 г. Рим стал в Греции определяющей силой, к тому же без аннексии Республикой хотя бы единого клочка греческой земли и без водворения в ней хотя бы одного постоянного гарнизона. Не все, что случилось с тех пор на греческой почве, произошло по воле Рима, но ничего значительного более не происходило против его воли. С ужасом наблюдали греки за тем, как расставались с ними римские армии. Перед посадкой на корабли на берегу Адриатики полководцы Эмилий Павел и Анций Галл учинили порученную им Сенатом расправу над эпирским племенем молоссов, сражавшихся на стороне македонского царя. После обещаний помилования у жителей выгребовали и отняли весь драгоценный металл и деньги, а затем в один день все дома в 70 селениях были разорены и разрушены, 150 000 свободных людей согнаны вместе и в корысть римским солдатам проданы в рабство⁸⁵.

⁸⁵ Polybios 30, 15; Livius 45, 34, 1 – 6; Walbank, Commentary. Vol. 3. – P. 438 – 439.

IX. Времена мира (до и после 167 г.)

1. Общение с царями

Заключение Римом мирного договора с царем Филиппом V в 196 г. открыло для Афин столетие мира. Оно, по существу, не было прервано войнами римлян против Антиоха и Персея, затронувшими Афины лишь мимоходом, и закончилось только в 88 г., когда город выступил на стороне интересов Митридата Понтийского, состоявшего в войне с Римом. С началом этого мирного времени началась и новая фаза оживленных контактов с другими государствами, разительно отличающаяся от изоляционистского курса братьев Эвриклида и Микиона конца III в. Приобретение Делоса и Лемноса после войны с Персеем открыло к тому же период возраставшего процветания.

Что касается прежде всего монархий, то Афины поддерживали в III в. теснейшие отношения с домом Птолемеев, который, не в пример соперничавшему с ним македонскому дому Антигонидов, неоднократно, с переменным успехом сыграл роль протектора города¹. Вынуждаемые ситуацией 200 г., афиняне через посольство Кефисодора обратились с очередной просьбой о военной помощи к Александрийскому двору, однако тот сам увяз в этот момент в тяжелой войне против Антиоха III, в ходе которой были потеряны Южная Сирия и Палестина. К тому же царь Птолемей V Эпифан был еще ребенком, за которого распоряжались быстро сменявшие друг друга опекуны, ведущие государственные дела как канцлеры. Поэтому Египет не был в состоянии оказать Афинам действительную помощь, и тогда другие державы — Аттал Пергамский, Родос и прежде всего Рим помогли городу в этом тяжелом кризисе и наладили с ним тесные связи. Тем не менее отношение к Египту осталось дружественным. От 80-х годов II в. уже на сегодняшний день имеется не менее трех афинских декретов в честь высокопоставленных личностей на служ-

¹ Отношения Афин с Птолемеевым царством подробно освещены: *Habicht, Athens and Ptolemie.*, *Classical Antiquity* II — 1992 — P. 68 — 90: для раннего II в. особенно на с. 75 — 86. Там собраны и свидетельства, которые здесь отчасти опускаются.

бе Птолемея V². Они позволяют выяснить, что между этими державами поддерживались оживленные сношения — особенно много афинян, преимущественно, конечно, закупщиков хлеба и других торговцев, приезжали в Египет. То же относится и к стоявшему под контролем птолемеевского губернатора острову Кипр, как показывают два афинских декрета, изданные около 180 г. до н. э.³

Можно считать надежно установленным, что афинские священные послы раз в четыре года представляли город на справлявшихся в Александрии празднествах в память Птолемея I, и наоборот, Александрийский двор был представлен на наиболее важных общественных праздниках Афин, таких как Великие Панафинеи, Элевсинские мистерии и, разумеется, на Птолемеях в честь Птолемея III. Кроме того, цари обладали почетным гражданством Афин, будучи приписаны к филе Птолемеаиде. В одно и то же время в 169 г. — в период Шестой Сирийской войны между Птолемеем VI и Антиохом IV, понятно, не слишком благоприятствовавшей дипломатическим сношениям, — в Египте все же находилось не менее трех афинских посольств, из них одно по поводу Панафиней, другое по делам Мистерий⁴. Однако ничто столь ярко не освещает интенсивность и сердечность этих отношений, как тот факт, что между 182 и 158 гг. до н. э. члены царской семьи и высокие сановники короны часто становились победителями на Панафинейх: царь Птолемей V, его сын и наследник Птолемей VI еще как царевич и дважды как царь, супруга последнего Клеопатра II, министр Поликрат (сестра которого Поликратия была матерью македонского царя Персея), его супруга Зевксо из Кирены, три его дочери, а также жрицы династического культа Эйрене и Агафоклия, обе из самых высоких фамилий⁵. И ясно, что это попавшее к нам досье представляет всего лишь фрагмент когда-то более полной картины.

Вопреки высказанной Фергюсоном и поддержанной другими учеными тезе, за пятьдесят лет, последовавших за смертью Птолемея VI в 145 г., ни разу не произошло ни разрыва дипломатических связей Афин с двором Птолемеев, ни похолодания в сердечности их отношений⁶. Впрочем, Птолемеи около середины II в. приступили к сворачиванию своих опорных пунктов в Эгеиде. Вслед за этим они едва ли были в состоянии выступать протектором Афин, хотя на самом деле они уже давно утратили эту роль, уступив ее Риму.

С двором Селевкидов Афины имели на протяжении III в. лишь спорадические контакты. Установлению более тесных связей препят-

² IG IP² 891, 893a, 897, вероятно и 888. *Habicht Ch. Op. cit.* — P. 77.

³ IG II² 908, 909. Подробнее см.: *Habicht Ch. Op. cit.* — P. 80 — 81.

⁴ *Polybios* 28, 19, 4.

⁵ *Habicht Ch. Op. cit.* — P. 78 — 79.

⁶ Подробнее на с. 83 — 85 работы, указанной в примеч. 1. С тех пор добавилось еще одно свидетельство о праздновании Птолемеев в Афинах в 117/6 г. (Ergon 1991, 5).

ствовало наряду с географическими условиями то обстоятельство, что Селевкиды и Птолемеи из-за конкурентных притязаний на Южную Сирию постоянно находились во вражде друг с другом, почему Афины, поддерживая они более оживленные связи с Антиохийским двором, навлекли бы на себя недоверие своего египетского протектора. Однако в конце III в. царь Антиох III Великий, возвратясь в Малую Азию из достославного анабазиса на восток своего царства, постарался добиться благорасположения греческих государств, в том числе и Афин⁷. В науке дискутируется вопрос, он ли посвятил на Акрополе эгиду из позолоченной бронзы с головой Медузы или его сын Антиох IV⁸. Однако зарегистрированные под 181/80 г. в одном из афинских святилищ votivные дары царицы по имени Лаодика принадлежали скорее всего его супруге⁹. Далее, афинский декрет 184/3 г. показывает, что в годы перед началом Антиоховой войны, то есть до 192 г., афинские послы и феоры регулярно посещали царскую резиденцию в Антиохии на Оронте¹⁰. В любом случае, дипломатические связи города с царем тогда имели место и были по своему настрою дружественными, хотя, видимо, и с оттенком дипломатической рутин. Но с началом войны, как уже было показано (с. 206), в Афинах нашлись граждане, которые охотнее вовлеклись бы в войну на стороне царя, чем против него на стороне римлян.

После окончания войны прошло немного времени, Антиоха сменил на престоле его сын Селевк IV, а вскоре восстановились и добрые отношения держав друг к другу. Это случилось самое позднее весной 186 г., когда один царский посол получил почести в Афинах¹¹. Примерно в то же время постановление рода Кериков свидетельствует о дипломатических контактах Афин с царским двором¹².

Вслед за тем Антиох, младший брат Селевка, наследовал ему на троне в конце 175 г. как царь Антиох IV Эпифан, став величайшим благодетелем Афин и явным любимцем афинян. При заключении его отцом мира с римлянами в 188 г. он как заложник прибыл в Рим и позже был сменен там сыном Селевка Деметрием, но не в 175 г. — незадолго перед смертью (или убийством) Селевка, как это принято считать, — а самое позднее летом 178 г., поскольку уже осенью того же года одним недавно опубликованным постановлением Афин в

⁷ О нижеследующем см.: *Habicht Ch. Athen und die Seleukiden* // *Chiron*. — 1989. — Vol. 19. — S. 7 — 26; об Антиохе III и его сыновьях Селевке IV и Антиохе IV на с. 10 — 21.

⁸ *Ibid.*, 11 — 12.

⁹ *Hesperia*. — 1940. — Suppl. 4. — P. 144 ff., L. 8 — 9.

¹⁰ *IG II²* 785, 10 — 13.

¹¹ *Prüchett-Meritt. The Chronology of Hellenistic Athens*. — Cambridge (Mass.). 1940. — P. 117 — 118.

¹² *IG II²* 1236. *Habicht Ch. Athen und die Seleukiden*. — S. 18. О дате см.: Tracy, ALC 95.

честь Антиоха засвидетельствовано его пребывание в этом городе¹³. Тем самым, вместо того чтобы вернуться в царство своего брата и своих предков, он провел несколько лет своей юности в Афинах. После смерти брата он отбыл оттуда, дабы заполучить трон, на который опекуны поставили совсем малолетнего сына Селевка. В этом он нашел полную поддержку бывшего противника их дома, царя Эвмена II Пергамского и его братьев, с их помощью вскоре добился успеха. Афинские граждане так ликовали по этому поводу, что выразили благодарность братьям из Пергама изданием безмерно восторженного декрета, обнаруженного в том же Пергаме¹⁴. К тому времени в Афинах уже стояли, как позволяет судить текст, статуи царя, которые скорее всего были воздвигнуты во время его пребывания в городе и стали тем самым выражением симпатии, какую афиняне уже тогда испытывали к еще не коронованному царевичу.

Став царем, Антиох по-царски воздал за все то, что сделали для него афиняне. Он продолжил начатую еще в VI в., но потом приостановленную постройку грандиозного, великолепного по стилю храма Зевса Олимпийского, вверив эту работу — что примечательно — римскому зодчему по имени Косситий. Это сооружение, хотя и во время Антиоха не было еще завершено, тут же было причислено к самым знаменитым храмам греческого мира¹⁵. В эти годы, предположительно в 173/2 г., в Афинах получает почести и начальник царской гвардии Арридей¹⁶. В 169 г. афинские послы беседовали с самим царем в Египте. Они были отправлены ко двору Птолемеев, однако там, как и послов других греческих государств, их попросили выступить за заключение мира в лагере Антиоха. Тот изложил им, почему он вел войну, и убедил будто бы своих слушателей в правоте своего дела¹⁷. Весть о его смерти где-то в конце 164 г. была встречена в Афинах как печальная новость. Хотя царь совершил столько добра именно для этого города, смерть его произвела впечатление даже на далеких и бунтовавших против него иудеев Палестины — след этого сохранила еще II книга Маккавеев¹⁸.

Насколько можно судить, дары династов Пергама афинским философским школам Академии и Перипатоса, соответственно их главам, были первыми точками соприкосновения Атталидов с Афинами¹⁹. При Аттале I (241 — 197), принявшем царский титул после по-

¹³ Hesperia. — 1982. — Vol. 51. — P. 60, № 3.

¹⁴ OGI 248, интерпретацию его см.: Holleaux M. Études Vol. 2. — P. 127 — 147; Appian, Syr. 233 — 234.

¹⁵ Свидетельства собраны в: Habicht Ch. Athen und die Seleukiden 19 // Anm. 63, среди них и AP 9, 701, 702.

¹⁶ ISE 34.

¹⁷ Polybios 28, 19 — 20.

¹⁸ 2. Makk. 9, 15. Habicht Ch. // HSCP. — 1976. — Vol. 80. — P. 3.

¹⁹ О нижеследующем подробно см.: Habicht Ch. Athens and the Attalids in the Second Century B. C. // Hesperia. 1990. — Vol. 59. — P. 561 — 577. О времени Атта-

беды над малоазийскими галатами, в общественной сфере эти контакты расширились и приняли политический характер. Это стало неизбежным уже потому, что царь ближе к концу III в. благодаря приобретению в Первой Македонской войне острова Эгины стал соседом Афин. Именно он подвиг афинян в 200 г. вступить в войну против Филиппа V и поддержал их во время войны солдатами, деньгами и хлебом. По всей видимости, он вступился также за пленных афинян, то есть скорее всего содействовал их выкупу на волю²⁰. Большая часть ученых полагает, что именно Аттал незадолго до или вскоре после 200 г. до н. э. отправил афинянам вотивный дар так называемых *Малых галатов*, желая тем самым напомнить о своей победе над этим племенем и представить себя протагонистом эллинизма и эллинской цивилизации. Напротив, многие другие исследователи видят в этой группе посвящение его сына Аттала II, который не только как царевич принял в 189 г. участие в походе римского консула Манлия Вульсона против галатов, но и совместно со своим братом царем Эвменом в 166 г. подавил крупное восстание галатов, свергшее династию в тяжелый кризис.

Как бы ни звучал правильный ответ на этот вопрос²¹, вполне очевидно, что с 200 г. ни один другой царский дом, в том числе и Птолемеи, не установил более тесные и более сердечные отношения с Афинами. Уже в начале Второй Македонской войны Аттал имел право напомнить об оказанных городу благодеяниях, и уже тогда афиняне, упразднив культ Антигонидов, учредили культ Аттала, появившийся у них по той же причине, что и упраздненный, а также культ Птолемея III.

Как союзники Рима и афинян Аттал I и после него его сын Эвмен (197 – 158) во время войн с Филиппом V, Антиохом III и Персеем неоднократно навещали Афины и, соответственно, Пирей. А в годы Антиоховой войны по меньшей мере три мужа, состоявшие на службе у Эвмена, были награждены афинянами тремя отдельными постановлениями: его личный врач Менадр, Теофил из Пергама и

ла I см.: *Schalles H.-J.* Untersuchungen zur Kulturpolitik der pergamenischen Herrscher im 3. Jh. v. Chr. – Tübingen, 1985.

²⁰ IG II² 886, 17.

²¹ Об этой контроверзе из последних см.: *Queyrel F.* // RA. – 1989. – P. 278 – 296, где приведена обширная литература. Поздняя датировка снова обрела сторонников: *Andreae B.* // *Studi Ellinistici* / Ed. B. Virgilio. – 1994. – Vol. 4. – P. 131 – 133. Согласно Андреэ, эта группа («in verità uno dei più grandi monumenti di tutti i tempi», op. cit. 133) была создана при участии «пергамского придворного художника» Пиромеха из Афин, уже разрабатывавшего стиль Большого Пергамского алтаря, и была посвящена в Афины между 166 и 150 гг. Против этого шаткого тезиса может быть выставлен аналогичный скепсис, какой высказан Р.-П.-Р. Смитом в его рецензии на близкородственную по материалу книгу Андреэ *Laokoon und die Gründung Roms* – 1988 (*Gnomon*. – 1992. – Vol. 63. – P. 351 – 358.)

Павсимах²². Со своей стороны, афинские послы вскоре после победы над Антиохом побывали при Пергамском дворе. А Эвмен с братьями — как и члены Птолемея царского дома по мужской линии — стали почетными гражданами Афин, внесенными в списки нарекенной по их отцу филы Атталиды. С этим добавочным указанием все четверо появляются в каталоге Великих Панафиней как победители 178 г.²³ В том же году афиняне отметили почестями остановившегося в Афинах селевкидского царевича Антиоха, которого Эвмен с братьями несколько лет спустя посадили на трон, — по закону он должен был бы отойти его содержавшемуся в Риме племяннику Деметрию. Именно эта поддержка послужила афинянам поводом повторно почтить членов Пергамского царского дома. Добавим сюда еще и персональный декрет 174 г. в честь третьего брата — Филетера, чью статую как одного из своих благодетелей афиняне посвятили и в Олимпии²⁴.

Немного позже, приблизительно во время войны с Персеем, афиняне составили декреты в честь Гикесия из Эфеса, царского губернатора в Эгине, и Фильтеса из Кизика, также состоявшего на службе у царя. Летом 167 г. на специально созванном в последний день года заседании экклесии они почтили некоего Диодора, именуемого «другом» царя и его братьев²⁵.

Воздвигнутые Атталидами в Афинах монументы лишь немногим уступали храму Зевса Олимпийского, завершение которого приблизил их друг Антиох IV. Это была стоя Эвмена длиной в 163 м на южном склоне Акрополя, предлагавшая посетителям театра Диониса укрытие от дождя, и двухэтажная стоя длиной в 116 м на восточной стороне Агоры, воздвигнутая Атталом, после того как он в 158 г. наследовал своему брату на царстве²⁶.

Как благодетелей города Эвмена II и Аттала II афиняне почтили воздвижением колоссальных статуй, стоявших на Акрополе над театром; их базы с надписями были потом заменены другими, которые вместо имен царей несли имя римского триумвира Марка Антония, ставшего хозяином Афин с 42 по 31 г.²⁷

В начале II в. Афины поддерживали также дружеские отношения

²² IG II² 946, 947, 9 — 21. Osborne, Naturalization I, № 100; *Habicht Ch. Athens and Attalids* P. 564 — 567.

²³ IG II² 2314, 84 — 91; о датировке см.: Tracy // *Hesperia*. — 1991. — Vol. 60. — P. 217 — 221; о регистрации в филе Атталиде: *ibid.* 189, col. 1, 38, 48.

²⁴ IG II² 905; I Olympia 312.

²⁵ Osborne, Naturalization I, № 106; IG II² 955, в восстановлении: *Habicht Ch. Athens and Attalids*. — P. 576 — 577, 945, где имя лица, внесшего предложение, на основании надписи Агора XV 212, 110 дополнено как Арис(тион).

²⁶ Источники и литературу по стое Эвмена см.: *Habicht Ch. Athens and Attalids*. — P. 563, о стое Аттала см. *ibid.*, P. 573 — 574.

²⁷ *Plutarch, Antonius* 60, 6. Ср.: Cassius Dio 50, 15, 3.

с соседом и соперником Пергамской династии царем Фарнаком I Понтийским. Хотя его выразительный портрет на серебряных монетах хорошо известен, во всем остальном, однако, Фарнак являет собой весьма загадочную фигуру: о нем на сегодняшний день известно ненамного более того, что уже сто лет тому назад знал Эдуард Майер, создавая свою «Geschichte des Königreichs Pontos» (1879). Точное время его правления все еще не установлено, хотя и вероятно, что он умер в 171/70 г., так как Полибий под этим годом посвящает ему такую ремарку, которая едва ли может быть истолкована иначе как отклик на его смерть²⁸. Фарнак попал в луч света истории вдруг, когда он в 183 г. завоевал город Синопу на Черном море, долгое время остававшийся независимым и прежде при поддержке Родоса боровшийся с агрессией отца Фарнака. Засим последовала многолетняя война против Эвмена Пергамского и других союзных с ним государств. По миру 179 г. Фарнак был обязан вернуть свои завоевания, прежде всего, видимо, в Галатии, однако сохранил Синопу, ставшую тогда столицей его царства²⁹.

Народное собрание Афин в честь его и только что повенчанной с ним супруги Нисы из Селевкидского царского дома издало в год архонта Тихандра пространное постановление, выставленное на Делосе, где и обнаружено³⁰. До недавнего времени считалось установленным, что Тихандр исполнял должность в 160/59 г. (почему и были вынуждены истолковывать заметку Полибия от 171/70 г. иначе чем часть некролога Фарнаку). Однако теперь Стефен Треси показал, что годом его эпонимата был скорее 196/5 и что афинский декрет в честь Фарнака относится к марту — апрелю 195 г.³¹. В его фрагментарном зачатке говорится, что уже предки царя были друзьями города, и Фарнак, хотя и не став еще полновластным хозяином, также сделал афинянам определенные обещания, об отсрочке выполнения которых просил афинских послов. Царь и царица восхваляются за их доброе расположение, а далее сообщается, что статуи их должны быть выставлены на Делосе. Для личного вручения декрета избирается один из граждан, которому по этому случаю следовало тактично попросить царя перечислять ежегодную долю обещанного городу дара, если это для него окажется как-то выполнимым.

²⁸ Polybios 27, 17. О портрете Фарнака см.: Smith R. Hellenistic Royal Portraits. — Oxford 1988. — P. 113, Table 77, 10.

²⁹ Habicht // CAH² VIII. — 1989. — P. 328 — 330.

³⁰ IG XI 4, 1056 (I Délos 1497 bis).

³¹ Tracy // AM. — 1992. — Vol. 107. — P. 307 — 314. Там же приведены эпиграфически свидетельства о правлении Фарнака из Одессоса, Амасии и Херсонеса в Крыму. Вирджиния Грейс предложила видеть в Фарнаке основателя «Средней стон» на Афинской агоре (Hesperia. — 1985. — Vol. 54. — P. 1 — 54). Она доказала, что строительство ее началось ок. 183 г., тем самым в годы правления этого царя, однако отнесение стон к нему нельзя считать установленным.

Этот декрет — единственное надежное свидетельство об отношениях города и царя; многие другие, видимо, утрачены. От этого времени нет никаких свидетельств о контактах Афин с царями Вифинии на Северо-Западе Малой Азии — ни с Прусием I (до 183 г.), ни с его сыном и преемником Прусием II (183 — 149 гг. до н. э.).

Предстоящий нам обзор иностранных связей Афин среди прочего показал, что во II в. в Афинах велась крупномасштабная строительная деятельность, однако она более не предпринималась городом на собственные средства — как в свое время при Ликурге, — а устраивалась пергамскими и сирийскими царями за их счет. Большим престижем Афин было побудить этих монархов покрасоваться там своими представительными постройками.

2. Сношения со свободными государствами

Обновленное чувство самосознания, казалось, переполнило афинских граждан, после того как с окончанием войны против Антиоха и этолийцев и Второй Македонской для них счастливо миновали критические годы. Именно Афины и ставший независимым от Македонии Фессалийский союз — при новом, данном ему Фламинием устройстве — добились от содружества стран, сплотившихся в Дельфийскую амфикионию, перераспределения голосов, что стало необходимым после резкого падения в ней акций этолийцев. Обе державы оказались достаточно предусмотрительными, заручившись для нового порядка управления святилищем и Пифийскими играми согласием Сената в Риме³². Если таким своим шагом они и обманули надежды, которые, кажется, строил себе город Дельфы, то это все же не привело к слишком долгому разладу между ним и Афинами. Около 180/79 г. Дельфы обратились к Афинам с просьбой о посредничестве, чтобы решить спор с соседней общиной о святилищах и одном земельном участке. Афинянин Аполлодор уладил это дело и заслужил тем самым награду в Дельфах. Другая община в его почетном декрете по имени не названа, однако это мог быть локридский город Амфисса, с которым где-то в те годы как раз и шел спор о святилищах и об одном угодье. Для его разрешения стороны запросили мировых судей с Родоса, и родосцы послали им с этой целью девять своих граждан³³.

Суть дела описана в обоих документах аналогичным образом почти дословно, так что похоже, оба относятся к одному и тому же

³² *Giovannini A.* // *Ancient Macedonia*. — Vol. 1. — 1970. — P. 147 — 154; *Habicht* // *Hesperia*. — 1987. — Vol. 56. — P. 59 — 71.

³³ *FD III 2, 89* (декрет Аполлодора) и *III 3, 383* (декрет о родосцах). Ср.: *Daux*, *Delphes*. — P. 277 — 280; *Daverio-Rocchi G.* *Frontiera e confini nella Grecia Antica*. — 1988. — P. 132 — 142. Дата документов следует из: *Syll.*³ 585, 216 — 224.

инциденту. Тогда, естественно, возникает вопрос, как соотносились между собой роли родосских судей и афинских арбитров. Допустимы различные объяснения, например, то, что родосские судьи очертили общие рамки соглашения, при проведении же разбирательства возникали особые проблемы, урегулирование (*epikrisis*) которых и было поручено афинянину Аполлодору.

К северному соседу Аттики — в Беотию — ведет найденный на Афинской агоре фрагментарный декрет одного беотийского города, вероятно Феспий, касающийся культовых вопросов. Речь при этом могла идти об участии афинян в празднике Муз в Феспиях³⁴. Как и нельзя было ожидать иначе, отношения Афин с Этолийским союзом в 80-е годы — благодаря афинской помощи стесненным в войне с Римом этолийцам — были добрыми, что и подчеркивает одно свидетельство примерно 182 г. до н. э.³⁵ В начале II в., между 198 и 168 гг., Афины заключили с Этолийским союзом соглашение о правовой взаимопомощи на случай возникновения будущих разногласий между обоими государствами³⁶.

В течение II в. услуг Афин и афинских граждан по урегулированию конфликтов другие государства добивались как будто во все возрастающих объемах. Один важный документ из Милета трактует подписание и условия мирного договора, заключенного между Милетом и Магнезией на Меандре после войны, принесшей ощутимые потери обеим сторонам, хотя перевес в ней был на стороне Магнезии³⁷. Под руководством Родоса в урегулировании конфликта приняли участие не менее тринадцати других греческих государств, прежде всего малоазийских и островных. Из материковой Греции прибыли кроме афинской делегации пять ахейских посланников — по одному в качестве представителя федеральных властей и от городов Мегалополя и Антигонеи (Мантиней), а также два из Патр. С момента его находки незадолго до Первой мировой войны этот мирный договор неизменно датировали 197 г. Однако в настоящее время Малколм Эррингтон показал несостоятельность данной гипотезы и неопровержимо доказал, что договор был заключен между 185 и 182 гг., то есть после депортации гарнизонов Филиппа V и изгнания Антиоха III из Малой Азии, вслед за чем Родос по миру 188 г. получил контроль над землями Карии южнее Меандра (на котором лежала Магнезия)³⁸. Афины и Ахайа — единственные из балканских стран-участниц дого-

³⁴ Lalonde G. // *Hesperia*. — 1977. — Vol. 46. — P. 268 — 276, между 210 и 170 гг. (Tracy, ALC 75). О реорганизации этого праздника в конце III в. см.: Feyel M. Contribution à l'épigraphie béotienne. — Le Puy, 1942. — P. 88 — 132.

³⁵ IG II² 4931.

³⁶ Polybios 32, 7, 3. Gauthier Ph., *Symbola*. — Nancy, 1972. — P. 173; Ziegler W. *Symbolai und Asylos*: Diss. — Bonn, 1975. — S. 63. Об этом см. ниже с. 245.

³⁷ I Milet 148 (Syll. ³ 588).

³⁸ Errington R. M. // *Chiron*. — 1989. — Vol. 19. — P. 279 — 288.

вора — были тогда самыми влиятельными друзьями Рима в Греции. Афины к тому же привлекались с особым расчетом как «метрополия» ионийских полисов. Все три члена афинской делегации принадлежали к известным фамилиям; ее руководитель Алексийон примерно за два года до того принял участие в реорганизации Дельфийской амфикитии, то есть был искушенным дипломатом, который, кроме того, чуть позже встречался в составе дипломатических миссий³⁹.

Как раз близко ко времени заключения мира, возможно несколькими годами раньше или позже, три милетянина, все из влиятельных фамилий города, прибыли праздничными посланниками в Афины, вероятно на Панафиней, и получили там почести. Понятно, почему именно они были выбраны их городом для этой миссии, ибо один из предков главы делегации Эвандрида — олимпиевик Антенор — уже был в 306 г. отмечен почестями в Афинах; Лихас, отец Гермифанта — его коллеги по посольству — в конце III в. был ведущим государственным деятелем Милета, увенчанным многими городами, в том числе и Афинами⁴⁰.

Другие постановления Афин дают сведения о сношениях города в раннем II в. с Критом и Кикладским островом Кеосом⁴¹. Отношения Афин с Критом в начале II в. нашли отражение в одной, к сожалению неполно сохранившейся, надписи, содержащей декрет некоего западно-критского города. Документ запрещает его гражданам захват любой добычи на афинской территории и предусматривает наказание нарушителям. Оба прибывших на Крит по этому поводу парламентария Афин — братья Лисикл и Трасипп из Гаргета, члены одной известной фамилии — награждаются проксенией этого критского города⁴². Их миссия была связана с распространившимся тогда пиратством критян, от которого греческие города пытались оградить себя гарантиями критских полисов — некоторые из этих документов сохранились⁴³.

О сотрудничестве Афин с Фессалийским союзом в 186 — 184 гг. по реорганизации Амфикитии речь уже шла. К несколько более раннему времени — первым годам после повторного основания Фессалийского союза — относится декрет в честь фессалийца Александра. Для афинского архонта Дионисия, которым этот декрет датирован, я предложил 194/3 г., однако это наталкивается на то обстоятельство, что Никий — выдвинувший предложение и входивший тогда в Совет — определенно был его членом в 193/2 г. Хотя повторное членство в Совете

³⁹ О фамилии Алексийона см.: *Habicht Ch. Studien* S. 185 — 188, а также новое свидетельство о его роли в Дельфах после Антиоховой войны: *Hesperia* 56, 1987, 65, L. 15.

⁴⁰ IG II² 992. *Habicht Ch. // Chiron*. — 1991. — Vol. 21. — S. 325 — 329.

⁴¹ IG II² 844, 49 — 70; 978.

⁴² *Inscr. Cret.* 2, 313, № 3, 1 — 12, найден в Афинах и опубликован также в: IG II² 1130. О семье этих братьев см.: *Habicht Ch. // Hesperia*. — 1991. — Vol. 60. — P. 227.

⁴³ *Brulé P. La Piraterie crétoise hellénistique*. — Paris, 1978. — P. 23 — 24, 75.

и допускалось, все же в данном случае оба должностных срока должен был бы разделять тогда как минимум один вакантный год⁴⁴.

На Пелопоннесе после вступления Спарты и Мессении в Ахейский союз долгие годы не утихали раздоры между федеральными властями и различными фракциями спартанского и мессенского гражданства. В Спарте они разгорелись между приверженцами убитого в 192 г. этолийцами тирана Набиса и изгнанными им противниками, а в том и другом городе — между поборниками и противниками союза с ахейцами⁴⁵. Затянувшееся выяснение отношений, которым постоянно был занят и римский Сенат, завершилось в 180 г. в итоге ахейского посольства Калликрата в Рим. Сенат отдал тогда распоряжение ахейцам принять обратно живших еще в изгнании спартацев и мессенцев. Копии предписания он послал этолийцам, эпиротам, афинянам, беотийцам и акарнанами — предоставившим, как предполагалось, убежище изгнанникам — с требованием содействовать в этом деле⁴⁶. Калликрат убедил сенаторов в том, что интересы Рима и греческих сторонников римлян страдают, если Греция останется предоставленной самой себе, а посему требуется ясное волеизъявление Сената. Судя по их реакции, сенаторы примкнули к этой (по словам Полибия, антипатриотической) позиции. В послании Сената проглядывается ожидание того, что и независимые греческие государства, такие как Афины, присоединятся к желанию римлян. Не исключено, что присутствие послов Ахейского союза в Афинах в 178/7 г. было связано еще с этим вопросом. Посланники вели переговоры, по всей видимости, с афинской комиссией из трех членов, во главе которой стоял тот же Алексийон из Азении, который еще в 186/5 г. играл ведущую роль в переустройстве Амфикистии и возглавлял афинскую делегацию, посланную в связи с заключением мира между Милетом и Магнезией около 184 г.⁴⁷.

Вскоре после окончания войны с Персеем к Афинам обратились древняя царская столица Эпира Амбракия и ее сосед на юге Аккарнанский союз с просьбой прислать третейских судей для улаживания

⁴⁴ IG II² 850 — надежно датируется 90-ми гг. II в. Внесший предложение Никей, сын Поликсена, упомянут в стк. 3 и в IG II² 844, 50 от 193/2 г. Разрешение повторной деятельности на посту члена Совета засвидетельствовано Аристотелем (*Athpol.* 62, 3), однако из-за обязанности булевтов сдавать отчет мог приветствоваться либо же требовался по закону определенный интервал (*Busolt-Swoboda. Griechische Staatskunde.* — München, 1926. — Vol. 2. — S. 1022; ср.: *Rhodes P. J. The Athenian Boule.* — Oxford, 1972. — P. 14 — 16).

⁴⁵ *Livius* 35, 37, 1. Свидетельство о том, что копии этого договора, по которому Спарта в 192 г. становилась членом Союза, якобы были выставлены на Капитолии в Риме, в Олимпии и на Афинском акрополе (*Livius* 38, 33, 9), видимо, не более чем приукрашивающая фикция какого-то римского анналиста.

⁴⁶ *Polybios* 24, 10, 6. Об этих событиях см.: *Errington R. M., Philopoemen.* — 1969. — P. 200 — 205.

⁴⁷ *Hesperia.* — 1957. — Vol. 26. — P. 210, № 58.

споров, всколыхнувшихся между обоими государствами (или подданными обоих государств). Амбракия ужасно пострадала в римско-этолийской войне: город долгое время оказывал ожесточенное сопротивление и в конце концов в 189 г. по требованию этолийских властей — иным способом они не могли добиться от римлян мира — сложил оружие перед римским консулом Марком Фульвием Нобилиором. Фульвий — в его свите состоял римский поэт Энний, опиравший осаду Амбраки в одном утерянном произведении, — вывез в Италию, как это не раз случалось и прежде, немало произведений искусства, которыми прежде всего царь Пирр некогда украсил свою резиденцию. Чуть позже — в 187 г. до н. э. — Сенат объявил Амбракию вольным городом. Во время войны с Персеем долгие годы в городе стоял мощный римский гарнизон⁴⁸. Амбракия так много от него претерпела, что город был вынужден во время войны либо тут же вслед за ее окончанием обратиться к дружественным государствам за финансовой поддержкой. Сохранились значительные части постановления Фессалийского союза об оказании помощи городу⁴⁹. После окончания войны Амбракия прилагала большие усилия, чтобы вновь урегулировать отношения со своими соседями. Об этом свидетельствует опубликованный недавно пространный документ, в котором разбираются отношения города с его западным соседом Харадром⁵⁰, кроме того к таким свидетельствам, возможно (так как хронология их спорна), относятся еще два документа, касающиеся отношений с лежащей на северо-востоке Атаманией⁵¹, наконец, еще одно свидетельство представляет фрагментарный афинский декрет 167/6 г.⁵² Из него выясняется, что Амбракия и акарнаны попросили Афины прислать третейских судей, и еkkлeсия пошла навстречу их просьбе. Для выполнения этой миссии афиняне избрали и привели к присяге пятерых своих граждан. Имена их были названы в декрете, и сохранившиеся части его позволяют выяснить, что среди них находился

⁴⁸ Livius 38, 44, 4 — 6 (сенатское постановление); 43, 17, 10 и 44, 1, 4 (гарнизон).

⁴⁹ Habicht Ch. // Demetrias. — 1976. — Vol. 1. — S. 175 — 180.

⁵⁰ Cabanes P., Andréou J. // BCH. — 1985. — Vol. 109. — P. 499 — 544, 753 — 757; Habicht Ch. // ZPE. — 1988. — Vol. 62. — S. 190 — 192; Tréheux J., Charneux P. // BCH. — 1988. — Vol. 112. — P. 359 — 373; Gauthier Ph. Bull. épigr. — 1989, 265.

⁵¹ ISE 91 — это письмо римского претора П. Корнелия Блазиона Коркире и стоящее на оборотной стороне того же камня еще не изданное решение коркирейцев по вопросу о проведении границы между Амбракией и Атаманией: Hoileaux M. Etudes. — Vol. 5. — P. 443 — 448.

⁵² IG II² 951 в интерпретации: Wilhelm // SAAW. — 1916. — S. 23 — 30 (Akademischen 1, 447 — 454). В строке 3, согласно указанному в примеч. 50 новому документу, следует дополнять [υρσι]ατ[ισ]τ[α]ς. О датировке архонта Никсофона см.: Habicht Ch. Op. cit. Стратегом Акарнанского союза был тогда скандально знаменитый Хремас, глава партии этой страны, целиком послушной римлянам: Walbank, Commentary. Vol. 3. — P. 332, 435, 522.

член прославленной фамилии ваятелей Праксителя и Кефисодота⁵³. Этот призыв государств Северо-Западной Греции к Афинам показывает, что город и дальше продолжал пользоваться большим авторитетом и что его граждане даже далеко обитавшим грекам иной племенной принадлежности казались в высокой степени квалифицированными для того, чтобы улаживать в роли арбитров межгосударственные споры.

Примерно в то же время или чуть раньше Афинам выпало на долю принять участие в улаживании конфликта двух государств на Пелопоннесе. Между городами Трезеном и Арсиноей (прежде Метана) разгорелся спор по поводу пользования двумя областями: полосою гористой местности, служившей гражданам обоих полисов пастбищем, и отрезком побережья, которые те и другие использовали для ловли тунца. В ходе спора Трезен прибегнул к репрессалиям, наложил арест на имущество и заключил под стражу трех граждан Арсинои. Благодаря посредничеству уполномоченных царя Птолемея, державшего тогда в Арсиное свой опорный пункт, в конце концов было достигнуто договорное соглашение, согласно которому обоими участками местности в дальнейшем следовало пользоваться сообща. Пострадавшие от репрессалий люди должны были получить компенсацию, нарушенные права личности и собственности должны были быть восстановлены, а новым владельцам отчужденных жилищ компенсированы расходы на их приобретение. В дополнение ко всему стороны договорились отправить в Афины посольство, попросив о присылке трех афинских граждан, которые с полным беспристрастием занялись бы на месте реализацией договоренности, то есть возмещением ущерба пострадавшим, а затем бы публично выставили акт урегулирования в святилище Посейдона в Калаврии, в Асклепийоне Эпидавра и на Афинском акрополе⁵⁴.

3. Внутренние отношения

Среди достойных внимания явлений внутриполитической жизни этого времени можно считать продолжение деятельности небольшо-

⁵³ Davies, APF. — P. 286 — 290.

⁵⁴ Копии трезенского декрета IG IV 1², 77, описывающего предысторию и соглашение, найдены в Эпидавре и Трезене. Важный комментарий дал: Nikitsky A. // Hermes. — 1903. — Vol. 38. — S. 406 — 413. Текст был правильно распознан как декрет Трезена: Bravo B. // ANSP. — 1980. — P. 745, 805 — 806, 865, 868. Долгое время сомневались, какой город вступил в конфликт с Трезеном: называли Гермину, Эпидавр и Мегары. То, что имеется в виду Арсиноя, первым распознал Л. Робер (Bull. épigr. — 1961. — P. 318; ср.: OMS 3, 1465), обративший внимание на то, что IG IV 1², 76 — это часть того же декрета (76, 32 — 38 = 77, 1 — 7). Задача афинян состояла в τὰ γεγονότα διόλογα ἐπικρίνειν (77, 22 — 23).

го корпуса эфевов — элитарной школы, выпускавшей контингент для выполнения будущих задач управления государством, а кроме того, дальнейшая забота о крупных общественных праздниках — из них в данном разделе будут подробнее представлены Панафиней и Тесеи, поскольку именно о них сохранились от этого времени детальные и наглядные свидетельства. В конце раздела мы коснемся одного нововведения — ежегодной чеканки серебряной монеты нового типа, так называемого серебра нового стиля.

Эфебия, неплохо известная благодаря описанию ее в Аристотелевой «Афинской политике», в один из последних годов IV в. претерпела сильные изменения в связи с кардинальной реформой⁵⁵. Участие в ней не было более обязательным для всех здоровых молодых мужчин, но стало теперь добровольным, а срок службы был сокращен до одного года. Далее, эфебы должны были отныне приобретать оружие за собственный счет. Тогда одним махом численность единовременного призыва упала до одной десятой или даже до одной двадцатой от показателей предшествующих лет: примерно от 500 эфевов одного набора до числа, колебавшегося между 20 и 50. На этом весьма скромном уровне они оставались в течение 135 лет — до окончания войны с Персеем⁵⁶. Если прежде в один и тот же год на службе состояла тысяча эфевов двух призывов, то после реформы их было иногда только двадцать, то есть в среднем менее двух от одной филы граждан. Сократившийся столь значительно корпус эфевов продолжал тем не менее и впредь тренироваться в различных видах спорта, обучаться обращению с оружием; как и прежде, эфебы патрулировали территорию страны под руководством стратега гоплитов, но военной силы они уже более собой не представляли.

Коль скоро после реформы государство прекратило бесплатно выдавать эфебам гоплитское вооружение и теперь они сами, соответственно их семьи должны были об этом заботиться, то само собой разумеется, что только те семьи записывали своих сыновей в эфебы, которые могли себе позволить заплатить за их экипировку и, кроме того, готовы были отказаться на целый год от использования в хозяйстве рабочей силы одного сына. Эфебия стала своего рода клубом для сыновей состоятельных граждан — *золотой молодежи*.

В нее шли, как видно, прежде всего те молодые люди, которые намеревались, пройдя эту службу, выдвинуться на военные посты — будь то в частях гоплитов или в насчитывавшей всего несколько сотен всадников кавалерии.

⁵⁵ См. выше, с. 138 сл.

⁵⁶ Для III в. цифры колеблются между 18 и 47 (*Pélékidis, Ephébie*. — P. 165 — 172), для периода от 200 до 172 г. — между 35 и 50. В 177/6 г. служило 47, в 172/1 г. 50 эфевов. После Персеевой войны показатели заметно увеличиваются — скоро они перепрыгивают цифру 100, однако не достигают 200.

Для первого тридцатилетия II в. теперь известно тринадцать — более или менее полно сохранившихся — декретов об эфебах различных годов⁵⁷. Прежде всего они дают сведения о персонале руководства эфебами. Их руководитель — космет, который должен был быть не моложе сорока лет, продолжал избираться гражданами ежегодно. Неизвестно ни одного случая, чтобы космет исполнял должность чаще одного раза. Напротив, инструкторы по физическим упражнениям (педотрибы) и по обращению с оружием (бою мечом, копьем, стрельбе из лука и из катапульты), как правило, состояли на службе непрерывно от одного до двух десятков лет. Должность учителя гимнастики сотню лет — с 267 по 176 г. — находилась в распоряжении членов одной-единственной фамилии из Ахарн — вслед за тем в каждом декрете появляется новый педотриб, так что, по всей видимости, и этот пост, подобно космету, стал выборным. Все воспитатели в то время были еще афинскими гражданами, только среди учителей стрельбе из лука временами появляются критяне, всегда слышавшие в древности непревзойденными специалистами в этом роде оружия.

О разносторонней деятельности эфебов за год прохождения службы весьма впечатляющую картину дают некоторые хорошо сохранившиеся декреты этого времени — более подробные, чем все предыдущие. Наряду с физической закалкой и обучением обращению с оружием определенную роль играло и интеллектуальное продвижение в «науках» (*mathemata*), куда среди прочего относилось посещение лекций философов. Большое внимание уделялось приобщению эфебов к участию в религиозной жизни общины и укреплению их любви к отечеству, при этом особо напоминалось о великих деяниях предков во время Греко-Персидских войн. Вскоре после истечения годового срока службы Народное собрание составляло декрет, подводивший итог и оценивавший различную деятельность эфебов за данный год. Затем эфебам-выпускникам присуждался венок; им назначались и иные почести, а в конце все вместе восхвалялись и увенчивались их воспитатели. Во втором декрете — в честь космета — та же деятельность еще раз описывалась, но уже с его позиций, так что оба декрета взаимно дополняют друг друга.

Год начинался со вступительных жертвоприношений у общественного очага в пританее, на котором горел вечный огонь. При этом присутствовали космет и отцы эфебов, а также пятьдесят пританов от одной филы, исполнявших в данный момент функции дежурной коллегии Совета. Вслед за тем эфебов вносили в годовые списки и

⁵⁷ Список их см.: *Tracy // Hesperia*. — 1982. — Suppl. 19. — P. 158 — 159. Сюда же относятся: *Hesperia* 51, 1982, 58, № 2, а также два еще не опубликованных документа 197/6 и 177/6 гг. Все, что будет сказано ниже об эфебах, заимствовано из этих декретов без указания многочисленных отдельных источников.

призывали принести эфебскую клятву. В течение всего года священнодействия занимали значительное место, прежде всего жертвоприношения богам и благодетелям государства. В их числе был — как известно по другим источникам — бывший военачальник македонского царя в Аттике Диоген, осуществивший в 229 г. освобождение города от чужеземного владычества, а кроме того римляне — совокупно. Эфебы принимали участие во многих, если не во всех государственных праздниках; на некоторых, например на Тесеях (начиная с 165 г. до н. э.), они устраивали состязания. На Великие Элевсинские мистерии их задачей было вознести на алтарь назначенного к принесению в жертву, еще живого теленка; то же совершали они и во время другого элевсинского праздника — Прозеросии⁵⁸. На Дионисии и другие дионисийские праздники (Ленеи, Переи) им поручалось сопровождать культовое изображение бога в театр⁵⁹.

Прочие священнодействия касались героев и героизированных предков в различных местностях сельской территории Аттики, а потому требовали специального выезда на место. Один из них вел к святилищу Амфиарая близ Оропа, где эфебы приносили жертвы священному герою. Другие были связаны с памятными местами великого прошлого Афин: эфебы ежегодно отправлялись в Марафон, увенчивали там братскую могилу (*Polyandreion*)⁶⁰ павших в 490 г. и устраивали состязания их памяти, «поскольку считали своим прекрасным долгом достойно почтить тех, кто с полной отдачей сражался за свободу». На следующий день они всходили на корабль (так как должны были набраться опыта и в мореходстве) и гребли к трофею Фемистокла у предгорий Киносур. Там они приносили жертву «Зевсу Поворотному», который некогда — в 480 г. — во время битвы при Саламине заставил персов обратиться в бегство, о чем еще спустя столетия вещал этот победный памятник⁶¹. В праздник Аякса Теламонида они плыли на Саламин и приносили там жертву — после прохождения в процессии с оружием — Аяксу, Асклепию и Гермесу⁶². Во время марш-бросков в Аттическую страну они совершали жертвоприношения богам во всех культовых местах, мимо которых проходили, и в крепостях.

⁵⁸ Ziehen L. // Hermes. — 1931. — Vol. 66. — S. 227 — 234; Dow S., Healey R. F. // Harvard Theological Studies. — 1965. — Vol. 21. — P. 14 — 17; Mikalson. Calendar. — P. 67 — 69.

⁵⁹ Pélékidis. Éphébie. — P. 239 — 247.

⁶⁰ Pausanias I, 32, 4. Pritchett W.K. The Greek State at War — Berkley, 1985. — Vol. 4. — P. 126 — 129.

⁶¹ Kirsten E. RE Τρόπαιον, (1939) Nr. 2, Sp. 673; West W.C., III, // CP. — 1969. — Vol. 64. — P. 15 — 17; Wallace P. W. // AJA. — 1976. — Vol. 73. — P. 299 — 302; Culley G.R. // Hesperia. — 1977. — Vol. 46. — P. 291 — 298.

⁶² Pélékidis, Éphébie. — P. 247 — 249. Cp.: von der Mühl P. Ausgewählte Kleine Schriften. — Basel, 1976. — S. 454 — 455, 466 — 467.

Физическому закаливанию служил, среди прочего, бег наперегонки в гимнасии, умению обращаться с оружием и ознакомлению с территорией страны и ее границами — маршевые выступления под предводительством космета, стратега гоплитов и преподавателя оружейного дела. Во главе с косметом эфебы появлялись — в городе и Пирее — на заседаниях Народного собрания⁶³, естественно, не в качестве граждан с правом голоса (такими они становились лишь по истечении срока их службы), но как наблюдатели, которые заранее должны были научиться тому (как и сыновья сенаторов в римской курии), как принимаются политические решения. В конце года на праздник Эпитафий на Панафинейском стадионе Ликурга перед Советом устраивался заключительный смотр, на котором эфебы демонстрировали то, чему научились и что умеют.

От них ожидалось — как позволяют понять декреты — беспрекословное повиновение: чтобы они безропотно переносили труды и тяготы службы. В издаваемые в их честь декреты вносили имена всех эфебов — вместе с именами их отцов и демотиконами, — а также имена их воспитателей, после чего эти списки с текстом декрета высекались на камне для всеобщего обозрения. Многие черты этой эллинистической эфебии напоминают кадетские корпуса Нового времени, но все признаки указывают и на то, что в лице небольшой горстки эфебов государство стремилось привлечь к себе элиту молодых граждан, особо хорошо подготовленных для выполнения руководящих задач в военном деле, политике и государственном управлении и в то же время преданных патриотичной идеологии демократического государственного строя.

Среди многочисленных праздников, справлявшихся афинскими гражданами в честь богов и своих героев⁶⁴, здесь имеет смысл представить два, поскольку о них во II в. до н. э. имеются красноречивые свидетельства: Великие Панафинеи — главный праздник богини города Афины — и Тесеи в честь Тесея — мифического царя и героя, объединителя Аттики. Источники, о которых здесь пойдет речь, оставляют религиозную сторону этих празднеств в тени (за этим следует отослать к скромным сообщениям более раннего и более позднего времени); и напротив — ярко освещают сопровождавшие празднества состязания атлетов, всадников и колесничих, то есть гимнические и гиппические агоны. Оба праздника объединяет то, что они тем не менее были государственными праздниками Афин, а не панэллинскими — как Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские, так что большинство состязаний было доступно лишь афинским

⁶³ *Pélékidis. Éphébie.* — P. 273 — 274.

⁶⁴ Подробное исследование см.: *Mommsen A. Feste der Stadt Athen im Altertum.* — 1898; в дополнении к нему см.: *Deubner, Feste; Simon E. Festivals of Athens. An Archaeological Commentary.* — Madison, 1983.

гражданам, хотя наряду с этим были и другие, в которых имели право принимать участие и иноземцы. Тем самым Панафинеи и (в меньшей степени) Тесеи стоят посредине между национальными и интернациональными праздниками и, подобно последним, справлялись не ежегодно, а с большими интервалами во времени, а именно раз в четыре года, подобно состязаниям в Олимписи и Дельфах.

В честь богини своего города Афины с незапамятных времен афиняне справляли праздник Панафиней. С эпохи тирана Писистрата в VI в. он раз в четыре года устраивался с особым блеском под именем Великих Панафиней⁶⁵. Колонии Афин, к которым причисляли себя и города Ионии, видевшие в Афинах свою метрополию, участвовали в торжествах отправкой праздничных послов (феоров) и даров. В эпоху Афинской державы в V в. все члены Морского союза были кроме того обязаны по этому случаю отправлять в Афины быка и полное гоплитское вооружение. Гимнические и мусические состязания привлекали к себе и соседей, и участников издалека; победители получали в награду большее или меньшее количество наполненных маслом амфор. Фигурные изображения состязаний украшают многие чернофигурные сосуды VI и раннего V в. Торжественная процессия во времена Перикла увековечена лучшими мастерами на фризе Парфенона.

С крушением Афинской державы в 404 г. участию в празднике большинства иностранных государств должен был наступить конец. Однако по крайней мере колонии, если не тотчас же, то по истечении времени, снова стали отправлять праздничных послов на Великие Панафинеи. Александр Великий и многие его преемники, которых подобные узы с Афинами не связывали, точно так же посылали в город дары по случаю Панафинейского праздника⁶⁶. Недолго оставалось ждать, пока цари, царицы и царевичи — как это имело место и на других эллинских празднествах — сами стали состязаться за призы на этом празднике. Конечно, они не лично появлялись в Афинах, но отправляли туда скакунов, упряжки и наездников, которые выступали от их имени. Неизвестно, кто начал первым, так как до конца III в. отсутствуют упоминания о победителях на Панафинейях. На другом празднике — Ликейях Аркадского союза — еще в 315 г. победу одержал один из сыновей сатрапа Египта, позднее царя Птолемея⁶⁷.

⁶⁵ Кроме указанных в примеч. 64 работ см.: *Edwards G. R. Panathenaics of Hellenistic and Roman Times* // *Hesperia* 1957. — Vol. 26. — P. 320 — 349. По истории этого праздника во II в. особую ценность имеют дошедшие до нас списки победителей: IG II² 2313 — 2317; к ним добавляются теперь три новых, опубликованных и обсуждаемых в ст.: *Tracy St. V., Habicht Ch.* // *Hesperia*. — 1991. — Vol. 60. — P. 187 — 236. Там же можно найти ссылки на многое из того, что здесь сказано в тексте.

⁶⁶ Об Александре см. с. 26, примеч. 23; о Птолемеях II — с. 129, примеч. 18; о Лисимахе — IG II² 657, 14 — 15.

⁶⁷ Syll.³ 314, B 8 — 9, с датировкой по: *Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici*. — Roma, 1957. — P. 131.

Из Афин дошли, однако, более или менее полные перечни победителей в гимнических и гиппических агонах на Панафиней, которые лишь недавно пополнились списками 170, 166 и 162 гг. В число победителей занесены члены птолемеевского, селевкидского и атталидского царских домов, кроме того нумидийский царевич Мاستанабал, а также высокие сановники названных царских дворов. В 178 г. в четырех различных состязаниях колесниц победителями вышли четыре члена пергамской династии, а именно царь Эвмен II и три его брата — Аттал, Филетер и Афиней, в 162 г. — царь Птолемей VI Филометор и его сестра-супруга Клеопатра II⁶⁸. В 169 г. — то есть во время Третьей Македонской и Шестой Сирийской войн между Антиохом IV и Птолемеем VI — при дворе последнего находилось и афинское посольство, прибывшее по поводу празднования Панафиней⁶⁹. Примечательное исключение составляет македонский царский дом Антигонидов: его члены в 200 г. были преданы торжественному проклятию (с. 196), которое, по всей видимости, держалось до падения этой монархии, — они не имели права ступать на землю Аттики. Совсем на иной лад выразил свое почтение городу и его богине царь Каппадокии Ариарат V. Он засвидетельствован в середине II в. как устроитель праздника (агонофет), а это означает, что он сделал щедрое пожертвование для покрытия расходов на это мероприятие и был за это награжден таким почетным титулом, в то время как один из афинских граждан выполнял обязанности по этой должности⁷⁰.

Празднование Панафиней — как и четыре панэллинских праздника — привлекало участников со всех концов. Они прибывали из Италии и с лигурийского побережья на западе, из Малой Азии, Сирии и Месопотамии на востоке, из Египта, Киренаики и Нумидии на юге, а также из Эпира и Корфу на севере. Атлетические состязания были открыты и для иноземцев.

Они устраивались на стадионе Ликурга и — как это обычно бывало у греков — проводились среди различных возрастных групп⁷¹. На Панафиней их было три: мальчики, юноши (дословно: «безбородые» — *ageneioi*) и мужчины. Мальчики состязались друг с другом в трех забегах на различные дистанции, кроме того, в борьбе и боксе. У юношей было лишь одно-единственное состязание в беге на короткую дистанцию около 200 м, названную «стадием», затем три тяжелоатлетические дисциплины и сверх того еще пятиборье (пентатлон), заключавшееся в беге, прыжках в длину, метании диска и копья, а

⁶⁸ Атталиды: IG II² 2314, 83 — 90; Птолемей VI и Клеопатра II // *Hesperia*. — 1991. — Vol. 60. — P. 188 — 189, col. III 31 — 33, 21 — 22; Мастанабал: IG II² 2316, 42 — 45.

⁶⁹ *Polybios* 28, 19, 4.

⁷⁰ *Robert J. et L. Bull. épigr.* 1951, 79.

⁷¹ О программе соревнований см.: *Tracy. Op. cit.* — P. 196 — 201.

также в борьбе. Наконец, мужчины соревновались во всех шести видах состязаний мальчиков и еще в трех: пятиборье, беге на четыре стадии и беге в полном гоппитском вооружении. Предполагается, что проведение этих гимнических состязаний занимало два дня — один для мальчиков и юношей, а следующий для мужчин.

Состязания в скачках и беге колесниц, возможно, также и в выезде проходили в двух различных местах: те, что устраивались на агоре и имели одновременно военный характер, были доступны лишь гражданам. Здесь можно назвать соревнования, в которых состязались лица, приписанные к кавалерии, а также гонки, в которых друг против друга выступали командиры двенадцати кавалерийских подразделений. В этих заездах боролись хозяева лошадей самолично на коне или на колеснице — то есть на казенных лошадях. Примерно пятнадцать других состязаний выносилось на беговую дорожку ипподрома. Доступ к части из них был закрыт для афинских граждан, но свободен для всех иностранцев. Имелись разные бега лошадей и колесниц по различным классам, в зависимости от того, принимали в них участие жеребцы или взрослые лошади, бежали ли двуколки или квадриги. Эти соревнования имели сугубо профессиональный характер — здесь боролись скаковые лошади, опытные наездники и возницы. Лица царской крови принимали участие только в гишпических агонах и только в тех, которые были вынесены на ипподром.

На Великие Панафиней — как и на другие (ежегодные) праздники — герольды торжественно выкрикивали имена тех иноземцев, которые оказали услуги Афинам и стяжали себе почести от народа. Эти провозглашения получали особый резонанс благодаря присутствию праздничных послов из многих дружественных государств, а также из колоний и ионийских городов⁷².

Государственный праздник в честь мифического царя Тесея, к которому приписывалась заслуга объединения Аттики в единое государство, существовал в Афинах уже с начала V в. Тогда Кимон, сын победителя при Маратоне Мильтиада, обнаружил на острове Скирос могилу с останками, распознанными им как прах Тесея, который якобы закончил свою жизнь на Скиросе. Кимон переправил их в 476/6 г. в Афины, где они были торжественно погребены в сооруженном тогда святилище Тесея. А учрежденный праздник Тесей стал справляться

⁷² Для ионийских городов Приены, Колофона и Милета участие в Панафинейх эллинистического времени засвидетельствовано надписями (I Priene 45; *Wilhelm, Ad. // Anatolian Studies* Buckler. — Manchester, 1939. — P. 349; *Habicht Ch. // Chiron* 1991. — Vol. 21. — S. 329), надписью IG II² 886, вероятно, для какого-то ионийского города из области правления Аттала I до 200 г. Об Афинах как «материнском городе» ионийцев см. I Priene 109, 47 — 49; ср.: *Günther W. // Epigraphica Anatolica*. — 1992. — Vol. 19. — S. 135 — 143.

каждую осень⁷³. В классическую эпоху о нем известно немного, напротив, многочисленные надписи II в. проливают яркий свет на Тесеи эллинистического времени. Речь идет о декретах в честь мужей, устроивших этот праздник в тот или иной год. К постановлениям затем добавлялся список победителей в отдельных состязаниях⁷⁴. Из этих документов выясняется, что Тесеи данного времени связывает с прежним ежегодным праздником лишь небольшое. Новый — был пентетерическим, то есть справлялся раз в четыре года и — как это было обычно для праздников с такой периодичностью — с гораздо большим размахом и большими расходами. Кроме состязаний трубачей и герольдов в начале торжества, устраивалось — подобно Великим Панафинейм — большое число атлетических и гиппических агонов, а именно: для мальчиков, эфебов и всадников. Все документы принадлежат из святилища Тесея, местоположение которого было где-то неподалеку от более поздней римской агоры, но пока еще точно не установлено. Лучше всего сохранились декреты 161, 157 и 153 гг. — самый ранний из них приближается, таким образом, к тому моменту, когда Тесеев остров Скирос вновь был передан Афинам. Отсюда в этом событии усматривали — безусловно с полным правом — причину блестящего переоформления Тесеева празднества и предполагали, что первый праздник по новой программе состоялся в 165 г., но сообщавший о нем документ не сохранился⁷⁵.

В этих играх принимали участие почти исключительно афиняне, что было вполне естественно для праздника, посвященного национальному герою Афин. Однако с самого начала в двух состязаниях участвовали и неафиняне, при том условии, что они состояли на службе у государства как наемники. Этими состязаниями были: смотр физической подготовки (*euandria*) и состояния оружия (*euhoplia*) отдельных воинских частей, но не одиночных лиц. Порозня состязались при этом друг с другом элитные солдаты (*epilektoi*), всадники (*hippeis*) и наемники-чужеземцы (*hoi en tois ethnesin*), а награда присуждалась одной из частей, победившей в своей группе. Только в более поздних надписях этой серии время от времени встречаются неафиняне — наверняка те же наемники на службе у государства — как выступавшие одиночно в атлетических соревнованиях.

Устроителями праздников были без исключения лица мужского пола из самых первых и самых знатных фамилий. По окончании праздника они получали от народа похвалу за то, что организовали

⁷³ Mommsen. Op. cit. 278 — 307, и прежде всего: Bugh G.R. The Theseia in Late Hellenistic Athens // ZPE. — 1990. — Vol. 83. — P. 20 — 37. Главные положения дальнейшего изложения более подробно обсуждаются и документируются в статье Бага.

⁷⁴ IG II² 956 — 965, периода с 161/60 по 109/8 г.

⁷⁵ Pélékidis, Ephébie. — P. 229 — 230, 295 — 300; Bugh. Op. cit. — P. 25.

шествие и принесли жертвы Тесею сообразно с традицией, устроили бег с факелами и состязания, в ходе которых проявили заботу о том, чтобы никто не потерпел ущерба, а кроме того и за то, что распределили награды и занесли имена победителей на мраморные стелы. Чтобы привлечь шестьсот членов Совета к посещению праздника, они каждому из них выплачивали пособие в размере двух драхм. И в то время как неизбежные расходы агонифетов погашались затем из государственной казны, расходы на Совет и прочие относились скорее к добровольным экстраординарным выплатам, которых от них ожидали и которые вносились из собственных средств. Документы это прекрасно показывают, когда сообщают, что такой-то агонифет израсходовал из собственного кармана 3390 драхм, а другой — более 2690 драхм⁷⁶.

Желанное для устроителей Тесей присутствие на торжестве членов Совета дает повод задать вопрос: как это следует согласовать с указанием Аристотеля, что Совет собирается на заседания ежедневно, за исключением тех дней, на которые дается «освобождение». Аристотель не говорит, какие это были дни, однако проверка всех засвидетельствованных сессий Совета показывает, что речь должна идти о днях ежегодных праздников (и — уж тем более — пентетерических праздников), тогда как Совет абсолютно всегда собирал заседания в дни менее значительных ежемесячных праздников⁷⁷. Менее частые народные собрания не созывались ни в дни ежемесячных, ни в дни ежегодных или пентетерических праздников⁷⁸. Расписание собраний государства было тем самым устроено так, что каждый гражданин мог принять участие во всех более крупных праздниках, а участия в менее значительных были лишены лишь члены Совета. В дни Великих Панафиней — 23 — 30 гекатомбайона — действительно, не засвидетельствовано ни одного заседания Совета или Народного собрания, то же относится и к тем дням, которые отводились Тесеям: в качестве главного дня было установлено 8-е число пианопсиона, другие дни можно, во всяком случае, предполагать лишь для празднования возобновленного в 167 г. большого торжества. Для него в расчет могут приниматься только 7, 9 и 10 пианопсиона, поскольку 6-го числа известно два заседания Совета, а 11-го — два созыва Народного собрания⁷⁹.

Тогда как Афинское государство на протяжении двух десятилетий — примерно с 183 по 164 г. — не чеканило, кажется, никакой монеты, оно начало вслед за тем — предположительно, в 164/3 году или немного раньше — чеканку и выпуск в обращение нового вида драхм и монет достоинством в четыре драхмы (тетрадрахм), которые тут же

⁷⁶ IG II² 958, 15 — 6; 956, 18 — 19.

⁷⁷ *Athpol.* 43, 3. *Mikalson*, *Calendar.* — P. 193 — 197.

⁷⁸ *Mikalson*, *Calendar.* — P. 182 — 193.

⁷⁹ *Mikalson*, *Calendar.* — P. 67, 72, а для 11 числа пианопсиона имеется еще и второй, пока не опубликованный текст 176/5 г.

получили распространение далеко за пределами Аттики. С тех пор год за годом предпринималась под надзором двух ежегодно сменявшихся монетных магистратов новая эмиссия. На этих серебряных монетах «нового стиля» изображение лицевой стороны постоянно представлено головой Афины в шлеме. Напротив, оборотные стороны наряду с постоянными элементами содержат и другие, сменявшиеся год от года или даже месяц от месяца. Все реверсы показывают сидящую на амфоре сову как геральдическую птицу богини и города, а также сокращенный этникон АΘΝ — «афинян». Новыми и варьирующими элементами становятся имена обоих годичных чиновников — сначала в виде двух монограмм, однако вскоре имена выписывают полностью или в сокращении. На время приблизительно в пятьдесят лет — с 136/5 по 88/7 г. — появляется имя и третьего гражданина, так называемого «третьего магистрата». Поскольку реверсы указанием одной из букв от *альфы* до *ню* — служивших цифрами от 1 до 13 — указывают также, в каком из двенадцати, соответственно тринадцати месяцев года отчеканена данная монета, то с помощью этих дат выясняется, что третий магистрат, как правило, сменялся ежемесячно. Каждый годовой выпуск имел, помимо того, свой собственный символ, выбор которого лежал на магистрате, стоявшем первым. Все изображение на реверсе было окружено оливковым венком⁸⁰.

На сегодняшний день известно 111 годовых эмиссий от общего числа, которое оценивается приблизительно в 120. Таким образом, не хватает лишь нескольких годичных выпусков, и они могут приходиться на начало либо на конец этого отрезка времени, когда объем годичной эмиссии был ниже. На основе идентификации штемпелей удастся установить относительную последовательность ежегодных выпусков: на сегодняшний день достигнуто единство в том, что чеканка с 145 по 77 г. представлена, видимо, без лакун. Важным ключом к абсолютной хронологии служит 78-й порядковый выпуск с именами монетных магистратов: «царь Митридат — Аристион», а также понтийским символом: «звезда между двумя полумесяцами» — без сомнения, 87/6 г. Идя от этого вглубь, приходим для первого выпуска к 164/3 г. — если и вправду у нас на руках все эмиссии, либо же к одному из предшествующих годов — в случае отсутствия одного или двух ранних выпусков. Чеканка оканчивается на 111-й эмиссии в 54/3 г., но скорее еще в сороковые годы, ведь и в конце этого периода может отсутствовать одна или две эмиссии, да и вообще монету могли чеканить не каждый год⁸¹.

⁸⁰ Основополагающий труд: *Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens: In 2 Vol.* — New York, 1961. — Vol. 1. О предшествующем перерыве в чеканке см.: *Kroll, Coins.* — P. 50.

⁸¹ Об абсолютной хронологии серебра «нового стиля» решительно высказался: *Lewis D.M. // NC.* — 1962. — P. 275 — 300, затем *Mørkholm O. // ANSMusN.* —

Обилие чеканки серебра «нового стиля» и высокое качество содержащегося в монете металла доказывают, что государство не испытывало недостатка в высококачественном серебре. Другой вопрос — откуда это серебро поступало. Лаврионские рудники не могли уже, видимо, удовлетворить всех потребностей. Но, поскольку начало этой чеканки следует сразу вскоре за крушением Македонии и приобретением Делоса, позволительно предположить, что значительный вклад в это внесли конфискованные, переплавленные и перечеканенные царские деньги, в том числе и серебро, которое торговыми путями попало на афинский Делос⁸². Доходы от Делоса и успех новой валюты могли способствовать возрастанию благосостояния, наблюдаемому с этого времени. Сверх того, эти монеты дают прямые исторические сведения, прежде всего по просопографии и социальной истории. На них отчеканены имена многих сотен афинских граждан, к тому же с точными указаниями годов. Почти все они — включающая «третьих магистратов» — были уже известны ранее либо из надписей Аттики и афинского Делоса, либо по другим свидетельствам или, по крайней мере, могут быть отнесены к известным фамилиям⁸³. Поэтому и на все остальные может распространяться то правило, что для занятия этой должности в расчет шли лишь члены семейств среднего и крупного достатка, мужчины, политическая активность которых проявилась и в другой области. Не лишено значения и то, что среди монетных магистратов были скульпторы и поэты. Часто должность исполняли два родственника вместе в качестве первого и второго магистрата одного года, как например, в 149/8 г. двоюродные братья Поликлея и Тимархид из Торики — оба члены знатной фамилии скульпторов или в 102/1 г. Тимострат и Посес — братья из Фалера, при этом Посес, как и его дед, отец и сын были комедийными поэтами⁸⁴.

В известном числе случаев имя монетного магистрата проясняет, почему в его год был выбран определенный символ. Так, происходивший из семьи освободителей 229 г. Эвриклида и Микиона млад-

1984. — Vol. 29. — P. 29 — 42; *Price M.* // *Essays Kraay Mørkholm.* — Louvain-la-Neuve, 1989. — P. 233 — 243; *Mattingly H.* // NC. — 1990. — P. 67 — 78.

⁸² *Giovannini A.* Rome et la circulation monétaire en Grèce au IIe siècle avant Jésus-Christ. — Basel, 1978. — P. 62; *Price M.* // *The Coinage of the Roman World in the Late Republic* / Ed. A. M. Burnett, M. H. Crawford. — Oxford, 1987. — P. 95 — 96; *Lauffer S.* Die Bergwerkssklaven von Laureion. — 2 Auf. — Wiesbaden, 1979. — S. 165 — 166, 284 — 285; автор приводит, наряду с прочими, наблюдение Селтмана о том, что объем афинской монетной продукции в это время был больше, чем у Пергама, Родоса и Сиракуз.

⁸³ *Habicht Ch.* Zu den Münzmagistraten der Silberprägung des Neuen Stils // *Chiron.* — 1991. — Vol. 21. — S. 1 — 23.

⁸⁴ *Thompson M.* Op. cit. — P. 600 — 607. Даты здесь изменены в соответствии с разработанной Льюисом хронологией.

ший Эвриклид, монетарий 112/1 г., напоминал изображением трех Граций об их культе, учрежденном его предками сто лет тому назад, а младший Микион, монетарий 137/6 г., изображением Ники на квадриге — о панафинейской победе на колеснице одного из членов его фамилии, как то известно и для одного из старших Микионов⁸⁵. Воспроизведя трофей на Саламине, монетарий Фемистокла пробуждал в 117/6 г. в памяти морскую победу великого Фемистокла, тогда как натурализованный в Афинах Апелликон из ионийского Теоса, монетный магистрат 88/7 г., изображением грифона на монетах указывал на эмблему своего родного города.

Политические декларации были между тем на новых серебряных монетах относительной редкостью. Однако появление одного из селевкидских символов — якоря — в 134/3 г. едва ли можно истолковать иначе как почитание правившего тогда селевкидского царя Антиоха VII Сидета, который примерно в это время отправил с дипломатической миссией в Афины особо доверенное лицо⁸⁶. Наиболее отчетливые политические заявления на монетах «нового стиля» встречаются, однако, накануне Первой Митридатовой войны, в ее ходе и по ее окончании. В 90/89 г. монетной эмблемой была богиня Рома — явная прокламация неизменной лояльности, равно как и на следующий год — богиня Рома с богиней победы, которые, по всей видимости, намекали на военные успехи римлян в Союзнической войне 90 — 88 гг. Это был год, в ходе которого свергнутый Римом архонт Медей утратил политический контроль над городом. Годом позже монетарием в лице Апелликона стал сторонник понтийского царя, а на следующий год сам царь вместе со своим афинским вассалом Аристионом — монетный символ этого года был, как уже упоминалось, понтийским. Изображение группы тираноубийц в 84/3 г. прокламировало тогда повторное свержение тирании — свой конец обрели «тираны» Афинион и Аристион, и Афины были снова возвращены Суллой под покровительство Рима.

Новая афинская серебряная валюта получила в греческом мире — далеко за пределами Балкан — прямо-таки феноменальный успех. Однако недолго пришлось ждать, пока Дельфийская амфикистия, претендовавшая на право вещать от лица всех греков, предоставила ей право исключительного приоритета⁸⁷.

⁸⁵ IG II² 2314,76.

⁸⁶ Thompson M. Op. cit. — P. 606; в рамках своей теперь уже устаревшей хронологии она отнесла эту эмблему к Антиоху IV Эпифану. Об Антиохе VII и Афинах см. с. 278.

⁸⁷ См. ниже; с. 288

1. Клерухия

После того как диадох Антигон изгнал в 314 г. афинян с Делоса и даровал делосцам независимость, остров тут же превратился в культурный центр основанной им Лиги островных греков, или несиотов, которую он и его сын Деметрий контролировали почти тридцать лет. В течение следующих двадцати с лишним лет протекторами и пользователями Делоса стали цари Египта Птолемей I и II, пока их морское владычество не было сокрушено вследствие поражений от македонского и родосского флотов. Несмотря на сменявшуюся гегемонию, священный остров Аполлона во все времена был доступен всем грекам, и в храмы его стекались votivные дары от царей и частных лиц, от городов и союзов городов, а позже и от римских генералов и сановников. Год за годом они инвентаризировались делосскими властями и по мере надобности, если уже были когда-то пожертвованы, заносились сотни раз в реестры сокровищницы. Эти инвентари, продолженные афинянами после 167 г., но уже по их собственному образцу, создают самый, видимо, впечатляющий образ интернационального характера и притягательности этого священного места. Денежные пожертвования текли туда от птолемеевских, македонских и пергамских царей, и на проценты от них ежегодно справлялись названные в их честь праздники¹.

С окончанием Третьей Македонской войны Делос снова утратил свою независимость. Римский Сенат передал остров во владение афинянам, а делосцам разъяснил, что они должны покинуть Делос, но имеют право забрать с собой свою движимость. Одна давно найденная, но до сих пор не опубликованная надпись говорит якобы о военных операциях, связанных с переходом острова в руки афинян².

¹ Фундаментальное исследование: *Vial C. Délos indépendante*. — Paris, 1984. Далее см.: *Baslez M.-F., Vial C. La diplomatie de Délos dans le premier tiers du IIe siècle // BCH*. — 1987. — Vol. 111. — P. 281 — 312; *Reger G. Regionalism and Change in the Economy of Independent Delos*. — Berkeley, 1994.

² *Bertrand J.-M. // Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellénistiques et romaines/ Ed. E. Frézouls*. — 1987. — P. 100, note 53.

Делосцы выселились в Ахайю и получили от Ахейского союза право гражданства в принадлежащих к лиге городах³.

Граждане Афин послали из своей среды колонистов, так называемых клеруков, вновь заселить Делос и принять на себя управление островом. Во главе их отныне стоял ежегодно избираемый народом уполномоченный (эпимелет), намечавшийся на данный пост из круга бывших архонтов, то есть из членов Ареопага. Повторное занятие этой должности не практиковалось, но два раза все же зарегистрировано в следующем за 130 г. десятилетии. На протяжении 80 лет вплоть до начала Митридатовой войны две трети этих высших должностных лиц известно поименно, преимущественно по делосским надписям. Почти все они происходили из знатных фамилий и трудились в других магистратурах и почетных должностях как в Афинах, так и на Делосе⁴. В одном делосском доме, разрушенном в 69 г. до н. э., были найдены тысячи оттисков печатей из частного архива, среди них 17 булл с надписью: «эпимелет Делоса»⁵.

Конец независимости острова пришел в последние месяцы 167 или в первые — 166 года⁶. Теперь все-таки можно считать установленным — а этот момент долгое время рождал споры, — что должностной год первого афинского гимнасиарха на Делосе приходился на 167/6, а не на 166/5 г.; ведь Павсаний из Мелиты, занимавший эту должность десятым по счету, по свидетельству одного пока не изданного декрета афинской еkkлeсии был гимнасиархом в год архонта Пирра в 158/7 г., что помещает первого исполнителя этой магистратуры, Аристомена из Ахарн, на 167/6 г. Тот, конечно, нес службу на Делосе не целый год, но заступил на пост за некоторое время до лета 166 г.⁷.

Приблизительно в то же время по внесенному Теайнетом из Айгии афинскому декрету была создана комиссия из ареопагитов под руководством Микиона, чтобы принять на Делосе из рук отбывав-

³ Классический очерк истории афинского Делоса см.: *Roussel P. Délos Colonie Athénienne*. — 1916 (reprint: Paris, 1987). Несколько тысяч найденных на Делосе надписей составляют важнейший источник наших знаний. *Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale*. — Paris, 1970; *Bruneau Ph., Ducat J., Guide de Délos*. — 3 ed. — Paris, 1983. Результаты французских раскопок публикуются в: *Exploration archéologique de Délos (EAD)*, к настоящему времени 35 томов (обзор их см.: *Guide* 11 — 12).

⁴ Об эпимелетах см.: *Roussel, Délos*. — P. 97 — 125; *Habicht Ch. // Hermes*. — 1991. — Vol. 119. — S. 194 — 216.

⁵ *Boussac M.-F. // RA*. — 1988, II. — P. 314 — 315; eadem, *Les sceaux de Délos I, sceaux publics*. — Athen, 1992.

⁶ *Vial C. Délos indépendante*. — Paris, 1984. — Vol. 3.

⁷ Список гимнасиархов: I Délos 2589. П. Руссель относил его начало к 167/6, А. Плассар — к 166/5 г. (см. коммент. к I Délos 2589). Упомянутый Ж. Делормом афинский декрет в честь Павсания (RA. — 1948. — Vol. I. — P. 263 — 264) решает дело в пользу Русселя.

ших делосских властей священное имущество, посвяtitельные дары, деньги и т. п. Микион был, безусловно, членом знаменитой фамилии Эврикланда и Микиона из Кефисии, обеспечивших в 229 г. свободу Афинам. О деятельности этой комиссии речь идет в одном инвентарном списке от первых лет афинского господства, и мы немедленно узнаем при этом, что комиссия занесла различные votivные дары в реестр иначе, чем прежде⁸. Отныне инвентари святилища вели афинские уполномоченные. Самое раннее свидетельство их деятельности, около 166 г. до н. э., было найдено не на Делосе, а на Афинской агоре, в виде четырех фрагментов, где перечислено имущество святилища Аполлона, в особенности вазы. Это скорее всего единственный список подобного рода, который был высечен и выставлен не только на Делосе, но и в Афинах⁹.

Делосцы должны были отнестись к притязаниям римлян на власть, повлекшим изгнание их с родного острова, с тем большей горечью, что они еще во время Третьей Македонской войны, году в 170 или 169, наградили римский народ и Сенат венками, выразив тем самым свои лояльные настроения¹⁰. Хотя по сенатскому постановлению они теряли одновременно с родиной и свою государственность и делались благодаря великодушию Ахейского союза гражданами Ахайи, Сенату все же пришлось услышать о них снова всего несколькими годами позже. Как сообщает Полибий, где-то в 159/8 г. в Риме появились послы из Афин (их имена не упомянуты и могли пасть жертвой византийского эпитоматора при сокращении текста) и из Ахайи — последние под руководством Стефана и Теарида, старшего брата Полибия. Стороны добивались решения Сената в породивших между ними спор вопросах, непосредственно касавшихся бывших делосцев. На основании заключенного между Афинами и Ахейским союзом в начале II в. соглашения о правовой взаимопомощи делосцы выставили претензии против Афин, тянувшиеся от дней изгнания и нашедшие свое обоснование в клаузуле, согласно которой они имели право забрать с собой свое движимое имущество, считаясь ахейскими гражданами. Афиняне оспаривали то, что договор может распространяться на тех ахейцев, которые получили права гражданства в Ахайе только после его заключения. В ответ на это депортированные тре-

⁸ I Délos 1403, Bb, col. I 23 — 29, с коммент. Ф. Дюрбака и П. Русселя на с. 13.

⁹ Hesperia. — 1934. — Vol. 51, n. 3, № 39, три фрагмента, объясненные П. Русселем: BCH. — 1934. — Vol. 58. — P. 96 — 100. Четвертый фрагмент с тремя прочими: Hesperia. — 1944. — Vol. 13. — P. 254 — 257, с коммент. Меритта.

¹⁰ I Délos 465; *Tréheux J.* // BCH. — 1985. — Vol. 109. — P. 489 — 490. Надписи с Делоса показывают, однако, что в первые годы после передачи острова Афинам число делосцев осталось там на прежнем уровне, а в конце столетия там поселились и другие (*Couilloud M.-Th.* Les monuments funéraires de Rhénée, // EAD. — 1974. — Vol. 30. — P. 66 — 67, 128, № 182). Особо велико их число, видимо, никогда не было.

бовали от ахейцев применить по отношению к Афинам репрессалии, что в подобной ситуации соответствовало принятому обычаю. Ахейцы должны были пойти на это, поскольку только этим можно объяснить, что дело получило последствия, которые привели стороны аж до Сената. Принимая это во внимание, могло случиться так, что Полибий в одном месте ранее, где он сообщает о передаче Делоса Афинам, говорит, что в споре с делосцами афиняне потерпели неудачу во всем. Сенат принял решение, как и было справедливо, в пользу делосцев¹¹.

Афинские обитатели острова после 167 г., которые называли себя «народом осевших на Делосе афинян», являли собой выборку из совокупного гражданского населения Афин. Они самоуправлялись в делах, касавшихся их одних, столь же самостоятельно, как и все 139 демов Аттики¹². Располагали они и своими законодательными органами — Советом и Народным собранием (*Bule* и *Ekklesia*), отличааясь тем самым от демов, у которых было только собрание, называвшееся *Agora*. Они избирали, по крайней мере, часть действовавших на острове магистратов и жрецов сами. Для них и для граждан иностранных государств они могли назначать почести, пользуясь собственной полнотой власти, тогда как постановления в честь присланных из Афин высших чиновников обретали юридическую силу только после ратифицирующих их декретов всего демоса в Афинах.

К этим высшим должностным лицам наряду с эпимелетом острова принадлежали заведующий общественным банком и оба ответственных за управление священным имуществом и храмовой казной чиновника, которым вменялся в обязанность и надзор за всеми храмами и находившимися в них священными дарами. Они заступили место гиеропов независимого Делоса¹³. Далее, функционировали две коллегии, каждая из трех надзирателей за рынком (агораномов) и трех распорядителей торговой биржей (эмпорием), ведавшие, помимо того, контролем за мерами и весами, а также гимнасиарх. Кроме заведования гимнасием и устраиваемых там состязаний он в то же время руководил делосской эфебией и выполнял тем самым задачи, которые в Афинах были возложены на космета¹⁴.

¹¹ Polybios 32, 7, 1 — 5. Gauthier Ph. Symbola. — Nancy, 1972. — P. 173, 200, 204; Walbank, Commentary. Vol. 3. — P. 525 — 526. Более ранний пассаж из Полибия это 30, 20, 9.

¹² О нижеследующем см.: Roussel. Délos. — P. 33 — 96. О крайних пределах местной автономии по отношению ко всему государству см.: Habicht Ch. // Gnomon. — 1959. — Vol. 31. — S. 706 — 707.

¹³ Об этих должностях см.: Roussel. Délos. — P. 126 — 144; об общественном банке и его председателе см. также: Bogaert R. Banque et banquiers dans les cités grecques. — Leiden, 1968. — P. 187 — 192.

¹⁴ Roussel. Délos. — P. 179 — 198. В I Délos 2589 содержится полный список делосских гимнасиархов с 167/6 по 112/1 г., хотя и не все имена сохранились полностью.

Самый ранний из сохранившихся декретов клерухов относится к 165/4 г. и датирован, как и все документы клерухов по архонту, исполнявшему должность в Афинах. Самое позднее из дошедших до нас постановлений, изданное только афинскими клерухами, датировано 145/4 г. В более позднем, но составленном еще до 126/5 г. декрете афинские поселенцы выступают уже не одни — рядом с ними появляются «пребывающие на Делосе римляне»¹⁵. В 126/5 г. к обеим этим группам присоединяются еще и «торговцы, корабельщики и пребывающие чужеземцы»¹⁶. В 124/3 г. постановление издают «афинские поселенцы, пребывающие римляне, а также торговцы и корабельщики»¹⁷, в следующем, 123/2 г. «постоянно живущие или пребывающие на Делосе афиняне, римляне и прочие чужеземцы»¹⁸, наконец, в 118/7 г. те же самые, но с повторным добавлением торговцев и корабельщиков¹⁹.

Как нетрудно заметить, около 130 г. до н. э. именно афинские клерухи, а затем не одни они принимали решения по местным делам; другие группы также приобрели право совещательного голоса. Это были представители других национальностей, прежде всего римляне, и новых профессиональных групп — корабельщики, купцы и даже те лица, которые не прсживали на Делосе постоянно, но пребывали там лишь временно — накоротке или долго. Островное общество всего за несколько лет стало более интернациональным и в то же время более меркантильным. На поверхности лежит тот факт, что свой значительный вклад в это развитие внесло введенное со 167 г. освобождение от таможенных пошлин в порту, затем наступившая за разрушением римлянами Коринфа в 146 г. переориентация отдельных отраслей Эгейской торговли²⁰ и, наконец, образование римской провинции Азия в 129 г.²¹. С переменами, вследствие этих событий, связано, возможно, и то, что вскоре после 130 г. эпимелеты дважды назначались на повторный должностной срок (с. 244). Кроме римлян и италиков, составивших особенно значительную часть притока чужеземцев после 167 г., существенно возросла также численность жителей с Переднего Востока — из городов Сирии и Финикии, большинство которых скорее всего занималось торговлей²².

Не так легко ответить на вопрос о том, как много афинских граждан, прибывших в свое время на остров, постоянно там проживало,

¹⁵ I Délos. 1643 (ср. I Délos 1644, 1703 того же года).

¹⁶ I Délos. 1645.

¹⁷ I Délos. 1647, 1648, 1649.

¹⁸ I Délos. 1650.

¹⁹ I Délos. 1652.

²⁰ Strabo 10, 5, 4. — P. 486. Roussel, Délos. — P. 55.

²¹ Étienne R. // Ténos II 1990. — P. 129 — 130.

²² Roussel. Délos. — P. 84 — 96; idem // BCH. — 1931. — Vol. 55. — P. 447 — 448. Остается пока неизданной работа: Baslez M.-F. Les étrangers à Délos.

и сколько их пребывало там лишь временно, будь то для исполнения одногодичной должности или для устройства каких-либо дел. Наверняка могло быть так, что большинство высших, выбранных в Афинах и Афинами же направленных сюда должностных лиц, таких как эпимелеты, гимнасиархи или казначеи священного имущества, в целом оставались там лишь столько времени, сколько требовали их служебные обязанности, а затем продолжали свою карьеру в Афинах или — соответственно — снова возвращались там к своей деятельности. Очень многих политически активных граждан Афин можно было встретить как на Делосе, так и в самих Афинах.

В попечении о местных делосских культах афиняне заступили место делосцев. Культовый персонал, таким образом, обновился, но, как и прежде, почитались те же самые культы, ибо афиняне уважали делосских богов и их высокое положение²³. Одновременно появлялись и известные новшества. Так, афиняне принесли на остров культ Аполлона Пифийского, новыми были празднование Делий и (по городскому принципу) Тесей. Сильный приток иноземцев все больше и больше приводил к существенному расширению пантеона, к которому в период независимости Делоса добавились только культы египетских богов Исиды, Сараписа, Анубиса и т. д. Теперь на острове стали появляться сирийские, финикийские, иудейские, арабские, итальянские божества, но они оставались по большей части тем, чем они были в момент их появления — объектом частных культов.

Посвященный Аполлону остров, предоставлявший приют и многим другим богам, при афинском владычестве, как и до него, привлекал к себе пристальное внимание многих эллинистических царей. Вместе с тем Делос оставался тем местом, куда посвящали статуи членов царского дома и высших сановников. После войны с Антиохом IV, конец которой положили в 168 г. римские притязания на власть, на египетском троне утвердился Птолемей VI, пока ему не пришлось распрощаться с жизнью в Сирии в 145 г. После успешного завершения похода 154 г. на Кипр его критские наемники почтили его декретом и воздвигнутой на Делосе бронзовой статуей. По аналогичному поводу они оказали почести и своему начальнику Аглаю, из знатной семьи города Коса; две его статуи из бронзы должны были быть воздвигнуты в его родном городе и, соответственно, на Делосе. Примечательно, что на Кос и в Афины был специально отправлен посол, чтобы просить об указании места для установки памятников²⁴. В честь другого высокопоставленного придворного Птолемея VI по имени Хрисерм, который наряду с прочим был заведующим Мусейо-

²³ Об этом и нижеследующем см.: *Bruneau, Recherches*. — P. 659 — 662.

²⁴ I Délos 1518, 1517. Аглай был, впрочем, почтен и на Паросе установкой ему статуи выше человеческого роста: AD. — 1965. — Vol. 20. — P. 119 — 133. О подоплеке этих почестей см.: *Walbank, Commentary*. — Vol. 3. — P. 553 — 554.

на Александрии, одно частное лицо из Афин ставит на Делосе статую²⁵. Далее, многочисленны также свидетельства о неослабевавшей заинтересованности царского дома в Делосе и после периода клерухии, то есть в последней трети этого столетия²⁶. Одновременно они показывают, что отношения между царским двором и Афинами на протяжении всего этого времени не были омрачены ничем и вовсе не были целых пятьдесят лет враждебными, прохладными или, как это часто предполагалось, вообще порванными²⁷.

Не уступали Птолемеям на афинском Делосе и другие монархи. Антиох IV Эпифан, выступавший в эту эпоху благодетелем Афин *par excellence*, был почтен одним афинским гражданином статуей на Делосе опять же за его заслуги перед народом Афин²⁸. Предположение о том, что Делос и сам мог извлекать выгоду от царских щедрот, напрашивается само собой и подтверждается авторами. Полибий говорит об этом царе так: «По роскоши жертвоприношений, которые он совершал в городах, и почестям, оказываемым богам, он превзошел всех прежних царей. В этом можно убедиться по Олимпиейону в Афинах и по статуям у алтаря на Делосе». Таким образом, царь должен был украсить окружение алтаря Аполлона целой группой дорогостоящих статуй²⁹. Это могло произойти в период афинской клерухии, в ее первые годы (167 — 164), а может, уже и раньше, в один из годов между 175 и 167. Незадолго до середины столетия одна практиковавшая на Делосе гильдия посвятила там изваяние Менохара, министра Деметрия I (162 — 138) и самого могущественного человека в Селевкидской державе после царя³⁰. Царский наместник над провинцией Селевкидой, сам будучи афинянином, тоже посвятил на острове две или три статуи в честь этого царя или его сына Деметрия II³¹.

Династия Атталидов Пергама часто упомянута на независимом Делосе, и наоборот, крайне редко в период афинской клерухии, почти точно совпадающий с последним тридцатилетием правления царского дома. Царь Аттал II (158 — 138) воздвиг на Делосе статую одному из близких доверенных лиц — Аполлониду, уроженцу Пергама,

²⁵ I Délos. 1525, там же и о семействе чествуемого, на протяжении поколений состоявшем на службе у династии.

²⁶ I Délos. 1526 — 1535.

²⁷ См. выше, с. 219.

²⁸ I Délos. 1540. Подобное же посвящение, вероятно, в честь того же царя: I Délos 1541.

²⁹ Polybios 26, 1, 11; Livius 41, 20, 8 — 9. От этих статуй раскопками не обнаружено и следа (Bruneau, Recherches 27).

³⁰ I Délos. 1543. О Менохаре см.: Habicht Ch. // ZPE. — 1988. — Vol. 74. — P. 214.

³¹ I Délos. 1544, 1545, возможно и 1546. Более поздние свидетельства о селевкидских царях и сановниках см.: I Délos 1547 — 1553.

совоспитаннику царя, получившему, однако, гражданство и в Афинах³². Народ афинский почтил там статуей и царицу Стратонику: она была дочерью каппадокийского царя Ариарата IV и супругой пергамского царя Эвмена II, а позже, после смерти Эвмена, стала женой его брата Аттала II³³. В ее лице воплотился, таким образом, пергамский и каппадокийский царский дом. Добавленный к ее имени на базе статуи титул царицы указывает на время после заключения брака, а афинское авторство — скорее всего на один из годов после 167-го. С другой стороны, отсутствие какого-либо упоминания ее царственного супруга означает время, когда она еще не вышла замуж или же уже овдовела. Предложенные даты колеблются между годами до 189 и 138 — 134 гг. до н. э.³⁴

Царский дом Каппадокии представлен среди дошедших до нас свидетельств с Делоса только после конца клерухии, то есть в последней трети II в. до н. э. Для Понтийской монархии, напротив, имеются и более ранние свидетельства. Самое раннее — а именно афинский декрет 195 г. в честь царя Фарнака и его супруги Нисы — относится еще ко времени независимости Делоса (с. 224). Делосская статуя в честь сестры Фарнака Лаодики тоже старше 171/70 г. и, таким образом, предшествует установлению афинского господства над островом³⁵. На время клерухии приходятся, напротив, обе базы статуй царя Митридата V Эвергета, одну из которых можно датировать 129/8 г.³⁶, а также статуя, возможно, его придворного — афинянина Бозта³⁷. Этот царь прославился как особенно щедрый благодетель острова своими пожертвованиями в храм и на палестру у моря, которая тогда была восстановлена на его средства на новом месте³⁸. Его преемник Митридат VI Евпатор, самый выдающийся царь этого дома, поддерживал теснейшие контакты с Делосом. Не менее семнадцати из сохранившихся делосских надписей упоминают о нем в той или иной форме. Речь о них пойдет ниже, поскольку эти свидетельства позже времени клерухии. Именно этот царь своей войной против Рима накликнул беду, которая в 88 г. положила конец процветанию Делоса.

Немного старше делосские свидетельства о монархии Вифинии на северо-западе Малой Азии. Уже во времена независимости царь

³² I Délos. 1554. Об Аполлониде и его семействе см.: *Habicht // Hesperia*. — 1990. — Vol. 59. — P. 565 — 567.

³³ I Délos. 1575.

³⁴ Подробнее см.: *Müller H. // Chiron*. — 1991. — Vol. 21. — S. 393 — 424; сам автор выступает за дату между 159 и 156 гг.

³⁵ I Délos. 1555.

³⁶ I Délos. 1557, 1558.

³⁷ I Délos. 1559.

³⁸ *Robert L. // JS*. — 1978. — P. 151 — 163 (OMS 7, 283 — 295). Ср.: *Bruneau Ph., Ducat J. Guide de Délos*, 3 ed. — 1983. — P. 195 — 197.

Прусий II (183 — 149) установил связи с островом⁹⁾. Его сын Никомед II, свергнувший отца в 149 г., в своем мятеже был поддержан, очевидно, престарелым нумидийским царем Масиниссой (когда-то союзником Рима в войне против Ганнибала), ибо он посвятил на Делосе статуи ему и одному из его сыновей, очевидно, вскоре после смерти Масиниссы в 148 г.; текст на их базе наводит на это предположение¹⁰⁾. Царь Никомед был сам почтен в 139/8 г. эфебами Делоса как их благодетель установкой статуи, тогда как его сын и преемник Никомед III получил эти почести по случаю своего восшествия на престол в 127/6 г. от исполнявшего должность гимнасиарха Диоскурида из Рамнунга¹¹⁾.

Все эти свидетельства показывают, что Делос и в период афинского господства над островом оставался привилегированным местом, где на всеобщее обозрение выставлялись почетные монументы выдающимся личностям. Причина такого статуса кроется в том, что целиком интернациональный характер святилища гарантировал всем почестям чрезвычайную известность.

2. Ограничение афинского господства

Современникам — будь то римляне, афиняне или прочие греки — было слишком хорошо известно, что Афины вернули себе господство над Делосом не собственными силами, но были обязаны этим волеизъявлению римского Сената. Когда десяток лет спустя афинянин Фокион из Мелиты распорядился вырезать на камне имена афинян, предшествовавших ему на должности гимнасиарха Делоса, он начал со следующей пометы: «с того года, в котором народ снова приобрел себе остров благодаря римлянам»¹²⁾. Афиняне обладали островом как даром Рима, точно так же как родосцы начиная с 188 г. владели Ликией и Карией южнее Меандра, а затем должны были пережить тот момент, когда после Персеевой войны эти области у них были снова отобраны Сенатом и объявлены вольными, то есть как раз в то время, когда афинянам был «дарован» Делос. Тем самым стало ясно, что срок и условия этого владения зависели в конечном итоге от Рима. И после передачи острова Афинам последнее слово о его судьбе и его будущем оставалось на усмотрении Сената.

Выяснилось, что Сенат действительно не замедлил вторгнуться в

⁹⁾ I Délos 455, A 41; 1408, A 1 27; 1427, 4; 1428, II 8; 1430, f 5; 1450, A 112.

¹⁰⁾ I Délos 1577, 1577 bis. О возмущении Никомеда см.: *Habicht Ch. // RE. Prusias*. — 1957. — Sp. 1120 — 1124. Один из сыновей Масиниссы — Голосса был почтен статуей на Делосе другим посвятителем: I Délos. 1578.

¹¹⁾ I Délos 1580 *Daux G. // Hesperia*. — 1947. — Vol. 16. — P. 55 — 57, 1579.

¹²⁾ I Délos. 2589.

обустройство делосских дел и предписать афинянам определенные правила поведения. Так поступил он в 159/8 г. по делу изгнанных с острова делосцев, ставших ахейскими гражданами (с. 245 сл.). Еще раньше, в первые годы повторного афинского господства, он составил дословно сохранившееся до наших дней в греческом переводе постановление, в котором признал за афинянами право распоряжаться на острове. Предметом указа стал частный культ египетского бога Сараписа на Делосе. Суть дела представляет всеобщий интерес и заслуживает потому быть изложенной подробнее.

В начале III в. до н. э. на Делос прибыл египетский жрец из Мемфиса по имени Аполлоний, захвативший с собой статую Сараписа. Он выставил ее в снятом им помещении, сделав предметом частного культа Сараписа, а сам выступал как его жрец. Когда он скончался в возрасте без малого ста лет, его преемником стал как наследственный жрец этого бога его сын Деметрий, а вслед и за его смертью в возрасте 61 года, сын последнего Аполлоний II. Ему-то и явился однажды Сарапис во сне, изъявив свое требование об основании собственного святилища вместо арендованного помещения, в котором он почитался; он открыл даже место, на котором святилище должно было возникнуть. Аполлоний купил земельный участок и отдал распоряжение о начале строительных работ, однако, судя по всему, предварительно не получил разрешения на застройку, и потому на него подали в суд. Снова явился ему Сарапис во сне и предрек счастливый исход дела. Действительно, приговор в присутствии переполненной надеждами толпы был вынесен в его пользу, так что благодаря пожертвованиям верующих строительство удалось закончить за шесть месяцев. Благополучный исход Аполлоний приписывал вмешательству божества и ставил ему это в заслугу, за что и отблагодарил Сараписа воздвижением огромной колонны, на которой приказал высечь пересказанную здесь историю об истоках делосского культа и вслед за ней сочиненный неким Маиистом гимн Сарапису. Колонна с его текстом в добрую сотню строк сохранилась практически неповрежденной: около 215 г. до н. э. она была выставлена перед храмом Аполлония⁴³.

Сохранившиеся посвящения также дают основания для вывода, что культ в этом святилище достиг вслед за тем расцвета. Новый и серьезный кризис наступил, однако, с момента установления афинского господства. О нем поведала вторая надпись, которая была по-

⁴³ IG IX 1299; новое издание с комментарием: *Engelmann H.* The Delian Arealogy of Sarapis. — Leiden, 1975. Основополагающее исследование по египетским культам на Делосе см.: *Roussel P.* Les cultes égyptiens à Délos du IIe au Ier siècle av. J.-C. — Nancy, 1916 (об этом частном культе см. особенно с. 71 — 98, 239 — 262). Актуализирующий компендиум см.: *Bruneau, Recherches.* — P. 457 — 466; *idem // Etudes déliennes.* — Paris, 1973. — P. 130 — 136. Храм Аполлония это «Сарапиейон А» (Guide de Délos. 3 ed. — Paris, 1983. — P. 219 — 221).

священа на том же месте в 165 или 164 г. и сохранилась также целиком. Один за другим следуют два документа: послание коллегии афинских стратегов Хармиду, афинскому наместнику над островом, а вслед за ним — в греческом переводе — чуть более раннее по времени постановление Сената. В Риме появился Деметрий, жрец этого частного культа и, без сомнения, потомок основателя культа Аполлония, которому удалось добиться слушания его дела в Сенате. Он жаловался на то, что «делосцы» и афиняне на Делосе чинили ему препятствия в продолжении отправления культа и что афинский эпимелет прикрыл его святилище Сараписа. Сенат счел нужным разрешить ему отправлять культ, как это было искони. Афинским властям было дано по этому поводу разъяснение, а само дело было затем подробно рассмотрено Советом города. Итогом стало послание коллегии стратегов эпимелету острова, предписывавшее принять во внимание постановление Сената и разрешить Деметрию в дальнейшем отправлять культ беспрепятственно⁴.

В чем бы ни заключалась причина противоборства отправляемому Деметрием культу, суть ее заключалась отнюдь не в споре о божественности или же о достоинствах Сараписа, так как этот бог располагал уже с давних пор на Делосе общественным культом и внушительным государственным храмом — Сарапиейоном. Этот культ процветал как в независимой общине делосцев, так и в клерухии. В рамках истории эллинистических Афин это дело потому приобретает большое значение, что показывает: афиняне лишь до той поры могли хозяйничать на острове по своей прихоти, доколь их действия не встречали осуждения Сената. Если же такой момент наступал, то афинские власти могли, конечно, отправить директиву Сената на рассмотрение Совета города, дабы соблюсти видимость самостоятельного решения дел, однако у них не оставалось иного выбора, как следовать ей.

Доминирующая, пусть даже зачастую остающаяся в тени позиция Рима обозначилась в определенных оборотах составленных клерухами на Делосе декретов, в которых они подчеркивают свою лояльность не только Афинскому государству, составной частью коего они являлись, но и Риму. Так, в 159/8 г. упомянуты общественные жерт-

⁴ I Délos 1510, новое издание: *Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East*. — Baltimore, 1969. — P. 37 — 39, № 5. Ср.: *Roussel*. Op. cit. — P. 261 — 262. Самая ранняя дата для постановления Сената не 164, а 165 г., если претор П. Корнелий Блазион (с. 229, примеч. 51) относится не к 165 г., а годом позже. Согласно тексту сенатского постановления, препятствовали Деметрию в отправлении культа не только афиняне, но и уже в годы независимости «делосцы». В историографии общепринято мнение Русселя (Op. cit. P. 94, note 2), что под этим понимаются не изгнанные в 167/6 г. делосцы, но прибывшие тогда на остров афинские клерухи. Сомнения остаются, так как проблематична гипотеза о том, что Сенат под «делосцами» мог иметь в виду в действительности «афинян».

воприношения «за (благоденствие) афинян и римлян», в 153/2 г. традиционные, то есть периодически приносимые жертвы «за Совет и народ, детей и жен афинских, народ римлян и афинских клерухов на Делосе»⁴⁵. Эти жертвы показывают, что афинская островная община ощущала себя непосредственно связанной со всем государством, а опосредованно еще и с римским народом.

То же самое проявляется и в том, что с наступлением афинского господства искони отправлявшемуся культу Гестии были приданы два новых божества, политизировавшие его: Народ Афин и Рима. Уже в 158/7 г. жрец новой триады назван в одном списке делосских жрецов, а именно после жреца Аполлона на почетном втором месте. Не остается никаких сомнений в том, что расширенный культ был создан еще в 167/6 г., коль скоро уже для 166 г. засвидетельствован новый праздник Ромен в честь богини Ромы⁴⁶.

Если в упомянутых выше жертвах выступает афинская община на Делосе, а в создании культа Гестии, Демоса Афин и Ромы — Афинское государство, то за многочисленными посвящениями стоят чаще всего осевшие на Делосе одиночные лица. Со своей стороны, многие посвящения проявляют описанное здесь положение дел с двусторонней лояльностью, во всяком случае (что, кажется, еще не было отмечено), с бросающимся в глаза временным сдвигом. Начиная с 119/8 г. или незадолго до того⁴⁷ встречаются многочисленные посвящения с формулой: «за народ афинян и народ римлян». Вплоть до 89/8 г. известно не менее 45 случаев, из которых 39 датированы с точностью до года. Большое их число исходит от жрецов различных культов, лишь дважды римляне стоят на первом месте⁴⁸. Нет ни одного посвящения моложе 89 г.

Сам собой возникает вопрос: почему лишь около 120 г., а не уже с 166 г. при посвящениях стали думать и о римлянах? Действительно, есть большое количество вотивных даров, которые были принесены только «за народ афинян». Однако не должно казаться, будто это более древняя форма, к которой впоследствии были добавлены римляне, поскольку из тринадцати сохранившихся посвящений этого типа нет ни одного старше 115/4 г. до н. э.⁴⁹. Десять приходятся на время между 115/4 и 110/09 гг., два, видимо, на начало I в. до н. э., а одно не датируется. Оказывается, примерно до 120 г. до н. э. не было принято употреблять ту или иную приписку, так что обе формы скорее всего возникли одновременно, причем более полная, включавшая

⁴⁵ I Délos. 1498, 20 — 21; 1499, 2 — 8.

⁴⁶ I Délos. 2605, 1950. Roussel. Délos. — P. 222 — 223; Bruneau. Recherches. — P. 443 — 446.

⁴⁷ I Délos. 2247, кажется, немного раньше.

⁴⁸ I Délos. 1709, 99/8 года, и 1889 неизвестной даты.

⁴⁹ I Délos. P. 1810 — 1813, 1839, 2038, 2221 — 2222, 2229, 2256, 2607 — 2608, 2614.

также и римлян, стала гораздо популярнее той, которая упоминает одних афинян⁵⁰. В этом, несомненно, нашел отражение тот факт, что ок. 120 г. римляне (италики) уже составляли значительную часть населения острова.

3. Международный торговый рынок

«Разрушение Коринфа римлянами еще более возвысило уже ставший столь прославленным Делос. Ибо туда переселилось много торговцев, привлекаемых как правом беспощлинности святилища, так и выгодным расположением гавани. Ведь она лежит удобно для плывущих из Италии и Греции в Азию. Да и праздник — это своего рода торговое предприятие, и римляне посещали его более всех других, когда еще стоял Коринф. Афиняне же, заполучивши остров, стали надлежаше заботиться как о святынях, так и о торговом люде»⁵¹.

Такими словами описывает в эпоху Августа малоазийский грек Страбон сущность Делоса в период афинского господства, до катастроф 88 и 69 гг., которые разразились над островом, обе вследствие войны римлян против понтийского царя Митридата VI. В качестве причины великого процветания острова Страбон называет введенное с 167 г. освобождение от таможенных сборов в его гавани⁵², затем его положение, выгодное для транзитной торговли между Италией, Грецией и Азией, а также как еще один стимул для протекавших через Делос торговых операций вывод из игры в 146 г. конкурировавшего торгового города Коринфа. Современные историки добавляют сюда в качестве еще одной причины создание в 129 г. римской провинции Азия, что наряду с прочим привело к значительному оживлению торговли и обращения капитала между Италией и Западной Малой Азией.

В другом месте Страбон поясняет, что происходившая через Делос работорговля была особо доходной отраслью коммерции. Он описывает, как держава Селевкидов, территория которой тогда, около 140 г. до н. э., уже была ограничена практически одной Киликией, а также Северной Сирией и Палестиной, увязла в братоубийственных войнах, и говорит, что падение царского авторитета способствовало угнездившемуся преимущественно в Киликии пиратству и что сражавшиеся друг с другом претенденты на престол, подобно пира-

⁵⁰ Из тринадцати свидетельств по этой форме не менее семи относятся к 110/09 г., и шесть из них — это посвящения Дионисия из Паллены, исполнявшего должность эпимелета.

⁵¹ *Strabo* 10, 5, 4. Р. 486.

⁵² Можно считать надежно установленным, что афиняне, не имевшие права взимать обычную пошлину на товары в размере 2%, взыскивали прочие сборы, например, за пользование гаванью.

там, поставляли на рабский рынок захваченных ими пленников. «Рабов можно было наловить без труда, а большой и богатый торговый рынок был вовсе неподалеку — Делос, который за один день мог принять и снова отгрузить десять тысяч рабов, так что родилась поговорка: “Купец, приставай, разгружай, все продано”. Причина же в том, что разбогатевшие после разрушения Карфагена и Коринфа римляне нуждались в большом количестве рабов»⁵³.

На последнюю треть II в. пришла вершина процветания Делоса. Свидетельства надписей с острова между 120 и 89 гг. становятся многочисленнее, чем когда-либо, обилие датированных посвящений больше, чем прежде и потом. Афинские эпимелеты также известны практически без лакун. Вместе с Делосом процветали и Афины, где объем чеканки серебра нового стиля начиная с 140-х годов значительно возрос. Серебро в достойных внимания размерах чеканили тогда в Греции только Афины и Фессалийский союз⁵⁴.

Афинские граждане на острове уже не устанавливали в это время, как было сказано выше (с. 246 сл.), отношения в рамках автономной общины в одиночку, теперь в диалоге участвовали, кроме того, римляне и чужеземцы со всего мира, прежде всего купцы, осели ли они постоянно на острове или пребывали там лишь временно. Результаты археологических исследований острова и его крайне многочисленных надписей⁵⁵ заполняют очерченные Страбоном рамки пестрой палитрой подробностей и передают картину чрезвычайно делового и плюралистичного общества, в котором говорили на многих языках и исповедовали много разных религий, но которое тем не менее было удивительно сплоченным своими меркантильными устремлениями.

Два пространных, хорошо сохранившихся декрета середины II в. дают подробные сведения о двух религиозно-коммерческих объединениях осевших на Делосе предпринимателей из финикийского ареала. Первый — декрет 153/2 г. гераклеистов из Тира, датированный по афинскому архонту Федрию⁵⁶, второй — составленный посейдониастами Бейрута в том же году — до весны 152 г. (месяц элафеболон). Издатели документов именуют себя в первом случае «Объединением почитающих Геракла (Мелькарта) купцов и мореплавателей из Тира», в другом — «Объединением почитающих Посейдона купцов, мореплавателей и агентов из Бейрута». На собрании тирян один из его членов по имени Патрон — бывший в том же году

⁵³ Strabo 14, 5, 2. — P. 668.

⁵⁴ Об эпимелетах см.: Habicht Ch. // Hermes. — 1991. — Vol. 119. — S. 198 — 200; об объеме чеканки серебра: Kroll. Coins. — P. 14.

⁵⁵ Только от времени афинского господства их дошло около двух тысяч.

⁵⁶ I Délos. — P. 1519; Durribach F. Choix d'inscriptions de Délos. — Paris, 1921. — P. 140 — 144; Bruneau. Recherches. — P. 622.

одновременно и жрецом ассоциации — выступил с предложением отправить к Совету и народу Афин послов, которые должны будут просить разрешения на выделение места на Делосе для посвященного Гераклу участка. В своем предложении он назвал Геракла-Мелькарта основателем общего для них родного города и вершителем величайших благодеяний человечеству. Собрание приняло такое постановление и избрало самого Патрона для исполнения этой миссии. Он предпринял путешествие целиком или частично на собственные средства и достиг своей цели. Предоставление Народным собранием Афин участка для культа было равнозначно государственному признанию этого культа. Патрон был награжден венком как своим союзом, так и народом Афин, а декрет выставили в новом священном участке этого бога. Местоположение его до сих пор установить не удалось. В одном месте текста члены союза названы «купцами-мореходами и корабельщиками» и указано, что союз процветал благодаря милости богов. Под этим, без сомнения, имелись в виду коммерческие успехи, достигнутые членами ассоциации в ходе их деятельности на Делосе и позволявшие им теперь воздать благодарность своему заступнику Патрону сооружением ему священного участка.

Объединение бейрутцев своим пространственным постановлением в сотню строк воздает почести римскому банкиру Марку Минацию как своему благодетелю⁵⁷. В то же самое время, когда тиряне добились в Афинах выделения земельного участка на Делосе для сооружения теменоса в честь Геракла-Мелькарта, бейрутцы уже начали украшать теменос своего бога различными постройками. Минаций предоставил для этого займ, а затем отказался от уплаты причитавшихся ему отнюдь не малых процентов и — для содействия непрерывному продолжению работ — пожертвовал 7000 драхм и сверх того пригласил членов союза на жертвоприношение с последующим банкетом⁵⁸. Религиозный союз воздает ему благодарность разнообразными почестями — одни из них должны были повторяться ежегодно, другие каждый месяц — и разрешает ему установку его статуи и написанного портрета, которые должны были быть оба снабжены почетными надписями — а текст их составлен заранее. Дабы обеспечить соблюдение почестей в будущем, издается постановление о защитных мерах, и в этой связи, согласно строке 65, нарушителям грозил штраф в 6000 драхм нового стиля.

Комплекс построек посейдониастов, о котором идет речь, идентифицирован и раскрыт⁵⁹. Работы на нем, когда бы они ни были за-

⁵⁷ JHS. — 1934. — Vol. 54. — P. 140 — 159; I Délos. 1520. О датировке см.: Robert L. // BCH. — Vol. 197. Suppl. 1. — P. 486 — 489. Ср.: Brunau. Recherches. — P. 622 — 630.

⁵⁸ Строки 9 — 16.

⁵⁹ EAD VI 1921: Picard Ch. L'Établissement des Poseidoniastes de Bérytos: Guide

кончены, уже шли полным ходом, по крайней мере, в год издания декрета в честь Минация — 153/2 г. К постройкам принадлежала и маленькая капелла с алтарем богини Ромы⁶⁰.

Оба документа дают впечатляющую картину того, как занимавшиеся торговлей люди объединялись на афинском Делосе в землячества и отправляли в них культ божества, под покровительством которого они находились, то есть того бога, который был главным в их родном городе. Раньше или позже эти объединения, разворачивая свою деятельность, надеялись на благосклонное снисхождение афинян и проявляли лояльную настроенность в отношении не только Афин, но и Рима — как это сделали посеидонисты Бейрута с алтарем богини Ромы, — и это было символом того, что в делосских делах над авторитетом Афин возвышалась более высокая инстанция — Рим.

В некоторых случаях удается проследить — по крайней мере в общих чертах — даже историю одной фамилии с Делоса на протяжении нескольких поколений, как, например, для прибывшей в 167/6 г. семьи Диоскурида из аттического дема Мирунутты — в данном случае счастливо сочетаются археологические и эпиграфические свидетельства⁶¹. Заселенный ею с самого начала скромный дом в театральном квартале был идентифицирован, план его выявлен. Расстущее благосостояние семьи позволило ей спустя известное время приобрести соседний участок, значительно расширив первоначальный дом, обставленный вместе с тем с большим комфортом. Члены фамилии занимали должности в общине, в том числе и такие, которые — подобно посту гимнасиарха — требовали от исполнителей существенных финансовых затрат; женщины же исполняли должности жрищ. Диоскурид был почтен Народным собранием Афин сохранившимся постановлением; он и его жена Клеопатра в 138/7 г. выставили собственные изваяния из мрамора в нише своего дома⁶².

Гимнасий и эфебия на Делосе — в начале афинского господства к ним имели доступ, по всей видимости, лишь сыновья граждан — рано приобрели космополитический характер. Среди эфеев уже 144/3 г. засвидетельствовано много чужаков, в том числе и римлян; если в 133/2 г. шесть эфеев одного списка (или начала списка) были исключительно афинянами, то в 119/8 г. из сорока эфеев сыновьями граждан были лишь шесть, а 34 — чужаками, так как большинство афинян в это время предпочитало, видимо, нести службу эфеев в самом городе⁶³. Неразъясненной остается причина некоторого откло-

de Délos. — 3ed. — 1983. — P. 174 — 179, № 57, fig. 46; Meyer H. // AM. — 1988. — Vol. 103. — S. 203 — 220.

⁶⁰ I Délos. 1779. Cp. 1778, 1782.

⁶¹ Kreeb M. // Horos. — 1985. — Vol. 3. — P. 41 — 61.

⁶² I Délos. 1987. Афинский декрет в честь Диоскурида: I Délos 1508.

⁶³ I Délos. 2593 — 144/3, 2594 — 133/2, 2598 — 119/8 гг. Комментар. см.: P. Roussel // BCH. — 1931. — Vol. 55. — P. 438 — 449.

нения от нормы в 141/40 г. — гимнасиарх, отвечавший на Делосе и за эфебию, был тогда избран не экклесией в Афинах, но эпимелетом острова и лицами, посещавшими гимнасий⁶⁴.

Разразившееся в середине 130-х годов в Сицилии крупное восстание рабов перекинулось, вероятно, в 134 г. в Аттику и на Делос, но было и там и там энергично и быстро подавлено (на Делосе эпимелетом острова)⁶⁵. В Аттике восстали трудившиеся в рудниках рабы-горнорабочие, тогда как на Делосе ими скорее всего были рабы, выставленные там на продажу.

Внимание эллинистических монархов к Делосу не ослабевает и в последней трети II в. К окружению Селевкидской династии относятся пять надписей на базах статуй Антиоха VIII Грифа, Антиоха IX Кизикенца, а также их министров⁶⁶. Двор Птолемеев представлен четырьмя базами 127 — 116 гг. в честь придворных Птолемея VIII Эвергета II и еще пятью 116 — 108 гг. в честь его преемника Птолемея IX Сотера II, а также в честь его сановников, в том числе и афинянина Столоса⁶⁷. Сам этот царь в 111/10 г. сделал дар гимнасию и преподнес его «Аполлону, народу Афин и молодежи»⁶⁸.

В самом конце столетия, в 102/1 г., дарения Гелианакта, афинско-го жреца Кабириов, иначе «великих богов» Самофракии, фиксируют теснейшие связи с еще одним царским домом — с Понтом. Его деятельность в данный момент документируется шестнадцатью надписями⁶⁹. Он воздвиг богам своего культа храм — Кабирион или Самофракион — и кроме того маленький «памятник Митридату», украшенный тринадцатью скульптурными бюстами. Даритель посвящает этот ионийский эпистиль «богам, жрецом которых он является, и царю Митридату Евпатору Дионису за народ афинян и народ римлян»⁷⁰. В другой надписи Гелианакт громко прославляет постоянные

⁶⁴ I Délos. 2589, 31 — 32.

⁶⁵ Diodor 34, 2, 19, упоминающий эпимелета, который мог быть лишь эпимелетом Делоса, тогда как восстание в Аттике было подавлено стратегом Гераклитом, как сообщает Оросий (5, 9, 5) — единственный наряду с Диодором источник об этих событиях. *Lauffer S. Die Bergwerksklaven von Laureion.* — 2. Auf. — Wiesbaden, 1979. — P. 232 — 233.

⁶⁶ I Délos. 1547 — 1551. Запоздалый гость — I Délos. 1553 в честь Селевка III от 96 — 94 гг., посвящен одним из афинских граждан.

⁶⁷ I Délos. 1526 — 1529, 1531 — 1535 (Столос 1533 — 1534). Посвящение за благодеяние этого царя исходит от одного римлянина, получившего гражданские права в Афинах: I Délos 2037. О Столосе см.: *Prosopographia Ptolemaica* 14693.

⁶⁸ I Délos. 1547, Audiat J. // EAD. — 1970. — Vol. 28. — P. 32, с воспроизведением надписи на табл. 6.

⁶⁹ I Délos. 1552, 1563 — 1574, 1576, 1581 — 1582.

⁷⁰ I Délos. P. 1562, с одним новым обломком ABSA. — 1990. — Vol. 85. — P. 327 — 332, переташенным на Мелос, где и обнаружен. Кабирион и памятник Митридату подробно описаны: *Chapouthier F.* // EAD. — 1935. — Vol. 16. (памятник

милости, которые понтийский царь оказывает городу Афинам⁷¹. Наряду с Митридатом VI и несколькими его придворными и офицерами в бюстах запечатлены члены и другой династии: селевкидский царь Антиох VIII Гриф, каппадокийский царь Ариарат VII — долгое время протеже Митридата — и два придворных парфянского царя Митридата II⁷². Эти бюсты в медальонах позже были умышленно повреждены, явно в связи с событиями 88 г.⁷³

Еще несколько лет спустя — в 95/4 или 94/3 г. до н. э. — афинский жрец Саралис поставил на острове посвящение «За благоденствие народа Афин, народа Рима и царя Митридата Евпатора Диониса»⁷⁴. Однако уже был недалек тот день, когда перед населением острова и гражданами Афин встал решительный выбор между царем и Римом. Они сделали его по-разному: остров в пользу Рима, Афины в пользу царя, но оба с пагубными последствиями.

там же, с. 13 — 42), короче: Guide de Délos³. — P. 221 — 223, № 93 — 94; Gross W. H. Die Mithridates-Kapelle auf Delos // Antike und Abendland. — 1954. — Vol. 4. — P. 105 — 117.

⁷¹ I Délos. 1563.

⁷² I Délos. 1552, 1576, 1581 — 1582.

⁷³ Bruneau. Recherches. — P. 576 — 577.

⁷⁴ I Délos. 2039.

XI. Римская гегемония

1. Афины и Ороп

После того как Афины в 167 г. снова заполучили Делос, в последующие годы из-за того, как они обошлись с изгнанными с острова делосцами, возникла напряженность между городом и Ахейским союзом, принявшим к себе делосцев; обе стороны обратились к Сенату, который в 159/8 г. решил дело в пользу граждан Делоса (с. 246). Новая и значительно более серьезная напряженность в отношениях между обеими державами не заставила себя долго ждать и привела их обеих к концу 150-х годов на грань войны. Причина крылась, видимо, в агрессивной политике Афин по отношению к городу Оропу, лежавшему в пограничной области между Аттикой и Беотией. Этот город, основанный ионийским полисом Эретрией на Эвбее, в ходе своей истории многократно становился афинским, долгое время был беотийским и крайне редко независимым. На его территории располагалось уважаемое и усердно посещаемое больными святилище героя-врачевателя Амфиарая.

Частью земель Афинского государства Ороп неоднократно становился в IV и раннем III в. до н. э.: с 377 до 366 г., повторно с 338 (или 335) до 322 г. по милости царя Филиппа II и с 304 по ок. 287 г. с соизволения царя Деметрия. За этим последовали более ста лет принадлежности города к Беотийскому союзу до роспуска последнего во время Персеевой войны в 171 г.¹ Вслед за тем Ороп получил независимость, постоянно находившуюся под угрозой, поскольку город был окружен такими могучими соседями, как Аттика, Фивы и Эретрия. Своими прежними правами владения могли кичиться афиняне: ведь им теперь принадлежали Делос, Лемнос, Имброс и Скирос, которые все после Персеевой войны снова стали афинскими. Потому было вполне естественно, что они заявили тогда свои повторные притязания и на Ороп. Афины пользовались тогда расположением римлян и

---

¹ Robert L. // *Hellenica*. — 1960. — Vol. 11 — 12. — P. 200 — 204. См. выше, с. 19, примеч. 7.

были, видимо, готовы в один прекрасный день, не позже 158/7 г., отважиться на попытку снова присвоить себе также Ороп и его сельскую территорию.

Что за этим последовало, известно далеко не достаточно. Хотя Полибий разбирает эти события в своей современной им истории довольно подробно, однако от текста его 32-й книги, содержавшей их изложение, сохранился всего лишь кусочек введения. Там Полибий обосновывает, почему он резюмирует под одним-единственным, 158/7 годом события, которые разыгрывались в течение нескольких лет. Потому он свел их воедино, что не смог бы рассчитывать на внимание своего читателя, ежели бы речь шла об относительно малозначительных событиях². Вместе с тем он придал им значение не столько ради них самих, сколько потому, что они были прологом к тому развитию событий, которое в конечном итоге привело к войне между Ахейским союзом и Римом.

Два других источника выступают здесь в дополнение: это значительно более позднее, восходящее к Полибию, однако не свободное от ошибок и несуразностей изложение Павсания в седьмой, посвященной Ахαιе книге его «Описания Эллады» второй половины II в. н. э., а также декрет орошцев 150 г. до н. э. в честь ахейца Гиерона, который в конфликте между Оропом и Афинами выступил на стороне орошцев³.

О ходе событий можно выяснить следующее. По неизвестной причине, однако, и вероятно, не без какого-нибудь юридического предлога, афиняне вторглись в область Оропа, грабя страну. Их могли питать надежды вынудить орошцев к присоединению и отказу от своей самостоятельности. Однако те обратились с жалобой в Рим. Сенат перепоручил расследование и улаживание инцидента — как он часто делал в подобных случаях — одному греческому полису. Выбор пал на Сикион — то есть на члена Ахейского союза. К сроку, назначенному для разбора дела, афиняне не явились. Их приговорили к уплате компенсации за причиненный ущерб в размере 500 талантов, что было чрезвычайно высокой суммой⁴. Тогда они обратились в Сенат, чтобы добиться прощения или по меньшей мере ошутимой уступки в уплате этой суммы. С этой целью они отправили в Рим не — как это было принято — уважаемых граждан, но — что было редкостью, хотя и не

² Polybios 32, II, 5 — 7. Об этом см.: Walbank, Commentary. Vol. 3. — P. 531 — 533.

³ Pausanias 7, II, 4 — 8, вслед за чем в следующих главах будут описаны связанные этим интриги и махинации ахейских политиков, завершившиеся в конце концов конфронтацией Союза с Римом. Декрет Оропа: Syll.³ 675. Хорошее его изложение см.: Lehmann A. G. Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios. — Münster, 1967. — S. 314 — 321. Cp. Knoepfler D. // MH. — 1991. — Vol. 48. — P. 274 — 276; Lafond Y. // JS. — 1991. — P. 31 — 33.

⁴ Она превышала сумму ежегодных взносов (460 талантов), которую Афинский морской союз на первых порах взимал, по оценке Аристиды, по совокупности с членами союза.

неслыханной — трех давно осевших в Афинах чужеземцев — руководителей трех крупных философских школ. Ими были академик Карнеад из Кирены, аристотелик Критолай из Фаселиды в Ликии и стоик Диоген из Селевкии на Тигре. Это посольство философов открыло эпоху в истории римской духовной жизни, так как эти три посланника, прежде чем их пригласили в Сенат, использовали время своего пребывания в Риме для того, чтобы устраивать пред внимавшей им широкой аудиторией публичные демонстрации своих риторических и диалектических дарований, возымевших сиюминутное воздействие и еще больший последующий резонанс. Старому цензору Катону они показались прямо-таки пагубными для юношества⁵. Для него было просто непостижимо, как Карнеад в один день мог говорить о справедливости как о принципе международной политики, а на следующий — с очевидной искренней убежденностью и с той же проникновенностью утверждал обратное. В своей оценке Катон сходится с Полибием, который имел в виду, видимо, именно эти речи, когда говорил об очковитирательстве академиков⁶. Однако не у одной только римской публики, за исключением таких людей, как Катон, эти три философа имели успех — он им сопутствовал и в самой их миссии: в итоге их выступления перед Сенатом — переводчиком им служил один из сенаторов — подлежащая к уплате сумма за Ороп была снижена на сто талантов.

Но и этим решением Сената дело не завершилось. Афиняне продолжали увиливать от каждой выплаты оропцам и даже как будто склонили тех к тому, чтобы согласиться принять на свою территорию афинский гарнизон. Когда же солдаты оказались виновными в совершении разбойничьих налетов, афиняне сняли с себя ответственность за них, но заявили, что готовы привлечь виновных к ответу перед судом. Неизвестно, исчерпали ли оропцы все возможности прийти к договоренности с Афинами или нет, однако на сей раз они обратились за помощью к ахейцам. Те же поначалу не выказали на союзном съезде в Коринфе никакой склонности подставляться афинянам ради оропцев. Должно быть, на этой стадии развития событий афиняне в ответ на призыв Оропа к третьей силе захватили всю эту область и изгнали оропцев или, по крайней мере, часть оропских граждан, не пожелавших подчиниться. Этот факт, о котором Павсаний умалчивает, засвидетельствован в декрете Оропа в честь Гиерона. События должны приходиться на 151/50 г.

Изгнанные оропцы прибегли тогда к подкупу. Они пообещали

⁵ Многочисленные свидетельства об этом посольстве сведены в книге: *Garbarino G. Roma e la filosofia Greca dalle origini alla fine del II secolo A. C.* Torino, 1973. — Vol. I. — P. 80 — 86. Полибий также говорит об этом посольстве и сам слушал публичные лекции этих философов в Риме (33, 2). О воздействии их речей на римскую общественность см.: *Astin A.E. Cato the Censor.* — Oxford, 1978. — P. 174 — 178.

⁶ Polybios 12, 26, c. 1 — 4.

ахейскому союзному стратегу Менакиду, спартанцу, десять талантов, если он подбьет ахейцев на военную интервенцию. Тот решил, что во всех случаях этого можно будет добиться при поддержке Калликрата, который тогда в Ахαιе и, благодаря своим связям с Сенатом даже по всей Греции, был самым могущественным мужем. Менакид пообещал ему половину предложенной суммы. Действительно, на одном из следующих федеральных собраний в Аргосе, на котором присутствовали также афинские послы и другие сторонники их интересов, выступавшие против интервенции, Менакиду и Калликрату удалось провести постановление о том, что мобилизованное войско Ахейского союза должно прогнать афинян с территории Оропа⁷. Войско выступило в поход, однако уже скоро вернулось обратно, ибо афиняне при этом известии, но прежде всего, видно, из-за страха перед Калликратом, снова очистили оккупированную страну⁸. Оропцы смогли вернуться домой и заплатили Менакиду сумму по уговору. То, что он вслед за тем надул Калликрата и не отдал тому обещанную часть, очень скоро привело к таким последствиям, которые через нескольких лет вылились в ахейско-римскую войну 146 г., закончившуюся полным разгромом ахейцев и разрушением Коринфа.

Оропцы были обязаны своим возвращением ахейскому политику Гиерону из Айгейры, оказавшему им деятельную поддержку во время этих событий. Гиерон происходил из известной в ахейской политике семьи: его отец не раз бывал в Риме, в частности, в 160/59 г. в Сенате как один из двух глав посольства по делам об интернированных ахейцах. Декрет благодарит Гиерона особенно за его выступление на собраниях в Коринфе и Аргосе и за то, что он выступил в Аргосе против афинских послов. А потому в очень большой степени благодаря Гиерону оропцы снова обрели свое отечество и вместе с женами и детьми смогли вернуться на родину.

Временная оккупация территории Оропа Афинами подтверждается еще одним документом. Тому же самому афинскому стратегу, чье имя, однако, не сохранилось, принадлежат два внушительных памятника — один в Дельфах, другой в Оропе⁹. Перечислены почести

⁷ Если резюмированный Уолбенком итог оживленной дискуссии о природе и компетенциях ахейского федерального собрания справедлив (Commentary, vol. 3. — P. 406 — 414), то названное *Synhodos* собрание в Коринфе было не компетентно принимать постановление об оказании военной помощи, это могло сделать только названное *Synkletos* чрезвычайное собрание, созданное в Аргосе и ничего иного не рассматривавшее. С таким результатом находится в полнейшем соответствии способ выражения декрета Оропа в честь Гиерона (Syll.³ 675).

⁸ *Pausanias* 7, 12, 2, он замечает, что Калликрат сделал афинян своими врагами, не извлекая отсюда никакой выгоды, так как за ним стоял Менакид.

⁹ FD III 2, 35; AE 1925 — 1926, 11 — 16, № 129. То, что обе почести относятся к тому же афинскому стратегу, установил: *Robert L.*, Collection Froehner. — Paris, 1936. — P. 31, note 6.

ему от Совета амфикионов в Дельфах, от различных городов и союзов городов Греции и Малой Азии, а также от многих афинских военных частей, далее — от афинского флота, гарнизонов в Аттике и афинских клерухов на Саламине и Имбросе. Среди оказавших почести в Дельфах выступают: Ахейский союз и три ахейских федеративных города, а в Оропе — разрушенный в 146 г. ахейский союзный город Коринф. Отсюда получается дата этих чествований — до 146 г. С другой стороны, Кносс не мог добиться лидирующего положения в Критском союзе, каким он обладает на памятнике в Оропе, раньше 155/4 г.¹⁰, а упоминание единого Эпирского союза не могло быть раньше 156 г.¹¹. Оба памятника должны были быть воздвигнуты между 154 и 146 гг. В этом временном интервале афинский стратег мог быть почтен в Оропе лишь в том случае, если афиняне держали город в своем владении. Далее, года начиная с 151-го исключаются, так как в то время Ахейский союз и союзные города выступали в «Оропских делах» против Афин. Почести должны тем самым приходиться на один из годов между 154-м и 152-м, то есть на время вскоре после возвращения трех философов из Рима, но еще до того, как афиняне перед угрозой союзного ахейского войска снова ушли с оропской земли.

К оропским делам имеется и один эпилог в римской литературе. Доброе столетие спустя основательно проштудировавший эллинистическую философию Цицерон знал о посольстве трех философов в Рим, но не более того. Год данного события (155 г. до н. э.) он извлек из появившихся за два года до этого «Анналов» своего друга Аттика; за дальнейшими подробностями он, однако, обратился к Аттику 19 марта 45 г. с несколькими вопросами:¹² Какова же была причина этой миссии (он припоминал, что речь идет об Оропе, но не знал подробностей)? В чем состоял предмет спора? Какой видный эпикуреец был тогда главой (не представленной в этой миссии) школы? Кто были тогда ведущие афинские политики? Цицерон считал, что Атик сможет найти ответы в «Хронике» Аполлодора (с.121).

Что ему ответил Атик, к сожалению, неизвестно. Можно назвать целый ряд именитых тогда политиков Афин, а вот кто в то время

¹⁰ van Effenterre H. La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. — Paris, 1948. — P. 268 — 271.

¹¹ Franke P. R. Die antiken Münzen von Epirus I. — Wiesbaden, 1961. — S. 218.

¹² Cicero, Att. 12, 23, 2. Вопросы стоят, конечно, в связи с дальнейшим сообщением Цицерона (Acad. 2, 137). В начале своей политической карьеры Цицерон был в 73 г. участником дебатов в Сенате по поводу святилища Амфиарая близ Оропа и членом коллегии советников, заслушивавших консулов, прежде чем Сенат вынес решение по этому делу (Syll.³ 747, 11 — 12). Цицерон использовал тогдашний опыт почти тридцать лет спустя в своем сочинении *de natura deorum* (3, 49).

возглавлял школу Эпикура, неизвестно: был ли это еще Феспид или уже Аполлодор, прозванный «садовым тираном»¹³.

2. Утверждение Рима на Балканах

Начиная с 229 г. римская армия и флот неоднократно вели боевые действия на Балканах и в Эгеиде: в Иллирии, Македонии и Греции. Всякий раз они, а с ними римские полководцы и военачальники, после выполнения боевой задачи отзывались назад. Восемьдесят лет подряд Рим избегал всякого длительного военного присутствия на Балканах, любой аннексии областей, равно как и постоянного stationирования здесь воинских частей. Вскоре после середины II в. этой политике был положен, однако, конец. В 148 г. после разгрома восстания Андрикса территория образованных в 167 г. четырех македонских земель была преобразована в римскую провинцию Македония, и с тех пор туда год за годом посылался римский наместник. Двумя годами позже, после победы Рима над Ахейским союзом контролю этого наместника были подчинены области Греции, принимавшие активное участие в боевых действиях во время войны против Рима. Это были территория Ахейского союза, далее Фивы, Халкида, Восточная Локрида, Фокида и Мегарида¹⁴. Город Коринф, который перед началом войны стал ареной издевок над римскими послами, был по приказу Сената разрушен консулом Луцием Муммием, богатые художественные сокровища города римлянами увезены, а кое-какие вещи — менее ценные или заниженной оценки — уступлены их союзникам, таким как пергамский царь Аттал II.

¹³ Dorandi. Ricerche. — P. 51; там же и прочая литература. «Сад» был в просторечье наименованием школы Эпикура, занятия которой проходили в одном саду.

¹⁴ Accame. Dominio. — P. 1 — 15; Baranowski D.W. The Provincial Status of Mainland Greece after 146 B. C. // Klio, 1980. — Vol. 70. — P. 448 — 460; Ferrary J.-L. Philhellénisme et impérialisme. — Roma, 1988. — P. 186 — 209; Giovannini A. // AJAH. — 1984 [1988]. — P. 42 n. 9. — Note 1. Все перечисленные авторы отвергли направленный против Аккаме тезис Э. Грюна (Hellenistic World. — P. 481 — 528), считавшего, что регулярные наместники над Македонией стали назначаться туда гораздо позже и что сражавшиеся в 146 г. против Рима государства Греции после окончания войны de jure остались свободными. Приданная консулу Муммию сенатская комиссия ввела в побежденных государствах новую, основанную на цензе конституцию и установила подать с побежденных, как сообщает Павсаний (7, 16, 9 — 10). Он ошибается лишь в своем утверждении, что и в эти области начиная с 146 г. каждый год посылался римский наместник; это было введено скорее только в 27 г. до н. э. при создании Августом провинции Ахайа. Были ли в промежуточный период эти области «придатком» провинции Македония (Аккаме, Бароновский) или же проконсулу Македонии контроль над ними был передан как самостоятельное служебное поручение — *provincia* (Феррари), для истории Афин не имеет значения.

Афины оставались в эти бурные годы в значительной мере пассивным наблюдателем событий. И все-таки город тогда, в ходе Третьей Пунической войны (149 – 146 гг.), в одной морской битве поддержал римский флот пятью триерами, что, по крайней мере, показывает, как он старался выказать свою верность Риму¹⁵. Ни на миг он не пытался обратиться оружие против Рима на стороне ахейцев и их союзников, тем паче что в своем отношении к Ахейской лиге город с известных пор стал испытывать серьезную напряженность.

В прямой связи с Ахейской войной 146 г. имя Афин упомянуто в куцых обрывках традиции лишь раз, когда весной этого года отправленные наместником Македонии Метеллом послы держали речь и в Афинах¹⁶. Однако, несмотря на отсутствие источников, не подлежит сомнению, что город на долгое время оказался задет исходом этих событий. Утверждение римлян в Македонии и их контроль над большей частью Греции – наряду с прочим, над всем Пелопоннесом за исключением Спарты, далее, над Мегарами, Фивами и Халкидой в непосредственной близости от Аттики, – даже если это и проявлялось от случая к случаю во вмешательстве проконсула Македонии, было тем фактором, который прямо и существенно затрагивал политический мир всех континентальных греков. Абсолютно так это было воспринято современниками: в Македонии с 148/7 г. началась эра, по которой там на многие столетия вперед стали датироваться тысячи надписей¹⁷. Как минимум десять городов Пелопоннеса, почти исключительно те, кто до последнего момента принадлежал к Ахейскому союзу, но не был по своей национальности ахейским, ввели у себя с 145/4 г. новую эру, и она была в ходу целое столетие, пока ее не сменила актийская эра Августа¹⁸. И сами Афины, которых это, кажется, коснулось лишь боком, подали тогда похожий знак: хотя там продолжали вести летоисчисление не по одной из эр, а по ежегодно сменявшимся эпонимным архонтам, тем не менее в 146/5 г. Афины открыли новый список архонтов, как это было сделано в год освобождения – 230/29 и как это будет повторно сделано после освобождения от «тирана» Аристииона в 87/6 г. Подобное обновление записи эпонимных чинов какого-либо города, будь то в Афинах или в другом месте, всегда есть выражение того, что соответствующий год

¹⁵ *Pausanias* 1, 29, 14.

¹⁶ *Polybios* 38, 13, 9.

¹⁷ *Tod M.N.* // *ABSA* 23. – 1918 – 1919. – Vol. 23. – P. 206 – 217; 1919 – 1921. – Vol. 24. – P. 54 – 67; *Studies presented to D.M. Robinson.* – Saint-Louis, 1955. – Vol. 2. – P. 382 – 397.

¹⁸ *Dinsmoor W.B.* *The Archons of Athens*, Cambridge – Mass., 1993. – P. 236 – 237 – о так наз. «ахейской эре». Скорее всего она явилась, видимо, выражением того, что принявшие ее полисы (Аркадии, Спарты, Мессении и Арголиты) праздновали «освобождение» от пут Ахейского союза.

рассматривался как год перелома или начала нового¹⁹. В Афинах в 146/5 г. это могло означать только то, что новое урегулирование Римом отношений приветствовалось или, по крайней мере, было встречено позитивно, официальной демонстрацией. В этой связи следует напомнить о том, что разрушение Коринфа пошло на благо афинскому острову Делосу, а через него и самим Афинам.

Афины, впрочем, не остались непричастными к зарождению римско-ахейского конфликта, так как налеты на Ороп спровоцировали целую цепь событий, которые в конечном итоге привели к войне. Оропы предприняли усилия добиться защиты у ахейского союзного стратега 151/50 г., спартанца Меналкида, и купили его поддержку, пообещав ему крупную сумму. В эту грязную аферу оказались втянутыми и другие ахейские политики, так что лежавший в основе всего сговор Меналкида сначала с Калликратом, а затем со своим преемником по должности Дием из Мегалополя очень скоро привел к серьезной ссоре, а та, в свою очередь, породила конфликт между федеральными властями и федеративным членом Спартой. Меналкид и Дией, как представители враждующих партий, зимой 149/8 г. появились перед римским Сенатом. Прежде чем объявленное, а затем надолго отсроченное римское посредничество возымело действие, вражда обеих сторон выплеснулась наружу, в ходе чего Дией в 148/7 г., как повторно избранный ахейский стратег, сыграл ведущую роль, Меналкид же, со своей стороны, вынужден был покончить счеты с жизнью. Вследствие неуступчивости ахейцев у Сената лопнуло терпение: его послы летом 147 г. выставили ахейцам требование отпустить из состава Союза не только Спарту, но также Коринф и Аргос. Разозленные этим ахейцы отреагировали следующей весной объявлением Спарте войны и накликали тем самым римскую интервенцию, которая еще в том же году положила конец их Союзу и стерла город Коринф с лица земли²⁰.

Недавно высказано утверждение, что исход войны снова предоставил афинянам на последующие шестьдесят лет контроль над Оропом²¹. Это предположение основано, очевидно, на том, что для 123/2 г. зафиксирован визит афинских эфетов в святилище Амфиарая. Однако текст говорит как раз о противоположном — эфеты еще в тот же день вернулись «в их собственную страну», покинув, таким образом, именно территорию чужого государства²², в одном еще не изданном декрете точно так же засвидетельствован визит туда эфетов в 177/6 г., то есть в то время, когда Ороп был самоуправляющим-

¹⁹ IG II² 1713, с комментарием Кирхнера. Об аналогичных демонстрациях см.: *Habicht Ch.* // *Demetrias* 1, 1976, 185 — 186.

²⁰ *Deininger J.* // *RE. Diaios.* — 1968. — Suppl. 11. — Sp. 521 — 526.

²¹ *Roesch P.* *Études Béotiennes.* — Paris, 1962. — P. 49.

²² IG II² 1006, 27 — 28, 70 — 71.

ся городом и членом Беотийского союза. Разрешение на посещение святилища в обоих случаях должно было быть испрашено и выдано. В 123/2 г. Беотийского союза, впрочем, уже не существовало, и стоит под вопросом, был ли Ороп тогда самостоятельным городом. Как правило, так и считают, однако недавно Дени Кнѣпфлер высказал предположение, что в 146 г. Ороп был передан городу Эретрия, которая в противоположность сражавшемуся на стороне ахейцев и соперничавшему с ним полису Халкида приняла сторону римлян²³. В основе этого лежит еще одно допущение, что Ороп, уже за много лет до этого искавший защиты у Ахейского союза, скомпрометировал себя союзом с ахейцами и потому был наказан державой-победительницей лишением самостоятельности.

В любом случае, Афины не вернули себе тогда Ороп, хотя вместе с тем и приветствовали наведение порядка в греческих делах, как показывает уже упомянутое открытие нового списка архонтов. Отсюда следует даже, что Афины в какой-то форме поддерживали римлян во время Ахейской войны и затем извлекли выгоду из ее итогов, конкретно по постановлению Сената, принятому под председательством Гая Лелия. Речь об этом идет в длинном, но фрагментарно сохранившемся декрете афинских поселенцев в Мирине на Лемносе. Суть дела требует остановиться на нем подробнее.

Декрет, о котором здесь идет речь²⁴, был высечен в Афинах резчиком, деятельность которого прослеживается с 169 по 134 г.²⁵, а это означает, что в качестве председательствующего в Сенате по этому делу речь может идти лишь о Гае Лелии, по прозвищу *Sapiens* (Мудрый), близком друге младшего Сципиона Африканского. Он был консулом в 140 г., претором пятью годами раньше, в 145 г., и мог руководить Сенатом как консул или, в отсутствие обоих консулов, как претор. Действительно, в отношении этого сенатского постановления все признаки указывают на год его преторства, так как в декрете говорится о некоей удаче и о каком-то успешном посольстве, то есть о союзе и военной помощи против невыясненных противников, названных правонарушителями. Народ афинский каким-то образом принимал участие в этих событиях, а римляне названы «общими благодетелями всех»: это означает только то, что таковыми стали они для Афин недавно. Упомянутое постановление Сената дало, видимо, повод для ликования: оно либо даровало Афинам оспаривавшееся до того владение некими островами, либо его подтвердило.

Эти признаки дают основание считать, что Рим, по всей видимо-

²³ Knoepfler D. // МН. — 1991. — Vol. 48. — P. 279.

²⁴ IG II² 1224, интерпретирован: Kirchhoff A. // Hermes. — 1866. — Vol. 1. — S. 217 — 228. С тех пор к нему добавился еще ряд фрагментов, среди них и такие, которые упоминают Г. Лелия.

²⁵ Tracy, ALC. — P. 155.

сти, недавно и при поддержке Афин успешно выпирал войну. Постановление Сената могло находиться в тесной связи с окончанием войны и последовавшим за ним переустройством. Для афинян оно означало благоприятную весть, поскольку гарантировало им владение спорными островами. Все это, сопоставленное с обеими вероятными датами, когда Гай Лелий мог быть председателем в Сенате (в 145 г. как претор и в 140 г. как консул), указывает на протекавшую в 146 г. Ахейскую войну и на 145 г. — когда Лелий был претором — как на год принятия соответствующего сенатского постановления. Эта дата удачно согласуется с упоминанием в декрете клерухов афинского стратега гоппитов Гераклита и афинского стратега на Лемносе Филархида. Под островами, о которых идет речь, могли иметься в виду Скиатос, Пепаретос и Икос.

После Ахейской войны отношения Афин с Римом оставались и дальше безоблачными. Нет более явного доказательства официально выставленной напоказ Риму лояльности, чем общественное жертвоприношение персонифицированному римскому Демосу — Народу римлян. Он упомянут в одном декрете года архонта Плейстэна: припаны тогда кроме богов, коим по старой традиции совершали жертвоприношения в обязательном порядке, принесли за благо Афин жертвы еще и «Демосу римлян». Год Плейстэна, как стало известно недавно, приходится не на начало II в. до н. э., а на один из годов, следовавших непосредственно за посольством философов 155 г.²⁶ Речь могла идти о единовременной жертве по особому поводу, так как римский Народ перечислен в обычном наборе божеств только здесь и ни в одном из пятнадцати подобных документов от 178 до 154 г., а также ни разу в более поздних текстах²⁷. Персонификация собственного народа была хорошо знакома афинянам с V в., а в 229 г. был введен государственный культ Демоса и Харит (с.179). Но отбивать поклонны чужому Демосу было чем-то иным. К греческим государствам, первыми начавшим чтить персонифицированный *populus Romanus*, относились, по-видимому, острова Самос и Родос, а также город Лаодикея на Лике в Малой Азии — Самос в 188 или после 168 г., Родос в 163 г. и примерно тогда же Лаодикея. Афины отстали от них ненамного, однако довольствовались, по-видимому, единокровным жертвоприношением и не соорудили, на манер памятников тех государств, особого монумента²⁸.

Точно так же лишь единожды засвидетельствован в то время

²⁶ Agora XV 180, 7 — 12; о датировке см.: *Tracy St.* // *Horos.* — 1989 — 1991. — Vol. 7. — P. 41 — 43. Иначе: *Traill J.S.* // *ZPE.* — 1994. — Vol. 103. — P. 109 — 114.

²⁷ Agora XV. — P. 194 — 229, о текстах вплоть до 155/4 г. включительно.

²⁸ О названных и других свидетельствах см.: *Habicht Ch.* // *AM.* — 1990. — Vol. 105. — S. 259 — 268, где, однако, рассмотрена воздвигнутая в храме Афины на Родосе культовая статуя римского Демоса 30 локтей в высоту (*Polybios* 31, 4, 4).

праздник Ромеи в честь богини Ромы, что опять же было символом непрекращавшейся преданности города Риму. Во всяком случае, его отпраздновали в год архонта Лисиада, исполнявшего должность в 149/8 г. (или в один из годов, близких к этой дате)²⁹.

В 146 г. стало явлю то, что за восемьдесят лет до того заявило о себе как о туманном призраке, «облачках с запада», а затем шаг за шагом принимало все более отчетливые очертания — утверждение римлян на греческом материке. Если даже тогда никто не мог и подумать, что римляне на века станут их хозяевами и пустят глубокие корни в их землю, то современники все же очень отчетливо осознавали, что они переживают начало новой эры. Лишь с разгромом Фив Александром Великим в 335 г. можно сравнить варварское разрушение римлянами другого древнего и славного города: оба события положили начало обременительному чужеземному владычеству. Ужас, который должен был охватить греческое общество при виде стертого с лица земли Коринфа, еще более усиливался одновременным разрушением Карфагена после преднамеренно спровоцированной римлянами войны. Нет никакого сомнения в том, что и это событие не осталось в Греции без внимания, ведь именно в Афинах оно оставило след в литературе. Прошло уже семнадцать лет, как там поселился Гасдрубал, поступивший в 159/8 г. учеником Карнеада в Академию и принявший греческое имя Клитомаха. Как выдающийся ученик своего учителя он наследовал ему позже в руководстве Платоновой школы. На трагедию, постигшую его родину, он откликнулся утешением, которое думал послать плененным римлянами карфагенянам, дабы поднять их дух; еще столетие спустя его читал Цицерон³⁰.

От судьбы Коринфа и Карфагена на римских союзников в греческом мире как будто повеяло ледяным дыханием. Афины вышли из этих событий без потерь, но политическая арена Афинского государства ощутимо сузилась.

3. Афины и Дельфы

Отношения Афин и Дельф становились во второй половине II в. все более и более тесными. В ходе их развития стены сокровищницы афинян в Дельфийском святилище, уже покрытые множеством надписей, заполнялись все новыми и новыми документами большего или меньшего объема³¹. Около 140 г. до н. э. афинские судьи по призыву

²⁹ IG II² 1938.

³⁰ Cicero, Tuscul. 3, 54. О Клитомахе см.: v. Arnim H. // RE. Kleitomachos. — 1921. — Sp. 656 — 659; Dorandi. Ricerche. — P. 11 — 16.

³¹ Они опубликованы Ж. Коленом во 2-м выпуске III тома «Fouilles de Delphes».

сторон разрешили спор о линии границы Дельфиды с Амбриссом и Флигонионом;³² по завершении дела двое афинян из первейших и породнившихся между собой фамилий получают дельфийские почести: Микион из Кефисии, из семейства освободителя 229 г., вероятно, в качестве священного посла на праздновании Сотерий³³, и Леон, сын Кихесия из Айксионг³⁴. Около 145 г., либо чуть раньше или позже, из Дельф прибыла в Афины посольская коллегия с просьбой отрядить афинских граждан в качестве судей по спорному делу, суть которого из-за повреждения повествующей об этом дельфийской надписи не поддается выяснению³⁵. Еще одно досье из четырех найденных в Дельфах документов показывает, что во второй половине II в. Афинам было как-то поручено разбирательство в одном затянувшемся деле. Спор между восточнолокридскими городками Скарфеей и Тронионом вертелся вокруг того, кому должно было отойти право голоса в Амфиктионии, причитавшееся западным локрам. Местечко Скарфея настаивало передать это право союзу восточных локров, в котором оно — что следует из логики вещей — обладало решающим влиянием, тогда как Тронион требовал для себя раз в три года посылать делегата по собственному усмотрению, так как город регулярно нес треть сопряженных с членством в Амфиктионии расходов. Прежний афинский трибунал, состоявший из сотни с лишним членов, решил в свое время дело в пользу Скарфеи; на сей же раз из 61 разбиравших это дело афинян подавляющее большинство стало на сторону Трониона, а именно 59 против 2 голосов. Хотя эти документы дошли до нас не полностью, в основном суть дела ясна, в отличие от даты вынесения афинянами судебного решения: до 146 г. — по Клаффенбаху, около 100 г. — согласно подсчету большинства исследователей³⁶.

Приведенные свидетельства показывают, что у Афин с Дельфами установились в это время теплые отношения, видные афинские граждане получали дельфийские почести, а сам город Дельфы неоднократно доверял решение спорных вопросов афинским судьям. Эти отношения стали еще более тесными и дружескими с тех пор, как Афины в 138 г. возобновили старую, но вымершую начиная с IV в. традицию — время от времени воздавать почести Аполлону Дельфийскому торжественным шествием, названным Пифаидой, и мусическими представлениями. Эти Пифаиды проводились в 138, 128, 106 и 98 гг., от каждой из них дошли многочисленные документы, высе-

³² FD III 2, 142; 136.

³³ FD III 2, 140, 141. Об этой фамилии см.: *Habicht Ch. Studien.* — S. 179 — 182.

³⁴ FD III 2, 93. Об этой фамилии см. *Habicht Ch. Studien.* — S. 194 — 197. Некий Кихесий был женат на Габриллиде, дочери Микиона (неизданная надпись).

³⁵ FD III 2, 243.

³⁶ FD III 4, 38 — 41; *Klaffenbach G. // Klio.* — 1926. — Vol. 20. — S. 68 — 88; *Daux. Delphes.* — P. 335 — 341; *Klaffenbach // Gnomon.* — 1938. — Vol. 13. — S. 17 — 19.

ченные афинскими резчиками на стенах сокровищницы афинян в Дельфах и содержащие среди прочего имена всех участников³⁷. В первой из этих процессий приняли участие 14 священных послов, далее 57 эфебов, 39 мальчиков хора с двумя хорегами и 11 канефорам. В 128 г., кроме того, участвовали архонты, 60 всадников и 59 праздничных артистов (так называемых технитов Диониса), число которых в 106/5 г. выросло ровно до сотни. Более 500 афинян вышли в том году на Пифаиду³⁸.

Из сообщений об этих шествиях начиная с 128 г. особенно бросается в глаза роль праздничных артистов, которые своим искусством воздавали хвалу богу города Аполлону. Это были актеры, музыканты, певцы, поэты и танцоры, объединявшиеся с III в. в профессиональные союзы. Старейшим подобным объединением была афинская гильдия технитов, куда принимались лишь афинские граждане. Наряду с нею большое значение на греческом материке имел прежде всего истмийский союз. Участники объединений разъезжали как бродячие труппы, меняя свой состав от праздника к празднику, от места к месту. Поскольку их деятельность считалась богослужением, они почитались под стать жрецам и довольно рано стали получать привилегии. Так, афинским технитам уже весной 277 г., вскоре после отражения набега на Дельфы кельтов, Дельфийской амфикистией были предоставлены право неприкосновенности личности и освобождение от податей. Теми же правами располагали и техниты Истмы, что было вновь подтверждено консулом Луцием Меммием после разрушения Коринфа в 146 г.³⁹

Первоначально афинский союз десять лет подряд проводил в Дельфах мусические состязания на праздновании Сотерий, устраивавшемся Советом амфикистиев, и поначалу каждый год, но затем его вытеснила истмийская гильдия артистов. Однако на исходе II в. вместе с афинской процессией Пифаидой афинские артисты получили шанс снова утвердиться в Дельфах. Правда, о них ничего еще не слышно на Пифаиде 138 г., но на праздновании 128 г. они представлены уже в очень широком составе. Едва ли может быть случайным, что Амфикистия за шесть лет до того снова подтвердила права, полученные ими в 277 г.⁴⁰. Столь массовое выступление афинских

³⁷ FD III 2, 2 – 54, а также новый фрагмент: *Études delphiques*. – 1977. – P. 139 – 157. Ср.: *Boëthius A. Die Pythais. Studien zur Geschichte der Verbindungen zwischen Athen und Delphi*. – Uppsala, 1918; *Daux. Delphes*. – P. 521 – 583; *Tracy St.* // BCH. – 1975. – Vol. 99; idem, *Hesperia* – Suppl. 15, 1975.

³⁸ Списки у: *Tracy* // BCH. – 1975. – Vol. 99. – P. 215 – 218.

³⁹ IG VII 2413 – 2414. Существенно новые сведения ожидаются от неопубликованных надписей из Аргоса (*Delion*. – 1973 [1977]. – Vol. 28. – В 126; SEG XXXI 307).

⁴⁰ FD III 2, 68. Копии были выставлены в Афинах самими технитами (IG II² 1132, 52 – 94) и Афинским государством (*Hesperia*. – 1970. – Vol. 39. – P. 309 – 310).

артистов по прошествии столь малого срока было, разумеется, в первую очередь проявлением благодарности. Постановление Амфиктионов содержит весьма характерную клаузулу: привилегии должны иметь силу, «если у римлян не возникнет возражений». Амфиктионы явно не хотели создавать впечатления, что вторгаются в ту компетенцию, на которую могут претендовать римляне, как это сделал Муммий по отношению к технитам Истма.

Апогеем торжеств 128 г. стало исполнение нового гимна в честь Аполлона, сочиненного и озвученного к данному случаю афинянином Лимением. Его текст вместе с надписанными поверх нотами был вырезан на южной стене сокровищницы афинян вместе со схожим вторым гимном⁴¹. На представлении 128 г. наряду с инструментальными солистами, среди которых композитор Лимений был одним из кифаристов, выступали хор мальчиков, состоявший из 51 человека, и хор технитов из 39 голосов⁴², филологическая и музыковедческая наука так основательно разобрали этот текст (не без лакун) и музыку, что стало вполне реальным исполнение гимна на инструментах, воссозданных по древним оригиналам, и обученными певцами⁴³.

Это довольно короткая пьеса, примерно на десять минут исполнения. В немногословных стихах воспевается рождение Аполлона на Делосе и его пребывание в Афинах, его прибытие в Дельфы, единоборство с пифийским змием и его содействие в отражении нападения галлов. Заключительная ода взывает к Аполлону, Артемиде и Лето и вдобавок молит о заступничестве за Афины, Дельфы, технитов и Рим — да распрострется его власть вширь. В этих фразах запечатлелось согласие, воцарившееся тогда между Дельфами, Амфиктионией, Афинами и цехом афинских лицедеев, в которое теперь был принят и Рим.

Действительно, очень скоро обозначилось, что Афины и их техниты заручились благоволением Рима, судя по беспрестанному вмешательству Сената в ходе затянувшегося противоборства соперничавших между собой корпораций технитов Афин и Истма. Не во

⁴¹ FD III 2, 138. *Pöhlmann E.* Griechische Musikfragmente. — Nürnberg, 1960. — S. 59 — 71; *idem*, *Denkmäler altgriechischer Musik.* — Nürnberg, 1970. — S. 65 — 75. Новое издание: *Bélis A.* Les Hymnes à Apollon // *Corpus des Inscriptions de Delphes* Vol. 3. — 1992. FD III 2, 137 — это подобный ему второй гимн, написанный Афином или каким-то безвестным афинянином и исполненный в 138 либо 128 г. опять же по случаю Пифаиды.

⁴² FD III 2, 47, где композитор вместе с одним из родственников, вероятно, своим братом, назван в строках 21 — 22. Его брат Тоинос, видимо, не кто иной, как монетный магистрат Афин 114/3 и 113/2 гг. (*Habicht Ch.* // *Chiron.* — 1991. — Vol. 21. — S. 21 — 22).

⁴³ Гимн Лимения был впервые в наше время снова исполнен 19 сентября 1992 г. в античном театре Дельф французским ансамблем под руководством Анни Белис.

всем однозначно протекавший спор едва ли нуждается в подробном изложении⁴⁴. Одно из первых постановлений Сената, пытавшегося добиться сотрудничества обеих гильдий, привело не к желаемой цели, но лишь к дальнейшему разжиганию страстей в присутствии римского проконсула Македонии Корнелия Сисенны в 119/8 или 118/7 г., потом к расколу в истмийском союзе, после того к еще одному, опять же безрезультатному сенатскому постановлению и в конце концов, в июне 112 г., к разбору дела в Сенате, когда были заслушаны представители обеих сторон. Тогда Сенат однозначно и бесповоротно вынес решение в пользу афинских технитов и начертал тем самым путь гибели истмийского союза⁴⁵.

То, что римские инстанции вообще занялись таким делом, которое, казалось бы, должно было относиться к внутригреческой компетенции, объясняется тем, что Рим в итоге Ахейской войны 146 г. получил право распоряжаться областями Греции, где помещались центр и сфера деятельности истмийского союза технитов, и тем, что привилегии этому объединению назначил консул Муммий. По другую сторону (а это имеет значение в рамках афинской истории) стояло Афинское государство, целиком занявшее решительную позицию своих праздничных артистов, и не какие-нибудь посланники тех, но послы Афин представляли в Риме их интересы в Сенате. Ведь и Дельфийская амфикифия уже давно приняла сторону Афин и их артистов и в разгар конфликта, в 117 г., составила постановление прямо-таки в стиле гимна — «подлинный панегирик Афинам»⁴⁶. В выражениях, в чем-то восходящих к Панегирику Исократ 380 г., Афины восхваляются прямо-таки как корень и очаг всех добрых дел на земле. Афины — как сказано — обуздали животную натуру людей и сделали возможным человеческое сосуществование; Афины получили от богини Деметры в дар земледелие и поделились им с остальными греками; закон и цивилизованность также происходят из Афин, равно как и мистерии, трагедии и комедии. Таковы были хвалебные титулы, с течением времени присвоенные себе афинянами, — на протяжении веков они продолжали оказывать свое воздействие и

⁴⁴ Подробное изложение его см.: *Daux. Delphes.* — P. 356 — 372. Ср.: *Poland F. // RE V.* — A 2 *Technitai* (1934). — Sp. 2504 — 2507.

⁴⁵ В постановлении Сената 112 г. отражены отдельные этапы этой коллизии: *FD III 2, 70; Sherck R.K. Roman Documents from the Greek Near East.* — Baltimore, 1969, № 15.

⁴⁶ *FD III 2, 69 (IG II² 1134, 1 — 63).* Цитата из: *Klaffenbach G. // Gnomon.* — 1938. — Vol. 14. — S. 20. Традиционная датировка 117 г. предпочтительнее предложенной, правда с оговорками, Ж. До даты 125 г., как доказывают, почти наверняка, новые фрагментарные документы: *Hesperia 45, 1976, 287, № 3.* Ср.: *Tracy. ALC.* — P. 190 — 191. Тогда улаживание так наз. «скандала 125 г.» в Дельфах (*Daux. Delphes.* — P. 372 — 386) относится к 117 г., так как дельфийский архонт Эвриклид был тем, по которому датирован и декрет Амфикифионов.

создали соответствующую легенду Афин⁴⁷.

В разобранных документах тех лет, с 117 по 112, римляне выступают как «всеобщие благодетели» — они и прежде многократно назывались так в других частях греческого мира. Этим эпитетом наградили их Афинское государство, Совет амфикионов и дионисийские техниты, которые, кстати, регулярно приносили им жертвы, как Дионису и прочим богам⁴⁸. По теплоте отношений Афин к Риму эти годы, судя по всем данным, сделались кульминационным моментом. Такой же теплотой отличались отношения Афин и Дельф на протяжении сорокалетнего периода, с 138 по 98 г., который предоставил нам свидетельства о процессии Пифаиды, причем участие в торжественном шествии 106/5 г. большого числа афинян должно было потребовать и невероятно больших расходов.

---

⁴⁷ Ср.: Buchner E. *Der Panegyrikos des Hippokrates*. — Wiesbaden, 1965. — S. 45 — 65: «культурное влияние Афин на Элладу». Ср. также: Wilhelm Ad. // SAWW. — 1947. — Vol. 224, № 4. — S. 49 — 53. Поздние источники суть: Cicero, *pro Flacco* 62; Plutarch, *mor.* 345 F, взято из: *De gloria Atheniensium*; Plinius, ep. 8, 24, 2; Augustin, *De civitate dei* 18, 9.

⁴⁸ IG II² 1134, 69; FD III 2, 70, 45 — 46. Ср.: Ferrary. *Philhellénisme et Impérialisme*. — Roma, 1988. — P. 124 — 132; Erskine A. // *Historia*. — 1994. — Vol. 43. — P. 70 — 87.

1. Внешние связи

Вопреки прежним представлениям, нет никаких признаков того, что в добрых отношениях Афин с птолемеевским царским двором в Александрии во второй половине этого столетия якобы наступил длительный перерыв. Ведь и в период долгого правления царя Птолемея VIII Эвергета II (145 — 116 гг.) в Афинах регулярно справлялся праздник Птолемеи. Свидетельства сердечного характера этих отношений снова всплывают при его сыне и преемнике Птолемеи IX Сотере II (116 — 107 и 88 — 80 гг.). В 111/10 г. он совершил крупное пожертвование в гимнасий на Делосе¹, а несколькими годами позже поэт Антисфен из Пафоса прославил в своей эпиграмме дружбу, царившую между Афинами, Египтом и Римом². От этого царя, как говорит Павсаний, афиняне сподобились множества благодеяний³. Пока стояла династия Птолемеев, от ее основателя Птолемея I до последней царицы этого дома Клеопатры, Афинам постоянно была обеспечена дружба египетских монархов.

Скупы также дошедшие до нас сообщения о связях Афин в это время с Селевкидами, поскольку и здесь, как и повсюду, сохранился до сегодняшнего дня лишь один малюсенький осколочек античных свидетельств⁴. Вместе с тем они говорят о многом. От второй половины II в. происходит афинский декрет в честь одного из придворных царя Деметрия II, восседавшего на троне с 150 по 140 и повторно с 129 по 125 г. — при его правлении в июне 142 г. была провозглашена независимость иудеев во главе с отцом Гиркана Симоном⁵. В 140/39 г.

¹ I Délos 1531. *Audiat J.* // EAD 28, Le gymnase, 1970, 32. Cp. I Délos 1532, 2037.

² I Délos 1533. *Hauben H.* // ZPE. — 1977. — Vol. 25. — P. 225.

³ Pausanias 1, 9, 3.

⁴ О нижеследующем см.: *Habicht Ch.* Athen und die Seleukiden // Chiron. — 1987. — Vol. 17. — S. 7 — 26.

⁵ *Wilhelm Ad.* // SAWW. — 1915. — Vol. 179. — S. 21 — 23; *Habicht Ch.* // САН VIII². — 1989. — P. 367 — 368.

Деметрий попал в плен к парфянам, где, хотя и был женат на Клеопатре, как пленный взял в жены одну из дочерей парфянского царя; в ответ на это Клеопатра выбрала себе в мужа своего брата Антиоха, в 139/8 г. вступившего на трон как Антиох VII. Рожденный в 141 г. Клеопатрой сын Деметрия царевич Антиох был послан матерью для обучения в Афины — лишний показатель того, что город все еще считался местом, способным дать высшее образование⁶.

Антиох VII Сидет сам заботился об Афинах. В годы его десятилетнего правления (139 — 129 гг.) высокопоставленный уполномоченный на его службе по имени [Ме]нодор (или [Зе]нодор) был почтен в Афинах пространнным декретом, из которого можно извлечь интересные подробности. Царский выбор не случайно пал на Менодора: уже его отец Эвмен в благодарность за помощь, которую тот оказал афинским послам в Антиохии, был награжден афинянами предоставлением права гражданства и прожил некоторое время в Афинах. Менодор был приглашен выступить перед Народным собранием и держал там речь. Он напомнил о дарах селевкидского правителя городу и о заслугах, которые имели перед Афинами предки его царя, затем он говорил о том, что и сам царь придерживается тех же взглядов. Отсюда видно, что Антиоху VII вроде бы еще не представилось удобного случая оказать благо Афинам; акцент целиком лежит на благодеяниях его предков, под которыми в первую очередь следует разуместь Антиоха IV Эпифана. Таким образом, речь может идти о посольстве, посланном возвестить афинянам о вступлении на престол нового царя и заверить их в том, что новый монарх будет и впредь продолжать столь же благоприятную для города политику своих предков. Посол был отмечен такими же высокими почестями, какие чуть позже получит Иоанн Гиркан — золотой венок и бронзовую статую, которая должна была быть выставлена на агоре рядом со статуей царя⁷.

Примерно тогда же или чуть раньше афиняне даровали гражданство другому мужу, состоявшему на службе селевкидского царя — милетянину Менестею, сыну Аполлония. Он принадлежал одному знатному милетскому семейству, члены которого на долгие годы посвятили себя служению селевкидским царям — среди них помимо Менестеева отца Аполлония, который при Селевке IV и Антиохе IV в 70-е годы был царским наместником в Келесирии, Селевкидам служили его братья Мелеагр и Аполлоний, возможно, впрочем, и другие. Менестей и оба

⁶ *Appian, Syriake* 361. Сам царевич получил царство в 125 г.

⁷ *Tracy St. V.* // GRBS. — 1988. — Vol. 29. — P. 383 — 388; автор распознал в этом царе, в котором прежде хотели узнавать Антиоха IV, наиболее вероятно Антиоха VII Сидета, а Антиоха IV — среди прославляемых декретом предков его. Деятельность резчика, начертавшего этот декрет, засвидетельствована для периода от ок. 135 до 122 г.

его брата побывали вместе с царевичем Деметрием в Риме и помогли ему, заложнику, в 162 г. бежать из плена, что возвело его на трон как царя Деметрия I. Кто бы ни был царем, пославшим Менестея в Афины, для исполнения этой миссии определенно был выбран человек, пользовавшийся большим уважением и доверием царя⁸.

Отдельные детали свидетельства проливают свет на связи Афин с каппадокийским царем Ариаратом IV, правившим своей державой начиная с 163 г. до своей смерти во время борьбы с Аристоником в 130 г. Он известен как устроитель праздника Великих Панафиней в один из точно не установленных годов;⁹ сие, видимо, должно означать, что этот титул был ему дарован в признание его солидного пожертвования на устройство праздника и что конкретные функции агонифета были приняты на себя одним из афинских граждан — царева милость позволила тому не трогать свое собственное состояние. Ариарат с супругой Нисой выступил также благодетелем афинского объединения праздничных артистов и предоставил им в своем царстве право неприкосновенности личности и имущества. Это следует из пространныго декрета технитов в честь его и Нисы¹⁰, которым они выразили свою благодарность царю. Они установили ежемесячные и ежегодные праздничные дни в честь Ариарата и отождествили его с Дионисом тем, что воздвигли его культовое изваяние рядом со статуей бога. Далее декрет повествует, что как техниты, так и Афинское государство поддерживали дипломатические сношения с царством Каппадокии. Для пересылки царю декрета благодарности техниты выбирают трех человек из своей среды. Становится ясным, что у них в Каппадокии были свои профессиональные интересы и что они находились под покровительством царя. Один афинский атлет, победивший на более чем тридцати играх в Греции, получил, как позволяет понять его почетная база на Делосе, победный венок и от царя Ариарата — значит, он успешно выступил на одном из состязаний, устроенных каппадокийским царем¹¹.

О контактах Афин с городами сиро-финикийского региона, весьма оживившихся благодаря приобретению Делоса, речь уже шла выше.

⁸ IG II² 982 (*Osborne*, Naturalization 1, 229, D 113). *Herrmann P. Milesier am Seileukidenhof.* // *Chiron.* — 1987. — Vol. 17. — S. 171 — 192, особенно s. 175 — 179, где разобраны все свидетельства. Этот афинский декрет, датированный Ад. Вильгельмом около 150 г., отнесен С. Треси ко времени, близкому к 130 г. (ALC 241).

⁹ AE. — 1948 — 1949. — P. 5 — 9; *Robert J.* et L. // *Bull. épigr.* — 1951, 79.

¹⁰ IG II² 1330. Об этом см.: *Robert L.* *Etudes épigraphiques et philologiques.* — Paris, 1938. — P. 39 — 40; idem, *Noms indigènes de l'Asie Mineure gréco-romaine.* — Paris, 1963. — P. 495 — 496.

¹¹ I Délos 1957. Гражданину города Ариаратея, основанному предшественником этого царя Ариаратом IV, афиняне около середины II в. предоставили гражданские права (*Osborne*, Naturalization 1, D 112).

Эти связи простирались, однако, и далее. Особого упоминания заслуживает здесь единственный в своем роде документ, подаренный нам счастливым случаем. В «Иудейских древностях» позднего I в. н. э. Иосиф Флавий поместил много документов более раннего времени с целью представить их перед глазами читателей, чтобы они увидели, каким высоким уважением пользовался во II в. у царей и городов иудейский народ, возродившийся как нация благодаря восстанию Маккавеев, какие привилегии получили иудейские подданные того или иного царя и иудейские общины в его царстве или в державе римлян. Среди них находится и афинский декрет от весны 105 г. в честь верховного жреца и предводителя иудейской нации Иоанна Гиркана, который, говорят, постоянно выказывал свое расположение и готовность прийти на помощь афинскому народу вообще и отдельным гражданам в частности. Он дружески принимал у себя как тех, кто приходил к нему с посольствами, так и прибывавших по собственным делам и затем заботился о сопровождении, дабы обеспечить им безопасное возвращение на родину. Об этом народе сообщалось и ранее, равно как и об услужливости этого человека и о его готовности постоянно творить афинянам благо. Гиркан получает золотой венок и бронзовую статую в святилище Демоса и Харит, и на будущее намечаются дополнительные почести. Из состава всех афинских граждан избираются послы, которые должны были вручить почетное постановление и подвигнуть этого вождя и далее творить городу благо¹².

Отсюда выясняется, что Афины путем государственных посольских миссий поддерживали дипломатические контакты с этим иудейским вождем и что афинские граждане, из коих большинство, преследуя, видимо, свои коммерческие интересы, наезжали в его домен и отправлялись оттуда назад. Далее, становится очевидным, что Гиркан был живо заинтересован в поддержании связей с Афинами и афинскими гражданами, что не должно вызвать удивления, если принять во внимание возмужавшую секуляризацию Хасмонейской династии и ее интеграцию в эллинистический мир.

Война римлян против Аристоники (131 – 129 гг.), провозгласившего себя «царем Эвменом III» и желавшего занять место преемника последнего царя Пергама, а также переустройство отношений в западной Малой Азии в связи с созданием римской провинции Азия — все это предмет одного неполно сохранившегося декрета, найденного на Делосе¹³. Долгое время было неясно, к какому периоду он относится: то ли к годам делосской независимости до 167 г., то ли ко времени афинско-

¹² Josephus, *Ant.* 14, 149 – 155. Три названных в тексте декрета афинянина известны из других источников (несмотря на небольшие искажения в именах, которые основаны на ошибках традиции). Wilhelm Ad. // *Philologus* 1901. 60. S. 487; idem. // *JÖAI* 1905. 8. S. 238.

¹³ IG XI 713.

го господства. Отсюда было неясно и то, относится ли упомянутый в нем переход римского войска в Азию к войне против Антиоха или к борьбе с Аристоникум, а также составлен ли декрет свободной общиной Делоса, Афинами или каким-то другим государством¹⁴. Идентификация резчика надписи как мастера, работавшего в Афинах между 134/3 и 117/6 гг., определила, что речь идет о войне Аристоникум и о постановлении афинского народа¹⁵. Чествуемым мог быть один из афинских эпимелетов на Делосе, исполнявших должность во время войны.

В самом конце этого столетия афинские военные суда с их экипажами еще раз поддержали римлян в походе, который предпринял проконсул Марк Антоний в 102 — 100 гг. против пиратов южного побережья Малой Азии. Это было первой серьезной попыткой Рима поставить заслон их промыслу. Упадок морского владычества Родоса и нараставшее ослабление державы Селевкидов, которой Киликия еще продолжала номинально принадлежать, привели к вызывавшему опасения расширению зоны бесчинств пиратов, создавших опорные пункты и притоны в сильно изрезанной прибрежной местности Киликии. Найденная в Коринфе латинская эпиграмма сообщает, что Антониев флот переправился через Истм в Саронический залив, но после того, как сам Антоний поплыл вперед в Сиду Памфилийскую, остался там под началом легата (Луцилия) Гирра и из-за непогоды временно бросил якорь в гавани Афин¹⁶. Цицерон подтверждает, что экспедиция задержалась в Афинах ввиду беспокойного моря¹⁷. Далее Тацит сообщает, что поход Антония поддержал Византий, а из одной надписи с Родоса следует, что в этом принимали также участие родосские суда и римский квестор Авл Габиний¹⁸. Об участии Афин свидетельствуют остатки внушительного монумента в честь афинских навархов, найденного в Пирее и относящегося к этому походу¹⁹. Чествуемый, имя которого не сохранилось, происходил из знатного рода Кериков, от лица которого он однажды исполнял даже должность архонта. За свои заслуги на посту командующего афинским флотом он был награжден венками от афинских экипажей кора-

¹⁴ Durrbach F., Jardé A. // BCH. — 1990. — Vol. 28. — P. 278 — 280, № 5; Roussel P. ad IG XI 713; Baslez M.-F., Vial C. // BCH. — 1987. — Vol. 111. — P. 294 et note 68.

¹⁵ Tracy St. V. // AM. — 1992. — Vol. 107. — P. 303 — 306.

¹⁶ Degraffi. Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae, — 2 ed. Göttingen. — 342 (Corinth VIII 2, № 1). Об этом см.: Broughton T.R.S. // TAPhA. — 1946. — Vol. 77. — P. 35 — 40, и особенно: Ferrary J.-L. // MEFRA. — 1977. — Vol. 89. — P. 639 — 643.

¹⁷ Cicero, De or. 1, 82.

¹⁸ Tacitus, Ann. 12, 62; IGR 4, 1116.

¹⁹ IG II² 3218. Самые основательные комментарии: Robert L. // RPh. — 1944. — Vol. 70. — P. 11 — 17 (OMS 3. — P. 1377 — 1383); RN. — 1977. — P. 24 — 25 (OMS 6, 186 — 187). Ср. также: Troxell H. The Coinage of the Lycian League. — New York, 1982. — P. 94 — 95; Nollé J. Side im Altertum. — Köln, 1993. — Vol. 1. — P. 69 — 71, и с воспроизведением текста S. 231 — 232; ТЕР 30.

лей, Ликийского союза, а также ликийских городов Фаселиды и Меры, далее от Сиды Памфилийской и Келендериды Киликийской. Остров Китнос почтил его за то, что тот его освободил, то есть скорее всего вырвал из рук пиратов. Решающим для датировки памятника служит то, что города Сиды и Фаселиды стояли тогда на стороне римлян и еще не попали, как после первой войны с Митридатом, в руки пиратов²⁰. Тем самым исключена возможность связи предполагаемого на основании афинского памятника похода с действиями Публия Сервилия Ватии (78 — 74 гг. до н. э.) или Марка Антония Кретики (74 — 71 гг.) против пиратов, из которых последний вообще даже не достиг района Восточной Эгеиды.

Почтенный этим памятником наварх должен был, как участник похода старшего Антония, исполнять должность либо в 103/2 году, либо в следующем. Случаю было угодно распорядиться так, что в длинной надписи, в которой перечислены взносы высших чинов того времени на устройство названной Пифаидой процессии в Дельфы 98/7 г., упомянуты и афинские навархи со 103/2 по 97/6 г. Искомый адмирал должен быть членом рода Кериков. В 103/2 г. навархом был Кефис²¹, и он мог быть тем мужем, коему поставлен этот памятник, поскольку в одном из самых знатных семейств рода Кериков того времени встречается имя Кефисодора как жреца при алтаре в Элевсине. Его отец Филистид и его брат Филоксенид исполняли даже, сменяя друг друга, одно из двух высших афинских жречеств — то есть были дадухами, под стать которым был разве что гиерофант — опять же в Элевсине. Если гиерофантов поставлял род Эвмолпидов, то дадухи и жрецы при алтаре всегда набирались из рода Кериков²². Впрочем, известный в Элевсине Керик Кефисодор одним поколением старше наварха, о котором идет речь и чье имя теперь может быть дополнено как Кефис[одор], однако нетрудно предположить, что этот наварх был сыном одного из братьев — Филоксенида или Кефисодора. Независимо от корректности идентификации, надежно установлено участие афинской флотилии в экспедиции старшего Антония против пиратов.

Что касается внешних сношений Афин с государствами греческого материка в это время, то о связях с Дельфами речь уже подробно шла выше. Не подлежит никакому сомнению, что Афины и на исходе II в. поддерживали оживленный обмен со многими другими государствами Греции в политической и экономической, правовой, культурной и религиозной сферах. Однако лишь от случая к случаю чудом сохранив-

²⁰ О Сиде: *Strabo* 14, 3, 2 (p. 664 C); о Фаселиде: Cicero, in *Verr.* 4, 21; *Strabo* 14, 5, 7 (P. 671 C). *Ruge W.* // RE. Phaselis (1938). Sp. 1879.

²¹ *Tracy St. V.* IG II² 2336, Contributors of First Fruits for the Pythais. — 1982. — P. 37, L. 19.

²² *Clinton. Officials.* — P. 51, № 9; 82, № 11. Текст, называющий обоих братьев на их сакральных должностях, приведен на с. 51, строки 42 — 44 (SEG XXX, 93).

шиеся свидетельства позволяют бросить на эту деятельность беглый взгляд, если действительно не просто составлен долгий перечень подобных контактов, но донесен и до наших дней. Не так давно появился на свет афинский декрет конца данного столетия, вделанный в стену монастыря Святого Луки в Фокиде. В нем воздаются почести по меньшей мере трем братьям города Стириса, однако настоящей сенсацией этой находки стало то, что она познакомила нас с самостоятельной выборной должностью Афин, отвечавшей «за прием друзей и союзников». Исполнявшему ее вменялось в обязанность среди прочего приглашать официальных гостей на угощение в пританей²³.

Такими гостями были, к примеру, в 109/8 г. несколько граждан из Ларисы в Фессалии. Несмотря на сильную ориентацию Афин на Рим, с конца Ахейской войны, естественно, продолжали существовать и далее такие международные дела, которые решались и без консулаций с Римом. Так, между Афинами и городом Сикионом в Пелопоннесе (соответственно, между гражданами обоих полисов) имелись спорные моменты, для улаживания которых, по взаимному соглашению прежних еще времен, город Лариса должен был взять на себя функции арбитра. И вот тогда Ларисой была создана судебная коллегия из пяти членов, которая, посетив Сикион и Афины, часть спорных вопросов уладила полюбовно, другую же решила в судебном порядке. В Ларисе был найден афинский декрет, выражающий благодарность городу Ларисе за его помощь и судьям за их деятельное участие²⁴. И судьи, как водится, были приглашены перед обратной дорогой на общественное угощение. С Ларисой — главным городом Фессалийского союза — Афины поддерживали дипломатические отношения еще в ранние годы II в. О них свидетельствует изданный этим городом в 80-е годы данного столетия декрет в честь послов из Афин, а также чествование одного происходившего из знатной семьи политика Ларисы Советом и народом Афин во второй половине того же столетия²⁵, в то же самое время, около 140 г. до н. э., один из граждан Нартакиона в Малиде, входившего в Фессалийский союз, заведывавший как проксен афинян²⁶.

Два документа, начертанные на одной и той же стеле и выставленные на Афинском акрополе, отражают отношения конца II в. Афин с Элидой — патроном Олимпии и Олимпийских игр²⁷. Нако-

²³ AAA. — 1971. — Vol. 4. — P. 439 — 443 (E. Vanderpool).

²⁴ BCH. — 1935. — Vol. 59. — P. 66 — 67. Улучшенное издание с комментарием ожидается от Ф. Готье.

²⁵ IG XI 2, 506 — из Ларисы, а также оба объединяющихся в один афинский декрет фрагмента: IG II² 933 + Hesperia 29, 1960, 76, № 154 (*Habicht* // ZPE. — 1976. — Vol. 20. — S. 193 — 199).

²⁶ IG IX 2, 90, L. 13. О датировке см.: *Stählin F.* // RE Narthakion (1935). Sp. 1762 — 1763.

²⁷ IG II² 1137.

нец, о международном авторитете Афин того времени свидетельствует то, что акты союза критских городов Литтоса и Олунта 111/10 г. были выставлены на Акрополе в дополнительной, предназначенной для нейтрального места копии²⁸.

Постановление Народного собрания Афин в честь гражданина критского города Аптеры было обнаружено на Агоре²⁹.

В конце этого столетия в Афинах награждаются послы беотийского города Феспии, по всей видимости, в связи с тамошними торжествами по случаю праздника Эротидей; несколько афинских священников посланников названы поименно³⁰. В упомянутую выше Беотию вводит и декрет одного союза 122/1 г. из области разрушенного в 172 г. города Галиарта, чья территория в 167 г. была передана Сенатом афинянам. Он датирован — поскольку афинский контроль еще продолжался — по афинскому архонту и называет одного афинского уполномоченного над этой областью³¹.

2. Внутренние отношения

Судя по многим признакам, 65 лет, минувшие от окончания войны с Персеем до рубежа веков, явились для Афин временем всевозраставшего благополучия, достигшего в последней трети столетия своего пика, когда Афины, как и Делос, сделались важными перевалочными пунктами товарообращения между Италией и новой римской провинцией Азия. Об этом в науке нет несогласия во мнениях, равно как и о том, что обладание Делосом стало первопричиной этого нового процветания³². Уже к середине II в. политическое руководство государством сосредоточилось в руках членов семейств состоятельных земельных собственников, таких как Эвриклд и Миксион из Кефисии, Эхедем и Мнеситей из Кидатенайона, Леонт и Кихесий из Айксоны, Габрон и Офелай из Баты, Мильтиад из Марафона, Никоген и Никон из Филанд и породнившийся с ними Адеймант из Икарии³³. Если Аттик столетие спустя и вправду собирался ответить Цицерону на вопрос, кто

²⁸ IG II² 1135 = *Inscriptiones Creticae* 1, 187, № 9.

²⁹ *Hesperia* 29, 1960, 20, № 26, с исправлением имен: *Robert J. et L.*, *Bull. épigr.* — 1961, 264, P. 156.

³⁰ IG II² 1054.

³¹ IG VII 2850. Новое комментированное издание: *Roesch P. Études Béotien-nes.* — Paris, 1982. — P. 168 — 171.

³² *Day. History.* — P. 50 — 119; *Rauh N. K. The Sacred Bonds of Commerce, Religion, Economy, and Trade Society at Hellenistic Roman Delos.* — Amsterdam, 1993.

³³ О трех фамилиях, названных первыми, см.: *Habicht Ch. Studien.* — S. 179 — 182, 189 — 197; о Габроне: *Davies. APE* 7856; о Мильтиаде: *Shear T.L. Jr. // Hesperia.* — 1971. — Vol. 40. — P. 257 — 258; о Никогене: *Habicht Ch. // Hesperia.* — 1991. — Vol. 60. — P. 209; об Адейманте: *Habicht Ch. // Chiron.* — 1991. — Vol. 21. — S. 7.

же в Афинах в 155 г. — в момент спора из-за Оропа и посольства философов в Рим — был самым выдающимся политиком, то он наверняка назвал бы по именам членов только что перечисленных фамилий³⁴. В конце столетия эти семьи были, однако, если не вытеснены, то отодвинуты в тень другими фамилиями, ранее не выступавшими на авансцену. Это прежде всего семейства Сарациона из Мелиты, Медея из Пиррея, Пирра и Биттака из Ламптры, а также другие, идентифицированные и проанализированные в новейших исследованиях³⁵. Это в подавляющем большинстве те фамилии, которые имели повышенный торговый интерес к Делосу и, по всей видимости, таким путем очень скоро достигли богатства и влияния³⁶. И хотя члены старых семейств проявляли себя, как и прежде, в должностях и жречествах, в конце века посты с максимальным политическим перевесом все чаще стали занимать те самые нувориши, на первом месте — должность стратега гоплитов. Второе место уже с 128 г. занимал глашатай Ареопага, за которым по иерархической лестнице следуют два магистрата на Делосе, эпимелет острова и эпимелет эмпория³⁷.

Становившийся в это время все более тесным симбиоз Афин и Делоса отражается не только в возрастающем числе италийских фамилий — члены которых кроме Делоса встречаются и в Афинах, — но и вообще в нарастающем количестве осевших в Афинах чужеземцев как раз из тех областей, которые особенно заметно представлены на афинском Делосе. Через их посредство в Афины попадали также в большем числе, чем прежде, чужие боги и иноземные религиозные общины, из чего с полным правом сделан вывод, что царивший на Делосе космополитизм оказал воздействие и на Афины, где, правда, и раньше для иноземцев были раскрыты все двери³⁸. Он проявил себя и в эфебии, как на Делосе — там лишь чуть раньше, — так и в Афинах. В городе численность эфэбов начиная с середины этого столетия заметно подскочила. Если до конца Персеевой войны ежегодный набор насчитывал максимум 50 эфэбов, то в 20-е годы это число перевалило за сотню, в 117/6 г. их было не меньше 179, а в последнем десятилетии II в. около 140³⁹.

³⁴ *Cicero, Att.* 12, 23, 2.

³⁵ *Tracy St.* IG II² 2336, 1982, 159 — 168: «Delian Connections»; Geagan D.J. // *Phoenix*. — 1992. — Vol. 46. — P. 29 — 44.

³⁶ *Day. History*. — P. 100; *Candiloro E.* // *Studi classici e orientali*. — 1960. — Vol. 14. — P. 143.

³⁷ Табель о рангах чиновников и скопление граждан с меркантильными интересами на высших должностях особенно четко проявляется по длинной надписи от 103 — 96 гг.; об этом см.: *Tracy. Op. cit.* — P. 86 — 89, 172.

³⁸ *Day. History*. — P. 76 — 82.

³⁹ Для 128/7 г.: 107 эфэбов (*Hesperia*. — 1955. — Vol. 24. — P. 229, Z. 89), для 117/6 г.: IG II² 1009 (*Hesperia*. — 1946. — Vol. 15. — P. 213), для последнего десятилетия II в.: IG II² 1011 и *Hesperia*. — 1975. — Suppl. 15. — P. 32 — 48.

В этих цифрах отражается, несомненно, и то, что благосостояние охватило гораздо большие круги населения, чем прежде. Далее, институт эфебии, служивший для физической подготовки и высшего образования сыновей граждан, распахнул тогда свои двери и для детей состоятельных иноземцев, что произошло на Делосе раньше, чем в Афинах. Список делосских эфебов 126/5 г. содержит 18 имен, из них 17 с указанием гражданства. В их числе пятеро римлян, четыре афинских гражданина и шесть из городов восточного Средиземноморья: Александрии, Антиохии, Лаодикеи в Сирии, Сидона и Арада⁴⁰. В других надписях эфебов появляются выходцы из Тира, Дамаска и Маратунта.

В рядах столичной эфебии первые иноземцы — 17 из общего числа 124 эфебов — появляются в 119/8 г., тогда как предшествующие списки 128/7 и 123/2 гг. с почти двумястами вместе взятыми именами не содержат ни единого иностранца⁴¹. Для 15 чужаков этнические сохранились, и семеро их происходят из уже названных городов Антиохии, Бейрута, Лаодикеи, кроме того, один из Сол — из города либо на Кипре, либо в Киликии⁴². Однако не в пример Делосу в число столичных эфебов могли входить многие, кто искал в Афинах не торговой наживы, а образования, — ведь город по-прежнему обладал большой притягательной силой как центр обучения. Академик Клитоммах, эпикуреец Филонид из Лаодикеи в Сирии и стоик Панэтий с Родоса — самые знаменитые тому примеры. Недавно опубликованная надпись ионийского города Колофона рассказывает об изрядно послужившем своему отечеству согражданине Мениппе, который около середины этого столетия в молодом возрасте сопровождал праздничное посольство в Афины. Далее говорится: «Он остался там и учился у лучших учителей. Явив прекраснейшее доказательство усвоенного образа жизни и образования прежде всего городу, который ему их предоставил, он получил и от самих афинян заслуженные отличия — увенчание и право гражданства»⁴³.

В тексте декретов в честь эфебов в 123/2 г. впервые появляется клаузула, которая восхваляет эфебов за то, что они в год своей службы регулярно посещали лекции философов — Зенобия в Птолемейоне и Ликее и всех прочих⁴⁴. Несколькими годами позже каждый выпуск был обязан пожертвовать библиотеке сто книг⁴⁵. Эфебы всегда принимали деятельное, заметное участие в религиозной жизни города;⁴⁶ теперь к их обязанностям добавилась новая функция поли-

⁴⁰ I Délos 1923.

⁴¹ *Pélékidis. Éphébie.* — P. 183 — 196.

⁴² IG II² 1008, col. IV 111 — 127.

⁴³ *Claros* I 63, col. I 1 — 10.

⁴⁴ IG II² 1006, 19 — 20. *Pélékidis. Éphébie.* — P. 261 — 267.

⁴⁵ IG II² 1009, 7 — 8 (117/6), 1030, 36; *Hesperia* 16, 1947, 171, № 167, 32.

⁴⁶ *Pélékidis. Éphébie.* — P. 211 — 256: La participation des éphébes à la vie religieuse et à la vie agonistique de la cité. Cp. *Wilhelm Ad.* // *SAWW.* — 1947. — Vol. 224, Nr. 4, 51

тической окраски: церемония встречи посещавших город римлян, распространявшаяся, естественно, на римских лиц высокого сословия как с официальным статусом, так и без него; впервые это засвидетельствовано для 123/2 г.⁴⁷

Красноречивый пример того, к каким высотам могло это вознести простых торговцев, дает семья Диеса из Тира. Два его сына — Гелиодор и Диес, достигнув девятнадцати и, соответственно, восемнадцати лет, в 105/4 г. поступили в эфебы на Делосе, где позже мы встречаем их уже как афинских граждан. Младший сын, Диес, отметил середину своего четвертого десятка как один из самых богатых афинян, владея в городе домом под стать дворцу, куда зааживали самые знатные гости: в 88 г. он, к примеру, предоставил свои хоромы Афинону, возвращавшемуся от двора царя Митридата⁴⁸.

С другой стороны, итальяские купцы перетягивали на Делос афинских граждан на короткий срок или надолго тем, что сулили им там работу. Так, известная мраморная статуя Г.Офелия Фера на агоре италиков Делоса, поставленная ему там в последней трети II в. итальяцами за его заслуги в строительстве этого сооружения, была изготовлена двумя афинскими скульпторами — Дионисием и Тимархидом, двоюродными братьями из Торики и членами одной семьи художников, которая между прочим трудилась и в Риме на римских магнатов⁴⁹. Не менее тринадцати афинских ваятелей известны на Делосе во второй половине этого столетия; они распределяются по девяти фамилиям⁵⁰.

От последней четверти этого столетия дошел пространный, но не полностью сохранившийся декрет афинян с детальными установлениями об использовавшихся в общественном обращении мерах и весах. Они должны были соответствовать точно установленным, отчасти новым стандартам и находиться под постоянным контролем властей. Все нарушения этих установлений карались наказаниями и штрафами. Одиночной точке зрения о том, что речь-де в этом декрете должна идти просто о рыночно-полицейском уставе, противостоит господствующее мнение, что декрет имел чрезвычайно важное значение и прежде всего был призван к тому, чтобы с помощью новых мерных и весовых норм выработать четкое соотношение аттических единиц к римским. Пересчет облегчало то, что впредь аттической торговой мине должны были соответствовать два римских фун-

⁴⁷ IG II² 1006, 21: «Они всякий раз встречали приходивших с визитом друзей и благодетелей, римлян». Подобное и в строке 75.

⁴⁸ *Dow St.* // CPh. — 1942. — Vol. 37. — P. 311 — 314; *Poseidonios* // FGrHist. 87, F 36 (ap. Athenaios 5, 212 D); об этом ниже, с. 296 сл.; *Osborne*. Naturalization 3 — 4. — P. 106 — 107, T 121 — 122.

⁴⁹ *Queyrel F.* // BCH. — 1991. — Vol. 115. — P. 389 — 464; на с. 461 — 462 автор принимает хронологию и стемму Хабихта (AM. — 1982. — Vol. 97. — S. 178 — 180).

⁵⁰ *Marcadé J.* Recueil des signatures de sculpteurs grecs. — Paris, 1957. — Vol. 2, *passim*.

та весом в 655 г, равно как и повышенной мерной единице хойнику — два римских секстария. Отсюда можно вывести кроме того и главную задачу урегулирования — упорядочение внешней торговли, облегчавшее особенно торговлю с Римом. Это кажется значительной, если не единственной целью. Еще одно предположение, что декрет был инициирован Римом, допустимо, но вовсе не обязательно⁵¹.

С этим афинским постановлением был сопоставлен декрет Дельфийской амфикистии примерно того же времени, более точно не датированный. Он предписывает всем государствам-членам принимать афинские тетрадрахмы по курсу в четыре драхмы без уплаты обычной при денежном обмене пошлины и предусматривает штраф для правонарушителей, а также судебное преследование трибуналом Амфикистии чиновников, допустивших в сфере своих полномочий пренебрежение этим установлением⁵². Тем самым афинским серебряным деньгам на территории амфикистии предоставлялось привилегированное положение перед конкурирующими валютами. К великому сожалению, время издания этого важного акта точно не установлено. Против традиционной датировки концом II в. А. Джованнини выставил тот тезис, что подобное предписание имело смысл, пока афинское серебро (так наз. «нового стиля») было еще новым и потому могло быть встречено с недоверием, то есть около или вскоре после 164 г. до н. э. На это О. Мёркхольм, со своей стороны, заметил, что в рамках принимаемого во внимание периода — от 168 до 100 г. до н. э. — могут быть приняты в расчет и годы около 140-го, после которого в итоге Ахейской войны объем чеканившегося греческими союзами серебра существенно сократился⁵³. Он солидарен с Джованнини в том, что прорыв амфикистии был невымыслим без, по меньшей мере, молчаливого согласия Рима. Этот аспект, как и часто про-

⁵¹ IG II² 1013, найдена на Акрополе, издана с нем. перев. и коммент.: *Viedebant O.* // *Hermes*. — 1916. — Vol. 51. — S. 120 — 144. От второго экземпляра, выставленного в Толосе на Агоре, происходит один фрагмент: *Hesperia* 7, 1938, 127, № 27. В ранге особо уполномоченного, наряду с ответственными за это чиновниками — метрономами, упомянут Диодор из Гал, который в 112/1 г. был смотрителем гавани; тем самым устанавливается дата документа. Упрощенная интерпретация предложена: *Austin M. M.* *The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest*. — Cambridge, 1981. — P. 193, Note 2: «It is not obvious that anything more was involved than a simple market-policing operation». Выдающееся значение акта для развития международной торговли, напротив, предполагают: *Viedebant O.* *Op. cit.* — P. 141 — 144; *Breglia Pulci Doria L.* // *MEFRA, Antiquité*. — 1985. — Vol. 97. — P. 411 — 430. Оба допускают или считают вероятной инициативу Рима.

⁵² FD III 2, 139 (Syll.³ 729).

⁵³ *Daux, Delphes*. — P. 202; *Chronologie delphique* L 92 (от времени жречества X — XII¹, то есть между 124 и 100 гг. до н. э.); *Giovannini A.* *Rome et la circulation monétaire en Grèce au IIe siècle avant Jésus-Christ*. — Basel, 1978. — P. 64 — 72; *Mørkholm O.* // *Quaderni ticinesi*. — 1980. — Vol. 9. — P. 148 — 149.

являющаяся симпатия Совета амфиктионов к Афинам, указывает, кажется, скорее всего на время после 140 или 130 г. до н. э., возможно, именно на тот период, от которого происходит афинское постановление о мерах и весах.

В конце II в. в Аттике дважды происходили восстания рабов, затронувших на горных разработках. О первом, разразившемся предположительно в 134 г. — как отклик на рабское восстание в Сицилии — и подавленном в 133 г., речь уже шла в связи с Делосом (с.259). О нем известно лишь по одной краткой заметке Оросия, черпавшего из утраченного труда Ливия. Подавивший восстание военачальник Гераклит — скорее всего не кто иной, как сын Посидиппа из Икарии, ибо он между 145 и 130 гг. был известен не только как один из ведущих мужей Афин, но прежде всего как военный: в 145 г. или вскоре после того он повторно исполнял должность стратега гоплитов⁵⁴. Второе восстание, ровно тридцать лет спустя, со всей очевидностью повергло страну в гораздо большую опасность. Возмущались опять же рабы, трудившиеся на горных разработках на востоке Аттики близ Лавреона. Им удалось перебить охрану и завладеть акрополем Сунiona, постоянно служившим военной крепостью. Из этого опорного пункта они долгое время опустошали окрестные области⁵⁵. Против расхожей датировки временем между 104 и 100 гг. до н. э. был выставлен тот аргумент, что она в значительной степени зиждется на гипотезе о «революции олигархов» 103 г., признанной давно уже исторической химерой. Отсюда было предложено отодвинуть это восстание ближе к 100 г. и даже принять в расчет 98/7 г. с его очень неустойчивым положением. Именно тогда Пифаиду в Дельфы сопровождало всего лишь пять афинских всадников, тогда как в 106/5 г. их было не менее 125; этот контраст объясняли тем, что основные силы кавалерии должны были быть, видимо, оставлены для охраны страны в связи с восстанием рабов⁵⁶. Как бы ни относиться ко всему этому, два пространных декрета, изданных поздним летом 101 г. в честь эфебов выпуска 102/1 г. и их космета, всеми своими деталями порождают впечатление, что в оба этих года царило полное спокойствие, и эфебы исполняли всего лишь свои дежурные обязанности, принеся среди прочего жертву за «благодетелей» римлян, а не были — как это случилось в иные, критические времена — еще и мобилизованы на защи-

⁵⁴ Orosius 5, 9, 5. Основные свидетельства о Гераклите собраны Треси (ALC. — P. 155). Он распознал его как стратега гоплитов в IG II² 1224, b 9 — 10; надпись датирована по упоминанию в стк. 13 претора Г. Лелия. Гераклит назван примерно в то же время также в одном списке донаторов, а именно на втором месте после Никогена из Филаид — одного из ведущих тогда мужей Афин (IG II² 1334, 6). Ср. также: Lauffer S. Die Bergwerksklaven von Laureion. — 2 ed. — Wiesbaden, 1979. — S. 232 — 233.

⁵⁵ Poseidonios // FGHist. 87, F 35.

⁵⁶ Tracy St. // HSCP. — 1979. — Vol. 83. — P. 232 — 235.

ту страны и города⁵⁷. Это могло иметь место как после разгрома второго восстания, так и до начала его.

Однако все прибывало число римлян, становившихся теперь гостями Афинского государства, прежде всего потому, что для направлявшихся в провинцию Азия либо возвращавшихся оттуда римских официалов Афины сделали своего рода перевалочным пунктом, который едва ли один из них сумел миновать. Квинт Цецилий Метелл, прославившийся благодаря войне с Югуртой и своему упорному сопротивлению в 100 г. противоправной клаузуле в аграрном законе Сатурнина, молодым человеком слушал в Афинах «много дней подряд» лекции главы Академии Карнеада — мужа преклонных лет, что могло быть незадолго до смерти Карнеада в 129 г.⁵⁸

Примечательная сцена произошла в 120 г. между одним римским сановником и осевшим в Афинах молодым римлянином, описанная в сатире современника поэта Луцилия⁵⁹. Из провинции Азия возвращался тогда ее наместник, претор Квинт Муций Сцевола, широко прославленный как знаток сакрального права. В числе тех, кто вышел его приветствовать в Афинах, находился кроме эфебов города (с.286) один молодой римлянин из сенаторской фамилии по имени Тит Альбуций, с некоторых пор выбравший своим местом жительства Афины и погружившийся в философское учение Эпикура. Юноша был известен тем, что охотнее говорил по-гречески, чем на латыни, и вообще желал быть скорее греком, чем римлянином. Сцевола, коему это было ведомо, обратился к нему с греческими словами приветствия и заставил хором повторить их свою свиту и сопровождавшую его когорту преторианцев, чем поднял на смех молодого человека, за что тот попытался на следующий год отомстить ему. Приехав в Рим, он обвинил Сцеволу в злоупотреблении служебным положением во время пребывания на посту наместника. Луцилий, чья сатира изображает этот процесс, заставляет Сцеволу по ходу привести разгравшуюся за год до того в Афинах сцену как причину личной ненависти Альбуция. Сцевола был оправдан. Поколение спустя молодой римский всадник Тит Помпоний, по прозвищу Аттик, нашедший в Афинах и философии Эпикура свою духовную родину, не зашел, однако, в отличие от Альбуция так далеко, чтобы в угоду своей любви к Афинам и греческой культуре отречься от своих римских корней.

Должно быть, именно частое пребывание римских именитых пер-

⁵⁷ *Tracy St.* // *Hesperia*. — 1975. — Suppl. 15. — P. 32 — 48.

⁵⁸ *Cicero, De or.* 3, 68. *Daly L.W.* // *AJPh* 71, 1950. — Vol. 71. — P. 42.

⁵⁹ *Lucilius* 2, 88 — 94 *Marx* (87 — 95 *Krenkel*), коммент. см.: *Marx F. C. Lucilii Carminum Reliquiae* 1905. — Vol. 2. — P. 41 — 44; *Krenkel W. Lucilius' Satiren* 1. — Berlin, 1970. — S. 64, 138 — 139; *Cichorius C. Untersuchungen zu Lucilius*. — Leipzig, 1908. — S. 237 — 251. Цицерон, знавший эту сатиру, во многих местах упоминает этот эпизод и поддерживает ироническое отвержение Сцеволой «подгречивания».

сон в Афинах послужило причиной того, что на Агоре перед стоей Атгала именно для них был воздвигнут специальный подиум, который к 88 г. упомянут как существующий⁶⁰. Не все прибывавшие в Афины представители сенатской аристократии как гости свободного от римской власти и союзного с Римом города выступали там с надлежащим тактом. Так, в 109 или 108 г. тогда еще юный квестор Луций Лициний Красс, слывший в те годы вроде бы одним из самых знаменитых ораторов своего времени, на обратном пути по отбытии срока своей службы в провинции Азия прибыл в Афины. Ему пришлось убедиться в том, что для его посвящения в Элевсинские таинства он опоздал на два дня, но не постыдился потребовать их повторения. За два столетия до того царь Деметрий выставил подобное же требование, и оно, несмотря на сопротивление дадуха Пифодора, было исполнено благодаря календарным манипуляциям политика Стратокла. Молодой Красс не был, однако, властвовавшим над городом царем. Когда ответственные за это инстанции отвергли его дерзостное требование, он, полный ярости, до срока покинул город⁶¹. Естественно, подобное поведение знатного римлянина не могло не быть замечено и осуждено многими гражданами города.

В самом конце этого столетия властями Афин на Акрополе были посвящены первые статуи римлян, например, Секста Помпея, который в 120/19 г. как проконсул Македонии пал в борьбе с фракийским племенем скордисков, а четверть века спустя — статуя его сына Гнея Помпея, который, видимо, также управлял провинцией Македония⁶².

На исходе столетия приключился курьезный случай, когда должность исполняли сразу два эпонимных архонта. Никий занимал этот пост один в (неустановленный) год издания декрета в честь пританов⁶³, Исиген же, напротив, в год оказания почестей одному жрецу на Делосе⁶⁴. То, что оба в течение года следовали друг за другом и Никий предшествовал Исигену, следует из еще трех датированных надписей с Делоса, которые все имеют пометку: «в год архонта (!) Никия и Исигена»⁶⁵. На логическую несурязицу, обозначить единственным

⁶⁰ *Poseidonios* // FGrHist. 87, F 36 (apud Athenaios 5, 212 F). Текст гласит, что он был воздвигнут для римских «стратегов», что в техническом смысле означает преторов, а не в техническом полководцев. В действительности же он мог быть предназначен для всех римских должностных лиц, т. е. в том числе и для послов, которые, предположительно, обладали правом обращаться ко всем гражданам. Ср. *Thompson H.A., Wycherley R.E.*, *Agora XIV.* — P. 51, о местоположении подиума.

⁶¹ *Cicero*, *De or.* 3, 75; ср. 1, 45. Красс должен был во время своего пребывания слышать лекции «*summi homines*» и «*doctissimi viri*».

⁶² IG II² 4100, 4101.

⁶³ *Agora XV* 251.

⁶⁴ I Délos 2075.

⁶⁵ I Délos 1647 — 1649. В каталоге архонтов IG II² 1713 в стб. I, стк. 6 — 7 под 124/3 г. внесено добавление «Никий и Исиген».

числом двух лиц, пошли скрепя сердце, ибо каждый год мог иметь лишь одного эпонимного архонта — оба индивидуума были единым должностным лицом. Вполне очевидно, что Никия, видимо, после его смерти на посту сменил Исиген. Единственным из известных мне сопоставимых случаев была замена в 175/4 г. выполнявшего в начале года, в первую пританию, должность секретаря Совета Левкия из Перитойд на появляющегося в десятую пританию Павсания из Перитойд — оба были сыновьями Биотела и, таким образом, братьями. Это обстоятельство говорит за то, что внутри нескольких фил могло быть лишь небольшое число лиц, достаточно квалифицированных для выполнения должности секретаря; это лишний раз подчеркнуто тем, что член того же семейства — Биотел, сын Левкия из Перитойд, занимал в 187/6 г. именно эту должность⁶⁶.

С коллегией из двух магистратов можно сопоставить случай с монетариями 110/09 г. Исполнявшая должность в начале года пара Эмбулид / Агафокл на третьем месяце была сменена другой — Зоилом / Эвандром, в чем хотели усматривать явный признак политического кризиса⁶⁷. Действительно, это объясняло бы данный единичный случай, однако можно представить и другие объяснения, например, вспомнить о замене монетного магистрата Алкидама Клеоменом где-то в самом начале 113/2 г.

Ярко выраженную аномалию дает надпись 107/6 г., содержащая два декрета эфебов. Первый, принятый в седьмую пританию и 11-й день месяца гамелиона, составлен тогда, когда Стратофон, сын Стратокла из Суниона, был председателем президиума, руководившего Народным собранием, второй — в одиннадцатую пританию и 16-й день месяца таргелиона, по-видимому, под руководством того же председателя⁶⁸. Если это так, то перед нами было бы явное нарушение четкого положения конституции, согласно которому ни один гражданин не имел права более раза в год, в один-единственный день исполнять эту должность. Все говорит за то, что в одном из двух этих мест допущена ошибка — либо секретарем, либо резчиком.

⁶⁶ Левкий: Agora, Inv. I 7529, 65; Павсаний: IG II² 905, 2; Agora XV 200, 2; Биотел: *Pritchett W.K., Meritt B.D. The Chronology of Hellenistic Athens.* — Cambridge (Mass.), 1940. — P. 117.

⁶⁷ *Kamnanis M.K.* // BCH. — 1932. — Vol. 56. — P. 37 — 42.

⁶⁸ IG II² 1011, 63 — 65, 73 — 74.

ХІІІ. Афины и Митридат

1. Разрыв с Римом

В мае или июне 88 г. Афины приняли решение порвать с Римом и вступить в разразившуюся в Малой Азии между Римом и царем Митридатом VI войну на стороне царя. Тем самым афиняне нанесли удар в спину той державе, которую более столетия тому назад сами призвали для защиты от македонского царя Филиппа, верность коей с тех пор блюли во время войны и мира и от которой за восемьдесят лет до того получили щедрые награды. Хотя обстоятельства, сопутствовавшие столь радикальному разрыву с их же прежней политикой, подробно и живо описаны современником Посидонием, однако причины, подвигшие народ на столь решительный шаг, целиком и полностью не ясны. Спрашивается, что привело тогда афинян к Митридату и что оттолкнуло их от Рима. Чтобы найти ответ на первый вопрос, мы должны обратить свой взгляд на Понтийское царство и его царя¹.

Область Понт, лежащая на севере Малой Азии по обоим берегам реки Галис, в первые десятилетия после смерти Александра Великого стала независимой вотчиной царей из иранского рода. Первоначально небольшое царство обладало греческой береговой полосой благодаря шаг за шагом аннексированным эллинским колониям на протяженном южном побережье Черного моря, а кроме того азиатской глубинкой². Царский дом вел свое происхождение от иранского князя Митридата I Ктиса (Основателя), принявшего в начале III в. царский титул. В придачу к своей резиденции Амасии в глубине материка он захватил греческий город Амастрию на южном берегу Черного моря. Его внук Митридат II приходился зятем селевкидско-

---

¹ Основным трудом для дальнейшего изложения остается: *Reinach Th. Mithridates Eupator, König von Pontos. — deut. Ausgabe von A. Goetz. — Leipzig, 1895.* Далее см.: *Rostovtzeff M., Ormerod H.A. // САН. — 1932. — Vol. 9. — P. 211 — 260; McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. — Leiden, 1986.*

² *Rostovtzeff. Op. cit. — P. 211.*

му царю Антиоху III. Он был монархом уже ярко выраженной греческой культурной окраски и входил в число царей, оказавших щедрую помощь острову Родос, пострадавшему в 227 г. от ужасного землетрясения. Однако именно Родос несколькими годами позже воспротивился его попытке захватить Синопу. Захват этого значительного города удалось осуществить его внуку, царю Фарнаку I в 183 г. В итоге вспыхнувшей по этой причине четырехлетней войны против Эвмена Пергамского, когда Фарнак был вынужден отказаться от всех прочих своих завоеваний, ему удалось все же удержать Синопу, вскоре ставшую новой резиденцией царя. О его отношениях с Афинами уже упоминалось³. После его смерти в 171/70 г. трон занимал около двадцати лет брат Митридат IV, а тому в свою очередь наследовал сын Митридат V Эвергет — поклонник греческой культуры, друг своих пергамских соседей и римлян. Он поддерживал их в последние годы своей жизни в войне против Карфагена и борьбе с Аристоником, приведшей к образованию провинции Азия. В награду за свои заслуги он получил от римского полководца Аквиллия, завершившего в 129 г. эту войну, область Великой Фригии. Дворцовая интрига в 120 г. стоила ему жизни.

Трон унаследовал в том же году, будучи еще мальчиком, сын его, Митридат VI Евпатор — властелин выдающихся способностей и чрезмерных амбиций. При его правлении территория небольшого царства увеличилась во много раз. За несколько лет он разделался сперва с правящей матерью, а затем с родным братом, который несколько лет был его соправителем. Тяжким ударом явилось для него решение Сената 116 г., потребовавшего возврата Фригии, которую Аквиллий, не имея на то полномочий, передал отцу царя. Ему пришлось стиснув зубы стерпеть эту потерю и это унижение. Но уже вскоре его жажда деятельности вырвалась на простор, пока еще вне пределов римских интересов. Супротив Понта на северном берегу Черного моря лежал Крым и к востоку от него Боспорское царство. И там, как и по другим берегам Черного моря, тон задавали греческие города, некогда колонии ионийского города Милета. Все они располагали плодородной территорией, однако в то время испытывали жестокий натиск со стороны скифов и сарматов. Призванный ими на помощь, Митридат сделался их патроном и в ходе нескольких кампаний распространил свое господство на Крым и Боспорское царство; один из его сыновей в звании вице-короля правил из своей резиденции в Керчи новоприобретенными областями⁴. Как борец за

³ С. 224.

⁴ *Reinach. Mithridates.* — S. 48 — 72: Pontische Kriege. Крайне важным источником служит декрет города Херсонеса в честь полководца царя, Диофанта: Syll.³ 709. Об этом см.: *Boffo L. // Athenaeum.* — 1989. — Vol. 77. — P. 211 — 259, 369 — 405.

спасение эллинства от угрозы варваров царь завоевал огромное уважение в греческом обществе. Он продвинулся по побережью Понта дальше на восток, где в его руки попал Трапезунт — место, в котором однажды десять тысяч Ксенофонта после своего утомительного и полного опасностей анабасиса из Месопотамии снова узрели море, посулившее им спасение. На Кавказе он подчинил себе страну Колхиду. От Ольвии на севере и далеко на юг расширил он свое влияние по западному побережью Черного моря. Власть и престиж царя неимоверно возросли.

Проблемы у царя возникли тогда, когда он обратил острие своей экспансии на запад и на юг, ведь там он затрагивал уже интересы Рима⁵. Не то чтобы он искал конфликта с Римом — его амбиции были нацелены на лежащие за пределами римской провинции менее значительные государства: Пафлагонию, Каппадокию и Галатию. Митридат приобрел там начиная с 101 по 97 г. обширные области, поначалу в содружестве с царем Никомедом Вифинским, а затем идя против него. Однако в 97 г. под нажимом Сената, требовавшего восстановления *status quo ante*, он вынужден был оставить эти земли. Немного лет спустя он все же получил снова в свои руки Каппадокию с помощью своего зятя, армянского царя Тиграна, но опять отступил перед лицом римской угрозы и оставил эту страну. Вслед за тем, в 90 г., именно римской стороной была спровоцирована война, но не Сенатом, а столь же неподотчетными, сколь и вызывающе настроенными поверенными Рима в Малой Азии. Поскольку Митридат отказался дать им взятку, они натравили вифинского царя Никомеда напасть на Понт, отклонили обоснованную жалобу Митридата и даже запретили ему обороняться, заявив, что любое применение силы против Никомеда будет расцениваться как оскорбление интересов Рима. Тогда у царя не осталось иного выбора: отчетливо сознавая, что это должно повлечь за собой войну с Римом, он изгнал пришельца сперва из Понта, а затем и из Вифинии, где произошло первое столкновение с римскими частями⁶. Вслед за тем его армия беспрепятственно вторглась во Фригию (зимой 89/88 г.), которая с 116 г. была частью римской провинции Азия, так что вскорости обширные территории Азии оказались в его власти. Некоторые области сохранили верность римлянам и потому должны были быть покорены силой, однако большинство городов встретило понтийские войска как освободителей. Во многих местах наружу вырвалось озлобление, накопившееся за сорок лет римского господства, в то время как побе-

⁵ Reinach. Mithridates. — S. 72 — 99: Kleinasiatische Kriege.

⁶ Reinach. Mithridates. — S. 100 — 125: Erster Römischer Krieg; McGing, Foreign Policy. — P. 89 — 131. Подробности о событиях в Малой Азии сообщили недавно новые документы из Афродисиады во Фригии: Reynolds J. Aphrodisias and Rome. — London, 1982.

доносное шествие царя, подобно некогда походу Александра Великого, торжественно справлялось малоазийскими греками как их собственный триумф над варварами. Оракулы в святилищах предрекали гибель Рима.

Ощущение пьянящей свободы перенеслось весной 88 г. с арены событий на греческий материк, во всяком случае в Афины⁷. Там в начале года Народное собрание решило отправить к царю посольство и поручило возглавить его философу Аристотелевой школы по имени Афинион. Его письменные отчеты о происходившем в Малой Азии и обещаниях царя пробудили среди граждан сочувственное Митридату настроение. Его послания сулили добиться с помощью царя конца гражданской распри и «анархии» в Афинах, возрождения согласия и демократического строя, а также решения долговой проблемы, под которой имелось в виду скорее всего долговое закабаление частных лиц, видимо, прежде всего римскими кредиторами. Возвращение Афиниона поздней весной походило на триумфальное шествие. Посидоний дает его описание, полное сатирически окрашенной риторики, в котором — пускай избыточное подробными деталями — историческая реальность все же отступает на задний план перед стремлением выставить Афиниона надувшимся глупым индюком, а афинян — распираемыми от иллюзий ксенофобами.

В устном отчете народу Афинион воздавал хвалу успехам Митридата и неисчерпаемым ресурсам его помощи, положение же римлян изобразил как отчаянное. Под впечатлением его речи граждане избрали Афиниона стратегом гоппитов и поручили ему назвать тех кандидатов на должности, которые вслед за тем, согласно его указаниям, должны быть избраны открытыми голосами. Посидоний дает понять, что тем самым совершился переход города с позиций Рима на понтийскую сторону. Его сообщение позволяет догадаться, почему Митридат оказался столь привлекательным для афинян — из-за его облика преуспевшего защитника прав эллинов перед властью, не только унизившей его самого и права его поправшей, но и державшей, под стать прежним македонским царям, в подчинении Афины.

Разрыв Афин с Римом, тем не менее, нелегко понять, коль скоро еще совсем недавно отношение их к Риму было пронизано откровенной привязанностью. Скудость источников не позволяет дать удовлетворительное объяснение, хотя в конце 90-х годов в Афинах обозна-

⁷ Основной источник: *Poseidonios* // FGrHist 87, F 36, с коммент. Якоби. Далее об этом см.: *Kidd I. G. Posidonius II, The Commentary*, Cambridge. — Vol. 2. — P. 863 — 887. Кроме того, существенны работы: *Deininger J. Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217 — 86 v. Chr.* — Berlin, 1971. — S. 245 — 261; *Badian E.* // *AJAH*. — 1976. — Vol. 1. — P. 105 — 128; *Tracy St. IG II² 2336*, 164 — 182; *Malitz J. Die Historien des Poseidonios*. — München, 1983. — S. 340 — 357; *Bernhardt R. Polis und römische Herrschaft in der späten Republik*. — Berlin, 1985. S. 39 — 49; *Bugh G.R. Athenion and Aristion* // *Phoenix*. — 1992. — Vol. 46. — P. 108 — 123.

чились признаки кризиса, который мог, весьма вероятно, повлечь за собой серьезную враждебность к Риму, как то утверждает Посидоний. В 98/7 г. отношения были еще целиком и полностью нормальными, как о том позволяют догадываться многочисленные документы⁸. Еще и в 95/4 г. (или даже в 94/3 г.) афинский жрец Сарапис на Делосе заявлял о своей преданности Афинам, Риму и царю Митридату (с. 260), а уж он-то должен был вещать в унисон с настроениями граждан. Еще и в 96/5 и 94/3 (?) гг. римляне титулуются в общественных актах «благодетелями народа»⁹. Когда же между Римом и Митридатом дело дошло до конфликта, симпатии части граждан в той же мере могли оказаться на стороне понтийского царя, в какой выяснились подробности о том, как с ним обошлась римская сторона. Как в 192 г. всколыхнулось движение в поддержку царя Антиоха (и против Рима), потом подавленное, так и теперь понтийскому царю многие выражали симпатии. Хотя официальная линия лояльности по отношению к Риму еще нашла выражение в 90/89 и 89/8 гг. в помещении на афинских серебряных монетах символа Ромы, но под этой оболочкой уже крылись явные признаки кризиса. К ним относится то, что назначенное на 90/89 г. празднование Пифаиды не состоялось. Более ранний симптом кризиса состоял, однако, в том, что Медей из Пирея — самое влиятельное тогда лицо в городе, который уже исполнял в 101/100 г. должность эпонимного архонта и, согласно конституции, не имел права повторно замещать эту должность, снова стал в 91/90 г. архонтом. Но еще более отчетливый признак все усиливавшегося кризиса проявился в том, что он снова взошел на тот же пост в 90/89 и в 89/8 гг.¹⁰

Тем самым действие государственного законодательства было в эти годы приостановлено, и, по всей видимости, именно против этого обратил свой глас Афинион, когда взывал к гражданам не ждать, пока они станут жертвой поддержанной Сенатом «анархии» либо прямого его вмешательства. Его-то и собирался накликать Медей, но

⁸ *Тресу* (Op. cit. P. 171) так резюмирует свои наблюдения о событиях 103/2 — 98/7 гг.: «Короче, власть действовала так же, как она это делала всегда». Более того, на 90-е гг. падает пик афинской монетной чеканки. Так, в год монетариев Деметрия и Агатипа (99/8 г.) было изготовлено не менее 47 штампелей аверса. Тем не менее в том же году содержание качественного серебра в монете начало заметно уменьшаться, поэтому было высказано предположение, что серебро более не поступало из собственных Лаврионских рудников (возможно, вследствие недавнего восстания рудничных рабов), но должно было ввозиться. Объем чеканки превышал, однако, все нормы (*Kroll, Coins.* — P. 4, 14).

⁹ IG II² 1029, 10; 1030, 12.

¹⁰ Расхожее мнение о двукратном архонтате Аргея (98/7 и 97/6 гг.) уже давно признано фантомом, хотя с этим еще считаются некоторые последние работы: *Bowersock G. W., Augustus and the Greek World.* — Oxford, 1965. — P. 101, Note 4; *Geagan D.* // ANRW II 7, 1 — 1979. — P. 374. Аргей был архонтом единожды в 98/7 г.

этого не случилось лишь потому, что с 90 по 88 г. Сенат был целиком занят войной с италиками. И Медей должен был, по-видимому, потерять во второй половине 89/88 г. контроль над управлением, что и обеспечило посольству Афиниона свободный доступ к Митридату. Неизвестно, как это произошло и что стало с Медеем¹¹. Афинион указывал на тяжелое положение Рима в Италии, когда он уверял народ, что и италики заключили унию с Митридатом. Не подлежит сомнению, что многие афиняне верили тогда в то, что Рим вот-вот потеряет свое преобладание как на Западе, так и на Востоке, и вообще стоит на краю пропасти. Для Афин не было секретом, какую ненависть навлекли на свою голову мытари и займодавцы римские, притом не в одной только Азии, но и в контролируемых Римом областях Греции. Когда эта ненависть, по наущению царя, вырвалась наружу для того, чтобы в один прекрасный день порешить всех проживавших в Малой Азии римлян, то кровавая резня сия наряду с прочими эмоциями должна была, без сомнения, породить и чувство панэллинской солидарности. «Поборником и реставратором свободы эллинов на обеих побережьях архипелага» — так назвал Рейнак этого царя¹².

И пускай масса афинских граждан последовала за Афинионом, но ведь было немало и таких, чьи убеждения и интересы оставались на стороне римлян. Многие из них, коль скоро им выпадал такой шанс, были вынуждены оставить Афины. Среди них оказался и глава Академии Филон из Ларисы, еще в 88 г. появившийся в Риме. В его глазах Афинион был не кто иной, как тиран. Тем не менее новейшие исследователи установили, что вопреки прежним представлениям его поддерживали не только обездоленные слои, но среди его сторонников было много выходцев из очень знатных фамилий¹³. Это видно по списку, содержащему имена выбранных по его предложению архонтов 88/87 г., за исключением архонта-эпонима¹⁴. Имя его не было позже вытерто с камня, оно вообще никогда туда не вписывалось, ибо носитель его из-за дурных итогов войны был объявлен преданной проклятию *persona non grata*. Составленный позже список архонтов под 88/87 г. вместо имени содержит пометку «анархия», то есть отсутствие архонта¹⁵. Несколько лет назад я попытался доказать, что эпонимным архонтом этого года был не кто иной, как сам царь Митридат. Цари часто выступали эпонимами греческих городов, как, к примеру, тот же Митридат один раз в Милете. Он же в следующем

¹¹ Некий Медей в начале марта 86 г., в момент завоевания Суллой Афин, находился в его штабе либо как многократно исполнявший должность архонт, либо как его одноименный сын (см. ниже, с. 302, примеч. 24).

¹² Reinach, Mithridates. — S. 122.

¹³ Desideri P. // Athenaeum. — 1973. — Vol. 51. — P. 253; Badian. Op. cit. — P. 112.

¹⁴ IG II² 1714.

¹⁵ IG II² 1713.

87/86 г. совместно с Аристионом, преемником Афиниона на посту правителя города, стал афинским монетным магистратом. Высказанная мною гипотеза обрела не только неоднократное одобрение, но и скепсис¹⁶.

К числу тех, кто охотно влился в новую струю, принадлежал и союз афинских технитов¹⁷. Это обстоятельство тем более примечательно, что он уже давно, конкурируя с другими соперничавшими с ним союзами, мог пользоваться особой милостью Рима¹⁸. Афинские техниты могли распознать в понтийском царе — кого в Малой Азии торжественно чествовали как «Нового Диониса» — подлинное воплощение божества, которому они посвящали свое искусство.

Митридат, доколе он, вплоть до середины 90-х годов, слыл другом римского народа, оставался на Делосе столь же популярным, как и в Афинах. Однако население острова, складывавшееся больше из римлян и италиков, чем из афинских граждан, избегало идти по стопам метрополии и выступить на стороне царя. Делос прочно держался Рима. Запросто можно было себе представить, что отданное царем распоряжение о кровавой расправе в Малой Азии могло бы совпасть по времени с событиями в Афинах и на Делосе. Могло случиться и так, что к моменту возвращения Афиниона этот приказ еще не был отдан и приведен в исполнение, но в то же время Делос отважился на то, чтобы отказать Митридату. Но и это не достоверно.

2. Война и ее последствия

Избрав Афиниона весной 88 г. на пост стратега гоплитов, граждане Афин решительно перешли на сторону царя Митридата, выступив против Рима. В то время в Греции не стояло никаких понтийских частей, а римские вооруженные силы были весьма немногочисленны. Для открытия военных действий момент, казалось, еще не наступил, но отпадение Делоса вынудило Афиниона действовать в соответствии со своей должностью, к которой теперь добавилось и управление государством. Он послал одну воинскую часть против Делоса под командованием ионийского грека — Апелликона из Теоса. Тот был, как и Афинион, интеллектуалом и приверженцем перипатетической школы Аристотеля, а кроме того и богатым библиофилом, скупившим Аристотелеву библиотеку и приобретшим себе афинское граж-

¹⁶ *Habicht* *Ср.* // *Chiron*. — 1976. — Vol. 6. — S. 127 — 135. Солидарны с этим: *Kidd*. *Op. cit.* — P. 878 — 879; *McGing*. *Foreign Policy*. — P. 119. Сомнения и возражения: *Bernhardt* *R. Polis und römische Herrschaft in der späten Republik*. — Berlin, 1985. — S. 49; *Ferrary J.-L. Philhellénisme et impérialisme*. — Roma, 1988. — P. 473 — 474.

¹⁷ *Poseidonios* // *FGrHist*. 87, F 36, 49.

¹⁸ См. выше, с. 274 сл.

данство. В 88/7 г. он был одним из двух ответственных за монетную чеканку магистратов и получением этого поста мог считать себя обязанным Афиниону, которому народ поручил назначить должностных лиц того года. Военная экспедиция против Делоса закончилась полным фиаско, ибо Апелликон допустил промашку, потеряв в какой-то момент необходимую бдительность. Римская эскадра под началом офицера по имени Орбий высадилась ночью на Делосе и перебила большую часть спавших афинян, однако самому Апелликону удалось спастись бегством. Орбий воздвиг на берегу трофей и алтарь с надписью, в которой афиняне названы союзниками понтийского (букв.: «каппадокийского») царя, виновными в попытке разграбить священный остров¹⁹.

Провал Апелликона должен был ослабить позиции Афиниона, и его падение действительно не заставило себя долго ждать, однако оно последовало не от противников или соперников в самом городе, а из-за прибытия в Грецию сильной понтийской армии. Митридат выслал ее, чтобы занять Эгейские острова и материк. По пути его полководец Архелай занял и Делос, приказав перебить всех римлян и италиков, какие бы там ни встретились — по слухам, не менее 20 000, — и переправил в Афины казну храма, которую должен был реквизиловать Апелликон. Это дело он поручил находившемуся возле него афинянину Аристиону, дав ему с собой на дорогу 2000 своих солдат. С их помощью Аристион сделался «тираном» Афин. Об Афинионе с этого момента не говорится ни слова²⁰. И Аристиона называют философом, однако в отличие от Афиниона он был приверженцем учения Эпикура. Сразу после захвата власти он должен был казнить симпатизировавших Риму граждан, а других выдать Митридату²¹. Вместе с царем Митридатом он отвечал в 87/6 г. за монетную чеканку Афин — оба имени появляются на массе битых тогда монет. Совместными действиями Архелай и он поставили под свой кон-

¹⁹ Основной источник по акции Апелликона против Делоса это: *Poseidonios* // *FGH*Hist. 87, F 36 (ар. *Athenaios* 5, 214 D — 215 B), для дальнейшего хода войны, затрагивавшей Афины: *Plutarch*, *Sulla* 12 — 14; *Appian*. *Mithridateios* 108 — 159. Ср.: *Reinach Th.* *Mithridates Eupator*. — Leipzig, 1895. — P. 127 — 169; *McGing*. *Foreign Policy*. — P. 118 — 126; об Орбии: *Durrbach F.* *Choix d'inscriptions de Délos*. — Paris, 1921. — P. 235 — 236.

²⁰ Среди исследователей господствует мнение, что Афинион и Аристион были разными людьми, последовательно сменявшими друг друга в управлении Афинами; см. из последних: *Bugh G.* *Athenion and Aristion of Athens* // *Phoenix*. — 1992. — Vol. 46. — P. 108 — 123. Тем не менее есть еще ученые, считающие их одним лицом; ссылки на них см.: *ibid.* — P. 111, Note 8.

²¹ Большое число афинян, вынужденных из-за Аристиона покинуть город, должны были осесть в афинском дочернем городе Амисе на южном берегу Черного моря (*Plutarch*, *Lucullus* 19, 7). Коль скоро этот город лежит в области господства Митридата, по-видимому, речь идет о гражданах, выданных Аристионом царю.

троль и на сторону царя большую часть Греции. Архелай устроил тогда же свою штаб-квартиру в Пирее.

Именно по этой причине Аттика чуть позже превратилась на целый год в горячую точку военных событий. Туда направился римский полководец Корнелий Сулла, который в 88 г. был консулом, а теперь получил полномочия вести войну против Митридата, после того как с пятью легионами своей армии прибыл в Грецию. С этими силами он запер летом 87 г. Аристииона в городе, а Архелая в Пирее. Так называемые Длинные стены, что прежде обеспечивали надежную связь города и гавани, пришли в полный упадок, а потому бои велись на двух разобнесенных участках. Архелай, во всяком случае, был достаточно мобилен, поскольку в отличие от Суллы располагал флотом, обеспечивавшим ему связь с внешним миром.

Особо жаркие бои разгорелись в Пирее, где оба противника мерились друг с другом силой с большим азартом и завидной изобретательностью²². Чтобы получить необходимый для осадных сооружений лес, Сулла приказал вырубить рощи Академии и Ликей, где некогда преподавали Платон и Аристотель. Однако многие из его машин были сожжены врагом. В конце концов Сулла должен был оставить попытку взять укрепление штурмом и решил взять его защитников на измор. Но покуда у него не было флота, он не мог воспрепятствовать подвозу провианта морем.

Зимой 87/6 г. Сулла, продолжая осаждать город и гавань, расположился со своей штаб-квартирой в Элевсине. В ходе войны там были разрушен киот элевсинских богинь Деметры и Керы вместе с сооруженным дионисийскими технитами алтарем²³, что было актом вандализма, за который гораздо скорее могла нести ответственность римская сторона, коль уж техниты особенно выдвинулись в связи с возвышением Афиниона. Между тем в городе голод зимой все более усиливался. В депешах, прикрепленных к свинцовым пулям пращей, предатели сигнализировали римлянам о неоднократных намерениях Архелая направить в город хлебный транспорт, так что Сулла успел его перехватить. Несмотря ни на что, Аристиион оборонялся с отчаянной энергией: он отверг распоряжение Совета и жречества, пытавшихся склонить его к переговорам, но когда позже все-таки выслал парламентариев, Сулла тут же завернул их назад. Наконец ночью 1 марта 86 г. римлянам удалось перелезть на западе через стену, связывавшую Пирейские ворота со Священными (в двух шагах от Дипилона), и во-

²² О сражениях за Пирей и Афины см. прежде всего: *Appian. Mithridateios* 116 – 157. Серебряный браслет с надписью был пожалован тогда Архелаем одному из своих солдат – сирийцу по имени Аполлоний, как знак отличия за храбрость; слова «в Пирее» удостоверяют его отношение ко времени этих боев: *BSCh.* – 1981. – Vol. 105. – P. 566, № 7.

²³ *AAA.* – 1971. – Vol. 4. – P. 439 – 443 (E. Vanderpool).

рваться в город. Последовала ужасающая кровавая бойня, в которой не щадили ни женщин, ни детей. Сулла положил все же ей конец по просьбе афинских изгнанников и римских сенаторов из его штаба²⁴. Припомнив с похвалой афинян прежних лет, он заявил, что щадит немногих ради многих, живых во имя усопших²⁵. Аристийон еще успел отдать приказ сжечь у подножия Акрополя Одеон, дабы его деревянные балки не смогли служить римлянам материалом для осады, и затем заперся на Акрополе. Там он еще довольно долго сдерживал атаки младшего офицера Скрибония Курия, но в конце концов из-за недостатка воды должен был сдаться. Сам он, магистраты того года и воины его личной охраны были казнены²⁶, а должностные лица предыдущего года, напротив, пощажены. На Акрополе в руки римлян попала огромная добыча из золота и серебра.

Мужество полуголодных защитников при штурме города прославляет тремя столетиями позже сочиненная эпиграмма Азиния Квадрата, в которой говорится, что ни один не скончался от раны на спине. Восходит ли этот образ к надежной традиции или это всего лишь расхожее место, остается только гадать. Примечательно, однако, что он вырвался из уст высокого римско-имперского чиновника северовской эпохи²⁷. Гораздо древнее, примерно середины I в. до н. э., надгробная эпиграмма одной афинянке, которая еще молодой девушкой была захвачена при штурме города, попала в Рим, была отпущена на волю, получила римское гражданство и, в конце концов, скончалась в Кизике на Мраморном море²⁸.

После взятия приступом города Сулла еще раз предпринял штурм Пирея, оттесняя шаг за шагом Архелая. И вот как только по суше начала приближаться высланная Митридатом многочисленная понтийская армия, Архелай сменил свою дислокацию и по морю соединился с нею. Вслед за тем Сулла приказал занять Пирей и поджечь там многочисленные общественные здания, среди них прозванные «корабельными домами» доки и знаменитую оружейную палату (скевотеку), построенную Филоном при Александре Великом (с.31).

²⁴ *Plutarch. Sulla* 14, 9; поименно названы афиняне Мейдий и Каллифонт. В отношении названного первым речь, вероятно, должна идти скорее о Медее — будь то четырехкратный архонт или соименный ему сын, — позже сделавшем себе карьеру в Афинах (написание имени допускает такое предположение). *Ferguson*, HA 451.

²⁵ *Plutarch. Sulla* 14, 9.

²⁶ Согласно Плутарху (*Sulla* 23, 3), Аристийон был по требованию Архелая казнен ядом только после завершения в конце 86 г. предварительных переговоров Суллы с Архелаем. Его потомки, подобно потомству тиранов VI в. или Лахара, были преданы в Афинах проклятию (*Plutarch*, *mor.* 558 C).

²⁷ *AP* 7, 312. Об авторе см.: *FGrHist* 97; *Prosopographia Imperii Romani*², A 1244 — 1246.

²⁸ *AP* 7, 368; коммент. см.: *Cichorius C. Römische Studien*. — Leipzig, 1922. — S. 304 — 306.

Исход войны за Грецию решился чуть позже в двух крупных сражениях при Херонее²⁹ и Орхомене на земле Беотии, из которых Сулла вышел победителем. Война перенеслась вслед за тем в Малую Азию и до самого своего окончания летом 85 г. больше Афины прямо не затрагивала.

Но город должен был дорого заплатить за свой союз с Митридатом: очень большими человеческими жертвами сначала на Делосе (в связи с экспедицией Апелликона и затем при захвате острова Архелаем), а потом в Афинах и Пирее; а кроме того, потерей многочисленных произведений искусства, из которых одни были уничтожены в ходе боев, а другие увезены Суллой и римлянами как добыча. В руки победителей попала огромная масса драгоценного металла, сюда следует добавить и крупные разрушения в городе и в районе гавани: следы их видны во многих местах и по сей день, другие обнаружены археологическими исследованиями. На Агоре они открыты главным образом на западной и на южной стороне — повреждения зданий и разбитые скульптуры, а также разрушение ограды памятника героям фил³⁰. Павсаний сообщает, что римские солдаты разбили шиты, вьющиеся в стое Зевса Элевтерия в честь афинских борцов прошлого за свободу³¹. На штурм города в 86 г. указывают, кроме того, повреждения в святилище Асклепия у подножия Акрополя, а в нем самом — в Эрехтейоне³². Но самые четкие следы найдены вблизи ворот, рядом с которыми римляне ворвались в город. В непосредственной близости от Дипилона, к югу от него, так основательно был разрушен Помпейон, что позже уже не восстанавливался и был заброшен.

Эта внушительная постройка классической эпохи, возведенная около 400 г. до н. э., служила различным целям, в том числе и подготовке эфевов. Об этом ее назначении свидетельствует совершенное там незадолго до разрушения, в 97/6 г., посвящение Гермесу, Гераклу и Аполлону³³. В слое развалин Помпейона среди прочего были найдены два железных шлема и многочисленные ядра для метательных орудий диаметром до 20 см — свидетельства происходивших там тяжелых боев. Они предназначались, по всей видимости, для обстрела

²⁹ Один из двух упомянутых Плутархом (Sulla 19, 9 — 10) и Павсанием (9, 40, 7) римских победных памятников с указанными Плутархом именами обоих его старших сограждан, благодаря которым была взята в обход одна позиция противника, недавно был обнаружен на этой высоте: *Camp J. et al. // AJA. — 1992. — Vol. 96. — P. 443 — 455.*

³⁰ *Thompson H.A. // Hesperia. — 1937. — Vol. 6. — P. 221; Shear T.L. Jr. // Hesperia. — 1970. — Vol. 39. — P. 201; Thompson H.A., Wycherley R.E. // Agora XIV 1972, 23.*

³¹ *Pausanias 10, 21, 5 — 6.*

³² *Aleshire S. The Athenion Asklepieion. — Amsterdam, 1981. — P. 16; Thompson H.A. at D. M. Lewis // Hesperia. — 1975. — Vol. 44. — P. 384.*

³³ IG II² 2990, где датировка опаздывает на два года.

ворот, однако прошли мимо цели и превратили в руины соседнее здание³⁴.

С катастрофой Афин связывали остатки двух кораблей, потерпевших крушение вместе со своим грузом — один в Эгейском море, другой перед африканским побережьем. Первый затонул у Антикиферы — между Критом и лежащим южнее Пелопоннеса островом Киферой. Его трюм содержал бронзовые и мраморные статуи, амфоры и другую керамику, а также особо высококачественное стекло. Однако сегодня едва ли кто-то еще продолжает считать, что груз корабля — или хотя бы часть его — состоял из захваченной в Афинах добычи, так как находки не аттического происхождения: вряд ли судно отчалило из Аттики и даже вообще с греческого материка и, кроме того, по меньшей мере часть находок чуть моложе даты завоевания Афин³⁵. Лежавшие всего в нескольких километрах от побережья Туниса остатки второго корабля у Махдии, напротив, были действительно загружены произведениями аттического искусства с рельефами и надписями, из которых одна упоминает афинского архонта 122/1 г. Никомеда. Прежде их связывали с разграблением Афин и Пирея армией Суллы, поскольку в грузе корабля предполагали римскую добычу. Теперь же, однако, возобладало мнение, что корабль отправился в свое последнее плавание за несколько лет до начала Первой Митридатовой войны, а именно около 100 г. до н. э.³⁶. В первом случае предполагавшаяся прежде связь с событиями 86 г. в Аттике невероятна, во втором, по меньшей мере, твердо не доказуема.

Ничто, однако, не делает столь явной напряженность протекавших в 88/7 и 87/6 гг. боев в Аттике и на Делосе, ничто явственнее не показывает и небезопасность условий существования в эти годы, как большое число кладов серебряных и медных монет, зарытых тогда их обладателями, но потом уже больше не востребованных. Там, где места находок установлены точно, клады происходят из слоев разрушения. Кроме того, совершенно очевидно, что на сегодняшний день нам известна лишь небольшая часть зарытых некогда сокровищ. Датировка их опирается на то твердое основание, что афинское

³⁴ Hoepfner W. Das Pompeion und seine Nachfolgebauten. — Berlin, 1976. — S. 122, 129, 139.

³⁵ Bol P. C. Die Skulpturen des Schiffsfundes von Antikythera // AM-Ergänzungsheft 2. — 1972; Barr-Sharrar B. The Hellenistic and Early Imperial Decorative Bust. — Mainz, 1987. — P. 22 — 23; Weinberg G. D. Glass Vessels in Ancient Greece. — Athens, 1992. — P. 28 — 33. Я благодарен здесь и ниже Хомиру Томпсону за советы и библиографические указания.

³⁶ Fuchs W. Der Schiffsfund von Mahdia im Musée Alaoui zu Tunis. — Tübingen, 1963; Barr-Sharrar. Op. cit. — P. 23 — 26. Предлагались, впрочем, и более поздние даты, вплоть до времени ок. 50 г. до н. э. Важные новые точки зрения по всем связанным с этим открытиям см. в докладе: Hellenkemper-Salies G. // Bonner Jahrbücher. — 1992. — Vol. 192. — S. 507 — 536.

серебро этих двух лет точно датировано, бронзовые же монеты именно тогда несут на себе те же символы, а потому должны быть синхронны соответствующим серебряным монетам. Так, монеты из бронзы 87/6 г. имеют эмблемой звезду между двух полумесяцев, украшающую и серебро года монетариев «царь Митридат / Аристион».

Как минимум в восьми кладах самые поздние выпуски представлены бронзовыми монетами 88/7 г., в трех других — эмиссиями 87/6 г. Первые были зарыты, вне всякого сомнения, в течение 87/6 г., вторые же — весной 86 г.³⁷. Серия бронзовых монет 87/6 г. особенно велика: в них содержание свинца гораздо превышает норму, да и производят они впечатление начеканенных с известной поспешностью³⁸. Монеты одного клада несут явные следы пожара³⁹, другой клад из Пирея находился посреди завала сожженного дома⁴⁰. Так же однозначны кладовые находки серебряных монет, а именно зарытого в 88/7 г. клада из Пирея⁴¹ и другого, сокрытого в 87/6 г. у Дипилонских ворот, то есть как раз в том месте, где в город ворвались отряды Суллы⁴². Оба этих клада содержали кроме афинских и монеты царя Митридата. Распределение монет 87/6 г. по территории города и гавани показывает также, как много денег находилось в обращении, прежде чем Сулла зимой отсек Афины от Пирея.

На Делосе к годам войны можно отнести минимум шесть, а может быть, и семь из обнаруженных на сегодняшний день кладов⁴³. Другие клады военного времени происходят с соседнего с Аттикой острова Эвбея, на котором понтийский полководец Архелай обосновался со своей штаб-квартирой после проигранных в Беотии сражений. Это клады из Кариста, Халкиды и Эретрии⁴⁴.

Но поистине сенсационная находка была сделана в 1959 г. в Пирее, в двух шагах от порта в одном сожженном в 86 г. римлянами складском здании: пять крупных, большей частью выше натурального роста бронзовых статуй архаической и классической эпох — все произведения исключительно высокого качества, а с ними и другие фрагменты из бронзы и мрамора. Среди них два изваяния Артемиды, одно Аполлона и одно Афины, все от 192 до 235 см высотой. Время разрушения определяется и тем, что в этих развалинах нахо-

³⁷ Kleiner F. // *Hesperia*. — 1976. — Vol. 45. — P. 1 — 40; *Kroll. Coins*. — P. 67 — 80.

³⁸ *Oeconomides-Caramessini M.* // *AAA*. — 1976. — Vol. 9. — P. 223; Walker A.S. // *Hesperia*. 1978. — Vol. 47. — P. 44. На Афинской агоре найдено не менее 201 бронзовой монеты этого года.

³⁹ *Hesperia*. — 1978. — Vol. 47. — P. 44 — 45.

⁴⁰ *AAA*. — 1976. — Vol. 9. — P. 223.

⁴¹ IGCH 337.

⁴² IGCH 339.

⁴³ *Hackens T., Lévy E.* // *BCH*. — 1965. — Vol. 89. — P. 503 — 566.

⁴⁴ IGCH 344, 345; *Antike Kunst*. — 1974. — Vol. 17. — S. 72.

дилась монета 87/6 г. Кажется, именно вследствие разрушения здания эти произведения искусства избежали грабежа римлян, не предполагавших найти в руинах ничего ценного. Фигура Афины была грубо извлечена из базы, на которой она до того стояла, и при этом утратила половину левой ноги. Эти приметы вызвали соблазнительное предположение о том, что в случае с этими изваяниями богов речь должна идти о некогда выставленных на Делосе статуях, которые Аристион вместе с храмовой казной перевез в Афины, где их, не дождавшихся повторного использования, постигли жуткие события на том самом месте, где они с самого начала и хранились⁴⁵. Это предположение хорошо согласуется с высказанной прежде гипотезой о том, что выпущенные Аристионом в 87/6 г. золотые статеры отчеканены из золота, которое он позаимствовал из храмовой сокровищницы Делоса⁴⁶.

Как бы ни были велики разрушения в городе и гавани, Афины вовсе не остались лежать в развалинах. Даже в местах наиболее ожесточенных схваток много осталось совершенно не тронутым, к примеру, Гефестейон на западе и средняя стоя на юге Агоры, как и дорогие надгробные сооружения в Керамике. При штурме города Сулла отдал его своим солдатам на разграбление, но в то же время приказал не разрушать зданий. Позже он сам прославлял себя в мемуарах за то, что спас Афины от полного уничтожения, тогда как Павсаний уже почти два столетия спустя обвинял его в свержсуровой и недостойной римлянина жестокости — оба высказывания имеют свое оправдание⁴⁷.

Когда Сулла покинул землю Аттики, собранный тем временем его младшим командиром Лукуллом флот позволил ему перенести войну против Митридата в Малую Азию. Однако это не было его окончательным прощанием с Афинами. В 84 г., после того как он победоносно завершил войну и вынудил Митридата заключить мир, он снова и, видимо, на долгое время оказался в Афинах. Страдая от приступа подагры, он искал облегчения в горячих серных источниках Айдепсоса, расположенного на севере соседнего с Аттикой острова

⁴⁵ Эту гипотезу высказал: *Dontas G. Antike Kunst*. — 1982. — Vol. 25. — S. 15 — 34. Литература об этой находке обширна; отчет о находке: *Vanderpool E. // AJA*. — 1960. — Vol. 64. — P. 265 — 267. Изображения статуй: *Stewart A. Greek Sculpture*. — New Haven, 1990. — Vol. 2. — № 168 — 169 (Аполлон), 511 (Афина), 569 — 570 (Артемиды).

⁴⁶ *Svoronos J.N. // Journal international d'archéologie numismatique*. — 1927. — Vol. 21. — P. 168 — 169. Переправка Аристионом храмовой казны засвидетельствована и Аппианом (*Mithridateios* 109).

⁴⁷ *Plutarch, mor.* 202 E; *Pausanias* 1, 20, 7. О Керамике см.: *Garland R. // ABSA* 77, 1982, 128. Лукуллу позже пришлось сетовать, что ему — в отличие от Суллы — не удалось спасти завоеванный им город (Амис) от разрушения (*Plutarch. Lucullus* 19, 5).

Эвбея. В Афинах после расправы над Аристионом и его ближайшими соратниками власть в свои руки снова захватили задававшие тон до 89 г. и ориентировавшиеся на Рим круги гражданства. Об Афинионе и Аристионе говорили не иначе как о «тиранах», и монетные магистраты 84/3 г. — а Сулла тогда снова побывал в городе, — явно обыгрывая их бесславный конец, поместили на чекан этого года изображение знаменитых тираноубийц Гармодия и Аристогитона⁴⁸. Те за свой героизм удостоились культовых почестей, а теперь и Сулла сподобился соответствующих почестей как освободитель от тирании: надписями засвидетельствован государственный праздник Силлеи в его честь⁴⁹. Граждане воздвигли ему в благодарность за его заслуги публичную статую (IG II² 4103). И насколько жестоким проявил он себя при взятии города, настолько милостив был потом — Афины избежали дальнейшего наказания: Сулла оставил в их владении даже Делос, который в ходе войны снова покинули понтийские войска. Однако остров заплатил за все слишком большой кровью и подвергся тяжелому опустошению, так что его процветание навсегда кануло в Лету. Кроме того, Сулла обложил его тогда известными поборами, которые были отменены спустя лет тридцать⁵⁰.

Но Афины как будто испытали в итоге войны еще одну, более тяжкую потерю, лишившись острова Саламин. Уже с давних пор это стало почти единодушным мнением исследователей — взгляды разошлись лишь по поводу того, что привело к потере острова. Диктат Суллы — по мнению одних, а по мнению других — обнищание Афин вследствие войны, принудившее город очистить Саламин. Никто, однако, так и не мог сказать, к кому же отошел тогда остров, хотя опять же все были едины в том, что в один прекрасный день он был снова выкуплен для афинян неким Никанором, ибо о том явно свидетельствуют слова речи, произнесенной однажды на Родосе философом Дионом из Прусы то ли во времена императора Веспасиана (69 — 79 г.), то ли при Траяне (98 — 117 г.). Этого Никанора отождествляли с Юлием Никанором из Гиераполя в Сирии, известным как благодетель города по афинским надписям, где он именуется «новым Фемистоклом» и «новым Гомером». Имя знаменитого победителя

⁴⁸ *Habicht Ch.* // *Chiron*. — 1976. — Vol. 6. — S. 135 — 142; *Kroll. Coins*. — P. 81 — 82, автор вычисляет, однако, примерно пятилетний перерыв в монетной чеканке, что относит эти монеты к одному из более поздних годов. Но последнее слово в этом вопросе, вероятно, еще не сказано.

⁴⁹ SEG XXII, 110, L. 57, от 79/8 г. в честь эфэбов предыдущего года. *Raubitschek A.E.* // *Studies in Honor of A. C. Johnson*. — Princeton, 1951. — P. 49 — 57. Ср.: *Pélékidis, Ephébie*. — P. 236 — 239. Победный список из Эгиона в Ахائه приводит под 80 г. до н. э. победу на стадионе мальчиков на афинских Силлеях (SEG XIII, 279).

⁵⁰ Благодаря *lex Gabinia Calpurnia* 58 г.; см. об этом в изданном К. Николе томе: *Insula sacra*. — Paris, 1980. — P. 99 — 100.

при Саламине ему было дано афинянами именно потому, что он вернул в их владение бывшие места их славы; эпитет «новый Гомер» он получил в признание своих заслуг как эпический поэт.

Из таких вот гипотез сложено это искусственное — возводившееся начиная с 1863 г. в несколько приемов камень за камнем — здание. Своей кульминации оно достигло в тех выводах, что Юлий Никанор должен быть современником Августа, а компенсированная в тот момент потеря Саламина должна была, тем самым, произойти ранее, а именно по милости Суллы либо при Сулле, раз уж в некоторых (пусть и не во всех) декретах в честь афинских эфеев постсулланского, но доавгустовского времени непереносимое до того посещение острова эфеевским корпусом не упоминается и коль скоро «саламиняне» после Суллы фигурируют среди эфеев не как граждане, но как «чужаки». Последнее, правда, как теперь известно, имело место задолго до Суллы, еще в 123/2 г., когда остров Саламин уже точно был афинским — под именем «саламиняне» выступают там как раз не жители аттического острова, но граждане города Саламин на Кипре.

Если уж и теперь видно, что основной фундамент этого здания шаток, то ближайшая проверка доказывает его полнейшую неустойчивость⁵¹. На самом деле нет ни одного свидетельства, ни хотя бы какой-нибудь надежной зацепки для того, чтобы считать, что Саламин хоть раз между началом Первой Митридатовой войны и временем Августа был для афинян потерян. Коль этому однажды и суждено было случиться, как вроде бы утверждает Дион из Прусы, то это должно было произойти после Августа, так как Юлий Никанор с максимальной долей вероятности был современником не Августа, но одного из следующих императоров. Когда Сулла отпустил грехи гражданам Афин, пережившим штурм своего города, он оставил в неприкосновенности кроме их жизней еще и территорию их государства и не отобрал у них ни Делос, ни Саламин⁵².

Во время пребывания в городе в 84 г. Сулла воспользовался и случаем быть посвященным в Элевсинские мистерии, которые обеспечивали посвященным продолжение жизни в загробном мире и особо импонировали таким суеверным людям, как он⁵³. Далее, высокому уровню аттического искусства он воздавал ту же дань, что и

⁵¹ Первым подверг господствующее мнение решительному сомнению Э. Капетанопулос: RFIC. — 1976. — 104. — P. 375 — 377, и подробнее: *Ελληνικά* 33, 1981, 217 — 237. При этом лишь у немногих он добился сочувствия. Детально этот вопрос разобран в работе: *Habicht Ch. Salamis in der Zeit nach Sulla*, к которой я и отсылаю за всеми подробностями.

⁵² *Livius*. Perioche 82: L. Sylla... urbi libertatem et quae habuerat reddidit.

⁵³ *Plutarch*, Sulla 16; ср. однако: *Clinton K.* // ANRW 18, 2, 1989. — Vol. 1. — P. 1503, где автор сомневается, идет ли речь действительно об Элевсинских мистериях.

римские победители прежде греческим шедеврам в Сиракузах, Амбракии или Коринфе: многие из них он увез в Рим, среди них, в частности, колонны храма Зевса Олимпийского (с. 221) для Капитолия. Не все эти сокровища достигли места назначения; так, например, у мыса Мелея, южнее Пелопоннеса, затонул корабль, который наряду с прочим должен был доставить в Рим знаменитую картину V в. кисти художника Зевксиса⁵⁴. Библиотека Аристотеля и Феофраста также попала благодаря Сулле в Италию. Ее владелец, прославившийся своей неудачной акцией против Делоса Апелликон, как раз умер, и Сулла стал обладателем этих книг. Никогда прежде по делу не пользовавшиеся, они попали в Рим во времена Цицерона в надлежащие руки жившего там греческого грамматика Тиранниона из Амиса на Черном море. Тот оказал им то внимание, какого они не знали уже веками, ибо стали собственностью не школы Аристотеля, но частных лиц⁵⁵.

В кратком очерке своей составленной при императоре Тиберии «Римской Истории» Гай Веллей Патеркул прямо-таки отрицает отложение Афин от Рима и делает это в высшей степени удивительным для римлянина образом. Преданность Афин Риму была якобы столь велика, что римляне имели обыкновение говорить, будто в любое время и во всех обстоятельствах афиняне готовы доказать свою верность. Только понуждаемые силой армий Митридата сражались они против римлян, к которым даже и во время осады города и гавани Суллой испытывали дружбу и симпатии⁵⁶. Исторической действительности сие не соответствует.

Аппиан передает еще рассказ о том, что Сулла после захвата Афин якобы снова вернул силу тем законам, какие были прежде даны городу Римом. Все попытки идентифицировать этот прежний, установленный Римом строй остались, впрочем, безрезультатными, а посему здесь, как доказано многими учеными, речь должна идти об ошибке Аппиана⁵⁷. Вопрос о том, какой была конституция постсулланских Афин и как она появилась на свет, будет поставлен в начале следующей главы.

⁵⁴ *Plinius*, nat. hist. 36, 45; *Plutarch*, Publicola 15, 4 (храм Зевса); *Lukian*, Zeuxis 3 — 7, автор описывает оставшуюся в Афинах копию. *Pape M.* Griechische Kunstwerke aus Kriegsbeute und ihre öffentliche Aufstellung in Rom: Diss. — Hamburg, 1975. — S. 21 — 22. Карту разграбленных Суллой в годы Первой Митридатовой войны в Греции мест и святилищ см.: *Waurick G.* Kunstraub der Römer // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. — 22, 1975 [1977] S. 44, Abb. 4.

⁵⁵ *Gottschalk H. B.* // *ANRW* 36, 2, 1987, 1083 — 1088. Часть этой донесенной традицией истории баснословна.

⁵⁶ *Velleius* 2, 23, 4 — 5.

⁵⁷ *Appian*, Mithridateios 152. *Bernhardt R.* Polis und römische Herrschaft in der späten Republik. — Berlin, 1985. — S. 41 — 42.

XIV. После войны

1. Государственное устройство

Сообщение Аппиана о том, что Сулла после казни Аристиона и его наиболее скомпрометировавших себя сторонников соблаговолил простить остальных афинян и затем снова ввел в Афинах государственное устройство, которое прежде дано было им римлянами¹, во второй своей части имеет сомнительную ценность. Ведь, с одной стороны, нет никаких признаков того, что Рим до войны хоть раз вторгся в конституцию свободных и союзных полисов, а с другой стороны, — сомнительно, чтобы Сулла сотворил такое после завоевания города. Постсулланская конституция Афин не должна была быть сулланской, то есть данной Суллой². Едва ли она нуждалась в его вмешательстве, ведь с его победой временно проигравшие тиранам Афиниону и Аристиону крути ориентировавшихся на Рим граждан само собой вновь взяли верх. От высказывания Аппиана верным остается, однако, то, что строй Афин после 86 г. стал походить на тот, который сохранял свою силу в конце II в. вплоть до свержения Медея в 89/8 г. Определяющим для него было доминирование олигархических элементов над выжившими еще демократическими чертами, то есть тем самым смещение центра тяжести с демократических на элитарные органы: с избранных по жребию должностных лиц и Народного собрания на выбранных поднятием рук магистратов и Совет бывших архонтов — Ареопаг. При таком порядке самыми сильными фигурами были выбранные стратеги гоплитов и глава Ареопага (с титулом «глашатай»). Этот строй не был, однако, след-

¹ *Appian*, *Mithridateios* 152. См. выше, с. 309. О нижеследующем см.: *Accame*, *Dominio*. — P. 102 — 110, 163 — 187; *Geagan D.* *The Athenian Constitution after Sulla* // *Hesperia*. — 1967. — Suppl. 12.

² Однако так постоянно утверждает Гиген (op. cit.): «новое конституционное устройство, установленное Суллой» (с. 5), «резкая перемена, когда Сулла ввел в Афинах свою новую конституцию» (с. 17). О «римском вмешательстве в афинскую конституцию» пишет также: *Bowersock G.W.* *Augustus and the Greek World*. — Oxford, 1965. — P. 106.

ствием войны — он был выработан уже в конце II в. до н. э., причем едва ли под непосредственным влиянием Рима, хотя и — как можно догадаться — при благожелательном попустительстве римских правящих кругов³.

Но как бы там ни было, после взятия Афин Суллой олигархические элементы в государственном устройстве набрали еще больший вес. Так, эпонимный архонт перестал с тех пор назначаться по жребию из узкого круга кандидатов, но путем выбора, прямой (ввиду итерации никогда более не повторявшийся) прецедент чему давал многократный архонтат Медея в 90-е годы. Во всяком случае, недемократическая жеребьевка была причиной тому, что первым архонтом, заступившим на должность после взятия города, был гиерофант из Элевсина. Далее, очевидно, что после 86 г. уже не был в ходу секретарский цикл, в соответствии с которым двенадцать фил в официальной последовательности сменяли друг друга при назначении секретарей Совета⁴. Кроме того, известные нам постановления Народного собрания тянутся почти до начала войны, а после 86 г. напрочь исчезают на четыре десятка лет⁵, от которых мы имеем только декреты, изданные одним Советом⁶.

Список постсулланских эпонимных архонтов открывает «гиерофант» 86/5 г., то есть вместо имени поставлен сакральный титул исполнителя этой должности, кто с годовым чином архонта сочетал пожизненный высокий сан элевсинского жреца из рода Эвмолпидов⁷. Это был первый случай подобного совмещения сакральной должности

³ Уже в конце II в., к примеру, в официальной таблице о рангах стратег гоппитов и глава Ареопага были поставлены на второе, соотв. третье место после архонта-эпонима, оттеснив тем самым архонта-басилевса на четвертое (Geagan 10). Олигархический характер конституции особо яркое отражение нашел в расширенных актах Пифаиды (с. 272 сл.) и охватывающем дюжину лет — до и после рубежа столетий — каталоге IG II² 2336 (анализ у: Tracy St. // HSCP. — 1979. — Vol. 83. — P. 215 — 220; idem, IG II² 2336. — P. 108 — 145).

⁴ Follet S. Athènes au IIe et au IIIe siècle. — Paris, 1976. — P. 301 — 303. Вплоть до 95/4 г. цикл секретарей, в любом случае, оставался в силе.

⁵ Rhodes P. The Athenian Boule. — Oxford, 1972. — P. 86 — 87.

⁶ Agora XV 263 — 281; Pouilloux J. Rhamnonte. — 1954. — P. 139, № 24 (от 83/2 г.); IG II² 1039 (SEG XXII, 110) — от 79/8 г., содержит три декрета Совета; ASA, NS 3 — 4, 1941 — 1942, P. 83 — 84, № 6 (от 75/4 г.); IG II² 1046 (от 52/1 г.); Ср.: Rawson E. // Athenaeum. — 1985. — Vol. 73. — P. 59. Найденный недавно в Рамнунте декрет Совета происходит самое раннее от 80-х годов и датирован по прежде неизвестному архонту Асклепиду (Ergon 1992 [1993] 3). Совет уполномочивает стратега прибрежной зоны провести восстановительные работы в крепости Рамнунта, пострадавшей от набегов пиратов, предположительно во время Митридатовой войны.

⁷ Clinton, Officials. — P. 9 (об этом феномене, названном гиеронимией), 29, № 16 (об архонте 86/5 г.). Считающийся ранним случай гиеронимии IV в. относится на деле к II в. (Tracy, ALC. — P. 155 — 156) и является наряду с новым документом о Панафинях 166 г. (Hesperia 60, 1991, 180, col. II 37, 53) пока самым ранним свидетельством этой практики.

с гражданской; причина такому отклонению лежит на поверхности — в год освобождения от тирании граждане желали воочию показать, что носитель этой верховной должности был тем мужем, кто уже в силу своего высокого сакрального звания не мог ни участвовать в деяниях сверженного режима, ни извлечь из них для себя выгоду.

Отход от этого режима сказался уже двумя годами позже, в момент повторного пребывания Суллы в городе, когда оба монетария 84 г. — Ментор и Мосхион — поместили на серебряных монетах группу тираноубийц Гармодия и Аристогонита. Тем самым олигархическая власть привлекла к себе на службу героев демократии, что стало возможным уже из-за того, что и олигархия осознавала себя победительницей «тирании». Через сорок лет это повторилось на иной манер, когда все еще пропитанные олигархическим духом власти Афин решили выставить рядом с группой Гармодия и Аристогонита статуи новых «тираноубийц» Брута и Кассия⁸.

Следом за 86 г. не только не сохранилось ни одного постановления Народного собрания, но и дошедшие декреты Совета немногочисленны, не считая таких дежурных, как декреты в честь пританов и их казначеев. И ни один из этих декретов не разбирал политических дел, но в них господствуют культовые и религиозные сюжеты. В 83/2 г. Совет занимался чужеземным, распространенным далеко за пределами города культом фригийской богини Агдистис в Рамнунте, который попал туда, по всей вероятности, вместе с размещавшимися там наемниками. Афинские сельские жители обложили тех, кто собирався его отправлять, податями, чему, опираясь на жалобу затронутых этим лиц, Совет пытался воспрепятствовать⁹. В 81 г. городу Стратоникее в юго-западной Малой Азии в награду за сохранение верности Риму в годы Митридатовой войны Сенатом были дарованы привилегии. Тогда же Афины, подобно многим другим государствам, гарантировали этому городу право неприкосновенности святилища Гекаты¹⁰. Интересно было бы узнать, предоставлена ли была такая гарантия одним только Советом или при участии Народного собрания. Другой декрет Совета — 75/4 г., найденный на афинском острове Лемнос, касается тамошнего культа Кабиров и персонала, выбранного от каждой филы для заботы об этом культе¹¹. Длинный декрет Совета 52/1 г. говорит об инициативе жреца Асклепия поправить святилище своего бога в тех частях, которые грозили обрушиться, на что Совет должен был выдать свою санкцию¹². Какой-либо политиче-

⁸ О монетах 84/3 г. см.: Habicht // Chiron. — 1976. — Vol. 6. — S. 135 — 142; о Бруте и Кассии в 44/3 г. см.: Cassius Dio 47, 20, 4.

⁹ Pouilloux. Rhamnonte. — 1954. — P. 139, № 24.

¹⁰ OGI S. 441, 174.

¹¹ ASA, NS 3 — 4, 1941 — 1942, P. 83 — 84, № 6.

¹² IG II² 1046, 3174. Aleshire S. The Athenian Asklepieion. — Amsterdam, 1989. — P. 32 — 34. Ср. цитируемую в примеч. 6 новую надпись из Рамнунта.

ской подоплеки опять же лишены награждения эфебов 80/79 г. различными декретами Совета¹³. Судя по ним, эфебия продолжила свое существование и деятельность, подобно тому, как в то время большим спросом пользовались философские школы (см. ниже с.324). И в самом деле, эфебы восхвалялись среди прочего за то, что они посещали занятия риторов и грамматиков, а также лекции философов.

Многие видные философы покинули Афины: во время ли противного законам правления Медея или при режиме Афиниона. Это известно для эпикурейца Федра, который уже до перехода Афин на сторону Митридата находился в Риме, где его лекции слушал Цицерон, а кроме того, для Филона из Ларисы — главы Академии: из-за введенных Афинионом порядков он был вынужден переселиться в Рим. В бытность его еще в Афинах его слушал знатный римлянин Гай Аврелий Котта, покинувший Рим в 90 г., дабы избежать угрожавшего ему приговора. По совету Филона Котта посещал и занятия эпикурейца Зенона. С окончанием войны Федр и Филон сумели вернуться в Афины, а Котта в Рим¹⁴.

Первый датированный декрет Народного собрания постсулланского времени относится к 49/8 аттическому году, завершавшемуся в июле 48 г., а потому скорее всего предшествует победе Цезаря над Помпеем при Фарсале 6 июня 48 г. — когда Цезарь принял решение по поводу Афин. О содержании этого документа, ввиду утраты значительной части текста, что-либо сказать трудно, а потому абсолютно неясно, в чем заключалось возобновленное содействие Народного собрания в разработке декрета. Из него не обязательно следует, что к моменту его издания первейшие элементы постсулланской олигархии уже сдали свои позиции перед крепким демократическим порядком¹⁵. Такое впечатление производит, однако, скорее другая надпись, которая моложе данной всего на несколько лет. Она относится к концу 40-х годов, то есть после убийства Цезаря, и содержит постановления в честь эфебов в год архонта Никандра. Та роль, которую при чествовании эфебов в годы постсулланской олигархии вверили стратегу гоплитов и главе Ареопага, снова перешла — как и во времена более демократических порядков — к коллегии стратегов и казначею воинской кассы¹⁶. А несколько лет спустя — около 38 г., когда хозяином Афин и Греции стал Марк Антоний — упомянутые выше

¹³ SEG XXII, 110.

¹⁴ Ferrary J.-L. *Philhellénisme et impérialisme*. — Roma, 1988. — P. 445 — 447; Dorandi, *Ricerche*. — P. 52 — 53.

¹⁵ IG² II 1047.

¹⁶ IG II² 1042, названный магистрат в d 9 — 10. Те же отношения нашли отражение в двух документах о других выпусках эфебов: IG² II 1040, 34 и 1041, 36 — 37, однако оба архонта этих актов могут датироваться на двадцать лет позже, т. е. августовским временем.

олигархические чиновники в одном декрете по поводу выпуска эфеев опять были наделены теми же функциями¹⁷.

В науке оживленно дискутировалась эта повторившаяся смена в то или иное время полномочных государственных инстанций и делалась попытка объяснить ее разного рода вмешательством Рима в конституцию Афин. Эти нападки на строй якобы исходили одни за другими от Цезаря, Марка Брута и Антония¹⁸. Однако эти рассуждения ни разу не привели к однозначным выводам, но лишь завели в тупик. Вовсе не ясно, следует ли предполагать римское вмешательство и имеем ли мы дело с реальными изменениями в конституции, а не просто с какими-то несущественными административно-техническими вариантами¹⁹. Разделяемая многими точка зрения, что Цезарь, мол, вернул в 48 г. Афинам большие демократические свободы, приходит в противоречие с тем, что в 45/4 и 44/3 гг. Ареопаг снова назван властвующей инстанцией, и назван именно Цицероном, который как раз в эти годы поддерживал тесные связи с ведущими политиками города, где учился его сын²⁰. Потому-то Аккаме вопреки предшествующим мнениям приписал эту инициативу не Цезарю, а его убийце Бруту в годы пребывания того в Афинах в 44/3 г. Затем она якобы была отозвана его победителем Антонием после 42 г. до н. э., а олигархия вновь набрала силу²¹.

В ходе гражданской войны в Риме начиная с 49 г. действительно случались резкие политические перемены. Афины на протяжении без малого десяти лет должны были подлаживаться сначала под Помпея, затем под его победителя Цезаря, потом его убийцу Брута и, наконец, победившего Брута Антония, пока того после десятилетнего господства не одолел Октавиан. Поэтому в эти годы могли — и конечно же не раз — происходить изменения конституции, как и смена действующих лиц среди тех или иных кругов задававших тон граждан. Но это ни в коем случае не означает, что с переменой политической конъюнктуры постоянно должна была быть связана и смена олигархии демократией или наоборот.

¹⁷ IG II² 1043, 55. Должностные лица те же, что и в 79/8 г. (IG II² 1039, 63 — 64).

¹⁸ Из последних прежде всего: *Accame*, *Dominio*. — P. 172 — 179; *Rawson*. *Op. cit.* — P. 59 — 64.

¹⁹ Скептически настроен против далеко идущих предположений: *Touloumakos J.*, *Der Einfluß Roms auf die Staatsform der griechischen Staaten des Festlandes und der Insel im ersten und zweiten Jahrhundert v. Chr.* Diss. — Göttingen, 1977. — S. 77.

²⁰ *Cicero*, *de natura deorum* 2, 74; *de officiis* 1, 75; *Plutarch*, *Cicero* 24, 7. *Accame*, *Dominio*. — P. 174 — 175; *Rawson*, *op. cit.* — P. 63. Связи Цицерона с высшим обществом Афин в эти годы освещены прежде всего в работе: *Rawson*. *Op. cit.* — P. 44 — 67.

²¹ *Accame*, *ibid.*

В дискуссии о постсулланской конституции Афин существенную роль играет один, опубликованный в 1971 г. документ, как бы фрагментарен он ни был²². Это изданный по предложению некоего Демей²³ декрет Народного собрания или Совета, который по характеру письма скорее всего относится к I в. до н. э., но может принадлежать и II в. до н. э. Речь в нем идет о «демократии» (стк. 7), о противопоставлении жребия открытому голосованию (стк. 8), а также о выборных должностях (стк. 10 и 20). Единственное действительно связанное распоряжение гласит, что ранее изданные Ареопагом законы должны оставаться в силе²⁴. Издатель Д. Гиган, учитывая именно выдающуюся роль Ареопага, приводит аргументы в пользу того, что декрет следует связать с реставрацией олигархии. Он указывает на постсулланский государственный строй и конкретно на 84/3 г., когда Сулла повторно побывал в Афинах. Как реакция на предшествующую «тиранию» Афиниона, а затем Аристиона, этот строй мог быть определен как «демократический» (в смысле «республиканский»)²⁵.

Вопреки этому Дж. Оливер понял текст декрета прямо наоборот: как возвращение от олигархии к демократии и выборам по жребию при замещении должностей. В этом декрете, изданном в 70/69 г., нашло отражение обусловленное событиями в Риме (особенно обновлением политических прав народных трибунов после ограничения их Суллой) упразднение олигархии, насажденной в Афинах Суллой²⁶. Гиган определил эту — диаметрально противоположную его собственной трактовке — точку зрения в одной из более поздних разработок как возможную альтернативу²⁷. Толкование Оливера было, напротив, решительно отвергнуто Э. Баданом²⁸. Он согласился, прав-

²² Geagan D.J. // *Hesperia*. — 1971. — Vol. 40. — P. 101 — 108, Tab. 16.

²³ Δημέας Δημέου Ἀθηναίος, в восстановлении Гигана. В действительности же единственный засвидетельствованный Демей, сын Демей, был, однако, демотом Гал: IG II² 2445, 15 (ок. 140 г. до н. э.); 5471. Без демотикона появляется некий Демей, сын Демей, как афинский эфеб в Дельфах в 138/7 г. (FD III 2, 23, col. II 16). Дополнение Гиганом демотикона, как это видно, произвольно и абсолютно ненадежно, равно как и его попытки идентифицировать предложившего декрет с носителями этого имени (для которых, однако, не засвидетельствован демотикон!). На поколение занижены и даты, предложенные им для одного или нескольких монетариев по имени Демей, поскольку он следует хронологии Маргарет Томпсон.

²⁴ Строка 17: τὰ προϋνομοθετημένα.

²⁵ Geagan. Op. cit. 107 — 108.

²⁶ Oliver // GRBS 1972. — Vol. 13. — P. 101 — 102.

²⁷ Geagan // ANRW. II 7, 1. — P. 376.

²⁸ Badian // AJAH. 1976. — Vol. 1. — P. 105: «нереальная датировка, основанная на «корреляции» с неверно истолкованными событиями в Риме». Ср.: Rawson E. // *Athenaeum* 73, 1985. P. 61, note 79. Hoff M.C. // *Hesperia*. — 1990. — Vol. 58. — P. 272, note 31; автор присоединяется к Оливеру.

да, с Оливером в том, что речь должна идти о возврате к демократии (а не к олигархии), и увидел в тексте демократический манифест времени «демократии» Афиниона 88 г.

Этот разброс мнений показывает, что как датировка, так и содержание документа во всех деталях не ясны. Предпринятые Гиганом и Оливером и подвергнутые критике Бадрианом попытки определить год декрета на основании демотикона бывшего в должности секретаря Совета в корне несостоятельны: сохранились лишь начальные три буквы демотикона, допускающие три различных дополнения и при этом три различные филы для искомой филы секретаря (I, IX и XI). Кроме того, установлено, что продержавшейся, как минимум, до 95/4 г. сменяемости секретарей вскоре после этого перестали придерживаться. Минимые аргументы в пользу датировки 84/3 г. (фила IX) или 70/69 г. (фила XI) не имеют силы.

Учитывая современное состояние дел, обсуждаемый документ не должен привлекаться при обсуждении постсулланской конституции Афин. Он вполне может быть досулланским, а о чем он, собственно, сообщает, до сих пор остается невыясненным.

2. Правящее общество

С конца II в. до н. э. официальная табель о рангах высших должностей выглядела следующим образом: первое место занимал архонт-эпоним, второе — стратег гоппитов, за ним на третьем месте следовал глава Ареопага, а архонт-басилевс на четвертом. Если архонты прежних времен, включая и эпонимов, были избираемыми по жребию мужами без особого политического веса, а потому редко происходили из ведущих фамилий, то уже в назначении Сарациона из Мелиты (116/5 г.) и в повторном наделении эпонимной должностью Медея из Пирея (101/100, 91/90, 90/89, 89/8 гг.) обозначилось, что еще до Суллы их замещение не вверялось более слепому случаю жребия, но в той или иной форме направлялось. С этой поры с эпонимным архонтатом связывался не только — как постоянно прежде — огромный личный престиж, но и в то же время политический вес — в той именно мере, в какой эпонимы происходили из круга ведущих семейств. После Суллы это стало, как будет показано, незыблемым правилом. Не так точно установлено, назначались ли с тех пор и прочие архонты — архонт-басилевс, полемарх и шестеро фесмофетов — тем же самым образом и набирались ли они также из ведущих фамилий. Это можно предположить, по крайней мере, для басилевса, ибо лишь таким образом объясняется, почему он занимал столь высокое место в иерархии должностей; то же вполне вероятно для полемарха и фесмофетов.

По своему политическому весу к этим магистратам следует, во всяком случае, причислить избиравшегося — в зависимости от об-

стоятельств — на год уполномоченного (эпимелета) Делоса. Ведь не случайно на этом посту оказывались только бывшие архонты, то есть члены Ареопага, а о многих исполнителях этой должности известно как о членах первых фамилий²⁹. Все названные должности были годичными, и на них не мог избираться повторно тот, кто уже раз их занимал (два исключения встречены у делосских эпимелетов 128/7 и 126/5 гг. — оба исполняли должность дважды), за исключением стратега гоппитов, которым мог стать один и тот же гражданин многократно, как это веками было принято для всех постов коллегии стратегов, куда даже в годы радикальной демократии можно было попасть только путем открытого голосования, а не по жребию. Во времена после Суллы ведущих политиков узнавали в тех афинянах, которые известны как исполнявшие должность стратега гоппитов более одного раза³⁰. Но и многие другие, встреченные на этом посту лишь раз, конечно же занимали его неоднократно. Однако и тот, кто лишь раз за свою карьеру был стратегом гоппитов, обладал состоянием и влиянием³¹.

Также и в отношении монетных магистратов — ежегодно двоих, рядом с которыми на какую-то часть года вставал зачастую так называемый «третий магистрат» — просопографический анализ показал, что и они, похоже без исключений, происходили из зажиточных и политически активных фамилий. Царь Митридат ни минуты не колебался дать согласие на помещение своего имени как монетного магистрата на афинском серебре 87/6 г. Очень часто эту должность исполняли вместе в один год близкие родственники — отец и сын, два брата или два двоюродных брата. И на этот пост допускалось повторное избрание³². Перед тем как чеканка серебра около 40 г. прекратилась вовсе, многие граждане, зарегистрированные в I в. до н. э. как монетные магистраты, спустя несколько лет прыгнули на пост эпонимного архонта;³³ без всякого сомнения, гораздо большее их

²⁹ Об эпимелетах периода с 167 по 88 г. см.: *Habicht Ch. // Hermes.* — 1991. — Vol. 119. — S. 194 — 216; о них же в постсулланское время вплоть до Августа см.: *Roussel. Délos.* — P. 114 — 117.

³⁰ До конца первого столетия это Герод из Марафона, Антипатр из Флии, Эпикрат из Левконой и Ксенокл из Рамнунта. Из них исполнителями этой стратегии были: Антипатр, по крайней мере семь раз, Герод и Ксенокл, как минимум четырежды, Эпикрат, по меньшей мере дважды. *Sarikakis Th. The Hoplite General in Athens / Diss.* — Princeton, 1951. — P. 25 — 27.

³¹ В список Сарикакиса (примеч. 30) следует внести для этого времени Леонида из Мелиты — эпонимного архонта 12/11 г. и стратега гоппитов позднего I в. до н. э. (*Agora XV 300*).

³² *Habicht Ch. // Chiron.* — 1991. — Vol. 21. — S. 1 — 23; особенно 3 — 4 и 23.

³³ Эпонимные архонты вышли из числа монетариев одного или нескольких прежних лет, например, Медей (ок. 65/4), Герод (60/59), Диокл (57/6), Диодор (53/2), Лисандр (52/1), Демохар (49/8), Филократ (48/7), Полихарм (ок. 43/2) и Диокл (39/8).

число должно было попасть на один из восьми других архонтских постов³⁴.

Только самые богатые семейства города поставляли граждан, становившихся как агонифеты устроителями больших празднеств, поскольку выбранные на этот пост должны были нести значительные расходы из собственного кармана, набегавшие до нескольких талантов, прежде всего при устройстве каждые четыре года Великих Панафиней³⁵. Известные начиная с середины II в. агонифеты крупных праздников (Панафиней, Элевсиний, Тесей и т. д.) без исключений принадлежали к самым влиятельным фамилиям своего времени: Мильтиад из Марафона³⁶, Адеймант из Икарии³⁷, Леон из Аиксионы³⁸, Аполексид из Пирея³⁹, Биттак из Ламиттр⁴⁰, Медей из Пирея⁴¹, Сарапион из Мелиты⁴² и в августовское время Синдром из Стейрии⁴³. И цари, такие как Ариарат V Каппадокийский в середине II в., предлагали свои услуги в качестве устроителей Панафиней, ежели их о том просили, и любовались затем своими именами, увековеченными на панафинейских амфорах, выдававшихся как призы победителям⁴⁴.

Судя по их представителям, к ведущим фамилиям Афин постсулланской поры можно причислить всех граждан, побывавших в должности либо эпонимного архонта, стратега гоппитов, главы Ареопага, эпимелета Делоса, агонифета, либо монетного магистрата, а предположительно, и одного из нижестоящих архонтов. В любом случае, политическими лидерами могут считаться те из них, которые более одного раза становились стратегами гоппитов или известны как исполнявшие на протяжении лет несколько вышеперечисленных

³⁴ Так как эти архонты по большей части неизвестны, имеется лишь очень немного примеров. Монетариями прежде были, к примеру, два фесмофета 56/5 г.: Эпиген из Мелиты вместе со своим братом Ксеноном в 70/69 г.: IG II² 1717, 12; *Habicht*. Op. cit. S. 14; и Архиптим из Сфетта в 62/1 г.: IG II² 1717, 11; *Habicht Ch.* Op. cit. S. 16.

³⁵ Эвриклид из Кефисия издержал на свою агонифегию на исходе III в. из собственного кармана семь талантов (IG II² 834, 4 – 5), два агонифета Тесей в середине II в. соотв. по полталанта, т. е. около 3000 драхм (IG II² 956, 18 – 19; 958, 15 – 16; ср.: 968, 41 – 55).

³⁶ Tracy, ALC. — P. 140, 160 – 161; Gauthier, Cités. — P. 79, note 7.

³⁷ *Habicht Ch.* // Hermes. — 1991. — Vol. 119. — S. 197.

³⁸ *Habicht Ch.* Studien. — S. 194 – 197.

³⁹ *Habicht Ch.* // Chiron. — 1991. — Vol. 21. — S. 17.

⁴⁰ Tracy. IG II² 2336 (1982) 194.

⁴¹ Tracy. ALC. — P. 210 – 211.

⁴² *Ibid.* — P. 215.

⁴³ *Prüchett W. K.* // Hesperia. — 1942. — Vol. 11. — P. 247 – 249.

⁴⁴ Bull. épigr. 1959. — P. 79; *Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer*/ Hrsg. *Bringmann K.*, von Steuben H. — Berlin, 1995. — S. 82, Nr. 37, Abb. 23 – 26.

функций⁴⁵. Более подробно многие из ведущих фамилий Афин времен Цицерона рассмотрены в содержательной статье Элизабет Ронсон, к которой и отсылаю за дальнейшими подробностями⁴⁶. Она разбирает семейства Герода из Марафона, Леонида из Мелиты, Эпикрата из Левконой, Ксенона из Мелиты, Полихарма из Азении и Лисида из Береникид. В этих кругах вращались молодые, учившиеся в Афинах римские аристократы, такие как Цицеронов сын Марк. От некоторых из этих ведущих людей города Цицерон ожидал известий, как проявляет там себя его сын. Следует, однако, постоянно иметь в виду, что в совокупности число ведущих политиков своего времени нам само по себе неизвестно — по воле случая традиция не донесла о них достаточно свидетельств. Поэтому никогда нельзя утверждать, что тот или иной гражданин не занимал лидирующего положения в политике своего времени, и наоборот — смело утверждать, что этот или тот его занимал, если для этого имеется достаточно эпиграфических свидетельств.

Скорее престижем, чем политической властью, украшались обладатели высоких жреческих постов, особенно те, кто заступал на них пожизненно из аристократических семейств Эвмолпидов и Кериков, как оба самых главных священнослужителя Элевсинского культа — гиерофант и дадух⁴⁷. Мостик между ними и государственными чиновниками прокладывает уже архонт-эпоним: первым после взятия города Суллой эпонимом был не кто иной, как гиерофант, который — обладая пожизненной сакральной должностью — от лета 86 до лета 85 г. исполнял и функции эпонимного архонта⁴⁸. Им мог быть Теофем из Кидатенайона — уже на рубеже веков он засвидетельствован как гиерофант. Отец его Менеклид также был гиерофантом⁴⁹. Теофем, ставший в 61/60 г. эпонимным архонтом и в 56/5 г. главой Ареопага, был либо его сыном, либо племянником⁵⁰. По-

⁴⁵ Сочетание нескольких из самых высших должностей в ходе карьеры стало непреложным правилом для граждан, дослужившихся до эпонимного архонта. Эпикрат, которого юный Цицерон во время своего пребывания в Афинах в 44 г. назвал *princeps Atheniensium*, принадлежал к фамилии из Левконой, среди членов которой находились в то время несколько монетариев, архонтов, глашатай Ареопага, эпимелет Делоса и стратег гоплитов (*Tracy St. V. IG II² 2336, 206 — 207; Rawson E. // Athenaeum. — 1985. — Vol. 73. — P. 51; Habicht Ch. // Chiron 21, 1991. — Vol. 21. — S. 16*). Для эпохи Августа богатый, нуждающийся теперь в пополнении материал содержит работа: *Graindor P. // Chronologie des archontes atheniens sous l'empire. — Cairo, 1922.*

⁴⁶ *Athenaeum. — 1985. — Vol. 73. — P. 44 — 67.*

⁴⁷ Основательное исследование: *Clinton. Officials. — P. 8 — 68*. Оба они в постсулланское время считались важнейшими и почетнейшими жречествами государства вообще.

⁴⁸ См. выше, с. 311

⁴⁹ *Clinton, Officials. — P. 28 — 29, № 15, 16.*

⁵⁰ Об эпонимном архонте Теофеме см.: *Kastor // FGtHist. 250, F 4 — 5; IG II².*

сколько гиерофанты достигали своих высоких отличий лишь в зрелом возрасте, они вполне могли в молодые годы принадлежать к политически лидирующей элите, что потом в императорскую эпоху стало хорошо документированным правилом⁵¹.

То же самое относится и к избравшимся из рода Кериков дадухам. Приблизительно с 200 г. до н. э. это почетное звание делили два семейства: Леонтия, Софокла и Ксенокла из Ахарн и Филистида и Филоксена из Гагнунта, к которым вскоре после Суллы присоединилась другая фамилия из Гагнунта — Фемистокла и Феофраста, после того как старший Фемистокл женился на Акестион из дома дадухов Ахарн⁵². Поэтому с начала II в. до эпохи Августа и позже более двух столетий подряд все дадухи либо были друг другу родственниками, либо породнились. Акестион могла гордиться тем, что ее прадед, дед, отец, брат, супруг и сын (а потом и его отпрыски) все были дадухами, о чем спустя два с половиной века еще знал Павсаний, сообщивший об этом в своем «Описании Эллады»⁵³. Если даже вследствие корректировки хронологии афинского серебра нового стиля стемма этих фамилий должна быть слегка модифицирована⁵⁴, то остается неизменным, что члены этого рода среди прочего выполняли следующие функции: гиеропов на празднике Афиней 156/5 г.⁵⁵, агонифетов Панафиней 108/7 г.⁵⁶, жречество «у алтаря» в Элевсине⁵⁷ и — в разных генерациях и повторяясь раз за разом — должность монетного магистрата⁵⁸. Один прежний архонт из рода Кериков, по-видимому член рода дадухов, был в 103/2 г. командующим афинским флотом и в таком звании поддержал операции проконсула Марка Антония против пиратов на южном побережье Малой Азии (с.281 сл.).

Происхождение эпонимных архонтов постсулланского времени всегда из состоятельных и деятельно подвизавшихся в политике семейств, как и достижение ими этого поста отнюдь не по воле жребия, сказалось прежде всего уже в том, что источниками многократно за-

1716, 15; SEG XXXVI, 267; о главе Ареопага Теофеме из Кидатенайона: IG II² 1717, 15 — 16.

⁵¹ Clinton. Officials. — P. 45: «характерно для гиерофанта римского периода, что он был политически весьма выдающейся личностью».

⁵² Clinton. Officials. — P. 47 — 68, со стеммой на с. 58.

⁵³ Pausanias 1, 37, 1.

⁵⁴ Указанные в стемме Клинтон (Officials 58) даты для монетариев из фамилий дадухов еще на 34 года выше первоначальной хронологии М. Томпсон (с. 240).

⁵⁵ IG II² 1937, 11.

⁵⁶ IG II² 1036, 22 — 23.

⁵⁷ Clinton. Officials 82, № 8.

⁵⁸ Ксенокл (из Ахарн) трижды с Гармоксеном в 95/4, 92/1 и 90/89 гг., т. е. во время господства Медея; Фемистокл из Гагнунта в 78/7 г. с Сотадом и в 75/4 г. со своим отцом Феофрастом (Habicht Ch. // Chiron 21, 1991. — Vol. 21. — S. 6).

регистрированы на этой должности члены одних и тех же фамилий: например, наряду с Медеем из Пирея, четырежды побывавшим на рубеже столетий в ранге архонта, — его сын Медей около 65/4 г.⁵⁰, вслед за Геродом из Марафона в 60/59 г. — его сын Эвклеий около 46/5 г.⁶⁰, далее — его отпрыск Полихарм⁶¹, за ними братья (или двоюродные братья) Диотим (ок. 26/5 г.) и Теофил (11/10 г.) — сыновья Диодора из Гал⁶², наконец, три поколения подряд — Демохар в 49/8 г., Менандр в 38/7 г. и после 9/8 г. Демохар из Азении⁶³.

Для 54 лет, разделяющих моменты оставления Суллой Афин в 84/3 г. и победы Октавиана над Антонием в 31/30 г., известны имена 44 эпонимных архонтов, из которых 34 надежно или с известной степенью надежности приурочены к определенным годам. Из оставшихся десяти шесть относятся к периоду между 74/3 и 65/4 гг., а из оставшихся четырех — с 46/5 по 43/2 г. Лишь начиная с 60-х годов I в. до н. э., когда, пережив времена информационного голода, надписи вновь стали возрастать числом, большинство этих высших должностных лиц, даже если они поименованы по одному только своему имени, могут быть идентифицированы с известными гражданами, то есть с причитавшимися им отчествами, и демотиконом отнесены к известным фамилиям. Почти все они отмечены на прочих высших постах, и многие должны быть причислены к самым выдающимся семействам этой эпохи, как названные выше Медей из Пирея, Герод и Эвклеий из Марафона (они были предками доминировавшего в городе в середине II в. н. э. Герода Аттика), Теофем из Кидатенайона, Лисиад из Береникид, Лисандр из Пирея и Диокл из Кефисии.

Для периода в 55 лет между 65/4 и 11/10 гг. можно установить лишь 45 эпонимных архонтов. Из них 21 могут быть причислены к известным и в то же время политически активным фамилиям. И хотя в отношении остальных, ввиду недостатка данных, доказать это (до сих пор) не удавалось, вполне допустимо утверждать то же самое. Родословную лишь немногих эпонимных архонтов удастся проследить на протяжении двух столетий и более: это семейство архонта Теофема (61/60 г.), Лисиада (51/50 г.), обоих родственников из Гал — Диотима (ок. 26/5 г.) и Теофила (11/10 г.), а также Полихарма из Азении, бывшего архонтом-эпонимом между 9 г. до н. э. и 14 г. н. э. К победителю персов Фемистоклу возводил свой род в раннеавгустовское время дадух Фемистокл из Гагнунта, к политику Ликургу —

⁵⁰ IG II² 1340, 1; 1095, 12; 2874.

⁶⁰ IG II² 1716, 17; 2992 (Герод); I Délos 2632, b 8; ср. IG II² 1719 (Эвклеий).

⁶¹ IG II² 1730; ср.: 1728, 5 — 6; 3530.

⁶² IG II² 2996; 4465; I Délos 1840 (Диотим); IG II² 1713, 31; FD III 2, 62 (Теофил).

⁶³ IG II² 1713, col. III 23; I Délos 2632, b 3; IG II² 1047, 6 (Демохар); IG II² 1043, 17; 1343, 24 — 25; 2994 (Менандр); 3176 (Демохар Младший). Ср.: *Meritt B. D.* // *Hesperia*. — 1967. — Vol. 36. — P. 238.

его супруга Никострата. Другие семейства, такие как Медея из Пирея, лишь в течение II или даже в I в. вошли в круг ведущих фамилий, из которого были исключены лидирующие семьи прежних времен.

Господствующее общество Афин постсулланского времени состояло, по сути, из довольно узкого круга кланов, монополизировавших все важнейшие должности и функции, то есть судьба Афин, в какой мере она еще определялась афинскими гражданами, диктовалась олигархией. Ни один документ не проявляет это столь же отчетливо, как пространственный декрет экклесии в честь дадуха Фемистокла 20/19 г. до н. э.⁶⁴ В нем наряду с эпонимным архонтом этого года Аполексидом названы, по крайней мере, еще шесть архонтов-эпонимов той эпохи, принимавших участие в составлении и издании постановления⁶⁵, на деле же их могло быть и больше, так как некоторые из названных там, для которых эта должность пока не засвидетельствована, как, например, Кихесий из Айксоны, с максимальной степенью вероятности однажды ее исполняли⁶⁶.

3. Трудное начало

До той поры пока вернувшийся из Малой Азии победителем римский полководец Сулла в 84 г. оставался в Афинах, он наслаждался обществом молодого римского всадника по имени Тит Помпоний, осевшего там во время войны и на протяжении двадцати лет не менявшего места пребывания в городе. Будучи афинянином по призванию, Помпоний был вскорости прозван своими друзьями «Аттиком» и под этим именем стал известен как друг и советник Цицерона до конца его дней и получатель более четырехсот дошедших до нас Цицероновых писем. В истории Афин Аттик более чем побочная фигура: в трудную годину он сделался для города помощником⁶⁷.

Молодым человеком двадцати четырех лет Аттик пришел в Афины как раз в тот момент, когда Сулла штурмовал город. Его друг и биограф Корнелий Непот говорит, что он покинул Италию из-за гражданской войны, в которой не желал быть понуждаемым занять ту или иную сторону. Однако в решении покинуть Италию его могли укрепить тогдашние потрясения римского рынка капиталов, а с другой стороны — перспектива получения солидного барыша, кото-

⁶⁴ Пересмотренное издание: *Clinton. Officials.* — P. 50 — 52 (SEG XXX, 93).

⁶⁵ Это элевсинский жрец при алтаре Эпикрат из Левконой (стк. 9) и гимнагоги Диотим, Демохар, Архитим и Менандр (стк. 19 — 26).

⁶⁶ Он назван в строке 24 и принадлежит к одному лидировавшему на протяжении двух столетий семейству (*Habicht Ch. Studien.* — S. 194 — 197; в настоящее время благодаря новым свидетельствам нуждается в дополнении).

⁶⁷ *Perlwitz Ö. Titus Pomponius Atticus.* — Stuttgart, 1992.

рая и повлекла его в Грецию⁶⁸. Выбор Афин постоянным местом жительства определялся скорее их удобным положением транзитного центра и привлекательностью города, чем расчетом вести в нем и с ним солидные сделки. В других частях Греции, как, например, в Эпире и Сикионе на Пелопоннесе, у Аттика были серьезные деловые интересы; в Афинах же, наоборот, выгода не стояла у него на первом месте. Там он принял на себя роль бескорыстного благодетеля, движимого подлинным восхищением неповторимостью и славой города, которую он делил со многими образованными римлянами своего времени.

Аттик стал в Афинах, как сообщает Непот, весьма популярен, и вполне заслуженно, ведь он часто оказывал помощь сильно пострадавшему от войны и разрушений городу своим состоянием и своими связями. По меньшей мере однажды в эти годы (позднее еще раз в 50 г.) он закупил во время небывалого повышения цен солидное количество зерна и подарил его всем гражданам.

Однако прежде всего он помог Афинам как финансист, так как в эти годы город часто был вынужден брать кредиты, но никогда не мог добиться от ростовщиков — по большей части римских — приемлемых условий. Тогда-то и всплыл Аттик: ему кредиторы предлагали сделку на более льготных условиях, и он добывал ту или иную необходимую сумму под свое имя, а затем одалживал ее городу, для себя же самого отказываясь от процентов⁶⁹. Тем самым он сэкономил обнищавшему городу кучу денег.

В благодарности за часто оказываемую помощь ему были назначены самые разнообразные почести, но он — доколе жил в Афинах — не позволил воздвигнуть себе статую. Отклонил он и предложение принять афинское гражданство (которое могло повлечь за собой лишение его гражданства Рима). Он был образован и говорил по-гречески так, словно сам был рожден в Афинах. За политикой он следил с напряженным интересом, лично от нее отстраняясь и не имея желания устроить себе политическую карьеру. С постоянной оглядкой на сохранение собственной независимости он все время старался поддерживать добрые отношения со всеми теми, кто был активно занят политикой, почему и отклонил предложение Суллы вернуться вместе с ним в Италию, приняв участие в гражданской войне против его политических противников, захвативших в отсутствие того власть в Италии⁷⁰.

⁶⁸ Nepos, *Atticus* 2, 2. Perlwitz, op. cit. — S. 35 — 39.

⁶⁹ Nepos, *Atticus* 2, 6 (о хлебном дапе); 2, 4 — 5 (ссуды). Об этом см.: *Migeotte L. L'emprunt public dans les cités grecques.* — Québec, 1984. — P. 34 — 35; автор дает верное, найденное уже в 1836 г. И. Хольцманном, но просмотренное Перлвицем объяснение своеобразной роли Аттика как посредника, особенно словам: *semper se interposuit*

⁷⁰ Nepos, *Atticus* 4, 2; об этом см.: *Millar F. // G&R.* — 1988. — Vol. 35. — P. 42 — 43.

Эта нерасположенность самому окунуться в политику может найти обоснование прежде всего в том, что Аттик наряду со всем прочим был коммерсантом. Но она сближала его также с учением эпикурейской школы, к которой он ощущал тягу всю свою жизнь, а с ее афинскими руководителями — Федром и Зеноном его связывала и личная дружба. И все же он был слишком независим, чтобы сделаться истым приверженцем Эпикура, и во всех решительных шагах руководствовался соображениями целесообразности⁷¹. Основательное знакомство с городом, его обществом и интеллектуалами через несколько лет после прибытия в Афины пригодилось и Цицерону, посетившему в 79 г. с несколькими друзьями и родственниками Грецию и задержавшемуся вместе с ними на полгода в Афинах. Позже Цицерон по радужным воспоминаниям создал эмоциональную картину их совместного посещения Академии в начале V книги своего сочинения «О пределах добра и зла». В нем нашел свое место и Аттик. В один из вечеров 79 года, спустя всего несколько лет после ужасов войны 86 г., их компания, выйдя из Дипилонских ворот, прогуливалась по направлению к расположенной в двадцати минутах ходьбы Академии. Участвовали в том Цицерон, его брат Квинт, его младший кузен Луций Цицерон, Марк Пизон и Помпоний Аттик. Они отыскивали место, где можно было бы поклониться преподававшим там Платону и его преемникам, и выбрали для этой цели послеобеденные часы, поскольку место это в такое время обещало быть безлюдным. И вправду, они обрели желанный покой, и никакие намеки на опустошение, кои еще могли быть заметны (Сулла приказал вырубить деревья рощицы), их не смущали — все были объаты благоговением. Даже присутствующие среди них адепты иных философских течений и те воздали дань гению Платона, Спевсиппа, Ксенократа, Полемона или совсем уж позднего Карнеада, вызывая в памяти их образ⁷². Эта сцена прекрасно отображает уважение, испытываемое римским образованным обществом к греческой культуре, ее ведущим умам и Афинам как их духовной родине, из которой кто-то из них мог и происходить. Цицероново описание выглядит своего рода литературной компенсацией за римское варварство в недавно закончившейся войне.

Тогда же, видимо в сентябре 79 г., Цицерон был посвящен в мистерии Элевсина, пережив тем самым важное религиозное событие в своей жизни, сильное впечатление от коего продолжало сказываться на нем и гораздо позже⁷³. Он и люди из его сопровождения довольно регулярно посещали за многие месяцы своего пребывания лекции

⁷¹ О его отношении к эпикурейству см.: *Perlwitz*. Op. cit. — S. 90 — 97.

⁷² *Cicero*, de finibus bonorum et malorum 5, 1 — 8. О своем посещении Акрополя Цицерон говорит в другом месте (*de natura deorum* 3, 49).

⁷³ *Cicero*, de legibus 2, 36. *Clinton K.* // ANRW 18, 2, 1989, 1500; cp. 1504.

философов, Цицерон же слушал главным образом выходца из Академии Антиоха Аскалонского, а кроме того, эпикурейца Федра, особенно ценимого Аттиком, и Зенона, показавшегося среди них Цицерону обладателем самого тонкого ума⁷⁴. Преподавание в философских школах шло, по всей видимости, своим чередом. Аналогичным образом декрет дионисийских технитов в честь Филемона, занимавшего в течение четырех лет с 80 по 76 г. пост их главы (эпимелета), показывает, что это объединение вело явно ничем не нарушаемую деятельность⁷⁵. Это особо примечательно и потому, что столь многим обязанные Риму техниты во всем блеске сияли на торжественной встрече Афиниона в те самые дни, когда он привел Афины к войне с Римом.

Однако более красноречиво, чем эти признаки нормализации бытия, говорит о ситуации этих послевоенных лет другой отрицательный фактор: город Афины был вынужден брать займы у частных лиц, и более того — у иностранцев, и такой римлянин, как Аттик, должен был неоднократно спасать его от государственного банкротства. Разрушения и разорения военного времени привели к обнищанию Афин, что, по всей видимости, с окончанием войны не прекратилось. Всего лишь за год до визита Цицерона в город по пути в провинцию Киликия прибыл Гай Веррес — впоследствии столь печально знаменитый и в 70 г. добытый Цицероном наместник Сицилии, который — если верить высказанным позже словам его обвинителя (во что в этом случае верится с трудом) — украл из Парфенона незамеченные Суллой остатки золота богини Афины⁷⁶.

По-видимому, не скоро город начал оправляться от разрушений и разграблений и сумел позаботиться о восстановлении и ремонте пришедших в упадок зданий. Некоторые, правда, такие как Помпейон, были слишком сильно разрушены и потеряны навсегда. Кроме того, на обновление облика города лишь в незначительной части пускались городские средства: большая их часть восполнялась иноземными правителями, и прежде всего римской знатью. Но в общей сложности после войны минула целая четверть века, пока вообще могла зайти речь о каком-либо серьезном восстановлении. Начиная с исхода III в., архитектурными сооружениями Афины украшали дружественные городу цари, финансировавшие их строительство. Ими они не только одаривали город, но и в то же время выставляли в них напоказ себя самих, будто бы Афины были чем-то вроде территории

⁷⁴ Многочисленные свидетельства, по большей части самого Цицерона, собраны в работе: *Gelzer M. // RE Tullius. — 1939. — Sp. 838. О Федре см.: Raubitschek A.E. // Hesperia. — 1949. — Vol. 18. — P. 96 — 103.*

⁷⁵ IG II² 1338. О положении эпимелета в союзе технитов см.: *Poland F. Geschichte des griechischen Vereinswesens. — Leipzig, 1909. — S. 368 — 369, 405 — 408. О технитах в 88 г. см.: Poseidonios // FGGrHist 87, F 36, 49.*

⁷⁶ *Cicero, in Verrem 2, 1, 44 — 45; 2, 4, 71.*

международной ярмарки. Начало этому положил, как кажется, около 224 г. бывший в ту пору политическим патроном-покровителем города Птолемей III Эвергет, основав еще один названный его именем гимнасий⁷⁷. Его примеру последовал позднее пергамский царь Аттал I, посвятив на Акрополе так называемый «Малый Атталов во-тив», если действительно посвятителем был он, а не одноименный ему сын. Его сыновья Эвмен и Аттал, наследовавшие ему один за другим на царстве, подарили Афинам по одному названному их именем портику: Эвмен — стоя у подножия Акрополя вблизи от театра Диониса, Аттал же — стоя на Агоре. Так называемая Средняя стоя на рыночной площади, построенная в первой половине II в. до н. э., также была пожертвована неким царем, для идентификации которого нет никаких указаний. Селевкид Антиох IV Эпифан во второй четверти того же столетия строительными работами над храмом Зевса Олимпийского щедро отплатил городу за гостеприимство, оказанное ему на протяжении нескольких лет как царевичу. На исходе этого столетия и вскоре после начала следующего цари Птолемей IX Сотер II и понтийские цари Митридат V Эвергет и Митридат VI Эвпатор в похожей форме стали благодетелями Афин, будь то в самом городе, будь то в виде дарений в гимназий Делоса, а после них иудейский этнаρχ Гиркан.

Ото всех этих династий в годы после Суллы ожидать было почти нечего, коль скоро они — если вообще еще существовали — пришли в упадок. На смену им благодетелями города выступили теперь римские полководцы и правители мелких, периферийных монархий, по крайней мере, в более скромных, соответствующих их ресурсам масштабах: каппадокийские цари Ариобарзан II и III, немного спустя и другие: галатский правитель Дейотар, царь Фракии Рескупорид и энергичная фигура Ирода Великого.

Царская благотворительность и финансирование царями строительной деятельности в Афинах с некоторых пор стали, тем самым, для граждан привычным явлением. Напротив, римляне в 86 г. не только очень много порушили в городе, но и украли после своего завоевания многие шедевры искусства, унеся их в качестве добычи. Потому-то было своего рода новшеством, когда римские нобили начали, со своей стороны, приносить городу импозантные дары и таким образом — вряд ли вовсе не отдавая себе в этом отчет — по мере своих возможностей стали выступать в роли царей прежних времен. Первым, о котором это известно, стал не кто иной, как Помпей. При отплытии в 67 г. из Бриндиизи на войну с пиратами он пребывал в такой спешке, что большинство городов проплывал мимо, не заглядывая в них. Однако у него нашлось время причалить в Пирее, под-

⁷⁷ В краткой форме здесь повторяется многое из того, что приведено в главе IX, 1.

няться в Афины, принести жертву и обратиться с речью к народу. Афиняне, ожидавшие от него, что он положит предел пиратской чуме, чествовали его чрезмерным изъятием чувств⁷⁸. Он отблагодарил их пять лет спустя во время повторного посещения города, когда после победы над царем Митридатом и переустройством Востока намеревался возвратиться в Италию. Как это считалось, между прочим, хорошим тоном среди членов римского общества, он посещал лекции философов, а незадолго до того сидел у ног великого Посидония. Городу он пожертвовал на реставрационные работы сумму в 50 талантов⁷⁹.

Десятью годами позже похожим образом выступили по отношению к городу два римлянина из патрицианских фамилий — Гай Юлий Цезарь и Аппий Клавдий Пульхер. Светоний, глядя из своего времени, сообщает о наместничестве Цезаря в Галлии, как тот, с прицелом на будущее, попытался привлечь к себе царей и провинции по всей обитаемой земле и сверх того на Западе и Востоке (упомянуты Италия, Галлия, Испания, Азия и Греция) украсил самые значительные города внушительными постройками⁸⁰. То, что и Афины входили в их число, можно предположить с самого начала, это же открытым текстом подтверждает Цицерон в письме, отправленном в начале 50 г. Аттику. Цицерон уже знал тогда, что афинский гражданин Герод из Марафона, эпонимный архонт 60/59 г., получил для своего города от Цезаря в Галлии 50 талантов, то есть ту же сумму, которую Афины до того получили от Помпея. Ему уже было известно также, что Помпей должен плохо кончить⁸¹. Больше сведений содержится в посвященной Афине Археgetис надписи на воротах римской агоры в Афинах. Постройка была посвящена, согласно тексту этой надписи, около 10/9 г. при архонте Никии, когда Геродов сын Эвклея был стратегом гоппитов. Строились ворота на средства, предоставленные Цезарем (в 51 г. Героду) и Августом (его сыну Эвклею). Отец и сын, вложившие деньги, следили также, сменяя друг друга, и за строительством; само же посвящение последовало от имени народа афинского⁸². Действительными распорядителями застройки римской агоры в Афинах были Цезарь и Август.

⁷⁸ *Plutarch*, *Pompeius* 27, 3.

⁷⁹ *Ibid.* 42, 11: εἰς ἐπισκευήν.

⁸⁰ *Sueton*, *Caesar* 28, 1: «nec minore studio reges atque provincias per terrarum orbem adliciebat... superque Italiae Galliarumque et Hispaniarum, Asiae quoque et Graeciae potentissimas urbes praecipuis operibus exornans».

⁸¹ *Cicero*, *Att.* 1, 25. Все вопросы, связанные с этим даром, включая роль Герода и Эвклея, образцово разобраны в работе: *Rawson E.* // *Athenaeum*. — 1985. — Vol. 73. — P. 44 — 49.

⁸² IG II² 3175 (*Ameling W.* *Herodes Atticus*. — *Hildesheim*, 1983. — Vol. 2. — S. 43, №. 20). Герод Аттик был потомком Герода, который ездил к Цезарю. О римской агоре см. также: *Hoff M.* // *AA*. — 1994. — S. 93 — 117.

В то же самое время в Элевсине возводится посвященная элевсинским божествам и финансируемая одним римским вельможей постройка — Малые пропилеи храма. Аппий Клавдий Пульхер похвалялся соорудить их во время своего консулата в 54 г. и начал строительство во время или после своего наместничества в Киликии (53 — 51 гг.). Освящены они были наследниками после его смерти, последовавшей в 48 г.⁸³ Происходивший из обедневшего патрицианского рода донатор во время своего наместничества в Киликии, где он был непосредственным предшественником Цицерона, сколотил себе состояние, часть которого сумел употребить на элевсинскую постройку. В ней воплотились обе наиболее яркие черты характера этого человека — корыстолюбие и набожность. Цицерон услышал о начале работ над этими пропилеями зимой 51/50 г., именно в то время, когда он узнал и о дарении Цезаря Афинам. Это известие воодушевило его задуматься над тем, а не соорудить ли ему самому пропилеи в Академии, порог которой он за поколение до того переступил с таким глубоким душевным трепетом, однако, когда впервые зародилась эта мысль, занимавшая его потом многие месяцы, он уже осознавал, что некоторыми могло бы быть воспринято как негодное, если Цицерон — да и не станет вдруг благодетелем Афин⁸⁴.

Но тут его друг Аттик, прежде неоднократно помогавший городу выпутаться из финансовых затруднений, именно тогда — в 50 г. — пожертвовал Афинам известное количество зерна. Это встретило у Цицерона сдержанную критику, которая лишь потому не вырвалась острее, поскольку сам ведь Аттик не был афинянином, и тем самым речь шла не о даре своим землякам, но о щедрости в отношении тех, кто оказал ему гостеприимство⁸⁵.

Цицерон на пути в свою провинцию сделал остановку в Афинах с 25 июня по 6 июля 51 г. — в первый раз после своего долгого пребывания там в 79 г. — и остановился в доме Аристонa, брата скончавшегося академика Антиоха Аскалонского. Афины он любил особенно, как неоднократно писал Аттику⁸⁶, и именно поэтому ему чуть позже пришла в голову уже упоминавшаяся мысль поставить в городе, то есть в Академии, памятник перед ее воротами. Когда он беседовал об этом с Аттиком, то уже планировал остаться там подольше на обратном пути и, если позволит календарь, принять участие в праздновании мистерий⁸⁷. И хотя уже во время его наместничества все более

⁸³ CIL III 547 (Degrassi. Inscriptiones Liberae Rei Publicae. — Göttingen. — Vol. 1. — P. 401). Clinton K. // ANRW. — 1989. — Vol. 18,2. — P. 1504 — 1506, Table 1. Литературу по этому памятнику см. там же: P. 1505, note 28.

⁸⁴ Cicero, Att. 6, 1, 26; 6, 6, 2.

⁸⁵ Cicero, Att. 6, 6, 2.

⁸⁶ Cicero, Att. 5, 10, 5; 6, 1, 26.

⁸⁷ Morgan J. D. The Mystery of the Mysteries (CQ in press), с верным толкованием пассажей из Цицерона: Att. 5, 21, 14; 6, 1, 26.

угрожающе стала обозначаться надвигающаяся гражданская война между Цезарем и Помпеем — что заставляло его поторопиться, если он хотел еще что-то устроить в Риме для поддержания мира, — тем не менее он выкроил все-таки время для повторного визита в Афины осенью 50 г. Он прибыл в город 14 октября, как раз вовремя, так что успел принять участие с 20 по 28 октября в праздновании Элевсинских мистерий — впервые после своего посвящения за поколение до этого. Его идея поставить памятник в Академии тогда уже, правда, и не мелькала.

План еще одного римлянина заняться в эти годы строительством в Афинах был совсем иного пошиба, чем вышеупомянутые проекты. Как раз в эти годы Гай Меммий — член сенаторской аристократии и тесть диктатора Суллы — носился с мыслью на месте, где стоял домик Эпикура, воздвигнуть дворец. Он должен был стать не столько знаком почитания основателю этой философской школы, сколько служить жилищем изгнанному из Рима и Италии Меммию. Меммий был в 58 г. претором и баллотировался в 53 г. в консулы, но потерпел крах из-за одного — даже для тогдашних отношений в Риме — из ряда вон выходящего скандала с подкупом. Поскольку он, несмотря на свое осуждение в 52 г., располагал все еще связями, влиянием и деньгами, то сумел добиться от Совета Ареопага декрета, который развязал ему руки для задуманного дела. Однако община последователей Эпикура, почитавшая это место священным, была решительно настроена против и испробовала все, чтобы провалить проект Меммия. Особая ирония состояла в том, что Лукреций посвятил свою прославляющую Эпикура эпическую поэму «О природе вещей» не кому-нибудь, а именно Меммию. Глава эпикурейской школы Патрон обратился за помощью к знакомым ему римлянам — Аттику и Цицерону, и оба они вступились за сохранение домика, хотя Цицерон не питал надежд, что Ареопаг без соответствующего жеста со стороны Меммия отменит свое постановление. Цицерон (который не рассчитывал на успех Патрона) написал дошедшее до нас весьма дипломатичное письмо Меммию в Афины и послал его вдогонку за день до того отъехавшему в Митилену человеку⁸⁸. В итоге Меммий отказался от своего проекта.

То, что связано в сфере строительства в Афинах с Помпеем, Цезарем и Аппием Клавдием и что потом было продолжено Августом, характеризует постепенный переход от эллинистического города к римскому. С эллинистического Востока, где некогда великая держава Селевкидов по милости Помпея исчезла навсегда, а монархия Птолемеев в Египте потихоньку увядала, поступали лишь незначительные взносы. В то время там правил монарх, поставленный Пом-

⁸⁸ Cicero, Fam. 13, 1. Cp. Att. 5, 11, 6. Münzer F. // RE. Memmius. — 1931. — Sp. 609 — 615, особенно 614 — 615.

пеем на трон в ходе переустройства Передней Азии, и он последовал примеру своего патрона. Каппадокийский царь Ариобарзан II позаботился о восстановлении Периклового Одеона — концертного зала у подножия Акрополя, который приказал сжечь тиран Аристион незадолго до своего конца, когда сулланские отряды уже вломились в город. Сам царь, как и другие царевичи, получил в Афинах образование и упомянут в афинском списке эфэбов 80/79 г. Народ афинянин отблагодарил его посвящением статуи в соседствующем с Одеоном театре Диониса; трое занятых в строительстве архитекторов — двое римских граждан по имени Гай и Марк Сталлий и греческий зодчий Меланип — воздвигли, со своей стороны, царю в Афинах памятник⁸⁹.

Около середины I в. были проведены ремонтные работы в святилище Асклепия у подножия Акрополя, о чем свидетельствуют многие надписи⁹⁰. Приблизительно в то же время в центре города воздвигается опять же импозантная постройка — так называемая Башня ветров, если справедлива традиционная, недавно, однако, подвергшаяся критике ее датировка. Восьмигранная башня вблизи восточного входа на римскую агору давала, как сообщает Витрувий, бросающееся в глаза впечатление об убежденности ее строителя в том, что было якобы не четыре, а восемь ветров. Эта башня служила, собственно, общественными часами (горологием) — как с большим правом и называет это сооружение Варрон — и имела по всем своим граням солнечные часы, тогда как внутри постройки находились большие водяные часы сложной конструкции⁹¹. Их строитель Андроник назван гражданином города Киррос и потому может быть идентифицирован с Андроником, сыном Гермия из македонского города Киррос, который в качестве мастера, изготовившего из мрамора солнечные часы на острове Тенос, прославляется одной эпиграммой как «второй Эвдокс»⁹². Спорным остается, идет ли речь о городе в Македонии или о названном по нему македонском поселении с тем же именем в Северной Сирии: господствовавшее прежде отождествление его с сирийским городом⁹³

⁸⁹ *Vitruv* 5, 9, 1; IG II² 3427, 3426. Thompson H.A. // *Roman Architecture in the Greek World*/ Ed. S. Macready, F. H. Thompson. — London, 1987. — P. 4. Список эфэбов: IG II² 1039, с более полным чтением имен: SEG XXII, 110. Ариобарзан назван в стб. II 99 — 100.

⁹⁰ IG II² 1046 (постановление Совета 52/1 г.); 3174 (посвящение жрецов 51/50 г.). Чуть более раннее посвящение жреца 63/2 г. IG II² 4464 относится, видимо, также к восстановительным работам: Aleshire S. *The Athenian Asklepieion*. — Amsterdam, 1989. — P. 16, 32 — 34.

⁹¹ *Vitruv* 1, 6, 4; Varro, *de re rustica* 3, 5, 17.

⁹² IG XII 5, 891. *Diels H.* *Antike Technik* — 3 ed. — Leipzig; Berlin, 1924. — S. 172 — 173.

⁹³ *Diels*, op. cit. S. 172, Anm. 1; *Fabricius E.* // RE. Andronikos (1984) Sp. 2167 — 2168; *F. Granger* in: *Vitruv*, Loeb Library 1, 1931, 57; *Wyckley R.E.* *The Stones of Athens*. — Princeton, 1978. — P. 103.

теперь во многом уступило место отнесению его к Македонии⁹⁴.

Это и по сей день замечательно сохранившееся сооружение Афин стало недавно предметом углубленного исследования Йоахима фон Фредена, который среди прочего поставил под сомнение его общепринятую датировку и предложил гораздо более высокую дату между 150 и 125 гг. до н. э. Несмотря на то что она успела кое у кого найти сочувствие, представленные основания ни в коем случае не выглядят бесспорными и убедительными, так что многие исследователи высказались за необходимость придерживаться традиционной датировки около середины I в. до н. э.⁹⁵

---

⁹⁴ *Honigmann E.* // RE. Kyrthos. — 1924. — Sp. 199; *Hammond N.* A History of Macedonia. — 1972. — Vol. 1. — P. 159; *Zschietzschmann W.* // Athenai. — 1973. — RE-Suppl. 13. — S. 86 — 87; *von Freden J.*, *Oikia Kuppήστου*. Studien zum sog. Turm der Winde in Athen, Rom 1983. — S. 7.

⁹⁵ С Фреденом согласен: *Bouras Ch.* // Akten des 13. Internationalen Kongresses für Archäologie. — 1990. — P. 271. Напротив, отвергают его дату: *Robinson H.S.* // AJA. — Vol. 88. — 1984. — P. 423 — 425, (автор предполагает, что пожертвованная Помпеем в 62 г. сумма в 50 талантов могла пойти на финансирование этой постройки); *H. A. Thompson.* Op. cit. P. 6, 16, note 11; *von Hesberg H.* // Gnomon. — 1985. — Vol. 57. — S. 80 — 84. Ср.: *Smüh R.R.R.* // JHS. — 1985. — Vol. 105. — P. 230 — 231.

XV. Верноподданничество

1. Плебисцит Клодия

Сулла, даруя весной 86 г. прощение афинянам, избежавшим смерти при штурме их города, не стал его карать, как того можно было ожидать после вступления Афин в войну с Римом. Тем самым Афины вновь стали после войны тем, чем город был до ее начала: союзным с Римом и юридически независимым от него государством. Такое положение сохранялось, как показывают дальнейшие события, на протяжении тридцати лет. И вправду, Афины в 74 г. по указанию римского официала Луция Марцилия выступили судьями в тяжбе между городом Гитейоном в Лаконии и его римскими займодавцами — Клоатиями. Отсюда могло бы казаться, будто этот римлянин, бывший в то время легатом уполномоченного тогда на борьбу с пиратами претора Марка Антония, распорядился, чтобы город взял на себя эту роль. Однако гораздо более вероятно, что он предложил Афинам выполнить эту функцию после того, как представшие перед ним тяжущиеся стороны либо попросили об этом сами, либо согласились с таким предложением¹. У афинского Народного собрания едва ли был иной выбор, как принять его, но дипломатическая форма была соблюдена, и суверенитет города не был затронут.

Таким же образом можно истолковать и другой случай, когда один римский чиновник попросил афинский трибунал о юридической помощи, конкретно о том, чтобы вместо него вынести приговор по делу об убийстве². Это случилось в 68 г., когда в Смирне, в провинции Азия, на суд римского наместника Публия Корнелия Долабеллы для вынесения приговора была приведена, скорее всего город-

---

¹ Найденный в Гитейоне документ вновь издал и прокомментировал: *Migeotte L. L'emprunt public dans les cités grecques.* — Québec, 1984. — P. 90 — 96. Ср.: *Le Roy Ch. // Ktema.* — 1981. — Vol. 3. — P. 261 — 265. Роль Афин указана в стк.12 этой надписи.

² *Valerius Maximus* 8, 1, *amb.* 2. То же сообщают с небольшими отклонениями: *Gellius* 12, 7 (по Валерию Максиму) и: *Ammian* 29, 2, 19.

скими властями, одна женщина. Она созналась в том, что убила своего супруга и их общего сына, поскольку оба они поговору лишили жизни ее сына от первого брака. Наместник стоял перед дилеммой: оправдать эту женщину, несмотря на совершенное и признанное ею двойное убийство, ввиду толкнувших ее на это деяние веских причин, либо, невзирая на эти мотивы, осудить ее. Он нашел гениальный выход — передать разбирательство другой инстанции, афинскому Ареопагу, который веками был городским судом, чьей компетенции подлежали дела о преднамеренных убийствах. Насколько из ряда вон выходящим был сей юридический казус, настолько же оригинальным был и ход Долабеллы: он ни сам не выносил приговор по этому делу, ни передавал его в суд данного города (или какого-либо иного незаинтересованного города его провинции), но обращался с предложением вынести приговор в судебную палату по делам об убийствах союзного с Римом полиса. Точно таким же неординарным стало и решение Ареопага, стоявшего перед той же дилеммой, что и Долабелла: ареопagitы назначили день слушания дела и определили обвинителю и обвиняемой явиться перед ними к этому сроку через сто лет. Дело получило в древности широкую огласку³ и явно приумножило славу Ареопага в римскую эпоху. Все говорит за то, что Долабелла своим предложением выказал уважение суверенитету Афин.

Вопиющим образом он был, однако, нарушен в 58 г. плебисцитом народного трибуна Публия Клодия — *lex Clodia de provinciis consularis*. Чтобы загрузить обязанностями обоих состоявших в должности консулов, Клодий пренебрег воспрещавшими это легислативными прескриптами и своим законом предписал им управлять конкретно названными, наиболее крупными и доходными провинциями: Л. Кальпурнию Пизону (тестю Цезаря) Македонией, а Авлу Габинию сперва Киликией, а затем, по итогам второго плебисцита, Сирией. Новым было то, что, по предложению трибуна и в соответствии с требованием собрания плебса, сфера компетенции Пизона была раздвинута гораздо дальше за пределы провинции Македония и областей Греции, поставленных с 146 г. под надзор тамошнего проконсула, то есть стала распространяться и на суверенные греческие государства⁴. О том, что область администрирования Пизона включала также Афины и его прерогативы распространялись на город с его территорией, открытым текстом сказано его современником Цицероном⁵.

³ *Ammian* 29, 2, 18: «exemplum... illud antiquitati admodum notum».

⁴ Свидетельства приведены у: *Rotondi G. Leges publicae populi Romani*. — Milano, 1912. — P. 393 — 394. Подробное исследование ожидается от Ж.-Л. Феррари, которому я обязан устными и письменными разъяснениями этого предмета.

⁵ В сенатской речи, произнесенной против Пизона по его возвращении в 55 г. (v. 37): «Omnis erat tibi Achaia, Thessalia, Athenae, cuncta Graecia addicta». Там же (96) сказано, что Пизон в годы своего наместничества развалил вверенные ему области: «Achaia exhausta, Thessalia vexata, laceratae Athenae». Эту пронизанную

Этот инцидент примечателен во многих отношениях, прежде всего тем, что им был нарушен, а точнее говоря — игнорирован, суверенитет Афин, далее, потому что это случилось не по воле ответственного прежде всего за иностранные дела Сената, но из-за одного народного трибуна и вверенного ему собрания плебса. Не менее удивительно и то, что к такому расширению области римского господства привело не развитие каких-либо событий на земле Греции, но внутренние аспекты римской политики. Тем самым римским кредиторам явно гарантировалась свобода действий против задолжавших им свободных городов и открывалась возможность выдвигать против них обвинение перед судом проконсула, что до этого было невозможным согласно предписаниям сенатского постановления от 60 г. и закона Цезаря о вымогательствах от 59 г.⁶ Если даже, таким образом, практические последствия плебисцита и были для Афин относительно незначительными, то никак нельзя сомневаться в том, что это ставило суверенный город в подчинение римскому должностному лицу. Доказательством тому служит, помимо четких, однако направленных против Клодия высказываний Цицерона, посвящение Гермесу одним культовым союзом на Делосе на латинском и греческом языках, — это единственная делосская надпись, датированная по проконсулу Македонии (вместо афинского эпимелета или афинского архонта), а именно по Луцию Кальпурнию Пизону, получившему вместе с юрисдикцией над Афинами такую же в отношении афинского острова Делос⁷. Законом Клодия 58 г. город из партнера становился подданным Рима. Вполне очевидно, что созданная этой *lex Clodia* юрисдикция прекратилась вместе с окончанием срока наместничества Пизона в 55 г. и что Афины тем самым вновь возвратили себе статус союзного с Римом государства. Но после всего предшествовавшего это было лишь переходом от формального к фактическому подданству. Ведь все, что тогда произошло, накрепко запечатлелось в сознании политически мыслящих людей как в Афинах, так и в Риме, и то, что однажды уже случилось, могло и повториться, пока римляне имели подавляющее превосходство в силе над своими афинскими партнерами. Власти суверенного *de jure* города располагали лишь скромными возможностями противостоять требованиям римского правительства и его представителей, и дело обстояло ничуть не лучше, когда влиятельные римские особы требовали исполнения своих прихотей. Только так можно объяснить, что Ареопак принял реше-

---

личной ненавистью полемику, нельзя принимать всерьез. Напротив, соответствует действительности то, что все названные области действительно были подчинены Пизону. Так же и: Цисего, *de dom.* 23, 60.

⁶ Благодарю Ж.-Л. Феррари за это уточнение.

⁷ I Délos 1737 (от 57/6 или 56/5 г.). Попытка Р. Этьена датировать этот текст 115/4 г. (Ténos II, Paris 1990, 255, № 4) кажется мне ошибочной.

ние, позволяющее Гаю Меммию, зятю некогда всемогущего диктатора Суллы, построить дворец на том самом месте, где стоял дом Эпикура, и что даже Цицерон не отважился добиться отмены этого постановления Ареопага⁸. Прошло менее десятка лет, прежде чем с началом гражданской войны между Цезарем и Помпеем вступили в силу условия, которые вообще уже более не позволяли римским действующим лицам считаться с привилегированным статусом греческих государств, которые им обладали.

В том же 58 г. по одному закону консулов остров Делос был освобожден от определенных сборов (*vectigalia*), которыми он был обложен Суллой, после того как в свое время понтийские войска царя Митридата вновь оставили остров⁹. Делос, еще остававшийся афинским владением, за десять лет до этого, во время Третьей Митридадовой войны, снова тяжело пострадал. Связанный с понтийским царем пират Афинодор напал на Делос в 69 г., многих захваченных в плен жителей продал в рабство и разрушил или повредил изображения богов¹⁰. В ходе этих насильственных действий сгорел и раскрытый недавно французскими раскопками дом, а вместе с ним и частный архив, от которого дошло лишь 14 000 обожженных в огне глиняных печатей, некогда скреплявших документы. Там были собраны грамоты, как минимум, за 60 лет, так как самая ранняя из сохранившихся булл датирована 128/7 г.¹¹ Еще в том же году Делос был отвоеван Гаем Валерием Триарием, младшим командиром римского главнокомандующего Лукулла. Операции Триария были поддержаны военными кораблями, которые по римскому требованию оснастили и укомплектовали экипажами города Смирна и Милет в Ионии. Триарий был тогда почтен установкой многих памятников на Делосе от населения острова и команд кораблей и построил при деятельной помощи матросов снабженный башнями вал, предназначавшийся на будущее служить более действенной защите острова¹². Эта стена Триария выявлена на местности и прослежена в настоящее время на значительных отрезках¹³. Она

⁸ *Cicero*, Att. 5, 11, 6.

⁹ I Délos 1511, теперь с улучшенным чтением и дополнениями, а также с подробным комментарием повторно издан: *Nicolet C. Insula sacra. La loi Gabinia-Calpurnia de Délos* (58 av. J.-C.). — Paris, 1980.

¹⁰ *Phlegon*// *FGrHist.* 257, F 12, 13.

¹¹ *Boussac M.-F.*// *RA.* — 1988. — Vol. II. — P. 307 — 340. См. выше, с. 244, примеч. 5.

¹² I Délos 1621, 1855 — 1858. Об этом см. указанную в примеч. 9 работу Ж.-Л. Феррари (с.35 — 44). В том же году Триарий велел, видимо, для оплаты рабочим отчеканить бронзовые монеты, из которых 19 найдены на острове, а другие на Афинской агопе (*Kroll, Coins.* — P. 84, 250, № 830).

¹³ *Bruneau Ph., Ducat J.* Guide de Délos. — 3 ed. — Paris, 1983. — P. 198 — 199, № 69, p.161, Plan 2, P.247, Plan 6.

упомянута и в гораздо позже написанной хронике Флегонта из Тралл¹⁴.

В законе консулов о Делосе 58 г. речь идет о Митридате, морских пиратах и об учиненных теми разрушениях. Этот закон явился восходящей к инициативе Сената попыткой улучшить экономическое положение острова; успех его проведения в жизнь мог обернуться на пользу и Афинам. Ирония состоит в том, что один из двух консулов, предложивших закон народу, Пизон, именно тогда благодаря плебситу Клодия стал хозяином Афин, а также в том, что консулы в своем законе говорят о «верности Афин — этого многославного города» — в тот момент, когда права города были грубо попорчены¹⁵.

Делосу пришлось испытать в итоге Первой Митридатовой войны значительный упадок своей торговли, однако уже через несколько лет после заключения мира надписи с острова порождают по меньшей мере видимость того, будто произошел возврат к довоенным отношениям. Многочисленные свидетельства от 80/79 г. целиком и полностью передают впечатление нормализации: взять хотя бы чествование римского проквестора Манья Эмилия Лепида «населяющими Делос афинянами, римлянами и прочими греками, а также пребывающими там купцами и мореплавателями»¹⁶, чествование другого римлянина — Тита Манья Торквата, происходящее от того же года и от тех же кругов лиц¹⁷, или почести эфебов гимнасиарху, кем был не кто иной, как сын человека, именно тогда исполнявшего должность эпимелета Делоса¹⁸. Нет недостатка и в других признаках, по крайней мере, внешней нормализации в последующие годы¹⁹.

После новой катастрофы 69 г., но еще до закона консулов 58 г., народ афинян на острове и частный культовый союз помпейастов в 65 г. или чуть позже сооружают памятник в честь Помпея Великого²⁰. В последний раз «римляне на Делосе» появляются в 54/3 г., когда они вместе с осевшими там афинянами, купцами и мореплавателями отметили статуей эпимелета острова²¹. В 48 г. одни только обитавшие там афиняне почтили статуей императора Цезаря тотчас же после его победы над Помпеем при Фарсале²².

¹⁴ *Phlegon*. FGrHist 257, F 12, 13. Хроника происходит от времени императора Адриана.

¹⁵ Строки 6 — 7 упомянутого в примеч. 9 закона.

¹⁶ I Délos 1659. Лепид в том же году получает почести в ионийской Приене: I Priene 244.

¹⁷ I Délos 1660. О Торквате см.: *Broughton T. The Magistrates of the Roman Republic*, III. — Atlanta, 1986. — P. 136 — 137.

¹⁸ I Délos 1935.

¹⁹ Ср. указанную в примеч. 9 работу Феррари.

²⁰ I Délos 1641.

²¹ I Délos 1662.

²² I Délos 1587, с дополнениями в строках 4: *Raubitschek A. E.* // JRS 44, 1954, 65.

2. Римляне в Афинах

Первыми римскими визитерами, о которых говорит традиция, были в 228 г. посланники Сената, которые прибыли с разъяснениями относительно вооруженной интервенции Рима в Иллирию. Затем начиная с 200 г. снова и снова прибывали римские военные чины высоких и низких рангов, солдаты и матросы с краткими или долгими визитами. Все штатские посетители, о которых имеются сведения, были людьми солидными, с положением и прибывали или с официальной миссией — иногда на длительный срок, — прежде всего как послы или как наместники провинций проездом. Афинское посольство трех философов привело в 155 г. образованные крути Рима к соприкосновению с греческой философией и красноречием, и так уж с тех пор повелось, что отнотившиеся к этим кругам лица, приезжая в Афины или задерживаясь в них по дороге, посещали там лекции философов и риторов. Следующим шагом явилось то, что они посылали туда на длительный срок своих сыновей для обучения.

Если все эти лица были посетителями города, останавливавшимися там накоротке или подольше, то другие римляне просто осели в Афинах. Начиная со II в. в самых разных частях греческого мира, как и в Афинах и Аттике, нам попадаются все возрастающие числом жители с римскими именами или с такими, которые содержат греческие и римские составные части имени²³. Многие из них названы Ῥωμαῖοι, то есть римскими гражданами или италиянами, ведь и те назывались так во II в., прежде чем в течение 90 — 88 гг., вследствие Союзнической войны не стали римлянами и в правовом смысле. Кто носит такой этникон, тот в любом случае не гражданин города Афин. Но и многие другие с римскими именами или составными частями имен, которые этот этникон не носят, определяются как афинские граждане по аттическому демотикону или указанию одной из афинских фил. Эти данные почти без исключения сообщаются надписями; их оценке в каждом случае должна предшествовать проверка, было ли данное лицо по своему происхождению римлянином или урожденным афинянином.

Проверка не всегда приводит к ясным результатам. Так, например, Λεύκιος (Левкий) могло обозначать как римлянина с преноменом Lucius, так и грека, ведь Λεύκιος — это исконно греческое, распространенное прежде всего в Ионии и Аттике имя²⁴. Лишь там, где

²³ Эта тема обсуждалась недавно в широких, выходящих за пределы Афин и Аттики рамках Р.-М. Эррингтоном: *Aspects of Roman Acculturation in the East under the Republic* // *Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte: Festschrift Karl Christ*. — Darmstadt, 1988. — P. 140 — 157. Нижеследующие рассуждения во многом обязаны этому исследованию.

²⁴ Оно засвидетельствовано в доавгустовскую эпоху по крайней мере в двенадцати аттических демах. Однако постоянно еще можно встретить, что это имя

оно сочетается с римским гентильным именем, гарантировано римское происхождение фамилии его носителя, даже если тот сам мог обладать правом афинского гражданства²⁵. Неясны часто также и случаи с римской и греческой составными частями имени, то есть тогда, когда римским элементом является преномен, а не *poimen gentile*, как в случае с Селевком, сыном Марка, из Марафона. Он стал в 153/2 г. победителем среди мальчиков второй возрастной ступени на праздновании Тесей, в 129/8 г. гимнасиархом на Делосе и во второй половине столетия членом коллегии стратегов²⁶. Ничто не говорит за то, что его отец *Marcus*, родившийся около 200 г. до н. э., был римского происхождения, но все скорее свидетельствует о том, что папаша дал ему римское имя в то время, когда между Афинами и Римом установились первые тесные контакты. Так же могло обстоять дело и с Марком, сыном Плутарха из Фалера, который вскоре после 60 г. до н. э. стал членом афинского Совета²⁷, и с тяжелоатлетом Менодором, сыном Гнея, афинским гражданином конца II в. до н. э.²⁸

На протяжении всего II в. до н. э. известен всего один-единственный римлянин, исполнявший в сфере афинской государственности общественные функции, а именно *Σπóριος* (*Spurius*) *Ρωμαίος*, один из более чем 60 гиеропов праздника Птолеми в год архонта Лисиада, около 150 г. до н. э.²⁹ Начиная примерно с 130 г. до н. э. доступная до той поры лишь сыновьям граждан эфебия стала открытой и для чужеземцев, и впервые они раздельно от сынов граждан приведены в списке 123/2 г., а именно — 14 из общего числа как минимум 108, из которых четверо обозначены как «римляне»³⁰. После окончания спо-

тут же без оговорок понимается как римское, к примеру: *Rawson E. // Athenaeum*. — 1985. — Vol. 73. — P. 64.

²⁵ Так, *Λεύκιος Ποπίλλιος ἐξ Οἴου* (IG II² 2461, 6) был римского происхождения, но афинским гражданином из филы Леонтиды и дема Ойон Керамейкон, *Λεύκιος Λεύκιου Ρωμαίος* (IG II² 2460, 5) — римским гражданином, *Λεύκιος Θεοφείτωνος* (IG II² 2463, 9) — напротив, урожденным афинянином.

²⁶ IG II² 958, II 74 (победитель среди мальчиков); I Délos 2589, 48; 1558 (гимнасиарх); IG II² 2866 (стратег).

²⁷ *Agora XV* 267, 11.

²⁸ *Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche*. — Roma, 1953. — № 51.

²⁹ IG II² 1938, 40. О еще одном *Μάρκος* (IG II² 1939, 15), лишь чуточку позже исполнявшем магистратские функции, нельзя сказать с уверенностью, что он был римлянином. В отличие от прочих 66 имен этого списка, для него не приведены ни патронимик, ни демотикон, но как раз отсутствует и этникон. *Γάιος Γάιου Ἀχαρνέως*, занимавший на Делосе в 128/7, 115/4 и 97/6 гг. различные жреческие должности (видимо, речь идет об отце и сыне: *Tracy*, IG II² 2336, p. 195), вполне мог быть, несмотря на римские *praenomena* в двух поколениях, урожденным афинянином.

³⁰ IG II² 1031, 4, 5, 11, 12; как часть декрета IG II² 1006 от 123/2 г. распознано: *Reinmuth O. // Hesperia*. — 1972. — Vol. 41. — P. 185 — 191 (просмотрено: *Errington*, *op. cit.* — P. 149). Поименованные в том же декрете граждане сыновей *Γ[ά]ιος Γάιου Παιραεύς* и *Γάιος Μάρκου Μελ[ί]τεύς* (IV 106 — III 122) необязательно должны быть римского происхождения.

ка службы они стали гражданами с равным правом голоса и десятилетие спустя, в возрасте тридцати лет, были признаны правомочными занимать посты членов Совета и магистратуры. В любом случае нет пока свидетельств, что до них хотя бы один-единственный римский гражданин получил кроме того и афинское гражданство.

Но с другой стороны, установлено, что римские граждане в течение II в. во всевозрастающем количестве оседали в Афинах на короткий или более долгий срок. Но они-то и не были натурализованы — по-видимому, и сами не имели желания получить афинское гражданство, так как приобретение его могло повлечь за собой потерю римского гражданства (см. ниже). Один изданный около середины столетия декрет между тем показывает, что им могли дароваться другие привилегии, такие как *enktesis*, то есть в иных случаях принадлежавшее только гражданам право приобретения недвижимости в Аттике³¹. Соответствующее постановление содержит единожды известное предоставление этого права римлянину и последнее известное дарование его вообще.

В I в. до н. э. урожденные римляне, обладавшие гражданством Афин, перестали более быть редкостью, а во второй половине этого столетия они становятся явно многочисленнее. О монетном магистрате Κόιντος (Quintus) 89/8 и 86/5 гг. нельзя с уверенностью сказать (ибо от его имени известен лишь римский преномен), что он был римского происхождения. В коллегии архонтов римские имена встречаются в 56/5 г. для архонта-эпонима Κόιντος Κοίντου Ῥαμνοῦσιος (Kointos Kointou Rhamnousios) и фесмофета Λεύκιος Δέκμου Πειραιεύς (Leukios Dekmou Peiraieus)³², а также для фесмофета 14/3 г. Ἀθηναῖος Μαάρκου Στεiriεύς (Athenaios Maarkou Steiries)³³. Все трое могут иметь римское происхождение, но точно так же могут быть афинскими гражданами и сыновьями афинских отцов. Впервые для фесмофета августовского времени Λεύκιος Σέππιος Κηφισιεύς (Leukios Seppios Kephisieus) по его римскому родовому имени надежно установлено происхождение его фамилии из Рима³⁴. Незадолго до середины столетия, в 60/59 и 59/8 гг., засвидетельствованы, однако, афинские чиновники (неизвестных функций) римского происхождения, а именно Decimus Aufidius и Publius Ofrius; они должны были, как магистраты города, быть афинскими гражданами³⁵. Примерно в то же самое время нам встречаются первые афиняне римского про-

³¹ IG II² — 907, в честь Λεύκιος Ο[—] Ῥωμαῖος с коммент.: *Pečirka Jan*, The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. — Prag, 1966. — P. 118 — 120. Этот декрет был вырезан между 169 и 134 гг. (Tracy, ALC 148).

³² IG II² 1717, 1 — 2, 13.

³³ IG II² 1721, 10.

³⁴ IG II² 1922, 9. О датировке см.: Graindor P. Chronologie des archontes athéniens sous l'empire. — Cairo, 1920. — P. 50, № 16.

³⁵ IG II² 1716, col. II 18, 20. Errington. Op. cit. 155.

исхождения как члены городского Совета³⁶. В свете всего вышеизложенного можно сказать, что осевшие в Афинах природные римляне только начиная с последней четверти II в. стали иметь возможность получать афинское гражданство для себя (точнее, для своих сыновей), а именно, поступив в эфебы. Конечно же не случайно дарование прав гражданства декретами экклесии в позднем II в. более не зарегистрировано. Либо они более не выставлялись (соотв. это делалось еще крайне редко), либо их более не увековечивали, вырезая на камнях³⁷. Едва ли предоставление гражданства тогда вообще сошло на нет, но их число могло снизиться: открытие эфебии для неафинян делало ее в значительной степени ненужной. С этими обстоятельствами согласуется и то, что афинские новоявленные граждане римского происхождения на служебных постах города или как члены Совета ранее I в. не фиксируются: время от времени они встречаются в первой, но относительно часто во второй половине столетия.

Говоря о все более прибывающем числе римлян и италиков, всплывающих в Восточном Средиземноморье в два последних столетия до Р. Х., в первую голову думают об откупщиках налогов, заимодавцах и торговцах, а также об их персонале. Им и их во многом паразитирующей деятельности посвящены продуктивные исследования³⁸. Заслуга Малколма Эррингтона состоит в том, что он в своем сочинении (примеч. 23) указал на то, что были и многие другие, кого влекла в греческий мир не страсть к наживе, но склонности, кто предпочитал проводить жизнь в греческом окружении подолгу, такие как Тит Альбуций (с. 290), либо жил там долгие года, как Тит Помпоний Аттик. Они приходили не за тем, чтобы эксплуатировать граждан какого-нибудь из греческих городов, но чтобы учиться в нем, жить в среде его граждан, принимать участие в деятельности общины. Они включались в нее, своим состоянием вносили вклад в решение задач и на расходы города и часто зарабатывали себе этим право гражданства. Цицерон, успешно выступивший в 56 г. адвокатом Корнелия Бальба — происходившего из Испании помощника Цезаря — против обвинения в том, что тот-де хитростью раздобыл себе римское гражданство, привел в своей речи в защиту обвиняемого среди прочего тот аргумент, что он сам выдал в Афинах некоторых римских граждан, которые исполняли

³⁶ Agora XV 272, 2; 272, 14; 273, 53, оба документа датируются около 50 г. до н. э., чуть позже: Agora XV 285, 7; 286, 28, 51; *Hesperia* 47, 1978, 296, № 21, LL. 19, 26.

³⁷ *Osborne // Naturalization*. — 1982. — Vol. 2. — P. 191; автор констатирует прекращение эпиграфической фиксации вскоре после 140 г. до н. э. Около 130 г. до н. э. датирует Треси дарование гражданства IG II² 982 = *Osborne, Naturalization* 1, D 113 (ALC 241).

³⁸ *Hatzfeld J. Les tarifiants italiens dans l'Orient hellénique*. — Paris, 1919; *Wilson A. J. N. Emigration from Italy in the Republican Age of Rome*. — Manchester, 1966.

там должность судей и членов Ареопага и были приписаны к одной из афинских фил и к одному из демов, не подозревая о действующем правиле, согласно которому римский гражданин теряет свои гражданские права, если принял другое подданство³⁹. Можно оставить в стороне вопрос о том, действительно ли это положение об автоматической потере римского гражданства при принятии чужого тогда еще повсеместно разделялось⁴⁰. Существенно здесь то, что, когда Цицерон произносил свою речь, в Афинах имелось внушительное число римских граждан, которые стали гражданами афинскими и вследствие этого исполняли должности судей и даже архонтов, поскольку они названы ареопагитами, а членами Ареопага могли быть лишь бывшие архонты⁴¹. Случаю было угодно, что именно в год произнесения его речи к афинской коллегии архонтов принадлежали двое людей с римскими именами, которые могли быть исконными римскими гражданами⁴². Противоположный случай известен от того же времени из Филиппик Цицерона 43 г., в которых свидетельствуется, что Марк Антоний одного афинского гражданина из первых фамилий города — Лисиада, сына эпикурейского философа Федра — принятием в одну из римских судебных курий включил не только в состав гражданства, но и ввел в правящие круги Рима⁴³.

Римская карьера Лисиада имела предпосылкой получение им римского гражданства. Случай с ним показывает обратную сторону разбираемого здесь феномена — интеграцию греческих граждан в римский гражданский коллектив. Этот процесс по понятным причинам начался позже интеграции римлян в греческие общины и приобрел более широкий размах только при Цезаре, Антонии и Октавиане Августе. В рамках истории эллинистических Афин он играл, в любом случае, минимальную роль, однако в истории города в императорскую эпоху имел большое значение. Если на закате эллинизма нам попадаются афинские служащие с римскими именами, то почти всегда можно говорить о римлянах, получивших афинское гражданство. В императорскую эпоху это могли быть равным образом и афиняне, коим были дарованы римские гражданские права. В большинстве случаев их оттеняет греческий когномен, который следует за обоими римскими именами.

Можно ожидать, что афинское обладание Делосом подвигло

³⁹ *Cicero, pro Balbo* 29 — 30 (ср. *pro Caecina* 100).

⁴⁰ Часто предполагают, что Аттик лишь потому воздержался от принятия афинского гражданства (*Neros, Atticus* 3, 1), чтобы не потерять римского.

⁴¹ Если понимать высказывание Цицерона дословно, что он якобы видел это в Афинах лично (*vidi egomet Athenis*), то это должно относиться даже к гораздо более раннему времени — к 79 г.

⁴² См. выше в тексте с примеч. 32.

⁴³ *Cicero, V Phil.* 14; *VIII Phil.* 17. *Rawson E. // Athenaeum.* — 1985. — Vol. 73. — P. 55.

других римлян осесть в Афинах, — ведь маловероятно, чтобы римские деловые люди, в возрастающем количестве появившиеся на Делосе, должны были упустить случай и не содержать своих агентов в городе, в котором решались все самые серьезные дела, связанные с Делосом. Но вполне возможно также, что состоятельные римские купцы предпочитали жить вместо острова в Афинах, и что их интересы на Делосе отстаивали их уполномоченные. Во всяком случае, четких свидетельств об осевших в Афинах римлянах до начала I в. почти не обнаруживается, пока там в 80-х годах не осел на два десятилетия Тит Помпоний Аттик. Правда, Жан Атцфельд считал, что в одном декрете, относимом им ко II или I веку, можно отыскать упоминание об осевших в Афинах римлянах, но он прошел мимо того, что уже за десять лет до этого Адольф Вильгельм доказал, что на самом деле там идет речь о Пагах в Мегариде и проживавших там во времена Помпея римлянах⁴⁴. Среди тысяч афинских надгробий лишь два были поставлены во II в. римским гражданам и один римской даме⁴⁵.

Среди осевших в Афинах на длительный срок римлян надо наконец вспомнить и о некоторых видных особах, покинувших Рим не по своей воле, но вследствие приговора (или скрываясь от суда) и избравших из вероятных мест своей ссылки именно Афины. Первым, о ком это сообщается, был не кто иной, как Тит Альбуций, который уже перед 120 г. из склонности к грекам и их культуре выбрал своим местом пребывания Афины и который из-за своего огречивания был выставлен на смех возвращавшимся из провинции Азия наместником (с.290). Альбуций незадолго до рубежа веков оказался в чине претора и затем стал наместником Сардинии. После истечения срока службы он был обвинен и осужден. Для него стало ясно, что он вернется в ссылку туда, где и без того предпочел жить. По свидетельству Цицерона, он, как приверженец Эпикура, жил в Афинах своими философскими штудиями⁴⁶. Гай Аврелий Котта во взвинченной атмосфере Союзнической войны был в 90 г. на одном политическом процессе осужден и отправлен в Афины. Позже, когда Сулла в 82 г. вышел победителем в гражданской войне, он смог возвратиться в Рим и в 75 г. сумел добиться консулата⁴⁷. Гай Меммий, который оказался впутанным в серьезный скандал соискателей консулата на 53 г. и в 52 г. получил приговор, был весьма одаренным интеллектуалом, который сочинял стихи и проявлял интерес к философии. Афины

⁴⁴ Hatzfeld J. Op. cit. — P. 41; Wilhelm Ad. // JÖAI. — 1907. — Vol. 10. — S. 17 — 32 (Abhandlungen und Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde 1. — Leipzig, 1984. — S. 261 — 276).

⁴⁵ IG II² 10153, 10155, 10157.

⁴⁶ Cicero, Tusc. 5, 108.

⁴⁷ Gruen E. Roman Politics and the Criminal Courts, 149 — 78 B. C. — Cambridge, 1968. — P. 218 — 219; ibid. 237: «диктатор, по-видимому, отменил ссылку Котты».

могли показаться ему самым терпимым местом изгнания⁴⁸.

Несколькими годами ранее один исключительно выдающийся человек носился с мыслью провести свою ссылку в Афинах — Марк Туллий Цицерон. 29 апреля 58 г. на пути в изгнание, но еще с земли Италии, из Бриндизи, он отписал об этом Аттику. Однако тут же и отверг эту мысль, так как считал, что в Афинах ему небезопасно: «но теперь там мои враги»⁴⁹. Таким образом, хотя он и предпочитал Афины, решительно выбрал Фессалоники, где затем провел шесть месяцев. Во время чуть позже разразившихся гражданских войн Афины принадлежали к числу городов, в которых находили убежище сторонники потерпевшей в тот момент поражение партии, как, например, после битвы при Фарсале Авл Манлий Торкват, который там в 46 и 45 гг. общался с Цезаревым наместником Сульпицием Руфом и переписывался с Цицероном⁵⁰.

Те римляне, кто, подобно Титу Альбуцию, еще во II в. или же в первой половине I в. осел в Афинах, становились гостями города, осевшими чужеземцами, по терминологии прежних времен — метеками⁵¹. С течением времени и с переменой политических условий в римских гостях все больше и больше стали видеть представителей господствующей нации. Римляне, выбравшие местом своего обитания Афины, все больше и больше имели право сами воспринимать себя представителями этой нации, но никогда столь ощутимо, как в годы порожденного законом Клодия юридического подданничества Афин 58 — 55 гг.

Ввиду установившихся с давних пор тесных политических уз Афин с Римом, в известной мере удивляет то, что официальное чествование римских должностных лиц засвидетельствовано сравнительно поздно. Первыми были почести Сексту Помпею в 119 или 118 г., который стал тогда проконсулом Македонии и в годовщину исполнения должности пал в провинции в борьбе с кельтским племенем скордисков⁵². Это первое сохранившееся свидетельство должно, конечно, отражать отнюдь не впервые справленное общественное чествование римского вельможи, однако все же примечательно, что оно ровно на 80 лет моложе установления тесных связей Афин с Римом. И следующее по времени свидетельство на целое поколение

⁴⁸ Münzer F. // RE. Memmius. — 1931. — S. 609 — 616. О его роли в афере с домом Эпикура см. с. 329.

⁴⁹ Cicero, Att. 3, 7, 5: quod si auderem, Athenas peterem... nunc et nostri hostes ibi sunt et te non habemus.

⁵⁰ Cicero, Fam. 6, 4, 5. Münzer F. // RE. Manlius. — 1928. — S. 1194 — 1199.

⁵¹ Понятие статуса метеков исчезло в Афинах, кажется, около или вскоре после 300 г. (Whitehead D. The Ideology of the Athenian Metic. — Cambridge, 1977. — P. 163 — 167). В одной еще не изданной надписи из Рамнунта метеки все же упомянуты еще в середине III в. (любезная информация Б. Петракоса).

⁵² IG II² 4100. Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. — Atlanta, 1986. — Vol. 3. — P. 160. Чествуемый был дедом Помпея Великого.

позже первого: воздвижение статуи Гнею Помпею, сыну только что названного мужа, который около 92 г. исполнял те же функции наместника Македонии⁵³. Затем следует Сулла, вероятно, в один из годов от 86-го по 84-й, коему опять же была поставлена почетная статуя⁵⁴. В конце 70-х годов эту почесть получают в Афинах тут же один за другим братья Лукуллы: консул 73 г. Марк Теренций Варрон Лукулл как наместник Македонии вскоре после своего консулата,⁵⁵ двумя статуями был почтен и Луций Лициний Лукулл, консул 74 г. и военачальник в Третьей Митридатовой войне⁵⁶. До начала гражданских войн та же почесть была оказана между 63 и 51 гг. следующему проконсулу Македонии Гаю Косконию⁵⁷.

Свидетельства периода гражданских войн иллюстрируют политические перипетии, в которых Афины оказались на протяжении немногих лет, в их драматической последовательности. В начале списка стоит статуя консулу 54 г. Аппию Клавдию Пульхру, которому Помпей в 48 г. вручил наместничество над Грецией. Его чествование должно приходиться на первую половину года, коль скоро он скончался еще до случившейся летом битвы при Фарсале⁵⁸. Переворот, совершившийся вследствие поражения Помпея в этом сражении, демонстрирует затем воздвигнутое в том же 48 г. до н. э. изваяние в честь Цезаря⁵⁹ и другое — в следующем году⁶⁰. И спустя всего каких-то несколько лет афиняне свидетельствуют свое почтение убийцам Цезаря Бруту и Кассию сооружением статуй в их честь⁶¹. Когда же оба всего двумя годами позже пали при Филиппах, их победитель Марк Антоний стал новым господином Греции и Афин. О почестях, которых удостоились в городе он и его самые ревностные помощники, речь пойдет чуть позже.

3. В гуще гражданских войн

Четырехлетняя война, которую Цезарь развязал в 49 г., перейдя в Италию через пограничную реку Рубикон, с точки зрения права представляла собой внутреннее дело римлян и должна была им оставаться,

⁵³ IG II² 4101. *Broughton*. Op. cit. — P. 165 — 166.

⁵⁴ IG II² 4103, полнее: *Bull. épigr.* 1969, 163.

⁵⁵ *Hesperia*. — 1954. — Vol. 23. — P. 253, № 35.

⁵⁶ IG II² 4104, 1405 (полнее: SEG XXIX, 179). Его дочери Лицинии принадлежат IG II² 4233.

⁵⁷ IG II² 4106; *Broughton*. Op. cit. — P. 77; 2, 1952, 233, note 1.

⁵⁸ IG II² 4109; *Broughton*. Op. cit. — P. 57. В том же году он был почтен городом Каристом на Эвбее (*Hesperia*. — 1954. — Vol. 23. — P. 128 — 140).

⁵⁹ *Raubitschek A.E. // JRS*. — 1954. — Vol. 44. — P. 65 — 66. Ср. *Appian, bell. civ.* 2, 368; *Cassius Dio* 42, 14, 2 — 3.

⁶⁰ IG II² 3222 (SEG XIV, 122).

⁶¹ SEG XVII, 75 (Брут); *Cassius Dio* 47, 20, 4 (Брут и Кассий).

ибо то были интересы римлян, поставленные на карту как одной, так и другой стороной. В действительности же на первой своей фазе, до поражения Помпея у Фарсала в августе 48 г., главным театром войны стала Греция. Греческие государства должны были беспомощно взирать на то, как война перекинулась в их страну, после того как Помпей еще до стремительного натиска Цезаря 17 марта 49 г. оставил Италию и высадился со своими войсками в Греции. Высокий авторитет, завоеванный им во всем Восточном Средиземноморье, личные связи и щедрые источники поддержки, находившиеся там в его распоряжении, позволили ему открыть в Греции второй фронт. Подкрепления текли к нему отовсюду, многие издалека.

У большинства греческих городов не было иного выбора, как оказать ему требуемую поддержку, заключалась ли она в военной или материальной помощи либо в той и другой вместе. Афины, кажется, тешили себя мыслью заявить о своем нейтралитете⁶², однако вскоре так или иначе оказались в лагере Помпея. Небольшое число кораблей — по, вероятно, заниженным данным поэта Лукана, не более трех — укрепило и без того превосходивший силы противника флот Помпея, проводивший операции в Ионическом море и имевший главной задачей воспрепятствовать переброске войск Цезаря⁶³. Более значительным в армии Помпея была, кажется, контингент афинских пехотинцев, так как тот же Лукан рассказывает — в данном случае, видимо, преувеличивая, — что мобилизация «выкачала» все боеспособное мужское население Афин⁶⁴. Афинский контингент, на который Помпей, видимо, возлагал большие надежды, стоял в битве при Фарсале рядом с италийскими легионами⁶⁵.

⁶² На это указывают в известной мере загадочные слова Аппиана (*bell. civ.* 2, 293). За несколько месяцев до решительного сражения Цезарев легат Долабелла рекомендовал из лагеря возле Дураццо своему находившемуся при Помпее тестю Цицерону скрыться от обоих противников и податься в Афины или какое другое спокойное место (*Cic., Fam.* 9, 9). В любом случае, Афины стояли тогда уже твердо на стороне Помпея.

⁶³ Lucan, *Pharsalia* 3, 181 — 183 (перев. Л. Е. Остроумова): «хоть население Афин истощилось от частых наборов, / несколько все же судов занимают Фебову гавань, / три корабля подтверждают рассказ о былом Саламине» (*exhausti totus quamvis dilectus Athenas, / exiguae Phoebea tenent navalia puppes / tresque petunt verum credi Salamina carinae*); т. е. число кораблей было столь мало, что с трудом верилось, чтобы Афины действительно могли одержать морскую победу при Саламине. Так же и Ливий (предположительно, источник Лукана): «ибо афиняне ради достопамятной морской славы едва-едва выставили два корабля» (*nam Athenienses de tanta maritima gloria vix duas naves effecere* — *Livius* 109, fr. 36). Цезарь также называет Афины в числе государств, предоставивших флот, что не производит впечатления того, будто бы речь идет о столь малом количестве кораблей.

⁶⁴ Lucan. *Pharsalia* 3, 181: «exhausti totus quamvis dilectus Athenas», с парафразой Хоусменса: «*Athenae quamquam dilectu habito omnem eduxerunt iuventutem...*». Аналогично в переводах Ehlers W. и Duff J. D.

⁶⁵ Appian, *bell. civ.* 2, 315.

Уже незадолго до генерального сражения Цезарь, стремясь расширить операционную базу в Греции, двинул из Иллирии на юг своего легата Квинта Фуфия Калена с пятнадцатью когортами. Целью его операций должен был стать прежде всего Пелопоннес. Кален, следуя маршем, перетянул на свою сторону без борьбы Дельфы и в Беотии Фивы с Орхоменом и взял приступом некоторые другие города⁶⁶. Ему удалось также занять Пирей, поскольку тот в это время не имел укреплений. Однако он не сумел захватить Афины, которые тем самым стали оплотом Помпея, и должен был довольствоваться опустошением сельской территории⁶⁷. Перед самой битвой при Фарсале он стоял в районе Афин и Мегар (Истм был заперт отрядами Помпея), и Цезарь прикидывал, как бы сделать так, чтобы Каленовы когорты подошли поближе, прежде чем он решится дать сражение численно превосходившим его силам Помпея, однако его армия якобы настояла сражаться немедленно⁶⁸.

Непосредственно после победы Цезаря Афины сдались победителю. Он даровал городу прощение — как некогда Сулла — ради его усопших, то есть, как поясняет Дион Кассий, он пощадил Афины ради их предков и за их славу и отвагу⁶⁹. Более детален рассказ Аппиана. Он сообщает, что Цезарев вердикт был вынесен в течение первых двух дней после битвы, пока Цезарь еще находился в Фарсале. Это вполне возможно, ведь следует считаться с тем, что поблизости в ожидании исхода находилось афинское посольство, готовое засвидетельствовать свое почтение победителю — кто бы им ни стал: поздравить его и либо вести речь о заслугах ему во благо, либо молить его о милости. Согласно Аппиану, Цезарь даровал ее просившим о помиловании послам со словами: «Сколько же еще должна спасать вас слава предков от навлекенной вами самими гибели?»⁷⁰ Бичевание словами, сколь бы незаслуженными они ни были, явилось вполне приемлемым исходом. Мегары, в отличие от Афин, и после битвы упорствовали на стороне побежденного; город был захвачен Каленом отчасти силой, отчасти с помощью измены и сурово наказан, прежде чем Кален должен был отрядить один легион в египетский поход Цезаря⁷¹.

Афины отплатили благодарностью на оказанную Цезарем милость, воздвигнув ему статую, надпись под которой восхваляла его

⁶⁶ *Caesar*, *bell. civ.* 3, 56; *Cassius Dio* 42, 14, 1.

⁶⁷ *Cassius Dio* 42, 14, 1. Погребенный в Афинах Н. Грановий из Луцерии, центурион II легиона Помпея, предположительно пал в этих боях (*Degrassi A. Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae* I². — Göttingen. — P. 502).

⁶⁸ *Plutarch*, *Caesar* 43, 1.

⁶⁹ *Cassius Dio* 42, 14, 2.

⁷⁰ *Appian*, *bell. civ.* 2, 368.

⁷¹ *Cassius Dio* 42, 14, 3; *Plutarch*, *Brutus* 8, 2. Кален был награжден в этом году установкой статуй в различных местах, к примеру, в Оропе (IG VII 380) и Олимпии (I Olympia 330).

как «спасителя и благодетеля»⁷². Ведь также и Сулла, после того как он приступом захватил город и помиловал оставшихся в живых, получил в Афинах статую. Еще одну статую Цезаря с такой же надписью посвятили тогда на Делосе афинские граждане⁷³.

Распространена гипотеза, что Цезарь в год, следующий за окончанием Александрийской войны и победой над Фарнаком Понтийским, посетил Афины на обратном пути в Рим. Но надежным можно считать лишь то, что Цицерон, ожидавший в Бриндизи возвращения Цезаря, в августе 47 г. в письме Аттику выразил сомнение в том, что Цезарь сможет быть 1 сентября в Афинах, так как совершенно очевидно, он еще задержался в Малой Азии⁷⁴. Ни в коем случае не установлено, что он тогда действительно посетил Афины, и все предположения о подробностях его пресловутого пребывания там, равно как и о том, что он якобы следил за началом строительных работ на римской агоре⁷⁵, суть беспочвенные умозрительные рассуждения.

Гражданская война, правда, продолжалась еще в течение полутора лет, однако в этот период театром военных действий стали уже Африка и Испания, а не Греция. Большинство дошедших до нас известий об Афинах тех лет исходит примечательным образом от римлянина — Марка Туллия Цицерона. Они содержатся в его переписке и в поздних философских сочинениях. Это связано прежде всего с тем, что подружившийся с ним консуляр, юрист Сервий Сульпиций Руф в 45 и 44 гг. был назначенным Цезарем наместником провинции Ахайа и явно подолгу задерживался в Афинах, а с другой стороны, с тем, что в 45 и 44 гг. сын Цицерона Марк, как и большинство других знатных молодых римлян, находился в Афинах на обучении, и Цицерон из-за этого переписывался со многими ведущими гражданами города и с Аттиком, которому поручил выделять молодому человеку необходимые для его проживания денежные средства.

Особенно примечательны два написанных в Афинах письма Сульпиция Руфа к Цицерону — одно от марта, другое от конца мая 45 г. В первом Руф пытается утешить друга в связи со смертью его дочери Туллии, что на какое-то время совершенно вывело Цицерона из состояния душевного равновесия. Среди прочего он призывает его рассматривать эту личную утрату через призму более важных событий — упадка значительных городов и Римского государства. У него, мол, самого, недавно проплывавшего в Сароническом заливе, прошли перед глазами Эгина, Мегары, Пирей и Коринф — всё некогда

⁷² Raubitschek A. E. // JRS. — 1954. — Vol. 44. — p. 65 — 66; ср. там же на с. 68 — 69 о IG II² 3222.

⁷³ I Délos. — P. 1578, с дополнениями Раубичека (Op. cit. P. 65).

⁷⁴ Cicero. Att. 11, 21, 2. С визитом Цезаря в Афины в 47 г. считается, к примеру: Gelzer M., Caesar⁶ (1960) S. 241.

⁷⁵ Shear T. L. Jr. // Hesperia. — 1981. — Vol. 50. — P. 358.

цветущие города, ныне же «поверженные и разрушенные» (*oppida quodam tempore florentissima... nunc prostrata et diruta*). А Туллия ведь ушла из жизни, после того как отведала, почитай до дна, всего самого прекрасного, Римское же государство просто умерло⁷⁶. В это время разрушенный в 146 г. Коринф действительно еще не возродился — он был несколько месяцев спустя вновь пробужден к жизни Цезарем, став колонией римлян. Мегары, как уже говорилось, недавно ощутило страдания от Калена. Но о двух других городах, не кривя душой, можно было лишь сказать, что в те годы они далеко уступали бывшим и лучшим своим временам. В соответствии с благими намерениями автора письма, высказывание его весьма утрировано, равно как и замечание о гибели государства, хотя и было созвучно мнению Цицерона, все же своеобразно прозвучало в устах человека, не считавшего зазорным быть наместником Цезаря.

Немногими месяцами позже, 31 мая, Сульпиций Руф повторно пишет Цицерону по печальному поводу: он хотел сообщить ему о кончине их общего друга⁷⁷. Им был Марк Клавдий Марцелл, в 51 г. его коллега по консулату, зарекомендовавший себя тогда как один из самых ярких и непримиримых противников Цезаря и занятый, хотя и безуспешно, своим отзывом из Галлии. В гражданской войне он сражался против Цезаря, однако после поражения Помпея у Фарсала разочаровался в делах республики и укрылся на острове Лесбос от продолжавшейся войны, равно как и от искушения вымалывать у Цезаря прощение. Тот же питал к нему особо сильную злобу, и осенью 46 г. стало настоящей сенсацией, когда он уступил нажиму всего Сената и помиловал Марцелла. Но и тогда его друзьям далось не легко подвинуть этого гордого человека возвратиться. Весной 45 г. он, однако, решился вернуться в Рим. 23 мая Сульпиций Руф, прийдя из Эпидавра, встретился с ним в Пирее, откуда Марцелл через несколько дней собирался ехать дальше. До следующего дня Руф с ним не расставался, однако ночью 26 мая получил известие о том, что Марцелл был тяжело ранен в разгар спора со своим другом Магием Килоном, находившимся с ним в изгнании, после чего преступник сам лишил себя жизни. Руф поспешил с врачами в Пирей, однако почти у цели его настигло известие, что Марцелл скончался от ран. Он заканчивает свое письмо Цицерону следующими фразами: «В пределах тех средств, какие были в Афинах, я позаботился об устройстве для него там достаточно пышных похорон. От афинян я не мог добиться места для погребения в городе, потому что им, по их словам, запрещает это религия; они и ранее никому не делали этой уступки. Лучшее, что оставалось, — похоронить его в гимнасии по

⁷⁶ *Cicero. Fam.* 4, 5, 4 — 5.

⁷⁷ *Cicero. Fam.* 4, 12; прочие свидетельства: *Münzer F.* // *RE. Magius.* — 1928. — Sp. 441 — 442.

нашему выбору, — они позволили нам. Мы выбрали место в знаменитейшем в мире гимнасии Академии и там сожгли его, а потом позаботились о том, чтобы те же афиняне поручили поставить ему мраморный памятник на этом же месте. Таким образом, обязанности, какие у меня были как у коллеги и родственника, я перед ним, и живым и мертвым, выполнил всех⁷⁸.

К этому знаменитому консуляру Марцеллу долгое время относили надпись на одной найденной на Акрополе базе статуи, которая ему и его супруге была при жизни поставлена Ареопагом, Советом 600 и народом Афин, а позже — как предполагалось, Марком Антонием — его имя, но не имя его жены, было с камня выскоблено⁷⁹. Однако Дж. Оливер показал, что эта разуба, которая не могла бы найти приемлемого объяснения в отношении помилованного Цезарем консуляра, стерла имя другого, более позднего Марцелла, ставшего в императорскую эпоху жертвой процесса об оскорблении величества — вероятно, Марка Марцелла Эзернина, претора 19 г. н. э. и, со всею очевидностью, консула одного из последующих годов⁸⁰.

Афины сохраняли в годы господства Цезаря, с 48 по 44 г. до н. э., определенно аристократическую конституцию, и давняя гипотеза о том, что якобы с победой Цезаря при Фарсале был вызван к жизни более сильный демократический порядок, давно уже опровергнута. Доказательством устойчивости однажды установленного строя служит то, что Цицерон в 45 и 44 гг. продолжал видеть в Ареопаге действительно правящий орган города⁸¹. Поэтому именно к Ареопагу обратился он в 45/4 г. с одной настоятельной просьбой политического свойства. Он склонил Совет издать постановление, которое должно было подвинуть философа Кратипша из Пергама, одного из учителей его сына Марка, остаться в Афинах и продолжить деятельность преподавателя; Кратипш именовался в этом декрете прямо-таки украшением города⁸². Цицерон познакомился с Кратиппом, начинавшим как член Академии, а затем сделавшимся перипатетиком, в 51 г. в Эфесе, когда он направлялся в свою провинцию Киликия. В

⁷⁸ Перев. В. О. Горенштейна.

⁷⁹ IG II² 4111, по повторному и снабженному фотографией изданию: Broneer O. // AJA. — 1932. — Vol. 36. — P. 393 — 397; Accame. Dominio. — p. 175.

⁸⁰ Oliver // AJPh. — 1947. — Vol. 68. — P. 150 — 155; ср. PIR² C 928. Оливер (op. cit. 152) спутал М. Марцелла — консула 51 г. с Г. Марцеллом — консулом 49 г.

⁸¹ Cicero, de natura deorum 2, 74; de officiis 1, 75. Accame. Op. cit. — P. 172 — 176; Rawson E. // Athenaeum. — 1985. — Vol. 73. — P. 63 — 65. Прежней, противоположной точки зрения придерживаются, среди прочих, В. Кольбе, У.-С. Ферпюсон и Й. Кирхнер.

⁸² Plutarch, Cicero 24, 7 — 8, где можно распознать сообщение о том, что Цицерон пользовался в этих целях услугами Герода из Маратона — того самого человека, который в Галлии получил от Цезаря очень крупный денежный дар для Афин.

последующие годы Кратипп преподавал в Митилене, где его слушал находившийся там в ссылке консуляр Марк Марцелл, равно как и посещавший Марцелла Марк Брут. Чуть позже он перенес свою деятельность в Афины. Цицерон сделал для него больше, чем просто уговорил Ареопаг издать декрет в его честь: он добился для него от Цезаря римского гражданства. В качестве благодарности Кратипп принял *praenomen* и *nomen gentile* Цицерона и стал называться с той поры Марк Туллий Кратипп⁸³. Цицерон считал его прямо-таки самым выдающимся философом своего времени⁸⁴ и заставлял своего сына у него учиться. Оба так или иначе поддерживали оживленную деловую переписку⁸⁵.

Одновременно с молодым Цицероном в Афинах обучались сыновья других римских нобилей: Марк Валерий Мессала Корвин, Луций Кальпурний Бибул — сын несчастного коллеги Цезаря по консульству, Манлий Ацидин, далее, незначительный Гораций (Квинт Гораций Флакк) и его знатный друг Манлий Торкват⁸⁶. Наряду с философией они изучали прежде всего латинскую и греческую риторику, и Гораций позже сказал о самом себе, что утонченный гләнец он получил в Афинах⁸⁷. Как сыновья римских аристократов эти молодые люди были вхожи в дома ведущих семейств города. Герода из Марафона, Леонида из Мелиты и Эпикрата из Левконои упоминают в связи с Цицероном Младшим⁸⁸, об образе жизни коего и успехах в учении они сообщали его отцу, к сожалению, не только приятное, поскольку юный Цицерон более был привержен к радостям жизни и вину, чем к старательным занятиям. А потому летом 44 г. Цицерон сам возжелал на него поглядеть, и лишь случайность помешала запланированной и уже начавшейся поездке.

Как бы серьезно или как бы поверхностно ни учились отдельные из них, их всех объединяло консервативное, сдержанное либо враждебное по отношению к диктатору Цезарю отношение. Когда Марк Брут через несколько месяцев после убийства Цезаря появился в Афинах, он нашел в них помощников, готовых с оружием в руках сражаться за спасение старого порядка. Начатая Цезарем граждан-

⁸³ Основополагающая работа о нем: O'Brien — Moore A. // Yale Classical Studies. — 1942. — Vol. 8. — P. 25 — 49; с привлечением надписей с пергамской родины Кратиппа, идя несколько дальше: Habicht Ch., Altertümer von Pergamon VIII 3, Die Inschriften des Asklepieions. — Berlin 1969. — S. 164 — 165.

⁸⁴ Cicero, de officiis 1, 2, 3; 5; de divinatione 1, 5.

⁸⁵ Cicero, Fam. 16, 21, 3.

⁸⁶ Hanslik R. // RE. Valerius. — 1955. — Sp. 137; Münzer F. // RE Calpurnius. — 1897. — P. 1367 — 1368; RE. Manlius. — 1928. — Sp. 1163 (Acidinus), 1193 (Torquatus); Stemmlinger E. // RE. Horatius. — 1913. — Sp. 2339.

⁸⁷ Horaz. Epist. 2, 2, 41; 43: «Romae nutriri mihi contigit atque doceri... adiecere bonae paulo plus artis Athenae».

⁸⁸ Cicero. Att. 14, 16, 3; 18, 4, 15; 16; Fam. 16, 21, 5. Rawson. Op. cit. P. 44 — 66.

ская война вступила в свою вторую фазу, цезарианцы и цезареубийцы выступили друг против друга. Афины вскорости очутились, опять же не имея возможности выбора, на стороне последних.

15 марта Цезарь стал жертвой заговора более чем шестидесяти мужей из высших сословий под руководством Марка Брута и Гая Кассия. Вслед за тем вражда между его сторонниками — цезарианцами — и его убийцами, а также симпатизировавшими им (коих называли также помпеянами) на два с половиной года сделалась, по сути, мотором политического развития. На начальной стадии оно было, собственно, приостановлено благодаря хрупкому компромиссу, который, с одной стороны, даровал убийцам амнистию за их злодеяние, а с другой — подтвердил действительность распоряжений Цезаря, в которых на годы вперед были расписаны ключевые позиции. Это развитие было вслед за тем на долгие годы прервано борьбой за власть в стане цезарианцев между консулом Марком Антонием и Цезаревым внуком племянником Октавианом. Это дало их противникам время собраться с силами и вооружиться для будущей конфронтации.

Полгода спустя после гибели Цезаря Брут и Кассий покинули землю Италии, которая стала гореть у них под ногами, будто бы для того, чтобы принять свои провинции (Крит, соответственно Кирену), в действительности же, как выяснилось вскорости, для того, чтобы создать в Восточном Средиземноморье военный плацдарм, как это сделал пятью годами раньше Помпей по оставлении им Италии. Это удалось обоим в совершенно неожиданном масштабе: Кассию в Сирии, а Бруту на Балканах. Но в то же самое время в Италии объединились до того враждовавшие друг с другом политические наследники Цезаря. Таким образом, новый вооруженный конфликт, новая гражданская война стали неизбежными. Война разразилась осенью 42 г. в Македонии в двух крупных сражениях при Филиппах и закончилась гибелью убийц Цезаря и Римской Республики, а также разделом империи между победителями.

Афинам была уготована, когда до этого дошло дело, значительная роль, а именно, мобилизация греческого материка под знаменами Брута. Он прибыл туда вместе с Кассием в октябре 44 г. Присутствие обоих в Греции с новой силой всколыхнуло в памяти их деяние в мартовские иды. Как сообщает Дион Кассий, их повсюду награждали там почетными декретами, в Афинах так даже отметили бронзовыми статуями, которые — сами по себе практически второстепенная почесть — были выставлены рядом с изваяниями тираноубийц Гармодия и Аристоклитона⁸⁰, хотя по статутам города данное место

⁸⁰ Cassius Dio 47, 20, 4. От статуи Брута на Агоре был обнаружен один обломок базы с надписью: *Raubitschek A. E.* // *Atti del terzo congresso internazionale di epigrafia Greca e Latina.* — Roma, 1959. — P. 15 — 21.

было резервировано только для этих двух героев. Лишь один раз до того афиняне уклонились от этого предписания — в 307 г. в честь «освободителей» Антигона и Деметрия (с.73). Вполне очевидно, что афинские граждане и Брута с Кассием так же торжественно почтили как «тираноубийц», признав тем самым героями нации. Одновременно город этим жестом, задолго до того как дело дошло до вооруженного конфликта, определил свой политический курс. Другие статуи Брута были посвящены тогда городом Оропом и афинской общиной на Делосе⁹⁰. При этом на Делосе открытым текстом была сделана ссылака на благодеяния, оказанные Брутом городу Афинам⁹¹.

Брут между тем был не первым из убийц Цезаря, посетившим после своего дежния Афины. Уже 22 марта туда прибыл Гай Требоний, долгое время бывший помощником Цезаря, которого тот назначил еще и проконсулом Азии, куда он теперь и направлялся. На третий день своего пребывания он написал Цицерону и сообщил ему, что видел его сына и тот произвел на него весьма благоприятное впечатление, а кроме того, высказал в письме личное пожелание: если Цицерон собирается что-то писать о конце Цезаря (*de interitum Caesaris*), то не мог бы он его, Требония, роль представить в подобающем свете!⁹² Тогда, в октябре, Брут и Кассий получили в Афинах блестящий прием, и, в то время как Кассий вскорости отправился дальше, Брут задержался у одного афинского или римского гостеприимца. Он посещал лекции академика Теомнеста и перипатетика Кратиппа и во всем производил впечатление человека, занятого только философией и своим досугом. Однако тайно он раскинул шупальца во все стороны при поддержке обучавшихся в Афинах молодых римлян. Они избрали Брута своим кумиром и делали для него все, что только могли⁹³. Его дядя Гортензий, наместник Македонии, передал в его руки провинцию и командование стоявшими там частями, отказавшись тем самым от своего поста в пользу Брута. Затем к нему присоединился возвращавшийся из Азии с крупной суммой денег квестор Марк Аппулей. Брут выехал к нему навстречу в Карист на Эвбею и уговорил примкнуть к ним и передать денежные средства, предназначавшиеся для государственной казны в Риме. Также и возвращавшийся из Сирии квестор Гай Антистий Вет отдал

⁹⁰ I Délos 1622; для проконсула Македонии Квинта Гортензия была выделена часть экседры с четырьмя статуями, из которых одна должна была изображать Марка Брута, поскольку надпись на базе Гортензия относится к нему.

⁹¹ I Délos 1622.

⁹² *Cicero*, Fam. 12, 16. За это злодеяние, которым он здесь себя прославляет, несколько месяцев спустя Требоний ужасно поплатился.

⁹³ *Plutarch*, Brutus 24 — 26, также и о дальнейшем. В расширенном контексте см.: *Syme R. The Roman Revolution*. — Oxford, 1939. — P. 97 — 206. О роли Афин в этих событиях см.: *Raubitschek A. E. Brutus in Athens*// *Phoenix* 11, 1957. — P. 1 — 11.

себя в распоряжение Брута. Из Фессалии под его знамена стекались оставшиеся там в 48 г. ветераны Помпея.

При таком стремительном развитии дел Брут не мог слишком долго оставаться в Афинах. События потянули его на север Балкан — в Македонию, Эпир и Иллирию. В Македонию прибыл с одним легионом Гай Антоний, брат Марка Антония, который должен был заступить место Гортензия. Брут вынудил его в Аполлонии сдаться, как и в Дураццо Цезарева наместника Иллирии Публия Ватиния. Оба отряда усилили его быстро растущее войско, в котором особо отличался на службе младший Цицерон. Целиком незаконные действия Брута были наконец в феврале 43 г. по предложению старшего Цицерона санкционированы Сенатом, и он был по сенатскому распоряжению назначен проконсулом Македонии, Ахайи и Иллирика. Теперь он контролировал почти весь Балканский полуостров и все размещавшиеся там войска, расширил зону своего влияния дальше во Фракию и перебросился оттуда в конце 43 г. в Малую Азию, чтобы встретиться с Кассием в Смирне. Таким образом, роль, которую Афины играли как первоначальная штаб-квартира его действий, была отыграна.

Коль одна афинская надпись с Делоса от 44/3 г. говорит о благодеяниях Брута Афинам, то спрашивается, могут ли они быть названы конкретно. Считалось, что их следует отыскивать в предпринятом Брутом обновлении демократических форм, которые, казалось бы, нашли отражение в одном декрете того времени в честь эфебов. Однако уже указывалось на то, насколько вообще шаток фундамент гипотез о «демократической реформе», предпринятой либо им, либо другими лицами⁹⁴. Действительно, нельзя сказать, о каких благодеяниях Брута могла бы идти речь.

Ничего не известно о том, входили ли афиняне в вооруженные силы Брута, которые в октябре 42 г. проиграли сражение при Филиппах его противникам Антонию и Октавиану. Возможно и даже скорее всего, Брут не набирал афинян, когда он переправился в Малую Азию, и по возвращении в Европу вместе с Кассием в 42 г. не счел нужным и без того огромное войско, которым располагали убийцы Цезаря и которое преимущественно состояло из опытных римских легионеров, пополнять еще и греческими контингентами. В любом случае Афины, несмотря на их однозначную партийную позицию, после поражения цезареубийц не только вышли сухими из воды, но и уже очень скоро после этого извлекли выгоду из того расположения, которое проявлял к городу Антоний, коему среди прочего выпало распоряжаться Грецией.

Антоний провел остаток 42-го г. в Греции и задержался на какое-то время в Афинах. Куда бы он ни приходил, он вел себя как мягкий су-

⁹⁴ См. выше, с. 314 сл.

дья и друг греков. Он посещал спортивные состязания в городах, диспуты филологов и лекции философов и где-то даже принял участие в мистериях — едва ли в знаменитых Элевсинских, так как они уже миновали. Афинам он оказывал свои особые милости, и для него не было ничего слаще, как слышать, когда его величали «другом афинян» (φιλαθηναῖος, Philathenaios)⁹⁵. Многие из его ближайших помощников и друзей были в один из последующих годов награждены в Афинах статуями: Луций Марций Цензорин, его проконсул в Македонии и Греции в 42 — 40 гг.⁹⁶, в 40 г. его доверенное лицо Луций Мунаций Планк — консул 42 г.⁹⁷, его легат Гай Коккей Бальб до или после 39 г.⁹⁸, а также Семпрония — дочь его легата Луция Семпрония Атратина, получившая в 39 — 37 гг. как минимум три статуи в Афинах и Элевсине⁹⁹. Почестей сподобился и Марк Антоний Аристократ — ритор и друг триумвира, обязанный ему своим римским гражданством¹⁰⁰.

Весной 41 г. Антоний переправился в Малую Азию и обосновался в Эфесе. Сюда или в один из других городов, которые он навещал, к нему прибыло афинское посольство с просьбой об острове Тенос. Его Антоний как раз передал Родосу вместе с другими дарованиями, которые должны были компенсировать этому острову несчастья, доставленные ему убийцами Цезаря, и вознаградить его за верность. Афинянам он подарил вместо того Эгину, Кеос и три острова из так называемых Северных Спорад — Икос, Скиатос и Пепаретос¹⁰¹.

Проведя зиму 41/40 г. в Александрии, Антоний весной 40 г. вернулся в Афины. Там он после долгого перерыва снова увиделся со своей женой Фульвией и узнал, что в Италии ему грозит война. Младший брат его Луций как консул предыдущего года очутился в серьезной конфликтной ситуации с Октавианом, в которую была за-

⁹⁵ *Plutarch*, *Antonius* 23. Об Элевсине см. *Clinton K.* // *ANRW* 18, 2., — 1989. — P. 1506.

⁹⁶ IG II² 4113.

⁹⁷ IG II² 4112.

⁹⁸ IG II² 4110.

⁹⁹ IG II² 4230, 4231, 5179. Сам Атритин и его жена Цензорина получили тогда почесть в Патрах (SEG XXX, 433).

¹⁰⁰ IG II² 3889; ср.: *Plutarch*, *Antonius* 69, 1. Он был почтен в Апроце: IG IV 581

¹⁰¹ *Appian*, *bell. civ.* 5, 30. Graindor P. *Athènes sous Auguste.* — Cairo, 1927. — P. 5 — 8. При этом был наказан в то же время и остров Фасос, ставший базой снабжения Брута и Кассия во время их последнего похода. Он получил в 80 г. от диктатора Суллы и Сената Скиатос и Пепаретос в признательность за его роль в Первой Митридатовой войне (*Dunant Ch., Pouilloux J.*, *Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos.* — Paris, 1958. — Vol. 2. — P. 53 — 54). Возможно, благодаря Антонию к Афинам отошла также Эретрия и Ороп, однако нет никакой уверенности в том, как следует истолковывать сообщение Диона Кассия (54, 7, 1), см.: *Knoepfler D.* // *Chiron.* — 1992. — Vol. 22. — P. 455. Другие мнения: *Day*, *Economic History.* — P. 134 — 135; *Bowersock G.W.* *Augustus and the Greek World.* — Oxford, 1965. — P. 106.

мешана и Фульвия. Речь при этом шла о поселении ветеранов и необходимом для этого отчуждении земли у итальянских землевладельцев. Хотя Антоний об этом и не знал, дело дошло до войны, в которой долгое время осаждаемый Октавианом в Перусии Луций Антоний в 40 г. должен был сдаться, тогда как Фульвия смогла выехать в Грецию. Их свидание в Афинах не было радостным событием. Фульвия знала о похождениях мужа на стороне и была к тому же встречена упреками за свою роль в итальянских делах. Антоний тотчас же отбыл на казавшуюся неминуемой войну против своего партнера; Фульвия осталась и чуть позже скончалась в Сикионе. Ее смерть потому оказалась кстати, что расчистила путь для укрепления все-таки достигнутого в Бриндизи согласия двух властителей — Антоний в конце 40 г. взял в жены сестру Октавиана Октавию.

После долгого пребывания в Италии оба выбрали осенью 39 г. местом своего пребывания на два года Афины, которые с тех пор — вплоть до войны с Октавианом — сделались для Антония, наряду с Александрией, самой главной резиденцией. В Афинах он чувствовал себя особенно вольготно. Он вел себя там совсем как дома — частным лицом, доступным каждому: из дома выходил без знаков отличия и свиты и посещал с Октавией афинские праздники, снова стал слушать лекции философов и делил греческие трапезы с греческими гостями¹⁰². О делах он в это время не желал и слышать, хотя на будущую весну 38 г. и был намечен крупный поход против парфян. Все это сделало его весьма популярным в городе: казалось, Афины и Октавия, в противоположность Александрии и Клеопатре, оказали на него самое благотворное влияние. Октавия целиком и полностью завладела сердцами жителей. Как сообщает одна надпись с Афинской агоры, оба почитались всеми гражданами как «благодетельная божественная пара»¹⁰³.

Лишь начало в новом сезоне военной кампании снова сделало Антония деятельным и компетентным императором. Поход 38 г. был, впрочем, неудачным и мог бы, как и в случае с Крассом в 53 г., повлечь за собой крах, не превзойди Антоний в этом несчастье себя самого. Следующую зиму он снова провел в Афинах. Все более и более приспособливался он к греческой ментальности, образу жизни и обычаям. Как эллинистические монархи и Никанор — македонский комендант Кассандра в Пирее — формально брались за исполнение городских должностей, например, руководителя состязаний или монетного магистрата, точно так же и Антоний принял должность гимнасиарха. В этой роли он должен был, по-видимому, не слишком часто, но реально появляться в гимнасии перед занимавшимися там юношами¹⁰⁴.

¹⁰² *Appian*, *bell. civ.* 5, 322 — 324.

¹⁰³ *Raubitschek A. E.* // *TAPhA.* — 1946. — Vol. 77. — P. 146 — 150

¹⁰⁴ *Plutarch*, *Antonius* 33, 7.

Он желал сыграть «новым Дионисом» и так и зваться; по крайней мере один афинский документ того времени подтверждает, что его так и называли и что Великие Панафиинеи 38 г. проходили как «Антониевы Панафиинеи бога Антония, нового Диониса»¹⁰⁵. Напротив, мало доверия внушает известие, что якобы афиняне предложили ему в невесты свою богиню Афину, а он принял это предложение и потребовал в приданое миллион (по другим источникам, шесть миллионов) драхм и на самом деле выжал их у города. Речь может идти о более поздней пропагандистской выдумке, созданной в кругах Октавиана, которая присочинена на основе мимолетной связи нового Диониса с Афиной на празднике Панафииней и ориентирована на полигамную натуру Антония¹⁰⁶. Афинская резиденция римского императора во многом напоминает ту, что была у македонского царя Деметрия почти три столетия тому назад (с. 81 – 83). В Афинах Антоний более походил на эллинистического монарха, чем на римского аристократа.

Немногими годами позже дело дошло до решительного конфликта Антония с Октавианом, намечавшегося уже давно. Он стал неизбежен, поскольку Октавиан в противоположность Антонию, удовлетворявшемуся правлением над восточной половиной империи, добивался единоличной власти в *Imperium Romanum*. В течение ряда лет, начиная с победы при Филиппах, он неоднократно во имя личных интересов грубо нарушал обязательство сохранять лояльность по отношению к партнеру. Антоний же усугубил их неприязнь друг к другу своей становившейся все более тесной связью с египетской царицей Клеопатрой. Так, он заявил в 35 г. Октавии, снова приехавшей к нему из Рима в Афины, пусть, мол, она поворачивает назад. В конце концов, весной 32 г., когда уже не оставалось сомнений, что война должна разразиться, он послал ей официальное письмо о разводе. Октавиан ответил на это в конце лета объявлением войны – Клеопатре, а не Антонию.

Антоний находился в то время с Клеопатрой в Афинах и был занят приготовлениями к приближавшемуся вооруженному противостоянию, но и далее он настолько продолжал оставаться самим собой, что предавался с царицей всевозможным развлечениям, какие только могли предложить Афины. Клеопатра прекрасно заметила, как привязаны афиняне к Октавии, и постаралась крупными дарами завоевать расположение граждан. Они не могли вслед за тем не дек-

¹⁰⁵ IG II² 1043 (от 37/6 г. в честь эфеев предыдущего года, стк.22 – 23); Sokrates Rhodios// FGtHist. 192, F 2. В 39 г. Дионис впервые появляется на афинских монетах, несомненно, с намеком на Антония в позе «нового Диониса» (Kroll, Coins. – P. 84 – 85, 102 – 103, № 140 – 142).

¹⁰⁶ Cassius Dio 48, 39, 2; Seneca Rhetor, *Suasor.* 1, 6. Скепсис высказал, к примеру: Tarn W.W. // C.A.H. – 1934. – Vol. 10. – P. 54; Day, *Economic History.* – P. 133. Достоверным считают это известие, например: Raubitschek. Op. cit. – P. 146 – 147; Hoff M. C. // *Hesperia.* – 1989. – Vol. 58. – P. 273, note 36; Kroll. Coins. – P. 85. Ср.: Pelling C. B. E. *Plutarch, Life of Antony.* – Cambridge, 1988. – P. 209.

ретировать ей почести, сравнимые с теми, что были оказаны Октавии. Декрет в честь Клеопатры был вручен ей городскими послами в самом городе, и среди них находился сам Антоний, будто бы он был афинским гражданином или (что менее вероятно) в своем статусе афинского гражданина¹⁰⁷. По мере приближения похода в Греции и прежде всего в Афинах произошли некоторые события, расцененные как предзнаменования несчастливой исхода, о которых именно поэтому и вспоминали позже, после поражения Антония. На Акрополе во время сильной бури из вотивного дара Атталидов — группы гигантомахии якобы рухнула в расположенный внизу театр Диониса фигура Диониса — дурная примета для «нового Диониса». Та же буря опрокинула вблизи от Пропилей и колоссальные статуи царей Эвмена и Аттала, которые были перепосвящены Антонию¹⁰⁸.

После того как флоты и войска обоих полководцев в бездействии месяцами стояли друг против друга в северо-западной Греции, исход войны решила победа Октавианова адмирала Марка Агриппы в морском сражении у Акция 2 сентября 31 года. Антоний и Клеопатра бежали в Египет, крупное, вообще не понесшее потерь сухопутное войско заключило с Октавианом договор о капитуляции. Вся Греция досталась ему одним махом. Принимали ли участие в операциях на суше либо на море вооруженные силы афинян, неизвестно. Город вплоть до решающего сражения оставался под контролем Антония, а после битвы туда бежал один из его полководцев — Кассий Парменис. Не раз преследовавший его кошмар позже был истолкован как предзнаменование его казни, которую вскоре после этого, вероятно именно в Афинах, Октавиан приказал привести в исполнение. В лице Кассия в его руки попал предпоследний из еще остававшихся в живых убийц Цезаря, поплатившийся жизнью за преступление, совершенное тринадцать лет тому назад¹⁰⁹. Его арест и экзекуция, если

¹⁰⁷ *Plutarch, Antonius* 57, 1 — 3. Ни из его участия в посольстве, ни из слов Плутарха в этом месте (57, 3) или в более ранних, где упоминается его должность гимнасиарха (33, 7), не следует, что Антоний получил и принял афинское гражданство, как это часто предполагалось (*Rawson E. // Athenaeum* 73, 1985. — P. 58, 62 — 63; *Pelling*. — P. 259: «Предположительно, он получил эту почесть в 42 — 41 г.»). Гораздо более вероятно противоположное — неграждане в роли государственных послов не были редкостью в Афинах. Та же неопределенность, что и во фразе Плутарха (*Antonius* 57, 3), сквозит в часто цитируемом высказывании Априана (*Anabasis* 7, 23, 2). Там перед Александром Великим преклоняются в Вавилоне послы из Греции, «как будто они были праздничными послами (соотв. 'в их качестве как'), отряженными к некоему богу». Об этом см.: *E. Badian // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. Edson. — Saloniki, 1981. — P. 54 — 59.*

¹⁰⁸ *Plutarch, Antonius* 60, 4; 60, 6, с коммент.: *Pelling*, op. cit. 265 — 266. Оба события явно контаминированы Дioniом Кассием (50, 15, 2). Далее см.: *Hölscher T. // Antike Kunst. — 1985. — Vol. 28. — S. 124 — 128; Habicht Ch. // Hesperia. — 1990. — Vol. 59. — P. 572.*

¹⁰⁹ *Val. Max.* 1, 7, 7; *Velleius* 2, 87, 3.

только город сам не приложил к тому руку, были нарушением суверенитета Афин. У Октавиана тем не менее имелись на то веские основания: он был связан как своим обетом отомстить за смерть Цезаря, так и *Lex Pedia* от 43 г., требовавшей осуждения его убийц.

Афины стали после битвы первой целью Октавиана. Плутарх сообщает: «Он примирился с греками и раздал оставшееся после войны зерно городам, так как у них, пребывавших в нужде, было похищено много денег, рабов и упряжек»¹¹⁰. Это происходило как раз во время Элевсинских мистерий в боэдромионе (октябре), и Август, как и другие римские магнаты до него, воспользовался случаем быть в них посвященным. Две найденные в Элевсине базы статуй были поставлены афинским гражданством в честь него и его супруги Ливии; видимо, именно тогда и, уж во всяком случае, до 27 г. Октавиана величают в надписи «спасителем и благодетелем», по всей видимости, из-за его хлебного дара¹¹¹.

Последнее известие связывает Антония с Афинами. Когда Октавиан на пути в Египет задержался в Малой Азии, перед ним появились послы Антония из Александрии и попросили за своего господина, чтобы ему было разрешено если не остаться в Египте, то поселиться в Афинах как частное лицо¹¹². Их не удостоили даже ответа, и вполне возможно, этот рассказ просто выдумка. В нем так или иначе отражена тесная связь последнего императора Римской республики с эллинистическим городом. Тогда пришел конец одновременно и республике Рим, и эллинистическим Афинам. Уже десятилетием раньше — в 42/1 г., когда Антоний занял кресло хозяина Эллады, в Афинах завершилась чеканка серебра нового стиля, которое целое столетие было господствующей валютой в стране. Более легкий и с этого момента в изобилии потекший в Грецию римский денарий укоренился и стал более расхожим по сравнению с афинскими серебряными монетами, которые с известного времени чеканились уже нерегулярно¹¹³. Однако после Акция с новым хозяином и новой формой господства — *Imperium Romanum* — для города наступили суровые времена, прежде чем полтора столетия спустя достигшее с Адрианом и Антонином Пием своей кульминации филаэллиństwo еще раз не наградило его порой позднего цветения.

¹¹⁰ *Plutarch, Antonius* 68, 6. Найденные в Афинах жетоны с именем Октавиана происходят, очевидно, от этих хлебных раздач: *Hoff M. C.* // *MH.* — 1992. — Vol. 49. — S. 223 — 232.

¹¹¹ *Cassius Dio* 51, 4, 1. Статуя: *Vanderpool E.* // *Deltion* 23 A. — 1968. — Vol. 7. — P. 9, № 3; *Clinton K.* *Op. cit.* — P. 1507

¹¹² *Plutarch, Antonius* 72, 1.

¹¹³ *Kroll. Coins.* — P. 15 — 16, 85 — 87. Кролл говорит на с.16 о «квази-романизации городской валюты, среди которой на следующие 250 лет господствующим стал денарий».

Старый, широко распространенный и все еще разделяемый кое-кем из ученых тезис гласит: с исходом битвы при Херонее в 338 г. «греческий город» умер. Многочисленные и вполне конкретные показания большого и постоянно прирастающего количества эллинистических надписей говорят, однако, за то, что эта концепция целиком и полностью ошибочна. Конечно, Афины, Спарта и Фивы утратили с возвышением македонской монархии свою доминирующую роль в политике, а Фивы — так те даже на два десятка лет прекратили свое существование, но лучшие знатоки эллинистических документов, и впереди всех Луи Робер, уже давно сделали очевидным, что греческие города — самые крупные, равно как и сотни мелких общин — и дальше оставались жизнеспособными и живучими политическими образованиями¹. Для большинства мелких и средних городов классическая эпоха, когда над ними господствовали более сильные государства, была самым печальным временем их истории; с наступлением эллинистической эпохи их положение улучшилось². Даже если большинство городов с тех пор стало следовать во внешней политике воле монархов и должно было вверять себя их защите,

¹ Из многочисленных высказываний Робера по этой теме здесь достаточно назвать: CRAI 1969, 42; *Xenion*, Festschrift für Pan. I. Zepos, Athen (1973) 778 f. (OMS 2, 150 — 151). Далее см.: *Herrmann P.* Die Selbstdarstellung der hellenistischen Stadt in den Inschriften. Ideal und Wirklichkeit // Akten des 8. Internationalen Kongresses für griechische und lateinische Epigraphik. — Athen, 1984. — Vol. 1. — S. 109 — 119; *Gauthier Ph.* Les cités hellénistiques: épigraphie et histoire des institutions et des régimes politiques // *ibid.* — P. 82 — 107; *idem*, Cités, *passim*; *Grandes et petites cités: hégémonie et autarcie* // *Opus.* — 1987 — 1989 [1991]. — Vol. 6 — 8. — P. 187 — 202; *Giovannini A.* Greek Cities and Greek Commonwealth // *Images and Ideologies. Self-definition in the Hellenistic World*/ Ed. A. Bulloch et al. — Berkeley, 1993. — P. 265 — 286; *Gruen E.* The Polis in the Hellenistic World// *Nomodeiktēs: Greek Studies in Honor of M. Oswald.* — Ann Arbor, 1993. — P. 339 — 354; *Rhodes P.* // *CAH*² VI. — Cambridge, 1994. — P. 589 — 591: «The Failure of the Polis?»

² *Gauthier Ph.* // *Opus.* — 1987 — 89 [1991]. — Vol. 6 — 8. — P. 193 — 194.

внутренние дела были предоставлены их инициативе и оставлены на их усмотрение. Их граждане политически были столь же активны и столь же патриотичны, как это было у их предков. Они брались за поставленные перед ними задачи так же самостоятельно, как и те: за хлебоснабжение и защиту города и его территории, управление и правосудие.

Среди древних греческих городов, пожалуй, лишь Родос пребывал постоянно свободным от какой-либо зависимости; островная республика утвердила себя в 305/4 г. перед лицом царя Деметрия и в 88/7 г. — Митридата VI. Другие города отказались от некоторых суверенных прав в пользу более крупных образований тем, что они консолидировались в союзы городов, утвердив таким способом свою независимость перед лицом монархов. Долгое время Афины оставались почти что единственным городом, который в какой-то период был зависимым от того или иного царя, а в какой-то свободным; но с выступлением на сцену римлян и для других общин греческого мира наступил период независимости, которому затем с установлением римского господства пришел конец.

Союз, заключенный Афинами с Римской республикой во время Антиоховой войны, стал договором между суверенными государствами. Афины нарушили его в 88 г., перейдя на сторону Митридата. То, что сохранившаяся традиция в этой связи о нарушении соглашения все-таки молчит, может объясняться тем, что этот договор в сознании стран-участниц уже перестал играть существенную роль, ибо политический вес партнеров стал уж слишком несоизмеримым. Так, не стоит придавать большого значения тому, что договор этот после поражения Афин от Суллы явно расценивался как существующий и далее (или возобновленный)³. Римская сторона нарушила его в 58 г. плебисцитом Клодия, ибо он предоставил римскому наместнику Македонии на срок исполнения им полномочий, кроме того, власть над суверенным, по договору, городом. Но и это чрезвычайное положение длилось, однако, не долго. В самый день поражения Антония при Акции причитавшиеся Афинам договорные права моментально утратили силу, ведь его бежавший в Афины сторонник Кассий Парменис, которого суверенитет города должен был бы защитить, по распоряжению победителя был убит.

Тем самым обозначилось, что новые реалии, сотворенные в итоге римских гражданских войн, не позволяли уже городу на будущее время служить пристанищем для преследуемых. Тогда-то он и потерял нечто, что столетиями украшало славу его герба — быть прибежищем для ищущих защиты, особенно для тех, кто оказался жертвой политических метаморфоз своего родного города. В таком statu-

---

³ Германик во время своего пребывания в 18 г.н.э. рассматривал город как договорно связанную с Римом общину (Tacitus, *Апп.* 2, 53, 3).

се туда скрылись в 460/59 г. мессенцы, в 427 г. платейцы, а в 405 и 404 гг. самосцы⁴. В IV веке город даровал убежище политическим изгнанникам: в 382 г. тремстам фиванцам, бежавшим после занятия акрополя Фив спартанцами; десяток лет спустя платейцам, после того как фиванцы разрушили их город; в 363 г. группе в одиннадцать человек из Дельф, изгнанным из-за их фокейских симпатий⁵. За ними следуют в 348/7 г. граждане Олинфа после разрушения их города царем Филиппом, в 346 г. прогнанные фессалийцами фокейцы, после битвы при Херонее в 338 г. группы союзников (трезенцев и акарнано-нов), вынужденные убраться из своей страны⁶, чуть позже граждане Фив, уцелевшие после разгрома Александром их города, которым Афины предоставили защиту, невзирая на претивший этому царев запрет⁷. После проигранной в 322 г. Эллинской войны Афины приняли к себе членов ее стран-союзниц, которые вслед за политическим переустройством в духе македонских интересов не смогли уже более оставаться на родине — долопы и круглым счетом пятьдесят фессалийцев⁸. Сие особо примечательно тем, что Афины сами попали тогда в зависимость к победителям и должны были принять в контролирующее Пирей укрепление македонский гарнизон.

Политически гонимые или терроризируемые личности искали и обретали пристанище в Афинах, к примеру, казначей Гарпал в 324 г., бежавший от гнева своего царя. Поднятому по инициативе царя разными сторонами требованию о его выдаче афиняне не пошли на уступку, хотя и не решились его отклонить, не наклеив на свою голову войну: поэтому они дозволили Гарпалу ускользнуть из заточения, в котором тот содержался⁹. Аналогичный случай произошел сотню лет спустя, когда царь Филипп V потребовал выдачи своего обвиняемого в заговоре министра Мегалея, коего при пересечении границы Аттики захватил один афинский стратег. И тогда в случае отказа дело было чревато войной. Мегалея не выдали, но ему позволили проскользнуть через границу, вслед за чем он в Фивах покончил счета с

⁴ Во все еще заслуживающем ознакомления эссе от 1907 года «Altar of Mercy» А.-У. Вераал распознал в «Умоляющих» и «Гераклидах» Эврипида (обе трагедии сочинены между 431 и 421 гг.) первое литературное воплощение Афин в той самой роли «местоблюстителя и защитника гуманности» (Oxford and Cambridge Review. 1907; Verall. Collected Literary Essays, Classical and Modern. — Cambridge, 1913. — P. 219 — 235, цитата на с. 225 — 226).

⁵ Xenophon. Hellenika 5,2,31 (фиванцы); [Demosth.] 59, 104 — 106 (фокейцы); IG II² 109; Corpus des inscriptions de Delphes II, № 67 — 73 (дельфийцы).

⁶ IG II² 211; Harpokration, s.v. ἰσotέλης (Олинф); Demosth. 5, 19 (фокейцы); Hypereides 5, 31 (трезенцы); IG II² 237 (акарнаны).

⁷ Свидетельства см.: Berne H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. — München, 1926. — Vol. 1. — P. 240, Anm. 2.

⁸ IG II² 546; Diodor 18, 11, 1 (долопы); IG II² 545 (фессалийцы); ср. с. 49.

⁹ См. выше, с. 39.

жизнью¹⁰. На пороге Антиоховой войны в 192 г. до н. э. Евтимид из Хаалкиды проживал как ссыльный в Афинах. Оттуда он замысливал свой переворот, который должен был передать ключи от его родного города в руки царя Антиоха. Натиск потерпел крах, после чего Евтимид, вне зависимости от занятой Афинами позиции на стороне врагов царя, вернулся туда же, и, по всей вероятности, ни один волосок не упал с его головы¹¹. Когда десяток лет спустя потомки одного фессалийского гранда, казненного по обвинению за участие в заговоре против царя Филиппа, должны были найти приют от царских преследований, Афины показались им самым удобным местом для бегства¹². Уже и во время римских гражданских войн римские нобили находили надежную пристань в Афинах¹³, однако в 31 г. вслед за победой Октавиана при Акции город перестал быть в состоянии защитить одного из таких нобилей¹⁴.

С этого момента и Афины, как и все прочие полисы и народы в пределах Римской империи, стали подвластны воле одного самодержца. Август и некоторые из его преемников возжелали добиться посвящения в Элевсинские таинства и сподобились их либо же принимали на себя на год титул эпонимного архонта в городе, который, однако, и вынужден был к его воле подлаживаться. Август намекал ему на свое ветреное настроение, Адриан дал ему ощутить свою колебимую милость. Афины же должны были воспринимать все, что на них нисходило. Город более не был тем, чем был во дни, когда бросил перчатку Александру Великому. Он продолжил свое существование в Римской империи как одна из самоуправляющихся общин и оставался перворазрядным культурным центром. Заветы его животворны и в наши дни, кои они и переживают.

¹⁰ *Polybios* 5, 27. См. выше, с. 186 и сл.

¹¹ *Livius* 35, 37, 4 — 38, 14.

¹² *Livius* 40, 4. *Walbank F. W.* Philip V of Macedon. — 1940. — P. 244 — 245.

¹³ *Münzer F.* // *RE Manlius*. — 1928. — Sp. 1197.

¹⁴ См. выше, с. 358.

Приложения

Когда историки говорят: «эпоха эллинизма», «эллинистические государства», перед глазами возникают обширные пространства, где после завоеваний Александра образовались могущественные державы, города, основанные новыми властителями от Египта до Афганистана, великая Александрия с библиотекой и Мусейоном — и бесконечные войны между этими державами, в которых по большей части бледной тенью в качестве второстепенных участников или жертв проходят некогда великие полисы Эллады. Об этих полисах, прежде всего об Афинах, писалось мало, только отдельные выдающиеся деятели культуры и философские школы привлекали особое внимание исследователей... В течение более чем восьмидесяти лет после единственной и ставшей классической монографии У.-С. Фергюсона «Эллинистические Афины» (издана в 1911 г.) ни одной книги не было посвящено политической истории Афин конца IV — I в. до н. э. Могло создаться впечатление, что на протяжении нескольких столетий общественная жизнь в Афинах замерла. Между тем город продолжал существовать, продолжала действовать система управления, в нем жили те же граждане, что и до битвы при Херонее, а позже — воспитанные ими дети и внуки. Как вели они себя в изменившейся обстановке, как относились к традициям своего полиса, как менялась их социальная психология на протяжении последних столетий перед началом нашей эры? Все эти вопросы не могут не волновать современных исследователей и просто широкий круг людей, интересующихся историей. И вот наконец перед нами книга выдающегося немецкого ученого, которая заново открывает историю послеалександровских Афин, восстанавливает в наших глазах связь времен.

Христиан Хабиخت начал свою научную и преподавательскую деятельность в 50-х годах в университетах Германии (Гамбург, Марбург, Гейдельберг); его первые статьи были посвящены эллинистической эпиграфике и отдельным вопросам истории этого времени, включая проблемы календаря и хронологии (это было особенно важно для правильной датировки событий: читатель безусловно обратит внимание на безупречную хронологическую аргументацию, относящуюся не только к годам, но и к месяцам, которая приводится в этой книге). Ныне он эмеритированный профессор Института развития исследований в Принстоне, почетный профессор Гейдельбергского университета, член многих научных обществ, в том числе член-корреспондент Британской Академии, лауреат премии Рейхлина, член редакционных коллегий научных журналов — его звания можно перечислять и перечислять. Он широко известен как автор двенадцати книг и более ста тридцати статей по истории эллинистической и римской эпох. Одно из самых известных его исследований, посвященное обожествлению правителей в греческих полисах (*Gottmenschentum und griechische Städte*, München, 1956,

1969), открыло новые аспекты в таком существенном вопросе, как культ правителей эпохи эллинизма, восприятие жителями полисов «божественности» эллинистических монархов, степень добровольности и принуждения в установлении этих культов; Хабиخت выделяет два вида культов эллинистических монархов: общегосударственные, которые устанавливались сверху и носили по преимуществу династический характер, и культы внутриполисные, установленные за конкретные благодеяния данному городу по постановлению Народного собрания; некоторые из этих аспектов затронуты и в связи с историей эллинистических Афин: на конкретных примерах автор раскрывает суть обожествления царей, которым никогда не молились, но при этом за них молили богов. Афиняне отменили постановление об учреждении навязанного им культа Александра и добровольно установили культ Деметрия Полиоркета, а после освобождения от македонского владычества не только ликвидировали царские культы Антигонидов, но и стерли с надписей на камне имена прежде почитаемых правителей из этой династии: другими словами, никакой особой сакральности в обожествлении эллинистических царей не было. Хабиخت вводит понятие «политическая религия», которое он употребляет и применительно к культам правителей в Афинах.

Научные интересы автора представляемой книги очень широки: его перу принадлежат исследования II книги Маккавеев и связей последних с эллинистическим миром (2. *Makkabäerbuch*, Gütersloh, Mohr, 1976, 1979), его книга, посвященная политической деятельности Цицерона, издана на английском и немецком языках (*Cicero the Politician*, Baltimore, 1989; *Cicero der Politiker*, München, 1990). Хабиخت занимался историей Вифинии; он является автором обобщающей главы «Селевкиды и их соперники» во втором издании *Cambridge Ancient History*. Следует отметить, что он выступает не только как историк, но и как эпиграфист: целый ряд его статей посвящен анализу новых надписей, связанных с историей отдельных регионов в период эллинизма. Хр. Хабиخت — великолепный стилист, работающий в разных жанрах: его статьи в *Энциклопедии Pauly-Wissowa*, посвященные Вифинии, можно считать образцом ясного, сжатого и при этом полного творческого изложения материала с указанием источников.

Особое внимание в своем научном творчестве в последние годы Хр. Хабиخت уделял истории эллинистических Афин, разбору новых источников, в частности, надписей — ссылки на эти исследования содержатся в соответствующих разделах новой книги; предварительным этапом для обобщающей книги явились две его большие работы: *Untersuchungen zur politischen Geschichte Athens im 3. Jahrhundert v. Chr.*, München, 1979 и *Studien zur Geschichte Athens in hellenistischer Zeit*, Göttingen, 1982, где детально проанализированы все имеющиеся источники (настолько детально, что в последней книге Хабиخت считает возможным в отдельных случаях только сослаться на эти работы, чтобы не отвлекать внимание читателей на частности). Результатом всех этих многочисленных исследований и явилась настоящая книга (в переводе на английский язык она была недавно опубликована — *Athens from Alexander to Antony*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1997). Книга эта дает исчерпывающее представление — благодаря уникальной эрудиции автора (внимательный читатель заметит, что Хабиخت ссылается не только на изданные, но на еще не опубликованные надписи) мы имеем возможность составить представление об истории афинского полиса в течение нескольких столетий, от победы македонян в битве при Херонее до конца гражданских войн в Римском государстве.

Сложные отношения с македонскими властителями открывают, таким образом, новую эпоху для Афин, которая рассматривается в широком контексте всех основных политических и культурных событий в Средиземноморье конца IV — I в. до н. э. Именно отношения с великими державами, смена подчинения и

относительной независимости легли в основу периодизации истории эллинистических Афин, которая кончается включением полиса в систему Imperium Romanum, когда город стал существовать как одна из многих самоуправляющихся городских общин, зависящих от воли самодержцев. При этом сутью концепции автора, прослеживаемой через все перипетии афинской истории эллинистического времени, является идея сохранения Афинами полисной структуры, политический и — может быть, еще более существенно — идеологический континуитет, определявший и внешнюю и внутреннюю политику Афинского государства.

В Введении к этой книге автор объясняет пренебрежение исследователей к афинской истории периода эллинизма, во-первых, тем, что их увлекали события, связанные с великими державами и определявшие жизнь всего Средиземноморья, а во-вторых — отсутствием связанных нарративных источников, лакунарностью сведений, не всегда дающих возможность точно восстановить детали. И тем не менее Хабихт, как современный историк, считает, что нельзя все внимание сосредоточивать на великих деятелях, судьбоносных событиях и ведущих государствах, «как будто бы достойная изучения история протекает только в круту задающих тон политических сил», ибо жизнь проходила не только там. Задача его книги — показать на примере Афин стремление греческих полисов самоутвердиться (а не просто пассивно подчиняться) в том мире, который претерпел разительные перемены в связи с выступлением на авансцену новых держав.

Уже с первых страниц книги читателю становится ясно, что трактовка Хр. Хабихтом истории эллинистических Афин представляет собой новое слово в антиковедении. Автор возражает против распространенной точки зрения о снижении политической активности граждан Афин после поражения при Херонее и во время правления Александра. Хабихт убедительно показывает, что все отрасли управления в Афинах были исключительно делом граждан, для которых пятнадцатилетие мира (до смерти Александра в 323 г.) было временем не только реконструкции города, но и моральной регенерации: никогда еще Афины, как пишет автор, со времени Перикла не переживали столь масштабную строительную деятельность, как будто гражданский коллектив стремился продемонстрировать свою несокрушимую жизнеспособность. Здесь сразу же хочется обратить внимание читателя на то, что в своем анализе автор учитывает — практически почти во всех главах — психологический настрой гражданского коллектива, а также отдельных групп и политических деятелей. Поражение привело не к смиреннию, а к еще большей мобилизации всех сил и ресурсов.

Характерными особенностями гражданской идеологии афинян, по мнению автора, на протяжении длительного времени был антимакедонский национализм и верность демократии. В IV в. главные политики Афин (Демосфен, Ликург, Демад, Гиперид), несмотря на все различие во взглядах, были прежде всего, по словам Хабихта, патриотами своего полиса. В афинском полисе устанавливается культ Демократии, а в III в. — официальный культ персонифицированного Демоса — как знак своеобразной самоидентификации афинского полиса. Автор прослеживает существование демократической идеи (в значительно большей степени именно идеи, а не реальной демократической деятельности) на протяжении почти всей истории эллинистических Афин: демократами называли себя даже люди, по существу, далекие от демократии. Здесь Хабихт, обычно сторонящийся какой бы то ни было модернизации, позволяет себе, характеризуя отношение «демократия — царская власть», провести аналогию с названием «народные демократии», принятым государствами Восточной Европы после Второй мировой войны и обращает внимание на тавтологию в последнем названии, подчеркивая тем самым мнимую демократичность политического устройства. Даже после разгрома антиримского восстания Суллой, когда конституция

Афин отнюдь не была демократичной, сторонники римлян поместили на монетах изображения героев древней демократии — тираноубийц Гармодия и Аристогона как символ того, что город спасся от тирании вождей восстания.

Очень важными аспектами книги представляется исследование взаимоотношений полиса с эллинистическими правителями, взаимодействия его внутренней деятельности с довлеющей над ним царской властью, поведения гражданского коллектива и отдельных его представителей в условиях зависимости от полководцев Александра и македонских царей. В эти периоды полис и его правители стремились вмешаться в частную жизнь граждан, как Хабихт показал на примере Деметрия Фалерского, издавшего законы против роскоши, в том числе закон, ограничивший количество участников пира. Хабихт вслед за Р. Бернхартом полагает, что эти законы проистекали из аристократических воззрений, согласно которым ни один индивид не имел права превзойти своих товарищей (одна из немногих трактовок автора, которая представляется не бесспорной, ибо демос тоже не любил выдающихся личностей; древние аристократические тенденции, если они имели место, наложившись на стремление держать под контролем все аспекты жизни граждан, претовращать слишком большие и потому опасные сборища).

Но демократические идеалы не переставали существовать и снова становились господствующими, как только внешнее давление ослабевало. В этом отношении характерно описание автором ситуации после освобождения Афин от Кассандра, когда демократия была возрождена и афинян охватила, по образному выражению Хабихта, «безудержная мания» издавать декреты Народного собрания. Однако — как прекрасно показано в книге — «свобода» проявлялась только в тех областях, которые были безразличны правителю (в данном случае — Деметрию Полиоркету). Так, в угоду царю, пожелавшему быть посвященным в Элевсинские мистерии, когда срок для этого не наступил, был передвинут календарь, а после посвящения царя восстановлен (Хабихт называет это действие фарсом); сделано это было по предложению афинянина Стратокла, вносившего одно за другим предложения в угоду желаниям царя. Впрочем, преданность ему была порою вынужденной, что автор показывает на примере ставленника Деметрия Олимпиадора, который после поражения первого возглавил восстание против него. Все подобные метания из стороны в сторону и коллектива, и отдельных граждан, ярко показанные Хабихтом, как нельзя лучше передают положение полисов, стремившихся любыми способами сохранить свою особость, а если возможно, и независимость, хотя бы видимую. Самой тяжкой для Афин была зависимость от Македонии, но и в промежутках между чужеземным господством Афины не могли обойтись без покровительства царей: наиболее приемлемым для них было — в силу отдаленности и отсутствия непосредственной территориальной угрозы — покровительство Птолемеев, а затем именно антимакедонская позиция Афин в связи с вмешательством Филиппа V и внутренним кризисом в державе Птолемеев, которым уже было не до Афин, толкнула полис на союз с римлянами. Не менее интересно — помимо взаимоотношений с крупными державами — дан анализ связей Афин со свободными греческими полисами (в частности, их роли в качестве судебных арбитров), отношения с которыми были наиболее активны в периоды независимости и нейтралитета; внешние связи выходили за пределы эллинского мира, на что указывают проанализированные автором сношения с Хасмонеями, инициаторами которых были последние (очень показательно, что стремление войти в «международное сообщество» эллинистического мира не могло обойтись без признания Афин не столько политическим, сколько символическим центром эллинизма). Особое внимание уделяет автор и отношениям Афин с зависимыми от них территориями, в частности с Делосом, которым посвящена целая глава. Здесь особо хочется отметить объективность Хабихта, отсутствие какого бы то ни было «афиноцентризма»:

невзирая на всю свою приверженность афинской истории, он сумел показать и отрицательные стороны политики Афин, которые действовали, по существу, эгоистически, доходя до жестокости: так они поступили с жителями Делоса, которых всех поголовно выселили с острова после передачи Афинам Делоса по решению римлян.

Большинство глав книги названо сообразно с внешнеполитическим статусом Афин («Под чужеземным господством», «Между свободой и несвободой» и т.п.), что подчеркивает тем самым включенность полиса в события на Балканах и во всем Средиземноморье и зависимость их внутреннего положения от этих событий. Хотя Афины и старались в отдельные периоды вести изоляционистскую политику, их историограф все время напоминает читателю о внешнем мире, в котором они существовали. Поэтому подробная характеристика международных отношений часто для Хабихта выступает своеобразным ключом для понимания политики во внутренних делах полиса. Автор ненавязчиво, но ясно, на протяжении многих страниц и на примере многих эпизодов создает представление о взаимодействии стремления граждан во что бы то ни стало сохранить полисную, эллинскую, в известной мере квази-демократическую структуру и идеологию — и давления на них великих держав, которому Афины в конце концов уступили. Можно полагать, что только приверженностью большинства граждан панэллинской идеологии объясняет переход Афин — после столетий лет проимской позиции — на сторону Митридата; автор говорит о причинах участия Афин в антиримском восстании с достаточной осторожностью, подчеркивая прежде всего привлекательность для многих греков панэллинских лозунгов понтийского царя. Я полагаю, эту идею можно решительно поддержать: в конце концов, даже эфемерная надежда освобождения от любой зависимости и постоянных шатаний от одного покровителя к другому могла вдохновить тех, кто не имел непосредственной выгоды от связей с Римом и, возможно, как думает автор, страдал от засилия римских откупщиков. При этом важно и наблюдение Хабихта, что Митридата поддерживали не только бедные слои афинского полиса, но и представители знатных семей: я полагаю, что панэллинская идея могла быть близка разным социальным группам: ведь это была последняя возможность восстановить неформальную свободу и политический престиж.

Тенденциями к сохранению непрерывных традиций можно объяснить, как мне представляется, и смену периодов упадка и возрождения политической и культурной активности внутри Афинского полиса, который, невзирая на давление, стремился к постоянной регенерации, что так последовательно прослеживает Хр. Хабихт. Существенно наблюдение автора, что экономическая ситуация не всегда оказывалась решающей в организации общественной жизни; при острой нехватке хлеба и поисках донаторов в городе устраивались празднества: полис должен был продолжать исполнять те же функции и устраивать те же действия, что и за века до этого сложного времени. Однако ради самосохранения перед иноземной угрозой Афины шли на нарушение самых священных обычаев, как в случае, выделенном автором, когда город отказал в убежище беглецу от Филиппа V.

Очень важными для понимания не только конкретной истории Афин, но и феномена античного полиса вообще являются новые, по сути, выводы, касающиеся афинского государственного устройства в разные периоды, начиная со времени после битвы при Херонее и до I в. до н. э. включительно. В книге показана смена периодов внутреннего подъема и упадка; в частности, такой упадок пережили Афины после подчинения города Антигону Гонату, когда Народное собрание принимало декреты только в честь иноземцев — и то с одобрения царя, в тот же период заметно уменьшается число эфеев-добровольцев. В этой связи хочется обратить внимание на одну из сторон методики исследования Хр. Ха-

бихта, который постоянно анализирует списки афинских эфевов, отмечая то уменьшение, то увеличение их числа: этот процесс, который коррелирует с внешним положением полиса и отражает при этом политические настроения граждан. Автор прослеживает тенденцию к усилению роли зажиточных слоев, к нарушению порядка выборности должностных лиц путем жеребьевки, которая в конце рассматриваемой эпохи заменяется обычными выборами и повторным занятием ведущих должностей одними и теми же лицами, когда роль Народного собрания фактически была сведена на нет, а главными органами — как убедительно, на основании скрупулезного анализа источников показал автор — были Ареопаг и архонт-эпоним. Этот процесс, при сохранении демократической фразеологии, был результатом объективных, внутренних изменений, связанных с выдвиганием зажиточных торговых слоев (в первую очередь тех, кто использовал особое положение Делоса как *porto franco*), а не только вызван действиями великих держав. Хр. Хабиخت убедительно выступает против распространенной среди историков точки зрения о том, что новую афинскую конституцию установил Сулла: она существовала и до него, была отменена вождями восстания и восстановлена после его разгрома. И перед восстанием, и в постсулланский период должности сосредоточивались в руках представителей отдельных кланов. К рассуждениям Хабихта хотелось бы добавить, что на затухание полисной демократии могла оказать влияние и усталость от политических метаний, поклонения то одним, то другим властителям и даже народам (в Афинах II в. до н. э. приносились жертвоприношения персонифицированному Римскому народу, необычность и несвойственность полисной идеологии этого акта жестко отмечает автор — одно дело почитать собственный Демос, а другое, как он пишет, «отбивать поклоны демосу чужому»). Основания для такого заключения дает материал, приведенный самим автором, правда для середины III века, в разделе «Эллинистические Афины глазами современника», где он приводит описание жизни города неким Гераклидом: в этом описании нет и следа политических свершений, его интересует только повседневная жизнь, осуждает он только адвокатов и советует беречься от гетер. Разумеется, это описание могло быть следствием личных пристрастий Гераклида, но могло отражать и психологию тех рядовых жителей Афин, с которыми он общался. В условиях подъема общественной жизни в период независимости такая психология могла меняться, но вряд ли исчезала полностью. Особое место в книге занимают последние главы, в которых показано, как постепенно Афины втягивались в русло римской политики, а затем и полностью перешли под господство Рима, теряя не только внешнюю, но и внутреннюю независимость. Сдержанно осуждая римскую агрессивную политику на Балканах, Хабиخت отмечает, что войну с Персеем спровоцировал Рим; автор сохраняет объективность в самых острых для историков вопросах, таких как поведение Суллы по отношению к Афинам: он выступает против расхожей точки зрения, согласно которой все затонувшие корабли с произведениями искусства везли добычу Суллы, а также против общепринятого мнения, что в итоге Митридатовой войны Афины лишились Саламина. Сравнивая высказывание Павсания о жестокости, проявленной Суллой — недостойной римлянина, — с тем, как сам Сулла прославлял себя за то, что спас Афины от полного уничтожения, автор справедливо замечает, что оба высказывания имеют свое оправдание (именно так, с моей точки зрения, и должен рассуждать настоящий историк, исходя из обстоятельств исследуемого времени: то, что ужасало Павсания во II в. н. э., было нормой для начала I в. до н. э.).

В период гражданских войн I в. до н. э. Афины оказывались на стороне то одного, то другого противника, в зависимости от их влияния на Балканах: поддерживали Помпея, а потом вымаливали милость у Цезаря, выступали за Брута,

а после его поражения чтили Антония как Нового Диониса. При этом на протяжении всех сложных событий I века в постсулланское время Афины, по существу, не пострадали, спасали их и щадили сами же римляне, как сказала Юлий Цезарь, «ради их предков». При этом римские деятели порой защищали афинское культурное достояние от других римлян, как показал автор на примере домика Эпикура, на месте которого один римлянин получил разрешение Ареопага построить дворец, а другие в конце концов убедили его отказаться от своего замысла. Феномен отношения римлян с Афинами связан с еще одной важнейшей сквозной линией в книге Хр. Хабихта — характеристикой Афин как культурного центра Эллады — в реальности и восприятии иноземцев.

Афинам как средоточию культурной деятельности в конце IV века посвящена особая глава, где даны блестящие характеристики — не литературоведческие или историко-философские, но общественно-исторические — театра, философских школ, изобразительного искусства. Изменения в обществе афинского полиса и включенность его в средиземноморскую общность повлияли на творчество поэтов и художников. Это особенно ярко показано на примере Менандра: по мнению автора, комедия отказалась от скабрзностей, поскольку уже не должна была угождать вкусам низов, так как с отменой теорикона изменился состав зрителей. Хабихт выдвигает и другую возможную причину — эллинистическая комедия ставилась по всему средиземноморскому миру и не могла носить специфически афинского характера (вероятно, потому же в ней отсутствует политическая направленность): в формулировке причин особенностей комедии Хр. Хабихт, как и во многих других местах книги, проявляет свойственную ему осторожность и разносторонность подходов. В этом разделе автор высказывает и свою точку зрения на эллинистическую трагедию, говоря о ее высоком качестве. И философские школы, и творчество скульпторов (некоторые из них работали и за пределами Афин) вписываются в общественно-политическую ситуацию в полисе (причем автор говорит и о массовой культуре, отмечая, в частности, большую скромность надгробий). Культурная жизнь в Афинах — как и жизнь политическая — переживала упадок и подъем, связанные со степенью зависимости от внешних сил. Так, Хабихт подчеркивает, что после победы Антигона Гоната и установления жесткого контроля со стороны Македонии кончилась собственная афинская историография. Но были случаи, когда и афинский demos пытался вмешиваться в интеллектуальную жизнь: в конце IV в. был принят закон о контроле над философскими школами, что автор объясняет — и, по моему мнению, вполне справедливо — психологией основной массы демоса, не любившего интеллектуалов (добавлю — как и всякая толпа в любые времена); закон этот к чести для афинян был отменен. В дальнейшем Афины, переживая периоды независимости и политической стабильности, снова привлекали к себе художников и философов, у которых учились эфебы, делавшие взносы на расширение библиотек. Не случайно столько иностранцев жило и училось в Афинах, становилось эфебами, многие из них принимали афинское гражданство: расширяя свое влияние как культурный центр, Афины одновременно теряли свою самобытность как полис. Автор отмечает уникальность эпизода с посольством трех философов в Рим, которые не были гражданами: в данном случае Афины использовали авторитет и влияние ученых-переселенцев в политических целях, пренебрегая полисными традициями. Я не берусь пересказывать все пассажи, характеризующие отношения полиса и художников, международную роль афинских «праздничных актеров», стремление даже представителей царских династий обучаться в Афинах — все эти описания интересны, и читатель сам их оценит. Хочу отметить только мягкую иронию, с которой Хабихт говорит о дельфийском панегирике Афинам II в., который исходил от них самих, где было

сказано, что Афины — корень всех добрых и культурных дел на земле — закона, мистерий, трагедии, комедии, даже земледелия. Все это приписали себе афиняне, и этот панегирик, как выражается Хабиخت, послужил в веках источником афинской легенды. Но легенду эту восприняли другие народы, прежде всего римляне, и, может быть, отчасти благодаря ей и подлинные достижения эллинской культуры дошли до нашего времени.

В книге не только описываются события, в ней действуют живые люди со своими достоинствами и недостатками: мы чувствуем уже с первой главы, что политика делается конкретными людьми. Автор показывает их не статично, он выявляет изменения в их поведении и характере; наиболее яркий пример — характеристика Деметрия Полиоркета, в котором произошел, по мнению Хабихта, перелом после объявления его царем, когда тот ощутил свое полновластие. Великолепное знание истории всего Средиземноморья дает возможность автору вводить в изложение отдельные яркие штрихи, характеризующие не только греческих, но и римских деятелей: иногда одно только слово раскрывает их сущность, например определение Тита Фламиния как самовлюбленного консула (качество, которое, несомненно, влияло на его политику). Он показывает стремление Марка Антония выгнать своего рода эллинистическим монархом, отмечает вероломное по сути поведение Октавиана, который в отношениях с Антонием непрерывно нарушал свои обещания. Подобные блестящие, не связанные непосредственно с основным изложением, разбросаны по всей книге, они придают ей особую живость, и я надеюсь, читатель не оставил их незамеченными.

Хр. Хабиخت — необыкновенно добросовестный исследователь, все его выводы тщательно аргументированы; некоторые, высказанные им в предыдущих работах точки зрения он пересматривает в связи с появлением новых надписей; указывает, какие он опустил в этих изданиях факты, даже если они не относятся к предмету его исследования (как, например, культ Римского народа на Родосе). Когда Хабиخت выдвигает предположения, то обязательно указывает в сносках тех авторов, кто поддержал эти предположения, и тех, кто выступил против них; в частности, он делает это в связи с гипотезой — которая мне кажется весьма привлекательной — о том, что архонтом-эпонимом Афин выступил Митридат.

Книга Хр. Хабихта представляется мне (как, впрочем, и многие его другие работы) образцом исторического повествования, сочетающего в себе новизну и богатство содержания, тонкое и тщательное исследование источников, живость и образность изложения. Особенно следует отметить научный аппарат Хабихта, в нем приведена вся последняя литература по затрагиваемым вопросам, при этом автор указывает и на те работы, что только готовятся к публикации (его связи в мире историков поразительны; они определяются, по-видимому, участием в издании различных научных журналов); активно откликается он на все новые точки зрения — недаром в списке его работ большое число рецензий — и умеет сжато изложить их, по большей части в примечаниях, высказывая сразу же свое отношение к ним, а не просто перечисляя. Для облегчения чтения книги неспециалистами в приложении дан словарь терминов и генеалогические таблицы династий эллинистических правителей: автор подумал обо всех читателях!

Воспользуясь этим исследованием в русском переводе можно только приветствовать. Молодые ученые-историки многому научатся, внимательно читая книгу Хабихта. Но она безусловно будет важна не только для антиковедов, но для всех, кто интересуется прошлым человечества, политикой и культурой, социальной психологией коллективов и побудительными мотивами поступков отдельных личностей.

Словарь терминов и имен

агенин — безбородые, возрастной класс на состязаниях

агон — состязание

агора — 1) площадь торговая, 2) собраний

агораном — надзиратель рынка

Айантида — см. фила

Айгеида — см. фила

Акамантида — см. фила

Акте — часть Пирея

Амфиктиония — Совет распорядившихся Дельфами греческих государств

анабасис — поход в горные местности или в глубь страны

анаграфевс — звание секретаря Совета при олигархии

анакторон — резиденция владыки

ангестерий — см. месяцы

Антигонияда — см. филы

антиномия — противоположность

Антиохияда — см. фила

Ареопэг — 1) холм бога войны Ареса южнее Агоры, 2) заседавший там совет знати, состоявший из бывших архонтов

аргираспиды — «серебряные щиты», элитное подразделение войска Александра Великого

архифеор — предводитель праздничного посольства

архонтат — должность архонта

архонты — девять ежегодно сменяемых верховных магистратов: эпоним, басилевс, полемарх и шесть фесмофетов

асебия — преступление против религиозного благочестия

асфалия — личная безопасность

асилия — неприкосновенность

Асклепийейон — святилище Асклепия у подножия Акрополя

атлофеты — руководители праздника Панафиней

Атталида — см. филы

аттидограф — составитель локальной истории Афин

Басилевс — второй архонт с особыми полномочиями в культовых вопросах

беотарх — член исполнительного совета Беотийского союза

боздромейон — см. месяцы

Буле — Совет Афин, состоявший из представителей фил, от каждой по 50

гамелион — см. месяцы

Гестестийон — святилище Гефеста

гекатомбеон — см. месяцы

гиерофант — высокая культовая должность в Элевсине

гиеромнемон — делегированный в Дельфийскую амфикионию

гиеронимия — замена личного имени культовым титулом высокого жреца

гиеропы — культовая должность

гигантомахия — художественное изображение борьбы богов с гигантами

гимнагоги — исполнители гимнов

гимнасиарх — заведующий гимнасием, годичная должность

гидайконымы — «бластителы жен», казенная должность

гиппарх — командир всадников, ежегодно их было двое, каждый из них командовал кавалеристами половины филы

Гишпотонтида — см. филы

гоплит — тяжеловооруженный воин

гоплитский ценз — состояние, достаточное для приобретения вооружения гоплита

горос — 1) закладной камень, 2) межевой столб

hierà, ta — сакральные дела

hósia, ta — мирские дела

Дадух — высокий религиозный чин в Элевсине

декурия — подразделение из десяти человек, например, римских судей

Деметриада — 1) см. фила, 2) основанный царем Деметрием Полиоркетом город в заливе Волоса

демос — 1) совокупность граждан, 2) одна из 139 общин Аттики в районе города, внутри страны и на побережье

демотикон — местное имя, указывающее на принадлежность афинских граждан к соответствующей общине

Дионисии — весенний праздник в честь Диониса (Большие справлялись раз в четыре года, Малые — ежегодно)

Зевс Элевтерий — Зевс Освободитель

Истмий — панэллинские игры в честь Посейдона на Истме в Коринфе

итифаллик — стих особого размера

Кабиры — боги мистерий на Самофракии и Лемносе

канефора — корзиноносица, культовая должность

кавеа — зрительные места в театре

Кекропида — см. фила

Келесирия — «долинная Сирия», область западнее Евфрата

Кепос — «Сад», название школы Эпикура

Керамик — афинское общественное кладбище на границе с Агорой

Керики — афинский знатный род

клерухи — афинские граждане в статусе поселенцев в таких чужих полисах, как Самос, Лемнос и др.

консуляр — бывший консул

космет — предводитель корпуса эфетов

ксандик — месяц македонского календаря

куруя — здание совета, зал заседаний римского Сената

квестор — казначейская должность, низший пост в сенаторской карьере

дегат — римский младший командир или младший чин

Ленеи — праздник в честь Диониса с драматическими представлениями, справлявшийся зимой

Леонтида — см. фила

Ликеи — аркадский праздник

Ликей — святилище Аполлона и гимнасий, чуть на северо-восток от города

литургия — общественная повинность в пользу государства

маймактерион — см. месяцы

Македонские войны (Рима) — Первая 212 — 205, Вторая 200 — 205, Третья 172 — 168

мантис — прорицатель, толкователь предзнаменований

месяцы — в афинском календаре, начинавшемся летом: гекатомбеон, метагейтнийон, боедромион, пианопсион, маймактерион, посидеон, гамелион, антестерион, элафеболион, мунихион, таргелион, скирофорион

метагейтнийон — см. месяцы

метеки — осевшие в Афинах чужеземцы

метрономы — служба, контролировавшая меры и веса

модий — римская мера объема, около 8,7 литра

Мунихия — укрепление Пирея

наварх — командующий флотом

Немеи — панэллинский праздник в честь Зевса в Немее в Арголиде

Немесии — праздник в честь Немесиды в Рамнунте

несиоты — союз островных греков

номофеты — «законодатели», экстраординарная должность для приведения в порядок имеющихся или для введения новых законов

номофилаки — «законоблюстители», должность олигархического толка

Одеон — сооруженный Периклом концертный зал на Агоре

Ойнеида — см. фила

олигархия — «власть немногих»

палестра — школа борцов, арена для борьбы и кулачного боя

Панафинеи — праздник в честь Афины (Великие справлялись раз в четыре года, Малые ежегодно летом)

Пандионида — см. фила

панегирик — хвалебная речь

панкратион — «всеборье», состязание с элементами борьбы и бокса

паредр — «близидящий», ассистент магистрата

патронимик — отчество

педотриб — спортивный воспитатель юношества

пентатлон — пятиборье

Перипатос — название школы Аристотеля

пианопсион — см. месяцы

Пифаида — афинская процессия в Дельфы

Пифии — панэллинский праздник в честь Аполлона Пифийского в Дельфах

Пникс — холм юго-западнее Агоры, место собрания экклесии

полемарх — третий архонт, некогда военачальник, начиная с V в. судебный чин по делам метеков и прочих чужеземцев

полиандрион — коллективное захоронение павших

Помпейон — роскошная постройка вблизи Дипилонских ворот

посейдониасты — почитатели Посейдона
посидеон — см. месяцы
претор — второй по рангу римский чиновник
Пританей — служебное здание пританов на Агоре
пританы — ведущая дела комиссия Совета, состояла из 50 членов Совета от каждой филы попеременно
Проеросии — праздник в Элевсине
проконсул — римский провинциальный наместник
проксен — «гостеприимец», представляющий в своем государстве интересы другого государства
проквестор — квестор, чьи истекшие годичные полномочия были продлены
пропилон — сооружение ворот
проздрия — 1) право занимать почетное место в театре, 2) совокупность соответствующих кресел
проскинеза — низкий поклон, низкопоклонничество
Птолемаида — см. фила
Птолемайи — 1) праздник в честь Птолемея III в Афинах, 2) государственный праздник в честь Птолемея I в Александрии

Ромайи — праздник в честь богини Ромы

сатрапия — провинция в Персидской державе и в эллинистических монархиях
секстарий — римская мера объема, чуть больше 1/2 литра
Силлеи — праздник в честь диктатора Суллы
Синедрион — союзный Совет (Коринфской лиги 338/7 г., союзников в Ламийской и Хремонидовой войнах)
Синклит — чрезвычайный съезд Ахейского союза
Синод — союзный съезд ахейцев
ситофилаки — «хлебоблагодетели», афинская должность
Скевотека — арсенал Филона в Пирее
скирофорион — см. месяцы
софронист — должность в корпусе эфэбов
Сотерии — «праздник спасения» в воспоминание о нашествии кельтов в 279 г.
стефанефор — «венценосец», титул эпонимного магистрата в ряде городов
Стоя — «колонный зал», имя основанной Зеноном философской школы
таксиарх — командир пехотинцев одной филы
таксис — полк, набравшийся в одной филе

таргелион — см. месяцы
Телестерий — храм для посвящений в Элевсине
теменос — огороженное святилище с храмом или без него
Тесей — праздник в честь Тесея
тетрадрахма — монета в четыре драхмы
техниты — праздничные артисты в услужении Диониса
тирания — единоличная власть одного мужа
триера — «тридцативесельник», обычный военный корабль
триерарх — ответственный в течение года за вождение и содержание триеры
трофей — победный знак на месте, где враг был обращен в бегство

Фаланга — боевое построение войска в шеренгах
феория — праздничное посольство
theopiká — «зрелищные деньги», раздачи для посещения театра

феородок — гостеприимец праздничных послов другого государства

фесмофеты — шесть архонтов без собственного круга полномочий

феты — четвертый и самый низший класс афинских граждан

фила — десять (или более) подразделений гражданства начиная с Клисфена; традиционные: Эрехтеида, Айгеида, Пандионода, Леонтида, Акамантида, Ойнеида, Кекропида, Гипшотонтида, Айантида, Антиохида; новые: Антигонида и Деметриада как первая и вторая с 307 по 200 г.; Птолемаида как седьмая (с 200-го пятая) начиная с 224 г.; Атталида как двенадцатая начиная с 200 г.

филарх — командир всадников, командовал кавалеристами одной филы
foedus — римский союзный договор

Хариты — Грации

хойник — мера сыпучих тел, около 1 литра

ценз — 1) оценка имущества, 2) минимальное состояние

Эвандрии — «прекрасная мужественность», состязание эфебов и воинских частей

эвергет — благодетель

Эвоплия — «хорошее состояние оружия», состязание эфебов и воинских частей

эгида — 1) щитоподобный доспех Зевса, 2) атрибут Афины

экклесия — Народное собрание

экседра — с трех сторон закрытое, с четвертой — открытое помещение

элафеболион — см. месяцы

эмпорий — торговое поселение

энктесис — право приобретения недвижимости, привилегия граждан

эпидосис — добровольные взносы

эпилекты — «избранные», элитные воины

эпимелет — уполномоченный

эпистат — предводитель

эпистиль — балки, горизонтально перекрывающие колонны

Эпитафии — праздник с состязаниями в честь павших

эпитафий — публичная надгробная речь в честь павших

эпоним — годичный магистрат, именем которого нарекали год; в Афинах им был эпонимный архонт

Эрехтеида — см. фила

Эрехтейон — святилище Эрехтея

Эротидеи — праздник в честь Эрота в Феспиях Беотийских

Этеобутады — афинский знатный род

этникон — местное имя, обозначающее национальность

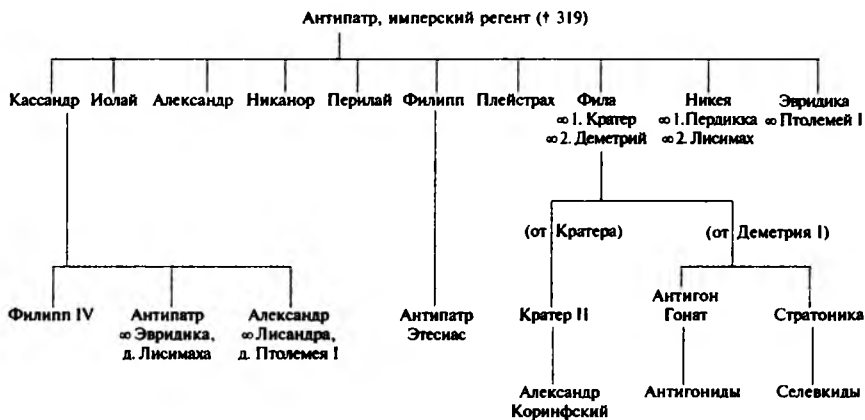
эфебия — мужская юношеская организация Афин

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВА ПРАВИТЕЛЕЙ

1. Филипп II и Александр Великий

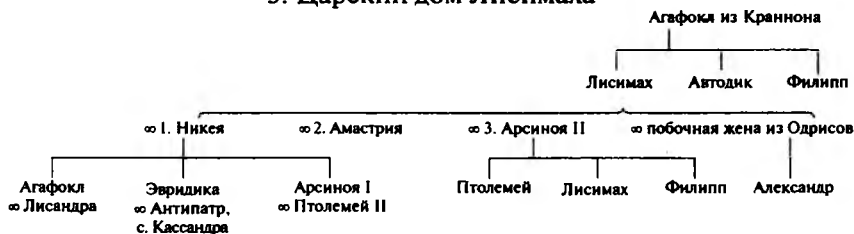

2. Царский дом Антипатра

Для экспликации использованы следующие знаки:
 ∞ — брачные узы
 д — дочь
 † — год смерти

3. Царский дом Лисимаха

4. Антигоныды

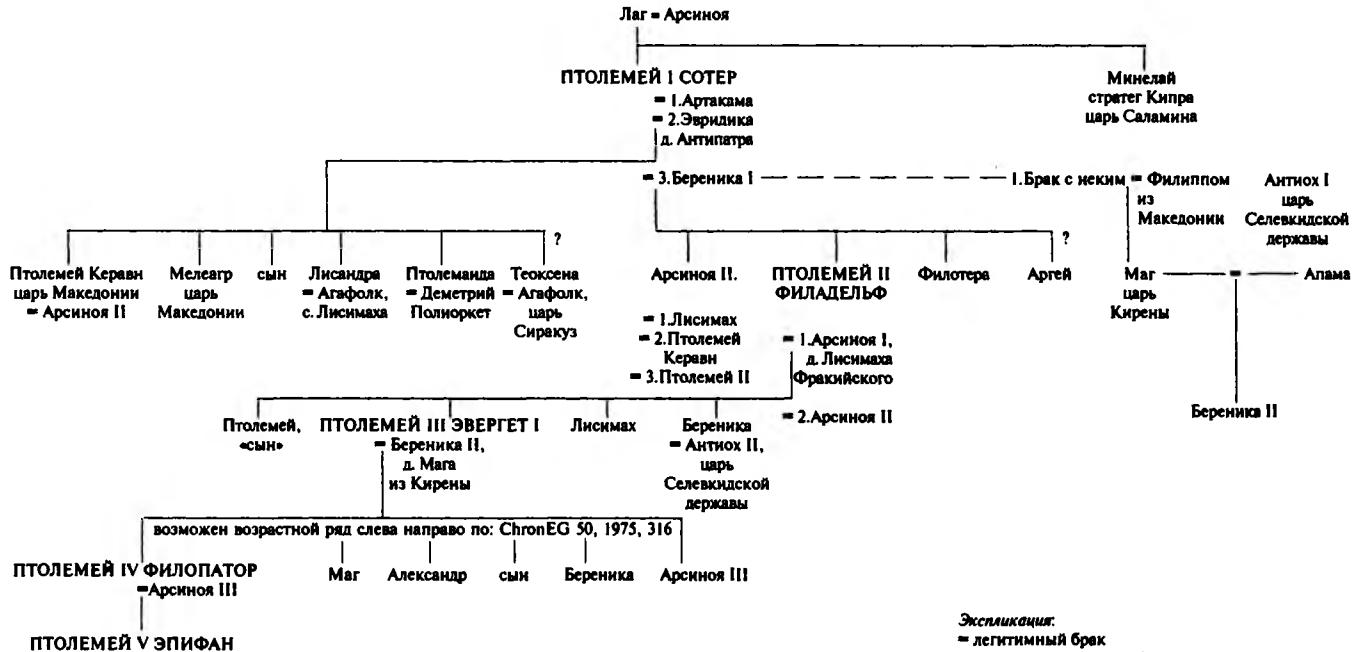
(от Фтии)

Филипп V († 179)

Персей   Деметрий   дочь ∞ Прусий II   дочь ∞ Терес Фракийский

Филипп   Александр   дочь

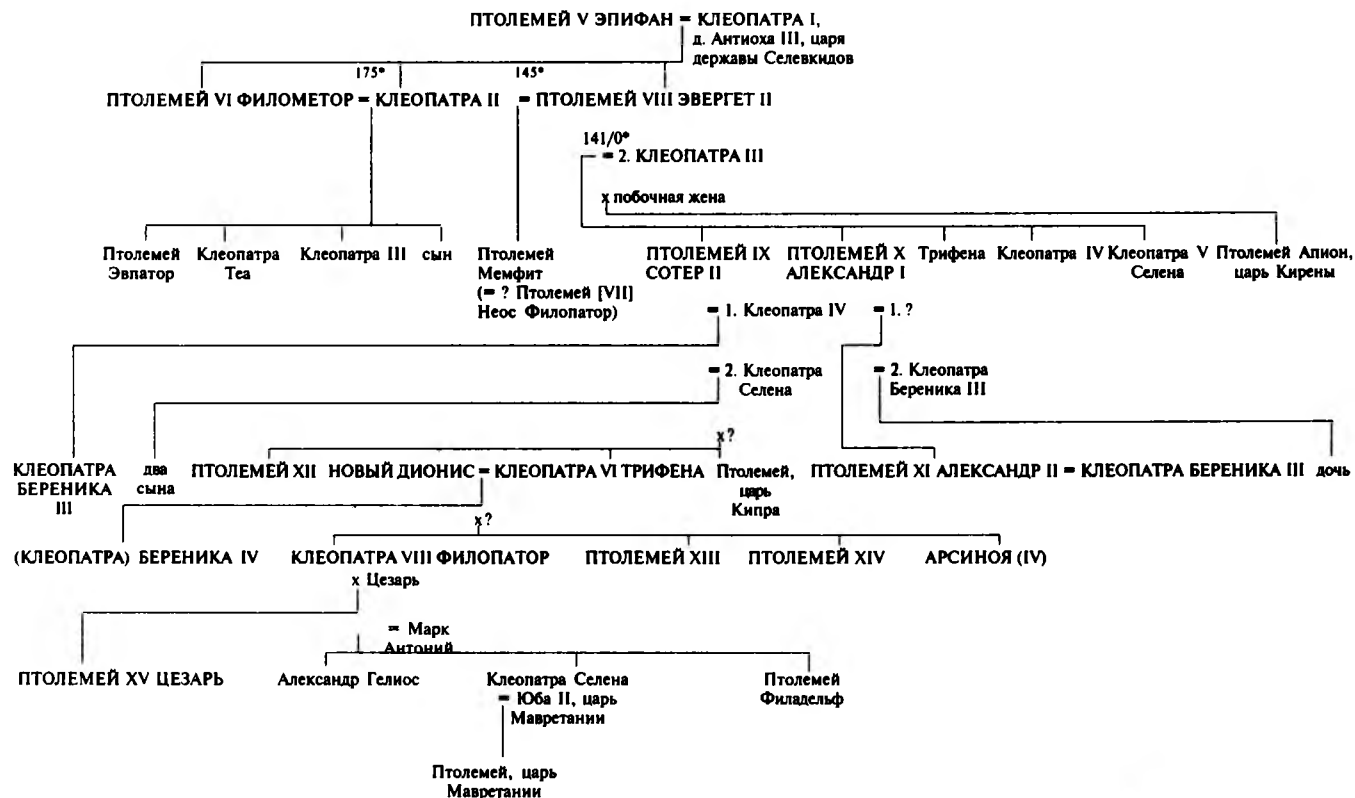
5. Лагиды до Птолемея V

Экспликация:

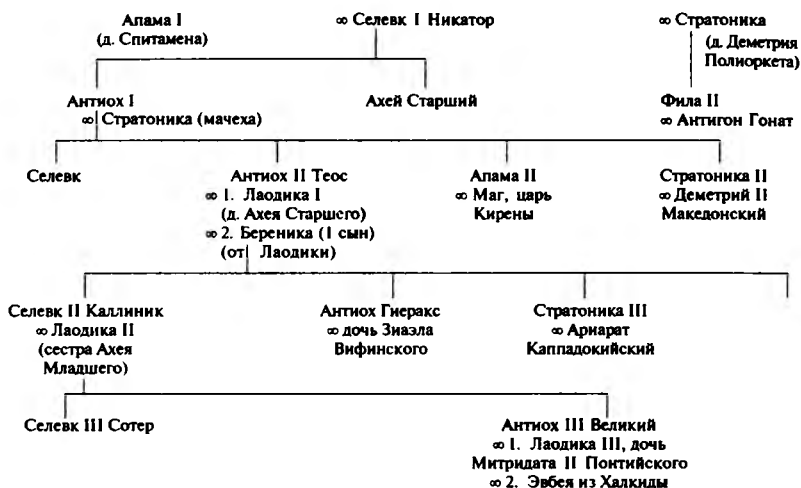
= легитимный брак
 х (по греческим нормам) или легитимная связь
 заглавными буквами: правившие в Александрии
 цари и царицы, бывшие регентшами (для
 последних приведены прописными буквами
 добавочные наименования, свидетельствующие об
 их непервостепенной функции правительниц).

6. Лагиды от Птолемея V до конца царства

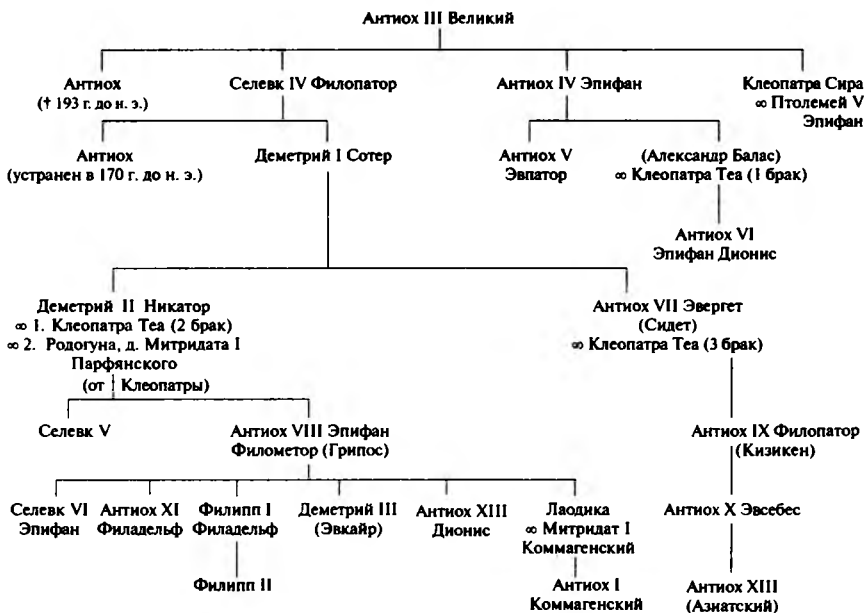

• — годы заключения брака.

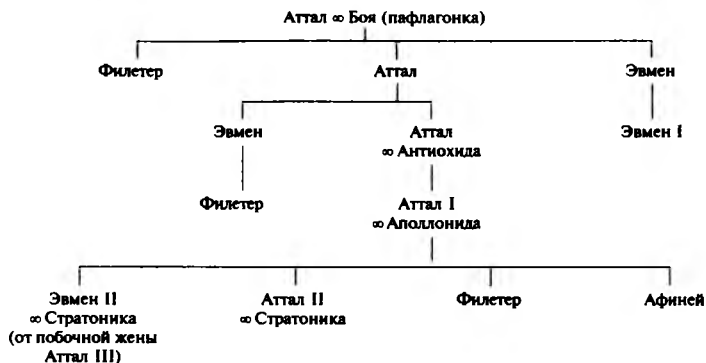
7. Ранние Селевкиды

8. Поздние Селевкиды

9. Атталиды ¹

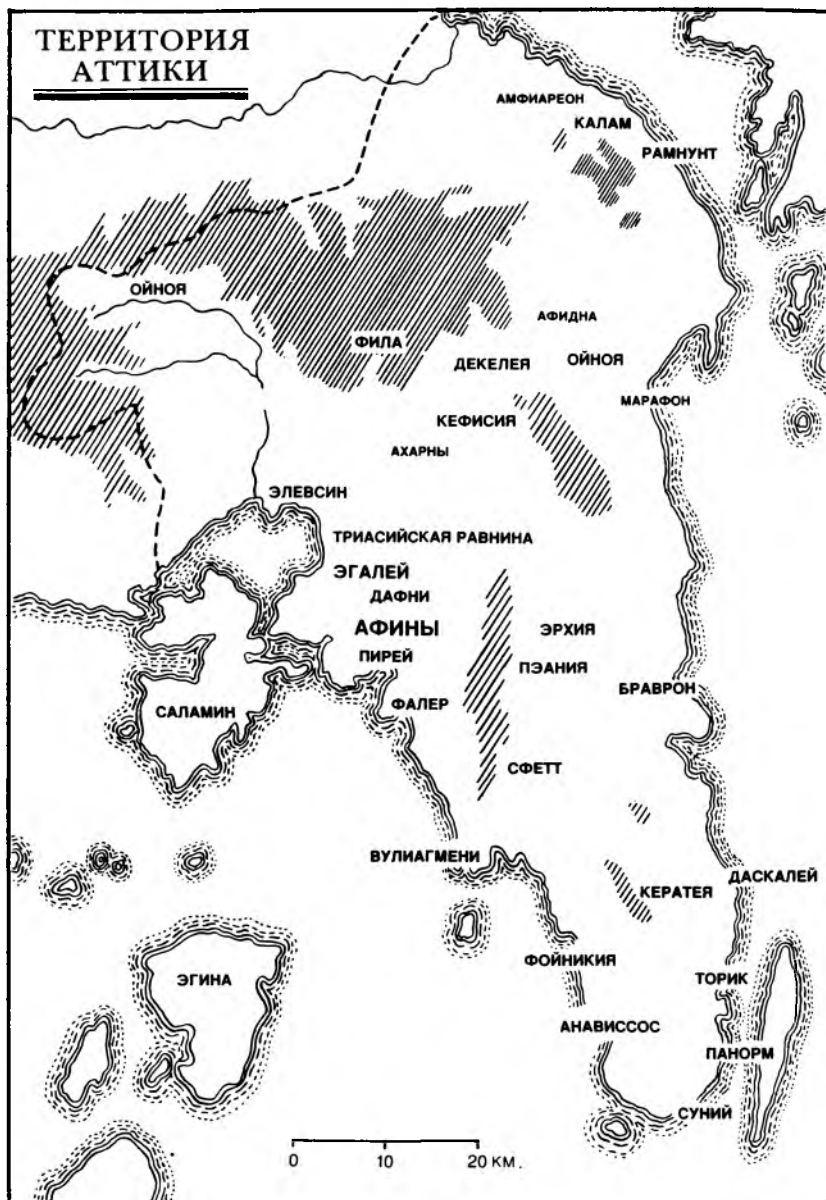
¹ По: Cardinali G. u. Holleaux M. Études d'epigr. et d'hist. gr. II. (1938) S. 16; иначе: Strabo XIII 624.

Указания к генеалогическим таблицам

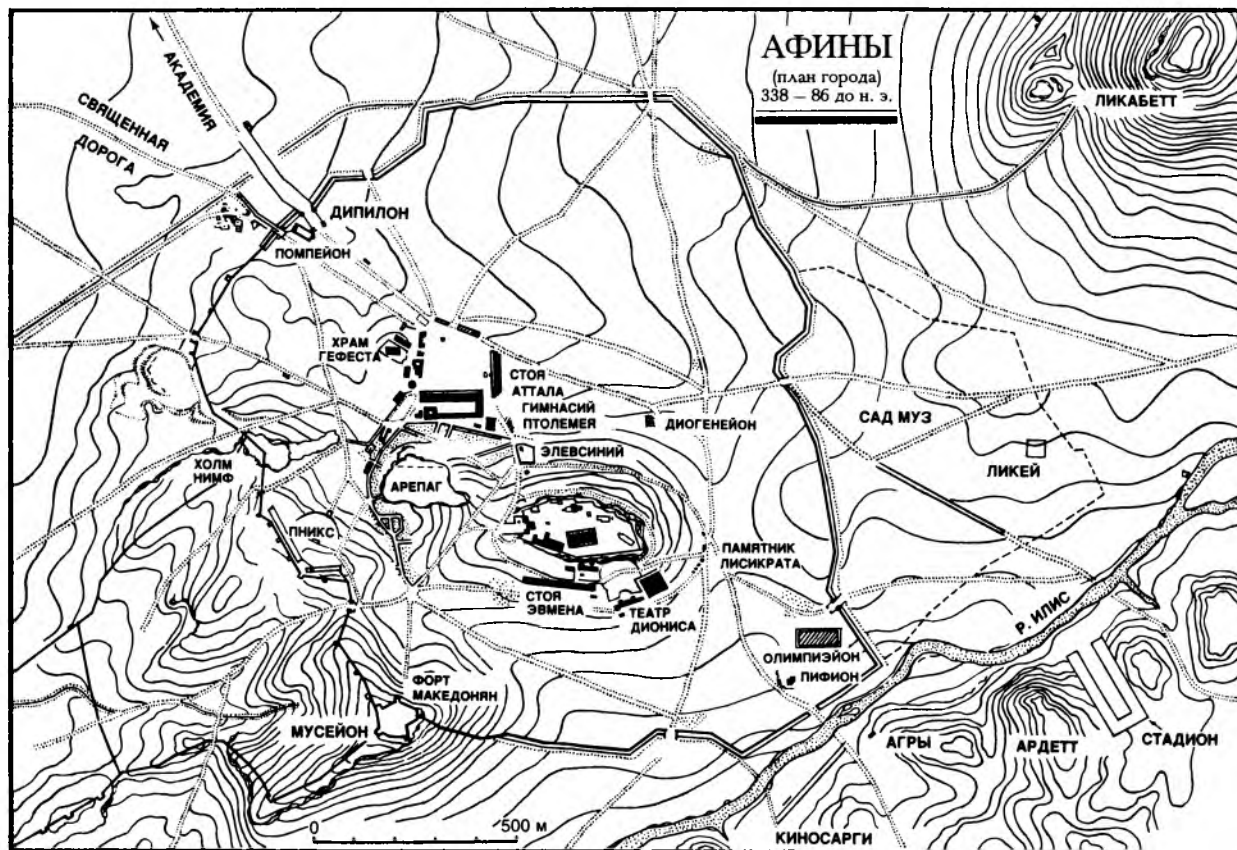
Генеалогические таблицы 1—4 и 7— 9 взяты из кн. Bengtson Hermann. Griechische Geschichte. Von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit, nebst Quellenkunde.— Handbuch der Altertumswissenschaft.— 5. Aufl. — 1977.

Генеалогические таблицы 5 и 6 взяты из кн. Hölbl Günther. Geschichte des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Großen bis zur römischen Eroberung / Wissenschaftliche Buchgesellschaft.— Darmstadt, 1994.

ТЕРРИТОРИЯ АТТИКИ

Список сокращений

Названия журналов сокращаются по системе, принятой в «L'Année philologique», за исключением следующих:

AM — Athenische Mitteilungen

EAD — Explorations archéologiques de Délos

FD — Fouilles de Delphes, tome III: Epigraphie

GVI — Peek W. Griechische Vers-Inschriften, I. Die Grabepigramme. — Berlin, 1955.

HSCP — Harvard Studies In Classical Philology. — Harvard.

ID — Inscriptions de Délos. — Paris, 1926 — 1972 (7 Vol)

IGCH — An Inventory of Greek Coin Hoards / Ed. M. Thompson, O. Mørkholm, C. M. Kraay. — New York, 1973.

Кроме общепринятых использованы следующие сокращения:

Accame, Dominio — Accame S. Il dominio Romano in Grecia. — Roma, 1946.

Aleshire, Asklepieion — Aleshire S. The Athenian Asklepieion. — Amsterdam, 1989.

ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt / Hrsg. von W. Haase und H. Temporini.

AP — Anthologia Palatina — Paris, 1864 — 1890.

APF — см. Davies.

Beloch, GG — Beloch K. J. Griechische Geschichte: In 4 Bd. — 2 Aus. — Berlin, 1925 — 1927.

Bosworth, Conquest — Bosworth A. B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. — Cambridge, 1988.

Bruneau, Recherches — Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale. — Paris, 1970.

Bugh, Horsemen — Bugh G. The Horsemen of Athens. — Princeton, 1988.

Clinton, Officials — Clinton K. The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries. — Philadelphia, 1974.

Daux, Delphes — Daux G. Delphes au IIe et au Ier siècle. — Paris, 1936.

Davies, APF — Davies J. K. Athenian Propertied Families 600 — 300 B. C. — Oxford, 1971.

Day, Economic History — Day J. An Economic History of Athens under Roman Domination. — New York, 1942.

Deubner, Feste — Deubner L. Attische Feste. — Berlin, 1932.

Dorandi, Academia — Dorandi T. Filodemo, Storia dei filosofi, Platone e l'Academia. — Napoli, 1991.

Dorandi, Ricerche — Dorandi T. Ricerche sulla cronologia dei filosofi ellenistici. — Stuttgart, 1991.

Faraguna, Atene — Faraguna M. Atene nell'età di Alessandro. — Roma, 1992.

Ferguson, HA — Ferguson W. S. Hellenistic Athens. — London, 1911.

FGH¹ — Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby.

Gauthier, Cites — Gauthier Ph. Les cités grecques et leurs bienfaiteurs. — Paris, 1985.

GHI — Tod M. N. Greek Historical Inscriptions II. — Oxford, 1948.

Gruen, Hellenistic World — Gruen E. The Hellenistic World and the Coming of Rome: In 2 vol. — Berkeley; Los Angeles, 1984.

Habicht, Gottmenschtum — Habicht Ch. Gottmenschtum und griechische Städte. — München, 1956; 2Aus. — 1970.

- Habicht, Studien – Habicht Ch. Studien zur Geschichte Athens in hellenistischer Zeit. – Göttingen, 1982.
- Habicht, Untersuchungen – Habicht Ch. Untersuchungen zur politischen Geschichte Athens im 3. Jahrhundert v. Chr. – München, 1979.
- Hammond, Macedonia – Hammond N. G., Walbank F. W. A History of Macedonia: In 3 vol. – Oxford, 1988. – Vol. 3.
- Holleaux, Etudes – Holleaux M. Etudes d'épigraphie et d'histoire grecques: In 6 vol. – Paris, 1938 – 1968.
- IG – Inscriptiones Graecae
- ISE – Moretti L. Iscrizioni storiche ellenistiche: In 2 vol. – Florenz, 1967 – 1975.
- Kroll, Coins – Kroll J. H. The Greek Coins // Agora. – 1993. – Vol. 26.
- Maier, Mauerbauinschriften – Maier F. G. Griechische Mauerbauinschriften: In 2 Bd. – Heidelberg, 1959 – 1961.
- Marasco, Democare – Marasco G. Democare di Leuconoe. – Florenz, 1984.
- Mikalson, Calendar – Mikalson J. D. The Sacred and Civil Calendar of the Athenian Year. – Princeton, 1975.
- Mitchel, Lykourgian Athens – Mitchel F. M. Lycourgian Athens. – Cincinnati, 1970.
- Osborne, Naturalisation – Osborne M. J. Naturalisation in Athens: In 4 vol. – Brüssel, 1981 – 1983
- PA – Kirchner J. Prosopographia Attica: In 2 vol. – Berlin, 1901 – 1903.
- PCG – Poetae Comici Graeci: In 7 vol. / Hrsg. R. Kassel und C. Austin. – Berlin, 1983 – Pelékidis, Ephébie – Pelékidis Ch. Histoire de l'éphébie attique. – Paris, 1962.
- Reinmuth, Inscriptions – Reinmuth O. The Ephebic Inscriptions of the Fourth Century. B. C. – Leiden, 1971.
- Rhodes, Commentary – Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. – Oxford, 1981.
- Robert, OMS – Robert L. Opera minora selecta: In 7 Bd. – Amsterdam, 1969 – 1990.
- Roussel, Délos – Roussel P. Délos Colonie Athénienne. – Paris, 1916. 2 ed. – 1987. – 451 p.
- Schwenk, Athens – Schwenk C. Athens in the Age of Alexander: The dated Laws and Decrees of the <Lykourgan Era>. – Chicago, 1985.
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum.
- StV – Die Staatsverträge der antiken Welt: In 2 Bd / Bearb. von H. Schmidt. – München, 1969.
- Syll – Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum: In 4 Bd. – 3 Auf. – Leipzig, 1915 – 1924.
- Tracy, IG II² 2336 – Tracy St. V. IG II² 2336: Contributors of First Fruits for the Pythais. – Meisenheim, 1982.
- Tracy, ALC – Tracy St. V. Attic Letter Cutters of 229 to 86 B. C. – Berkeley, 1990.
- Tracy, ADT – Tracy St. V. Athenian Democracy in Transition: Attic Letter Cutters of 340 to 290 B. C. – Berkeley, 1995.
- Walbank, Commentary – Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybios: In 3 vol. – Oxford, 1957 – 1979.
- Walbank, Macedonia – s. Hammond M.
- Wilhelm, Akademieschriften – Wilhelm Ad. Akademieschriften: In 3 Bd. – Leipzig, 1974.
- Will, Histoire – Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique: In 2 vol. – 2 ed. – Nancy, 1979.
- Williams, Athens – Williams J. M. Athens Without Democracy (332 – 307); / Diss Univ. of Yale. – Yale, 1982. – (Univ. Microfilm, 1985.)

Литература

Общие работы

Эллинизм

- Beloch K. J. Griechische Geschichte: In 4 Bd. — 2 Aus. — Berlin, 1925 — 1927.
- Gauthier Ph. Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IVe — Ie siècle avant J. C.). — Paris, 1985.
- Gauthier Ph. Grandes et petites cités: hégémonie et autarcie // *Opus*. — 1987. — 1989[1991]. — N. 6 — 8. — P. 187 — 202.
- Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus. — München, 1990.
- Green P. Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age. — Berkeley, 1990.
- Gruen E. The Poleis in the Hellenistic World // *Nomodeiktēs: Greek Studies in Honor of M. Ostwald* / Ed. by R. V. Rosen, J. Farrel. — Ann Arbor, 1993.
- Hammond N. G., Walbank F. W. A History of Macedonia: In 3 vol. — Oxford, 1988.
- Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea: In 3 Bd. — Gotha, 1893 — 1903.
- Rostovtzeff M. Die hellenistische Welt. Gesellschaft und Wirtschaft: In 3 Bd. — Stuttgart, 1956.
- Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique (323 — 30 av. J.-C.): In 2 vol. — 2 ed. — Nancy, 1979 — 1982.

Афины

- Ferguson W. S. Hellenistic Athens: An Historical Essay. — London, 1911.
- Garland R. The Piraeus from the Fifth to the First Century B. C. — Ithaca; N. Y., 1987.
- Habicht Ch. Untersuchungen zur politischen Geschichte Athens im 3. Jahrhundert v. Chr. — München, 1979.
- Habicht Ch. Studien zur Geschichte Athens in hellenistischer Zeit. — Göttingen, 1982.
- Habicht Ch. Athen in hellenistischer Zeit. Gesammelte Aufsätze. — München, 1994.
- Mossé C. Athens in Decline 404—86 B. C. — London, 1973.

Афинское государственное устройство

- Bleicken J. Die athenische Demokratie. — 2 Aus. — Paderborn, 1994.
- Busolt G. Der Staat der Athener // *Griechische Staatskunde* / Bearb. von H. Swoboda, 2. — 3. Auf. — München, 1926. — P. 758 — 1239.

- Clinton K. The sacred Officials of the Eleusinian Mysteries // TAPhS. — 1974. — Vol. 64, n. 3
- Develin R. Age Qualifications for Athenian Magistrates // ZPE. — 1985. — Vol. 61. — P. 149 — 159.
- Gauthier Ph. L'octroi du droit de cité à Athènes // REG. — 1986. — Vol. 99. — P. 119 — 133.
- Hansen M. H. The Athenian Ecclesia. A Collection of Articles 1976 — 1983. — Copenhagen, 1983.
- Harrison A. R. W. The Law of Athens: In 2 vol. — Oxford, 1968 — 1971.
- Henry A. S. The Prescripts of Athenian Decrees. — Leiden, 1977.
- Henry A. S. The One and the Many. Athenian Financial Officials in the Hellenistic Period // ZPE. — 1988. — Vol. 72. — P. 129 — 136.
- Mikalson J. D. The Sacred and Civil Calendar of the Athenian Year. — Princeton, 1975.
- Osborne M. J. Naturalization in Athens: In 4 vol. — Brussel, 1981 — 1983.
- Pélékidis Ch. Histoire de l'éphébie attique des origines à 31 av. J.-C. — Paris, 1962
- Pierart M. Les εἰσφορὰι ἀθηναίων // AC. — 1971. — Vol. 40. — P. 526 — 573
- Rhodes P. J. The Athenian Boule. — Oxford, 1972.
- Traill J. S. The Political Organization of Attica: A Study of the Demes, Trittyes, Phylai, and their Representation in the Athenian Council. — Princeton, 1975.
- Wallace R. W. The Areopagus Council to 307 B. C. — Baltimore, 1989.
- Whitehead D. The Demes of Attica 508/7-ca. 250 B. C.: A Political and Social Study. — Princeton, 1986.

Афинское общество

- Cohen D. Seclusion, Separation and the Status of Women in Classical Athens // G&R. — 1989. — Vol. 36. — P. 3 — 15
- Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600 — 300 B. C. — Oxford, 1971.
- Drummond G. The Leisured Classes in Athens 300 — ca. A. D. 50 / Diss. phil. Oxford univ. — Oxford, 1979 (неопубликованная и неиспользованная диссертация).
- Fisher R. From Polis to Province: An Analysis of the Athenian Governing Class from 167/6 B. C. to A. D. 13/14. / Diss... — McMaster, 1986 (неопубликованная и неиспользованная диссертация).
- MacKendrick P. The Athenian Aristocracy 399 to 31 B. C. — Cambridge, 1969.

Хлебоснабжение Афин

- Brun P. La stèle des céréales de Cyrène et le commerce du grain en Égée au IVe s. av. J.-C. // ZPE. — 1993. — Vol. 99. — P. 185 — 196.
- Garnsey P. Grain for Athens// Essays Presented to G. E. M. de Ste Croix on his 75th Birthday/ Ed. Carleige P. A., Harvey F. D. — Exeter, 1985. — P. 62 — 75
- Marasco G. Sui problemi dell'approvvigionamento di cereali in Atene nell'età del Diadochi // Athenaeum. — 1984. — Vol 62. — P. 286 — 294
- Migeotte L. Le pain quotidien dans les cités hellénistiques. A propos des fonds permanents pour l'approvisionnement en grain // Cahiers Glotz 2. — 1991. — P. 19 — 41.
- Montgomery H. 'Merchants Fond of Corn'. Citizens and Foreigners in the Athenian Grain Trade // SO. — 1986. — Vol. 61. — P. 43 — 61

Глава I (338 — 323)

- Ampolo C. Un politico <euergete> del IV secolo a. C.: Xenokles figlio di Xeinis del demo di Sphettos// PP. — 1979. — Vol. 34. — P. 167 — 178.

- Atkinson J. E. Macedon and Athenian Politics in the Period 338 to 323 B. C. // *Acta Classica*. — 1981. — Vol. 24. — P. 37–48
- Badian E. Agis III: Revisions and Reflections // *Ventures into Greek History* / Ed. I. Worthington. — Oxford, 1994. — P. 258–292.
- Bosworth A. B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. — Cambridge, 1988
- Burke E. M. Lycurgan Finances // *GRBS*. — 1985. — Vol. 26. — P. 251–264
- Burke E. M. Contra Leocratem and De corona. Political Collaboration? // *Phoenix*. — 1977. — Vol. 31. — P. 330–340.
- Engels J. Studien zur politischen Biographie des Hypereides. Athen in der Epoche der lykurgischen Reformen und des makedonischen Universalreiches. — München, 1989.
- Engels J. Das Eukratesgesetz und der Prozess der Kompetenzerweiterung des Areopages in der Eubulos- und Lykurgära // *ZPE*. — 1988. — Vol. 74. — P. 181–209.
- Engels J. Zur Entwicklung der attischen Demokratie in der Ära des Eubulos und des Lykurg (355–322 v. Chr.) und zu Auswirkungen der Binnenwanderung von Bürgern innerhalb Attikas // *Hermes*. — 1992. — Vol. 120. — P. 425–451.
- Faraguna M. Atene nell'età di Alessandro: problemi politici, economici, finanziari. — Roma, 1992.
- Hansen M. H. The Athenian <Politicians>, 403–322 B. C. // *GRBS*. — 1983. — Vol. 24. — P. 33–55.
- Hansen M. H. Rhetores and Strategoi in Fourth-Century Athens // *GRBS*. — 1983. — Vol. 24. — P. 151–180.
- Heckel W. The Flight of Harpalus and Tauriskos // *CP*. — 1977. — Vol. 72. — P. 133–135.
- Humphreys S. Lycurgus of Butadae, An Athenian Aristocrat // *Essays in Honor of C. G. Starr*. — S. a., 1985. — P. 199–252
- Jaschinski S. Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. — Bonn, 1981.
- Keaney J. J. The Date of Aristotle's *Athenaion Politeia* // *Historia*. — 1970. — Vol. 19. — P. 323–336.
- Levi M. A. Filippo, Alessandro e l'opinione pubblica attica // *Contributi dell' istituto di storia antica*. — Mailand, 1978. — Vol. 5. — P. 59–67.
- Lingua A. Nota di cronologia arpatica // *RFIC*. — 1979. — Vol. 107. — P. 35–39.
- Matthaïou A. P. Ἡρίων Λυκούργου Λυκόφρονος Βουτάδου // *Horos*. — 1987. — Vol. 5. — P. 31–44.
- Mitchel F. Lykourgan Athens, 338–322. — Cincinnati, 1970.
- Mitchel F. Athens in the Age of Alexander // *G&R*. — 1965. — Vol. 12. — P. 189–204.
- Mossé C. Lycurgus l'Athenien, homme du passé ou précurseur de l'avenir // *Quaderni di storia*. — 1989. — Vol. 30. — P. 25–36.
- Ostwald M. The Athenian Legislation Against Tyranny and Subversion // *TAPhA*. — 1955. — Vol. 86. — P. 103–128.
- Reinmuth O. W. The Spirit of Athens after Chaeronea // *Acta of the Vth International Congress of Greek and Latin Epigraphy*. — Cambridge, 1967; Oxford 1971. — P. 47–51
- Schäfer A. Demosthenes und seine Zeit: In Bd. — 2 Aus. — Leipzig, 1887. — Vol. 3.
- Sealey R. The Athenians Defeated: Chapter 8 // *Demosthenes and his Time. A Study in Defeat*. — New York, 1993. Chap. — P. 194–219.
- Will W. Athen und Alexander. Untersuchungen zur Geschichte der Stadt von 338 bis 322 v. Chr. — München, 1983.
- Worthington I. The Chronology of the Harpalus Affair // *SO*. — 1986. — Vol. 61. — P. 63–76

Численность граждан и эфебии

- Clinton K. The Ephebes of Kekropis of 333/2 at Eleusis // AE. — 1988, [1991]. — Vol. 127. — P. 19 — 30.
- Dreizehnter A. Die Bevölkerungszahl in Attika am Ende des 4. Jahrhunderts v. u. Z. // Klio. — 1972. — Vol. 54. — P. 147 — 151.
- Hansen M. H. Demography and Democracy. The Number of Athenian Citizens in the Fourth Century B. C. — Herning, 1986.
- Palagia O., Lewis D. M. The Ephebes of Erechtheis 333/2 and their Dedication // ABSA. — 1989. — Vol. 84. — P. 333 — 344.
- Reinmuth O. W. The Ephebic Inscriptions of the Fourth Century B. C. — Leiden, 1971.
- Rhodes P. J. Ephebi, Bouleutae and the Population of Athens // ZPE. — 1980. — Vol. 38. — P. 191 — 201.
- Ruschenbusch E. Die soziale Herkunft der Epheben um 330 // ZPE. — 1979. — Vol. 35. — P. 173 — 176.
- Ruschenbusch E. Zum letzten Mal: Die Bürgerzahl Athens im 4. Jh. v. Chr. // ZPE. — 1984. — Vol. 54. — P. 253 — 269.
- Schröder S. F. Der Apollon Lykeios und die attische Ephebie des 4. Jh. // AMI. — 1986. — Vol. 101. — P. 167—184.
- Sekunda N. V. Athenian Demography and Military Strength 338 — 322 BC // ABSA. — 1992. — Vol. 87. — P. 311 — 355.
- Williams J. M. The Population of Athens in the Late Fourth Century: Appendix B // Athens Without Democracy: the Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322 — 307 B. C / Diss. Univ. of Yale. — Yale, 1982. — P. 226 — 240. — (Univ. Microfilms, Ann Arbor, 1985.)

Глава II (323 — 307)

- Ashton N. G. The *Naumachia* near Amorgos in 322 B. C. // ABSA. — 1977. Vol. 72. — P. 1 — 11.
- Ashton N. G. The Lamian War. A False Start? // Antichthon. — 1983. — Vol. 17. — P. 47 — 63.
- Bosworth A. B. Philip III Arrhidaeus and the Chronology of the Successors // Chiron. — 1992. — Vol. 22. — P. 55 — 81.
- Chroust A. Aristotle's Flight from Athens in the Year 323 B. C. // Historia. — 1966. — Vol. 15. — P. 185 — 192.
- Dow S., Travis A. H. Demetrios of Phaleron and his Lawgiving // Hesperia. — 1943. — Vol. 12. — P. 144 — 165.
- Dušanic S. The Year of the Athenian Archon Archippus II (318 — 317) // BCH. — 1965. — Vol. 89. — P. 128 — 141.
- Eckstein F. Die attischen Grabmälergesetze, (Cicero, de legibus II, 59 ff.) // JDA. — 1958. — Vol. 173. — P. 18 — 29.
- Errington R. M. From Babylon to Triparadeisos, 323 — 320 B. C. // JHS. — 1970. — Vol. 90. — P. 49 — 77.
- Errington R. M. Diodorus Siculus and the Chronology of the Early Diadochoi 320 — 311 B. C. // Hermes. — 1977. — Vol. 105. — P. 478 — 504.
- Fortina M. Cassandro, re di Macedonia. — Torino, 1965.
- Gehrke H.-J. Phokion, Studien zur Erfassung seiner historischen Gestalt. — München, 1976.
- Gehrke H.-J. Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron // Chiron. — 1978. — Vol. 8. — P. 149 — 193.

- Gullath B. Untersuchungen zur Geschichte Boiotiens in der Zeit Alexanders und der Diadochen. — Frankfurt, 1982.
- Gullath B., Schober L. Zur Chronologic der frühen Diadochenzeit. Die Jahre 320 bis 315 v. Chr. // Festschrift S. Lauffer. — 1986. — P. 329 — 379.
- Hackl U. Die Aufhebung der attischen Demokratie nach dem Lamischen Krieg 322 v. Chr. // Klio. — 1987. — Vol. 69. — P. 58 — 71.
- Heckel W. IG II² 561 and the Status of Alexander IV // ZPE. — 1980. — Vol. 40. — P. 249 — 250.
- Heckel W. Honours for Philip and Iolaos (IG II² 561) // ZPE. — 1981. — Vol. 44. — P. 75 — 77.
- Lehmann G. A. Der «Lamische Krieg» und die «Freiheit der Hellenen»: Überlegungen zur hieronymianischen Tradition // ZPE. — 1988. — Vol. 73. — P. 121 — 149.
- Lock R. A. The Date of Agis III's War in Greece // Antichthon. — 1972. — Vol. 6. — P. 10 — 27.
- Marzi M. Demade, politico e oratore // A&R. — 1991. — Vol. 36. — P. 70 — 83.
- Mitchel F. W. Demades of Paeania and IG II² 1493, 1494 and 1495 // TAPhA. — 1962. — Vol. 93. — P. 213 — 229.
- Mitchel F. W. Derkylos of Hagnous and the Date of IG II² 1187 // Hesperia. — 1964. — Vol. 33. — P. 337 — 351.
- Morrison J.-S. Athenian Sea-Power in 323/2. Dream and Reality // JHS. — 1987. — Vol. 107. — P. 88 — 97.
- Potter D. Telephoros, cousin de Demetrius. A note on the trial of Menander // Historia. — 1987. — Vol. 36. — P. 491 — 495.
- Roesch P. Études Béotiennes. — Paris, 1982.
- Schmitt O. Der Lamische Krieg / Diss... — Bonn, 1992 (*non vidi*)
- Stein M. Drei Bemerkungen zur Diadochengeschichte // Prometheus. — 1993. — Vol. 19. — P. 143 — 153.
- Stichel R. H. *Columella-mensa-labellum*. Zur Form der attischen Grabmäler im Luxusgesetz des Demetrios von Phaleron // AA. — 1992. — Vol. 107. — P. 433—440.
- Tritle L. A. Phocion the Good. — London, 1988.
- Wehrli C. Antigone et Démétrios. — Genève, 1968.
- Will Ed. Ophelias, Ptolemee, Cassandre et la chronologie // REA. — 1964. — Vol. 66. — P. 320 — 333.
- Williams J. M. Athens Without Democracy: the Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322 — 307 B. C. / Diss. Univ of Yale. — Yale 1982. — (Univ. Microfilms, Ann Arbor 1985.)
- Williams J. M. A Note on Athenian Chronology, 319/8 — 318/7 B. C. // Hermes. — 1984. — Vol. 112. — P. 300 — 305.

Глава III (307 — 287)

- Badian E., Martin T. R. Athenians, Other Allies, and the Hellenes in the Athenian Honorary Decree for Adeimantos of Lampsakos // ZPE — 1985.—Vol. 61. — P. 167—172.
- de Sanctis G. Atene dopo Ipsos e un papiro fiorentino // RFIC 64, 1936, 134 — 152, 253 — 273.
- Ferguson W. S. Lachares and Demetrius Poliorcetes // CP. — 1929. — Vol. 24. — P. 1 — 31.
- Franco C. Lisimaco e Atene // Studi ellenistici / Ed. B. Virgilio. — Pisa, 1990. — Vol. 3. — P. 113 — 134.
- Franco C. Il regno di Lisimaco, Strutture amministrative e rapporti con le città. — Pisa, 1993.

- Hauben H. IG II² 492 and the Siege of Athens in 304 B. C. // ZPE. — 1974. — Vol. 14. — P. 10.
- Henry A. S. Athenian Financial Officials after 303 B. C. // Chiron. — 1984. — Vol. 14. — P. 49 — 92.
- Henry A. S. Bithys, Son of Kleon, of Lysimacheia. Formal Dating Criteria and IG II² 808, // <Owls to Athens> Essays on Classical Culture Presented to Sir Kenneth Dover / Ed. E. M. Craik. — New York, 1990. — P. 179 — 189.
- Lanciers E. Het eredeceet voor Kallias van Sphettos en de Grieks — Egyptische relaties in de vroege Ptolemaeëntijd // Revue Belge. — 1987. — Vol. 65. — P. 52—86.
- Landucci Gattinoni F. Demetrio Poliorcete e il santuario di Eleusi // CISA. — 1983. — Vol. 9. — P. 117 — 124.
- Lund H. S. Lysimachus: a Study in Early Hellenistic Kingship. — New York, 1992.
- Marasco G. Democare di Leuconoe. Politica e cultura a Atene fra IV e III sec. a. C. — Firenze, 1984.
- Osborne M. J. Kallias, Phaidros and the Revolt of Athens in 287 B. C. // ZPE. — 1979. — Vol. 35. — P. 181 — 194.
- Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. — München, 1969.
- Shearr Jr., T. L. Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 B. C. — Princeton, 1978.

Глава IV

Драма

- Buchanan J. Theorika. A Study of Monetary Distributions to the Athenian Citizenry During the Fifth and Fourth Centuries B. C. — Locust Valley; N. Y, 1962.
- Casson L. The Athenian Upper Class and New Comedy // TAPhA. — 1976. — Vol. 106. — P. 29 — 59.
- Fantham E. Sex, Status, and Survival in Hellenistic Athens. A Study of Women in New Comedy // Phoenix. — 1974. — Vol. 29. — P. 44 — 74.
- Ghiron-Bistagne P. Recherches sur les acteurs dans la Grèce antique. — Paris, 1976.
- Gomme A. W., Sandbach F. H. Menander. A Commentary. — Oxford, 1973.
- Habicht Ch. The Comic Poet Archedikos // Hesperia. — 1993. — Vol. 63. — P. 253 — 256.
- The Dyskolos / Ed. Handley E. W. — London, 1965.
- Henderson J. Women and the Athenian Dramatic Festivals // TAPhA. — 1991. — Vol. 121. — P. 133 — 147.
- Urkunden dramatischer Aufführungen in Griechenland / Hrsg. Mette H.-J. — Berlin, 1977.
- Nesselrath H.-G. Die attische Mittlere Komödie: ihre Stellung in der antiken Literaturkritik und Literaturgeschichte. — Berlin, 1990.
- Philipp G. B. Philippides, ein politischer Komiker in hellenistischer Zeit // Gymnasium. — 1973. — Vol. 80. — P. 493 — 509.
- Pickard — Cambridge A. W. The Dramatic Festivals at Athens. — 2 ed., rev. by J. Gould and D. M. Lewis. — Oxford, 1968.
- Poland F. Technitai // RE. — 1934. — Band 5A. — Sp. 2473 — 2558.
- Préaux C. Ménandre et la société athénienne // CE. — 1957. — Vol. 32. — P. 84 — 100.
- Sifakis G. M. Studies in the History of the Hellenistic Drama. — London, 1967.
- Stefanis I. E. Διονυσιακοί τεχνίται. Συμβολές στην προσωπογραφία του θεάτρου και της μουσικής αρχαίων. Heraklion, 1988.
- Turner E. G. Menander and the New Society of his Time // CE. — 1979. — Vol. 54. — P. 106 — 126.

- Wilhelm Ad. Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen. — Wien, 1906.
Zucker F. et al. Menanders Dyskolos als Zeugnis seiner Epoche. — Berlin, 1965.

Философские школы

- Dorandi T. Ricerche sulla cronologia dei filosofi ellenistici. — Stuttgart, 1991.
Dorandi T. Filodemo. Storia dei filosofi, Platone e l'academia (*PHerc.* 1021 e 164). — Napoli, 1991.
Dorandi T. Filodemo. Storia dei filosofi. La stoa da Zenone a Panezio. — Leiden, 1993.
Erskine A. The Hellenistic Stoa: Political Thought and Action. — London, 1990
Glucker J. Antiochus and the Late Academy. — Göttingen, 1978.
Gottschalk H. B. Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs // *Hermes*. — 1972. — Vol. 100. — P. 314 — 342.
Habicht Ch. Hellenistic Athens and Her Philosophers // *Athen in hellenistischer Zeit. Gesammelte Aufsätze*. — 1994. — P. 231 — 247.
Isnardi Parente M. Per la biografia di Senocrate // *RFIC*. — 1981. — Vol. 109. — P. 129 — 162
Kristeller P. O. Greek Philosophers of the Hellenistic Age. — New York, 1993.
Long A. A. Diogenes Laertius, Life of Arcesilaus // *Elenchos*. — 1986. — Vol. 7. — P. 429 — 449.
Long A. A., Sedley D. N. The Hellenistic Philosophers: In 2 vol. — Cambridge, 1987.
Lynch J. P. Aristotle's School. A Study of a Greek Educational Institution. — Berkeley, 1972.
Steinmetz P. Die Krise der Philosophie in der Zeit des Hochhellenismus // *Antike und Abendland*. — 1969. — Vol. 15. — P. 122 — 134.
Die Schule des Aristoteles: In 10 Bände, 2 Supplementbände / Hrsg. Wehr F. — Basel, 1944 — 1978.
Weiher A. Philosophen und Philosophensport in der attischen Komödie / *Diss...* — München, 1913.
Whitehead D. Aristotle the Metic // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. — 1975. — Vol. 21. — P. 94 — 99.

Искусство

- Phrymochos-Probleme: mit einem Anhang zur Datierung des Großen Altares von Pergamon / Hg. Andreae B. et al. // *MDAI (R)*. — 1990.
Corso A. Prassitele: fonti epigrafiche e letterarie, vita e opere. — Roma, 1988.
Marcadé J. Recueil des signatures des sculpteurs grecs: In 2 vol. — Paris, 1953 — 1957.
Richter G. M. A. The Portraits of the Greeks / *Abr. and rev. by R. R. R. Smith*. — Ithaca; N. Y., 1984.
Ridgway B. S. Hellenistic Sculpture, 1: The Styles of ca. 331 — 200 B. C. — Madison, 1990.
Smith R. R. R. Hellenistic Royal Portraits. — Oxford, 1988.
Stewart A. Attika. Studies in Athenian Sculpture of the Hellenistic Age. — London, 1979.

Проза

- Dalby A. The curriculum Vitae of Duris of Samos // *CQ*. — 1991. — Vol. 41. — P. 539 — 541.
Jacoby F. Apollodoros Chronik. Eine Sammlung der Fragmente. — Berlin, 1902.
Jacoby F. Attika. The local Chronicles of Ancient Athens. — Oxford, 1949.
Kebir R. B. In the Shadow of Macedon: Duris of Samos. — Wiesbaden, 1977.

- Momigliano A. Atene nel III secolo A. C. e la scoperta di Roma nelle Storie di Tauromenio // *Rivista storica italiana*. — 1959. — Vol. 71. — P. 529 — 556
 Regenbogen O. Theophrastos // *RE*. — 1940. — Suppl. 7. — Sp. 1354 — 1562.
 Rhodes P. J. The Athidographer's // *Studia Hellenistica*. — 1990. — Vol. 30. — P. 73 — 81.

Глава V (287 — 262)

- Bultrighini U. Pausania 1,26, 3 e la liberazione del Pireo // *RFIC*. — 1984. — Vol. 112. — P. 54 — 72.
 Burstein S. M. Arsinoe II Philadelphos: A Revisionist View // *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage* / Ed. W. L. Adams, E. N. Borsia. — Washington, 1982. — P. 197 — 212.
 DeSanctis G. Il dominio macedonico nel Pireo // *RFIC*. — 1927. — Vol. 5. — P. 480 — 500
 Flacelière R. Les Aitolien à Delphes. — 1937
 Gauthier Ph. La réunification d'Athènes en 281 et les deux archontes Nicias. // *REG*. — 1979. — Vol. 92. — P. 348 — 399.
 Grzybek E. Du calendrier macedonien au calendrier ptolémaïque: problèmes de chronologie hellénistique. — Basel, 1990.
 Hatzopoulos M. Une donation du roi Lysimaque. — Athènes; Paris, 1988.
 Hauben H. Philocles, King of the Sidonians and General of the Ptolemies // *Orientalia Lovaniensia Analecta*. — 1987. — Vol. 22. — P. 413 — 427.
 Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Keraunos und zum Chremonideischen Krieg. — Wiesbaden, 1972.
 Kirchner J. Attische Grabstelen des dritten und zweiten Jahrhunderts v. Chr. // *AE*. — 1937. — P. 338 — 340
 Knoepfler D. Les *kryptoi* du strategé Epichares a Rhamnonte et le début de la guerre de Chrémonides // *BCH*. — 1993. — Vol. 117. — P. 327 — 341.
 Launey M. Etudes d'histoire hellénistiques, II, L'exécution de Sotadès et l'expédition de Patroklos dans la mer Egée (266 av. J.-C.) // *REA*. — 1945. — Vol. 47. — P. 33 — 45.
 Lauter H. Das Teichos von Sunion // *Marburger Winckelmannsprogramm*. — 1988. — P. 11 — 33.
 Lauter — B u f e H. Die Festung Koroni und die Bucht von Porto Rapti // *Marburger Winckelmannsprogramm*. — 1988. — P. 67 — 102.
 Marasco G. Sparta agli inizi dell'età ellenistica. Il regno di Areo I (309/8 — 265/4 a. C. — Firenze, 1980.
 McCredie J. Fortified Military Camps in Attica. — Princeton, 1966.
 Nachtergaele G. Les Galates en Grèce et les Sotéria de Delphes // *Recherches d'histoire et d'épigraphie hellénistiques*. — Brussel, 1977.
 Pouilloux J. Glaucôn, fils d'Étéocles d'Athènes // *Le monde Grec. Pensée, littérature, histoire, documents. Hommages à Claire Preaux* / Ed. J. Bingen et al. — Brussel, 1975. — P. 376 — 382.
 Reger G. Athens and Tenos in the Early Hellenistic Age // *CQ*. — 1992. — Vol. 42. — P. 365 — 383
 Reger G. The Date of the Battle of Kos // *AJAH*. — 1985 [1993]. — Vol. 10. — P. 155 — 177.
 Siewert P. Poseidon Hippios am Kolonos und die athenischen Hippeis // *Arktouros: Hellenic Studies Presented to Bernard M. W. Knox*. — 1979. — P. 280 — 289.
 Tarn W. W. Antigonos Gonatas. — Oxford, 1913.

- Vanderpool E., McCredie J. R., Steinberg A. Koroni, a Ptolemaic Camp on the East Coast of Attica // *Hesperia*. — 1962. — Vol. 31. — P. 26 — 61.
 Koroni. The Date of the Camp and the Pottery // *Hesperia*. — 1964. — Vol. 33. — P. 69 — 75.

Глава VI (262 — 229)

- Braun K. Der Dipylon. Brunnen B¹. Die Funde // *AM85*. — Vol. 197. — P. 129 — 269.
 Bugh G. R. The Horsemen of Athens. — Princeton, 1988.
 Buraselis K. Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden (Antigonos Monophthalmos, Demetrios Poliorketes und Antigonos Gonatas) im Ägäischen Meer und in Westkleinasien. — München, 1982.
 Dorandi T. Arrenide // *ZPE*. — 1990. — Vol. 81. — P. 36.
 Etienne R., Pierart M. Un décret du Koinon des Hellènes à Platées en l'honneur de Glaucon, fils d'Étéoclés, d'Athènes // *BCH*. — 1975. — Vol. 99. — P. 51 — 75.
 Henry A. S. Lyandros of Anaphlystos and the Decree for Phaidros of Sphettos // *Chiron*. — 1992. — Vol. 22. — P. 25 — 33.
 Kroll J. H. An Archive of the Athenian Cavalry // *Hesperia*. — 1977. — Vol. 46. — P. 83 — 140.
 Lewis D. M. The Archonship of Lysiares // *ZPE*. — 1985. — Vol. 58. — P. 271 — 274.
 Osborne M. J., The Chronology of Athens in the Mid Third Century B. C. // *ZPE*. — 1989. — Vol. 78. — P. 209 — 242.
 Pouilloux J. Antigonos Gonatas et Athènes après la guerre de Chrémonidès // *BCH*. — 1946. — Vol. 70. — P. 488 — 496.
 Roussel P. Un nouveau document relatif à la guerre démétrique // *BCH*. — 1930. — Vol. 54. — P. 268 — 282.
 Urban R. Wachstum und Krise des Achäischen Bundes? // *Quellenstudien zur Entwicklung des Bundes von 280 bis 222 v. Chr.* — Wiesbaden, 1979.

Глава VII (229 — 200)

- Badian E. Notes on Roman Policy in Illyria (230 — 201 B. C.) // *PBSR*. — 1952. — Vol. 20. — P. 72 — 93.
 Brulé P. La piraterie cretoise hellénistique. — Paris, 1978.
 Derow P. S. Pharos and Rome // *ZPE*. — 1991. — Vol. 88. — P. 261 — 270.
 Errington R. M., Philip V. Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // *Historia*. — 1967. — Vol. 16. — P. 19 — 36.
 Fine J. V. A. The Problem of Macedonian Holdings in Epirus and Thessaly in 221 B. C. // *TAPhA*. — 1932. — Vol. 63. — P. 126 — 155.
 Gruen E. S. The Hellenistic World and the Coming of Rome: In 2 vol. — Berkeley; Los Angeles, 1984.
 Gruen E. S. Studies in Greek Culture and Roman Policy. — New York, 1989.
 Harris W. V. War and Imperialism in Republican Rome 327 — 70 B. C. — Oxford, 1979.
 Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. — Paris, 1921.
 LeBohec S. Antigone Doson, roi de Macédoine. — Nancy, 1993.
 Migeotte L., L'aide béotienne à la libération d'Athènes en 229 a. C. // *Boiotika* /Hrsg. v. H. Beister u. a. — München, 1989. — P. 193 — 201.

- Oikonomides A. N. The Cult of Diogenes «Euergetes» in Ancient Athens // ZPE. — 1982. — Vol. 45. — P. 118 — 120.
- Rich J. W. Roman Aims in the First Macedonian War // Proceedings of the Cambridge Philological Society 210. — 1984. — Vol. 210. — P. 126 — 180.
- Robert L. Inscriptions hellénistiques de Dalmatie // Hellenica. — 1960. — Vol. 11 — 12. — P. 505 — 541.
- Thompson H. A. Athens Faces Adversity // Hesperia. — 1981. — Vol. 50. — P. 343 — 355.
- Tracy St. V. Attic Letter-Cutters of 229 to 86 B. C. — Berkeley, 1990.
- Walbank F. W. Philip V of Macedon. — Cambridge, 1940.
- Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius: In 3 vol. — Oxford, 1957 — 1979.

Глава VIII (200 — 167)

- Astin A. E. Cato the Censor. — Oxford, 1978.
- Ayrnard A. Les premiers rapports de Rome et de la Confédération achaienne (198 — 189 av. J.-C.). — Bordeaux, 1938.
- Bernhardt R. Imperium und Eleutheria. Die römische Politik gegenüber den freien Städten des griechischen Ostens / Diss... — Hamburg, 1971.
- Bousquet J. Le roi Persée et les Romains // BCH. — 1981. — Vol. 105. — P. 407—416.
- Daux G. Delphes au IIe et au Ier siècle, 191 — 31 av. J.-C. — Paris, 1936.
- Deininger J. Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217 — 86 v. Chr. — Berlin, 1971.
- Derow P. S. Rome, the Fall of Macedon and the Sack of Corinth // CAH². — 1989. — Vol. 8. — P. 290 — 323.
- Errington R. M. Rome Against Philip and Antiochus // CAH². — 1989. Vol. 8. — P. 244 — 289.
- Erskine A. The Romans as Common Benefactors // Historia. — 1994. — Vol. 43. — P. 70 — 87.
- Ferrary J.-L. Philhellenisme et impérialisme. Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique, de la seconde guerre de Macédoine à la guerre contre Mithridate. — Rome, 1988.
- Giovannini A. Roman Eastern Policy in the Late Republic // AJAH. — 1984 [1988]. — Vol. 9. — P. 33 — 42.
- Holleaux M. Les conférences de Lokride et la politique de T. Quintius Flaminius (198 av. J.-C.) // REG. — 1923. — Vol. 36. — P. 115 — 171. (Etudes 5, 29 — 79)
- Holleaux M. Notes sur Tite Live. 1. Les additions annalistiques au traité de 196 (33, 30,6 — 11) // RPh. — 1931. — Vol. 57. — P. 5 — 19. (Etudes 5, 104 — 120)
- Meloni P. Perseo e la fine della monarchia macedone. — Roma, 1953.
- Pantos P. A. Echedemos, the Second Attic Phoibos // Hesperia. — 1989. — Vol. 58. — P. 277 — 288.

Глава IX

- Andreae B. Il messaggio politico di gruppi scultorei ellenistici // Studi Ellenistici / Ed. B. Virgilio. — Pisa 1994. — Vol. 4. — P. 119 — 135.
- Andreae B. Laokoon und die Gründung Roms. — Mainz, 1988 (cp. R. R. R. Smith // Gnomon. — 1991. — Vol 63. — P. 351 — 358.
- Bugh G. R. The Theseia in Late Hellenistic Athens // ZPE. — 1990. — Vol. 83. — P. 20 — 37.

- Deubner L. Attische Feste. — Berlin, 1932.
- Edwards G. R. Panathenaics of Hellenistic and Roman Times // *Hesperia*. — 1957. — Vol. 26. — P. 320 — 349.
- Errington R. M. Philopoemen. — Oxford, 1969.
- Errington R. M. The Peace Treaty Between Miletus and Magnesia (I. Milet 148) // *Chiron*. — 1989. — Vol. 19. — P. 279 — 288.
- Giovannini A. Philipp V., Perseus und die delphische Amphiktyonie // *Ancient Macedonia I*. — Saloniki, 1970. — P. 147 — 154.
- Grace V. The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // *Hesperia*. — 1985. — Vol. 54. — P. 1 — 54.
- Habicht C. Athens and the Ptolemies // *CA*. — 1992. — Vol. 11. — P. 68 — 90.
- Habicht C. Athen und die Seleukiden // *Chiron*. — 1989. — Vol. 19. — P. 7 — 26.
- Habicht C. Athens and the Attalids in the Second Century B. C. // *Hesperia*. — 1990. — Vol. 59. — P. 561 — 577.
- Habicht C. The Role of Athens in the Reorganization of the Delphic Amphictiony // *Hesperia*. — 1987. — Vol. 56. — P. 59 — 71.
- Habicht C. The Seleucids and their Rivals // *CAH*². — 1989. — Vol 8. — P. 324 — 387.
- Habicht C. Royal Documents in Maccabees II // *HSCP*. — 1976. — Vol. 80. — P. 1 — 18.
- Habicht C. Zu den Münzmeistern der Silberprägung des Neuen Stils // *Chiron*. — 1991. — Vol. 21. — P. 1 — 23.
- Holleaux M. Un prétendu décret d'Antioche sur l'Oronte // *REG*. — 1900. Vol. 13. — P. 258 — 280. (*Etudes* 2,127–147)
- Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion. — 2 Aus. — Wiesbaden, 1979.
- Lewis D. M. The Chronology of the Athenian New Style Coinage // *NC*. — 1962. — Vol. 2. — P. 275 — 300.
- Mommsen A. Feste der Stadt Athen im Altertum. — Leipzig, 1898.
- Nikitsky A. Ἀναβασία, // *Hermes*. — 1903. — Vol. 38. — P. 406 — 413.
- Queyrel F. Art pergaménien, histoire, collections: Le Perse du Musée d'Aix et le petit ex-voto attalide // *RA*. — 1989. — P. 253 — 296.
- Rocchi G. Daverio, Frontiera e confini nella Grecia antica. — Roma, 1988.
- Schalles H.-J. Untersuchungen zur Kulturpolitik der pergamenischen Herrscher im dritten Jahrhundert vor Christus. — Tübingen, 1985.
- Simon E. Festivals of Attica. An Archaeological Commentary. — Madison, 1983.
- Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens: In 2 vol. — New York, 1961.
- Tracy St. V., Habicht C. New and Old Panathenaic Victor Lists // *Hesperia*. — 1991. — Vol. 60. — P. 187 — 236.
- Virgilio B. Gli Attalidi di Pergamo, fama, eredità, memoria // *Studi Ellenistici* / Ed. B. Virgilio. — Pisa, 1993. — Vol. 5.
- Wilhelm Ad. Urkunde aus dem Jahre des Archon Nikosthenes 164/3 v. Chr. // *SAWW*. — 1916. — P. 23 — 30.

Глава X

- Baslez M.-F., Vial C. La diplomatie de Délos dans le premier tiers du IIe s. // *BCH*. — 1987. — Vol. 111. — P. 281 — 312.
- Boussac M.-F. Sceaux déliens // *RA*. — 1988. — P. 307 — 340.
- Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale. — Paris, 1970.
- Bruneau Ph., Ducat J. Guide de Délos. — Paris, 1983.

- Chapouthier F. Le sanctuaire des dieux de Samothrace // Exploration archéologique de Délos. — 1935. — Vol. 16.
- Engelmann H. The Delian Aretalogy of Sarapis. — Leiden, 1975.
- Gross W.-H. Die Mithradates-Kapelle auf Delos, Antike und Abendland // Antike und Abendland. — 1954. — Vol. 4. — P. 105 — 117.
- Habicht C. Zu den Epimeleten von Delos 167 — 88 v. Chr. // Hermes. — 1991. — Vol. 119. — P. 194 — 216.
- Kreeb M. Zur Basis der Kleopatra auf Delos // Horos. — 1985. — Vol. 3. — P. 41 — 61.
- Laidlaw W. A. A History of Delos. — Oxford, 1933.
- Meyer H. Zur Chronologie des Poseidoniastenhauses in Delos // AM. — 1988. — Vol. 103. — P. 203 — 220.
- Müller H. Königin Stratonike, Töchter des Königs Ariarathes // Chiron. — 1991. — Vol. 21. — P. 393 — 424.
- Rauh N. K. The Sacred Bonds of Commerce. Religion, Economy, and Trade Society at Hellenistic Roman Delos. — Amsterdam, 1993.
- Robert L. Monnaies et textes grecs, II: Deux tétradrachmes de Mithridate V Euergete, roi du Pont // JS. — 1978. — P. 151 — 163 (OMS 7, 283–295)
- Roussel P. Délos, colonie Athénienne. — Paris, 1916. (reimp. augm., Paris 1987)
- Roussel P. Les cultes égyptiens à Délos du IIIe au I^e siècle av. J.-C. — Nancy, 1916.
- Vial C. Délos indépendante. — Paris, 1984.

ΓΛΑΦΑ ΧΙ

- Baronowski D. W. The Provincial Status of Mainland Greece after 146 B. C.: A Criticism of Erich Gruen's Views // Klio. — 1988. — Vol. 70. — P. 448 — 460.
- Bélis A. Les Hymnes à Apollon // Corpus des inscriptions de Delphes. — 1992. — Vol. 3.
- Boëthius A. Die Pythais. Studien zur Geschichte der Verbindungen zwischen Athen und Delphi. — Uppsala, 1918.
- France P. R. Die antiken Münzen von Epirus: In 2 Bd. — Wiesbaden, 1961.
- Roma e la filosofia greca dalle origini alla fine del II secolo a. C.: In 2 vol. / Hrsg. Garbarino G. — Torino, 1973.
- Kirchhoff A. Zur Geschichte der attischen Kleruchie auf Lenmos // Hermes. — 1866. — Vol. 1. — P. 217 — 228.
- Klaffenbach G. Zur Geschichte von Ost-Lokris // Klio. — 1925 — 26. — Vol. 20. — P. 68 — 88.
- Lehmann G. A. Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios. — Münster, 1967.
- Pöhlmann E. Griechische Musikfragmente. — Nürnberg, 1960.
- Pöhlmann E. Denkmäler altgriechischer Musik. — Nürnberg, 1970.
- van Effenterre H. La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. — Paris, 1948.

ΓΛΑΦΑ ΧΙΙ

- Audiat J. Le gymnase. // Exploration archéologique de Délos 28. — Paris, 1970.
- Candiloro E. Política e cultura in Atene da Pidna alla guerra mitridatica // Studi classici e orientali. — 1965. — Vol. 4. — P. 134 — 176.
- Daly L. W. Roman Study Abroad // AJPh. — 1950. — Vol. 71. — P. 40 — 58.
- Day J. An Economic History of Athens under Roman Domination. — New York, 1942.

- Doria L., Breglia Pulci, Per la storia di Atene alla fine del II sec. a. C. Il decreto sui pesi e misure, IG II² 1013, MEFRΑ // Antiquité. — 1985. — Vol. 97. — P. 411 — 430.
- Dow St. A Leader of the Anti-Roman Party in Athens in 88 B. C. // CP. — 1942. — Vol. 37. — P. 311 — 314.
- Giovannini A. Rome et la circulation monétaire en Grèce au IIe siècle avant Jésus-Christ. — Basel, 1978.
- Habicht C. Ehrung eines thessalischen Politikers in Athen // ZPE. — 1976. — Vol. 20. — P. 193 — 199.
- Herrmann P. Milesier am Seleukidenhof. Prosopographische Beiträge zur Geschichte Milets im 2. Jhdt. v. Chr. // Chiron. — 1987. — Vol. 17. — P. 171 — 192.
- Tracy St. V. IG II² 2336, Contributors of First Fruits for the Pythais. — Meisenheim, 1982.
- Tracy St. V. IG II² 937: Athens and the Seleucids // GRBS. — 1988. — Vol. 29. — P. 383 — 388.
- Tracy St. V. Inscriptiones Deliacae: IG XI 713 and IG XI 1056 // AM. — 1992. — Vol. 107. — P. 303 — 314.
- Vanderpool E. An Athenian Decree in Phocian Stiris // AAA. — 1971. — Vol. 4. — P. 439—443.
- Viedebant O. Der athenische Volksbeschluss über Maß und Gewicht // Hermes. — 1916. — Vol. 51. — P. 120 — 144.

Глава XIII

- Badian E. Rome, Athens and Mithridates // AJAH. — 1976. — Vol. 1. — P. 105 — 128.
- Barr-Sharrar B. The Hellenistic and Early Imperial Decorative Bust. — Mainz, 1987.
- Bernhardt R. Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149 — 31 v. Chr.). — Berlin, 1985.
- Boffo L. Grecità di frontiera: Chersonasos Taurica e i signori del Ponto Eusino (SIG³ 709) // Athenaeum. — 1989. — Vol. 67. — P. 211 — 259; 369 — 405.
- Bol P. C. Die Skulpturen des Schiffsfundes von Antikythera // AM-Ergänzungsheft. — 1972. — Vol. 2.
- Bugh R. Athenion and Aristion of Athens // Phoenix. — 1992. — Vol. 46. — P. 108 — 123.
- Desideri P. Posidonio e la guerra mitridatica // Athenaeum. — 1973. — Vol. 51. — P. 3 — 29; 237 — 269.
- Dontas G. La grande Artémis du Pirée: une oeuvre d'Euphranor // Antike Kunst. — 1982. — Vol. 25. — P. 15 — 34.
- Insula sacra. La loi Gabinia Calpurnia de Délos (58 av. J. C.) /Ed. Dumont J. C., Ferrari J. L., Moreau Ph. and Nicolet C. — Paris, 1980.
- Fuchs W. Der Schiffsfund von Mahdia im Musée Alaoui zu Tunis. — Tübingen, 1963.
- Geagan D. Roman Athens. Some Aspects of Life and Culture, I, 86 B. C.- A. D. 267 // ANRW. — Berlin 1979. — Vol. 36, p. 2. — P. 371 — 437.
- Glew D. G. Mithridates Eupator and Rome. A Study of the Background of the First Mithridatic War // Athenaeum, NS. — 1977. — Vol. 55. — P. 380 — 405.
- Gottschalk H. B. Aristotelian Philosophy in the Roman World; the Revival of Aristotelianism // ANRW. — Berlin 1987. — Vol. 36, p. 2. — P. 1083 — 1088.
- Habicht C. Zur Geschichte Athens in der Zeit Mithridates' VI // Chiron. — 1976. — Vol. 6. — P. 127 — 142.
- Hellenkemper-Salies G. Der antike Schiffsfund von Mahdia // BJb. — 1992. — Vol. 192. — P. 507 — 536.

- Hind J. G. F. Mithridates // CAH IX². — 1994. — P. 129 — 165.
- Hoepfner W. Das Pompeion und seine Nachfolgerbauten. — Berlin, 1976.
- Kapetanopoulos E. Salamis and Julius Nikanor//, 'Ελληνικά. — 1981. — Vol. 33. — P. 217 — 237.
- Kidd I. J. Posidonius, II The Commentary: In 2 vol. — Cambridge, 1988.
- Kleiner F. The Agora Excavations and Athenian Bronze Coins, 200 — 88 B. C. // Hesperia. — 1976. — Vol. 45. — P. 1 — 40.
- Kroll J. H. The Greek Coins. Athenian Bronze Coinage, 4th-1st Centuries B. C. // Agora. — Princeton, 1993. — Vol. 26.
- Malitz J. Die Historien des Poseidonios. — München, 1983.
- McGing B. C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. — Leiden, 1986.
- Pape M. Griechische Kunstwerke aus Kriegsbeute und ihre öffentliche Aufstellung in Rom: Von der Eroberung von Syrakus bis in augusteische Zeit / Diss... — Hamburg, 1975.
- Reinach Th. Mithridates Eupator, König von Pontos /Deut. Ausgabe von A. Goetz. — Leipzig, 1895.
- Rostovtzeff M., Ormerod H. A. Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // CAH. — 1932. — Vol. 9. — P. 211 — 260.
- Waurick G. Kunstraub der Römer, Untersuchungen zu seinen Anfängen anhand der Inschriften // JRGZ. — 1975 [1977]. — Vol 22. — P. 1 — 46.
- Weinberg G. D. Glass Vessels in Ancient Greece. — Athens, 1992.

ΓΛΑΦΑ XIV

- Geagan D. The Athenian Constitution after Sulla // Hesperia. — 1967. — Suppl. 12.
- Geagan D. A Family of Marathon and Social Mobility in Athens of the First Century B. C. // Phoenix. — 1992. — Vol. 46. — P. 29 — 44.
- Geagan D. Greek Inscriptions. A Law Code of the First Century B. C. // Hesperia. — 1971. — Vol. 40. — P. 101 — 108.
- Graindor P. Chronologie des archontes athéniens sous l'empire. — Brussel, 1922.
- Hoff M. C. Civil Disobedience and Unrest in Augustan Athens // Hesperia. — 1989. — Vol. 58. — P. 267 — 276.
- Migeotte L. L'emprunt public dans les cités grecques. — Quebec, 1984.
- Millar F. Cornelius Nepos, <Atticus> and the Roman Revolution // G&R. — 1988. — Vol. 35. — P. 40 — 55.
- Münzer F. Memmius // RE. — 1931. — Band 10. — Sp. 609 — 615.
- Perlwitz O. Titus Pomponius Atticus. — Stuttgart, 1992.
- Raubitschek A. E. Phaidros and his Roman Pupils // Hesperia. — 1949. — Vol. 18. — P. 96 — 103.
- Rawson E. Cicero and the Areopagus // Athenaeum. — 1985. — Vol. 73. — P. 44 — 67.
- Sarikakis Th. The Hoplite General in Athens / Diss. Princeton univ. — Princeton, 1951.
- Thompson H. A. The Impact of Roman Architects and Architecture on Athens: 170 B. C. — A. D. 170 // Roman Architecture in the Greek World: In 17 vol. / Ed. S. Macready and F. H. Thompson. — London, 1987.
- Touloumakos J. Der Einfluß Roms auf die Staatsform der griechischen Staaten des Festlandes und der Inseln im ersten und zweiten Jahrhundert v. Chr. / Diss. Göttingen. Univ. — Göttingen, 1977.
- von Freeden J. Οἰκία Κυρήστου. Studien zum sogenannten Turm der Winde in Athen. — Rom, 1983.

Глава XV

- Bowersock G. W. *Augustus and the Greek World*. — Oxford, 1965.
- Broneer O. Some Greek Inscriptions of Roman Date from Attica, I // *AJA*. — 1932. — Vol. 36. — P. 393 — 397.
- Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*: In 3 vol. — New York; Atlanta, 1951 — 1986.
- Errington R. M. *Aspects of Roman Acculturation in the East under the Republic* // *Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte, Festschrift K. Christ*. — Darmstadt, 1988. — P. 140 — 157.
- Gelzer M. *Caesar, der Politiker und Staatsmann*. — 6. Aus. — Wiesbaden, 1960.
- Graindor P. *Athènes sous Auguste*. — Brussel, 1927.
- Gruen E. *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B. C.* — Cambridge, 1968.
- Hatzfeld J. *Les trafiquants italiens dans l'Orient hellénique*. — Paris, 1919.
- Hölscher T. *Die Geschlagenen und Ausgelieferten in der Kunst des Hellenismus* // *Antike Kunst*. — 1985. — Vol. 28. — P. 120 — 136.
- Hoff M. C. *Augustus, Apollo, and Athens* // *MH*. — 1992. — Vol. 49. — P. 223 — 232
- Hoff M. C. *The so-called Agoranomion and the Imperial Cult in Julio- Claudian Athens* // *AA*. — 1994. — P. 93 — 117.
- le Roy Ch. *Richesse et exploitation en Laconie au Ier siècle av. J.-C.* // *Ktema*. — 1978. — Vol. 3. — P. 261 — 266.
- O'Brien-Moore A. M. *Tullius Cratippus, Priest of Rome, CIL III 399*, // *Yale Classical Studies* 8. — 1942. — P. 25 — 49.
- Oliver J. H. *The Descendants of Asinius Pollio* // *AJPh*. — 1947. — Vol. 68. — P. 147 — 160.
- Plutarch. *Life of Antony* / Ed. Pelling C. B. R. — Cambridge, 1988.
- Pecirka J. *The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions*. — Prag, 1966.
- Raubitschek A. E. *Brutus in Athens* // *Phoenix*. — 1957. — Vol. 11. — P. 1 — 11.
- Raubitschek A. E. *The Brutus Statue in Athens* // *Atti del terzo congresso internazionale di epigrafia Greca e Latina*. — 1959. — P. 15 — 21.
- Raubitschek A. E. *Epigraphical Notes on Julius Caesar* // *JRS*. — 1954. — Vol. 44. — P. 65 — 75.
- Raubitschek A. E. *Octavia's Deification at Athens* // *TAPhA*. — 1946. — Vol. 77. — P. 146 — 150.
- Reinmuth O. *IG II², 1006 and 1031* // *Hesperia*. — 1972. — Vol. 41. — P. 185 — 191.
- Shear Jr., T. L. *Athens: From City-state to Provincial Town* // *Hesperia*. — 1981. — Vol. 50. — P. 356 — 377.
- Syme R. *The Roman Revolution*. — Oxford, 1939.
- Wilson A. J. N. *Emigration from Italy in the Republican Age of Rome*. — Manchester, 1966.

Указатель географических названий и имен

Географический указатель

Абидос 46, 198
Авлида 79, 213
Азия 255, 294, 332
Айдепсос 306
Аканф 25
Акарнания, акарнаны 19, 177, 186, 196
Акте 23
Акий 357
Александрия 286
Амасия 224, 225, 293
Амбракия 208, 228, 229, 309
Амбрисс 272
Амис 300, 306
Аморгос 46
Амфисса 208, 225
Анайа 40
Андрос 70, 99, 160
Антигона (Мантиней) 226
Антигония в Сирии 84
Антикифера 304
Антиохия на Меандре 191
Антиохия на Оронте 84, 191, 220, 286
Аполлония в Эпире 188
Аптера 284
Арад 286
Аргос 136, 161, 163, 214, 264, 268
ардии 188
Аркадия 186
Арсиния в Киликии 181, 182
Арсиния на Пелопоннесе 230
Аспендос 181
Атамания 229
Атинтанья 188, 197
Афродисада 195
Ахайа, ахейцы 144, 160, 162, 177, 183, 185 сл., 226–228, 243–246, 262 сл., 332

Бейрут 256, 286
Беотия, беотийцы 43, 93 сл., 129 сл., 132, 177, 190, 199, 204, 226, 228
Боспор 294

Вавилон 49
Византий 18, 57, 68, 188, 198, 281
Вифиния 225

Гавгамелы 29
Газа 69
Гандарониси (остров Патрокла) 130 сл.
Галатия, галаты 214, 295
Галиарт 215, 284
Галикарнасс 129
Гекатомбайон 177
Гелиополь 146
Гефестия на Лемносе 216
Гипата 208
Гитейон 331
Граник 25

Дамаск 286
дарданцы 175
Делос 20, 68, 194, 202, 215, 243–260, 285, 299 сл., 305, 307, 333 сл., 351
Дельфы 27, 95 сл., 97, 127, 132–134, 208, 225, 271–276, 345
Деметриада 61, 92, 125, 143, 160, 199, 205, 211
Дион 186
Додона 27
долопы 51
Дорида 175

Иерусалим 279 сл.

- Икос 270, 353
Иллирия 182 сл., 187 сл.
Илион 194
Имброс 20, 74, 131, 194, 202, 216, 264
Ипс 84
Иссос 21, 26
- Калабрия** 230
Кария 176, 214, 251
Карфаген 271, 294
Карист 44, 69, 305, 343, 351
Кассандрия 88, 97
Кафин 144
Келендериды 281
кельты 127–134
Кеос 227, 353
Кефаления 209
Киликия 281
Кипр 88, 219
Кнос 33, 265
Колофон 74, 78, 237, 286
Колхида 294
Коринф 20, 70, 80, 88, 97, 125, 144, 146, 160–162, 164, 174, 183, 198 сл., 201, 254 сл., 265 сл., 271, 308, 346 сл.
Корони 145 сл.
Корфу 94, 229
Кос 68, 160, 248
Краннон 46
Крит 227, 303
Кизик 302
Киноскефалы 201
Киносура 233
Кирена 33
Киррос 330
Китнос 67, 282
Кифера 303
- Лабраунда** 176
Лаврион 240, 289, 296
Лакония 186
Ламия 45 сл.
Лаодикея на Лике 270
Лаодикея в Сирии 286
Лариса 92, 283
Лариса Кремаста 83
Лебадия 130, 213
Лемнос 19, 68, 74, 88, 131, 139, 194, 202 сл., 216 сл.
Ликия 214, 251
Лисимахия 135
Лисса 183, 188
- Литтос** 284
Локрида, локры 43, 177, 201, 266
- Магнезия**, п-ов 201, 206
Магнезия на Меандре 191, 226
Магнезия на Сипиле 207
Мантинея (Антигонея) 92, 144, 226
Марафон 233
Маратунт 286
Махдиа 304
Мегалополь 15, 28, 57, 110, 163, 176, 191, 226
Мегары 34, 70, 132, 163, 266, 345 сл.
Мессена 28, 89, 188, 228
Метана (Арсиноя) 230
Миласа 176
Милет 68, 74, 78, 191, 226 сл., 237, 334
Мира 281
Мирина на Лемносе 269
Митилена 188
молоссы 217
Мунихия 24, 47, 54, 58, 71, 79, 90 сл., 125, 139, 172
- Навпакт** 177, 187, 199
Нагидос 182
Нарфакцион 283
Никея 200
- Одессос** 224
Ойниады 41
Олимпия 27, 39, 228
Олинф 18
Ольвия 294
Олунт 284
Опунт 162
Ореос 68
Ороп 20, 30, 32 сл., 47 сл., 52, 69, 81, 130, 213, 233, 261–265, 268 сл., 351
Орхомен в Аркадии 144, 186
Орхомен в Беотии 302, 345
- Паги** 341
Палестина 195
Панак 24, 57, 130, 138, 153, 163
Парос 183, 248
Партины 188
Патрас 132, 226
Пафлагония 295
Пелла 52
Пеллена 28
Пеония 132

Пепаретос 270, 353
 Перребия 201
 Пидна 66, 213
 Пирей 23, 28 сл., 52 сл., 64, 71 сл., 88, 99 сл., 115, 117, 125 сл.
 Платей 155
 Понт 224, 293 сл.
 Приена 74, 237

Рамнунт 24, 89, 130, 138, 145, 150, 161, 163, 172, 177, 184, 314

Рям 182 сл.

Родос 11, 79, 80 сл., 189 сл., 195 сл., 226 сл., 270, 281, 294, 354

Росос 89

Саламин 19, 57, 79, 82, 89, 95, 131, 161, 162, 172, 233, 242, 265

Саламин на Кипре 80, 307 сл.

Самос 19, 26, 38—42, 47, 48, 53, 54, 64, 73, 104, 195, 270

Самофракия 213

Селласия 174, 186

Сида 281, 282

Сидон 89, 128, 286

Сиксион 28, 43, 47, 52, 55, 70, 161, 200, 214, 283, 323, 355

Синоп 92, 224, 294

Сиракузы 309

Сирия 195, 247, 333

Скарфея 272

Скиатос 270, 354

Скирос 19, 194, 202, 216, 217, 237

Смирна 332, 335

Спарта 19, 27, 92, 134, 136, 143, 144, 148, 185, 228, 268

Стирис 283

Стратоникея 312

Суннион 23, 130, 131, 138, 289

Сузы 38

Тенар 38, 42

Тенос 74, 330, 354

Теос 242

Тир 67, 89, 256, 286, 287

Трапезунт 295

Трипарадис 50, 56

Трезен 40, 163, 230

Тронион 272

Фарос в Далмации 183 сл.

Фарсал 345

Фаселида 282

Феника 194

Феры 52, 84, 201

Ферм 158, 176, 186, 190

Фермопилы 43, 45, 79, 84, 132, 133, 135, 207

Феспия 173, 190, 226, 284

Фессалия, фессалийцы 45, 46, 52, 62, 84, 92, 132, 175, 177, 186, 201, 205, 206, 209, 283, 353, 361

Фессалоники 343

Фивы 19, 22, 25 сл., 67, 71, 90, 94, 173, 201, 266, 346

Фигалия 144

Фила 23, 79, 130, 138, 153, 163

Филакия 164

Филиппы 351, 353

Финикия 247

Флигониион 272

Фокида, фокейцы 43, 48, 132 сл., 177, 201, 266, 283

Жалкида 44, 69, 74, 84, 97, 161, 198, 199, 205, 206, 211, 266 сл., 305, 362

Харадр 229

Херонея 14—18, 29, 30 сл., 45, 67, 303, 359 сл.

Херсонес (Крым) 224

Хиос 189

Эвбея 18, 19, 44, 69, 144, 161, 177, 198 сл., 261, 305, 307, 352

Эги (Вергина) 20, 66, 136

Эгина 40, 57, 89, 188, 193, 199, 222, 223, 347, 354

Эгион 189

Эдесса 97

Элевсин (Элевсиния) 23, 32, 64, 79, 89, 130, 138, 146, 148, 150, 153, 163, 198, 199, 202, 282, 301

Элида 144, 186, 188, 283

Эпидавр 163, 214, 230, 348

Эпир 20, 27, 33, 56, 96, 119, 135, 162, 177, 186, 198, 201, 207, 228, 236, 323, 353

Эретрия 69, 83, 144, 261, 269, 305

Этолия, этолийцы 43, 47, 50, 78, 94 сл., 127, 130 сл., 158, 162, 163, 175 сл., 183 сл., 200 сл., 225 сл.

Эфес 56, 74, 85, 89, 155, 182, 191

Цари и правители

Авдолеонт Пеонский 136
Агафокл Сиракузский 70, 94, 119
Агис III, царь Спарты 14, 27, 28, 34, 35, 43
Александр Великий 15, 20–42, 66, 73, 235
Александр IV 40, 49, 66, 69
Александр Эпирский 21, 27
Александр, сын Кассандра 92
Александр, сын Полиперхонта 54 сл., 66, 68
Александр, сын Пирра 146
Андриск 116, 266
Антигон I 49–84
Антигон Гонат 12, 60, 94, 99, 110, 117, 125–163, 165, 369, 371
Антигон Досон 110, 174
Антиох I 132, 146
Антиох III Великий 182, 195, 203 сл., 220, 293
Антиох IV Эпифан 220–223, 236, 249, 282
Антиох VII Сидет 241, 277 сл.
Антиох VIII 259
Антиох IX 259
Антипатр 15 сл., 28, 39, 44–53, 59, 66, 123
Антипатр Этесиас 135
Антипатр, сын Кассандра 92
Аполлониды 197
Архидам, царь Спарты 92
Арей I, царь Спарты 131, 134, 143–146
Ариарат IV 249, 279
Ариарат V 236, 318
Ариарат VII 259
Ариобарзан II 326, 329
Ариобарзан III 326
Аристоники 280 сл.
Арсиния II 143
Аттал I 181, 188 сл., 195–202, 216, 221 сл.
Аттал II 115, 120, 213, 222 сл., 236, 249, 266, 356
Аттал III 120
Афиней, царевич 213, 236

Барсина 69
Береника I 65
Береника II 180

Ганнибал 187 сл., 194

Геракл, сын Александра Великого 69
Гермей Атарнеец 44
Гieron II Сиракузский 115
Гиркан, этнаpx 277 – 280
Голосса, сын Масиниссы 250

Дарий III 21, 23, 29
Деидамия 85
Дейотар 326
Деметрий Полиоркет 69–99, 196, 355
Деметрий II 162–165, 172
Деметрий I Сирийский 220, 223, 249, 278 сл.
Деметрий II Сирийский 249, 277
Деметрий Фаросский 195

Ирод Великий 326

Кассандр 53–59, 66–89, 123
Клеомен III, царь Спарты 156, 174–177, 184–187
Клеопатра, дочь Филиппа 20, 27
Клеопатра II 219, 236
Клеопатра Теа 277, 278
Клеопатра VIII 355 сл.
Клит 46, 56 сл., 66
Кратер 45–50
Кратер Младший 160
Кратесиполида 70
Ксеркс 20, 21

Ланасса 94
Лаодика, супруга Антиоха III 220
Лаодика, сестра Фарнака 250
Лахар 86–92, 302
Леоннат 45, 46, 49
Лисимах 49 сл., 56, 67, 69, 80–87, 90, 92, 97, 99, 125–131, 136, 235

Масинисса, нумидиец 250
Мастанабал, нумидиец 235
Мелеагр, македонянин 135
Митридат II Парфянский 259
Митридат I Понтийский 293
Митридат II Понтийский 293
Митридат IV Понтийский 294
Митридат V Понтийский 250, 294
Митридат VI Эвпатор Понтийский 240–250, 259 сл., 293–309, 317, 326, 334

Набис, царь Спарты 11, 228
Никанор, брат Кассандра 66
Никанор, командир Кассандра 53 сл., 57–59
Никомед II Вифинский 250
Никомед III Вифинский, 295
Ниса, супруга Фарнака I 224, 250
Ниса, супруга Ариарата IV 279

Олимпиада 15, 27 сл., 33, 39, 56, 66
Офелл 70, 82

Пердикка 40, 46–50
Персей 11, 211–217
Пирр 85, 92–97, 126, 135 сл.
Плейстарх 79
Полемей, племянник Антигона I 69
Полиперхонт 40, 53–57, 66–70, 76, 79, 123
Прусий I 194, 225
Прусий II 115, 225, 250
Птолемей I 49 сл., 56, 65–69, 73, 80, 84, 88–90, 97 сл., 128, 136, 209
Птолемей II 65, 117, 128 сл., 143–147, 155, 235
Птолемей III 121, 137, 155, 173–182, 219
Птолемей IV 182, 188 сл., 195
Птолемей V 195, 218 сл.
Птолемей VI 182, 219, 230, 236, 248
Птолемей VIII 120, 259, 277
Птолемей IX 259, 277
Птолемей Керавн 65, 130, 133, 135

Рескупорид Фракийский 326
Роксана 49, 66, 69

Селевк I 50, 67 сл., 80, 84, 88, 90, 97, 125, 131
Селевк II 158
Селевк III 259
Селевк IV 220
Симон, этнарх 277
Спарток III Боспорский 136
Стратоника, супруга Селевка 89
Стратоника, супруга Эвмена II и Ат-тала 250

Тевта Иллирийская 183, 193
Тигран Армянский 295

Фарнак I 224 сл., 250, 294
Фессалоника, дочь Филиппа II 66, 92
Фила I 53, 82, 89, 95, 97
Фила II 166
Филетер, царевич 223, 236
Филипп II 15–22, 53
Филипп V 172, 175, 185–193, 203 сл., 216
Филипп Арридей 40, 49, 66
Филипп, сын Кассандра 89
Филокл Сидонец 128
Фтия 162, 175

Эвмен из Кардии 50, 56, 67, 94
Эвмен II 206, 214, 221–224, 236, 249, 356
Эвмен III, см. Аристоники
Эвридика, дочь Антипатра 65

Югурта Нумидийский 290

Афиняне

Автолик 34
Агатея из Проспальты 168
Агатиш, монетарий 296
Агафокл, монетарий 292
Адеймант из Икарии 284, 318
Акестиион 319 сл.
Алексион из Азении 209, 227, 229
Алексис, комедиограф 77 сл., 102
Алкивиад, архонт 107
Алкидам, монетарий 292
Амейниас, космет 148
Анаксикрат, архонт (307/306) 71
Анаксикрат, архонт (279/278) 133
Антипатр, архонт 147, 151

Антипатр из Флии 317
Антифил, полководец 45
Аполексис из Пирея 318, 321
Аполлодор, хронист 119–122, 151 сл., 265
Аполлодор, обвинитель 87
Аполлодор, агитатор 206
Аполлодор, арбитр 225
Архандр, стратег 161
Архедик, комедиограф 103
Архестрат из Амфитропы 167
Архитим из Сфетта 317, 322
Аристид из Ламитры 141, 144
Аристион, архонт 12

Аристийон, «тиран» 240–242, 267, 297–306, 315
 Аристогитон 73, 90, 242, 306, 312, 350
 Аристокл, гиерофант 198
 Аристомен из Ахарн 244
 Аристон из Фалера 105
 Аристоник из Марафона 30–32
 Аристотель, адмирал 67
 Аристофан, поэт 101, 103, 179
 Аркесилай, художник 116
 Арренид, архонт 151
 Асклепид, архонт 311
 Аттал, скульптор 86
 Афинион, «тиран» 242, 287, 296–300, 306, 315, 324
 Биотел из Перитойд 292
 Габрон из Баты 284
 Гагонида 54 сл., 58
 Гармодий 73, 90, 242, 312, 350
 Гармоксен 320
 Гегемах, архонт 88
 Гегемон 30, 52
 Гелианакт 259
 Гераклит, стратег 161
 Гераклит из Икарии 258, 289
 Герод из Марафона 317, 318, 320 сл., 327, 348, 349
 Гимерей из Фалера 59
 Гиперид, ритор 15 сл., 22, 27 сл., 40, 43–47
 Главкон из Эталид 137, 141, 144 155, 166
 Дейниас 32
 Демад из Пайании 15 сл., 22–28, 39 сл., 43–53
 Демайнет из Атмона 187
 Демеас, сын Демада 52 сл.
 Демеас 314 сл.
 Деметрий, монетарий 296
 Деметрий Фалерский 57–72, 75, 79, 113
 Деметрий Фалерский Младший 60, 94, 147, 151 сл.
 Деметрий, стратег 152
 Демокл, архонт 133
 Демон 43
 Демосфен, ритор 15 сл., 23, 28, 31–35, 39 сл., 43–48, 139 сл.
 Демохар, племянник Демосфена 59, 64,

74, 77, 93, 94 сл., 103, 127–130, 140
 Демохар из Азении 320, 322
 Деркиа, стратег 54
 Дикеарх, царский офицер 163
 Диоген, командир Деметрия II 164, 172, 178 сл., 233
 Диодор из Гал 288, 320
 Диокл из Кефисии 321, 320
 Диомедон, архонт 158
 Дионисий, архонт 228
 Дионисий из Анафлиста 106
 Дионисий из Коллита 113
 Дионисий из Торики 114, 116, 287
 Диоскурид из Мирринутты 258
 Диоскурид из Рамнунта 251
 Диотим 32
 Диотим, архонт 130
 Диотим из Гал 321 сл.
 Дромоклд, политик 90 сл., 94–96

Еврипид 36, 107

Зевксиад, скульптор 115
 Зоил, монетарий 292

Исиген, архонт 291
 Исократ, ритор 62, 275
 Ификрат Младший 23, 26

Каллий из Баты 17
 Каллий из Сфетта 93, 98 сл., 128 сл., 137, 140 сл., 147
 Каллимед, архонт 158
 Каллимедонт 44
 Каллипп, атлет 27
 Каллипп из Элевсина 116, 133 сл., 141, 144
 Каллифан из Филы 213
 Каллифонт 26
 Кефис[—], наварх 282
 Кефисодор 197, 200, 202
 Кефисодор из Гагнунта 282
 Кефисодот из Сибрид 115, 230
 Кефисофонт из Афидн 30 сл.
 Киберний из Галимунта 134
 Кидий из Галимунта 133 сл.
 Кимон, сын Мильтиада 237
 Кимон, архонт 99
 Кихесий из Айксоны 284
 Кихесий из Айксоны 138 сл.
 Клеомен, монетарий 292
 Комей, гиппарх 139, 141

Конон 31, 58
 Конон Младший 55
 Кратес, академик 109, 142
 Ксенокл из Ахарн 320
 Ксенокл из Рамнунга 317, 319
 Ксенокл из Сфетта 30, 32
 Ксенон из Мелиты 317, 318
 Ксенофан, на службе у Филиппа V
 188
 Ктесифонт из Анафлиста 35

Ламия, гетера 81–83
 Лахет, сын Демохара 93, 140
 Лайна, гетера 82 сл.
 Левкий из Перитойд 292
 Леократ 34
 Леокрит 98
 Леонид из Мелиты 317, 318, 349
 Леонт из Айксоны 206, 208
 Леонт из Айксоны 272, 284, 318
 Леонт из Айксоны 138
 Леонт, павший при Саламине 161
 Леонтий из Ахарн 319
 Леосфен, полководец 18, 41–45, 116
 Ликей, архонт 158
 Ликург, государственный деятель 15
 сл., 22–25, 29–37, 62, 64, 72
 Лимений, поэт и композитор 274
 Лисандр 28, 321
 Лисиад, архонт 270, 337
 Лисиад из Береникид 318, 321, 340
 Лисий, архонт 162
 Лисикл 208
 Лисикл из Гаргетта 227
 Лисикрат, хорег 32
 Лисипп, скульптор 36
 Лисистрата, жрица 167

Мания, гетера 82
 Медей из Пирея 242, 285, 296, 297,
 301, 311, 316, 318, 320
 Медей Младший 297, 301, 317
 Менандр, поэт 36, 72, 85, 101 сл., 107,
 141
 Менандр из Азении 320, 322
 Менедем 209
 Менекл, архонт 131, 145
 Менеклид из Кидатинеона 319
 Менодор, атлет 337
 Ментор, монетарий 312
 Метродор, художник и философ 214
 Микион, бронзолитейщик 115

Микион из Кефисии 172–191, 241, 284
 Микион, ареопагит 244
 Микион, возница-победитель 241
 Микион, монетарий 241
 Микион, ок. 140 г. в Дельфах 271 сл.
 Мильтиад из Лакиад 34
 Мильтиад из Марафона 284
 Миррина, гетера 82
 Мнесид, архонт 158
 Мнесидем, архонт 131
 Мнеситей из Кидатенеона 284
 Мосхион, монетарий 312

Никаядр, архонт 313
 Никерат из Кефалы 127
 Никерат, бронзолитейщик 115
 Никий 228
 Никий, архонт (296/295) 91
 Никий, архонт (266/265) 148
 Никий, архонт (124/123) 291
 Никий, архонт (10/9) 327
 Никоген из Филаид 284, 289
 Никодем, архонт 234
 Никокла, архонт 86
 Никон из Филаид 284
 Никострат 321

Олимпиодор 78, 79, 93 сл., 98, 127, 141
 Ольбиад, художник 117, 133
 Офелас из Баты 284

Павсаний из Мелиты 244
 Павсаний из Перитойд 292
 Пейтидем, архонт 131, 145
 Пирр, архонт 244
 Пирр из Ламитр 285
 Пифей 44
 Пифей из Алопеки 30, 33
 Пифодор 83, 291
 Платон, философ 18, 63, 107–110
 Плейстен, архонт 180, 270
 Плутарх из Фалера 337
 Полемон, академик 142
 Полихарм из Азении 317–321
 Полиевкт из Баты 167
 Полиевкт из Сфетта 28, 30
 Полиевкт, архонт 159
 Поликл, скульптор 114–116, 241
 Пракситель из Сибрид 113–116, 230

Сарапион из Мелиты 285, 316, 318
 Синдром из Стейрии 318

Селевк из Марафона 337
 Сократ, философ 36
 Софокл, поэт 36, 106 сл.
 Софокл, законодатель 77 сл., 108 сл.
 Софокл из Ахарн 319
 Стол, придворный Птолемея IX 259
 Стратокл из Диомей 72–86, 94, 103, 291
 Стратофонт из Сунниона 292

Теайнет из Айтилии 244
 Телесин, скульптор 115
 Теотим из Рамнунта 166
 Теофем из Кидасфинеона 158, 319, 321
 Тимархид, скульптор 114–116, 241, 287
 Тимокл, скульптор 114
 Тимокрита, жрица 166 сл.
 Тимострат из Фалера 105, 241
 Тимофей, стратег 58
 Тимохар из Сфетта 67, 98
 Тимохар из Сфетта Младший 155, 158
 Тихандр, архонт 224
 Тойнос 274
 Трасий из Гаргетта 227
 Трасон 155

Федр из Сфетта 91, 98, 99, 129, 137, 141, 154 сл., 157
 Федр, эпикуреец 314, 323 сл.
 Федрий, архонт 256
 Фемистокл из Гагнунта 319, 320, 321
 Фемистокл, монетарий 241
 Феофил из Гал 320 сл.
 Феофраст, стратег 187
 Феофраст из Гагнунта 319, 320
 Фидострата 166
 Филарх, историк 156
 Филархид, стратег 270
 Филемон 324
 Филиппид, обвиненный в 336 г. 22
 Филиппид из Кефалы 36, 82–85, 102 сл., 127, 137, 140
 Филиппид из Пэани 94

Филистид из Гагнунта 282, 319
 Филока, стратег 38
 Филократ, архонт 317
 Филоксенид из Гагнунта 282, 319
 Филон из Элевсина 64, 302
 Филон 77
 Филохор, аттидограф 117 сл., 142
 Фиромах, скульптор 115, 222
 Фокион, стратег 18 сл., 23, 43, 51–58
 Фокион из Мелиты 251
 Фокос 99
 Фрина 18

Жабрий, полководец 18
 Харий, полководец 87
 Хармид, эпимелет Делоса 252
 Хремониид из Эталид 137, 139, 141, 143–149, 155, 166

Эвандр, монетарий 192
 Эвбул, архонт 155
 Эвбул, скульптор 114 сл.
 Эвбулад, скульптор 114 сл.
 Эветион, адмирал 46
 Эвклеий из Марафона 320 сл., 327
 Эвкрат, законодатель 21 сл., 36, 43
 Эвктемон, архонт 86
 Эвмах, архонт 120
 Эвполид, комедиограф 102
 Эвриклид из Кефсии 137, 154, 158, 162, 172–191, 241, 284, 317
 Эвриклид, монетарий 179, 241
 Эвтидика, супруга Офелла 70, 82
 Эвхейр, скульптор 114
 Эпиген из Мелиты 317
 Эпикрат из Левконой 317, 318, 349
 Эпикрат из Паллены 19, 30 сл.
 Эпикур, философ 48, 78, 89, 101, 107 сл., 126, 140, 142
 Эпихар из Рамнунта 130, 138, 145, 148, 149
 Эсхил, поэт 36, 89, 107
 Эсхин, ритор 16, 27
 Эхедем из Кидатен 208 сл., 284

Греки, македонцы и другие

Агатострат с Родоса 155
 Агафокл с Самоса 195
 Агафоклия 219
 Агафон, брат Асандра 68
 Аглай с Коса 248

Адеймант из Лампсака 83
 Алексамен, этолиец 204
 Александр, этолиец 205
 Александр, фессалиец 228
 Андроник из Кирроса 329 сл.

- Антенор из Милета 227
 Антилеонт из Халкиды 37
 Антиох из Аскалона 324, 328
 Антисфен из Пафоса 277
 Апеллес, македонец 186 сл.
 Аппеликон с Теоса 241 сл., 299 сл., 308
 Аполлодор, эпикурец 265
 Аполлонид, приближенный Атгала 249, 250
 Аполлоний из Мемфиса 251 сл.
 Аполлоний Младший из Мемфиса 252
 Аполлоний с Родоса 121
 Аполлоний из Милета 278
 Аппиан, историк 309 сл.
 Арат из Сикиона 161–163, 172 сл., 186
 Архелай, полководец 300–305
 Аристарх, знаток Гомера 120
 Аристоммах из Аргоса 160
 Аристомен из Ализии 195
 Аристон из Аскалона 328
 Аристотель, философ 36, 44, 59, 62 сл., 78, 107 сл.
 Аркесилай из Питаны 109 сл., 160
 Арридей, сатрап 56
 Арридей, приближенный Антиоха IV 221
 Артемидор из Перинфа 126
 Асандр, сатрап 67 сл., 75
 Асконд из Фив 177
 Аттал, полководец Филиппа II 20, 22
 Афинодор, пират 334
 Аэт из Аспенда 181
- Балакр** 53
 Битис, приближенный Лисимаха 127, 158
 Битис, генерал Деметрия II 164
 Болгий 132
 Брахиалл из Фив 204
 Бренн 133
 Букрис, этолиец 163
 Бурих, приближенный Деметрия Полиоркета 83
- Ганнибал** 187 сл., 194
 Гарпал, казначей 16, 18, 37–40
 Гегесандр, писатель 252 сл.
 Гелиодор из Тира 287
 Гераклид, командир в Мунихии 125
 Гераклид, писатель 169–171
- Гермифант из Милета 227
 Геродор из Лампсака 86, 90
 Гиерокл, командир в Пирее 160
 Гиерон из Айтейры 262 сл.
 Гиероним из Кардии 94, 129, 133
 Гикесий из Эфеса 223
 Главкет, пират 67
 Горг из Иасоса 38
- Деметрий** из Фароса 183, 193
 Деметрий, жрец Сараписа 248
 Деметрий Младший, жрец Сараписа 252 сл.
 Диес из Тира 287
 Диес Младший из Тира 287
 Динарх из Коринфа 40, 53, 72, 93
 Диоген из Вавилона (Селевкии) 109, 120, 262
 Диодор, историк 47
 Диодор, приближенный Эвмена II 223
 Диодор из Синопы 36, 92
 Дион из Прусы 307
 Дионисий, командир в Пирее 67
 Диоскурид 68
 Дифил из Синопы 107
 Диэй из Мегалополя 269
 Доким 68
 Дурис с Самоса 64, 94 сл.
- Евсевий** из Кесарии 151
 Езекиил 106
- Зевксид** из Гераклеи, художник 308
 Зевксо из Кирены 219
 [З]енодор: см. [М]енодор
 Зенодот, стоик 286
 Зенон из Китиона, стоик 107 сл., 142, 151, 155 сл.
 Зенон, офицер Птолемея I 128
- Иолл**, брат Кассандра 66
- Калликрат**, ахеец 214, 228, 263 сл., 268
 Карнеад из Кирены, академик 109 сл., 111, 262 сл., 271, 290
 Кастор 177
 Клеанф из Ассоса, стоик 177
 Клейтомах (Гасдрубал) из Карфагена 271
 Клеомедонт, приближенный Филиппа V 200

Крантор из Сол, академик 142
Кратипп из Пергама 348, 351
Критолай из Фаселиды 109, 262
Ксенократ из Халкедона 46, 48, 109 сл.

Лакид из Кирены 110
Лякон из Александрии Тродаской 111, 162
Ликорт, ахеец 214
Лисандр из Спарты 73
Лихас из Милета 191, 227

Макист, поэт 252
Мегалей, македонец 187
Медей из Ларисы 68, 80 сл.
Меланипп, строитель 329
Мелеагр из Милета 278
Меналкид из Спарты 263, 268
Менандр, врач 222
Менестей из Милета 278
Менипп из Колофона 286
[М]енодор, приближенный Антиоха VII 278
Менон из Фарсала 46
Менохар, министр Деметрия I 249
Метродор из Лампсака 126, 142
Митрес, казначей Лисимаха 126

Навсиник из Сеста 41
Неон из Фив 177, 204
Неон Младший из Фив 204
Никанор, приемный сын Аристотеля 39
Никанор, генерал Филиппа V 197
Никола, тиран Сикиона 160
Никострат из Ларисы 209

Окситемид из Ларисы 83

Павсаний из Дамаска 120
Павсаний Периегет 133 сл., 262 сл., 266, 303, 306, 320
Павсимах, приближенный Эвмена II 223
Панайтий с Родоса 120, 286
Пантавх, генерал 96
Парменион, генерал 20
Патрокл, стратег 130, 145—147
Патрон, эпикуреец 299
Патрон из Тира 256
Персей из Китиона 178

Плутарх 81
Полибий, историк 12, 65, 103, 119, 156, 173—175, 245, 261 сл.
Поликрат из Аргоса 189, 219
Поликратей 219
Посидипп, комедиограф 102
Посидоний из Апамен 293, 296 сл., 326
Притай из Кариста 109 сл., 176
Птолемей, сын Трасея 182

Сосибий из Александрии 189
Состен, македонец 135
Сострат с Книды 99
Стефан, ахеец 245
Стильпон из Мегар 62
Страбон из Амасии 254 сл.
Стратон из Лампсака 111, 142
Стромбих 98, 148

Теомнест, академик 351
Теофил из Пергама 222
Тимей из Тавромения 103, 118 сл., 142
Тираннион из Амиса 309
Тлеподем из Ксанфа 195
Трасей из Аспенда 181 сл.

Феарид из Мегалополя 245
Феодор «безбожник» 62
Феофраст из Эреса 59—63, 77 сл., 93, 110 сл., 122—124, 141
Феспид, эпикуреец 265
Филемон из Сол 102, 107, 142
Филодем из Гадары 121 сл., 151
Филокл, генерал 198 сл.
Филон из Ларисы 112, 298, 313
Филонид из Лаодикеи 110, 286
Филоксен, македонец 39
Фильтес из Кизика 223
Флегон из Тралл 334

Хариксен, этолиец 157
Хрисерм из Александрии 248
Хрисипп из Сол, стоик 110

Эвандрид из Милета 227
Эвклид, архонт в Дельфах 275
Эвмарид из Кидонии 161
Эвподем 79
Эвтимид из Халкиды 206
Эвфрон из Сикиона 47, 51, 55
Эйрена, жрица 219
Эратосфен из Кирены 120 сл.

Римляне

Г. Аврелий Котта 313, 341
 Д. Авфидий 339
 М. Аквиллий 294
 Т. Альбуций 290, 339, 342
 Л. Аниций Галл 217
 Г. Антистий Бет 351
 Г. Антоний 352
 Л. Антоний 353
 М. Антоний (проконсул 102 г.) 281 сл.
 М. Антоний Аристократ 353
 М. Антоний Критский 282, 331
 М. Антоний, триумvir 224, 313 сл., 350–357
 М. Аннулей (квестор 43 г.) 351
 Л. Аптулей Сатурнин 290
 Г. Азиний Квадрат 302
 М. Ацилий Глабрион 206 сл., 209

М. Брут 312, 313, 343, 349–352

Валерий Антиас, историк 194
 М. Валерий Мессала Корвин 349
 Г. Валерий Триарий 334
 П. Ватиний 352
 Г. Веллей Патеркул, историк 309
 Г. Веррес 325
 М. Вилсаний Агриппа 356

А. Габиний (квестор 102 г.) 281
 А. Габиний (консул 58 г.) 307, 332 сл.
 Германик Цезарь 210
 Кв. Гораций Флакк 349
 Кв. Гортензий (проконсул Македонии) 351
 Н. Граноний 345

Л. Кальпурний 200
 Л. Кальпурний Бибул 349
 Л. Кальпурний Пизон (консул 58 г.) 307, 332 сл.
 Г. Кассий 312, 343, 350–352
 Г. Кассий Парменсис 356 сл.
 Т. Квинций Фламинин 201 сл.
 М. Клавдий Марцелл 347–349
 Аппий Клавдий Пульхер 326 сл., 343
 П. Клодий 332 сл..
 Г. Коккей Бальб 353
 Л. Корнелий Бальб 339 сл.
 П. Корнелий Блазион 229, 253
 П. Корнелий Долабелла 331 сл.

Корнелий Непот 322
 Л. Корнелий Сципион 207
 П. Корнелий Сципион Африканский 207
 П. Корнелий Сципион Эмилиан 213, 215
 Л. Корнелий Сисенна 275
 Л. Корнелий Сулла 112, 300–311, 315, 343
 Г. Косконий 343
 Д. Коссутий 221

Г. Лелий (консул 140 г.) 269, 289
 Ливий, историк 204
 Ливия 357
 Л. Лициний Красс 291
 Л. Лициний Лукулл 306, 334, 343
 Лукан, поэт 344
 Т. Лукреций, поэт 329
 Г. Луцилий, поэт-сатирик 290
 Луцилий Гирр 281

Магий Цилон 347
 Манлий Ащидин 349
 А. Манлий Торкват 342, 349
 Т. Манлий Торкват 335
 Гн. Манлий Вульсон 222
 Л. Марций Цензорин 353
 Кв. Марций Филипп 214
 Л. Марцилий 331
 Г. Меммий 328 сл., 333, 341 сл.
 М. Минаций, банкир 257
 Л. Муммий 266, 273
 Л. Мунаций Планк 353
 Кв. Муций Сцевола (проконсул Азии 120 г.) 290

Октавиан (Август) 314, 327, 350–357
 Октавия 354 сл.
 Л. Орбий 299
 Оросий, историк 289
 Г. Офеллий Фер 216, 287
 П. Офрий 339

М. Пизон 324
 Секст Помпей (проконсул Македонии) 291, 342
 Гн. Помпей (проконсул Македонии) 291, 343
 Гн. Помпей Великий 326 сл., 335, 344 сл.

- Т. Помпоний (Аттик) 121 сл., 265,
284, 290, 322 сл., 328, 339
М. Порций Катон 206, 263
Л. Постумий Альбин 183
- Л. Семпроний Атриатин 353
Семпрония 353
Л. Септий 338
П. Сервилий Ватия 282
Г. Скрибоний Курион 302
Г. Сталлий 329
М. Сталлий 329
Сулла: см. Корнелий
П. Сульпиций Гальба 188, 198, 216
Сер. Сульпиций Руф 342, 346 сл.
- М. Теренций Варрон Лукулл 343
Г. Требоний 351
Кв. Туллий Цицерон 324
Л. Туллий Цицерон 324
М. Туллий Цицерон 59, 112, 121 сл.,
265, 284, 313 сл., 322 сл., 327 сл., 339
сл., 342, 346, 348 сл., 352
- М. Туллий Цицерон Младший 318,
319, 346, 348 сл., 352
Туллия, дочь Цицерона 346
- Кв. Фуфий Кален 345 сл.
Фульвия 353 сл.
М. Фульвий Нобилиор 208, 229
- Кв. Цецилий Метелл Македонский
116, 267
Кв. Цецилий Метелл Нумидийский 290
Цицерон, см. Туллий
- М. Эмилий Лепид (цензор 179 г.) 115
М. Эмилий Лепид (проквестор 179 г.)
335
Л. Эмилий Павел 213—217
Л. Эмилий Регилл 207
Кв. Энний, поэт 19
- Г. Юлий Цезарь 314, 326, 335, 343—
350
Юлий Никанор 307 сл.

Содержание

От переводчика (Ю. Г. Виноградов)	5
Предисловие	7
Введение	9
I. С подветренной стороны македонской экспансии (338 — 323 гг.)	14
1. Ведущие политики 14. — 2. Мир под угрозой 18. — 3. Эпоха Ликурга 29. — 4. Кризис 37.	
II. Под чужеземным владычеством (323 — 307 гг.)	43
1. Эллинская война 43. — 2. Беспокойные послевоенные годы 49. — 3. Деметрий Фалерский 58.	
III. Между свободой и несвободой (307 — 287 гг.)	72
1. Полусвободная демократия 72. — 2. Тирания 85. — 3. Царь Деметрий 90.	
IV. Культура в общественной жизни города	100
1. Драма 101. — 2. Философские школы 107. — 3. Изобразительные искусства 113. — 4. Проза: историография, «Характеры» Феопфраста 117.	
V. Независимый город (287 — 262 гг.)	125
1. В кольце держав 125. — 2. Из жизни города 136. — 3. Хремонидова война 143.	
VI. Повторная утрата независимости (262 — 229 гг.)	150
1. Под властью царского эмиссара 150. — 2. Сателлит Македонии 156. — 3. Государственная религия и правящий дом 165. — 4. Эллинистические Афины глазами современника 169.	
VII. Свобода и нейтралитет (229 — 200 гг.)	172
1. Ненадежная свобода 172. — 2. Двадцатые годы 177. — 3. Афины как нейтральная держава 184.	
VIII. На стороне Рима (200 — 167 гг.)	193
1. Против Филиппа 193. — 2. Против Антиоха 202. — 3. Против Персея 211.	
IX. Времена мира (до и после 167 г.)	218

1. Общение с царями 218. — 2. Сношения со свободными государствами 225. — 3. Внутренние отношения 230.	
X. Афинский Делос	243
1. Клерухия 243. — 2. Ограничение афинского господства 251. — 3. Международный торговый рынок 255.	
XI. Римская гегемония	261
1. Афины и Ороп 261. — 2. Утверждение Рима на Балканах 266. — 3. Афины и Дельфы 271.	
XII. На исходе II века	277
1. Внешние связи 277. — 2. Внутренние отношения 284.	
XIII. Афины и Митридат	293
1. Разрыв с Римом 293. — 2. Война и ее последствия 299.	
XIV. После войны	310
1. Государственное устройство 310. — 2. Правящее общество 316. — 3. Трудное начало 322.	
XV. Верноподданничество	332
1. Плебисцит Клодия 332. — 2. Римляне в Афинах 337. — 3. В гуще гражданских войн 344.	
Эпилог	359

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>И. С. Свенциук</i> . Открытие эллинистических Афин	365
Словарь терминов и имен	373
Генеалогические древа правителей	378
Карты	384
Список сокращений	386
Литература	388
Указатель географических названий и имен	403

Х. Хабихт

Афины. История города в эллинистическую эпоху / Перев. с нем. Ю. Г. Виноградова. — М.: Ладомир, 1999. — 416 с.

ISBN 5-86218-339-6

В 338 году до Р. Х. в битве при Херонее Афины потерпели поражение от македонского владыки Филиппа II и его сына Александра, прозванного позже Великим. Однако это событие не стало концом Афинской истории. В наступившую вслед за тем эпоху эллинизма Афины оставались значительным фактором в новосозданном силовом поле держав. С тонким дипломатическим чутьем афинские государственные мужи старались сохранить среди постоянно менявшихся политических и военных коалиций как можно большую степень независимости своего отечества. Окончательное поражение потерпели Афины только в 58 г. до Р. Х., когда суверенный город был формально превращен Римом в своего подданного. Тем не менее, как и в предшествующие столетия, Афины оставались духовным и культурным центром Средиземноморского мира.

Христиан Хабихт — международно признанный историк, профессор Institute for Advanced Study в Принстоне, дает в этой книге давно ожидавшееся, всеобъемлющее изложение истории Афин в эллинизме.

Научное издание

Христиан Хабихт

Афины

**История города
в эллинистическую эпоху**

Редактор *С. Г. Литвинова*

Художественный редактор *Е. В. Гаврилин*

Технический редактор *М. А. Страшнова*

Корректор *Г. Н. Володина*

Компьютерная верстка *О. Н. Бойко, Н. Ю. Осипова*

ЛР № 064340 от 05.12.95 г.

ГЗ № 77.ФЗ.8.953.П.135.1.99 от 05.01.99 г.

Сдано в набор 17.08.98. Подписано в печать 15.01.99.

Формат 60х90¹/₁₆. Гарнитура «Баскервиль».

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 26,00. Тираж 2000. Заказ № 3977

Научно-издательский центр «Ладомир»

при содействии ООО «ВРС»

103617, Москва, К-617, корп. 1435

Отпечатано с оригинал-макета

в ПФ «Красный пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16